Весь

КЛАРК

ПЕСКИ МАРСА

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION

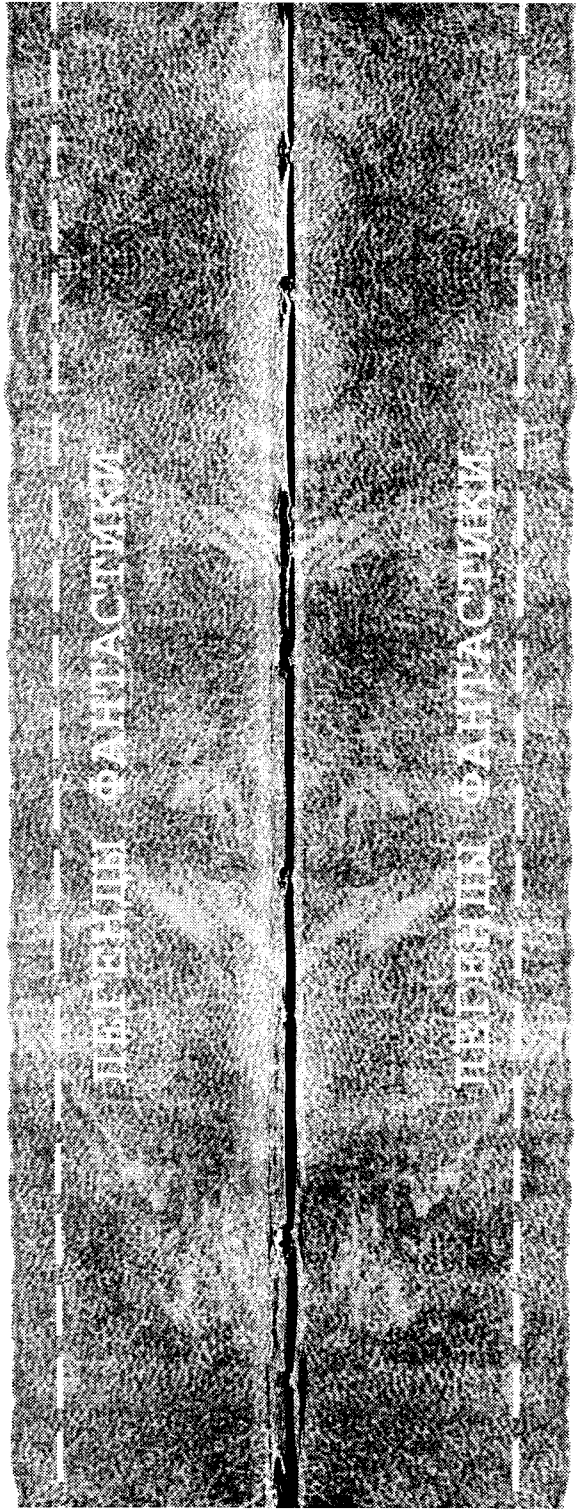
Весь

КЛАРК

Весь

КЛАРК

ПЕСКИ МАРСА



Артур

КЛАРК

ПЕСКИ МАРСА

ЭКСМО
Москва
Домино
Санкт-Петербург
2009

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
К 47

Arthur C. Clarke

THE SANDS OF MARS
Copyright © 1951 by Arthur C. Clarke

PRELUDE TO SPACE
Copyright © 1951 by Arthur C. Clarke

ISLANDS IN THE SKY
Copyright © 1952 by Arthur C. Clarke

CHILDHOOD'S END
Copyright © 1953 by Arthur C. Clarke

This edition published by arrangement with David Higham Associates Ltd and Synopsis Literary Agency

Составитель *А. Жикаренцев*

Оформление художника *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Кларк А.

К 47 Пески Марса : фантастические произведения : [пер. с англ.] / Артур Кларк. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2009. — 688 с. — (Весь Кларк).

ISBN 978-5-699-38932-2

Сэр Артур Чарльз Кларк, знаменитый английский ученый, писатель, футуролог и изобретатель, заслуженно считается основателем «твердого» направления в научной фантастике. Многие из его романов были удостоены престижных литературных премий, а сам автор — рыцарского звания от королевы Елизаветы.

Сборник «Пески Марса» состоит из четырех романов. В «Прелюдии к космосу» (публикуется на русском языке впервые) еще за шесть лет до запуска «Спутника» были достоверно описаны создание первого космического корабля и его полет. Второй роман, заглавный, — о том, как исполняется мечта человечества возвратить жизнь соседней планете. «Острова в небе» (впервые публикуется в *полном переводе) — одна из ранних и наименее известных работ* писателя, о юном астронавте, познающем полный загадок и тайн космос. «Конец детства» рассказывает о том, как пришельцы преградили землянам путь к освоению космоса.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-699-38932-2

© Перевод. Н. Галь, К. Плешков, Н. Сосновская, Н. Трауберг, 2009
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2009

ПРЕЛЮДИЯ К КОСМОСУ

Посвящается Вэлу и Вернеру, которые занимаются теми вещами, о которых я всего лишь пишу

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Прямая, как стрела, лежала в пустыне сверкающая металлическая дорога. Вернее, не дорога, а взлетная полоса длиною в восемь километров. Она была нацелена на северо-восток, в направлении безжизненной центральной части континента, за которой простирался океан. Над этой землей, бывшей родиной аборигенов, постоянно с ревом проносились странные объекты. А самые странные и огромные из них сейчас лежали в начале взлетной полосы, откуда им вскоре предстояло взмыть в небо.

В долине между невысокими холмами в свое время вырос городок. Построили его с единственной целью — жители должны были обслуживать электростанцию и топливную базу, расположенные в конце взлетной полосы. В последние три года в городок стали прибывать ученые и инженеры со всего света — здесь шла сборка «Прометея», первого в истории человечества звездолета.

Легендарный Прометей принес с небес на землю огонь. «Прометей» двадцатого века должен был вернуть атомное пламя обратно, в обитель богов, и доказать, что Человек освободился от цепей, миллион лет приковывавших его к родной планете.

Похоже, никто не знал, кто именно дал кораблю это имя. И на самом-то деле это был не один корабль, он состоял из двух отдельных компонентов. Не мудрствуя лукаво, разра-

© Перевод Н. Сосновской.

ботчики окрестили их «Альфа» и «Бета». Только верхний компонент, «Альфа», являлся ракетой в чистом виде. Компонент «Бета» полностью именовался так: «сверхзвуковой стратосферный реактор», но большинство людей обычно называли его атомным тараном, так было проще и выразительнее.

Казалось бы, куда там летающим бомбам Второй мировой войны до двухсоттонной «Беты», способной рассекать атмосферу со скоростью несколько тысяч километров в час. Между тем принцип действия у них был одинаковый — применение движения вперед для создания необходимой компрессии для реактивного двигателя. Отличие заключалось лишь в топливе. В примитивных ракетах сгорал бензин, а в «Бете» — плутоний, и дальность ее полета была практически не ограничена. Ее воздухозаборные устройства собирали и сжимали разреженный газ в верхних слоях атмосферы, а раскаленная добела горелка атомного двигателя выбрасывала этот сжатый воздух из сопл. Когда воздух становился слишком разреженным, «Бета» отправляла к двигателю метан из топливных баков и становилась ракетой в чистом виде.

«Бета» была способна покинуть атмосферу, но не могла окончательно проститься с Землей. Ее задача носила двойной характер. Сначала ей нужно было доставить топливные баки на околоземную орбиту, где они затем кружили наподобие маленьких лун до тех пор, пока в них не возникала надобность. Лишь после этого «Бета» могла поднять «Альфу» в космос. Затем «Альфа», имеющая более скромные размеры, должна была заправиться топливом из баков, ожидающих ее на орбите. Включив двигатели и покинув орбиту Земли, она устремилась бы к Луне, а «Бета», терпеливо кружа по орбите, ожидала бы ее возвращения. К концу странствия в восемьсот тысяч километров у «Альфы» едва хватило бы топлива для того, чтобы выйти на параллельную орбиту. Затем экипаж и оборудование следовало переправить на «Бету», у которой топлива было достаточно, чтобы благополучно вернуться на Землю.

Этот сложный план, даже при использовании атомной энергии, был пока единственным способом осуществления

полета к Луне и обратно на звездолете весом в несколько тысяч тонн. Кроме того, у этого плана имелся ряд преимуществ. «Альфу» и «Бету» можно было запрограммировать так, чтобы они выполняли собственные, автономные задания, причем с такой эффективностью, какой нельзя добиться от единичного многофункционального корабля. Ведь в одном корабле невозможно совместить способность к полету через атмосферу Земли и посадке на безвоздушную Луну.

Когда все подготовят для следующего путешествия, «Альфа» будет по-прежнему кружить на околоземной орбите, ее снова заправят в космосе и используют для нового полета. Предполагалось, что со временем сконструируют новые, более мощные двигатели, а впоследствии, когда на Луне возникнет колония, там появятся заправочные станции. После этого космические полеты станут коммерчески выгодными. Правда, произойдет это не раньше чем через полвека.

А пока «Прометей», то есть «Альфа» и «Бета», лежал на взлетной полосе, поблескивая под австралийским солнцем, и над ним колдовали инженеры и техники. Они заканчивали работу, проводили последние отладки оборудования. Судьбоносное мгновение приближалось. Через несколько недель, если все пойдет хорошо, «Прометею» суждено было унести надежды и страхи человечества в одинокие бездны небес.

1

Дирк Алексон отложил книгу и поднялся по короткой лестнице на обзорную палубу. Еще было слишком рано, он знал, что не увидит землю, но, поскольку полет близился к завершению, он волновался и не мог сосредоточиться. Он подошел к узким, немного изогнутым окнам, расположенным в передней кромке огромного крыла, и устремил взгляд на безбрежные просторы океана.

Смотреть, по большому счету, было не на что: с такой высоты были не видны даже самые могучие шторма Атлан-

тики. Дирк некоторое время постоял, глядя на серые просторы под крылом, и перешел к экрану пассажирского радара.

Светящаяся полоска на экране начала вырисовывать первое робкое эхо на границе радиуса действия радара. В шестнадцати километрах внизу и трехстах километрах впереди лежала земля — земля, которую Дирк никогда не видел, хотя в мыслях она для него порой была более реальна, чем страна, в которой он родился. С этих, пока невидимых берегов более четырех столетий назад его предки отправились в Новый Свет в поисках свободы или богатства. И вот теперь он возвращался. Меньше чем за три часа он пересек расстояние, которое его предки с трудом преодолели за много мучительных недель. К тому же его ожидала миссия, которую его предки не могли представить даже в самых дерзких мечтах.

Светящийся образ Края Света сдвинулся на середину экрана радара, прежде чем Дирк наконец увидел береговую линию — темное пятно, почти целиком затянутое туманом на горизонте. Он не почувствовал изменения направления, но знал, что в данный момент лайнер начал плавный спуск к лондонскому аэропорту, до которого еще шестьсот с лишним километров. Через несколько минут он вновь услышит едва различимый, но бесконечно успокаивающий рокот могучих реактивных моторов. Воздух, окружавший лайнер, становился плотнее. Дирк с нетерпением ждал этой музыки двигателей.

Серой дымкой за кормой промелькнул Корнуолл — так быстро, что Дирк не успел разглядеть деталей. Казалось, где-то за этими суровыми скалами король Марк до сих ждет, затаясь, прибытия корабля, на борту которого плывет Изольда, а где-то среди холмов Мерлин все еще говорит с ветрами и размышляет о своей печальной судьбе. С такой высоты эта земля выглядела точно так же, как в те времена, когда каменщики положили последний камень в стену замка Тинтагель*.

* Замок Тинтагель (Тинтажель) — руины в графстве Корнуолл, Великобритания. Замок известен с XIII в. Его традиционно связывают с легендами о короле Артуре. Здесь также разворачивается действие с участием любовного треугольника — Тристан, Изольда и король Марк. *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

Лайнер снижался в пелене облаков — таких ослепительно белых, что у Дирка заболели глаза. Сначала мелькали небольшие просветы, но вскоре Дирк понял, что слой облаков толщиной почти равен высоте Гималаев. Тотчас лайнер оказался как бы в огромном туннеле, по обе стороны которого лежал плотный снег. Дирк невольно вздрогнул, но тут же осознал, что это не снег, а облака, и расслабился.

Видимо, облачный слой был очень плотным, поскольку Лондон он видел всего несколько мгновений, а потом, совершенно неожиданно, лайнер совершил мягкую посадку. Сразу же нахлынули звуки внешнего мира — металлические голоса из динамиков громкоговорителей, лязганье люков, а громче всех остальных шумов — затихающий рокот мощных турбин.

Мокрый бетон, ожидающие машины, серые тучи над головой — все это развеяло последние романтические впечатления от полета. Моросил дождь. До смешного маленький тягач повез громадный лайнер к стоянке. Лайнер больше напоминал какое-то гигантское морское животное, чем воздушный корабль. Над реактивными двигателями поднимались маленькие струйки пара, с крыльев стекала вода.

К радости Дирка, у таможенного барьера его встретили. Как только таможенники проверили его фамилию в списках пассажиров, к нему устремился полноватый пожилой мужчина и протянул руку:

— Доктор Алексон? Рад знакомству. Моя фамилия Мэтьюз. Я отвезу вас в штаб-квартиру в Саутбэнке* и буду вас сопровождать, пока вы в Лондоне.

— Рад слышать,— улыбнулся Дирк.— Полагаю, за это я должен поблагодарить Мак-Эндрюса?

— Именно. Я — его помощник по связям с общественностью. Позвольте, я возьму вашу сумку. Мы отправимся метро-экспрессом. Это самый быстрый путь. Можно добраться до центра, не глядя на окраины. Но есть одна загвоздка.

— Какая?

* Саутбэнк (*англ.* Southbank) — район Лондона на южном берегу Темзы.

Мэтьюз вздохнул:

— Вы будете просто поражены тем, сколько людей благополучно пересекают Атлантику, а потом исчезают в подземке и больше их никто никогда не видит.

Сообщая эту невероятную новость, Мэтьюз даже не подумал улыбнуться. В дальнейшем Дирк узнал, что, обладая своеобразным чувством юмора, Мэтьюз неизменно сохранял бесстрастное выражение лица и практически никогда не смеялся. Весьма странная получалась комбинация.

— Одного я никак не пойму,— признался Мэтьюз, когда длиннющий красный поезд отъехал от платформы.— К нам прибывает множество американских ученых, но я догадываюсь, что вы далеки от техники.

— Верно. Я историк.

Мэтьюз весьма выразительно поднял брови.

— Наверное, это звучит довольно загадочно,— продолжал Дирк,— но зато вполне логично. В прошлом события редко описывались с надлежащей точностью. Теперь, конечно, у нас есть газеты и кинофильмы — но просто поразительно, как порой вне поля зрения остаются очень важные вещи — и лишь потому, что все воспринимают их как данность. Скажем, тот проект, над которым вы работаете,— один из самых величайших в истории, и, если он осуществится, это изменит будущее так, как его не изменяло до сих пор ни одно событие. Поэтому мой университет решил, что рядом с учеными должен быть профессиональный историк, чтобы ни одна важная подробность не была упущена.

Мэтьюз кивнул.

— Что ж, вполне разумная мысль. И для нас, не имеющих отношения к науке, приятный момент. Признаться, нам несколько надоели разговоры, в которых три слова из четырех — математические символы. Но все же, я полагаю, у вас имеется неплохое техническое образование?

Дирк смутился.

— Честно говоря, я уже пятнадцать лет не имел дела с точными науками — да и раньше не относился к ним слишком серьезно. Придется многому учиться заново.

— Не волнуйтесь. У нас есть сжатый спецкурс для усталых бизнесменов и престарелых политиков. Вам предоставят необходимый объем знаний. Вы будете просто потрясены, как много вам удастся почерпнуть, просто слушая наших боффинов.

— Боффинов?

— Господи, вы не знаете этого слова? Оно появилось во времена войны и относится к любому длинноволосому ученому типу с логарифмической линейкой в кармане жилета. Да, пожалуй, будет лучше сразу ознакомить вас с нашим приватным сленгом. В нашей работе так много новых идей и понятий, что приходится изобретать новые слова. Надо было вам еще и филолога с собой прихватить!

Дирк промолчал. Бывали моменты, когда грандиозность стоящей перед ним задачи поражала его. В ближайшие шесть месяцев должен был наступить завершающий этап работы, которую вели тысячи человек на протяжении полувека. И он, Дирк Алексон, станет свидетелем исторического события, которое произойдет на краю света, в австралийской пустыне, и взглянет на это событие глазами будущего, и опишет его так, чтобы через столетия люди смогли ощутить дух этого века, этого времени.

Они с Мэтьюзом вышли на станции «Нью-Ватерлоо» и пешком прошли несколько сот метров до Темзы. Мэтьюз был прав, сказав, что так лучше всего увидеть Лондон в первый раз. Дирк залюбовался широкой набережной, построенной всего двадцать лет назад. Его взгляд остановился на соборе Святого Павла. Омытый дождем купол через просвет в тучах озаряли лучи солнца. Дальше, выше по течению реки, возвышались величественные белые дома перед Черинг-Кросс, но зданий Парламента за изгибом Темзы отсюда видно не было.

— Неплохой вид, не правда ли? — проговорил Мэтьюз.— Теперь мы гордимся этим районом, а тридцать лет назад тут были сплошные верфи и илистые берега. Кстати — видите корабль?

— Вы имеете в виду вон тот, у противоположного берега?

— Да. Знаете, что это за корабль?

— Понятия не имею.

— Это «Дискавери» — судно, на котором капитан Скотт* ходил в Антарктиду в начале века. Я часто смотрю на этот корабль по дороге на работу и гадаю, что бы Скотт мог подумать о том маленьком путешествии, которое задумали *мы*.

Дирк устремил взгляд на изящный деревянный корпус корабля, на стройные мачты и обшарпанную дымовую трубу, и у него возникло впечатление, будто набережная исчезла и старинный корабль, дымя трубой, плывет между стенами льда к неведомой земле. Он мог понять чувства Мэтьюза, у него возникло сильнейшее ощущение непрерывности истории. Нить, соединявшая Скотта с Дрейком**, Рейли*** и еще более ранними путешественниками, не прервалась: изменился только масштаб событий.

— Ну вот мы и пришли,— сказал Мэтьюз, в его извиняющемся тоне тем не менее слышалась гордость.— Не так уж впечатляюще, как хотелось бы, но во время строительства у нас было туго с деньгами. Да и теперь их не так много, если на то пошло.

Белое трехэтажное здание, выходившее фасадом на реку, выглядело скромно, и, по всей видимости, построили его всего несколько лет назад. Его окружали просторные лужайки, поросшие тут и там невысокой травой. Дирк догадался, что этим лужайкам в будущем суждено стать новыми строительными площадками. Трава, по всей видимости, об этом тоже догадывалась.

* Роберт Фэлкон Скотт (1868–1912) — британский исследователь, один из первооткрывателей Южного полюса. Экспедиция под его командованием на судне «Терра Нова» отправилась к берегам Антарктиды в 1910 г. (плавание на «Дискавери» относится к 1901–1904 гг.). Независимо от осуществлявшейся в то же время экспедиции Р. Амундсена, Скотт отправился к Южному полюсу. Там он обнаружил норвежский флаг. При возвращении Скотт и все его спутники погибли. В честь Скотта названа новозеландская антарктическая станция.

** Фрэнсис Дрейк (1540–1596) — английский мореплаватель и корсар времен королевы Елизаветы I. Первый англичанин, совершивший кругосветное путешествие, участник сражения с испанской «Непобедимой Армадой». Удостоен рыцарского звания.

*** Уолтер Рэйли (1554–1618) — британский придворный, государственный деятель, авантюрист, поэт. При Елизавете I занимался пиратством и нападениями на испанский флот, за что, как и Дрейк, получил рыцарское звание.

Тем не менее нельзя было сказать, что Главное управление смотрелось совсем уж непривлекательно, как обычное административное здание. К тому же вид на реку был очень хорош. Вдоль второго этажа по фасаду расположилась надпись, четкая и исключительно функциональная, как все прочее в этом здании. Буквы складывались в два слова, и, прочитав эти слова, Дирк ощутил, как кровь в его жилах странным образом забурлила. Здесь, в центре огромного города, где миллионы людей заняты будничными делами, эти слова казались столь же неуместными, как «Дискавери» — корабль, стоявший на приколе у противоположного берега Темзы, где он закончил долгое странствие. Тем не менее место для этих слов было выбрано правильно, поскольку подразумевали они странствие, которое еще не совершал корабль. Слова эти были: МЕЖПЛАНЕТНОЕ ОБЩЕСТВО.

2

Кабинет был небольшой, к тому же Дирку приходилось делить его с двумя младшими редакторами, но окна выходили на Темзу, и, устав от работы над отчетами и файлами, он всегда мог дать отдых глазам, любуясь величественным куполом, парящим над Лудгейт-Хилл*. Время от времени заходили побеседовать Мэтьюз или непосредственный начальник Дирка, но чаще его оставляли в одиночестве, зная, что таково его желание. Ему хотелось спокойно прочитать тысячи отчетов и книг, которыми его снабдил Мэтьюз.

От Италии времен Возрождения Лондон двадцатого столетия отделяло огромное расстояние, однако навыки, приобретенные Дирком в ту пору, когда он писал свою диссертацию о Лоренцо Великолепном, помогали ему и теперь. Он почти с первого взгляда мог выделить самое главное — то, что следовало тщательно изучить. За несколько дней вы-

* Лудгейт-Хилл — район Лондона, названный в честь мифического правителя города, короля Луда.

рисовались общие очертания сюжета, и можно было приступать к деталям.

Мечта оказалась более древней, чем представлял себе Дирк. Две тысячи лет назад древние греки догадались о том, что Луна — это планета, похожая на Землю, а во втором веке от Рождества Христова сатирик Лукиан написал первый в истории в роман о межпланетном путешествии*. Прошло более семнадцати веков, прежде чем был проложен мост от вымысла к реальности, и почти весь прогресс был достигнут за последние пятьдесят лет.

Современная эра началась в тысяча девятьсот двадцать третьем году, когда малоизвестный трансильванский профессор по имени Герман Оберт** опубликовал книгу под названием «Ракета для межпланетного пространства». В этой книге он изложил математические основы космического полета. Пролистав один из немногих сохранившихся экземпляров этой книги, Дирк с трудом поверил, что столь грандиозная суперструктура имела такое скромное начало. Оберт, который теперь был восьмидесятичетырехлетним стариком, запустил цепную реакцию, которой при его жизни суждено было привести к космическому полету.

Перед началом Второй мировой войны немецкие ученики Оберта усовершенствовали ракету на жидком топливе. Вначале они тоже помышляли о покорении космоса, но эта мечта была забыта с приходом к власти Гитлера. Город, которым часто любовался Дирк, до сих пор носил шрамы, полученные в те времена, когда из стратосферы на него падали огромные ракеты.

А потом в пустыне штата Нью-Мексико полыхнул ужасный рассвет***. Тогда казалось, что река времени на миг оста-

* Лукиан (ок. 120–180 н. э.) — древнегреческий писатель-сатирик. Его перу принадлежат два фантастических романа — «Икароменипп, или Заоблачный полет» и «Правдивая история». В первом из них герой совершает путешествие на Луну с помощью крыльев, а во втором мореплаватели унесены на Луну штормом.

** Герман Юлиус Оберт (1894–1989) — выдающийся ученый и инженер в области космонавтики и ракетостроения.

*** 16 июля 1945 г. в пустыне под Аламогордо штата Нью-Мексико было проведено первое испытание атомной бомбы.

новилась, а потом побежала, в пене и брызгах, по новому руслу к изменившемуся и неведомому будущему. После Хиросимы пришел конец войне и наступило окончание эпохи: энергия и машина наконец встретились, и тогда был открыт путь в космос.

Этот путь был труден и занял тридцать лет — тридцать лет побед и горьких разочарований. Знакомясь с людьми, слушая их рассказы и разговоры, Дирк постепенно накапливал подробности, которые не попали в отчеты и резюме.

«Телевизионная картинка была не слишком четкой, но каждые несколько секунд она выравнивалась, и мы получали хорошее изображение. Так сильно я не волновался ни разу в жизни — ведь я стал первым человеком, увидевшим обратную сторону Луны. А полететь туда... это будет что-то вроде разрядки напряженности».

«...Самый жуткий взрыв, какой только можно себе представить. Когда мы встали, я услышал голос Геринга: "Если это самое лучшее, на что вы способны, я скажу фюреру, что вся эта затея — пустая трата денег". Видели бы вы лицо фон Брауна...»

«КХ-четырнадцать все еще там. Она совершает один виток за три часа, как мы и планировали. Но треклятый радиопередатчик сломался при старте, так что показаний приборов мы так и не получали!»

«Я смотрел через двенадцатидюймовый рефлектор, когда эта порция порошка магния упала на Луну — километрах в пятидесяти от Аристарха. В предзакатные часы оставшийся после удара кратер виден до сих пор».

Порой Дирк завидовал этим людям. У них была цель в жизни, и, наверное, они испытывали чувство могущества, отправляя свои гигантские машины в космос, за несколько тысяч километров от Земли. Но могущество было опасно, иногда оно портило людей. Можно ли было им доверять — при том, какие силы они привносили в мир? И можно ли было доверять миру, в котором существовали такие люди?

Несмотря на свое интеллектуальное прошлое, Дирк не до конца избавился от страха перед наукой, который царил в мире еще со времен великих открытий Викторианской эпо-

хи. В новой среде он чувствовал себя одиноким и порой сильно нервничал. Те немногие сотрудники, к которым он обращался, вели себя с ним вежливо, старались помочь, однако его стеснительность и волнение, которое он никак не мог научиться скрывать, знакомясь с темой своего исследования, удерживали его от более тесного общения с коллегами. Но ему нравилась атмосфера, царившая в организации, атмосфера просто-таки агрессивно-демократичная, и он надеялся, что в будущем обязательно сойдется с этими людьми поближе.

Пока же с сотрудниками, работавшими в других отделах, Дирк встречался только в столовой. Эту маленькую столовую Межпланетного общества посещали все сотрудники, начиная с генерального директора. Дирекция столовой проявляла необычайную изобретательность и склонность к экспериментам, и, хотя время от времени происходили кулинарные катастрофы, обычно еда была очень вкусной. Насколько мог судить Дирк, Межпланетное общество не зря хвасталось тем, что кухня здесь самая лучшая на южном берегу Темзы.

Поскольку время ланча для Дирка было, как Пасха, переходящим праздником, он каждый день видел в столовой все новых и новых людей и вскоре стал узнавать большинство сотрудников в лицо. На него никто не обращал внимания: в здании было полным-полно залетных пташек из разных университетов и промышленных компаний со всего света, и, по всей видимости, к нему относились как к очередному ученому гостю.

Представители его колледжа, через посредство посольства США, подыскали для него маленькую съемную квартиру всего в нескольких сотнях метров от Гросвенор-сквер. Каждое утро он шел пешком до станции метро «Бонд-стрит» и доезжал до станции «Ватерлоо». Он быстро научился избегать утренних толп и редко опаздывал на работу. Рабочий день здесь был ненормированным: хотя Дирк порой засиживался в кабинете до полуночи, в это время в здании еще шла работа — шум в основном доносился из научно-ис-

следовательских отделов. Часто для того, чтобы немного отвлечься и размяться, Дирк отправлялся на прогулку по пустым коридорам. При этом он брал на заметку, какие отделы ему следует в один прекрасный день посетить официально. Во время этих прогулок он узнал о Межпланетном обществе намного больше, чем из сложных схем, которыми его снабжал Мэтьюз — причем эти схемы он выдавал только на время, а потом забирал.

Зачастую Дирк проходил мимо приоткрытых дверей, за которыми располагались лаборатории или мастерские, где царил беспорядок и где мрачноватые техники сидели, глядя на оборудование, которое явно не желало вести себя пристойно. Если было слишком поздно, это зрелище слегка затуманивалось клубами табачного дыма, а где-нибудь на почетном месте стояли электрический чайник и его старенький заварочный собрат. Порой Дирк оказывался рядом с лабораторией или мастерской в моменты технического триумфа, и, если он забывал об осторожности, его приглашали для распития рискованной жидкости, которую инженеры постоянно производили самостоятельно. Так он завел знакомства со многими людьми и при встрече с ними здоровался, но по имени знал не больше десяти человек.

В свои тридцать три года Дирк Алексон все еще был не в ладах с повседневным миром. Он был счастливее в общении с прошлым, с книгами и, хотя много путешествовал по Соединенным Штатам, все же по большей части вращался в академических кругах. Коллеги считали его стабильным, ровным работником, наделенным безошибочной интуицией, столь необходимой при разрешении сложных ситуаций. Никто не знал, станет ли он великим историком, однако его исследование, посвященное роду Медичи, было признано выдающимся. Его друзья не могли понять, как человек с таким сдержанным темпераментом способен настолько точно проанализировать мотивы и поведение этого раздираемого страстями семейства.

Казалось, чистая случайность привела его из Чикаго в Лондон, да он и сам это сознавал. Совсем недавно он по-

чти освободился от влияния Уолтера Пейтера*: маленькая, но весьма плотно набитая персонажами сцена Италии эпохи Возрождения потеряла свое очарование — если такое милое слово было применимо к этому микрокосмосу интриг и убийств. Дирк менял область интересов не в первый раз и боялся, что не в последний, поскольку он все еще искал дело, которому мог бы посвятить жизнь. Как-то раз, переживая депрессию, в разговоре с деканом обмолвился, что, пожалуй, только в будущем мог бы найти достойную тему для исследований. Эта вскользь оброненная и лишь наполовину серьезная жалоба совпала по времени с письмом из Фонда Рокфеллера, и Дирк опомниться не успел, как его отправили в Лондон.

В первые несколько дней его преследовал призрак собственной некомпетентности, но он по опыту знал, что так бывает всегда, когда начинаешь новую работу, и со временем это почти перестало его беспокоить. Примерно через неделю он почувствовал, что более или менее сносно представляет себе структуру организации, в которой столь неожиданно оказался. К нему начала возвращаться уверенность, и он смог немного расслабиться.

Еще на последних курсах университета он начал вести дневник. Правда, время от времени он про него забывал, но теперь снова начал фиксировать свои впечатления и описывать события повседневной жизни.

Эти заметки, которые он делал для себя, помогали ему управлять собственными размышлениями и в дальнейшем могли послужить основой для создания официальной версии его работы.

«Сегодня 3 мая 1978 года. Я в Лондоне ровно неделю — и пока не видел ничего, кроме районов, примыкающих к Бонд-стрит и вокзалу Ватерлоо. Когда погода хорошая, мы с Мэтьюзом после ланча обычно прогуливаемся вдоль реки. Мы пересекаем Новый мост (который построен всего лет сорок назад!) и идем либо вниз по течению Темзы, либо вверх, а потом снова переходим по мосту в районе Черинг-Кросс или Блэкфэйрз. У нашей прогулки несколько вариантов — по часовой стрелке или наоборот».

* Уолтер Пейтер (Патер) (1839–1894) — английский эссеист и искусствовед, главный идеолог эстетизма — художественного движения, исповедовавшего девиз «Искусство ради искусства».

«Альфреду Мэтьюзу около сорока. Он мне очень помогает. У него необычное чувство юмора, но я ни разу не видел, как он улыбается,— все шутки он произносит с абсолютно бесстрастным выражением лица. Похоже, свою работу он знает хорошо — намного лучше, я бы сказал, чем Мак-Эндрюс, который, по идее, является его начальником. Мак лет на десять старше: он, как и Альфред, закончил факультет журналистики и специализируется по связям с общественностью. Он высокий, стройный, с виду вечно голодный. У него легкий шотландский акцент, который исчезает напрочь, когда он волнуется. Это о чем-то говорит, но я пока не догадываюсь о чем. Он неплохой человек, но я не считаю его слишком умным. Всю работу, по большому счету, выполняет Альфред, и друг друга они недолюбливают. Порой трудновато сохранять хорошие отношения с ними обоими».

«На следующей неделе я надеюсь начать знакомиться с сотрудниками и продвинуться вперед в работе. В особенности мне хотелось бы сойтись поближе с членами экипажа — но к ним меня пока не подпускают. Считают, что сначала я должен побольше узнать об атомных двигателях и орбитах планет. Обо всем этом мне должен на следующей неделе рассказать Альфред — так он говорит. Еще я надеюсь выяснить, как вообще мог сформироваться такой удивительный гибрид, какой представляет собой Межпланетное общество. Типично британский компромисс, но в документах я нахожу слишком мало информации о том, как образовалась эта организация, представляющая собой массу парадоксов. Она пребывает в состоянии хронического банкротства, но при этом тратит порядка десяти миллионов в год (фунтов стерлингов, а не долларов). Правительство имеет весьма ограниченную власть над администрацией Межпланетного общества, и в чем-то эта организация так же автократична, как ВВС. Но когда на Межпланетное общест-

во нападают в парламенте (что происходит каждый месяц), всегда находится какой-нибудь министр, который встает на защиту этого учреждения. Возможно, Мак все же более умелый организатор, чем мне кажется!»

«Я назвал это учреждение "британским", но, конечно, это не так. Примерно пятую часть персонала составляют американцы, и в столовой я то и дело слышу, как многие разговаривают с заметным акцентом. Организация интернациональна, как секретариат ООН, хотя британцы, безусловно, представляют собой главную движущую силу и являются ядром администрации. Почему это так — я не знаю: возможно, Мэтьюз сможет мне объяснить».

«Еще один вопрос: за исключением акцента, крайне сложно заметить какие-либо различия между представителями разных национальностей. Не связано ли это, мягко говоря, с наднациональным характером работы сотрудников? Наверное, если я здесь задержусь, я тоже утрачу признаки национальной принадлежности».

3

— А я все ждал,— сказал Мак-Эндрюс,— когда же вы зададите этот вопрос. Ответить на него довольно сложно.

— Я буду очень удивлен,— сухо отозвался Дирк,— если все настолько же запутанно, как махинации в семействе Медичи.

— Пожалуй, нет. Пока что мы не прибегали к убийствам, хотя порой очень хочется прибегнуть. Мисс Рейнольдс, не будете ли вы так добры отвечать на звонки, пока я беседую с доктором Алексоном? Благодарю вас.

Так вот, как вам известно, основы астронавтики — науки о космических полетах — были весьма солидно заложены в конце Второй мировой войны. «Фау-два» и атомная энергия убедили большинство людей в том, что стоит только пожелать — и можно совершить космический полет. Возникло несколько обществ в Англии и Штатах, которые активно пропагандировали идею, что нам следует побывать на

Луне и разных планетах. Эти общества работали стабильно, но довольно медленно до пятидесятых годов, а потом все действительно пришло в движение.

В тысяча девятьсот пятьдесят девятом году, как вы помни... гм... знаете, управляемая ракета американской армии по прозвищу Сиротка Энни, нагруженная одиннадцатью килограммами порошка магния, достигла поверхности Луны. С этого момента общественность начала осознавать, что космические путешествия — дело не далекого будущего, что такие полеты смогут осуществиться уже при жизни нынешнего поколения. Наукой номер один вместо атомной физики стала астрономия, число членов ракетных обществ начало неуклонно возрастать. Но одно дело — запустить на Луну управляемую ракету без космонавта, и совсем другое — отправить туда полноразмерный космический корабль, посадить его на поверхность Луны, а потом вернуть на Землю. Некоторые пессимисты полагали, что на это должно уйти еще сто лет.

Но в этой стране нашлись люди, которые не пожелали ждать так долго. Они считали, что космические полеты так же важны для прогресса человечества, как открытие Нового Света, случившееся четыреста лет назад. Космические полеты открыли бы новые границы, дали бы человечеству цель настолько дерзкую, что она затмила бы национальные различия и могла бы погасить межплеменные конфликты начала двадцатого века. Энергию, которая могла бы подпитывать войны, можно было пустить на колонизацию планет — и нам было бы чем заняться еще много столетий. Так все выглядело в теории, по крайней мере.

Мак-Эндрюс едва заметно улыбнулся.

— Безусловно, существовали и другие мотивы. Вы знаете, каким нестабильным был мир в начале пятидесятых. Циничное отношение к полетам в космос было суммировано в знаменитой фразе: «Атомная энергия делает межпланетные полеты не просто возможными, но неизбежными». Пока атомная энергия оставалась на поверхности Земли, человечество было вынуждено, образно выражаясь, хранить слишком много яиц в слишком непрочной корзинке.

Все это осознавала разношерстная группа ученых, писателей, астрономов, издателей и бизнесменов, объединившихся в первое Межпланетное общество. Имея весьма скромный капитал, они начали публикацию журнала «Спейсвардз»*, вдохновленные успехом журнала американского Национального географического общества. «Спейсвардз» был попыткой сбора общественных пожертвований для завоевания космического пространства. Его появление всколыхнуло интерес к астрономии, и подписчики чувствовали, что вносят свою лепту в финансирование первого космического полета.

Еще несколькими годами раньше из этой затеи ничего не получилось бы, но энтузиасты очень правильно выбрали время. Через несколько лет «Спейсвардз» уже имел четверть миллиона подписчиков по всему миру. Межпланетное общество было основано с целью глобальных исследований проблем осуществления космического полета. В первое время оно не могло предложить своим членам таких высоких окладов, которые получали сотрудники крупных, спонсируемых правительством ракетных учреждений, но постепенно общество привлекло в свои ряды лучших ученых, специализировавшихся в этой области и предпочитавших, получая более низкое жалованье, трудиться над конструктивным проектом, а не строить ракеты, предназначенные для транспортировки атомных бомб. Кроме того, обществу также оказывала поддержку пара-тройка финансовых магнатов. Когда в тысяча девятьсот шестьдесят пятом году умер последний британский миллионер, оказалось, что он завещал почти все свое состояние нам, учредив трастовый фонд.

С самого начала Межпланетное общество было всемирной организацией, и так уж исторически сложилось, что его штаб-квартира находится в Лондоне. Она могла бы с таким же успехом находиться в Америке, и многие ваши соотечественники до сих пор недовольны тем, что это не так. Но по какой-то причине вы, американцы, всегда несколько консервативно воспринимали идею космического полета и

* «В космос» *(англ.)*.

отнеслись к ней всерьез только через несколько лет после нас. Впрочем, не огорчайтесь: немцы побили и вас, и нас.

Кроме того, вы должны помнить о том, что Соединенные Штаты — слишком маленькая страна для исследований в области астронавтики. Да-да, я понимаю, это звучит странно — но посмотрите на карту плотности населения, и вы поймете, что я имею в виду. На Земле существует только два места, которые действительно подходят для работ по созданию ракет большой дальности полета. Одно из этих мест — пустыня Сахара, но даже она находится слишком близко от многонаселенных городов Европы. Вторым удобным местом является Западно-Австралийская пустыня, где в тысяча девятьсот сорок седьмом году британское правительство начало строительство крупной ракетной базы. Протяженность этой пустыни составляет более полутора тысяч километров, а затем еще на три с лишним тысячи километров тянется океан, то есть в целом получается около пяти тысяч. В Соединенных Штатах не найдется места, где можно безопасно запустить ракету даже на восемьсот километров. Так что отчасти в том, что все так сложилось, виновата география...

На чем я остановился? Ах да, тысяча девятьсот шестидесятый год. Примерно тогда мы начали приобретать реальный вес — по двум причинам, которые не слишком хорошо известны. К тому времени целый сектор атомной физики зашел в тупик. Ученые из Управления атомной энергетики решили, что могут запустить водородно-гелиевую реакцию — о тритиевой реакции, примененной в старой водородной бомбе, я молчу,— но окончательные эксперименты были весьма благоразумно запрещены. В морской воде такое количество водорода! Словом, ядерные физики кусали ногти в ожидании того момента, когда мы построим для них лаборатории в космосе. В то время не имело значения — а вдруг что-то пойдет не так. Ну, появится в Солнечной системе еще одна недолговечная звезда. Управление атомной энергетики также хотело, чтобы мы попробовали убрать в космос радиоактивные отходы — на Земле их хранить было опасно, но они могли в один прекрасный день пригодиться.

Вторая причина была, пожалуй, более злободневной. В космос непременно нужно было попасть крупным радио- и телевещательным компаниям, потому что лишь оттуда они могли бы наладить вещание на всю планету и обеспечить весь мир универсальной службой связи. Как вам известно, очень короткие волны радара и телевизионные волны не способны огибать Землю — эти волны распространяются по практически прямым линиям, поэтому отдельно взятая станция может посылать сигналы только до горизонта. Для того чтобы справиться с этой проблемой, построили ретрансляторы, однако было ясно, что окончательное решение может быть достигнуто только тогда, когда ретрансляторы будут установлены в тысячах километров от Земли. Нечто вроде искусственных лун, кружащих на околоземной суточной орбите — такая орбита могла бы обеспечить стационарное положение спутников в небе. Наверняка вы уже прочли все, что написано о подобных идеях, поэтому в детали я сейчас углубляться не стану.

К тысяча девятьсот семидесятому году мы получили поддержку самых крупных технических корпораций в мире и практически неограниченные фонды. Корпорации вынуждены были выйти на Межпланетное общество, поскольку именно у нас были собраны лучшие эксперты. Боюсь, поначалу кое-кто был недоволен, и некоторые правительственные департаменты просто-таки злились на нас за то, что мы похитили у них самых лучших ученых. Но в целом мы неплохо ладили с компаниями «Вестингауз», «Дженерал электрик», «Роллс-ройс», «Локхидс», «Де Хавилландс» и прочими. У всех них здесь есть свои офисы, как вы уже, наверное, заметили. Они выдают нам весьма ощутимые гранты, но их техническая поддержка поистине бесценна. Нынешнего уровня без их помощи мы бы не достигли еще лет двадцать.

Наступила короткая пауза. Дирк вынырнул из потока слов, словно спаниель из горной речки. Мак-Эндрюс говорил слишком быстро и явно повторял фразы и целые параграфы, за годы заученные наизусть. У Дирка создалось впечатление, что все, рассказанное Эндрюсом, взято из доступных источников и не блещет оригинальностью.

— Я даже не представлял,— признался он,— какие у вас обширные связи.

— Поверьте мне, это сущая ерунда! — воскликнул Мак-Эндрюс.— Вряд ли найдется много крупных промышленных фирм, которые не убеждены в том, что мы способны в чем-то им помочь. Компании, производящие кабель, сэкономят сотни миллионов, когда смогут заменить наземные станции и подземные линии несколькими космическими ретрансляторами. Химическая промышленность получит...

— О, я верю вам на слово! Я просто гадал, откуда берутся деньги, а теперь вижу, насколько все грандиозно.

— Не забывайте,— заметил все это время молчавший Мэтьюз,— о нашем самом важном вкладе в промышленность.

— Что вы имеете в виду?

— Импорт высокого вакуума для заполнения электрических лампочек и электронно-лучевых трубок,— ответил Мэтьюз.

Мак-Эндрюс сердито продолжил:

— Если оставить в стороне легкомысленность Альфреда, нет никаких сомнений в том, что физика совершит грандиозные шаги вперед, как только мы сумеем строить лаборатории в космосе. И вы можете догадаться, как страстно мечтают астрономы об обсерваториях, которым никогда не будут мешать облака.

— Теперь я понимаю,— сказал Дирк, загибая пальцы,— как родилось Межпланетное общество и чего оно надеется достичь. Но все же мне довольно трудно понять, что именно оно собой представляет.

— С юридической точки зрения Межпланетное общество — некоммерческая организация...— проговорил Мак-Эндрюс.

— Еще какая некоммерческая,— шепнул Мэтьюз.

— ..деятельность которой, как сказано в ее уставе, посвящена «исследованию проблем космического полета». Первоначально общество субсидировалось журналом «Спейсвардз», но в данное время он с нами официально никак не связан, поскольку объединился с «Нэйшнл джеографик»,

хотя неофициальные связи между нами сохранились. Сейчас большая часть денег к нам поступает в виде грантов от правительства и заинтересованных промышленных компаний. Когда межпланетные путешествия получат коммерческую основу, как в наши дни — авиация, мы, вероятно, трансформируемся в нечто иное. У этой идеи немало политических ракурсов, и никто не знает, что может случиться, когда начнется колонизация планет.

Мак-Эндрюс негромко рассмеялся — он словно бы извинялся и защищался одновременно.

— В этом здании, как вы скоро поймете, витает множество дерзких мечтаний. У некоторых есть идеи об основании научных Утопий на подходящих для жизни планетах, и всякое такое. Но первостепенная задача имеет чисто технический характер: мы должны выяснить, что представляют собой планеты, прежде чем решить, как ими можно воспользоваться.

В кабинете стало тихо; некоторое время никто не хотел говорить. Дирк впервые осознал важность цели, ради которой трудятся эти люди. Он был в восторге, но при этом ему впервые стало страшно: а готово ли человечество выйти в космос, столкнуться с тем вызовом, который могли ему бросить жестокие, негостеприимные планеты, изначально не предназначенные для человека? Дирк не был в этом уверен. На душе у него стало неспокойно.

4

С улицы дом номер пятьдесят три по Рочдейл-авеню выглядел одним из типичных особняков в неогеоргианском стиле, которые в начале двадцатого века наиболее удачливые биржевики возводили как гнездышки, где можно было с уютом поселиться на склоне лет. Дом стоял далеко от проезжей части и был окружен со вкусом разбитыми клумбами и несколько запущенными лужайками. Весной тысяча девятьсот семьдесят восьмого года в погожий денек здесь можно было увидеть пятерых молодых людей, копавшихся

в клумбе, причем было заметно, что дело это для них непривычное и орудия, которыми они пользуются, не очень для этого дела подходят. Было ясно, что занимаются они этим исключительно ради того, чтобы расслабиться, и что мысли их в это время витают далеко отсюда. Но вот насколько далеко — об этом случайный прохожий вряд ли мог догадаться.

Это являлось тайной, и не только для случайных прохожих, но и для прессы. Интересно, что люди, отвечавшие за конфиденциальность происходящего, в недавнем прошлом сами были газетчиками. Всему миру было известно, что экипаж «Прометея» еще не отобран, хотя в действительности тренировки начались больше года назад и успешно продолжались. Происходило это всего в восьми километрах от Флитстрит, но при этом не было озарено слепящим светом интереса общественности.

В то время во всем мире нашлась всего горстка людей, способных пилотировать космический корабль. Ни одна работа не требовала столь уникального сочетания физических и умственных характеристик. Идеальный пилот должен был быть не только первоклассным астрономом, опытным инженером и специалистом в области электроники, он должен был уметь прекрасно работать и тогда, когда становился «невесомым», и тогда, когда во время полета с ускорением его вес становился равным четверти тонны.

Ни один человек по отдельности не мог удовлетворить этим требованиям, и много лет назад было решено, что экипаж космического корабля должен состоять как минимум из трех человек, чтобы в случае необходимости обязанности одного из них могли взять на себя остальные двое. Межпланетное общество готовило к полету пятерых; двое являлись запасными на случай, если бы в последнюю минуту кто-нибудь заболел. Пока никто не знал, кому из пятерых суждено остаться в резерве.

Мало кто сомневался в том, что капитаном корабля станет Виктор Хассел. Ему было двадцать восемь лет, и он был единственным человеком в мире, который провел более ста часов в невесомости. Этот рекорд он поставил абсолютно

случайно — два года назад вывел на орбиту экспериментальную ракету и летал вокруг Земли тридцать часов, прежде чем смог ликвидировать неполадку в механизме зажигания и сбросить скорость, чтобы вернуться на Землю.

Его ближайший соперник, Пьер Ледук, имел в своем послужном списке двадцать часов орбитального полета.

Еще трое вообще не были профессиональными пилотами. Арнольд Клинтон, австралиец, был инженером-электронщиком, специалистом по компьютерам и автоматическим системам управления. Астрономию представлял блестящий молодой ученый, американец Льюис Тэйн. Его длительное отсутствие на рабочем месте, в Паломарской обсерватории, уже требовало внятных объяснений. Пятым был командированный Управлением атомной энергетики Джеймс Ричардс, эксперт в области ядерных реактивных систем. Ричардсу исполнилось тридцать пять, и коллеги обычно именовали его Дедулей.

Образ жизни в «Яслях», как называли дом на Рочдейл-авеню те, кто хранил тайну, сочетал в себе элементы колледжа, монастыря и авиабазы. Яркость «Яслям» придавали личности пятерых «учеников» и ученых-гостей, которые непрерывным потоком являлись сюда, дабы пополнить их знания или порой с интересом получить эти знания обратно. Это была бурная, деятельная, но счастливая жизнь, поскольку у нее была задача и цель.

И лишь одно ее омрачало — близилось время принятия решения, и никто не знал, кто из пятерых останется в песках пустыни и проводит взглядом исчезающий в небе корабль, слушая, как затихает шум его двигателей.

Шла лекция по астронавигации, когда Дирк и Мэтьюз на цыпочках проникли в комнату. Лектор недружелюбно зыркнул на них, а пятеро слушателей даже не обернулись. Дирк постарался как можно более незаметно смотреть на них, в то время как его гид шепотом называл их имена.

Хассела он узнал по фотографиям в газетах, остальных он видел впервые. К удивлению Дирка, внешне эти люди совсем не были похожи друг на друга. Объединял их только возраст, интеллект и общий настрой, который можно было

охарактеризовать как постоянную готовность. Время от времени они задавали лектору вопросы, и Дирк вскоре догадался, что обсуждаются вопросы маневрирования при посадке на Луну. Содержание беседы было настолько выше его понимания, что он вскоре устал слушать и обрадовался, когда Мэтьюз вопросительным кивком указал на дверь.

В коридоре они расслабились и закурили.

— Ну,— сказал Мэтьюз,— теперь вы увидели наших «морских свинок». Что скажете?

— Мне трудно судить. Хотелось бы пообщаться с ними в неформальной обстановке.

Мэтьюз выдохнул колечко дыма и проводил его внимательным взглядом, пока оно не растворилось в воздухе.

— Это будет непросто. Как вы можете догадаться, свободного времени у парней немного. Когда у них заканчиваются занятия, они, как правило, разбегаются по домам.

— Кто из них женат?

— У Ледука двое детей и у Ричардса тоже. Вик Хассел женился примерно год назад. Остальные холосты.

Дирку стало интересно, что думают обо всей этой затее жены астронавтов. Почему-то ему показалось, что по отношению к ним проявляется несправедливость. А еще он гадал, относятся ли будущие астронавты к предстоящему полету просто как к работе или ощущают то же невероятное волнение — другого слова он просто не мог подыскать,— какое в свое время испытывали основатели Межпланетного общества.

Они подошли к двери с табличкой: «ВХОД ВОСПРЕЩЕН! ТОЛЬКО ДЛЯ ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛА!» Мэтьюз робко толкнул дверь. Она оказалась открытой.

— Какая халатность! — проговорил он, покачав головой.— И похоже, тут никого нет. Давайте войдем. На мой взгляд, это одно из самых интересных мест. Впрочем, я не ученый.

Это была одна из самых излюбленных фраз Мэтьюза. Судя по всему, он прятал за ней свой комплекс неполноценности. На самом деле и он, и Мак-Эндрюс знали о науке гораздо больше и только притворялись неучами.

Дирк вошел следом за Мэтьюзом. В помещении царил полумрак, но Мэтьюз нашел выключатель, и комната озарилась светом. Дирк ахнул от изумления. Он стоял в отсеке управления, окруженный штабелями измерительных приборов. Из мебели здесь были только три роскошных кресла, снабженных сложной системой наклонов и поворотов. Он протянул руку и прикоснулся к спинке одного из кресел, и оно начало мягко покачиваться вперед и назад.

— Ни к чему не прикасайтесь,— поспешно предупредил его Мэтьюз.— Нам сюда входить нельзя, если вы внимательно прочитали табличку на двери.

Дирк стал рассматривать ассорти приборов с почтительного расстояния. Предназначение некоторых из них он выяснил благодаря ярлычкам, но остальные выглядели крайне загадочно. То и дело на глаза попадались слова «ручное» и «автоматическое». Почти так же часто встречались слова «топливо», «температура двигателя», «давление» и «расстояние от Земли». Другие надписи — «Аварийное отключение», «Загрязнение воздуха» и «Засорение сопла» вызывали зловещие ассоциации. Третья группа надписей оставляла свободу для бесконечных толкований. «Перем. триг. синхр», «Нейтр. отсчет» и «Видеомикширование» — это были, пожалуй, самые типичные надписи из категории загадочных.

— Создается впечатление,— сказал Мэтьюз,— что этот дом того и гляди взлетит, правда? Разумеется, это всего-навсего имитация отсека управления «Альфы». Я видел, как будущие астронавты здесь тренируются. Знаете, зрелище просто завораживающее, даже когда абсолютно ничего не понимаешь.

Дирк сдавленно рассмеялся:

— Да, просто голова кругом. Отсек управления космического корабля в тихом лондонском пригороде...

— На следующей неделе тишине придет конец. Мы собираемся открыться для прессы, и нас, похоже, линчуют за то, что мы так долго таились.

— На следующей неделе?

— Да, если все пойдет по плану. К этому времени закончится последнее тестирование «Беты», и мы все будем паковать чемоданы перед отбытием в Австралию. Кстати, вы видели киносъемку первых запусков?

— Нет.

— Напомните мне, чтобы я вам показал,— это впечатляет.

— И какие успехи на данный момент?

— Семь километров двести метров в секунду при полной загрузке. Это чуть меньше орбитальной скорости, но до сих пор все получалось идеально. Жаль только, что перед полетом мы не имеем возможности испытать «Альфу».

— Когда это произойдет?

— Дата точно не назначена, но мы знаем, что старт состоится в то время, когда Луна будет входить в первую четверть. Корабль совершит посадку в районе Mare Imbrium рано утром. Возвращение назначено на поздний вечер, так что астронавты проведут на Луне около десяти земных дней.

— А почему выбрали именно Mare Imbrium?

— Потому что оно плоское, его карта составлена очень подробно, и пейзаж там один из самых интересных на Луне. Кроме того, именно там всегда приземлялись космические корабли со времен Жюля Верна. Думаю, вы знаете, что это название переводится как Море Дождей.

— Когда-то я весьма неплохо знал латынь,— сухо отозвался Дирк.

Впервые за все время их общения Мэтьюз был так близок к улыбке.

— Не сомневаюсь. Но давайте-ка удалимся отсюда, пока нас не поймали. Насмотрелись?

— Да, спасибо. Конечно, впечатление ошеломляющее, но все же не намного страшнее, чем в кокпите трансконтинентального реактивного лайнера.

— Страшнее, если знаешь, что происходит за всеми этими панелями,— мрачновато отозвался Мэтьюз.— Арнольд Клинтон — это наш царь и бог по части электроники — однажды сказал мне, что только в компьютерных и контрольных схемах три тысячи проводков. А уж в коммуникационных схемах их наверняка несколько сот тысяч.

Дирк его едва слушал. Он впервые начал сознавать, как быстро бежит время. Две недели назад, когда он сюда при-

был, старт космического корабля казался событием, отнесенным в далекое, неопределенное будущее. Так думали во всем мире; а теперь оказалось, что все совсем не так. Дирк озадаченно посмотрел на Мэтьюза.

— Ваш отдел по связям с общественностью,— сказал он,— похоже, весьма умело всех обманул. Но в чем смысл?

— Политика чистой воды,— ответил Мэтьюз.— В прежние времена приходилось разглагольствовать напропалую и давать безумные обещания, чтобы привлечь к себе хоть какое-то внимание. А теперь мы предпочитаем говорить как можно меньше до тех пор, пока все не будет готово. Только так можно избежать фантастических слухов и последующего разочарования. Помните КХ-пятнадцать? Это был первый космический корабль с человеком на борту, который достиг высоты в полторы тысячи километров,— но еще за несколько месяцев до запуска этого корабля все считали, что мы отправим его на Луну. И конечно, когда корабль выполнил ту задачу, которая была перед ним поставлена, все были разочарованы. Так что теперь я иногда называю свое подразделение Отделом противодействия публичности. Наступит необычайное облегчение, когда все закончится и мы сможем выговориться.

На взгляд Дирка, это была очень эгоистичная политика. Ему казалось, что те пять человек, которых он только что видел, имели гораздо более веские причины желать, чтобы «все закончилось».

5

«До сих пор,— записал Дирк в своем дневнике в этот вечер,— я, образно говоря, только надкусывал Межпланетное общество с краешка. Мэтьюз держал меня силой своего притяжения, и я кружил около него, будто малая планета. Я должен достичь параболической скорости и сорваться с орбиты (я потихоньку начинаю усваивать профессиональную терминологию, как мне и обещал Мэтьюз).

Теперь мне хочется познакомиться с учеными и инженерами, которые являются главной движущей силой организации. Что ими руководит? Представляют ли они собой скопище Франкенштейнов, озабоченных лишь технической стороной проекта и не желающих думать о последствиях? Или они видят — быть может, гораздо более ясно, чем Мак- Эндрюс и Мэтьюз,— к чему все это может привести? М. и М. порой напоминают мне парочку агентов по торговле недвижимостью, пытающихся продать Луну. Они делают свою работу, они выполняют ее хорошо — но кто-то должен был их изначально вдохновить. И в любом случае они находятся несколько ниже верхней ступеньки иерархической лестницы.

Генеральный директор показался мне очень интересным человеком, хотя я видел его всего несколько минут в первый день,— но не его же мне допрашивать с пристрастием! Возможно, неплохо было бы побеседовать с его заместителем, поскольку мы оба калифорнийцы, но он в отъезде, в Штатах.

Завтра у меня начинается курс "астронавтики без слез", обещанный Мэтьюзом. Скорее всего, речь идет о фильме-инструктаже из шести катушек, и мне его не показали раньше только потому, что никто из этих записных гениев не мог починить тридцатипятимиллиметровый кинопроектор. Альфред клянется, что, как только я просмотрю этот материал, я смогу быть на короткой ноге с астрономами.

Будучи историком, я, по идее, должен ко всему относиться без предубеждений и наблюдать за деятельностью Межпланетного общества бесстрастным взором. Но так не получается. Меня все больше и больше волнуют конечные результаты этой работы и совершенно не удовлетворяют уклончивые объяснения Альфреда и Мака. Наверное, именно поэтому мне так не терпится встретиться с ведущими учеными и выслушать их мнение. Быть может, тогда я смогу обзавестись собственным суждением — если мне вообще положено о чем-то судить».

«*Позже.* Безусловно, это мне положено. Вспомнить хотя бы Гиббона* или Тойнби**. Если историк не делает выводов (верных или неверных), он просто чиновник».

* Эдвард Гиббон (1737–1794) — английский историк.
** Арнольд Джозеф Тойнби (1879–1975) — английский историк.

«*Еще позже.* Как я мог забыть? Сегодня я проехался до Оксфорд-серкус в новом автобусе с турбинным двигателем. Он едет очень тихо, но если прислушаться, то услышишь, как мотор негромко напевает очень высоким сопрано. Лондонцы чрезвычайно гордятся этими автобусами, поскольку нигде в мире пока нет ничего подобного. Я не понимаю, почему над такой простой вещью, как автобус, потребовалось трудиться так же долго, как над космическим кораблем, но мне сказали, что это было неизбежно. Наверное, это как-то связано с инженерной экономикой.

Я решил пройтись пешком до своей квартиры и, выйдя на Бонд-стрит, увидел золоченый фургон, запряженный лошадьми, который словно сошел со страниц "Пиквикского клуба". Видимо, этим фургоном доставляли товары какому-нибудь торговцу. На боку затейливыми буквами было написано: "Осн. 1768".

Подобные противоречия делают Великобританию загадочной страной для иностранцев. Конечно, Мак-Эндрюс сказал бы, что безумцы не британцы, а англичане,— но я не чувствую особой разницы».

6

— Вы уж простите, что я вас покидаю,— извинился Мэтьюз.— Фильм замечательный, но у меня просто нет сил смотреть его еще раз. Если не ошибаюсь, я выдержал уже пятьдесят просмотров, не меньше.

— Идите, все в порядке! — рассмеялся Дирк.— Я впервые буду смотреть кино в гордом одиночестве — это что-то новенькое.

— Вот-вот. А к концу я вернусь. Если захотите, чтобы какие-то ролики вам показали еще раз, просто скажите киномеханику.

Дирк откинулся на спинку кресла и обнаружил, что оно не слишком удобное для того, чтобы расслабиться по полной программе. Что ж, того, кто создал это кресло, не стоило судить слишком строго — ведь этот кинозал был исключительно функциональным.

На экране появилось название фильма, снабженное коротким сопроводительным текстом:

ДОРОГА В КОСМОС

Техническая поддержка и спецэффекты —
Межпланетное общество
Производство — Eagle-Lion

Экран потемнел. Затем посередине появилась узкая полоска звездного света. Она начала постепенно расширяться, и Дирк понял, что он находится под открывающимся куполом какой-то крупной обсерватории. Звездное поле продолжало расширяться, Дирк словно бы приближался к нему.

«На протяжении двух тысячелетий,— зазвучал негромкий голос,— люди мечтали о путешествиях к иным мирам. Историям о межпланетных полетах нет числа, но только в нашем веке была создана техника, которая помогла этим мечтам сбыться».

На фоне звездного поля возник темный силуэт — тонкий, заостренный, словно бы стремящийся ввысь. Фон стал светлее, звезды исчезли. Осталась величественная ракета, стоявшая посреди пустыни. Ее серебристая обшивка сверкала под лучами солнца.

Вспыхнуло пламя такой силы, что казалось, будто песок плавится. Затем гигантская ракета начала медленно подниматься, словно ее тянули на невидимом тросе. Камера скользнула вверх: ракета уменьшилась в размерах и устремилась в небо. Не прошло и минуты, как от нее остался только шлейф выхлопных газов.

«В тысяча девятьсот сорок втором году,— продолжал комментатор,— первые из огромных современных ракет были тайно запущены с берега Балтийского моря. Это были "Фау-два", предназначенные для разрушения Лондона. Поскольку эти ракеты стали прототипом всех позднейших устройств, в том числе и космического корабля, давайте рассмотрим "Фау-два" подробно».

На нескольких кадрах были показаны изображения «Фау-2» в различных сечениях, со всеми главными ком-

понентами — топливными баками, системой подачи топлива и двигателем. С помощью мультипликации было доступно продемонстрировано действие ракеты.

«Ракета "Фау-два",— продолжал комментатор,— могла достигать высоты более пятидесяти километров и после войны широко использовалась для изучения ионосферы».

Последовали весьма зрелищные кадры успешных запусков ракет в пустыне Нью-Мехико в конце сороковых годов и несколько еще более зрелищных кадров, запечатлевших неудачные запуски.

«Как видите, эта ракета не всегда была надежна, и вскоре ей на смену пришли более мощные и более точно управляемые аппараты — такие как эти...»

Ракеты торпедообразной формы сменились длинными тонкими иглами, вонзавшимися в небо и возвращавшимися обратно под раскрытыми парашютами. Один за другим ставились и побивались рекорды скорости и высоты. А в тысяча девятьсот пятьдесят девятом...

«Вы видите сборку "Сиротки Энни". Она состояла из четырех отдельных узлов, именуемых ступенями. Каждая из этих ступеней отваливалась в полете, как только заканчивался запас топлива. Первоначальный вес ракеты составлял сто тонн — и при этом вес груза равнялся всего одиннадцати килограммам. Но этот груз в виде порошка магния стал самым первым объектом, отправленным с Земли и достигшим поверхности другой планеты».

На экране появилась Луна. Белые арены кратеров, длинные черные тени поперек пустынных равнин. Луна не полностью завершила вторую четверть, и зазубренная линия терминатора отделяла свет от тьмы. Неожиданно посередине невидимой части Луны на мгновение просияла яркая вспышка — и погасла. «Сиротка Энни» достигла цели.

«Но все эти ракеты были просто снарядами: ни одному человеку пока не удалось подняться выше атмосферы и благополучно вернуться на Землю. Первый аппарат, поднявший одного пилота на высоту в три сотни километров, назывался "Aurora Australis" и был запущен в тысяча девятьсот шестьдесят втором году. К этому времени все успехи в за-

пусках ракет большой дальности полета были основаны на результатах исследований, проводимых в австралийской пустыне».

За «Авророй» последовали другие, более мощные корабли, и в тысяча девятьсот семидесятом году Лонсдейл и Маккинли на борту американского космического корабля совершили первый орбитальный полет вокруг Земли. Они совершили три витка и благополучно приземлились.

Далее последовали кадры, от которых захватывало дух. По всей видимости, воспроизведение было ускоренным, поскольку Земля вращалась внизу очень быстро. У Дирка даже немного закружилась голова, а когда он пришел в себя, комментатор уже рассказывал о силе притяжения. Он объяснил, каким образом сила притяжения удерживает все на поверхности Земли, как она ослабевает с расстоянием, но никогда не исчезает полностью. Анимационные схемы продемонстрировали, как можно придать физическому телу такую скорость, что оно будет вечно вращаться вокруг планеты. При этом сила притяжения уравновешивала центробежную силу — точно так же, как происходило с Луной на орбите Земли. Это явление было показано человеком, вертящим над головой камень, привязанный к бечевке. Он постепенно прибавлял длину бечевки и продолжал вращать камень все медленнее.

«Вблизи Земли,— вновь зазвучал голос комментатора,— физическим телам приходится перемещаться со скоростью восемь километров в секунду, для того чтобы оставаться на устойчивой орбите,— но Луна, находящаяся на расстоянии в четверть миллиона километров от Земли, где сила притяжения значительно ниже, должна двигаться со скоростью в десять раз ниже.

Но что произойдет, если физическое тело — например, ракета — покинет Землю со скоростью *выше* восьми километров в секунду? Смотрите...»

На экране появилась модель Земли, парящей в космосе. Над экватором вокруг планеты двигалась маленькая точка.

«Это ракета, летящая чуть выше атмосферы со скоростью восемь километров в секунду. Теперь, если мы увеличим

скорость ракеты до десяти километров в секунду, она все равно будет летать вокруг Земли, но ее орбита примет форму эллипса. Если скорость будет нарастать, эллипс еще больше удлинится и ракета уйдет еще дальше в космос. Но при этом она всегда возвращается.

Однако, если мы увеличим первоначальную скорость ракеты до одиннадцати километров в секунду, эллипс превратится в параболу — вот так,— и ракета покинет Землю навсегда. Земное притяжение не сможет ее удержать; теперь она странствует по космосу, как крошечная рукотворная комета. Если Луна будет в подходящем положении, наша ракета врежется в нее, как "Сиротка Энни". Конечно, меньше всего было нужно, чтобы такое произошло с космическим кораблем».

Затем последовало долгое объяснение с показом всех стадий гипотетического путешествия на Луну. Комментатор рассказал, сколько топлива должно быть взято для благополучной посадки и сколько его нужно для благополучного возвращения. Он вкратце коснулся проблем навигации в космосе и объяснил, как готовятся продукты для астронавтов. В заключение он сказал:

«Мы многого достигли в области использования ракет на химическом топливе, но для подлинного завоевания космоса, а не только для коротких вылазок в пространство мы должны воспользоваться неограниченными возможностями атомной энергии. В настоящее время ракеты с атомными двигателями переживают стадию младенчества: они опасны и непредсказуемы. Но через несколько лет мы их усовершенствуем, и человечество сделает первый великий шаг по Дороге в Космос».

Голос комментатора стал громче, на его фоне зазвучала музыка. А потом Дирк словно бы неподвижно повис в пространстве, в сотнях метров от земли. Он едва успел разглядеть несколько домов, стоящих на большом расстоянии друг от друга, и понял, что он находится внутри ракеты, совершившей старт. Потом вернулось чувство времени: пустыня начала удаляться — все быстрее и быстрее. Стала видна гряда невысоких холмов, а потом и холмы исчезли. Картинка

на экране медленно вращалась. Масштаб безжалостно сжимался, и Дирк в ужасе осознал, что видит перед собой все южное побережье Австралии.

Ракета перестала ускоряться, но удалялась от Земли почти со скоростью, позволяющей покинуть орбиту. В поле зрения появились два острова Новой Зеландии, а затем на краю картинки возникла белая полоса, которую Дирк сначала принял за облако.

У Дирка ком подкатил к горлу, когда он понял, что смотрит с огромной высоты на вечные ледяные стены Антарктиды. Он вспомнил о «Дискавери», стоявшем на приколе менее чем в километре от здания Межпланетного общества. А он сейчас мог охватить взглядом весь континент, который не так уж давно пытались покорить Скотт и его спутники и погибли.

А потом перед ним предстал край мира. Гироскопическая стабилизация начала отказывать, камера удалилась в пространство. Долгое время на экране не было ничего, кроме черноты ночи, а потом, без предупреждения, камера полностью повернулась к Солнцу, и экран залило слепящим светом.

Когда на экран вновь вернулась Земля, перед Дирком распростерлось целое полушарие. Картинка замерла, музыка затихла, и Дирк смог увидеть материки и океаны на планете, которая теперь казалась ему далекой и незнакомой.

Несколько минут этот далекий шар висел на экране прямо перед ним, а потом медленно растворился. Урок был окончен, но Дирк знал, что не скоро его забудет.

7

С двумя молодыми редакторами, с которыми Дирк делил кабинет, отношения у него сложились теплые. Они были не совсем уверены в его официальном положении (и он сам тоже), поэтому вели себя с ним то почтительно, то фамильярно. Но было кое-что в их поведении, что его ужасно раздражало.

Дирку казалось, что точек зрения относительно межпланетного полета может быть только две: «за» или «против», и ему была непонятна позиция, выражавшаяся полным безразличием. Эти юнцы (сам он был на целых пять лет старше), зарабатывавшие себе на жизнь в самом сердце Межпланетного общества, казалось, не проявляли никакого интереса к проекту. Трудились над планами, вели расчеты с таким энтузиазмом, словно это были чертежи стиральных машин, а не космических кораблей. Правда, защищая свое отношение к делу, они выказывали определенное оживление.

— Ваша беда, док,— как-то изрек ближе к вечеру Сэм, старший из двоих,— в том, что вы относитесь к жизни слишком серьезно. Это вы зря. Плохо сказывается на кровеносных сосудах и всем прочем.

— Если бы некоторые люди хоть немного не переживали,— парировал Дирк,— то у бездельников вроде вас не было бы работы.

— И что? — пожал плечами Берт.— Эти ваши трудяги должны быть нам благодарны. Если бы не мы с Сэмом, им не о чем было бы переживать и они померли бы от скуки. Большинство, по крайней мере.

Сэм переместил сигарету от одного краешка рта к другому. (Уж не приклеивал ли он ее чем-нибудь к нижней губе, чтобы она висела под таким невозможным углом?)

— Вот вы все время так взволнованно рассуждаете о прошлом, а оно мертво, с ним покончено. Или о будущем, которого мы не увидим. Почему бы ради разнообразия не расслабиться и не наслаждаться настоящим?

— Я наслаждаюсь,— буркнул Дирк.— Просто, по-моему, вы не понимаете, что существуют люди, которые любят работать.

— Такие люди себя обманывают,— объяснил Берт.— Это просто-напросто самовнушение. А мы ребята умные и умеем без этого обходиться.

— А я думаю,— не без восхищения проговорил Дирк,— что если вы столько сил будете тратить на то, чтобы уклоняться от работы, то разработаете новую философию. Философию ничегонеделания.

— Это вы прямо сейчас придумали?

— Нет,— признался Дирк.

— Я так и думал. Звучит так, словно вы это словечко давно приберегали.

— Скажи мне, Берт,— спросил Дирк,— хоть что-нибудь вызывает у тебя интеллектуальное любопытство?

— Не особенно, пока я знаю, откуда берется очередной чек на получение зарплаты.

Конечно, они шутили, морочили Дирку голову и прекрасно знали, что он это понимает. Дирк рассмеялся.

— Мне кажется, что руководство отдела по связям с общественностью случайно не заметило милый маленький оазис инерции прямо у своего порога. Слушайте, у меня такое впечатление, будто вам совершенно наплевать, долетит «Прометей» до Луны или нет.

— Я бы так не сказал,— возразил Сэм.— Я пять фунтов поставил на этот кораблик.

Дирк не успел достойно ответить. Дверь распахнулась, и в кабинет вошел Мэтьюз. Сэм и Берт с отработанной ловкостью разыграли процесс напряженной и вдумчивой работы.

Мэтьюз явно спешил.

— Хотите бесплатно выпить чаю? — спросил он у Дирка.

— Надо подумать. Где?

— В палате общин. Вы как-то на днях обмолвились, что никогда там не бывали.

— Звучит интересно. Но в чем дело?

— Собирайтесь, по пути объясню.

В такси Мэтьюз наконец все растолковал.

— Нам довольно часто дают такие поручения,— сказал он.— Мак тоже должен был пойти, но ему пришлось улететь в Нью-Йорк, и пару дней его не будет. Вот я и подумал: может быть, вы захотите составить мне компанию. Для протокола — вы один из наших юрисконсультов.

— Весьма предусмотрительно,— кивнул Дирк.— С кем нам предстоит встреча?

— С премилым стариканом, сэром Майклом Флэнниганом. Он ирландец, представитель тори. И то и другое — до мозга костей. Некоторые из его однопартийцев не в во-

сторге от новомодных космических кораблей — они, наверное, даже к братьям Райт так и не привыкли. Придется растолковать ему, что к чему.

— Не сомневаюсь, вы развеете его сомнения,— проговорил Дирк, когда они проехали мимо Каунти-холла и повернули к Вестминстерскому мосту.

— Надеюсь. Я продумал наш разговор. Полагаю, все должно пройти успешно.

Они проехали в тени Биг-Бена, потом промчались вдоль фасада величественного готического здания. Вход, около которого такси остановилось, представлял собой непримечательную арку, за которой начинался длинный коридор. Стоило переступить порог — и казалось, что шум уличного движения на площади остался далеко позади. Здесь было прохладно и тихо. Дирка охватило чувство благоговения перед стариной и древними традициями.

Поднявшись по короткой лестнице, они оказались в большом зале, от которого лучами расходились коридоры. По залу перемещалась небольшая толпа, а другие люди сидели в ожидании на деревянных скамьях. Справа, у регистрационного столика, стоял дородный полисмен в полной форме — шлем и все прочее.

Мэтьюз подошел к столику и взял бланк, который тут же заполнил и протянул полисмену. Некоторое время ничего не происходило. Затем появился чиновник, скороговоркой выпалил какие-то слова и забрал у полисмена бланк, после чего исчез в одном из коридоров.

— Господи, что он сказал? — прошептал Дирк во внезапно воцарившейся тишине.

— Он сказал, что мистера Джонса, леди Каррузерс и еще кого-то, чье имя я не разобрал, в данный момент в палате нет.

Похоже, все, кроме Дирка, суть этой фразы уяснили, поскольку некоторые люди стали с недовольным видом расходиться.

— Теперь нам предстоит ждать,— сказал Мэтьюз.— Но недолго, поскольку нам назначена аудиенция.

На протяжении десяти минут назывались другие имена, и члены палаты общин выходили и уводили с собой своих

посетителей. Порой Мэтьюз что-нибудь говорил о человеке, о котором Дирк ничего не знал. Дирк старался делать вид, что понимает, о ком речь.

Но вот он заметил, что полисмен указывает на высокого молодого человека, весьма далекого от представлений Дирка о пожилом ирландском баронете.

Молодой человек подошел к ним.

— Как поживаете? — спросил он.— Моя фамилия Фокс. Сэр Майкл еще несколько минут будет занят, поэтому он попросил меня позаботиться о вас. Быть может, вы желаете послушать дебаты, пока сэр Майкл не освободится?

— Безусловно, желаем,— ответил Мэтьюз с несколько преувеличенным энтузиазмом.

Дирк догадался, что это для Мэтьюза не ново, а ему было довольно интересно увидеть парламент в действии.

Они проследовали за своим проводником по бесконечным коридорам, миновали бесчисленные арки. Наконец Фокс передал их престарелому распорядителю, который, судя по его возрасту, вполне мог быть свидетелем подписания Хартии вольности.

— Он подберет для вас удобные места,— пообещал мистер Фокс.— Сэр Майкл примет вас через несколько минут.

Дирк и Мэтьюз поблагодарили Фокса и пошли вслед за стариком-распорядителем вверх по витой лестнице.

— Кто это был? — спросил Дирк.

— Роберт Фокс — лейборист, член палаты общин от Тонтона,— ответил Мэтьюз.— Это еще одна особенность палаты — здесь каждый кому-то помогает. Принадлежность к конкретной партии не так много значит, как думают посторонние.

Он обратился к распорядителю:

— Какой вопрос сейчас дебатируется?

— Билль о контроле за производством безалкогольных и слабоалкогольных напитков во втором чтении,— отрапортовал распорядитель заупокойным голосом.

— О боже! — воскликнул Мэтьюз.— Будем надеяться, что нас действительно через несколько минут примут!

Со скамей на верхней галерее открывался хороший вид на зал, в котором шли дебаты. Дирк не раз видел этот зал

на фотографиях, но он всегда представлял себе дебаты так: кто-нибудь из парламентариев вскакивает и кричит: «Регламент!» или, того хуже: «Стыд и позор!», «Отозвать!» — или еще что-то в том же духе. Вместо всего этого он увидел около тридцати вальяжных джентльменов, рассевшихся на скамьях, и заместителя министра, который зачитывал не слишком увлекательный перечень цен и доходов. На глазах у Дирка два члена палаты одновременно решили, что с них хватит, и, отвесив едва заметные поклоны спикеру, удалились из зала. «Можно не сомневаться,— подумал Дирк,— что они отправились на поиски не самых безалкогольных напитков».

Он обвел взглядом огромный зал. Помещение палаты общин совсем неплохо сохранилось для своих лет, и было чудесно поразмышлять об исторических сценах, которые разыгрывались здесь на протяжении столетий, начиная с...

— Смотрится неплохо, правда? — прошептал Мэтьюз.— Восстанавливать закончили только в тысяча девятьсот пятидесятом, знаете?

Дирк вздрогнул и вернулся в настоящее.

— Господи боже! А я думал, этому зданию несколько веков!

— О нет. Прежнее здание Гитлер сровнял с землей во время блицкрига.

Дирк рассердился на себя за то, что забыл об этом, и снова стал слушать дебаты. Теперь на сторону правительства встали пятнадцать членов палаты, а составлявшие оппозицию консерваторы и лейбористы едва дотягивали до чертовой дюжины.

Неожиданно тяжелая дубовая дверь, около которой они сидели, открылась, и, обернувшись, Дирк и Мэтьюз увидели круглое улыбающееся лицо. Мэтьюз проворно вскочил. Сэр Майкл поприветствовал его и Дирка и многократно извинился. В коридоре, где можно было говорить громче, Мэтьюз представил Дирка и сэра Майкла друг другу, после чего они через лабиринт коридоров проследовали за парламентарием в ресторан. Дирк решил, что такого числа акров деревянных панелей он никогда в жизни не видел.

Старому баронету наверняка было далеко за семьдесят, но он шагал пружинящей походкой, и морщинок у него на лице почти не было. Своей идеально круглой лысиной он настолько напоминал средневекового аббата, что Дирку стало казаться, будто они находятся под сводами Гластонбери* в эпоху, предшествовавшую упразднению монастырей. Но стоило зажмуриться — и акцент сэра Майкла переносил его в центр Нью-Йорка. В последний раз он слышал такой выговор у полицейского, вручавшего ему штрафную квитанцию за то, что он проехал на красный свет.

Они сели за столик. Дирк осторожно отказался от кофе, и всем троим принесли чай. За чаем говорили о всяких тривиальных вещах, избегая главной цели встречи. Ее коснулись только тогда, когда вышли на длинную террасу, идущую вдоль Темзы. Дирк подумал, что на этой террасе все происходит намного живее, чем в зале заседаний. Тут и там люди стояли небольшими группами и что-то оживленно обсуждали. Между этими группами сновали посыльные. Порой многие парламентарии вдруг приносили извинения и покидали своих гостей, дабы вернуться в зал и принять участие в голосовании. Во время одной из таких пауз Мэтьюз постарался растолковать Дирку, как работает парламент.

— Видите ли,— сказал он,— большая часть работы ведется в помещениях парламентских комиссий. За исключением важных дебатов, в зале заседания присутствуют только специалисты или те члены палаты, которых особенно интересует тот или иной дебатируемый законопроект. Остальные трудятся над отчетами или встречаются с избирателями в своих маленьких норках, разбросанных по всему зданию.

* Гластонбери — один из древнейших городов Англии, место расположения знаменитого Гластонберийского аббатства, первая каменная церковь в котором была построена в 712 г. С Гластонбери связано множество легенд и преданий, в частности — легенда о Святом Граале. После роспуска английских монастырей Генрихом VIII (1536—1539) средневековые сооружения аббатства были разобраны на щебень для мощения дорог. Исчезновение аббатства подорвало общенациональное значение города. О величии древнего Гластонбери напоминают лишь скудные развалины.

— Ну а теперь, мальчики,— прогремел голос вернувшегося сэра Майкла, который по пути прихватил поднос с напитками,— расскажите-ка мне об этом вашем плане путешествия на Луну.

Мэтьюз прокашлялся, а Дирк быстро прокрутил в уме все возможные варианты гамбита.

— Что ж, сэр Майкл,— начал Мэтьюз,— это лишь логическое продолжение всего, чем занималось человечество с начала времен. Тысячи лет человеческая раса распространялась по миру — до тех пор, пока вся планета не была исследована и заселена. Теперь настала пора сделать следующий шаг — пересечь космическое пространство и ступить на иные планеты. Человечество всегда должно иметь новые горизонты, новые границы. Иначе рано или поздно ему суждено деградировать. Межпланетные полеты — очередная стадия нашего развития, и было бы мудро сделать этот шаг, пока нас не подтолкнула к нему нехватка сырья и места на планете. Кроме того, у космических полетов есть психологические причины. Много лет назад кто-то уподобил нашу маленькую Землю аквариуму с золотыми рыбками, внутри которого человеческому разуму в один прекрасный момент должно стать тесно. Человечеству хватало нашей планеты во времена почтовых дилижансов и парусников, но теперь, когда мы способны облететь ее за пару часов, она стала для нас мала.

Мэтьюз слегка запрокинул голову, наблюдая за тем, какой эффект произвела на присутствующих эта шокирующая тирада. В первое мгновение вид у сэра Майкла был немного обескураженный, однако он тут же овладел собой и допил остатки спиртного.

— Все это звучит несколько патетично,— сказал он.— Но что вы станете делать, когда доберетесь до Луны?

— Вы должны понять,— с прежним вдохновением продолжал Мэтьюз,— что Луна — это только начало. Безусловно, двадцать пять миллионов квадратных километров — совсем неплохое начало, но мы рассматриваем полет на Луну всего лишь как трамплин на пути к другим планетам. Как вам известно, на Луне нет воздуха и воды, поэтому первые

колонии там должны быть абсолютно герметичными. Однако за счет низкой силы притяжения на Луне будет легко возводить очень крупные постройки. Уже готовы планы целых городов под прозрачными куполами.

— Мне кажется,— скептически проговорил сэр Майкл,— что вы собираетесь увезти с собой свои «аквариумы»!

Мэтьюз был близок к улыбке.

— Хорошо подмечено,— кивнул он.— Но скорее всего, Луна станет местом, где в основном будут проводить исследования астрономы и физики. Для них это невероятно важно, и, как только они смогут построить там лаборатории и обсерватории, у человечества откроется путь к новым областям знаний.

— Но станет ли благодаря этому человечество лучше и счастливее?

— Это, безусловно, зависит от него самого. Знания нейтральны, но ими нужно обладать, и только тогда их можно употребить на добрые или злые дела.— Мэтьюз широким жестом обвел реку, лениво текущую между плотно застроенными берегами.— Все в нашем современном мире стало возможным благодаря знаниям, накопленным в древние времена. И цивилизация не статична: если она остановится, она погибнет.

Некоторое время все молчали. На Дирка речь Мэтьюза тоже произвела впечатление. Он даже подумал, уж не ошибается ли он, считая Мэтьюза всего лишь умелым торговцем, рекламирующим чужие идеалы. А может быть, Мэтьюз просто талантливый инструменталист, исполняющий музыкальное произведение технически безупречно, но без души? Дирк не был уверен ни в первом, ни во втором. Хотя Мэтьюз и был экстравертом, он явно о многом умалчивал, и Дирк понимал, что к глубинам души Мэтьюза ему ни за что не пробиться. В этом плане Мэтьюз вполне соответствовал представлениям Дирка о легендарном существе, именуемом типичным англичанином.

— Я получил немало писем,— сказал сэр Майкл,— от друзей из Ирландии, которым совсем не нравится эта идея. Они считают, что нам вообще ни к чему покидать Землю. Что я должен им ответить?

— Напомните им кое-какие моменты из истории,— посоветовал Мэтьюз.— Скажите им, что мы — исследователи, первооткрыватели, и попросите не забывать о том, что некогда кому-то пришлось открыть Ирландию! — Он искоса глянул на Дирка, словно хотел этим взглядом сказать: «Ну, сейчас начнется!» — Представьте, что мы переместились на пять веков назад, сэр Майкл, и меня зовут Христофор Колумб. Вы хотите узнать, почему мне так не терпится поплыть на запад через Атлантический океан, и я попытался изложить вам свои соображения. Не знаю, сумел ли я убедить вас: вероятно, вы не особенно заинтересованы в том, чтобы был найден новый путь в Индию. Но вот что важно: ни вы, ни я не представляем себе, что будет означать это путешествие для всего мира. Скажите вашим друзьям, сэр Майкл: пусть они задумаются о том, что было бы с Ирландией, если бы не была открыта Америка. Луна больше Северной и Южной Америки, вместе взятых,— и это всего лишь первая и самая малая из планет, к которым мы доберемся.

Когда Мэтьюз и Дирк прощались с сэром Майклом, в просторном зале ожидания осталось всего несколько человек. Сэр Майкл пожал им руки. Было заметно, что он все еще немного не в себе.

— Надеюсь, ирландский вопрос на какое-то время затихнет,— проговорил Мэтьюз, когда они с Дирком вышли из здания палаты общин и оказались в тени, отбрасываемой башней Виктории.— А что скажете насчет старикана?

— Он показался мне интересным персонажем. Я бы многое отдал, чтобы послушать, как он растолковывает ваши идеи своим избирателям.

— Да,— кивнул Мэтьюз,— это было бы занимательное зрелище.

Они прошли пару метров от главного входа в палату общин до моста, и неожиданно Мэтьюз спросил:

— А вы-то сами, кстати, что обо всем этом думаете?

Дирк ответил уклончиво.

— Рассуждая логически, с вами нельзя не согласиться,— сказал он.— Но почему-то я не испытываю таких чувств, ко-

торые владеют вами. Быть может, это произойдет со мной позднее — я просто не знаю.

Он видел перед собой великий Лондон, пульсирующий жизнью и пронизанный духом коммерции, казалось, не имеющий возраста, вечный, как горы. Что бы ни принесло с собой будущее, все это никогда не исчезнет! И все же Мэтьюз прав, цивилизация не может остановиться. По набережной, вдоль которой они с Мэтьюзом сейчас прогуливаются, когда-то шли к реке на водопой мамонты. Хозяевами этой страны были они и обезьянолюди, но их эпоха тоже миновала: леса и болота отступили перед мощью машин. Дирк понимал, что история только начинается. На далеких планетах, под неведомыми звездами, Время и Боги уже готовят место для будущих городов Человека.

8

Сэр Роберт Дервент, магистр философских наук, член Королевского общества содействия развитию естествознания, генеральный директор Межпланетного общества, был человеком с виду неприступным, чем-то напоминающим покойного Уинстона Черчилля. Сходству до некоторой степени мешало пристрастие сэра Роберта к курительным трубкам*, которые, по слухам, имели две разновидности — «обычные» и «экстренные». «Экстренные» всегда были заправлены, чтобы их можно было пустить в ход, когда являлись нежеланные посетители. Секретное «горючее» представляло собой окуренные серой чайные листья.

Сэр Роберт был такой яркой личностью, что его имя обросло многочисленными легендами. Львиную долю этих легенд создали его ассистенты, которые ради своего шефа были готовы пойти в огонь, воду и в адское пламя, куда им зачастую и приходилось отправляться, поскольку лексикон генерального директора был вовсе не таким, какого следовало бы ожидать от бывшего королевского астронома. Он

* Черчилль курил сигары.

без всякого почтения относился к именам и капиталам, а некоторые из его высказываний в разговорах со знаменитыми, но не сверхинтеллигентными собеседниками стали поистине историческими. Однажды даже представителям королевского семейства пришлось спасаться от открытой им словесной пальбы. Однако, несмотря на все эти устрашающие внешние качества, сэр Роберт был человеком добрым и чувствительным. Многие об этом догадывались, но мало кому удалось лично в этом удостовериться.

В шестьдесят лет, будучи трижды дедушкой, сэр Роберт выглядел на сорок пять. Как тот политический деятель, с которым его часто сравнивали, он презирал элементарные правила заботы о здоровье и постоянно травил себя никотином. Однажды один репортер метко окрестил его Френсисом Дрейком от науки — одним из астрономических первооткрывателей второй Елизаветинской эпохи.

Ничего особенно елизаветинского в генеральном директоре, просматривавшем свежую почту в клубах табачного дыма, по большому счету, не было. С корреспонденцией он обходился с фантастической скоростью — пробежав глазами обратный адрес, раскладывал письма перед собой небольшими стопками. Какие-то конверты он сразу отправлял в корзину для бумаг, из которой его подчиненные затем аккуратно их выуживали и помещали в объемистую папку с элегантным названием «ДРЕБЕДЕНЬ». Под это определение попадал примерно один процент корреспонденции, поступавшей в Межпланетное общество.

Сэр Роберт как раз закончил разбор почты, когда дверь его кабинета открылась и вошел доктор Гроувз, советник по вопросам психологии, с папкой отчетов. Сэр Роберт встретил его невеселым взглядом.

— Ну, ворон вы этакий, что там за суета вокруг нашего юного Хассела? Я полагал, что все под контролем.

Гроувз положил папку на стол. Вид у него был встревоженный.

— Еще несколько недель назад я тоже так думал. До недавнего времени у парней все шло отлично, никто из них не проявлял признаков стресса. А потом мы заметили, что

Вика что-то беспокоит, и наконец вчера мне удалось его разговорить.

— Дело в его жене, как я догадываюсь?

— Да. Все весьма неудачно. Вик и в обычных обстоятельствах сверхзаботливый отец, и Мод Хассел не знает, как он может повести себя по пути к Луне, когда родится мальчик.

Генеральный директор поднял брови.

— Вам известно, что родится именно мальчик?

— Обследование по системе Вайсмана — Мэзерса дает степень точности девяносто пять процентов. Вик хотел сына — на тот случай, если он не вернется.

— Понимаю. Как вы думаете, как отреагирует миссис Хассел, когда узнает? Конечно, пока еще точно неизвестно, будет ли Вик включен в состав экипажа.

— Думаю, она справится. Вик переживает гораздо сильнее. А как вы себя чувствовали в ожидании первенца?

Сэр Роберт усмехнулся.

— Разве теперь вспомнишь... Между прочим, я был в отъезде — в экспедиции, посвященной наблюдению за солнечным затмением. Я тогда чуть было не запорол коронограмму, так что Вика очень хорошо понимаю. Но на самом деле это полная чушь, и вы должны вбить ему это в голову. Скажите ему, пусть поговорит с женой, а ее попросите, чтобы его успокоила. Могут ли возникнуть еще какие-то осложнения?

— На мой взгляд, нет. Но это всегда непредсказуемо.

— Да, это точно.

Взгляд генерального директора скользнул по небольшой рамочке, стоявшей на его письменном столе. В рамочке красовался его девиз. Доктор Гроувз помнил эти строки наизусть, хотя и не знал их автора:

Когда в мире все хорошо,
О чем-то всегда забывают*.

Он решил, что когда-нибудь непременно спросит у сэра Роберта, откуда эти строки.

* Г. Честертон. «Баллада о белом коне».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

На высоте четыреста тридцать километров над Землей «Бета» совершала третий виток вокруг планеты. Рассекая атмосферу, она, словно крошечный спутник, совершала один оборот за девяносто минут. Если бы пилот вновь не включил двигатели, «Бета» осталась бы здесь, на границе космоса, навсегда.

Но «Бета» не была предназначена для полетов в открытом космосе, ее уделом было оставаться в верхних слоях атмосферы. Как рыбы, порой выбирающиеся на сушу, она лишь на время покинула родную стихию, и ее огромные крылья сейчас представляли собой бесполезные листы металла, немилосердно опаляемые жестоким солнцем. От этих крыльев мог быть какой-то толк лишь тогда, когда «Бета» опустится ниже, туда, где есть воздух.

На спине «Беты» была закреплено нечто вроде торпеды, которую с первого взгляда можно было принять за еще одну ракету. Но у этой ракеты не было ни иллюминаторов, ни сопл и никаких приспособлений для посадки. Изящный металлический снаряд напоминал гигантскую бомбу, ожидающую мгновения, когда ее сбросят. Это был первый из контейнеров с горючим для «Альфы», содержащий тонны жидкого метана, который перекачают в топливные баки космического корабля, когда тот будет готов к полету.

Казалось, «Бета» неподвижно висит на фоне эбонитово-черного неба, а Земля вращается под ней. Инженеры на борту «Беты», проверявшие показания приборов и передавшие данные на станции управления на Землю, не слишком торопились. Им было почти все равно, сколько раз они облетят Землю — один или десять. Они должны были пробыть на орбите до тех пор, пока их не удовлетворят результаты тестов — если только, как высказался главный инженер, у них раньше не закончатся сигареты.

В данный момент вдоль линии соединения «Беты» с топливной цистерной пробежали крохотные облачка пара. Сработали взрывные болты, соединяющие их. Очень медленно, со скоростью чуть больше метра в минуту, огромная цистерна начала отплывать от корабля.

В корпусе «Беты» открылся люк, из которого выплыли два человека в громоздких скафандрах. Выпуская облачка газа из маленьких цилиндров, они направились к дрейфующей топливной цистерне и стали ее внимательно осматривать. Один из них открыл небольшую дверцу и стал считывать показания приборов, а другой начал обследовать обшивку цистерны на предмет возможной утечки газа.

Около часа больше ничего не происходило, не считая выбросов пара из дополнительных маневровых сопл «Беты». Пилот разворачивал корабль носом против орбитального движения, а это был не самый простой маневр. Теперь почти тридцать метров отделяло «Бету» от доставленной ею с Земли цистерны с топливом. Трудно было осознать, что за время этой неспешной операции корабль и цистерна почти обогнули Землю.

Инженеры в скафандрах закончили свою работу, вернулись к кораблю, и крышка люка за ними закрылась. Последовала еще одна долгая пауза. Пилот ждал момента для начала торможения.

Совершенно неожиданно корма «Беты» озарилась ярчайшей вспышкой. Раскаленные добела газы сформировали светящийся столп. Как только заработали двигатели, к людям, находящимся на борту, вернулся обычный вес. Каждые пять секунд скорость «Беты» падала на сто шестьдесят километров в час. Она покидала орбиту и скоро должна была начать снижаться к Земле.

Слепящее пламя атомной горелки мигнуло и погасло. Снова из небольших маневровых сопл выделился пар: теперь пилот торопился развернуть корабль вдоль оси. В космосе ориентация большого значения не имеет, но через несколько минут корабль должен был войти в атмосферу, поэтому его следовало развернуть в направлении движения.

Члены экипажа «Беты» почувствовали, как чуть более заметно сдавили их тело страховочные ремни. Постепенно давление начало нарастать, и вот наконец стал слышен едва различимый шелест за обшивкой корабля. Они меняли высоту на скорость, а скорость они могли потерять только за счет сопротивления воздуха. Если бы контакт между кораблем и воздухом стал слишком жестким, короткие крылья сломались бы, обшивка расплавилась и корабль уподобился бы стае метеоритов.

Крылья вгрызались в разреженный воздух, рассекаемый кораблем со скоростью почти тридцать тысяч километров в час. Пока они по-прежнему были бесполезны, но вскоре корабль должен был постепенно начать их слушаться. Даже с отключенными двигателями пилот мог выбрать для посадки почти любое место на Земле. Он вел сверхзвуковой планер, скорость которого позволяла облететь на нем вокруг планеты.

Очень медленно корабль преодолевал стратосферу, каждую минуту теряя скорость. Когда скорость упала до чуть более полутора тысяч километров в час, открылись воздухозаборные устройства реактивных двигателей и вновь загорелись мертвенным пламенем атомные горелки. Из сопл вылетели струи горящего воздуха. Корабль оставлял за собой знакомый красновато-коричневый след, созданный окислами азота. Теперь «Бета» летела в атмосфере, ее двигатели работали прекрасно, она возвращалась домой.

Последняя проверка была завершена. Почти в пятистах километрах над поверхностью Земли, каждые сорок минут перелетая из дня в ночь, по своей вечной орбите вращалась первая топливная цистерна. За несколько дней таким же образом на орбиту доставят еще несколько цистерн. А потом настанет момент, когда топливо из них будет перелито в пустые баки «Альфы», которая стартует к Луне...

1

Как и предсказывал Мэтьюз, Отдел противодействия публичности наконец стартовал и быстро набрал крейсерскую скорость. Успешный запуск первой цистерны с топливом и благополучное возвращение «Беты» показали, что все, что можно было проверить, функционирует идеально. Готовый к полету экипаж через несколько дней должен был вылететь в Австралию, и необходимость в секретности отпала.

В Саутбэнке наступило безумное утро. В прессе появились первые сообщения о доме на Рочдейл-авеню. Научные редакторы крупных ежедневных газет, как обычно, изложили информацию более или менее точно, но некоторые из менее серьезных изданий, которые отправили в «Ясли» своих спортивных репортеров, театральных критиков или еще кого-то, кто оказался под рукой, опубликовали поистине фантастические статьи. Мэтьюз почти весь день вел телефонную войну с Флит-стрит и метался между желанием либо гомерически расхохотаться, либо перестрелять всех репортеришек. Дирк советовал ему приберечь силы до поступления пресс-отчетов из-за океана.

Хассел, Ледук, Клинтон, Ричардс и Тейн сразу стали мишенями для беспрецедентного любопытства. Их биографии (заранее обработанные отделом по связям с общественностью) были опубликованы в газетах по всему миру. Брачные предложения сыпались в каждом письме как неженатым, так и женатым астронавтам. Кроме того, поступали горы писем с коммерческими предложениями. Ричардс язвительно заметил: «Все пытаются нам что-то всучить, все, кроме разве что страховых агентов».

Результаты деятельности Межпланетного общества близились к кульминации, и дела шли с точностью военной операции. Через неделю экипаж и руководство должны были вылететь в Австралию. С ними желали отправиться все, кто хоть как-то мог оправдать свое присутствие на космодроме. В ближайшие несколько дней все должны были быть заняты поисками подобных оправданий. Младшие сотрудни-

ки внезапно обнаруживали хворающих тетушек в Сиднее или бедствующих кузенов в Канберре, к которым срочно требовалась помощь и личное присутствие родственников.

Мысль о прощальной вечеринке, похоже, пришла на ум генеральному директору, и его горячо поддержал Мак-Эндрюс, ужасно расстроившийся из-за того, что не он первым до этого додумался. На вечеринку следовало пригласить всех сотрудников штаб-квартиры, а также множество представителей промышленности, прессы, университетов и бесчисленных организаций, с которыми вело дела Межпланетное общество. После составления и многократного уточнения списков было разослано всего семьсот приглашений. Даже главный бухгалтер, которому становилось дурно при мысли о пункте расходов под названием «гостеприимство», предусматривающем затраты в размере двух тысяч фунтов, был внесен в список.

Некоторые считали, что подобное празднество преждевременно и лучше дождаться возвращения «Прометея». Скептикам было сказано, что многие из работавших над проектом после запуска в Лондон не возвратятся, а разъедутся по своим странам. Вечеринка — последняя возможность собрать всех вместе. Пьер Ледук обобщил мнение экипажа, сказав: «Если мы вернемся, то будем ходить на вечеринки до конца жизни. А если нет, то вам стоит нас хорошенько проводить».

Отель, выбранный для этой вакханалии, был одним из самых лучших в Лондоне, но все же не слишком шикарным, чтобы ученые и большинство сотрудников среднего звена чувствовали себя комфортно. Приглашенным обещали, что речи будут немногочисленными и короткими, чтобы осталось как можно больше времени на празднование как таковое. Это вполне устраивало Дирка, который терпеть не мог долгих разглагольствований, зато тепло относился к банкетам и буфетам.

Он прибыл за десять минут до официального начала вечеринки. Мэтьюз расхаживал по вестибюлю в сопровождении двух плечистых официантов. С серьезнейшим выражением лица он представил их Дирку.

— Мои телохранители,— сказал он.— Приглядитесь, и вы заметите, как характерно у них оттопыриваются карманы. Мы ожидаем уйму желающих взломать ворота. Большей частью это будут те ребята с Флит-стрит, которых мы не пригласили. Боюсь, сегодня вечером вам придется самому о себе заботиться, но парни со значками «Стюард» на лацканах пиджаков подскажут вам, кто есть кто, если вам с кем-то захочется пообщаться.

— Все нормально,— сказал Дирк, сняв шляпу и пальто.— Надеюсь, вам все же удастся перекусить, спасая крепость от осады.

— С аварийными резервами у меня все схвачено. Кстати, выпивку можно получить у ребят со значками «Заправщики». Все напитки названы в честь разных видов ракетного топлива, так что никто не узнает, что у него в бокале, пока не выпьет. Но я вам кое-что подскажу.

— Слушаю внимательно.

— Ни в коем случае не пейте «гидразина гидрат»!

— Спасибо, что предупредили,— рассмеялся Дирк.

Несколько минут спустя он с радостью убедился, что Мэтьюз его дурачил. Все напитки подавались под своими настоящими названиями.

В ближайшие полчаса ресторан быстро заполнился. Дирку, в лучшем случае, был знаком один человек из двадцати, он чувствовал себя здесь не совсем уверенно, в итоге чаще, чем стоило, наведывался к бару. Время от времени он кивал знакомым, но большинство из них были увлечены общением с кем-нибудь еще. Дирк очень обрадовался, когда рядом с ним уселся, судя по всему, такой же, как он, одинокий гость.

Они завели непринужденную беседу и через некоторое время, естественно, заговорили о предстоящем приключении.

— Кстати,— сказал незнакомец,— я вас раньше в Межпланетном не видел. Вы давно здесь?

— Всего три недели с небольшим,— ответил Дирк.— У меня особое задание от Чикагского университета.

— Вот как?

Дирку хотелось поболтать, тем более что собеседник проявил лестный ему интерес к его работе.

— Я должен написать официальную историю первого полета и событий, которые к нему привели. Это путешествие станет одним из самых важных в истории, поэтому необходимо как можно более полно осветить его для будущего.

— Но ведь наверняка появится масса технических отчетов и газетных публикаций?

— Совершенно верно, но вы забываете, что все эти отчеты и статьи будут написаны для современников, и в них будет подразумеваться подтекст, понятный читателям наших дней. А мне нужно попытаться занять позицию вне времени и написать нечто такое, что будет читаться с полным пониманием через десять тысяч лет.

— Вот как? Грандиозно!

— Да. И это стало возможным совсем недавно — за счет новых достижений в исследовании языка, его семантики и символики. Но я боюсь, что вам скучно это слушать.

К огорчению Дирка, незнакомец не возразил ему.

— Полагаю,— небрежно проговорил незнакомец,— вы должны хорошо знать местное население. В смысле, положение у вас довольно-таки привилегированное.

— Это верно. Обо мне тут заботятся и помогают во всем.

— А вон молодой Хассел,— сказал собеседник Дирка.— Вид у него немного обеспокоенный, но и я бы на его месте беспокоился. А с экипажем вы знакомы?

— Пока нет, но надеюсь познакомиться. Несколько раз я разговаривал с Хасселом и Ледуком, но это все.

— А как вы думаете, кого отберут для полета?

Дирк собрался было изложить свои не слишком обоснованные соображения на этот счет, но заметил Мэтьюза, который отчаянно махал ему рукой с противоположного конца зала. На миг Дирку стало страшно — мало ли что могло случиться? Но затем у него возникли другие подозрения, и он, пробормотав неловкие извинения, покинул своего случайного собеседника.

Через несколько секунд Мэтьюз подтвердил его опасения.

— Майк Уилкинс — один из лучших журналистов, мы с ним вместе работали для «Ньюс». Но ради всего святого, говорите с ним поосторожнее. Если бы вы убили свою жену, он бы выудил это из вас, задавая невинные вопросики о погоде.

— Вряд ли я успел сказать ему что-то такое, о чем он сам не знает.

— Не обольщайтесь. Вы и ахнуть не успеете, как уже будете фигурировать в газете как «важный официальный представитель Межпланетного общества, а мне придется строчить официальное опровержение.

— Понятно. И много еще репортеров среди наших гостей?

— Приглашено было человек двенадцать,— мрачно отозвался Мэтьюз.— Так что я на вашем месте постарался бы избегать задушевных бесед с незнакомыми людьми. Прошу прощения, я должен вернуться на оборонительную позицию.

На взгляд Дирка, вечеринка удалась. Правда, он считал, что по части безопасности отдел по связям с общественностью переусердствовал.

Затем Дирк обратил внимание на потрясающе красивую девушку, которая, судя по всему, явилась без сопровождения, что было уже само по себе удивительно. Но лишь только он после непродолжительных колебаний попытался пойти на прорыв, как выяснилось, что сопровождающее лицо просто-напросто на некоторое время отвлеклось. Так что шансов у Дирка не было. Он снова погрузился в философские раздумья.

Однако за ужином настроение у него поднялось. Угощение было великолепное, и даже речь генерального директора (явившая собой пример для остальных) длилась всего десять минут. Насколько запомнилось Дирку, речь сэра Роберта была необычайно остроумной, полной корпоративных шуток, вызывавших громоподобный хохот у одних и кислые усмешки у других. В Межпланетном обществе вообще была сильна традиция смеяться над собой (в узких кругах), но лишь недавно всем было позволено делать это при посторонних.

Речи остальных выступавших были и того короче. Может быть, кто-то и хотел бы поразглагольствовать, но не осмелился. Наконец Мак-Эндрюс, который на протяжении всего вечера вел себя, словно опытный церемониймейстер, произнес тост за успех «Прометея» и его экипажа.

После ужина гости много танцевали под приятную ностальгическую музыку конца семидесятых. Дирк, хотя и танцевал плохо, все же рискнул сделать пару-тройку не самых ловких туров с миссис Мэтьюз и женами других сотрудников, но затем поймал себя на нарастающем нарушении координации. Он сел и стал добродушно наблюдать за танцующими. Он думал о том, какие милые люди все его друзья. Порой он еле слышно цокал языком при виде танцоров, явно принявших на борт слишком много «горючего».

Наверное, было уже около полуночи, когда он вдруг понял, что к нему кто-то обращается. (Конечно, он не заснул. Он просто время от времени закрывал глаза, чтобы немного отдохнуть.) Дирк вздрогнул, повернул голову и увидел, что рядом с ним сидит высокий мужчина средних лет и смотрит на него с некоторым удивлением. К изумлению Дирка, мужчина был одет совсем не парадно, и, похоже, это его нисколько не смущало.

— Я заметил у вас значок братства,— сказал мужчина.— Я сам тоже из «Сигма-кси». Только сегодня вечером вернулся из Калифорнии и опоздал на ужин.

«Вот почему он так одет»,— догадался Дирк, похвалив себя за то, что еще способен ясно мыслить. Они обменялись рукопожатием. Дирк был рад встретить собрата-калифорнийца, хотя фамилии его не расслышал. Что-то вроде «Мейсон», но на самом деле это не имело большого значения.

Некоторое время они пообсуждали события в Америке, поразмышляли о шансах демократов вновь прийти к власти. Дирк сказал, что у либералов есть возможность уравновесить расклад сил, и, на его взгляд, высказал несколько блестящих мыслей о преимуществах и недостатках трехпартийной системы. Как ни странно, его ум и тонкость не слишком впечатлили собеседника, и разговор вернулся к Межпланетному обществу.

— Вы ведь здесь недавно? — спросил он.— И как вам тут нравится?

Дирк ответил на его вопрос подробно. Описал суть своей работы, пространно высказался о ее масштабах и важности. Когда он завершит свой труд, все последующие эпохи и все планеты, какие только существуют, досконально уяснят, что означало покорение космоса для той эры, во время которой оно произошло.

Собеседник Дирка слушал с большим интересом, однако время от времени реагировал на его речи с легкой насмешкой, и Дирк решил, что надо бы сделать ему замечание — мягко, но решительно.

— А как у вас насчет контакта с инженерной стороной? — спросил калифорниец.

— Правду сказать,— с грустью признался Дирк,— на прошлой неделе я как раз собирался этим заняться. Но знаете, я немного побаиваюсь ученых. И потом, есть же Мэтьюз. Он мне очень помогает, хотя у него есть собственные идеи относительно того, чем я должен заниматься, а я стараюсь его не огорчать.

Конечно, этим заявлением он признался в собственной слабости, но что делать — так все и было на самом деле. Мэтьюз действительно организовывал все чересчур старательно.

Дирк вспомнил об Альфреде, и у него вдруг возникли нехорошие подозрения. Он внимательно посмотрел на своего собеседника и твердо решил, что второй раз на репортерскую удочку не поймается.

Тонкий профиль, широкий, умный лоб — все это, пожалуй, внушало симпатию, но Дирк решил, что нельзя доверять внешности. «Альфред,— подумал он,— будет мной гордиться, когда узнает, как уклончиво я отвечал на каверзные вопросы». Конечно, жаль было вести беседу с соотечественником, американцем, в таком ключе, но сейчас Дирк прежде всего должен был сохранять верность лондонцам.

Собеседник, видимо, понял, что многого не добьется. Он встал и загадочно улыбнулся.

— Пожалуй,— сказал он,— я мог бы познакомить вас с нужными людьми в технических отделах. Позвоните мне завтра по внутреннему телефону. Добавочный — «три». Не забудьте — «три».

Он ушел, оставив Дирка в смятении. Похоже, его опасения оказались беспочвенными: этот человек работал в Межпланетном обществе. «Ну и ладно,— решил Дирк.— А что я мог поделать?»

Последним, что он помнил более или менее ясно, было прощание с Мэтьюзом в вестибюле. Альфред был до обидного трезв и энергичен. Он радовался успеху вечеринки, хотя время от времени ему и приходилось подавлять позывы к рвоте.

— Знаете, во время танцулек я боялся, что пол провалится,— признался он.— Вы понимаете, что из-за этого покорение космоса могло произойти на полстолетия позже?

Дирка такие метафизические предположения не слишком интересовали. Он полусонно попрощался с Мэтьюзом, но вдруг вспомнил о неведомом калифорнийце.

— Кстати,— сказал он,— я тут поболтал с одним американцем — сначала я принял его за журналиста. Он только что приехал... вы его, наверное, видели... он без смокинга, в простом костюме. Сказал, чтобы я завтра ему позвонил по внутреннему телефону, добавочный... ох, забыл. Вы знаете, кто это такой?

Глаза Мэтьюза сверкнули.

— Вы его за журналиста приняли, да? Надеюсь, о моем предупреждении не забыли?

— Нет, не забыл,— гордо сообщил Дирк.— Я ему ничего не сказал. Хотя это же совершенно не важно, правда?

Мэтьюз впихнул его в такси и захлопнул дверцу. А потом наклонился к открытому окошку и произнес:

— Абсолютно не важно. Это был всего-навсего профессор Макстон, заместитель генерального директора. Поезжайте домой и проспитесь!

2

Дирк приехал в Межпланетное общество к ланчу. Он давно обратил внимание, что эта трапеза не пользуется здесь большой популярностью, но столь малого числа посетителей в столовой он раньше не видел.

Когда он позвонил по добавочному номеру «три» и робко представился, профессор Макстон, похоже, обрадовался его звонку и сразу пригласил к себе. Кабинет заместителя генерального директора располагался рядом с апартаментами сэра Роберта Дервента и был почти целиком занят ящиками, предназначенными, как выяснилось, для специального оборудования, которое вот-вот должны были отправить в Австралию для проведения каких-то тестов. Разговор Дирка с Макстоном часто прерывался распоряжениями, которые профессор то и дело давал своим запыхавшимся ассистентам.

— Извините, я вчера был не в лучшей форме,— сказал Дирк.

— Я так и понял,— сухо ответил Макстон.— В конце концов, вы меня опередили на несколько часов! Эй, балбес, ты несешь самописец вверх ногами! Переверни немедленно! Простите, Алексон, это я не вам.— Он вздохнул.— Жуткое дело. Никогда не знаешь, что тебе понадобится, и в итоге самое важное непременно забудешь.

— А для чего это все? — спросил Дирк, ошеломленный грудой блестящих приборов.

— Посмертная аппаратура,— кисло объяснил Макстон.— Главные показатели приборов с «Альфы» посредством телеметрии передаются на Землю. Если что-то пойдет не так, мы, по крайней мере, узнаем, что произошло.

— Не очень веселый разговор после вчерашнего праздника.

— Не слишком. Зато о реальных вещах. За счет этих приборов есть возможность сэкономить миллионы долларов и спасти не одну жизнь. В Штатах я много узнал о вашем проекте, и идея показалась мне очень интересной. Кто это придумал?

— Фонд Рокфеллера — отдел истории.

— Рад, что историки в конце концов осознали, что наука все-таки играет некоторую роль в изменении нашего мира. Когда я учился в школе, в учебниках истории писали исключительно про войну, да и то это были сказки для детишек. Потом за дело взялись экономисты-детерминисты, а потом

всех уложили наповал неофрейдисты. Совсем недавно этих типов удалось обуздать — так что будем надеяться, что наконец мы получим взвешенный взгляд на вещи.

— Именно такова моя цель,— сказал Дирк.— Насколько я понимаю, основателями Межпланетного общества двигало множество мотивов. Мне хотелось бы досконально в этом разобраться. С фактологической точки зрения Мэтьюз снабдил меня всем необходимым.

— Мэтьюз? А, этот парень из отдела по связям с общественностью. Ну, эти ребята считают, что они тут самые главные,— только не верьте всему, что они говорят. Особенно насчет нас.

Дирк рассмеялся.

— А я думал, что Межпланетное общество — одна большая дружная семья!

— В общем и целом мы неплохо ладим друг с другом, в особенности — на самом верху. По крайней мере, по отношению к внешнему миру мы выступаем дружным фронтом. Надо сказать, что ученые трудятся совместно лучше кого бы то ни было — особенно когда у них общая цель. Но попадаются сложные характеры, и к тому же вдобавок это вечное соперничество между теми, кто имеет отношение к технике, и теми, кто к ней отношения не имеет. Чаще всего все ограничивается добродушным подшучиванием, но бывает, что за этим кроется язвительность.

Дирк внимательно наблюдал за Макстоном. Его первое впечатление подтвердилось. Заместитель генерального директора оказался не просто человеком блестящего ума, но отличался завидной широтой культурного кругозора и добротой. Дирку было интересно, как Макстон ладит с таким же гениальным, но при этом необузданно свирепым коллегой, сэром Робертом. Два столь разных человека могли работать вместе либо очень хорошо, либо никак.

Пятидесятилетнего Макстона считали лучшим в мире специалистом в области атомной инженерии. Он сыграл главную роль в создании ядерных реактивных систем для авиации, а конструкция двигателей «Прометея» была почти целиком основана на его разработках. И тот факт, что такой человек, который мог бы получать немалые деньги, работая в промышленности, трудился здесь за номинальную зарплату, показался Дирку очень важным.

Макстон крикнул светловолосому молодому человеку, который проходил мимо:

— Пойди-ка сюда на минутку, Рей! У меня есть для тебя другая работа!

Молодой человек с печальной улыбкой подошел к профессору.

— Надеюсь, ничего тяжелого таскать не придется? У меня сегодня что-то голова побаливает.

Заместитель генерального директора подмигнул Дирку, но от комментариев воздержался.

Он представил молодого человека Дирку:

— Доктор Алексон — Рэй Коллинз, мой личный ассистент. Рэй специализируется в сверхдинамике — так сокращенно, но вполне справедливо именуется сверхзвуковая аэродинамика. Рэй, доктор Алексон специалист по истории, так что тебе, наверное, интересно узнать, чем он тут, собственно, занимается. Он надеется стать Гиббоном в области астронавтики.

— Надеюсь, ваш труд не будет называться «Упадок и разрушение Межпланетного общества»!* Рад знакомству.

— Рей, мне бы хотелось, чтобы ты помог доктору Алексону с технической стороной дела. Я только что вырвал его из медвежьих объятий банды Мак-Эндрюса, так что у него наверняка о многом самые дикие представления.

Макстон обернулся, чтобы окинуть взором царящий в кабинете хаос, и обнаружил, что его помощники мало-помалу разбирают тот штабель ящиков, на котором он сидит. Он пересел на другой ящик.

— Будет лучше, если я вам объясню,— сказал он,— хотя, возможно, вы уже знаете, что в нашей маленькой технической империи три подразделения. Рей — один из наших экспертов по воздушным делам; его забота — благополучно

* Одна из главных работ Гиббона называлась «Упадок и разрушение Римской империи».

провести корабль через атмосферу (туда и обратно) с минимальным износом и повреждениями. На его отдел раньше свысока посматривали те, кого мы зовем «космическими гончими». Для них атмосфера — чушь собачья. Но они запели по-другому, когда мы показали им, что можно пользоваться воздухом как бесплатным запасом топлива — по крайней мере, на первом этапе полета.

Этот вопрос был одним из сотни с лишним вопросов, которых Дирк не мог толком понять, и он решил взять его на заметку, чтобы прояснить при первом же удобном случае.

— А еще есть астрономы и математики. У этих свой собственный маленький крепкий профсоюз. Правда, к ним периодически прибиваются инженеры-электроники со своими счетными машинами. Им приходится высчитывать орбиты и делать за нас всю математическую черную работу, а ее немало. Ими руководит сэр Роберт.

И наконец — инженеры-ракетчики, да благословит их Господь. Их здесь немного, потому что большая их часть уже в Австралии.

Вот так все выглядит в общем и целом, хотя я не упомянул еще о нескольких группах сотрудников, занимающихся вопросами связи и управления, и о медиках. А теперь я передаю вас Рею, он о вас позаботится.

Дирка эта фраза немного покоробила; ему казалось, что уже и так слишком много людей о нем «заботится». Коллинз отвел его в небольшой кабинет, где они уселись в кресла и угостили друг друга сигаретами. Аэродинамик несколько секунд задумчиво дымил, а потом указал большим пальцем на дверь и спросил:

— Что вы думаете о шефе?

— Знаете, я несколько обескуражен; ведь мы с ним родом из одного штата. Он кажется мне человеком весьма значительным — блестящий ученый, но при этом у него высочайший уровень общей культуры. Это не самая типичная комбинация. И он необычайно любезен.

Коллинза этот отзыв вполне удовлетворил.

— Лучше руководителя просто не придумаешь, и мне кажется, у него нет ни единого врага. Он — полная противоположность сэру Роберту, у которого десятки недругов даже среди тех, кто с ним едва знаком.

— С генеральным директором я встречался всего один раз. Мнения о нем я не составил.

Коллинз рассмеялся.

— К генеральному директору привыкнуть трудно. Уж конечно, он не такой очаровашка, как профессор Макстон. Если вы будете плохо работать, генеральный вам уши оторвет, а профессор так посмотрит, что вы почувствуете себя профессиональным отравителем детей. Оба приема работают идеально, и, когда люди узнают сэра Роберта ближе, его тоже все начинают любить.

Дирк обвел взглядом кабинет. Чертежный стол с современной внутренней подсветкой, стены, увешанные сложными и загадочными чертежами вперемешку с фотоснимками ракет, весьма зрелищно разделяющихся на составные части. На почетном месте — фотография Земли с высоты не меньше полутора тысяч километров. Дирк догадался, что это кадр из фильма, который ему показали по просьбе Мэтьюза. На столе у Коллинза стояла совсем другая фотография — портрет очень красивой девушки, которую Дирк, кажется, несколько раз замечал в столовой. Возможно, Коллинз заметил его интерес к портрету, но ничего не сказал, и Дирк решил, что этот человек, по всей видимости, еще не женат и является, как и он сам, оптимистичным холостяком.

— Как я понимаю,— проговорил аэродинамик,— вы видели наш фильм «Дорога в космос»?

— Да, и он мне очень понравился.

— Благодаря ему можно избежать лишних слов и изложить основные идеи достаточно внятно. Но безусловно, на сегодняшний день фильм довольно сильно устарел, так что, как я понимаю, вы не очень-то в курсе последних достижений — в частности, что касается устройства атомного двигателя «Прометея».

— Так и есть,— кивнул Дирк.— Это для меня полная загадка.

Коллинз чуть смущенно улыбнулся.

— Признаться, подобные ответы нас поражают,— пожаловался он.— С технической точки зрения этот двига-

тель гораздо проще двигателя внутреннего сгорания, принцип действия которого всем понятен. Но по какой-то причине люди уверены в том, что атомный двигатель обязан быть непонятным, что им нужно приложить недюжинные усилия для того, чтобы разобраться в принципе его работы.

— Я сделаю над собой усилие,— расхохотавшись, проговорил Дирк.— А вы, пожалуйста, сделайте все остальное. Но пожалуйста, не забывайте, я хочу узнать ровно столько, чтобы понять, что у вас тут происходит. Я не собираюсь переквалифицироваться в конструктора космических кораблей!

3

— Думаю, я могу предполагать, что вы знакомы с устройством самых простых ракет и понимаете, как они себя ведут в вакууме? — спросил Коллинз с некоторым сомнением.

— Насколько мне известно,— ответил Дирк,— если бросить что-то, имеющее большую массу, с большой скоростью, обязательно будет отдача.

— Отлично. Просто поразительно, как много людей до сих пор считает, что ракете надо «от чего-то оттолкнуться». Именно так они обычно выражаются. Поэтому вы должны понять, что разработчик ракеты всегда пытается выжать максимальную возможную скорость — и даже чуточку больше — из реактивного двигателя, движущего ракету вперед. Из этого с очевидностью следует, что скорость выброса определяет ту скорость, которую наберет ракета.

Старые химические ракеты типа «Фау-два» имели реактивную скорость полтора-два километра в секунду. При таких показателях для того, чтобы донести груз в одну тонну до Луны и обратно, потребовалось бы несколько тысяч тонн топлива, что было непрактично. Всем хотелось добиться, чтобы груз топлива стал невесомым. Атомные реакции, которые в миллионы и больше раз мощнее химических, дали нам такую возможность. Энергия, высвобождаемая несколькими килограммами материи в первых атомных бомбах, могла бы отнести тысячи тонн груза до Луны — и обратно.

Но хотя энергия высвобождалась, никто не знал точно, как использовать ее для реактивного движения. Эта маленькая проблема была решена совсем недавно, и ушло тридцать лет на то, чтобы сконструировать не самые эффективные атомные ракеты, которыми мы обладаем сегодня.

Давайте рассмотрим проблему вот с какой точки зрения. В химической ракете мы получаем тягу за счет сжигания топлива и разгоняя выхлопные газы за счет их прохождения через сопло. Другими словами, мы меняем тепло на скорость — чем горячее наша камера сгорания, тем быстрее ее покинут выхлопные газы. Тот же самый результат мы получим, если вообще не будем сжигать топливо, а разогреем камеру сгорания каким-нибудь внешним источником. Иначе говоря, мы могли бы создать ракету, закачивая любой газ по своему выбору — даже воздух — в нагревающий элемент, а затем давая ему пройти через сопло. Понятно?

— Да, пока все более или менее ясно.

— Очень хорошо. Как вам известно, вы можете получить сколько угодно тепла из массы радиоактивного вещества, при условии, что это вещество будет изготавливаться из достаточно обогащенных материалов. Правда, если вы переусердствуете, эта масса растает и превратится в лужицу жидкого урана со слоем углерода на поверхности. Всякий разумный человек задолго до этого убежит далеко-далеко.

— Вы хотите сказать, что вещество может сработать на манер атомной бомбы?

— Нет, так не получится. Но не поддающаяся управлению атомная печь даже в спокойном состоянии может много чего натворить. Но не надо пугаться — этого не произойдет, если будут приняты самые элементарные меры предосторожности.

Поэтому нам следовало разработать такой атомный реактор, который разогревал бы струю газов до очень высокой температуры — как минимум, до четырех тысяч градусов Цельсия. Поскольку все известные металлы плавятся при гораздо более низких температурах, над этой задачей нам пришлось основательно попотеть!

В итоге мы разработали так называемый линейно-сфокусированный реактор. Его основой служит длинный тон-

кий плутониевый стержень. С одного конца в реактор закачивается газ и разогревается по мере продвижения по реактору. В результате в самом центре реактора образуется очень сильно нагретый газ, который мы можем сконцентрировать, сфокусировать, отделив его от окружающих элементов. В середине сопла температура газа выше шести тысяч градусов — жарче солнца,— но там, где газ соприкасается со стенками, температура вчетверо ниже.

Я пока не сказал, какой именно газ мы собираемся использовать. Думаю, вы понимаете, что чем легче газ — точнее говоря, чем меньше его молекулярный вес,— тем быстрее он будет двигаться, выходя из сопла. Поскольку водород — самый легкий из всех элементов, он мог бы стать идеальным топливом, в сочетании с гелием. Кстати, мне следовало бы объяснить, что мы до сих пор употребляем слова «топливо» и «горючее», хотя на самом деле уже не сжигаем его, а просто используем в качестве рабочей жидкости.

— Вот это меня как раз и озадачивало,— признался Дирк.— На старых химических ракетах стояли, можно сказать, свои собственные кислородные баллоны, и не совсем понятно, как это может быть, что в нынешних нет ничего подобного.

Коллинз рассмеялся.

— Мы могли бы даже использовать гелий как «горючее»,— сказал он,— хотя он вовсе не будет гореть — и вообще не будет принимать участия ни в какой химической реакции.

Однако, хотя водород и является идеальной рабочей жидкостью, для нашей задачи он не годится. В жидком состоянии он вскипает при фантастически низкой температуре, и он настолько легок, что на космическом корабле пришлось бы установить топливные баки размером с газовые цистерны. Поэтому мы берем водород в сочетании с углеродом, в форме жидкого метана — CH_4,— с которым гораздо проще управляться и который имеет достаточную плотность. В реакторе он распадается на углерод и водород. Углерод, конечно, мешает, он может засорять рабочие поверхности, но тут уж ничего не поделаешь. Время от времени приходится от него избавляться, отключая главное сопло и промывая двигатель струей кислорода. Получается весьма впечатляющий фейерверк.

Вот это и есть принцип действия двигателей космического корабля. Сила тяги у них втрое выше, чем у любой химической ракеты, но даже при этом все равно приходится брать на борт огромное количество топлива. Есть и еще множество проблем, о которых я не упомянул, и самой сложной из них является защита экипажа корабля от излучения реактора.

«Альфа», верхний компонент «Прометея», весит около трехсот тонн, из которых двести сорок приходится на долю топлива. Если она стартует с околоземной орбиты, топлива ей хватит как раз для того, чтобы добраться до Луны и возвратиться с небольшим его запасом.

Как вы знаете, на орбиту «Альфу» должна доставить «Бета». «Бета» представляет собой очень тяжелый сверхскоростной летательный аппарат, также оснащенный атомными реактивными двигателями, она стартует как реактивный аппарат таранного типа, в котором в качестве «топлива» используется воздух, а на метане начинает работать только тогда, когда покидает верхние слои атмосферы. Как вы понимаете, отсутствие необходимости тратить топливо на первом этапе полета — это грандиозное достижение.

При старте «Прометей» весит пятьсот тонн, это не только самая быстрая, но и самая тяжелая из всех летающих машин. Для того чтобы поднять «Прометей» в воздух, компания «Вестингауз» построила в австралийской пустыне электрифицированную взлетную полосу длиной в восемь километров. Эта полоса стоила почти столько же, сколько сам корабль, но нужно отметить, что она будет использована неоднократно.

Теперь суммируем вышеизложенное: мы запускаем оба компонента вместе, и они набирают высоту до тех пор, пока воздух не становится слишком разреженным. С этого момента реактивные двигатели таранного типа уже не могут работать. Затем «Бета» задействует свои топливные баки и достигает орбитальной скорости на высоте примерно четы-

реста пятьдесят километров от поверхности Земли. «Альфа» при этом топлива вообще не тратит — на самом деле, пока «Альфу» поднимает «Бета», ее топливные баки почти пусты.

Как только «Прометей» подлетает к цистернам с топливом, которые заранее заброшены на орбиту, два корабля разделяются. «Альфа» стыкуется с цистернами и перекачивает из них метан в свои топливные баки. Эта процедура нами уже отработана. Она называется орбитальной дозаправкой и является ключом к решению всей проблемы, поскольку позволяет нам выполнить задачу в несколько этапов. Было бы невозможно построить один огромный космический корабль, который долетел бы до Луны и вернулся обратно с собственным грузом топлива на борту.

Как только «Альфа» заправится, она включает двигатели и набирает скорость, позволяющую ей покинуть околоземную орбиту и стартовать к Луне. Через четыре дня она добирается до Луны, остается там неделю, после чего возвращается на орбиту Земли. Экипаж перебирается на «Бету», которая все это время терпеливо вращается вокруг нашей родной планеты (ее пилот наверняка успел жутко заскучать, и к тому же ему не суждено слишком сильно прославиться), и «Бета» возвращается на Землю. Вот и все. Что может быть проще?

— Знаете, мне стало интересно,— рассмеялся Дирк,— почему это не произошло раньше.

— Обычно все так и говорят,— шутливо проворчал Коллинз.— Несведущим людям трудно осознать, какие жуткие проблемы пришлось преодолеть на каждом этапе работы. Вот куда ушли время и деньги. Даже теперь ничего не получилось бы, если бы на протяжении последних тридцати лет над этой задачей не бились лучшие ученые и инженеры во всем мире. А наш труд в основном состоял из сбора результатов чужой работы и приспосабливания их для наших нужд.

— Скажите,— задумчиво проговорил Дирк,— вы могли бы хотя бы приблизительно назвать стоимость «Прометея»?

— Сумму определить почти невозможно. В эту машину вложены труды лабораторий по всему миру, начиная с двадцатых годов. Добавьте к этому два миллиарда долларов

(стоимость проекта атомной бомбы), сотни миллионов марок, затраченных немцами на ракетные проекты, и десятки миллионов фунтов, которые британское правительство вложило в работы в Австралии.

— Понимаю, но ведь должны же вы иметь какое-то представление о том, какие деньги пошли на создание самого «Прометея».

— Что ж, и здесь мы получили поистине бесценную техническую поддержку — и оборудование — даром. Правда, профессор Макстон как-то раз подсчитал, что стоимость корабля состоит из примерно десяти миллионов фунтов, потраченных на научно-исследовательские разработки, и пяти миллионов, которые ушли непосредственно на сборку «Прометея». Это означает, как кто-то выразился, что мы покупаем Луну по цене один фунт за квадратный километр! Кажется, что это не так дорого, и, конечно, последующие корабли обойдутся гораздо дешевле. Между прочим, я считаю, что мы почти окупим наши затраты на первый полет за счет прав на киносъемку и радиотрансляцию! Но кто сейчас думает о деньгах!

Коллинз устремил взгляд на фотографию с изображением далекой Земли и добавил задумчиво:

— Мы обретаем свободу во Вселенной, вот что важно. Вряд ли это можно оценить фунтами и долларами. В далекой перспективе знания всегда окупаются в твердой валюте — но все равно этот проект абсолютно бесценен.

4

Встреча Дирка с профессором Макстоном и Реймондом Коллинзом стала поворотным пунктом в его мышлении и даже в его образе жизни. Быть может, он ошибался, но теперь ему казалось, что он нашел тот источник идей, который Мак-Эндрюс и Мэтьюз в разговорах с ним упоминали с нарочитой небрежностью.

Ни к кому определение «холодный бесстрастный ученый» не подходило больше, чем к заместителю генерально-

го директора. Он был не только первоклассным инженером, но, судя по всему, прекрасно понимал значение своей работы. Как интересно было бы узнать о мотивах, которые привели его и его коллег в эту область науки. Жажда личной власти? Нет, вряд ли. Ничего подобного Дирк не замечал у тех, с кем уже успел познакомиться. Конечно, он должен был остерегаться предвзятости во мнении, но, похоже, почти все собравшиеся под крышей Межпланетного общества не были стяжателями, и это радовало. Ими двигал миссионерский дух в сочетании с профессиональной компетентностью, а чувство юмора уберегало их от фанатизма.

Пока Дирк лишь отчасти осознавал, как сказывается новое окружение на его собственном характере. Он почти утратил самоуверенность, а мысли о встречах с незнакомыми людьми, которые раньше его слегка пугали или хотя бы раздражали, теперь вообще перестали его беспокоить. Впервые в жизни он находился рядом с людьми, которые очерчивали контуры будущего, а не просто интерпретировали умершее прошлое. И хотя он был всего лишь наблюдателем, он начал разделять с учеными их чувства, радоваться их победам и горевать в случаях неудач.

«Я под большим впечатлением,— записал он тем вечером в своем дневнике,— от встречи с профессором Макстоном и его сотрудниками. Похоже, они более ясно и широко видят цели и задачи Межпланетного общества, чем те, кто не имеет отношения к технике. Мэтьюз, например, всегда говорит о прорыве в науке, который будет достигнут, когда мы доберемся до Луны. А ученых (возможно, потому, что для них это само собой разумеется) больше интересуют культурологические и философские последствия этого полета. Однако я не должен спешить с обобщениями. Быть может, такое отношение не так уж типично.

Мне кажется, что теперь я достаточно ясно представляю себе эту организацию. Главное — собрать побольше подробностей, а я смогу это сделать, воспользовавшись своими заметками и большим количеством собранных фотографий. Я больше не чувствую себя посторонним человеком, наблюдающим за работой какой-то загадочной машины.

В самом деле, втайне я уже считаю себя членом этой организации — хотя, может быть, и напрасно. Однако некоторая отстраненность необходима.

До сегодняшнего дня у меня были сомнения относительно космических полетов. Подсознательно я чувствовал, что для человека это нечто слишком грандиозное. Меня, как Паскаля, пугали безмолвие и пустота бесконечного пространства. Теперь я понимаю, что был неправ.

Моя ошибка состояла в том, что я, как многие до меня, цеплялся за прошлое. Сегодня я познакомился с людьми, которые столько же естественно мыслят миллионами километров, как я — тысячами лет. Ведь было же когда-то время, когда невозможно было себе представить расстояние в тысячу километров, а ныне мы способны преодолеть его от завтрака до обеда. И вот вновь должна произойти эта смена масштаба — с беспрецедентной быстротой. Теперь я сознаю, что другие планеты находятся не дальше, чем их размещает наш разум. "Прометей" долетит до Луны за сто часов, и все это время экипаж будет вести переговоры с Землей и весь мир будет следить за кораблем. Каким маленьким кажется межпланетное путешествие, если сравнить его с неделями, месяцами, годами великих путешествий прошлого! Все относительно, и придет время, когда наш разум сможет объять Солнечную систему так, как теперь — Землю. И тогда, наверное, ученые, задумчиво глядя на звезды, вскричат: "Нам не нужны межзвездные полеты! Нашим дедам вполне хватало девяти планет, и нам тоже их хватит!"»

Дирк с улыбкой отложил авторучку и позволил себе плыть по волнам фантазии. Примет ли человек этот грандиозный вызов? Пошлет ли корабли к звездам? Ему вспомнилась однажды прочитанная фраза: «Расстояния между планетами в миллион раз больше тех, к которым мы привыкли в повседневной жизни, а расстояния между звездами еще в миллион раз больше». Разум Дирка при этой мысли дрогнул, но все-таки он помнил, как заканчивалось это высказывание: «Все относительно». За несколько тысячелетий человек шагнул от выдолбленной из дерева лодки к космическому кораблю. Чего он сможет достичь за грядущие тысячелетия?

5

Было бы неправильно думать, что те пятеро, на которых теперь были устремлены взгляды людей со всего мира, считали себя дерзкими искателями приключений, готовыми рискнуть жизнью в азартной научной игре. Все они были прагматичными, здравомыслящими специалистами, не настроенными принимать участие в каких бы то ни было играх — по крайней мере, жизнью рисковать они точно не собирались. Риск, безусловно, существовал, но, в конце концов, рискует и тот, кто садится на электричку до Сити в восемь утра.

На взрыв публичного интереса к их персонам, произошедший на прошлой неделе, каждый из них отреагировал по-своему. Хасселу и Ледуку и раньше случалось оказываться в центре общественного внимания, и они знали, как можно извлечь из своей известности приятные моменты, избежав раздражающих. Остальные три члена экипажа, на которых слава обрушилась внезапно, старались держаться ближе друг к другу в целях самообороны. Однако этот ход был стратегически ошибочным. Они превратились в легкую добычу для репортеров.

Клинтон и Тейн еще не настолько привыкли к тому, что у них берут интервью, чтобы получать от этого удовольствие, а их канадский коллега Джимми Ричардс интервью просто терпеть не мог. Однажды его достала до печенок одна особенно надоедливая репортерша, и он повел себя с ней совсем не галантно.

Судя по рассказу Ледука, все это интервью выглядело примерно так.

«Доброе утро, мистер Ричардс. Не откажетесь ли ответить на несколько вопросов для "Глашатая Западного Кенсингтона"?»

Ричардс (скучающий, но пока достаточно общительный):

«Не откажусь, только у меня через несколько минут встреча с женой».

«Как давно вы женаты?»

«Почти двенадцать лет».

«О! У вас есть дети?»

«Двое. Если не ошибаюсь, девочки».

«Ваша жена одобряет то, что вы покидаете Землю?»

«Попробовала бы она не одобрить».

(Пауза. Интервьюерша догадывается, что прямыми вопросами она на этот раз успеха не добьется.)

«Думаю, вы всегда мечтали отправиться к звездам и... гм... водрузить флаг человечества на другой планете?»

«Не-а. Пару лет назад мне и в голову такое не приходило».

«Как же тогда вас выбрали для этого полета?»

«Да потому что я второй из лучших инженеров-атомщиков в мире».

«А первый?»

«Профессор Макстон, но он слишком ценный ученый, им нельзя рисковать».

«Вам хоть капельку страшно?»

«Еще как! Я боюсь пауков, еще боюсь кусков плутония больше тридцати сантиметров в поперечнике и всего, что шуршит среди ночи».

«Я имею в виду — боитесь ли вы предстоящего полета?»

«Да я просто весь дрожу. Сами посмотрите».

(Показывает. При этом слегка ломает мебель.)

«Что вы ожидаете обнаружить на Луне?»

«Уйму остывшей лавы, а помимо этого — еще какую-нибудь ерунду».

(Репортерша явно ошарашена. Ей и самой уже хочется поскорее закончить интервью.)

«Вы ожидаете обнаружить на Луне какую-нибудь жизнь?»

«Весьма возможно. Думаю, как только мы совершим посадку, сразу послышится стук в дверь и голос: "Не откажетесь ли ответить на несколько вопросов для «Лунного еженедельника»?"»

Конечно, не все журналисты были такими, и будет справедливо отметить, что Ричардс клялся, что Ледук это все выдумал. Большинство репортеров, освещавших деятельность Межпланетного общества, имели научное или техническое образование. Задача перед ними стояла неблагодарная, поскольку в газетах их считали полупрофессионалами, а в научном мире — перебежчиками и отщепенцами.

Пожалуй, ничто не вызывало такого интереса у общественности, как тот факт, что двое членов экипажа должны остаться в резерве, на Земле. На некоторое время размышления о десятке возможных вариантов стали настолько популярны, что этим вопросом заинтересовались букмекеры. Чаще всего люди считали, что, поскольку Хассел и Ледук — пилоты-ракетчики, полетит либо один из них, либо оба. Так как подобные дискуссии могли отрицательно сказаться на членах экипажа, генеральный директор дал ясно понять, что подобные споры ни к чему. Уровень подготовки астронавтов был таков, что любые трое могли составить отличную команду. Сэр Роберт намекнул, не давая при этом никаких обещаний, что окончательный выбор будет сделан с помощью жеребьевки. Никто (а меньше всего те пятеро, о которых шла речь) в это не поверил.

Ведь теперь все знали, как Хассел переживает за свою беременную жену,— и ему это было не на пользу. Раньше он этой тревогой мог управлять. Но шли недели, и он волновался все заметнее, и в конце концов его работоспособность стала ухудшаться. Стоило ему это заметить, как он стал волноваться еще сильнее, и ситуация превратилась в снежный ком.

Поскольку это была не фобия, а страх за того, кого он любил, да и причина была вполне объяснима, психологи мало что могли с этим поделать. Человеку с таким характером и темпераментом они не могли предложить, чтобы он попросил отстранить его от участия в экспедиции. Психологи могли только наблюдать, а Хассел нисколько не сомневался в том, за чем они наблюдают.

6

В дни перед «Исходом» Дирк мало бывал в Саутбэнке. Там стало невозможно работать: те, кто отправлялся в Австралию, укладывали вещи и заканчивали важные дела, а те, кто оставался, пребывали не в самом приятном расположении духа. Мэтьюз был отдан на заклание — Мак-Эндрюс

оставлял его в Лондоне вместо себя. Это было вполне разумно, но теперь Мэтьюз и Мак-Эндрюс не разговаривали. Дирк предусмотрительно держался подальше от обоих, тем более что и тот и другой были почему-то слегка расстроены тем, что он переметнулся к ученым.

Дирк редко видел и Макстона, и Коллинза, так как в техническом отделе царил организованный хаос, поскольку решили, что в Австралии понадобятся *абсолютно все* члены общества. Сэр Роберт был совершенно счастлив, и однажды утром Дирк очень удивился, когда ему сообщили, что генеральный директор вызывает его к себе. Это была его первая встреча с сэром Робертом после знакомства в день прибытия.

Дирк вошел в кабинет, немного робея, поскольку помнил различные байки об эксцентричном характере сэра Роберта. Генеральный директор заметил и правильно понял его нерешительность. Когда он пожимал руку Дирка, его глаза весело сверкали. Он предложил гостю сесть и без долгих предисловий перешел к делу.

— Профессор Макстон рассказал мне о вашей работе,— сказал он.— Небось мы все у вас уже хлопаем крылышками в банке с формалином, а вам не терпится проколоть нас булавками и начать изучать?

— Надеюсь, сэр Роберт,— ответил Дирк,— что окончательный результат не будет таким уж статичным. Я здесь, главным образом, не для того, чтобы регистрировать факты, а для того, чтобы осознать движущие силы и мотивы.

Генеральный директор задумчиво побарабанил кончиками пальцев по крышке стола. Через пару секунд он глубокомысленно вопросил:

— И как вам кажется, какие мотивы руководят нашей работой?

Вопрос был простой и прямой, но почему-то он застал Дирка врасплох.

— Они очень сложны,— осторожно начал он.— Мой предварительный вывод таков, что они делятся на две категории — материальные и духовные.

— Мне довольно трудно представить себе третью категорию,— мягко заметил генеральный директор.

Дирк смущенно улыбнулся.

— Пожалуй, я все несколько упростил,— сказал он.— Я имею в виду вот что: первые люди, всерьез занявшиеся пропагандой идеи межпланетных полетов, были визионерами, мечтателями. То, что они при этом имели техническое образование, значения не имело — они были, по большому счету, художниками, которые использовали науку для того, чтобы создать нечто новое. Если бы в космическом полете не было никакой практической пользы, они бы так же страстно желали, чтобы он состоялся.

Я бы назвал их мотивы духовными. Но, пожалуй, лучше подошло бы слово «интеллектуальные». Более тонко проанализировать их невозможно, потому что эти мотивы возникают на основе главного человеческого импульса — любопытства. Что касается материальной стороны, в данный момент вы имеете представление о грандиозном прогрессе в промышленности и инженерии и о желании компаний связи с их капиталами заменить мириады наземных передатчиков двумя-тремя космическими станциями. Это «уолл-стритовская» сторона картины, которая появилась, конечно, значительно позже.

— И какой же мотив,— поинтересовался сэр Ричард, упорно гнувший свою линию,— на ваш взгляд, преобладает здесь?

Дирк перевел дух и расслабился.

— Прежде чем я попал в Саутбэнк,— сказал он,— я думал о Межпланетном обществе — когда вообще размышлял о нем — как о группе техников, желающих сорвать дивиденды. Вы такими и притворяетесь и тем самым обманываете многих. Такое определение годится для сотрудников среднего звена вашей организации — но оно никак не относится к верхушке.— Дирк оттянул тетиву лука и выпустил стрелу по далекой цели, прячущейся во мраке: — Я считаю, что Межпланетным обществом руководят — и всегда руководили — визионеры, фантазеры, поэты, если хотите, которые к тому же оказались учеными.

Последовала пауза. Затем сэр Роберт проговорил чуть приглушенным голосом, с легкой насмешкой:

— Подобные обвинения мы слышали и раньше. Мы никогда этого не отрицали. Однажды кто-то сказал, что вся человеческая деятельность — это нечто вроде игры. И мы не стыдимся того, что хотим играть в космические кораблики.

— И в процессе вашей игры,— добавил Дирк,— вы измените мир, а возможно — и Вселенную.

Он смотрел на сэра Роберта новыми глазами. Он перестал видеть перед собой бульдожью голову, широченные косматые брови, потому что вдруг вспомнил, как Ньютон описывал свое детство. Будущий великий ученый любил собирать яркие камешки на берегу океана знаний.

Сэр Роберт Дервент, как все великие ученые, был именно таким ребенком. И Дирк поверил, что этот человек готов пересечь космическое пространство хотя бы для того, чтобы посмотреть, как вращается Земля над пиками лунных гор, как день на ней сменяется ночью, чтобы увидеть кольца Сатурна во всей их немыслимой красе и как в небе появляется ближайший спутник этой планеты.

7

Сознание, что он находится в Лондоне последний день, наполнило Дирка чувством вины и сожаления. Сожаления — потому что он практически не успел увидеть город, а вины — потому что понимал, что отчасти сам в этом виноват. Да, верно, он был ужасно занят, но, оглядываясь на минувшие недели, ему трудно было поверить, что он не сумел хотя бы пару раз выбраться в Британский музей и хотя бы разок поглядеть на собор Святого Павла. Он не знал, когда снова сможет побывать в Лондоне, потому что из Австралии ему предстояло вернуться в Америку.

День был ясный, но довольно прохладный, и, как обычно, в любой момент мог начаться дождь. Дома Дирку работать было не над чем, потому что все его бумаги были упакованы и уже летели в Австралию. Он попрощался с теми сотрудниками Межпланетного общества, с которыми ему

больше не суждено было увидеться, а с остальными предстояла встреча в лондонском аэропорту утром. Мэтьюз, который, похоже, очень привык к Дирку, прощался с ним чуть ли не со слезами, и даже Сэм и Берт, вечно споривше с ним, настояли на том, чтобы устроить в кабинете небольшое прощальное празднество. Уходя из Саутбэнка в последний раз, Дирк с болью в сердце понял, что прощается с одним из самых счастливых периодов в своей жизни. Этот период был счастливым, потому что был насыщенным, потому что Дирк работал в полную силу, а главное — потому что он находился среди людей, жизнь которых имела цель, и эту цель они ставили выше самих себя.

Итак, у него впереди был целый день, который он мог посвятить себе, и вот он не знал, чем заняться. Теоретически такая ситуация была невозможна, и тем не менее дело обстояло именно так.

Дирк вышел на тихую площадь и засомневался, правильно ли поступил, не захватив плащ. До посольства, где у него было небольшое дело, можно было пойти по прямой, и тогда путь составил бы всего несколько сот метров. Но сокращать путь не хотелось, и в результате он скоро заблудился в лабиринте лондонских переулков. Только заметив Мемориал Рузвельта, Дирк догадался, где он сейчас находится.

За ланчем со знакомыми сотрудниками посольства в их любимом клубе Дирк засиделся часов до трех, а потом был предоставлен самому себе. Он мог идти куда пожелает, мог посетить места, которые хотел увидеть, чтобы потом не жалеть, что не побывал там. И все же какая-то странная заторможенность сковывала его, и он просто наугад брел куда-то по улицам. Солнце все-таки победило в борьбе с тучами, вечер был теплым и ласковым. Приятно было бродить по переулкам и случайно оказываться рядом с домами, которые были старше Соединенных Штатов, но при этом на них висели вывески вроде: «Гросвенорская радиоэлектронная корпорация» или «Провинциальная авиакомпания».

Ближе к вечеру Дирк оказался в Гайд-парке. Целый час он гулял под деревьями, не теряя из виду дорожки. Мемориал Альберта его просто зачаровал. Он простоял перед ним

как вкопанный несколько минут, но потом словно вышел из транса и решил срезать путь, пройдя к Мраморной арке.

Он забыл о том, насколько знаменито это место произносимыми здесь пламенными речами, и ему было забавно переходить от одной группы людей к другой и слушать ораторов и их оппонентов. «И кому взбрело в голову,— думал он,— заклеймить британцев как скрытную и замкнутую нацию?»

Он немного задержался около одного оратора, споривше го со своим противником. Оба страстно разглагольствовали о какой-то фразе, которую мог бы произнести Карл Маркс, но почему-то не произнес. О какой именно фразе шла речь, Дирк так и не понял, но у него возникло подозрение, что ораторы и сами о ней забыли. Время от времени кто-то из доброжелательно настроенной толпы что-то выкрикивал. Похоже, предмет спора людей не слишком интересовал, им просто было забавно слушать перепалку.

Еще один оратор пытался, оперируя библейскими текстами, доказать, что конец света вот-вот наступит. Он напомнил Дирку пророков апокалипсиса, которые считали годом конца света девятьсот девяносто девятый. Почему бы их последователям не объявить таким же решающим тысяча девятьсот девяносто девятый год? Человеческая природа изменяется крайне медленно, пророков хватало во все времена, и всегда находились те, кто им верил.

Дирк перешел к следующей группе. Небольшая, но очень внимательная аудитория собралась около седовласого старика, который читал (и, надо сказать, весьма профессионально) лекцию по философии. Дирк пришел к выводу, что не все ораторы в Гайд-парке чокнутые. Вполне возможно, что этот старик был в прошлом преподавателем и имел такую твердую убежденность в необходимости просвещения взрослых, что был готов читать лекции хоть на рынке, лишь бы только его слушали.

Темой лекции была жизнь, ее происхождение и судьба. Мысли философа, как и его слушателей, без сомнения, были вдохновлены крылатой молнией, лежавшей в пустыне на другом краю света, потому что он начал говорить об

астрономической сцене, на которой разыгрывалась странная драма жизни.

Старик повествовал о Солнце и планетах, вращающихся вокруг него. Он вел слушателей за собой от планеты к планете. Он обладал несомненным даром говорить красиво, и, хотя Дирк не был уверен в том, что философ придерживается общепринятой научной точки зрения, в целом оратору удалось показать картину мироздания довольно точно.

Крошечный Меркурий, сверкающий под гигантским Солнцем, старик обрисовал как планету пылающих скал, омываемых ленивыми океанами расплавленного металла. Венера, сестра Земли, была навсегда скрыта от нас плотными тучами, которые ни разу за много столетий не рассеялись, чтобы человек мог взглянуть на эту планету. Под этим покровом могли прятаться океаны и леса и гул странной жизни. Но могло не прятаться ничего, кроме голой пустыни, терзаемой палящими ветрами.

Философ заговорил о Марсе, и слушатели сразу зашептались. В шестидесяти пяти миллионах километров от Солнца Природа нанесла второй удар. И здесь тоже была жизнь: планета время от времени изменяла цвет, что могло говорить о смене времен года. Хотя на Марсе было мало воды и атмосфера отличалась стратосферной разреженностью, там все же могла существовать растительная и даже животная жизнь. Была ли эта жизнь разумной — об этом никто не имел представления.

За Марсом находились гигантские внешние планеты, окруженные ледяным сумраком. Солнце для них было далекой звездой. Юпитер и Сатурн скрывались за слоем атмосферы толщиной в тысячи километров, их атмосфера состояла из метана и аммиака, и ее терзали ураганы, которые были видны нам с расстояния в миллиарды километров. Если на этих странных внешних планетах и тех, которые располагались еще дальше от Солнца, и существовала жизнь, она должна была быть еще более диковинной, чем все, что мы в силах себе вообразить. Только в умеренной зоне Солнечной системы, в узком поясе орбит Венеры, Марса и Земли, могла существовать такая жизнь, какую мы знали.

Такая жизнь, какую мы знали! А как мало мы знали! Какое право имели мы, живущие на крошечной планете, считать, что жизнь на ней — образец для всей Вселенной? Разве можно было все так усреднять?

Вселенная не была враждебна к жизни, она была к ней безразлична. Странность жизни представляла собой возможность и вызов — вызов, который разум должен был принять. Полвека назад Шоу был прав, вложив свои слова в уста Лилит, которая была до Адама и Евы: «Только у жизни нет конца; и хотя многие из миллионов ее звездных обителей пусты или недостроены, и хотя ее великое царство пока — безжизненная пустыня, мое семя однажды наполнит ее и доведет до совершенства».

Звонкий, хорошо поставленный голос философа смолк, и Дирк вернулся с небес на землю. Лекция произвела на него впечатление. Ему даже захотелось побольше узнать об ораторе, который уже покидал маленькую трибуну и собирался увезти ее из парка на скромной тележке. Толпа расходилась, все искали новых развлечений. Время от времени до Дирка долетали обрывки фраз. Другие ораторы продолжали свои выступления.

Дирк вдруг увидел знакомое лицо. В первый момент он удивился: совпадение казалось слишком невероятным.

Всего в двух метрах от него стоял Виктор Хассел.

Мод Хассел не потребовалось долгих объяснений, когда муж неожиданно заявил, что «собирается прогуляться по парку». Она прекрасно поняла желание мужа побыть одному, только высказала надежду, что его не узнают и что он вернется к чаю. Этим пожеланиям не суждено было осуществиться, и Мод это отлично знала.

Виктор Хассел прожил в Лондоне почти половину жизни, но до сих пор первые впечатления об этом городе оставались яркими. Он любил Лондон. В годы учебы на инженерном факультете он жил в Пэддингтоне и каждый день ходил в колледж пешком через Гайд-парк и Кенсингтонские сады. Думая о Лондоне, он представлял себе не шумные улицы и знаменитые на весь мир здания, а тихие аллеи, просторные лужайки и песчаные отмели Роттен-Роу, где по утрам в воскресенье можно было увидеть всадников на кра-

сивых лошадях — и это в то время, когда первые космические корабли возвращались домой из полетов. Хасселу не было нужды напоминать Мод об их первой встрече рядом с Серпантином. Эта встреча произошла всего два года назад, а казалось, прошла целая жизнь. И со всеми этими местами он должен был попрощаться.

Он немного погулял в Южном Кенсингтоне, прошел мимо старинных колледжей, с которыми у него было связано столько воспоминаний. Тут ничего не изменилось: те же студенты с папками и логарифмическими линейками. Странно было думать о том, что почти сто лет назад в такой же беспокойной молодой толпе можно было встретить Герберта Уэллса.

Повинуясь безотчетному порыву, Хассел зашел в Музей науки и, как часто делал раньше, подошел к модели биплана Райта. Тридцать лет назад здесь, в большой галерее, висела настоящая машина, но ее давно отправили в Соединенные Штаты, и мало кто теперь помнил долгое сражение Орвила Райта со Смитсоновским институтом.

Семьдесят пять лет — всего лишь долгая жизнь — лежало между неуклюжей деревянной конструкцией, которая пролетела несколько метров над землей в Китти-Хоке, и огромной ракетой, которая скоро унесет Хассела на Луну. И он не сомневался: минует еще такой же срок — и «Прометей» тоже станут считать устаревшим и примитивным, как этот маленький биплан, висящий над его головой.

Хассел вышел на Экзибишн-роуд. Ярко светило солнце. Он бы еще походил по Музею науки, но на него уже начали глазеть любопытные посетители. «Здесь,— подумал Хассел,— остаться неузнанным сложнее, чем где бы то ни было на Земле».

Он медленно пошел через Гайд-парк по знакомым тропинкам. Несколько раз он останавливался, чтобы полюбоваться видами. Как знать — может быть, ему не суждено сюда вернуться. В понимании этого факта не было ничего болезненного: он даже как-то странно радовался тому, какую интенсивность его чувствам придает это понимание. Как большинство людей, Виктор Хассел боялся смерти; но в некоторых случаях риск оправдан. По крайней мере,

тогда, когда дело касается только его самого. Ему очень хотелось поверить, что это так и есть, но пока это ему не удавалось.

Неподалеку от Мраморной арки стояла скамейка, где они с Мод частенько сидели до свадьбы. Здесь он неоднократно делал ей предложение и столько же раз она ему отказывала. Хассел обрадовался, увидев, что скамейка свободна, и, облегченно вздохнув, уселся.

Радоваться ему пришлось недолго, потому что не прошло и пяти минут, как к нему присоединился пожилой джентльмен, закуривший трубку и спрятавшийся за «Манчестер гардиан». Название этой газеты означало «Страж Манчестера», и Хассел всегда поражался, зачем и от кого кому-то могло понадобиться стеречь Манчестер. Он решил немного подождать и уйти, но, прежде чем он успел сделать это так, чтобы не показаться грубым, ему помешали. Двое мальчишек, бежавших по дорожке, вдруг резко повернули к скамейке. Они нагло уставились на Хассела, и старший с ноткой обвинения в голосе осведомился:

— Эй, мистер, вы — Вик Хассел?

Хассел придирчиво посмотрел на мальчишек. Они явно были братьями, и их никак нельзя было назвать милыми и симпатичными. Хассел слегка поежился при мысли о том, какое опасное занятие — быть родителем.

В обычных обстоятельствах Хассел позволил бы себе осторожно признаться — он не забыл, каким любопытным сам был в школьные годы. Пожалуй, он бы позволил себе это даже сейчас, если бы к нему обратились более вежливо, но мальчишки сильно смахивали на сирот из академии юных воришек доктора Фиджина.

Хассел посмотрел на них в упор и сказал самым строгим голосом, каким только мог:

— Сейчас половина четвертого, и мелочи у меня нет.

Услышав эту мастерскую отповедь, младший из мальчишек посмотрел на брата и пылко воскликнул:

— Черт, Джордж,— я же тебе говорил: это не он!

Старший схватил младшего за обшарпанный галстук и продолжал как ни в чем не бывало:

— Ты Виктор Хассел, этот самый... ракетный малый.

— *Я похож на мистера Хассела? — возмутился мистер Хассел.*

— Да.

— Странно — никто никогда мне такого не говорил.

Это утверждение было недалеко от истины. Мальчишки с подозрением продолжали смотреть на него. Старший наконец отпустил младшего, и тот смог отдышаться. Джордж решил обратиться за поддержкой к «Стражу Манчестера». Правда, теперь в его голосе прозвучали нотки неуверенности.

— Он нас обманывает, мистер, да?

Над верхним краем газеты появились очки. Старик подслеповато уставился на мальчишек. Затем он перевел взгляд на Хассела, и тому стало не по себе. Последовала долгая, тягостная пауза.

Незнакомец сложил газету и сердито проворчал:

— Тут есть фотография мистера Хассела. Нос совсем другой. А теперь, пожалуйста, уходите.

Газетная баррикада снова была воздвигнута. Стараясь не замечать мальчишек, Хассел устремил взгляд вдаль. Те еще минуту недоверчиво пялились на него. Наконец, к его величайшему облегчению, они удалились, по пути продолжая жарко спорить.

Хассел подумал, не поблагодарить ли неизвестного помощника, когда тот вдруг сложил газету и снял очки.

— А знаете,— сказал он, негромко кашлянув,— сходство просто поразительное.

Хассел пожал плечами. «Признаться, что ли?» — подумал он, но отказался от этой мысли.

— Правду сказать,— проговорил он,— я и раньше попадал из-за этого в нелепое положение.

Незнакомец задумчиво поглядел на него.

— Они ведь завтра улетают в Австралию? — произнес он риторически.— Полагаю, шансы вернуться с Луны — пятьдесят на пятьдесят?

— Я бы сказал: намного выше.

— И все-таки шансы вернуться есть, и я так думаю, что сейчас молодой Хассел гадает, суждено ли ему вновь увидеть

Лондон. Интересно было бы узнать, чем он занимается — это бы многое о нем сказало.

— Пожалуй, да,— кивнул Хассел, неловко заерзав на скамейке. Ему очень хотелось уйти, а его собеседник разговорился.

— Вот тут передовая статья,— сказал он.— Пишут о значении космических полетов, о том, как они скажутся на повседневной жизни. Это, конечно, все очень хорошо, но скажите, пожалуйста, когда мы успокоимся? А?

— Я вас не совсем понимаю,— ответил Хассел не вполне искренне.

— На этой планете всем хватит места. Если управлять толково, то лучшего мира и придумать нельзя, хоть всю Вселенную облети.

— Может быть,— мягко возразил Хассел,— мы сможем по достоинству оценить Землю только тогда, когда облетим всю Вселенную.

— Хм! Ну тогда, значит, мы законченные дураки. Неужели мы так никогда не успокоимся, не начнем жить тихо-мирно?

Хасселу и прежде доводилось слышать подобные аргументы. Он едва заметно улыбнулся.

— Мечта лотофагов,— сказал он,— это приятная фантазия для одного человека, но для всего человечества — гибель.

Однажды эту фразу произнес сэр Роберт Дервент, и она стала одной из любимых цитат Хассела.

— Лотофаги? Кажется... про них написал Теннисон... Но ведь его сегодня никто не читает. «Есть музыка, чей вздох нежнее упадает...» Нет, не это. А, вспомнил: «Что нужды восходить в стремленье бесконечном по восходящей ввысь волне?»* Ну так как, молодой человек? Есть ли в этом нужда?

— Для некоторых — есть,— ответил Хассел.— И быть может, когда начнутся космические полеты, все поспешат улететь на далекие планеты, только лотофаги останутся со своими мечтами. Это устроит всех.

* Альфред Теннисон. «Лотофаги», перевод К. Бальмонта.

— А кроткие наследуют Землю*, да? — вопросил его собеседник, явно настроившийся на философский лад.

— Можно и так сказать,— улыбнулся Хассел и машинально взглянул на часы. Он твердо решил не вступать в споры, результат которых был предсказуем.— Боже мой, мне пора. Благодарю вас за беседу.

Он встал, решив, что очень умело остался неузнанным. Старик лукаво улыбнулся ему и тихо проговорил:

— До свидания.— А когда Хассел отошел метров на шесть от скамейки, добавил: — Удачи вам, Улисс!

Хассел замер, обернулся, но старик уже шагал в другую сторону. Он проводил взглядом высокую худощавую фигуру незнакомца, покачал головой и прошептал:

— Ну надо же!

А потом пожал плечами и направился к Мраморной арке, решив немного послушать ораторов, которыми так восторгался в юности.

Дирк почти сразу понял, что такой случайности не стоит удивляться. Он вспомнил, что Хассел живет в западном районе Лондона. Разве не естественно, что он тоже решил в последний раз прогуляться по городу? Причем для него слово «последний» имело более глубокий смысл, чем для Дирка.

Они встретились взглядами. Хассел прищурился, смутно узнав Дирка, но Дирк решил, что Хассел вряд ли помнит его имя. Он протолкался через толпу к молодому пилоту и представился. Хассел предпочел бы остаться в одиночестве, но не мог просто отвернуться и уйти, ничего не сказав. А Дирку очень хотелось познакомиться с этим англичанином, и он решил не упускать такую возможность.

— Вы слышали последнего оратора? — спросил Дирк, чтобы завязать разговор.

— Да,— ответил Хассел.— Проходил мимо и услышал этого старикана. Я его и раньше тут встречал. Знаете, он еще один из самых нормальных экземпляров. А вообще тут такого можно наслушаться, правда?

Он рассмеялся и указал на толпу слушателей.

* «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Мф. 5:5).

— Точно,— кивнул Дирк.— Но я рад, что увидел Гайд-парк, так сказать, в действии. Очень интересно.

Он украдкой рассматривал Хассела. Его возраст определить было трудновато. От двадцати пяти до тридцати пяти. Стройный, черты лица — четкие, копна каштановых волос. На левой щеке косой шрам — след от аварии, случившейся в одном из полетов. Но если бы Хассел не загорел, шрам не был бы заметен.

— Послушав этого философа,— признался Дирк,— могу сказать, что Вселенная не кажется мне очень привлекательным местом. Неудивительно, что так много людей предпочитает сидеть дома.

Хассел рассмеялся.

— Забавно, что вы так говорите. Я только что поболтал с одним стариком, который рассуждал о том же самом. Он понял, кто я такой, но сделал вид, будто не узнал меня. Я заговорил о том, что существует два типа характеров. Одни — искатели приключений, люди любознательные, а вторые вполне довольны возможностью сидеть в своем садике на заднем дворе. Думаю, нужны и те и другие, и глупо доказывать, что одни правы, а другие ошибаются.

— А я, наверное, гибрид,— улыбнулся Дирк.— Я и в садике люблю посидеть — но, кроме того, я люблю, чтобы ко мне в гости приходили путешественники и рассказывали о том, что повидали.— Он немного помолчал и добавил: — Как насчет того, чтобы где-нибудь посидеть и немного выпить?

— Только совсем недолго,— сказал Хассел.— Я должен вернуться домой до пяти.

Дирк не стал возражать, хотя он ничего не знал о домашних делах Хассела. Вскоре они уже сидели за столиком в «Кумберленде» с большими кружками пива.

— Не знаю,— смущенно кашлянув, проговорил Дирк,— слышали ли вы о моей работе.

— Представьте себе, слышал,— с дружелюбной улыбкой ответил Хассел.— И мы все гадали, когда же вы до нас доберетесь. Вы же эксперт по мотивам и влияниям, верно?

Дирк удивился. Он не представлял, что о нем ходят такие разговоры.

— Ну... да,— признался он.— Конечно,— торопливо добавил он,— меня прежде всего интересуют не конкретные случаи, но для моей работы было бы очень полезно, если бы я мог узнать, как вышло, что люди связали свою жизнь с астронавтикой.

Он гадал, попадется ли Хассел на его удочку. Прошла минута, и пилот, образно говоря, начал поклевывать наживку, а Дирк отчетливо представил себя рыболовом, не спускающим глаз с поплавка, чуть подпрыгивающего на поверхности тихого озера.

— Мы по этому поводу в «Яслях» много спорили,— сказал Хассел.— Простого ответа нет. Все от человека зависит.

Дирк выжидающе молчал.

— Ну вот взять хотя бы Тэйна. Он ученый чистой воды, ему подавай знания, а какие будут последствия — все равно. Вот почему, несмотря на его блестящие мозги, он всегда будет уступать генеральному. Только имейте в виду: я никого не критикую! Одного сэра Роберта на целое поколение хватит с лихвой!

Клинтон и Ричардс — инженеры, они обожают технику саму по себе, хотя оба человечнее Тэйна. Думаю, вы слышали, как Джимми разделывается с репортерами, которые ему не по нраву,— ну да, я так и думал, что слышали! Клинтон — парень странноватый, никогда не узнаешь, что у него на уме. Не их выбрали для этой работы, они сами за ней гонялись.

Ну а Пьер совсем не похож на всех остальных. Ему подавай приключения — он поэтому и стал пилотом-ракетчиком. Это было с его стороны большой ошибкой, хотя тогда он этого не понимал. В пилотировании ракет ничего от приключений нет: полет либо идет по плану, либо — бабах!

Хассел стукнул кулаком по столу, но осторожно — так, что кружки едва звякнули. Эта бессознательная осторожность и точность, проявленная в последнее мгновение, вызвали у Дирка восторг. Тем не менее он не мог оставить без ответа замечания Хассела.

— Если я правильно помню,— сказал он,— вы испытывали небольшие трудности, которые вызвали у вас некоторое... волнение.

Хассел улыбнулся.

— Такое происходит один раз из тысячи. А в остальных девятистах девяноста девяти случаях пилот находится в ракете только потому, что он весит меньше автоматических приборов, которые могли бы сделать ту же самую работу.— Он помолчал, глядя куда-то за плечо Дирка, и его губы снова тронула улыбка.— У славы есть свои издержки. И одна из них к нам сейчас приближается.

Сотрудник отеля катил к их столику небольшую тележку — с таким видом, будто он жрец, несущий жертвоприношение к алтарю. Он остановился около столика и поставил на него бутылку, которая, как рассудил Дирк, глядя на слой опутавшей ее паутины, была старше его.

— С уважением от начальства, сэр,— проговорил сотрудник, поклонившись Хасселу. Тот встретил подарок словами, выражающими восхищение, однако его несколько встревожило то, что теперь на него глазели со всех сторон.

Дирк в винах не разбирался, но это показалось ему превосходным. В результате они с Хасселом выпили друг за друга, потом за Межпланетное общество, потом за «Прометей». То, что они по достоинству оценили качество вина, чуть было не сподвигло руководство отеля на то, чтобы из погребов была извлечена еще одна бутылка, но Хассел вежливо отказался, объяснив, что у него совсем нет времени, что он опаздывает — а это, собственно, так и было.

Дирк и Хассел весело попрощались на ступеньках перед входом в метро. Чувство у обоих было такое, что день заканчивается просто блестяще. Лишь когда Хассел ушел, Дирк понял, что тот ничего, совершенно ничего не сказал о себе. Из скромности — или из-за того, что не было времени? Он охотно говорил о своих коллегах — настолько охотно, словно хотел отвлечь внимание от своей персоны.

Дирк немного поразмышлял об этом, а потом, тихонько насвистывая, направился домой, в сторону Оксфорд-стрит. Садилось солнце его последнего дня в Лондоне.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

На протяжении тридцати лет мир медленно привыкал к мысли о том, что в один прекрасный день люди полетят к другим планетам. С тех пор как первые ракеты преодолели стратосферу, пророчества пионеров астронавтики сбывались уже столько раз, что теперь тех, кто не верил в эти предсказания, осталось очень мало. Крошечный кратер вблизи Аристарха, телевизионные фильмы с показом темной стороны Луны стали достижениями, которых никто не мог отрицать.

И все же находились такие, кто отворачивался от этих достижений или даже обличал их. Для человека с улицы межпланетные полеты по-прежнему представляли собой нечто пугающее, нечто лежащее за пределами горизонтов будничной жизни. Широкая общественность пока не питала к космическим полетам особенно теплых чувств, имело место лишь смутное понимание, что «наука» собирается что-то такое совершить в необозримом будущем.

Между тем люди с двумя четкими типами ментальности принимали астронавтику всерьез, хотя и по совершенно разным причинам. Практически одновременные по времени события — запуск первой ракеты дальнего радиуса действия и сброс атомной бомбы в пятидесятые годы породили уйму леденящих кровь пророчеств со стороны экспертов в области массового уничтожения. Несколько лет много говорили о военных базах на Луне и даже (что казалось более подходящим) на Марсе. То, что армия Соединенных Штатов к концу Второй мировой войны слишком поздно обнаружила планы Оберта двадцатилетней давности, посвященные

«космическим станциям», породило всплеск идей, которые с большой недооценкой были названы «уэллсианскими».

В своей классической книге «Wege zur Raumschiffahrt» Оберт писал о строительстве гигантских «космических зеркал», которые могли бы фокусировать и направлять на Землю солнечный свет как для мирных целей, так и для испепеления вражеских городов. К этой идее сам Оберт относился не слишком серьезно и очень удивился бы, если бы узнал, с каким энтузиазмом ее воспримут двадцатью годами позже.

Тот факт, что с Луны было бы очень легко бомбардировать Землю, а Луну атаковать с Земли было бы крайне сложно, заставил многих военных экспертов заявить, что ради мира во всем мире их страна должна первой захватить Луну, пока до нее не добрался воинственный соперник. Такие аргументы были популярны на протяжении десятилетия, предшествовавшего высвобождению атомной энергии, и были типичным продуктом эпохи политической паранойи. О них никто не вспоминал, когда в мире постепенно вновь воцарились разум и порядок.

Второй и, пожалуй, более важный блок мнений был основан на признании принципиальной возможности межпланетных путешествий, но при этом эти путешествия оспаривались с мистических и религиозных точек зрения. «Представители теологической оппозиции», как их порой называли, верили, что, удалившись от родной планеты, человек нарушит Божью волю. Как выразился один из самых ранних и блестящих критиков деятельности Межпланетного общества, оксфордский дон* Ч. С. Льюис, астрономические расстояния являются «Господними границами карантина». Если человек нарушит эти границы, он будет повинен в грехе, близком к богохульству.

Поскольку такие аргументы не основывались на логике, им сложно было возражать. Время от времени Межпланетное общество наносило контрудары и указывало, что с такой же меркой можно подойти к путешественникам-первооткрывателям всех времен. Астрономические расстояния, которые человек двадцатого века был способен за несколько ми-

* То есть член колледжа Церкви Христовой.

нут преодолеть с помощью радиоволн, были не меньшей преградой, чем океаны для людей каменного века. Конечно, и в доисторические времена хватало таких, кто качал головой и пророчил беду, когда молодые люди из племени отправлялись на поиски новых земель в пугающем, неведомом мире. Но как удачно получилось, что эти поиски произошли до того, как с полюса с грохотом поползли по Земле льды.

А ведь ледниковый период мог начаться вновь; и это была еще самая малая из тех бед, которые могли ожидать Землю. О некоторых катастрофах приходилось только гадать, но в неизбежности одной можно было не сомневаться.

В жизни каждой звезды наступает время, когда тонкое равновесие в ее атомных печах так или иначе нарушается. В далеком будущем потомство человечества, безопасно поселившееся на далеких планетах, может в последний раз увидеть свою прародину, перед тем как ее обнимет пламя взорвавшегося Солнца.

Одно из возражений против космических полетов, выдвигаемых критиками, выглядело (с первого взгляда) более убедительно. Поскольку Человек, утверждали они, принес столько несчастий своему собственному миру, разве можно ему доверять иные миры? И прежде всего, не будет ли бесконечно повторяться печальная история порабощения одной расы другой, когда человеческая цивилизация станет распространяться по планетам?

Убедительного ответа на это возражение не было: продолжалось столкновение соперничающих точек зрения, древний конфликт между пессимизмом и оптимизмом, между теми, кто верил в Человека и кто не верил. Но астрономы внесли свой вклад в дебаты, указав на ложность исторической аналогии. Человек, который прожил в цивилизованном состоянии всего одну миллионную часть жизни своей планеты, вряд ли встретит в других мирах слишком примитивные расы, которые можно эксплуатировать и порабощать. У землян, стартовавших с Земли с целью создания межпланетной империи, к концу своего странствия может остаться не больше надежд на успех своего предприятия, чем у флотилии дикарских боевых каноэ, вошедших в гавань Нью-Йорка.

Объявление о том, что «Прометей» может стартовать через несколько недель, заставило вспомнить все эти аргументы. Пресса и радио говорили практически только об этом, а астрономы, не без выгоды для себя, писали сдержанно-оптимистические статьи о Солнечной системе. Опрос Гэллапа, проведенный в Великобритании, показал, что сорок один процент населения — за межпланетные полеты, двадцать шесть процентов — против, а тридцать три процента не имеют по этому поводу четкого мнения. Эти цифры — в особенности тридцать три процента — вызвали некоторое волнение в Саутбэнке и выразились во множестве совещаний в отделе по связям с общественностью. Его деятельность еще никогда не была настолько бурной.

Обычный ручеек посетителей Межпланетного общества превратился в бурный поток, принесший с собой ряд весьма экзотичных персонажей. Мэтьюз для общения с ними разработал стандартную процедуру. Людям, желавшим принять участие в первом полете, предлагали прокатиться в гигантской центрифуге, установленной в медицинском секторе, которая развивала ускорение до десяти g. На это предложение мало кто соглашался, а тех, кто все же соглашался и после испытания с трудом приходил в себя, препровождали в отдел динамики, где математики наносили им «милосердный удар», задавая вопросы, не имеющие ответа.

Между тем никто не придумал эффективного метода борьбы с безумными гениями — хотя порой их можно было нейтрализовать с помощью общей реакции. Одна из неудовлетворенных амбиций Мэтьюза заключалась в том, чтобы организовать встречу человека, считавшего Землю плоской, с одним из эксцентриков, убежденных в том, что люди живут на внутренней поверхности полого шара. Он считал, что такая встреча может привести к весьма увлекательным дебатам.

Мало что можно было противопоставить психически неуравновешенным исследователям (как правило, это были пожилые пенсионеры), которые Солнечную систему знали назубок и стремились поделиться своими познаниями. Мэтьюз, со свойственным ему оптимизмом, надеялся, что теперь, когда до первого полета было, что называется, рукой

подать, такие люди поостынут и не так страстно будут желать проверить свои идеи на практике. Однако его ожидало разочарование, и одному из его подчиненных приходилось почти все свое рабочее время посвящать выслушиванию красочных рассказов неких престарелых дам о жизни на Луне.

Гораздо более серьезный характер носили письма в редакции и статьи в крупных газетах, на многие из которых требовался официальный ответ. Один каноник англиканской церкви написал яростное письмо, получившее множество откликов, в лондонскую «Таймс». В этом письме он осуждал Межпланетное общество и всю его деятельность. Сэр Роберт Дервент поспешно поработал за кулисами и, как он выразился, «покрыл карту каноника козырем покрупнее», то есть обратился к архиепископу. Ходили слухи, что про запас у сэра Роберта имеются и кардинал, и раввин — на тот случай, если атаки последуют от представителей соответствующих конфессий.

Никто особенно не удивился, когда отставной бригадный генерал, который последние тридцать лет, судя по всему, пребывал в состоянии анабиоза где-то на окраине Алдершота, пожелал узнать, какие шаги предпринимаются по поводу включения Луны в состав Британского Соединенного Королевства. Примерно в это же время генерал-майор из Атланты попросил Конгресс сделать Луну пятидесятым штатом. Подобные требования слышались почти во всех странах мира, исключая разве что Швейцарию и Люксембург. Юристы чувствовали, что надвигается кризис, о котором их давно предупреждали.

В этот момент сэр Роберт Дервент опубликовал знаменитый манифест, подготовленный много лет назад как раз для этого дня.

«Через несколько недель,— говорилось в этом историческом документе,— мы надеемся запустить первый космический корабль с поверхности Земли. Мы не знаем, будет ли нам сопутствовать успех, однако мы уже почти овладели энергией, необходимой для полетов к иным планетам. Нынешнее поколение стоит на берегу космического океана и готовится к величайшему в истории приключению.

У некоторых людей разум настолько цепляется за прошлое, что они считают, что политическое мышление наших предков может возобладать и тогда, когда мы достигнем других планет. Они даже говорят об аннексии Луны во имя той или другой нации, забывая о том, что подготовка к космическому полету потребовала объединенных усилий ученых всех стран мира.

За пределами стратосферы национальностей нет: любые планеты, до которых мы доберемся, станут общим наследием человечества — если они уже не принадлежат представителям иных форм жизни.

Мы, стремившиеся вывести человечество на дорогу к звездам, торжественно объявляем сейчас и на будущее: "В космосе мы не будем проводить границ"».

1

— Думаю, Альфреду непросто,— заметил Дирк,— остаться в Лондоне сейчас, когда начинается самое интересное.

Мак-Эндрюс проворчал что-то нечленораздельное и добавил:

— Не могли же мы оба улететь. И без того в штаб-квартире мало кто остался. Слишком многие решили, что сейчас самое время уйти в отпуск.

Дирк от комментариев воздержался, хотя искушение было. В любом случае его присутствия в Лондоне не требовалось. Он сочувственно представил себе беднягу Мэтьюза, уныло глядящего на ленивую Темзу, и стал думать о более приятных вещах.

Внизу была еще видна линия побережья Кента, поскольку лайнер пока не набрал крейсерскую высоту и скорость. Движения почти не ощущалось, но неожиданно Дирк испытал ни с чем не сравнимое чувство. Другие, по всей видимости, тоже кое-что заметили. Ледук, сидевший напротив, довольно кивнул.

— Таранные реактивные двигатели заработали,— сказал он.— Сейчас они сменят турбинные.

— Это значит,— вставил Хассел,— что скорость уже перевалила за тысячу.

— Узлов, миль или километров в секунду — или ярдов, футов и дюймов в микросекунду? — спросил кто-то.

— Ради бога,— простонал кто-то из инженеров,— только не начинайте опять этот спор!

— А когда мы будем на месте? — спросил Дирк, точно знавший ответ на этот вопрос, но желавший сменить тему разговора.

— Через шесть часов мы сядем в Карачи, шесть часов поспим, а в Австралии будем через двадцать часов. Конечно, нужно добавить — или вычесть — примерно половину суток, разницу во времени, но это уже не по нашей части.

— Для тебя многовато будет, Вик,— рассмеялся Ричардс, глядя на Хассела.— В последний раз ты облетел мир за девяносто минут!

— Не стоит преувеличивать,— ответил Хассел.— Во-первых, я летел не на такой высоте, а во-вторых, полет занял все сто минут. И кроме того, прошло еще полтора дня, прежде чем я смог совершить посадку!

— Скорость — это, конечно, очень хорошо,— философски изрек Дирк,— но она создает ложное представление о мире. За несколько часов пулей долетаешь от одного места до другого и забываешь о том, что в промежутке вообще что-то есть.

— Совершенно согласен,— неожиданно отозвался Ричардс.— Если уж совсем необходимо, путешествуй быстро, но если спешки нет, то ничто не сравнится со старой доброй парусной яхтой. В юности я в свободное время ходил под парусом по Великим озерам. Мне уж либо пять миль в час, либо двадцать пять тысяч. Дилижансы, аэропланы и всякое такое — это не по мне.

Затем разговор перешел в техническую область и скатился к спору о сравнении достоинств различных типов реактивных и ракетных двигателей. Кто-то заметил, что небольшие самолеты до сих пор исправно выполняют свою работу в отдаленных районах Китая, но его быстро заткнули, и Дирк очень обрадовался, когда Мак-Эндрюс предложил ему сыграть в шахматы на миниатюрной доске.

Первую партию он проиграл над Юго-Западной Европой, а во время второй заснул — вероятно, сработал инстинкт самосохранения, поскольку Мак-Эндрюс его явно переигрывал. Он проснулся, когда лайнер пролетал над Ираном — то есть как раз вовремя. Предстояла посадка и возможность еще поспать. Поэтому не было ничего удивительного в том, что в то время, когда под крылом самолета появилось Тиморское море, Дирк перевел свои часы на австралийское время, не зная, стоит ли еще подремать или в этом уже нет смысла.

Его спутники, более умело распределившие сон и бодрствование, были в лучшей форме и теперь сели ближе к иллюминаторам, так как полет приближался к концу. Они почти два часа летели над безжизненной пустыней, где лишь изредка встречались островки растительности. Вдруг Ледук, следивший за полетом по карте, воскликнул:

— Вон, смотрите! Слева!

Дирк устремил взгляд туда, куда указывал пальцем Ледук. Сначала он ничего не увидел, а потом разглядел вдали постройки маленького компактного городка. С одной стороны от построек лежала взлетно-посадочная полоса аэродрома, а за ней через пустыню тянулась едва различимая черная линия. Она казалась необычно прямой железной дорогой, но вскоре Дирк заметил, что она ведет из ниоткуда в никуда. Линия начиналась в пустыне и в пустыне заканчивалась. Это были первые восемь километров дороги, которая должна была привести экипаж «Прометея» к Луне.

Через несколько минут величественная космическая взлетная полоса осталась позади, и Дирк с замиранием сердца узнал блестящий крылатый обтекаемый силуэт космического корабля, стоявшего на космодроме. Все невольно притихли, глядя на крошечный серебристый дротик, так много значивший для них. Лишь немногие видели его на рисунках и фотографиях. Но в следующее мгновение космический корабль скрылся за блоком невысоких зданий. Лайнер начал снижение и вскоре приземлился.

— Так это и есть Луна-Сити! — без особого энтузиазма проговорил кто-то.— Похож на заброшенный поселок золотодобытчиков.

— Может быть, так оно и есть,— сказал Ледук.— В этих краях когда-то были золотые прииски, правда?

— Наверняка вам известно,— напыщенно проговорил Мак-Эндрюс,— что Луна-Сити был построен британским правительством в тысяча девятьсот пятидесятом году как ракетная научно-исследовательская база. Первоначально он имел местное, аборигенское название — что-то насчет копий и стрел, кажется.

— Интересно, что обо всем этом думают аборигены? Наверняка кое-кто из них еще обитает в окрестных холмах?

— Да,— сказал Ричардс.— В нескольких сотнях километров отсюда есть резервация — далеко, скажем так, от линии огня. Наверное, они думают, что мы чокнутые, и, пожалуй, они правы.

Машина, забравшая прибывших с летного поля, остановилась около большого офисного здания.

— Выгружайтесь,— сказал водитель.— Разместитесь в отеле.

Шутка никого особо не повеселила. Жилье в Луна-Сити состояло большей частью из армейских домиков, многим из которых уже исполнилось тридцать лет. Более современные постройки наверняка были оккупированы постоянным контингентом, поэтому прибывшими сразу овладели самые дурные предчувствия.

Луна-Сити, как назывался этот городок в последние пять лет, изначально был предназначен стать военной базой, и, хотя садовники-любители всеми силами пытались его украсить, их старания в итоге только подчеркнули общую унылость и однообразие.

Обычно население городка составляло около трехсот человек — в основном ученые и техники. В ближайшие несколько дней число людей должно было увеличиться, и поток прибывающих ограничивался наличием свободного жилья — но, пожалуй, даже это некоторых не останавливало. Одна новостная компания уже прислала в Луна-Сити большое число палаток, и сотрудники этой компании взволнованно интересовались местными погодными условиями.

Дирк очень обрадовался, когда выяснилось, что ему выделена комната — небольшая, но чисто прибранная и удобная. В здании размещалось также человек десять из администрации, а в доме напротив свою колонию организовали Коллинз и другие ученые с Саутбэнка. Кокни, как они сами себя окрестили, быстро оживили место своего обитания самодельными табличками-указателями типа: «К метро» и «Остановка автобуса № 25».

Первый день в Австралии все посвятили размещению на новом месте и изучению географии «города». У городка был один большой плюс — он был компактен, и высоченная башня здания метеоцентра служила отличным ориентиром. Аэродром находился примерно в трех километрах от поселка, а космическая взлетная полоса — еще в полутора километрах от аэродрома. Всем не терпелось взглянуть на космический корабль, но с визитом к нему пришлось подождать до следующего дня. Первые двенадцать часов Дирк был слишком занят. Он отчаянно пытался определить местонахождение своих бумаг, которые, как он опасался, заблудились где-то между Калькуттой и Дарвином. В итоге бумаги обнаружились в техническом архиве, откуда их чуть было не отправили обратно в Англию, поскольку фамилию Дирка не смогли найти в списке сотрудников Межпланетного общества.

К концу этого утомительного дня у Дирка все же хватило сил записать свои первые впечатления.

«*Полночь.* В Луна-Сити, как говорит Коллинз, "довольно весело" — но мне кажется, что всякое веселье через месяц пропадет. Жилье сносное, хотя мебели — раз-два и обчелся, и в здании нет водопровода. Чтобы принять душ, придется протопать без малого километр!

Мак-Э. и еще кое-кто из его людей живут в этом же доме. Я бы предпочел поселиться с Коллинзом, но не хватает смелости попросить, чтобы меня переселили.

Луна-Сити напоминает мне базы ВВС, которые я видел в фильмах про войну. Все такое блеклое, безликое и прочное, и та же атмосфера неустанной деятельности. И точно так же, как база ВВС, этот городок существует ради техники — только здесь вместо бомбардировщиков космический корабль.

Из моего окна примерно в полукилометре видны силуэты каких-то офисных зданий, которые смотрятся довольно

нелепо здесь, в пустыне, под странными яркими звездами. Несколько окон еще горят, и можно вообразить себе ученых, которые в столь поздний час упорно трудятся над какими-то срочными задачами. Но я-то знаю, что эти ученые жутко шумят в соседнем доме — у них вечеринка с друзьями. Так что электричество посреди ночи тратит, скорее всего, какой-нибудь бедолага-бухгалтер, подбивающий баланс.

Слева, далеко-далеко, через просвет между домами видно на горизонте пятно неяркого света. Там стоит "Прометей", освещенный прожекторами. Странно думать, что он — вернее, его часть, именуемая "Бетой", уже десяток с лишним раз побывала в космосе, куда доставляла цистерны с топливом. И все же "Бета" принадлежит нашей планете, а "Альфа", пока не отрывавшаяся от Земли, вскоре полетит между звезд и никогда больше не коснется поверхности нашего мира. Нам всем не терпится увидеть корабль, и завтра с утра мы первым делом отправимся на космодром».

«*Позже.* Рэй позвал меня, чтобы познакомить со своими друзьями. Я польщен, поскольку отметил, что Мак-Эндрюса и его компанию туда не пригласили. Не могу вспомнить имен никого из тех, кому я был представлен, но было здорово. А теперь пора на боковую».

2

Даже с расстояния полутора километров «Прометей» представлял собой впечатляющее зрелище. Он стоял на сборных опорных конструкциях на краю гигантского бетонного «фартука», окольцовывавшего место старта. Жерла воздухозаборных устройств были похожи на отверстые пасти. Маленькая и более легкая «Альфа» лежала в специальной «люльке» в нескольких метрах от «Беты». Части корабля вот-вот должны были соединить между собой. Оба компонента были окружены кранами, тягачами и всевозможными движущимися устройствами, а также канатным барьером. Грузовик остановился перед въездом за кордон, около большого предупредительного знака, гласившего:

ВНИМАНИЕ — РАДИОАКТИВНАЯ ЗОНА!

Вход только для персонала по особым пропускам
Посетителям, желающим осмотреть корабль,
обращаться по тел. доб. 47 (отд. св. общ. 11а)
МЕРЫ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИНИМАЮТСЯ
РАДИ *ВАШЕЙ* ЗАЩИТЫ!

Дирк с некоторым беспокойством посмотрел на Коллинза. Они показали пропуска. Охранник махнул рукой и пропустил их за ограждение.

— Даже не знаю, нравится мне это или нет,— сказал Дирк.

— О,— весело отозвался Коллинз,— бояться нечего, только держитесь рядом со мной. К опасным участкам мы приближаться не будем. К тому же у меня всегда при себе эта штучка.

Он вытащил из кармана куртки прямоугольную коробочку. Похоже, она была сделана из пластмассы. Сбоку Дирк заметил маленький динамик.

— Что это такое?

— Счетчик Гейгера. В случае повышенной радиоактивности воет, как сирена.

Дирк указал на гигантскую машину.

— Это космический корабль или атомная бомба? — робко спросил он.

Коллинз расхохотался.

— Если окажешься под соплом, разницы не почувствуешь!

Они остановились под тонким, изящным носом «Беты». В обе стороны расходились ее величественные крылья. Она походила на застывшего в полете мотылька. Темные пещеры воздухозаборников выглядели угрожающе. Дирка удивили странные кубкообразные раструбы по краям воздухозаборников. Коллинз заметил его любопытство.

— Амортизаторы-диффузоры,— объяснил он.— Понимаете, невозможно одним и тем же способом всасывать воздух при разных скоростях и на разных высотах. Это ведь большая разница — весемьсот километров в час над уров-

нем моря или двадцать девять тысяч километров в час в стратосфере. Эти штуки регулируются, их можно выставлять на полную длину и втягивать. Но все равно система на редкость малоэффективна и работает только благодаря тому, что у нас нелимитированный запас энергии. Давайте-ка посмотрим, пустят ли нас на борт.

Они довольно легко поднялись по невысокому помосту и через боковой люк проникли внутрь «Беты». Дирк обратил внимание, что корма корабля ограждена большими подвижными барьерами, так что к ней никто не мог подойти. Он сказал об этом Коллинзу.

— Эта часть «Беты»,— мрачно отозвался аэродинамик,— будет иметь гриф «Посторонним вход строго воспрещен» года этак до двухтысячного.

Дирк непонимающе уставился на инженера:

— Что вы имеете в виду?

— Это самое и имею. Как только атомный двигатель начал работать, как только в реакторе появилась радиация, к нему приближаться нельзя. Много лет будет опасно прикасаться.

Даже Дирк, далекий от инженерии, начал догадываться о возможных технических сложностях.

— Но как же, черт возьми, вы инспектируете двигатели или ремонтируете их, если что-то ломается? Только не говорите мне, что они настолько совершенные, что сломаться не могут!

Коллинз улыбнулся.

— Это — самая большая головная боль атомной инженерии. Чуть позже у вас будет возможность увидеть, как это делается.

На борту «Беты» смотреть было, на удивление, почти не на что, поскольку корабль большей частью состоял из двигателей и топливных баков, невидимых и недостижимых за толстыми защитными переборками. Удлиненная, узкая кабина в носовой части походила на отсек управления любого авиалайнера, но оснащена была намного сложнее, поскольку команде из двух человек — пилоту и бортинженеру предстояло пробыть на борту «Беты» почти три недели. За такое время можно с ума сойти от скуки, и Дирк не удивил-

ся, обнаружив среди оборудования коллекцию микрофильмов и кинопроектор. Пилоту и бортинженеру пришлось бы трудно, если бы они не сошлись характерами, но наверняка над этим вопросом потрудились психологи.

Отчасти из-за того, что Дирк слишком мало понимал в том, что видел, а отчасти потому, что ему не терпелось как можно скорее побывать на борту «Альфы», он вскоре заскучал. Он подошел к маленьким иллюминаторам из толстого стекла и выглянул наружу.

«Бета» стояла посреди пустыни, почти параллельно взлетной полосе, по которой она должна была покатиться уже через несколько дней. Этот момент легко было представить себе даже сейчас. Корабль словно сам ждал мгновения, когда он взмоет в небо и устремится к стратосфере со своей драгоценной ношей...

Вдруг пол завибрировал, и корабль начал двигаться. У Дирка от страха сжалось сердце, он едва удержался на ногах, и ему пришлось ухватиться за поручень. Только увидев рядом с кораблем маленький тягач, он понял, как глупо себя повел. Он надеялся, что Рэй ничего не заметил.

— Отлично,— проговорил Коллинз, закончив тщательный осмотр.— А теперь давайте взглянем на «Альфу».

Они выбрались через люк, и Дирк увидел, что тягач отвез «Бету» подальше за заграждения.

— Похоже, они что-то делают с двигателями,— сказал Коллинз.— Они провели — дайте-ка подсчитать — уже пятнадцать запусков двигателей без каких-либо накладок. А это перышко в шляпу профессора Макстона.

Дирк все еще гадал, как «они» могут вообще могут что-то делать с этими пугающими непостижимыми двигателями, но тут у него возник другой вопрос.

— Послушайте,— сказал он,— я давно хотел у вас спросить. Какого пола «Прометей»? Этот корабль одни называют «он», другие — «она», третьи «оно» — кто как хочет. Вряд ли ученые всерьез относятся к грамматике, но все же...

Коллинз хмыкнул.

— Это очень важный момент,— сказал он.— Где-то он оговорен официально. Хотя «Прометей», безусловно, «он», весь корабль целиком мы называем «она», как принято у

моряков*. «Бета» также «она», но «Альфа» — собственно космический корабль — «оно». Что может быть проще?

— Честно говоря, многое. Хотя, пожалуй, это нормально, если вы так настаиваете.

«Альфа» оказалась еще более сложным комплексом двигателей и топливных баков, чем более крупная «Бета». У нее, правда, не было ни крыльев, ни плавников, но все же по конфигурации корпуса была видно, что под обшивкой упрятано множество устройств странной формы. Дирк спросил Коллинза об этом.

— Вот здесь — радиоантенны, здесь — перископы, здесь устройства управления маневровыми соплами,— объяснил Коллинз.— Сзади — большие амортизаторы для посадки на Луну. Когда «Альфа» будет находиться в космосе, все эти устройства могут быть выставлены, и экипаж сможет проверить, хорошо ли они функционируют. Потом их уже можно не убирать, потому что до самого конца полета им не будет грозить сопротивление воздуха.

Ракетные отсеки «Альфы» были ограждены противорадиационными экранами, поэтому полностью осмотреть корабль не удалось. Он напомнил Дирку фюзеляж старомодного авиалайнера, потерявшего крылья. Чем-то «Альфа» была очень похожа на гигантский артиллерийский снаряд, на котором ближе к носу располагалось смазывающее картину схожести кольцо иллюминаторов. Кабина экипажа занимала меньше пятой части всей длины ракеты. За ней — бесконечные машины и пульты управления, которые могли понадобиться во время полета длиной восемьсот тысяч километров.

Коллинз показал Дирку приблизительное расположение отсеков.

— Сразу за кабиной,— сказал он,— мы разместили шлюзовую камеру с люком и главные пульты управления, которые потребуются во время полета. Затем идут топливные баки — их шесть — и холодильная установка для сохранения метана в жидком состоянии. Дальше — насосы и турбины, а потом двигатель, занимающий половину корабля. Двигатель окружен толстым защитным слоем, и кабина находится на значительном отдалении от него, так что экипаж получает максимальный уровень защиты. Но в остальных отсеках «жарко», хотя и само топливо служит изоляцией.

* В английском языке понятие рода носит довольно размытый характер. Однако корабли (возможно, потому что нос старинного парусника чаще всего украшала женская фигура) принято называть местоимением женского рода «she» («она»). Точно так же с грамматической точки зрения обходятся с паровозами.

В маленькой шлюзовой камере места едва хватало для двоих, и Коллинз пошел вперед, на разведку. Он предупредил Дирка о том, что в кабине наверняка будет слишком тесно, но через минуту вернулся и поманил его к себе.

— Все, кроме Джимми Ричардса и Диггера Клинтона, разошлись по мастерским,— сказал он.— Нам повезло — места хватит.

Это, как вскоре выяснилось, было большим преувеличением. Кабина предназначалась для трех человек, находящихся здесь в условиях невесомости, когда пол и потолок с успехом менялись местами и всем свободным пространством можно было пользоваться как угодно. Сейчас, когда корабль лежал на земле в горизонтальном положении, тут все-таки было довольно тесно.

Клинтон, австралийский специалист по электронике, обернул себя длинным чертежом со схемой электропроводки. Он был вынужден это сделать, чтобы протиснуться в кабину. Дирк подумал, что он похож на гусеницу, обмотавшую себя коконом. Ричардс, похоже, тестировал какое-то оборудование.

— Не бойтесь,— сказал он Дирку, заметив, с каким волнением тот смотрит на него.— Мы не взлетим. Топливные баки пусты!

— У меня уже комплекс начал развиваться,— признался Дирк.— Когда я в следующий раз поднимусь на борт, мне бы хотелось убедиться, что мы привязаны к хорошему тяжелому якорю.

— Если уж говорить о якорях,— рассмеялся Ричардс,— то слишком большой не нужен. У «Альфы» не такая уж большая тяга — всего около сотни тонн. Но зато она может долго ее держать!

— Всего сто тонн? Но ведь она весит в три раза больше!

Коллинз вежливо кашлянул.

— Мы ведь, кажется, договорились, что «Альфа» — «оно».

Но Ричардс не против был говорить об «Альфе» в женском роде.

— Да, но при старте она будет находиться в открытом космосе, а при взлете с Луны ее фактический вес составит всего около тридцати пять тонн. Так что у нас все под контролем.

Интерьер кабины «Альфы», судя по всему, стал результатом горячей битвы науки с сюрреализмом. Дизайн определялся тем фактом, что на протяжении восьми дней обитатели кабины должны были прожить без всякой гравитации, без таких понятий, как «верх» и «низ»; однако затем наступит долгий период пребывания на Луне, где вдоль оси корабля возникнет небольшая сила притяжения. Поскольку в данный момент центральная ось корабля пребывала в горизонтальном положении, у Дирка возникло такое чувство, будто он передвигается по стенам или крыше.

И все же этот момент ему было суждено запомнить на всю жизнь — посещение первого в истории космического корабля. За маленькими иллюминаторами уже через несколько дней будут видны лунные равнины, и небо будет не синим, а черным, с крупными яркими звездами. Зажмурившись, Дирк вообразил, что он уже на Луне: и вот сейчас он уберет заслонки и через верхние иллюминаторы увидит в небе Землю. Впоследствии Дирк еще несколько раз побывал на «Альфе», но первый визит забыть не смог.

Со стороны люка послышался скрежет. Коллинз поспешно проговорил:

— Нам бы лучше выбраться отсюда, пока кого-нибудь насмерть не затоптали. Ребята возвращаются.

Ему удалось договориться с астронавтами, чтобы те подождали, когда они выберутся из кабины. Дирк увидел Хассела, Ледука, Тэйна и еще несколько человек. Все они собирались взойти на борт с какими-то крупными приборами. При мысли о том, как тесно сейчас станет в кабине, Дирку стало не по себе. Ему хотелось верить, что никто и ничто не пострадает.

Ступив на бетонный «фартук», он облегченно вздохнул и расправил плечи. Он взглянул на «Альфу», надеясь увидеть, что происходит в кабине, но ничего не разглядел. Кто-то сел спиной к иллюминатору.

— Ну,— проговорил Коллинз, протянув Дирку сигареты,— что скажете о наших маленьких игрушках?

— Теперь я вижу, на что истрачены деньги,— ответил Дирк.— Просто жуткое количество всякой аппаратуры — и все только ради того, чтобы трое смогли «прокатиться», как вы выражаетесь.

— Вы еще не все видели. Давайте прогуляемся к взлетной полосе.

Взлетная полоса впечатляла самой своей простотой. От бетонного «фартука» тянулись две линии рельсов и исчезали за горизонтом. Такого блестящего примера перспективы Дирк ни разу в жизни не видел.

Челнок-катапульта представлял собой огромную металлическую тележку с «клешнями», которые должны были держать «Прометей» до тех пор, пока он не наберет взлетную скорость. «Плоховато получится,— подумал Дирк,— если эти "клешни" не разомкнутся в нужное время».

— Для запуска груза весом в пятьсот тонн со скоростью страшно сказать сколько километров в час нужна целая электростанция,— сказал он Коллинзу.— Почему «Прометей» не может взлететь, пользуясь собственной энергией?

— Потому что с первоначальной нагрузкой корабль может разогнаться лишь до семисот двадцати километров в час, а таранные реактивные двигатели начинают работать только при более высокой скорости. Поэтому прежде всего скорость нужно увеличить. Энергия для запуска поступает от главной электростанции; а в этом небольшом здании рядом с ней находится целая батарея маховиков. Их включают - непосредственно перед запуском. А потом они подключаются к генераторам.

— Понятно,— кивнул Дирк.— Закручиваете резиночку — и полетели*.

* Скрученная тонкая резинка используется при запуске кордовых авиамоделей.

— Примерно так,— ответил Коллинз.— После старта «Альфы» с орбиты «Бета» уже не будет перегружена, и ее можно вернуть на Землю с разумной скоростью — менее четырехсот километров в час; а это проще простого для любого, кто умеет управлять двухсоттонными планерами!

3

Толпа, собравшаяся в небольшом ангаре, сразу притихла, когда на помост поднялся генеральный директор. Он включил усилители, и его голос зазвучал громко, отражаясь эхом от металлических стен. Сотни авторучек начали строчить слова в сотнях блокнотов.

— Мне бы хотелось,— начал сэр Роберт,— сказать несколько слов всем присутствующим. Нам очень хочется помочь вам в вашей работе, и мы постараемся предоставить желающим возможность как можно лучше осветить момент запуска, который, как вы уже знаете, состоится через пять дней.

Прежде всего, вы должны понять, что физически невозможно позволить каждому из вас осмотреть корабль. За последнюю неделю мы разрешили сделать это всем, кому могли, но после завтрашнего дня больше не сможем пускать на борт посетителей. Инженеры займутся проверкой аппаратуры, и к тому же я вынужден с прискорбием констатировать, что уже имеют место несколько случаев... кха-кха!.. мягко говоря, приобретения сувениров.

Для наблюдения за стартом все вы могли выбрать удобные позиции вдоль взлетной полосы. На протяжении первых четырех километров места хватит для всех. Но помните: никто не должен пересекать красный барьер на отметке «пять километров». Именно там заработают реактивные двигатели, и к тому же в этой зоне еще достаточно высок уровень радиации после предыдущих запусков. При начале работы реактора разброс радиоактивных отходов занимает большую площадь. Как только будет можно забрать автоматические камеры, установленные вами в этой зоне, поступит соответствующее распоряжение.

Некоторые интересовались, когда снимут противорадиационные экраны, чтобы корабли можно было рассмотреть полностью. Мы сделаем это завтра во второй половине дня, приходите и смотрите. Если желаете взглянуть на сопла — захватите с собой бинокли или телескопы, поскольку ближе чем на сто метров к кораблям подходить запрещено. Если кто-то считает, что все это, как говорится, много шума из ничего, то на всякий случай сообщаю: в больнице уже находятся двое бедолаг, рискнувших прокрасться поближе к кораблям. Теперь они жалеют об этом.

Старт в связи с какими-нибудь проблемами, возникшими в последнюю минуту, может задержаться на двенадцать часов, на сутки, в крайнем случае — на тридцать шесть часов. Если такое произойдет, нам придется ждать целый лунный месяц — то есть четыре недели. С технической точки зрения совершенно все равно, когда стартует к Луне наш корабль, но нам бы хотелось, чтобы он совершил посадку в том районе, который нами лучше всего изучен, непременно в дневное время.

Две ступени корабля разделятся примерно через час после старта. Можно увидеть вспышку при старте «Альфы», если ракета будет над горизонтом в тот момент, когда заработают ее собственные двигатели. Все сообщения ловите по радиосети городка на местной волне.

«Альфа» должна лечь на курс к Луне примерно через девяносто минут после старта. Затем состоится первый сеанс радиосвязи. Далее на протяжении трех суток мало что будет происходить, потом, на расстоянии примерно в три тысячи километров от Луны, начнется маневр торможения. Если по какой-то причине произойдет перерасход топлива, посадки не будет. Тогда корабль выйдет на окололунную орбиту на высоте в несколько сотен километров и совершит несколько витков вокруг Луны до расчетного времени возвращения на Землю.

А теперь... есть у кого-нибудь вопросы?

С минуту было тихо. Затем кто-то из дальних рядов выкрикнул:

— Когда мы узнаем, кто войдет в состав экипажа, сэр?

Генеральный директор немного нервно улыбнулся.

— Возможно, завтра. Но прошу вас, помните: мероприятие слишком грандиозно для того, чтобы имели значение конкретные личности. На самом деле совершенно не важно, кто именно полетит. Важен сам полет.

— Мы сможем переговариваться с экипажем, когда корабль окажется в космосе?

— Да, мы надеемся один раз в сутки организовывать общую трансляцию. И конечно, мы рассчитываем непрерывно обмениваться с экипажем технической информацией и контролировать полет, поэтому корабль не останется без связи с наземными станциями.

— А как насчет посадки на Луну? Вы собираетесь транслировать это событие?

— Экипаж в это время будет слишком занят, чтобы комментировать происходящее для нас с вами. Но благодаря микрофонам мы получим представление о том, что там делается. Кроме того, включение двигателей при посадке видно из обсерваторий. Вспышка при посадке на Луну будет весьма заметной.

— Какова программа после посадки, сэр?

— Экипаж примет решение по обстоятельствам. Прежде чем покинуть корабль, астронавты передадут в центр управления информацию обо всем, что они видят, и включат телевизионную камеру. Так что мы должны получить неплохую картинку — кстати говоря, полноцветную.

На этой уйдет примерно час, за это время лунная пыль должна осесть, а радиационный фон уменьшится. Тогда двое членов экипажа облачатся в скафандры и покинут корабль. Обо всем, что они увидят, они расскажут по радио третьему члену экипажа, оставшемуся на корабле, а он передаст эту информацию на Землю.

Мы надеемся, что у астронавтов будет возможность хорошо обследовать регион площадью примерно десять километров в поперечнике, но рисковать мы не хотим. Благодаря телевизионной связи все, что обнаружат астронавты, может быть транслировано на Землю. С особым волнением мы ждем сведений об обнаружении залежей минералов,

рассчитывая наладить на Луне производство топлива из них. Естественно, мы будем искать и признаки жизни, но никто не удивится, если мы их не найдем.

— А если найдете селенита,— пошутил кто-то,— вы его привезете для зоопарка?

— Конечно нет! — решительно отказался сэр Роберт, шутливо сверкая глазами.— Если мы учиним такое, мы можем сами оказаться в зоопарке!

— Когда корабль вернется? — поинтересовался другой репортер.

— Он совершит посадку рано утром, а стартует в обратный путь поздно вечером по лунному времени. Это означает, что астронавты пробудут на Луне около восьми наших суток. Обратный путь займет четыре с половиной дня, так что в целом полет займет шестнадцать-семнадцать дней.

Вопросов больше нет? Хорошо, тогда давайте на этом закончим. Но у меня есть еще одно сообщение. Для того чтобы у всех было ясное представление о технической стороне, в ближайшие дни мы устроим три пресс-конференции с участием Тэйна, Ричардса и Клинтона, и каждый из них будет отвечать за свою область. Очень советую вам не пропустить эти пресс-конференции. Благодарю вас!

Генеральный директор точно рассчитал окончание выступления. Когда он сошел с помоста, по пустыне внезапно прокатился раскат грома и стальной ангар завибрировал, словно барабан.

В пяти километрах от ангара «Альфа» проверяла двигатели, включив их, наверное, на десятую часть от полной мощности. От этого грохота дрожали барабанные перепонки и стучали зубы; страшно было представить, что здесь будет твориться при старте.

Да, сложно было такое представить, поскольку этот грохот никому не дано было услышать. В то время, когда снова заработают двигатели «Альфы», корабль будет находиться в вечном безмолвии межпланетного пространства, где даже взрыв атомной бомбы так же беззвучен, как падение снежинок лунной ночью.

4

Профессор Макстон выглядел очень усталым. Он аккуратной стопкой укладывал на столе отчетные материалы. Все было проверено; все работало идеально — даже, пожалуй, слишком идеально. Завтра предстояла последняя проверка двигателей; а пока следовало загрузить корабли всем необходимым. «Жаль,— размышлял Макстон,— что придется оставить дежурный экипаж на борту "Беты" в то время, когда она будет кружить на орбите вокруг Земли». Но избежать этого было нельзя, поскольку требовалось присматривать за работой приборов и холодильной установки, и все должно было быть готово к очередной стыковке. Одни специалисты считали, что «Бете» следует приземлиться, а потом вновь стартовать через пару недель, чтобы встретить возвращающуюся «Альфу». Об этом много спорили, но в итоге победил орбитальный вариант. При том, что «Бета» оставалась на орбите, можно было свести к минимуму возможные опасности.

«Машины готовы,— думал Макстон,— а как люди?» Он пытался угадать, принял ли уже генеральный директор решение. Неожиданно у него возникло желание повидаться с сэром Робертом.

Он не удивился, увидев в кабинете генерального директора главного психолога. Доктор Гроувз приветствовал Макстона дружелюбным кивком.

— Привет, Руперт. Наверное, опасаетесь, что я всех забраковал?

— Если бы вы это сделали,— мрачно изрек Макстон,— я бы, пожалуй, набрал команду из своих подчиненных и полетел сам. И между прочим, мы бы неплохо справились. Но серьезно, как там ребята?

— Прекрасно. Троих выбрать будет непросто, но надеюсь, вы сумеете это сделать, поскольку ожидание подвергает их ненужному стрессу. Ведь уже нет причин медлить с отбором, не так ли?

— Да. У всех пятерых проверены реакции при работе с управлением, они прекрасно ознакомлены с кораблем и к полету готовы.

— В таком случае,— сказал генеральный директор,— завтра с утра этот вопрос решим первым делом.

— Каким образом?

— Жеребьевкой, как и собирались. Только так можно избежать обид и кривотолков.

— Рад слышать,— кивнул Макстон и снова обратился к психологу:— Насчет Хассела у вас точно нет никаких сомнений?

— Я как раз хотел сказать о нем. Он в полном порядке и действительно хочет лететь. Теперь, когда он охвачен предстартовым волнением, другие тревоги ушли на задний план. Но одна загвоздка все-таки есть.

— Какая?

— Думаю, это маловероятно, но представьте себе — вдруг что-то здесь пойдет не так в то время, когда он будет на Луне? Ребенок должен родиться примерно к середине полета, вы же знаете.

— Понимаю. Если говорить о самом худшем — если его жена умрет, как это скажется на нем?

— На этот вопрос ответить нелегко, ведь он будет находиться в таких условиях, в которых человеку прежде бывать не доводилось. Он может принять случившееся спокойно, а может сорваться. Риск минимален, но все же он существует.

— Конечно, мы могли бы солгать ему,— задумчиво проговорил сэр Роберт,— но лично я всегда выступал за скрупулезность в отношении целей и средств. Не хотелось бы брать такое на душу.

Несколько минут все трое молчали. А потом генеральный директор сказал:

— Что ж, благодарю вас, доктор. Мы с Рупертом это обсудим. Если решим, что это совершенно необходимо, то сможем попросить Хассела остаться.

Психолог остановился у двери.

— Вы сможете,— сказал он,— а мне самому этого делать ужасно не хочется.

Ночное небо озарили звезды, когда профессор Макстон покинул кабинет генерального директора и устало зашагал

к жилому дому. С виноватым чувством он признался себе в том, что не знает названий половины здешних созвездий. «Надо будет попросить Тэйна, чтобы он мне сказал, как они называются»,— подумал он. Но с этим следовало поспешить, поскольку Тэйну, вероятно, оставалось пробыть на Земле всего три ночи.

В домике, где жили астронавты, во всех окнах горели огни. Макстон немного помедлил и направился к входной двери.

Комната, в которой жил Ледук, оказалась пуста, хотя свет был включен. Ледук успел тут обжиться — это было видно по количеству книг. Их было слишком много, столько не стоило брать с собой на такое короткое время. Макстон пробежал взглядом по корешкам книг. В основном, они были французские. Несколько раз он изумленно поднял брови и взял на заметку, что в следующий раз нужно будет прихватить с собой небольшой французский словарь.

На письменном столе стояла в рамочке фотография двух очаровательных детишек Ледука, запечатленных внутри модели ракеты. На тумбочке стояла другая фотография — снимок жены Ледука. Правда, образ любящего отца и примерного мужа несколько портили приколотые к стене пять-шесть фотоснимков других юных дам.

Макстон отправился в следующую комнату, оказавшуюся жилищем Тэйна. Здесь он нашел Ледука и молодого астронома, увлеченно игравших в шахматы. Какое-то время Макстон скептически наблюдал за их игрой. Результат был предсказуем. Оба в итоге обвинили его в том, что он испортил партию. Победил Ледук. Макстон тут же вызвал его на бой и одолел его в тридцать ходов.

— Это,— сказал он, когда доска была убрана,— должно отучить вас от излишней самоуверенности. Доктор Гроувз говорит, что это ваша общая болезнь.

— А больше доктор Гроувз ничего не сказал? — с нарочитой небрежностью осведомился Ледук.

— Что ж, я не раскрою врачебную тайну, если скажу, что все вы успешно прошли тестирование и можете перейти в следующий класс. Так что завтра с утра мы путем жеребьевки отберем трех морских свинок.

По лицам астронавтов сразу стало заметно, какое облегчение они испытали. Да, им обещали, что окончательный отбор будет проведен путем жеребьевки, но они до сих пор не были в этом уверены, и ощущение того, что все они — потенциальные соперники, порой осложняло их отношения.

— Остальные дома? — спросил Макстон.— Пожалуй, пойду скажу им.

— Джимми, скорее всего, спит,— ответил Тэйн.— А Арнольд с Виком еще нет.

— Хорошо. Увидимся утром.

Услышав странные звуки, доносившиеся из-за двери комнаты Ричардса, Макстон понял, что канадец действительно крепко спит. Профессор прошел дальше по коридору и постучал в дверь комнаты Клинтона.

При виде открывшегося перед его глазами зрелища у него захватило дух. Было похоже на кадр из фильма, запечатлевший лабораторию безумного ученого. Лежащий на полу посреди хитросплетения радиоламп и проводов Клинтон, словно загипнотизированный, не сводил глаз с экрана осциллографа, на котором возникали, сменяя друг друга, фантастические геометрические фигуры. По радио негромко звучал малоизвестный Четвертый фортепианный концерт Рахманинова. Макстон не сразу понял, что фигуры на экране движутся в такт с музыкой.

Он сел на кровать, показавшуюся ему самым безопасным местом в комнате, и стал наблюдать за Клинтоном. Наконец тот удосужился встать с пола.

— Допустим, вы в здравом рассудке,— наконец проговорил Макстон.— Если так, то скажите мне, чем вы тут, черт побери, занимаетесь?

Клинтон на цыпочках переступил через провода и лампы и сел на кровать рядом с Макстоном.

— Это идея, над которой я работаю уже несколько лет,— виноватым тоном объяснил он.

— Что ж, я надеюсь, вы помните, что произошло с покойным господином Франкенштейном.

Клинтон был человеком серьезным и на шутку не отреагировал.

— Я назвал эту штуковину «калейдофон»,— сказал он.— Смысл устройства в том, что оно преображает любые ритмичные звуки типа музыки в приятные для глаз, симметричные, но все время меняющиеся изображения.

— Забавная получится игрушка. Но разве можно в обычной детской разместить столько электронных ламп?

— Это не игрушка,— несколько обиженно возразил Клинтон.— Людям с телевидения и мультипликаторам мое изобретение может очень пригодиться. Оно станет просто незаменимым во время длительных музыкальных трансляций, от которых всегда можно заскучать. На самом деле я надеялся с помощью этого прибора заработать немного денег.

— Дружище,— усмехнулся Макстон,— если вы станете одним из первых людей, которым суждено добраться до Луны, вряд ли вам придется коротать старость в канаве.

— Да, пожалуй, вряд ли.

— Честно говоря, я заглянул к вам, чтобы сказать, что завтра утром состоится жеребьевка, посвященная отбору экипажа. А теперь я пойду к Хасселу, так что — доброй ночи.

Макстон постучал в дверь комнаты Хассела и вошел. Англичанин лежал на кровати и читал.

— Привет, проф,— поприветствовал он Макстона.— Что это вы бродите в столь поздний час?

Макстон сразу перешел к делу.

— Завтра утром — окончательный отбор экипажа. Я решил, что вам будет приятно об этом узнать.

Хассел немного помолчал, затем спокойно сказал:

— Это означает, что мы все прошли.

— Господи, Вик,— спохватился Макстон,— у вас-то точно не могло быть никаких сомнений!

Хассел не посмотрел ему в глаза. Макстон обратил внимание на то, что на фотографию жены, стоящую на тумбочке, он тоже не посмотрел.

— Я очень переживал из-за... Мод,— проговорил Хассел.

— Это вполне естественно, но, насколько мне известно, у вас уже все в порядке. Как вы назовете мальчика, кстати?

— Виктор Уильям.

— Что ж, думаю, после своего появления на свет Вик-младший станет самым знаменитым младенцем на свете. Жалко, что телевизионная связь будет односторонней. Увидите его, только когда вернетесь.

— Когда и если,— пробормотал Хассел.

— Послушайте, Вик,— решительно произнес Макстон,— вы хотите лететь?

Хассел смутился.

— Конечно хочу,— буркнул он.

— Вот и славно. У вас — три шанса из пяти быть отобранным, как у всех остальных. Но если на этот раз бумажку с вашим именем не вытащат из шляпы, то вы полетите в следующий раз, а второй полет в чем-то будет еще более важным, поскольку тогда мы предпримем первую попытку основать на Луне базу. Это ведь вполне справедливо, не так ли?

Хассел ответил не сразу.

— Первый полет,— сказал он наконец,— войдет в историю. Только он запомнится, а последующие сольются воедино.

Макстон решил, что ему пора возмутиться. Когда требовала ситуация, он делал это очень умело и аккуратно.

— Послушайте, Вик,— вспылил он,— а как насчет тех людей, которые построили треклятый корабль? Вы что же, думаете, что мы в восторге от того, что нам придется ждать десятого, двадцатого, сотого полета, пока наконец не представится такая возможность? Ну, если вы такой законченный балбес, что вам подавай славу,— тогда, господи боже ты мой, я вам вот что скажу: если вы не забыли, кому-то придется вести первый корабль к Марсу!

Гром отгремел. Хассел усмехнулся и негромко рассмеялся.

— Я могу считать это обещанием, проф?

— Я обещаниями не торгую, черт бы вас побрал.

— Я вас понял: если в этот раз я окажусь за бортом, мне не стоит огорчаться. Ладно. Пожалуй, я посплю.

5

Смотреть, как генеральный директор осторожно, будто хрустальную вазу, вносит в кабинет профессора Макстона корзину для бумаг, в другое время было бы забавно, но все встретили его появление напряженными взглядами. Шляпы-котелка в Луна-Сити не нашлось, так что ее роль предстояло сыграть менее прославленной корзинке.

Кроме пятерых астронавтов, всеми силами пытавшихся вести себя непринужденно, в кабинете находились только Макстон, Мак-Эндрюс, двое представителей администрации — и Алексон. Присутствие Дирка не было обязательным, но Мак-Эндрюс его пригласил. Глава отдела по связям с общественностью всегда был готов помочь в подобных обстоятельствах, но Дирк сильно подозревал, что Мак-Эндрюсу хочется застолбить себе место в официальной хронике событий.

Профессор Макстон взял со стола дюжину маленьких полосок бумаги и повертел их в пальцах.

— Так... все готовы? — спросил он.— Каждый из вас должен написать на бумажке свое имя. Если кто-то слишком сильно нервничает, можно поставить крестик.

Эта маленькая шутка несколько разрядила обстановку. Астронавты написали свои имена и отдали бумажки Макстону.

— Отлично. Теперь я перемешаю эти бумажки с пустыми... вот так. Кто желает тянуть жребий?

Астронавты растерялись. Потом, не сговариваясь, подтолкнули к корзинке Хассела. Он смущенно взглянул на Макстона. Тот протянул ему корзинку.

— Не мухлевать, Вик! — сказал он.— И по одной! Закройте глаза и тяните.

Хассел запустил руку в корзинку и вытащил одну бумажку. Он протянул ее сэру Роберту. Тот торопливо развернул ее.

— Пусто,— сообщил он.

Все вздохнули — не то облегченно, не то раздраженно.

Еще одна бумажка. И снова...

— Пусто.

— Слушайте, тут что, все воспользовались невидимыми чернилами? — спросил Макстон.— Давайте еще разок, Вик.

На этот раз ему повезло.

— П. Ледук.

Пьер что-то протараторил по-французски. Было видно, как он рад. Все поспешно поздравили его и вернулись взглядами к Хасселу.

Он вытащил следующую бумажку.

— Дж. Ричардс.

Напряжение достигло апогея. Дирк не спускал глаз с Хассела. Он видел, как слегка дрожит его рука. Хассел вытащил пятую бумажку.

— Пусто.

— Ну, вот опять! — простонал кто-то.

— Пусто.

Третья попытка.

— Пусто!

Кто-то, явно забывший о том, что нужно дышать, испустил долгий хриплый вздох.

Хассел протянул генеральному директору восьмую бумажку.

— Льюис Тэйн.

Все столпились вокруг троих отобранных членов экипажа. В первое мгновение Хассел стоял совершенно неподвижно, но потом повернулся к остальным. Его лицо было совершенно бесстрастным. Профессор Макстон хлопнул его по плечу и что-то сказал — но что именно, Дирк не разобрал. Хассел расслабился и сдержанно улыбнулся. Дирк четко расслышал только слово «Марс». Затем Хассел стал поздравлять товарищей.

— Отлично! — громоподобно воскликнул генеральный директор, широко улыбаясь.— Прошу всех ко мне в кабинет — там у меня найдется пара-тройка непочатых бутылок.

Компания переместилась в соседний кабинет, только Мак-Эндрюс извинился, сказав, что ему нужно сдержать натиск представителей прессы. Следующая четверть часа была посвящена распитию превосходных австралийских вин и

произнесению торжественных тостов. Вино генеральный директор наверняка приобрел для этого случая. Затем все с чувством нескрываемого облегчения разошлись. Ледука, Ричардса и Тэйна утащили к репортерам, а Хассел и Клинтон остались для недолгой беседы с сэром Робертом. Никто так и не узнал, что он им сказал, но из кабинета они оба вышли в приподнятом настроении.

Когда церемония завершилась, Дирк подошел к профессору Макстону. Тот был необычайно доволен собой и что-то весьма немузыкально насвистывал.

— Готов об заклад побиться, вы безумно рады, что все закончилось.

— Еще бы. Теперь всем ясно, что и как.

Они молча прошагали несколько метров. Затем Дирк невинно заметил:

— Я вам никогда не рассказывал, какое у меня хобби?

— Нет, и какое же?

Дирк виновато кашлянул:

— Я фокусник-любитель. И говорят, неплохой.

Профессор Макстон мгновенно перестал насвистывать. Наступила тягостная тишина, но Дирк бодро утешил профессора:

— Не надо переживать. Я совершенно уверен, что никто ничего не заметил — особенно Хассел.

— Вы,— процедил профессор Макстон сквозь зубы,— законченный негодяй. Небось хотите про все это написать в вашей инфернальной истории?

Дирк усмехнулся.

— Может быть, хотя я не из «желтых» писателей. Я заметил, что вы прикарманили только бумажку с именем Хассела, так что остальные действительно были выбраны по жребию. Или вы все заранее так устроили, чтобы выпали именно эти имена? Все пустые бумажки были настоящие, к примеру?

— С вами надо ухо держать востро! Нет, все остальные были отобраны честной жеребьевкой.

— Как думаете, что теперь будет делать Хассел?

— Он останется здесь до старта.

— А Клинтон — как он воспримет это?

— Клинтон — флегматик; его это не слишком огорчит. Мы засадим их обоих за составление плана следующего полета. Это удержит их от тоски и злости.— Макстон строго посмотрел на Дирка.— Вы обещаете, что никогда никому ни слова не скажете об этом?

Дирк усмехнулся:

— «Никогда» — это чертовски долгое время. Может быть, договоримся до двухтысячного года?

— Заботитесь о следующем поколении, да? Ладно, пусть будет двухтысячный. Но с одним условием!

— С каким?

— Надеюсь в старости прочесть шикарную копию вашего отчета — и непременно с автографом!

6

Дирк приступил к первому, робкому черновику предисловия, когда громко зазвонил телефон. То, что у него в комнате стоял аппарат, было немного странно, поскольку у многих людей поважнее телефонная связь отсутствовала, и к нему частенько заходили позвонить. Он, честно говоря, думал, что произошла какая-то ошибка при распределении кабинетов, но пока что никто к нему не явился и аппарат не забрал.

— Это вы, Дирк? Рэй Коллинз беспокоит. Мы тут убрали экраны от «Прометея», так что наконец можно увидеть корабль целиком. Помните, вы у меня спрашивали, как мы осматриваем и ремонтируем двигатели?

— Да.

— Приходите, увидите. На это стоит взглянуть.

Дирк вздохнул и отложил тетрадь. Должен же настать день, когда он по-настоящему возьмется за работу, и тогда история материализуется с бешеной скоростью. Он нисколько не переживал, потому что теперь понял, каким методом следует работать. Не имело смысла начинать летопись, пока он не ознакомился со всеми доступными источниками, а

пока он не закончил даже индексацию своих записей и ссылок.

День выдался очень холодный, и по пути к «Оксфорд-серкус» Дирк застегнулся на все пуговицы. Большая часть транспорта в Луна-Сити курсировала через этот перекресток, и Дирк надеялся, что кто-нибудь подбросит его к месту запуска. Машин на базе было мало, и различные подразделения непрерывно воевали между собой за то, чтобы захватить легковой автомобиль или грузовик.

Несколько минут Дирк топал ногами на холоде. Наконец появился джип, набитый журналистами, явно спешившими к «Прометею». Машина сильно смахивала на странствующий магазин оптики — столько в ней было фотокамер, телескопов и биноклей, но все же Дирку удалось втиснуться в это скопище репортерской аппаратуры.

Джип притормозил на стоянке. Все вышли. Дирк помог выбраться репортеру-коротышке с огромным телескопом и тяжеленной треногой. Отчасти он сделал это по доброте душевной, а отчасти в надежде, что репортер позволит ему посмотреть в телескоп.

Два гигантских корабля стояли без обычных барьеров и экранов. Впервые представилась возможность по-настоящему оценить их размеры и пропорции. «Бету» с первого взгляда можно было принять за авиалайнер с более или менее нормальным дизайном. Дирк, малознакомый с авиацией, не стал бы долго разглядывать этот корабль, если бы видел, как он стартует с местного аэродрома.

«Альфа» теперь перестала быть похожей на гигантский артиллерийский снаряд. Оборудование, предназначенное для радиосвязи и навигации, было выдвинуто, и общий облик корабля сильно портил маленький лес антенн, радаров и прочих аппендиксов. Видимо, люди, находившиеся внутри корабля, работали с пультом управления, потому что время от времени какие-то мачты убирались внутрь или, наоборот, вытягивались еще дальше наружу.

Дирк вместе с репортерами прошел к корме корабля.

Треугольная территория была перекрыта стойками с канатами, так что «Прометей» находился в вершине треуголь-

ника, а репортеры — в основании. Самое близкое расстояние, с которого можно было смотреть на двигательный отсек корабля, составляло примерно сто метров. Глядя на зияющие жерла сопл, Дирк не испытывал ни малейшего желания подойти ближе.

Репортеры щелкали затворами фотокамер, смотрели в бинокли. Наконец и Дирку удалось заглянуть в окуляр телескопа. Ему показалось, что двигатели ракеты — всего в нескольких метрах от него, но при этом он не разглядел ничего, кроме металлической пещеры, наполненной мраком и загадочностью. Скоро из этого сопла вылетят тонны радиоактивного газа со скоростью двадцать четыре тысячи километров в час. А где-то еще глубже, в густой тени прятались радиоактивные стержни, к которым не сможет приблизиться ни один человек.

Кто-то шел к ним через запретную зону, но при этом держался близко от веревочного барьера. Когда этот человек подошел ближе, Дирк узнал доктора Коллинза. Инженер улыбнулся ему и сказал:

— Так и думал, что найду вас здесь. Мы ждем, когда прибудет сервисная бригада. Хороший у вас телескоп — можно посмотреть?

— Он не мой,— объяснил Дирк.— Он принадлежит вот этому джентльмену.

Журналист-коротышка был только рад предоставить профессору возможность посмотреть на корабль через телескоп, но еще больше его бы порадовали хоть какие-нибудь комментарии.

Коллинз несколько секунд молча смотрел в окуляр. Затем выпрямился и сказал:

— Боюсь, в данный момент смотреть не на что. Нужно осветить корму прожектором, чтобы увидеть, так сказать, внутренности. Но через минуту телескоп вас обрадует.— Он чуть скованно улыбнулся.— Знаете, это очень странное чувство: смотреть на машину, которую ты помогал строить — и к которой никогда не подойдешь, если только не пожелаешь покончить с собой.

Пока он говорил, на бетонном поле появилось странное транспортное средство. Это был очень большой грузовик,

немного похожий на те, которые телевизионные компании используют для трансляций. К нему была прицеплена машина, вызвавшая у Дирка нешуточное изумление. Когда она проезжала мимо, он непонимающе уставился на скопление рычагов, небольших электромоторов, цепных передач и червячных колес. Назначение всего этого было для него загадкой.

Грузовик со странным прицепом въехал в запретную зону и остановился. Дверца кабины открылась, и оттуда вышли человек десять. Они отцепили вторую машину и подсоединили ее к трем большим бронированным кабелям, намотанным на катушки, лежавшие в кузове.

Странная машина неожиданно ожила. Она медленно покатилась вперед на маленьких надувных колесах — казалось, она учится ездить. Суставчатые рычаги начали сжиматься и разжиматься, и возникло впечатление, что машина живая. В следующее мгновение она подкатилась к «Прометею», а грузовик последовал за ней с такой же скоростью.

Коллинз ухмыльнулся, радуясь удивлению Дирка и журналистов.

— Это «Оловянная Лиззи»*,— сказал он таким тоном, будто представлял человека.— Не настоящий робот, поскольку каждым ее движением управляют люди, сидящие в фургоне грузовика. Для того чтобы с ней справиться, нужна команда из трех человек, и это самая тонкая работа на свете.

«Лиззи» находилась уже совсем близко от сопл «Альфы», и после того, как техники произвели несколько ловких маневров, машина плавно остановилась. Спереди из нее выдвинулась телескопическая «рука» с какими-то непонятными приспособлениями и исчезла в глубине зловещего тунеля.

— Дистанционная сервисная техника,— объяснил Коллинз интересующимся,— всегда была одним из самых важных аспектов атомной инженерии. Впервые ее конструированием всерьез занялись во время войны, при осуществлении проекта «Манхэттен». С тех пор создание таких машин

* «Оловянная Лиззи» («Tin Lizzie») — название одной из старых моделей «форда».

выделилось в особую отрасль. «Лиззи» — одно из наиболее зрелищных созданий. Она могла бы даже часы починить — ну, будильник уж точно!

— А как ею управляют? — спросил Дирк.

— На «руке», которую правильнее называть манипулятором, установлена телекамера, так что бригада видит все так, словно смотрит своими глазами. Все движения обеспечиваются сервомоторами, которыми управляют через эти кабели.

Никто не видел, чем теперь занимается «Лиззи». Прошло довольно много времени, прежде чем машина отъехала от ракеты.

Дирк увидел, что в металлических клешнях манипулятора зажат брусок странной формы, длиной в полметра. Грузовик и «Лиззи» проехали три четверти пути до ограждения. Журналисты начали опасливо пятиться, глядя на тускло-серый предмет, зажатый манипулятором. Коллинз, однако, стоял на месте, и Дирк решил, что он тоже может остаться.

Но неожиданно из кармана куртки инженера послышался громкий вой, и Дирк от испуга даже подпрыгнул. Коллинз поднял руку, и машина-робот остановилась примерно в двенадцати метрах от веревочного барьера. Дирк догадался, что люди, управляющие «Лиззи», видят их в телекамеры.

Коллинз замахал руками. Брусок, сжатый манипулятором, медленно повернулся. Вой сирены сразу стих, и Дирк облегченно выдохнул.

— Обычно такие объекты неправильной формы дают излучение,— объяснил Коллинз.— Мы по-прежнему находимся в его радиационном поле, но оно слишком слабое, не опасное.

Он повернулся к телескопу, владелец которого на время ретировался.

— Это довольно удобно,— сказал Коллинз.— Я не собирался осматривать объект, но такой шанс упустить нельзя — то есть если получится сделать это с такого расстояния.

— А что именно мы пытаемся сделать? — поинтересовался Дирк, когда Коллинз полностью выдвинул объектив телескопа.

— Это один из элементов реактора,— рассеянно отозвался Коллинз.— Мы хотим проверить его на уровень радиоактивности. Гм... похоже, все в порядке. Хотите взглянуть?

Дирк посмотрел в окуляр телескопа и увидел несколько квадратных сантиметров поверхности, которая на первый взгляд показалась ему металлической; потом он решил, что это какое-то керамическое покрытие. Видно было настолько хорошо, что он четко различал текстуру поверхности.

— А что произойдет,— спросил он,— если к этой штуке прикоснуться?

— Наверняка получите сильнейшие ожоги — правда, проявятся они не сразу,— а также солидную порцию облучения — гамма и нейтронного. Если пробудете рядом слишком долго, умрете.

Дирк зачарованно смотрел на столь невинно выглядевшую серую поверхность, находившуюся, казалось, всего в метре-двух.

— Наверное,— проговорил он,— детали атомной бомбы выглядят примерно так же.

— По крайней мере, с виду они так же безвредны,— согласился Коллинз.— Но здесь нет никакой опасности взрыва. Материал, который мы используем для создания цепной реакции, денатурирован. Если бы что-то пошло не так, мог бы произойти взрыв, но очень маленький.

— Что вы этим хотите сказать? — с подозрением поинтересовался Дирк.

— О, ну это был бы просто громкий хлопок,— весело ответил Коллинз.— Цифры сразу назвать не смогу, но, скорее всего, взрыв был бы эквивалентен нескольким сотням тонн динамита. Бояться совершенно нечего!

7

Буфет для руководства всегда напоминал Дирку лондонский клуб, правда невысокого пошиба. Тот факт, что он ни разу не бывал в лондонских клубах — как в престижных, так и не очень,— нисколько не мешал этому ощущению.

Правда, британцы в этом заведении обычно были в меньшинстве и в течение дня здесь можно было услышать какой угодно акцент, однако это никак не сказывалось на царившей тут атмосфере типичного английского паба, которую создавали бармен и два его помощника. Невзирая на все нападки, здесь, в самом центре Луна-Сити, развевался Юнион-Джек*. Только раз британцы пошли на уступку, да и то на время — когда американцы доставили сюда новенький автомат с кока-колой, и некоторое время именно он гордо сверкал на фоне скромных деревянных панелей. Но это продолжалось недолго. Были проведены поспешные переговоры, а потом в мастерских тайком поработали плотники. Однажды утром, когда в буфет явились мучимые жаждой клиенты, они обнаружили, что заветный напиток могут обрести с помощью шкафчика, сильно смахивающего на один из шедевров Чиппендейла. Статус-кво был восстановлен, но бармен божился, что он тут абсолютно ни при чем.

Дирк как минимум раз в день заглядывал сюда, чтобы забрать почту и почитать газеты. Вечером в буфете становилось многолюдно, и Дирк предпочитал посидеть у себя в комнате, но сегодня Макстон и Коллинз вытащили его. Разговор, как обычно, завертелся вокруг предстоящего события.

— Схожу, пожалуй, завтра на лекцию Тэйна,— сказал Дирк.— Он будет рассказывать о Луне, верно?

— Да, и теперь он знает, что полетит,— заметил Коллинз,— поэтому наверняка будет осторожен! Скажет что-нибудь не то — потом ему придется съесть свои слова.

— Мы дали ему полную свободу,— объяснил Макстон.— Скорее всего, он поведает о долгосрочных планах по использованию Луны в качестве заправочной базы для полетов к другим планетам.

* Юнион-Джек — название британского флага. «Юнион» означает союз Англии, Шотландии и Северной Ирландии (соединение трех крестов — Георгиевского (Англия), Андреевского (Шотландия) и св. Патрика (Ирландия)). По одной версии, «Джек» — это фамильярное обращение к королю Иакову, при котором был принят этот флаг, а по другой «джеком» английские матросы называли гюйс — особый флаг, поднимаемый на мачте.

— Это должно быть интересно. А Ричардс и Клинтон наверняка будут говорить об инженерии, а этим я уже сыт по горло.

— Вот спасибо! — рассмеялся Коллинз.— Приятно осознавать, что наши старания оценены по достоинству!

— Знаете,— вдруг признался Дирк,— а я ведь ни разу не смотрел на Луну в большой телескоп.

— На неделе это можно организовать — скажем, послезавтра. В данный момент прошел всего один день после новолуния. Тут есть несколько телескопов, так что все получится.

— Интересно,— задумчиво проговорил Дирк,— обнаружим ли мы жизнь — я имею в виду, разумную жизнь — где-нибудь в Солнечной системе?

Последовала долгая пауза.

— Я так не думаю,— резко проговорил Макстон.

— Почему?

— Посмотрите на это вот с какой точки зрения. Нам потребовалось всего десять тысяч лет, чтобы от каменных топоров дойти до космических кораблей. Это означает, что межпланетные полеты должны проводиться на достаточно раннем этапе развития цивилизации — то есть если эта цивилизация идет по техническому пути.

— Но это не обязательно,— понимающе кивнул Дирк.— А если добавить доисторические времена, то наша дорога к космическим кораблям заняла миллион лет.

— И все равно этот срок составляет всего одну тысячную долю — или даже меньше — от возраста Солнечной системы. Если на Марсе когда-либо существовала цивилизация, она, скорее всего, погибла еще до того, как человечество вышло из джунглей. Если бы марсианская цивилизация процветала, они бы нас давным-давно посетили.

— Это звучит настолько правдоподобно,— отозвался Дирк,— что я уверен: это не так. Более того, можно насчитать немало свидетельств, выглядящих так, словно нас и вправду в прошлом посещали какие-то существа или корабли, вот только мы этим существам не понравились, и они улетели.

— Да, я читал о некоторых находках, и они весьма интересны. Но я скептик: если кто-то когда-либо посещал Землю, я был бы очень удивлен, если бы оказалось, что это были существа с других планет. Пространство и время настолько велики, что вряд ли у нас есть соседи, живущие на другой стороне улицы.

— А жаль,— вздохнул Дирк.— Я считаю, что самое волнующее в астронавтике — это вероятность встречи с другими типами разума. Тогда человечеству стало бы не так одиноко.

— Это правда; но, пожалуй, было бы совсем неплохо, если бы мы смогли в ближайшие века спокойно сами обследовать Солнечную систему. Когда это произойдет, мы успеем обзавестись большей мудростью — и я имею в виду именно мудрость, а не знания. Возможно, тогда мы будем готовы к контакту с другими расами. А в данный момент — что ж, мы прожили всего сорок лет после Гитлера.

— И сколько же, на ваш взгляд, придется ждать,— спросил разочарованный Дирк,— прежде чем произойдет наш первый контакт с иной цивилизацией?

— Кто может сказать? Может быть, это случится через такой промежуток времени, какой отделяет нас от братьев Райт,— а может быть, через такой, какой прошел со времени строительства пирамид. Но это может произойти и через неделю, когда «Прометей» совершит посадку на Луне. Но я чертовски уверен, что этого не случится.

— Вы действительно думаете,— спросил Дирк,— что настанет день, когда мы полетим к звездам?

Профессор Макстон некоторое время молчал, задумчиво выдыхая облачка дыма.

— Да, я так думаю. Такой день настанет.

— Но как? — настойчиво проговорил Дирк.

— Если нам удастся создать атомный двигатель с эффективностью выше пятидесяти процентов, мы сможем достичь скорости, почти равной скорости света — ну, скажем, три четверти от ее величины. Это означает, что для полета от звезды до звезды потребуется порядка пяти лет. Это долго, но все-таки такая возможность откроется для нас, не наделен-

ных слишком большой продолжительностью жизни. А я очень надеюсь, что придет время, когда мы будем жить дольше. Чертовски дольше.

Дирк вдруг представил себе, как выглядят они с Макстоном и Коллинзом со стороны. Порой ему удавалось смотреть на вещи объективно, и он очень ценил эти моменты, поскольку это позволяло ему сохранить чувство пропорциональности. Они сидели за столиком — двое тридцатилетних мужчин и один пятидесятилетний — и выпивали. Посторонний человек мог принять их за бизнесменов, говорящих о делах или отдыхающих после гольфа. Вокруг все выглядело обычно; время от времени до них долетали обрывки чужих разговоров и цоканье целлулоидного шарика для пинг-понга — кто-то играл в настольный теннис в соседней комнате.

Да, они вполне могли обсуждать биржевые новости, говорить о только что приобретенном автомобиле, обмениваться последними сплетнями. А они вместо этого мечтали о том, как добраться до звезд.

— Наши нынешние атомные двигатели,— сказал Коллинз,— имеют эффективность около одной сотой процента. Так что до альфы Центавра мы доберемся еще очень не скоро.

(Кто-то жалобно проговорил: «Эй, Джордж, а куда подевался мой джин с лаймом?»)

— Еще один вопрос,— проговорил Дирк.— Точно ли известно, что мы не можем летать со сверхсветовой скоростью?

— В этой Вселенной — да. Скорость света предельна для материальных объектов. А ведь всего-то каких-то жалких девятьсот пятьдесят миллионов километров в час!

(«Три горьких, пожалуйста, Джордж!»)

— И все же,— произнес Макстон задумчиво,— даже это можно было бы обойти.

— Что вы имеете в виду? — спросили Дирк и Коллинз одновременно.

— В нашей Вселенной две точки могут быть разделены несколькими световыми годами. А за ее пределами эти точки могут чуть ли не касаться друг друга.

(«А где "Таймс"? Да нет, осел, не нью-йоркская!»)

— Я рисую линию в четвертом измерении,— с усмешкой проговорил Коллинз.— Для меня это немного фантастично. А я инженер-практик — то есть я надеюсь, что это так!

(Из комнаты, где играли в настольный теннис, донеслись такие звуки, словно обалдевший победитель перепрыгнул через стол, чтобы пожать руку проигравшему.)

— В начале этого века,— возразил профессор Макстон,— инженеры-практики точно так же воспринимали теорию относительности. Но в следующем поколении они ее приняли.— Он облокотился о столик и уставился в одну точку.— Как вы думаете,— задумчиво проговорил он,— что нам принесут следующие сто лет?

8

Большой ниссеновский барак*, по идее, должен был быть подсоединен к системе отопления городка, но это как-то не чувствовалось. Дирк, уже привыкший к условиям жизни в Луна-Сити, прихватил с собой теплое пальто, и ему было жаль тех, кто не удосужился позаботиться о таких элементарных мерах предосторожности. К концу лекции у них должно было сложиться яркое впечатление о жизни на других планетах.

На скамьях уже сидели около двухсот человек, и то и дело подходили новые слушатели. Лекция должна была начаться через пять минут. Посередине барака двое нервных электриков отлаживали эпидиаскоп. Перед помостом для лектора стоял ряд кресел, на которые многие завистливо поглядывали. На спинке одного из кресел висела красноречивая табличка: «Зарезервировано для генерального директора».

* Ниссеновский барак — сборно-разборный барак полуцилиндрической формы из гофрированного железа. Во время Первой мировой войны использовался в качестве временной армейской казармы или хозяйственной постройки. Назван по имени автора конструкции — подполковника П. Ниссена.

Открылась дверь, и вошел сэр Роберт Дервент, за ним — Тэйн, профессор Макстон и еще несколько человек, Дирку не знакомых. Все, кроме сэра Роберта, сели в первом ряду. Центральное кресло осталось незанятым.

Ерзанье и шепот стихли, как только на помост поднялся генеральный директор. Дирк решил, что он сейчас похож на великого импресарио, готового дать звонок к началу спектакля.

— Мистер Тэйн,— сказал сэр Роберт,— любезно согласился прочесть нам лекцию о цели нашей первой экспедиции. Поскольку он был одним из тех, кто планировал эту экспедицию, и будет принимать в ней участие, я уверен, что мы с большим интересом выслушаем его мнение. После того как мистер Тэйн расскажет нам о Луне, насколько я понимаю, он немного... скажем так, успокоится, и мы поговорим о наших планах относительно других планет Солнечной системы. Думаю, у мистера Тэйна уже продуман маршрут до Плутона. Мистер Тэйн! (Аплодисменты.)

Дирк внимательно смотрел на поднявшегося на помост астронома. До сих пор он уделял ему не так много внимания, да и вообще у него было не так много возможностей пообщаться с астронавтами — исключая встречу в Лондоне с Хасселом.

Тэйн был несколько полноватым молодым человеком — на вид лет двадцати пяти, хотя на самом деле ему было за тридцать. «В астронавтику,— подумал Дирк,— приходят молодыми. Не стоит удивляться тому, что тридцатипятилетнего Ричардса коллеги считают старым крокодилом».

Тэйн заговорил — голос у него оказался сухим и четким. Даже в дальних рядах его слова было хорошо слышно. Он был неплохим оратором, но у него была дурная привычка жонглировать кусочками мела, которые порой падали.

— Не знаю, стоит ли рассказывать вам о Луне как таковой,— сказал Тэйн,— поскольку за последние недели вы прочли и услышали о ней вполне достаточно. Но я расскажу о месте, где мы намерены совершить посадку, и о том, что мы надеемся сделать, когда там окажемся.

Прежде всего, давайте посмотрим на изображение полной Луны (первый слайд, пожалуйста). Поскольку Луна пол-

ная и Солнце светит вертикально по центру диска, все здесь выглядит плоским и неинтересным. Темный участок внизу справа — это Море Дождей, где мы собираемся совершить посадку.

А теперь посмотрим на Луну через девять дней после новолуния — именно такой вы увидите ее с Земли в день нашего «прилунения». Поскольку Солнце светит под углом, вы видите, что горы ближе к центру просматриваются очень ясно — взгляните на длинные тени, отбрасываемые ими.

Давайте подойдем ближе и рассмотрим Море Дождей детально. На самом деле это, конечно, не море и дождей на Луне не бывает. Древние астрологи так назвали этот регион Луны еще до изобретения телескопа.

На этом снимке вы видите, что Море Дождей — на самом деле довольно плоская равнина, ограниченная сверху (а верх в данном случае, кстати, означает юг) вот этим величественным горным хребтом — лунными Апеннинами. На севере поднимается хребет более скромный — Альпы. Здесь указан масштаб, который позволит вам оценить расстояния: вот этот кратер, например, имеет поперечник около восьмидесяти километров.

Эта область — одна из самых интересных на Луне, и местность здесь необычайно красива, но за время первого визита мы сможем обследовать только маленький участок. Мы совершим посадку примерно в этом квадрате (следующий слайд, пожалуйста), и вот изображение этой местности с самым большим увеличением. Все выглядит так, как если бы вы смотрели невооруженным глазом с расстояния триста километров из космоса.

Последние сто километров мы будем медленно падать к Луне, и у нас хватит времени выбрать подходящую площадку. Поскольку посадка будет производиться в вертикальном положении, корабль опустится на амортизаторах, и тормозные двигатели будут включены только в самый последний момент; нам потребуется несколько квадратных метров более или менее горизонтальной поверхности. Один пессимист предположил, что может так случиться, что мы опустимся на зыбучие пески, но это абсолютно невозможно.

Мы будем покидать корабль по двое, в связке, один астронавт всегда остается на борту и передает сообщения на Землю. В скафандрах есть запас воздуха на двенадцать часов. Скафандры способны защитить от любых перепадов температур на Луне — то есть от точки кипения до ста градусов ниже нуля по Фаренгейту. Поскольку мы будем находиться на Луне в дневное время, нам не грозит встреча с низкими температурами, если только не придется долгое время оставаться в тени.

Вряд ли я смогу перечислить все, что мы намерены осуществить на Луне за неделю нашего пребывания там, поэтому коснусь только самого главного.

Прежде всего, мы возьмем с собой несколько компактных, но очень мощных телескопов и надеемся получить более четкие изображения планет, чем те, которыми располагали прежде. Это оборудование, как и многое другое из того, что мы доставим на Луну, останется там для будущих экспедиций.

Мы доставим на Землю тысячи геологических — точнее говоря, селенологических образцов для анализа. Мы будем искать минералы, содержащие водород, поскольку, как только нам удастся установить на Луне завод для экстракции топлива, стоимость полетов сразу сократится в десятки раз. Но что еще важнее, тогда мы сможем начать думать о полетах к другим планетам.

Мы также берем с собой много радиоаппаратуры. Как вам известно, Луна имеет грандиозный потенциал как передающая станция, и мы надеемся исследовать ряд таких возможностей. Кроме того, мы собираемся осуществить всевозможные физические измерения, которые представят величайший научный интерес. Одним из самых важных моментов является определение магнитного поля Луны с точки зрения проверки справедливости теории Блэкета*. И конечно, мы надеемся провести как можно больше сеансов фото- и киносъемки.

* В 1947 г. британский ученый П. М. С. Блэкет разработал теорию, объясняющую тот факт, что все массивные вращающиеся тела создают вокруг себя магнитное поле.

Сэр Роберт пообещал вам, что я немного «успокоюсь». Не знаю, но, возможно, вас все-таки интересует, как я представляю себе направление развития астронавтики на ближайшие лет десять.

Прежде всего, мы должны создать полупостоянную базу на Луне. Если нам повезет с выбором, мы сможем построить базу на месте нашей посадки. Если нет — придется предпринять новые попытки.

План развертывания базы разработан довольно хорошо. Она должна иметь максимальное самообеспечение. Там предполагается выращивать культурные растения под стеклом. Луна, с ее двухнедельным циклом непрерывной освещенности Солнцем, должна стать настоящим тепличным раем!

Как только мы узнаем больше о природных ресурсах Луны, база будет расширена и развита. В ближайшее время после ее создания приступим к горным разработкам, предназначенным для добычи минералов, которые будут использованы на Луне. Слишком дорого импортировать на Землю любые полезные ископаемые, за исключением самых редких.

В настоящее время путешествия на Луну чрезвычайно дороги и трудны, поскольку мы вынуждены брать с собой топливо для обратного полета. Но когда у нас появится возможность заправляться на Луне, мы будем пользоваться менее громоздкими и более экономичными аппаратами. И, как я только что упомянул, мы сможем совершать полеты на другие планеты.

Это звучит парадоксально, но гораздо легче совершить полет длиной в шестьдесят пять миллионов километров с лунной базы до Марса, чем преодолеть четыреста миллионов километров от Земли до Луны. Полет до Марса, конечно, получится более продолжительным — порядка ста двадцати дней,— но на него уйдет меньше топлива.

Луна, благодаря малой силе притяжения, является трамплином на пути к другим планетам — базой для исследования Солнечной системы. Если все пойдет хорошо, лет через десять мы сможем строить планы полетов к Марсу и Венере.

Я не предлагаю много размышлять о Венере — скажу только, что, прежде чем попытаться совершить посадку на эту планету, нам следует провести ее тщательное радарное изучение. По идее, можно получить точные радарные карты поверхности Венеры, если только ее атмосфера не окажется чересчур экзотической.

В каком-то смысле исследование Марса во многом будет подобно изучению Луны. На Марсе нам не потребуются скафандры, но мы должны иметь кислородную аппаратуру. Развертывание базы на Марсе сопряжено с теми же проблемами, что и создание лунной базы, хотя эти проблемы будут и не такими острыми. Однако у марсианской базы неизбежен один недостаток — она будет находиться слишком далеко от Земли, и ее обитателям придется в гораздо большей степени полагаться на собственные ресурсы. Почти наверняка на Марсе обнаружат какую-то жизнь, и это повлияет на принципы действия тамошней базы, но как именно — об этом пока рано судить. Если окажется, что на Марсе существует разумная жизнь — в чем я сомневаюсь,— тогда наши планы полностью изменятся; весьма возможно, что мы вообще не сможем там задержаться. Гадать о Марсе можно бесконечно, именно этим эта планета и интересна.

За Марсом масштабы Солнечной системы возрастают, и мы не можем планировать какие-либо исследования, пока не обзаведемся более быстрыми кораблями. Правда, наш «Прометей» способен долететь до так называемых внешних планет, но не в силах вернуться обратно, и на полет ушло бы много лет. Однако я думаю, что к концу нашего столетия мы могли бы подготовиться к полетам к Юпитеру и, вероятно, к Сатурну. Весьма возможно, что эти полеты будут начинаться с Марса.

Безусловно, о посадке на эти планеты не может быть и речи: даже если их поверхность прочна, что сомнительно, их атмосфера простирается на тысячи километров, и проникнуть за нее мы не осмелимся. Если внутри этого субарктического ада и существуют какие-то формы жизни, я не представляю, как можно наладить с ними контакт и как они могли бы узнать о нашем существовании.

Сатурн и Юпитер прежде всего интересны системами своих спутников. У Сатурна их не меньше двенадцати, а у Юпитера как минимум пятнадцать. Более того, многие из этих спутников представляют собой планеты среднего размера — больше нашей Луны. Титан, крупнейший из спутников Сатурна, вполовину меньше Земли. У него есть атмосфера, но, к сожалению, она не пригодна для дыхания. На всех этих спутниках очень холодно, но это уже не является препятствием сейчас, когда мы можем получать неограниченное количество тепла от атомных реакций.

Три самые дальние планеты еще, пожалуй, лет пятьдесят не будут вызвать у нас особого интереса. В любом случае, пока мы знаем о них слишком мало.

Вот и все, что я хотел сказать сейчас. Надеюсь, мне удалось дать вам понять, что полет, который мы предпримем на следующей неделе, хотя он и кажется грандиозным по нынешним меркам, представляет собой всего лишь первый шаг. Это путешествие несомненно окажется волнующим и интересным, но мы должны рассматривать его в реальной перспективе. Луна — маленькая планета, многого от нее ждать не приходится, но благодаря ей перед нами откроется путь к восьми другим планетам — а некоторые из них крупнее Земли — и к тридцати лунам различных размеров. Общая площадь, которую мы откроем для исследований в ближайшие десятки лет, как минимум в десять раз превышает площадь поверхности нашей планеты. Это означает, что места хватит всем.

Благодарю за внимание.

Тэйн закончил лекцию неожиданно резко, без всяких цветистых послесловий — совсем как комментатор в студии, поглядывавший на часы. Примерно с полминуты в холодном бараке было тихо. Слушатели медленно возвращались с небес на землю. Затем раздались вежливые аплодисменты, потом они стали громче — по мере того как собравшиеся осознавали, что до сих пор стоят на твердой почве.

Репортеры, разминая замерзшие ноги и потирая руки, потянулись к выходу. Дирк гадал, многие ли из них осознали, что Луна — не просто цель, а только начало, первый шаг

по бесконечной дороге. Лично он верил, что по этой дороге в конце концов пойдут все расы, если только не зачахнут и не умрут на своих маленьких одиноких планетах.

Теперь наконец все могли увидеть «Прометей» целиком. «Альфу» водрузили на могучие плечи «Беты», и корабль приобрел не слишком изящный вид — он как бы стал горбатым. Даже Дирк, для которого все летающие машины выглядели похожими друг на друга, теперь не спутал бы громадный корабль ни с одним другим.

Он взошел следом за Коллинзом по ступеням подвижного трапа, чтобы в последний раз взглянуть на космический корабль изнутри. Был вечер, и людей неподалеку от «Прометея» оказалось немного. За ограждением собрались несколько фотографов, они пытались сделать снимки корабля на фоне заходящего солнца. «Прометей» выглядел просто грандиозно в сочетании с угасающими на западе красками заката.

В кабине «Альфы» горел яркий свет и было так чисто, словно Дирк угодил в операционную. Между тем здесь произошли кое-какие изменения — предметы, принадлежавшие членам экипажа, были убраны в маленькие ниши и надежно закреплены изолентой. Несколько картинок и фотографий прикрепили к стене, где нашлось место, а перед пультом пилота висел портрет женщины в пластиковой рамочке (Дирк предположил, что это жена Ледука). Карты и математические таблицы лежали так, чтобы они всегда были под рукой. Дирк вспомнил о своем посещении тренажерной кабины в Англии. Перед таким же скоплением приборов он тогда стоял в доме на тихой лондонской окраине. Казалось, с той поры миновала целая жизнь, и теперь от того дома его отделяло полмира.

Коллинз подошел к узкому высокому шкафчику и открыл дверцу.

— Кажется, раньше вы их не видели, верно? — спросил он.

В шкафчике висели три скафандра, похожие на странных существ, выловленных из морских глубин и впервые увидевших свет дня. Толстая ткань на ощупь оказалась мягкой и эластичной. Дирк почувствовал, что под верхним слоем имеется что-то вроде металлической сетки. Прозрачные шлемы, похожие на большие шарообразные аквариумы, лежали на полках внутри шкафа.

— Похоже на водолазные скафандры, правда? — сказал Коллинз.— Действительно, уж если с чем-то и можно сравнить «Альфу», так это с подводной лодкой — хотя ее конструкция намного проще, ведь нам не придется иметь дело с таким давлением, какому подвергаются субмарины.

— Хотелось бы посидеть на месте пилота,— признался Дирк.— Можно?

— Да, только если ни к чему не будете прикасаться.

Коллинз с едва заметной улыбкой посмотрел на Дирка, устроившегося в кресле. Ему понятно было желание историка, он и сам не раз садился в это кресло.

Во время полета и при вертикальном положении корабля на Луне спинка кресла должна была встать под прямым углом. То, что теперь было полом под ногами Дирка, тогда должно было стать стеной, а окуляры перископа, которые сейчас он старался не задеть ботинками, окажутся у него перед глазами. Из-за этой перспективы, столь непривычной для человеческого разума, трудно было представить себе ощущения пилота, занявшего это кресло.

Дирк встал и повернулся к выходу из кабины. Он молча прошел за Коллинзом к люку, но обернулся и в последний раз обвел взглядом кабину.

«Прощай, кораблик,— мысленно произнес он.— Прощай — и удачи тебе!»

Когда они с Коллинзом вышли на трап, было уже темно и на бетоне лежали пятна света от прожекторов. Дул холодный ветер, ночное небо озаряли звезды, названий которых Дирк не знал. Неожиданно Коллинз, стоявший рядом с Дирком в темноте, взял его за руку и молча указал в сторону горизонта.

Почти незаметный на фоне слабых отсветов заката, на западе возник новорожденный месяц. Дирк попытался представить себе величественные горы и морщинистые равнины, ожидающие, когда их осветит Солнце, и озаренные холодным светом почти полной Земли.

Миллионы миллионов раз Земля появлялась и таяла над этим безмолвным миром, и по его поверхности двигались только тени. Со времен зари жизни на Земле там, на Луне, быть может, разрушился десяток кратеров, а больше ничего не изменилось. И вот теперь, по прошествии стольких веков, одиночеству Луны должен был прийти конец.

9

За два дня до старта Луна-Сити был, пожалуй, самым тихим и спокойным местом на Земле. Все приготовления завершились, оставалось только заправить корабль топливом, провести тесты за несколько минут непосредственно перед взлетом, дождавшись момента, когда Луна займет расчетную позицию.

В редакциях крупнейших мировых газет по всей планете заместители главных редакторов лихорадочно готовили передовые статьи и сочиняли возможные альтернативные истории, которые было бы легко отредактировать, убрав из них все, кроме самых упрямых фактов. Пассажиры в автобусах и поездах при каждом удобном и неудобном случае делились друг с другом астрономическими познаниями. Разве что только какое-нибудь жуткое убийство могло привлечь к себе большее внимание.

На всех континентах радары дальнего радиуса действия были настроены на слежение за полетом «Альфы». С помощью маленького радарного маяка, установленного на корабле, можно было постоянно следить за его перемещением.

В Принстонском университете, в пятнадцати метрах под землей, стояла одна из самых больших электронных вычислительных машин. Если бы по какой-то причине кораблю потребовалось изменить орбиту или задержаться с возвращением, машина рассчитала бы новую траекторию с учетом изменения силы притяжения Луны и Земли. Еще совсем недавно для того, чтобы сделать это, понадобилась бы армия математиков, а принстонская ЭВМ могла выдать напечатанный ответ всего за несколько часов.

Все радиолюбители на Земле, кто только мог работать на частоте космического корабля, проверяли и перепроверяли свое оборудование. Не так много было таких, кто смог бы и получать, и расшифровывать гиперчастотный модулированный сигнал с корабля, но некоторым это было под силу. Сторожевые псы эфира, представители комиссии по связи были начеку, готовые разделаться с любым неавторизованным передатчиком, владелец которого попытался бы прорваться на связь с кораблем.

На вершинах гор астрономы готовились к борьбе за то, кому удастся получить самые лучшие фотографии момента посадки. «Альфа» была слишком маленькой, чтобы ее было видно с Земли, но при торможении пламя, вырывающееся из сопл, должно было озарить лунные скалы, и эту вспышку можно было увидеть по меньшей мере в полутора миллионах километров от Луны.

Тем временем три человека, стоявшие в центре мировой сцены, давали интервью, крепко спали или расслаблялись, яростно сражаясь в настольный теннис — это был практически единственный вид спорта, которым можно было заняться в Луна-Сити. Ледук, обладавший своеобразным чувством юмора, развлекался тем, что рассказывал друзьям о тех вещах (бесполезных и несколько циничных), которые они получат согласно его завещанию. Ричардс вел себя так, словно ровным счетом ничего не происходило, и договаривался по телефону с какими-то людьми о деловых встречах через три недели. Тэйн редко появлялся на людях; позднее выяснилось, что он засел за математическое исследование, имевшее весьма отдаленное отношение к астронавтике. Исследование было посвящено определению максимально возможного числа вариантов расклада при игре в бридж и продолжительности игры при каждом из этих вариантов.

Мало кто знал, что скрупулезный Тэйн, пожелай он того, мог бы заработать гораздо больше денег на колоде карт, чем будучи астрономом. Правда, в случае благополучного возвращения с Луны бедность ему не грозила...

Сэр Роберт Дервент терпеть не мог ожидания. Оно давало ему время для раздумий, а раздумья — враг спокойст-

вия. Сейчас, в то время, когда приближался величайший момент в его жизни, он размышлял о прошлом, вспоминал юность.

Сорок лет борьбы, побед и горьких разочарований — все это было связано с будущим. Он словно бы снова стал юношей, оказался в самом начале своей университетской карьеры, а Вторая мировая война, укравшая из его жизни шесть лет, была не более чем грозовой тучей на горизонте. Он лежал посреди шропширского леса весенним утром, которому уже не суждено было повториться, и читал книгу, которую и теперь держал в руках. На шмуцтитуле выцветшими чернилами было неровным почерком написано: «Роберт А. Дервент, 22 июня 1935».

Книга была та же самая, но куда девалась музыка слов, от которой некогда загоралось сердце? Он стал слишком мудрым и слишком старым; теперь его не могли обмануть фокусы аллитерации и рефренов, и слишком очевидным стало отсутствие в этих стихах мысли. Но вновь и вновь к нему возвращалось еле слышное эхо прошлого, и на мгновение кровь приливала к щекам, как сорок лет назад. Порой хватало одной-единственной строки: *«О лютня, ты играешь в землях смерти!»**, а порой — двустишия: *«Пока Господь на земли и моря / Глас громовой труб ночи не обрушил»*.

Генеральный директор задумчиво смотрел в пространство. Он сам собирался обрушить на земли и моря такой гром, которого мир до сих пор не слыхал. Моряки в Индийском океане услышат рев двигателей в небе и запрокинут головы; услышат его и рабочие на цейлонских чайных плантациях, но он уже будет затихать, уносясь на запад, к Африке. До нефтяников в аравийских песках донесутся последние отзвуки из стратосферы.

Сэр Роберт рассеянно перевернул несколько страниц. Лишь изредка какие-то строчки заставляли его остановить на себе взгляд.

«Что сумеешь сберечь ты в жизни песках, в потоках времен, / Пловец, дерзнувший поспорить с волной непосильной?»

* Элджернон Суинберн. «Баллада смерти», перевод Э. Ермакова.

А он что сберег в потоке времен? Намного больше других, он знал это. Но ему было уже почти сорок, прежде чем он обрел цель в жизни. Любовь к математике его никогда не покидала, но долгое время это была бесцельная страсть. Даже теперь казалось, что тем, кем он стал, его сделала случайность.

«Во Франции древней, у бурного моря, / В мире злата, песков и руин, / В прекрасную даму всем сердцем влюбленный, / Певец жил печальный один».

Волшебство стихов не трогало сэра Роберта. Его память обратилась к годам войны, когда он вел свою собственную битву за лабораторным столом. На суше, на море, в воздухе гибли люди, а он наблюдал за прохождением электронов по смыкающимся магнитным полям. Трудно было представить себе что-то более отвлеченное; и все же из той работы, в которой он участвовал, родилось величайшее тактическое оружие Второй мировой войны.

Это был шаг от радара к небесной механике, от орбит электронов к путям планет вокруг Солнца. Техника, примененная им в маленьком мире магнетрона, могла быть применена в космических масштабах. Возможно, ему повезло; проработав всего десять лет, он заслужил солидную репутацию, атаковав проблему трех тел. Десять лет спустя — к всеобщему и его собственному изумлению — он стал королевским астрономом.

«И пульс войны, и страсть мечты о чуде, / Небес шептанье, звуков полотно, / И пенье звезд, и гром любви прекрасной, / И музыка, что греет сердце, как вино».

Он мог бы безбедно жить, занимая этот пост, до конца жизни, но дух времени слишком сильно захватил его. Разум подсказывал ему, что наступит время освоения космоса, но сначала он не понимал, насколько оно близко, это время. А когда он это понял, то осознал, что наконец обрел цель в жизни, что долгие годы трудов наконец принесли свой урожай.

Он переворачивал пожелтевшие страницы до тех пор, пока не нашел то, что искал. Здесь, в узких колонках шриф-

та, до сих пор сохранилось волшебство, здесь ничего не изменилось, и слова до сих пор откликались в его мозгу настойчивым ритмом. Было время, когда эти строки, одна за другой, бесконечной цепью, час за часом странствовали по его сознанию — до тех пор, пока слова не утрачивали смысл:

Созвездий мириады
Сюда не льют лучи,
Молчат здесь водопады,
Не пенятся ключи;
Ни радости беспечной,
Ни скорби быстротечной —
Один лишь сон — сон вечный
Ждет в вечной той ночи*.

Вечная ночь должна была наступить — и слишком скоро, вопреки желаниям человека. Но хотя бы до того, как людям предстоит зачахнуть и умереть, он познает звезды; а Вселенная, не растаяв, будто сон, поведает ему свои тайны. И если не ему — то другим, которые придут после него и завершат то, что начал он.

Сэр Роберт закрыл тоненький томик и положил на полку. Его путешествие в прошлое закончилось в будущем, и настала пора возвращаться.

На тумбочке рядом с кроватью сердито и настойчиво зазвонил телефон.

10

О Джефферсоне Уилксе никто ничего не знал просто потому, что знать о нем было почти нечего. Почти тридцать лет он проработал младшим бухгалтером на фабрике в Питсбурге, и за это время в должности его повысили всего один раз. Работу свою он выполнял с нарочитой скрупулезностью, что приводило в отчаяние его работодателей. Как миллионы его современников, он практически ничего не понимал в той цивилизации, в которой жил. Двадцать пять

* Элджернон Суинберн. «Сад Прозерпины», перевод М. Донского.

лет назад он женился, и никто не удивился, узнав, что жена ушла от него через несколько месяцев.

Даже его друзья — хотя никто толком не знал, были ли у него друзья,— не стали бы утверждать, что Джефферсон Уилкс — глубокий мыслитель. Однако была одна тема, о которой он, на свой манер, очень серьезно размышлял.

Мир никогда не узнает о том, как случилось, что жалкий маленький ум Джефферсона Уилкса обратился к звездам. Скорее всего, побудительным мотивом послужило желание уйти от серости будничной жизни. Но какова бы ни была причина, он изучил многое из того, что было написано теми, кто предсказывал покорение космоса. И решил, что этому следует помешать любой ценой.

Насколько можно предположить, Джефферсон Уилкс верил, что попытка покорить космос навлечет на человечество какое-то жуткое метафизическое проклятие. Есть даже свидетельства, что он считал Луну адом — или, по меньшей мере, чистилищем. Любое преждевременное вторжение человечества в эти инфернальные области должно было привести к немыслимым и, мягко говоря, печальным последствиям.

Чтобы обрести поддержку для своих идей, Джефферсон Уилкс поступил так, как поступали тысячи людей до него. Он попытался обратить других в свою веру, создав организацию, которой присвоил пафосное название: «Ракеты не должны взлететь!» Поскольку у любой доктрины, какой бы фантастической она ни была, всегда найдется хоть несколько приверженцев, Уилкс со временем нашел несколько десятков единомышленников в рядах одной религиозной секты, которые во множестве цветут пышным цветом на западе Соединенных Штатов. Правда, вскоре микроскопическое движение начали терзать расколы и контррасколы. В конце концов основателю остались расшатанные нервы и финансовый кризис. Если кому-то требуется точное определение того, что произошло с Уилксом, то можно с уверенностью сказать, что он обезумел.

Когда был построен «Прометей», Уилкс решил, что предотвратить взлет этого корабля сможет только он. За несколько недель до старта он подсчитал свои мизерные сбе-

режения и снял все деньги с банковского счета. Для того чтобы добраться до Австралии, ему не хватало ста пятидесяти пяти долларов.

Исчезновение Джефферсона Уилкса удивило и огорчило его работодателей, но, изучив его бухгалтерские книги, они не предприняли попыток разыскать его. Как-то несолидно звонить в полицию, если после тридцати лет безупречной службы человек крадет из сейфа, в котором лежит несколько тысяч долларов, всего сто пятьдесят пять.

Уилкс без каких-либо сложностей добрался до Луна-Сити, а когда он там оказался, никто его не заметил. Сотрудники Межпланетного общества приняли его за одного из нескольких сотен репортеров, а репортеры — за сотрудника общества. В конце концов, Уилкс был из тех людей, которые способны войти прямиком в Букингемский дворец, не привлекая к себе ни малейшего внимания. Более того, охранники были бы готовы поклясться, что вообще никто не входил.

Какие мысли протиснулись в узкие воротца разума Джефферсона Уилкса, когда он увидел «Прометей», лежащий в стартовой «люльке», никто никогда не узнает. Возможно, до этого момента он не сознавал грандиозности задачи, которую перед собой поставил. Он мог бы, конечно, причинить кораблю немалый вред с помощью бомбы, но, хотя в Питсбурге, как во многих больших городах, в принципе, бомбу можно найти, о том, как ее приобрести, мало кому известно — а уж особенно добропорядочным бухгалтерам.

Из-за веревочного барьера Уилкс наблюдал за тем, как на корабль вносят какие-то грузы. Он заметил, что с наступлением ночи на огромном корабле никого не остается, а прожектора за несколько часов до утра отключают.

«Не лучше ли будет,— подумал он,— сделать так, чтобы корабль улетел с Земли, но никогда и ни за что не вернулся?» Сломанный корабль можно починить, а тот, который необъяснимо исчез, может стать гораздо более серьезной помехой — предупреждением, устрашением.

Джефферсон Уилкс, полный профан по части науки и техники, все же знал, что на корабле имеется собственный

запас воздуха, и еще он знал, что этот воздух хранят в баллонах. Что может быть проще — опорожнить эти баллоны так, чтобы недостача воздуха была обнаружена слишком поздно? Он не хотел навредить астронавтам, ему было искренне жаль, что их ожидает такой конец, но он не видел иного выхода.

Трудно даже перечислить все слабые места в плане Уилкса. Запас воздуха на борту «Прометея» не находился ни в каких баллонах, а если бы Уилксу удалось опустошить цистерны с жидким кислородом, его ожидали бы весьма неприятные сюрпризы вроде обморожения. Обычная проверка всех систем перед стартом в любом случае подсказала бы членам экипажа, что именно случилось, и даже без резерва кислорода установка кондиционирования воздуха на протяжении многих часов могла поддержать пригодную для дыхания атмосферу. Этого времени вполне хватило бы для того, чтобы выйти на аварийную орбиту, которую, в случае чего, легко и просто было рассчитать.

И последнее, но далеко не самое маловажное: Уилксу следовало проникнуть на борт корабля. Он не сомневался в том, что это возможно, потому что подвижной трап каждый вечер оставляли рядом с люком и он настолько внимательно его изучил, что мог бы подняться по ступеням даже в кромешной тьме. Как-то раз, когда вблизи от носа корабля собралась толпа, он смешался с ней и внимательно рассмотрел странную, овальной формы дверь, открывавшуюся внутрь. Никаких замков он на ней не обнаружил.

Он спрятался в пустом ангаре на краю летного поля и ждал, пока на небе не появился тонкий серп месяца. Было очень холодно, а Уилкс к этому не был готов, поскольку в Пенсильвании сейчас было лето. Однако стоявшая перед ним задача придавала ему решимости, и, когда наконец погасли прожекторы, он крадучись пошел по бетонной площадке к черным крыльям, распростертым под звездами.

Он наткнулся на веревочный барьер и подлез под канат. Через несколько минут он нащупал металлическую раму и обошел основание трапа. Прежде чем подняться по ступеням, он прислушался. Стояла абсолютная тишина; на горизонте виднелось тусклое зарево огней Луна-Сити. Метрах

в ста Уилкс различил туманные очертания домиков и ангаров, но они были темны и, по всей вероятности, пусты. Он начал подниматься по ступеням.

На первой площадке он остановился, снова прислушался и снова ничего подозрительного не услышал. Карманы пальто оттягивали вещи, которые он прихватил с собой,— электрический фонарик и кое-какие инструменты. Уилкс немного гордился своей предусмотрительностью и тем, насколько легко пока у него все получалось.

Вот и последняя ступенька. Он одолел второй пролет и поднялся на верхнюю площадку. Сжав в одной руке фонарик, он прикоснулся другой к гладкой и холодной поверхности космического корабля.

На постройку «Прометея» ушли миллионы фунтов и еще больше миллионов долларов. Ученые, получившие такие суммы от правительств и крупных промышленных предприятий, не были круглыми дураками. Большинству людей — только не Джефферсону Уилксу — показалось бы невероятным, что плод их трудов по ночам остается неохраняемым и беззащитным.

Много лет назад люди, отвечавшие за планирование полета, предвидели вероятность саботажа со стороны религиозных фанатиков, и в одной из папок в архиве Межпланетного общества хранились письма с угрозами, которые некоторым людям хватило ума написать. Поэтому были приняты все необходимые меры предосторожности — и эти меры приняли люди, которые сами несколько лет во время войны посвятили саботажу германской или союзнической техники.

Этой ночью в бетонном бункере на краю летного поля дежурил студент-юрист по имени Ахмет Сингх; тем самым он имел возможность заработать немного денег во время каникул, и это его вполне устраивало. Когда Джефферсон Уилкс приблизился к веревочному заграждению, Ахмет Сингх крепко спал, чего от него, как ни странно, и следовало ожидать. Но пять секунд спустя он проснулся.

Сингх нажал клавишу отключения сигнализации и быстро подошел к пульту управления, изрыгая проклятия на трех языках и оперируя понятиями четырех религий. Уже второй

раз что-то случалось во время его дежурства: в прошлый раз сигнализация сработала из-за того, что за ограждение забрела собака, принадлежащая кому-то из сотрудников. Возможно, и теперь стряслось что-то в этом духе.

Сингх включил преобразователь изображения и нетерпеливо ждал несколько секунд, пока нагреется лучевая трубка. Затем он с помощью проектора начал осматривать корабль.

Для Ахмета Сингха все выглядело так, словно площадку перед стартовой платформой заливали лучи лилового прожектора. И в этих лучах, не ведая о них, к «Прометею» крадучись подбирался какой-то человек. Трудно было не рассмеяться, глядя на его движения. Он шел, выставив перед собой руки, вслепую — в то время как все вокруг него было залито светом. Ахмет следил за незнакомцем, передвигая луч инфракрасного прожектора, пока человек не подошел к трапу. В этот момент сработала вторая система сигнализации, и ее Сингх тоже отключил. Он решил ничего не предпринимать до тех пор, пока не выяснит, что понадобилось полуночному бродяге.

Когда Джефферсон Уилкс остановился на второй площадке трапа, Ахмет Сингх сумел сделать прекрасный фотоснимок, который можно было использовать в качестве вещественного доказательства в любом суде. Он подождал, когда Уилкс попытается открыть люк, и решил, что пора действовать.

Сноп света, пригвоздивший Уилкса к обшивке корабля, ослепил его с той же силой, что и темнота, когда он передвигался на ощупь. В первое мгновение шок был настолько силен, что он не мог пошевелиться. А потом из тьмы ночи прогремел оглушительный голос:

— Ты что тут делаешь? А ну, спускайся немедленно!

Уилкс начал машинально спускаться по трапу. Оказавшись на нижней площадке, он наконец начал что-то соображать и стал отчаянно озираться по сторонам в надежде убежать. Прикрывая глаза руками, он мало что видел; ужасный круг света около «Прометея» простирался всего на сотню метров, а дальше была темнота и, быть может, спасение.

Из-за границы освещенного круга вновь послышался голос:

— Быстрее давай! Иди сюда — мы тебя окружили!

«Мы» было чистейшей воды выдумкой Сингха, хотя действительно подкрепление в лице двух заспанных сержантов полиции было уже в пути.

Джефферсон Уилкс наконец спустился с трапа и теперь стоял на бетонной площадке. Почти полминуты он не трогался с места, а потом, как и предполагал Ахмет Сингх, вдруг стремглав обежал вокруг корабля и исчез. Наверняка он помчался в сторону пустыни, и догнать его особого труда не составляло, но все же стоило сэкономить время и еще разок его припугнуть. Дежурный включил еще один громкоговоритель.

Когда тот же самый громовой голос послышался из простиравшейся перед Уилксом тьмы, где он надеялся обрести спасение, его охватило полнейшее отчаяние, его жалкий дух был сражен. В безумном страхе, будто дикий зверь, он развернулся, побежал к кораблю и попытался спрятаться в тени. Но и тут он не остановился. Порыв, заставивший Уилкса облететь полмира, по-прежнему слепо гнал его вперед, хотя он совершенно не соображал, что делает. Он стал пробираться под днищем корабля.

В какой-то момент он поравнялся с огромным отверстием, которое находилось прямо у него над головой. Похоже, через это отверстие можно было забраться внутрь корабля. В обычное время он бы ни за что не смог взобраться по гладкой металлической стенке, но страх и решимость придали ему сил. Ахмет Сингх, находившийся в бункере в ста метрах от корабля и глядевший на телеэкран, побледнел. Он быстро и взволнованно заговорил, держа в руке микрофон.

Джефферсон Уилкс его не слушал; он даже не заметил, что голос, который так пугал его, теперь зазвучал умоляюще. Для него это ровным счетом ничего не значило; он думал только о темном туннеле перед ним. Сжимая в руке фонарик, он пополз вперед.

Стены туннеля были сделаны из какого-то серого материала, похожего на камень. Материал был прочный, но на ощупь странно теплый. У Уилкса было такое впечатление,

будто он угодил в пещеру с идеально круглыми стенами; после того как он одолел первые несколько метров, туннель стал шире, и он смог продвигаться уже не ползком, а пригнувшись. Теперь его окружала бессмысленная мозаика металлических стержней и все того же странного серого материала, похожего на тусклую керамику.

Пещера неожиданно разделилась на несколько слишком узких разветвленных проходов. Уилкс осветил их фонариком и увидел, что со всех сторон торчат какие-то раструбы и воронки. Он мог бы тут что-нибудь сломать, но все эти странные приспособления находились слишком далеко от него.

Джефферсон Уилкс обессиленно опустился на твердый пол. Фонарик выпал из его ослабевших пальцев, и его снова окутала темнота. Он слишком устал и поэтому не чувствовал ни разочарования, ни сожаления. Он не заметил, что стенки туннеля испускают едва заметное непрерывное свечение, но даже если бы заметил, не понял бы, с чем это связано.

Прошло немало времени, прежде чем шум из внешнего мира привел Уилкса в чувство. Он сел и огляделся по сторонам, не понимая, где находится и как сюда попал. Вдалеке он различил маленький кружок света — устье таинственной пещеры. Откуда-то доносились голоса и шум машин, разъезжавших рядом с кораблем. Уилкс знал, что там находятся его враги, поэтому ему следовало оставаться здесь, где его не смогут найти.

Но этому не суждено было случиться. Ярчайший свет озарил устье пещеры и рванулся к Уилксу. Позади света двигалось что-то странное, огромное и непостижимое.

Уилкс в ужасе закричал, когда в круге света возникли жуткие металлические клешни и потянулись к нему. В следующее мгновение клешни безжалостно потащили его туда, где его поджидали враги.

Громадная, словно бы живая машина держала его в своих металлических руках и катилась прочь от гигантского крылатого чудовища. Казалось бы, Уилкс должен был вспомнить, что это за чудовище, но он не вспомнил. А потом ме-

таллические клешни опустили его на бетонную площадку, где кругом стояли люди.

Уилкс удивился, почему они не приближаются к нему, почему стоят так далеко и так странно смотрят на него. Он не стал сопротивляться, когда от машины к нему потянулись длинные металлические стержни, к которым были прикреплены какие-то блестящие инструменты. Эти инструменты заскользили вдоль его тела, как бы изучая его. Теперь ничто не имело значения; он ощущал только страшную слабость и желание уснуть.

Неожиданно его сильно замутило. Металлические клешни опустили его к земле. Люди, стоявшие около него широким кругом, шагнули было к нему, но тут же остановились.

Корчившаяся в судорогах, невероятно жалкая фигурка лежала на бетоне в слепящем свете прожекторов. Все молчали, никто не двигался. Поодаль, под колоссальными крыльями «Прометея», лежала густая тень. Затем робот плавно проехал несколько метров вперед, таща за собой бронированные кабели. Очень осторожно опустились и разжались металлические руки.

Джефферсон Уилкс завершил свое путешествие.

11

Дирк надеялся, что астронавты выспались лучше, чем он. Он плохо соображал спросонья, но у него было четкое впечатление, что среди ночи его не раз будил шум машин, разъезжавших по городку. Может быть, где-то случился пожар, но он не слышал завывания сирены.

Он брился, когда к нему зашел Мак-Эндрюс, явно жаждавший поделиться новостями. Заведующий отделом по связям с общественностью выглядел так, словно не спал полночи, что, в общем, так и было.

— Слышали новость? — тяжело дыша, спросил он.

— Какую новость? — спросил Дирк, выключив электробритву.

— Была попытка проникновения на корабль. Саботаж.

— Что?!

— Это случилось примерно в час ночи. Датчики заметили человека, пытающегося подняться на борт «Альфы». Когда к этому идиоту обратился дежурный из бункера, он попытался спрятаться... в сопле «Альфы»!

Потребовалось несколько секунд, прежде чем до Дирка дошел смысл этих слов. А потом он вспомнил, что ему рассказывал Коллинз, когда они смотрели в этот черный, смертельно опасный туннель через телескоп.

— Что с ним стало? — еле слышно спросил Дирк.

— Дежурный обращался к нему через громкоговорители, но он не слышал. Пришлось вытаскивать его с помощью робота. Когда его вытащили, он был еще жив, но облучен так, что никто не решился к нему близко подойти. Через пару минут он умер. Врачи утверждают, что он так и не понял, что с ним случилось,— и не поймешь, схлопотав такую дозу радиации.

Дирку стало немного не по себе. Он сел на кровать.

— Он что-нибудь сломал? — наконец спросил он.

— Мы так не думаем. Он не сумел проникнуть внутрь корабля и к двигателю тоже не подобрался. Опасались, что он мог подложить бомбу, но, к счастью, этого не произошло.

— Он, наверное, ненормальный! Узнали, кто он такой?

— Скорее всего, какой-то религиозный маньяк. Таких за нами целые армии охотятся. Полицейские пытаются узнать, кто он, по содержимому его карманов.

После приличествующей моменту паузы Дирк проговорил:

— Не самое приятное событие перед прощанием с «Прометеем», да?

Мак-Эндрюс чуть насмешливо пожал плечами:

— Вряд ли хоть кто-то здесь суеверен! Хотите посмотреть, как будут заправлять корабль? Заправка назначена на два часа. Я вас подвезу.

Дирк особого энтузиазма не проявил.

— Спасибо,— поблагодарил он.— Но у меня дел по горло. Да и смотреть будет особо не на что, верно? Я хотел сказать, что закачка нескольких сотен тонн горючего — вряд

ли такое уж впечатляющее зрелище. Вернее, для кого-то может быть, и впечатляющее — но только не для меня!

Мак-Эндрюс явно обиделся, но Дирк ничего не мог с собой поделать. В данный момент у него не было жгучего желания снова приближаться к «Прометею». Чувство, конечно, абсолютно иррациональное: разве стоило обвинять гигантский корабль, если он защитил себя от врага?

Весь день Дирк слышал рев вертолетов, прибывавших из крупных австралийских городов. Время от времени с оглушительным свистом на аэродроме садились трансконтинентальные лайнеры. Где вновь прибывшие собрались коротать ночь, Дирк не мог себе представить. Даже в домиках с центральным отоплением было холодновато, а репортеры, разместившиеся в брезентовых палатках, рассказывали жуткие истории про то, как им приходится страдать, и многие говорили чистую правду.

Ближе к вечеру Дирк встретился с Коллинзом и Макстоном в буфете и узнал от них, что заправка прошла без происшествий.

— Мы немножко поволновались и ушли.

— Кстати,— заметил Макстон,— вы ведь, кажется, говорили вчера, что никогда не смотрели на Луну в телескоп? Мы как раз собираемся в обсерваторию. Почему бы вам не пойти с нами?

— Я с радостью — только вы-то на нее наверняка не раз смотрели!

Макстон усмехнулся:

— «Шоу получится так себе», как сказал бы Рэй. Да, я действительно неплохо знаю Луну, но уверен: больше половины сотрудников Межпланетного общества никогда не пользовались телескопом. И самый показательный пример в этом смысле — наш генеральный директор. Он десять лет занимался астрономическими исследованиями, не приближаясь к обсерватории.

— Только никому не говорите, что это я вам сказал,— с величайшей серьезностью произнес Коллинз,— но я обнаружил, что астрономы делятся на две категории. Первые ведут исключительно ночной образ жизни и в рабочее время делают фотоснимки таких далеких космических объектов,

которые теперь уже вряд ли существуют. Их не интересует Солнечная система, ее они считают весьма странным и почти непростительным несчастным случаем. Днем такие астрономы спят где-нибудь посреди скал или в теплых сухих местах.

Астрономы, относящиеся ко второй категории, работают в более нормальное время и обитают в кабинетах, заставленных вычислительными машинами и арифмометрами. Теснота им очень мешает, но тем не менее они ухитряются выдавать множество математических расчетов насчет космических объектов (скорее всего, несуществующих), сфотографированных их коллегами, с которыми они общаются посредством маленьких записочек, передаваемых через ночных сторожей.

Эти две категории объединяет одно: никогда, за исключением моментов острейшего умственного помешательства, они по-настоящему не смотрят в телескоп. Тем не менее снимки делают очень и очень недурственные.

— Я так думаю,— рассмеялся профессор Макстон,— что в любой момент может родиться еще один представитель ночной категории астрономов. Пойдемте.

Обсерватория в Луна-Сити была построена большей частью для развлечения сотрудников, среди которых астрономов-любителей насчитывалось куда больше, чем профессионалов. Обсерватория состояла из нескольких деревянных домиков, поспешно перестроенных для того, чтобы там поместилось около десятка телескопов с объективами от трех до двенадцати дюймов. В данный момент полным ходом шла сборка двадцатидюймового рефлектора, но ее завершение ожидалось не раньше чем через несколько недель.

Гости Луна-Сити, разузнав про обсерваторию, пользовались ею, что называется, на всю катушку. Несколько десятков человек выстроились в очереди к телескопам, а их владельцы позволяли желающим поглядеть в окуляр минуты две, сопровождая сеанс импровизированными лекциями. Они вовсе не рассчитывали на такой вариант, когда отправлялись понаблюдать за четырехдневной Луной, и теперь отказались от всякой надежды лично ею полюбоваться.

— Жаль, что не берут по фунту за сеанс,— проворчал Коллинз, задумчиво глядя на очередь.

— Может, и берут,— сказал Макстон.— Вообще-то мы могли бы поставить здесь ящик для пожертвований в пользу обездоленных инженеров-атомщиков.

Купол над двадцатидюймовым рефлектором — единственным инструментом, который принадлежал не частному владельцу, а Межпланетному обществу,— был закрыт, и здание, в котором размещался этот телескоп, заперто. Профессор Макстон достал из кармана связку мастер-ключей и, пробуя их один за другим, в итоге отпер замок. От ближайшей очереди к нему тут же потянулся народ.

— Извините! — закричал профессор, поспешно захлопнув за собой дверь.— Телескоп не работает!

— Вы хотели сказать, что он *не будет* работать,— мрачно проворчал Коллинз.— Вы знаете, как пользоваться хоть какой-нибудь из этих штуковин?

— Думаю, мы сможем догадаться,— ответил Макстон не очень уверенно.

Высочайшее мнение Дирка об этих ученых сильно поколебалось.

— Вы хотите сказать,— проговорил он,— что готовы рискнуть и подступиться к такому дорогостоящему инструменту, ничего о нем не зная? Да это же все равно что сесть за руль, не умея водить автомобиль!

— Господи всевышний,— возразил Коллинз, весело сверкая глазами,— не считаете же вы и вправду этот прибор сложным! Если уж вам так хочется, сравните его с велосипедом — но только не с автомобилем!

— Прекрасно,— буркнул Дирк.— Попробуйте покататься на велосипеде, не умея этого делать!

Коллинз рассмеялся и продолжал изучать пульт управления. Некоторое время они с профессором обменивались какими-то техническими терминами. Дирк окончательно разочаровался. Он понял, что об этом телескопе его друзья знают не больше, чем он.

После небольшой возни прибор был нацелен на Луну, которая стояла довольно низко над горизонтом на юго-западе. Дирку пришлось довольно долго ждать, пока Коллинз и Макстон всласть насмотрятся. Наконец он не выдержал.

— Между прочим, вы меня пригласили,— укоризненно произнес он.— Или вы забыли об этом?

— Прошу прощения,— извинился Коллинз, с неохотой уступая Дирку место перед телескопом.— Теперь можете посмотреть. Резкость регулируется вот этой круглой ручкой.

Сначала Дирк видел только ослепительный свет с разбросанными тут и там белыми пятнами. Он медленно вращал ручку регулятора резкости, и вдруг картинка стала ясной и резкой, словно гравюра.

Он видел месяц, но кончики его «рогов» в поле зрения не попадали. Луна представляла собой идеальную дугу, без каких-либо неровностей. Однако линия дня и ночи была неровной, ее во многих местах разрывали горы и небольшие возвышенности, отбрасывающие длинные тени на лежащие внизу равнины. Дирк увидел лишь немногие из самых больших кратеров и догадался, что большинство из них лежит в невидимой части лунного диска.

Он сосредоточил внимание на большой овальной долине, граничащей с горами. Долина напоминала дно высохшего океана. Дирк предположил, что это одно из так называемых лунных «морей», но легко было удостовериться, что никакой воды на этой спокойной равнине нет. Все детали просматривались ясно и четко, лишь изредка пробегала рябь, похожая на марево. Луна опускалась в туман, затянувший горизонт, и картинке мешали помехи, обусловленные прохождением света через тысячекилометровую атмосферу Земли.

В одном месте внутри темной части диска сверкало нечто похожее на группу ярких огней, которые в первый момент озадачили Дирка, но он догадался, что это пики высоких гор, на которые падает свет Солнца.

Он понимал, почему люди посвящали свою жизнь наблюдению за перемещениями теней по поверхности этого странного мира, казавшегося таким близким, но до начала жизни его поколения служившего символом недостижимого. Минует жизнь еще одного поколения, но чудеса не пре-

кратятся; всегда найдется что-то новое, на что можно будет посмотреть с помощью еще более совершенной техники.

Что-то закрыло его поле зрения, и он раздраженно обернулся. Луна опускалась ниже уровня купола, а сильнее опустить телескоп было нельзя. Кто-то включил свет, и Дирк увидел улыбающиеся лица Коллинза и Макстона.

— Надеюсь, вы увидели все, что хотели,— сказал профессор.— Мы-то всего по десять минут у телескопа простояли, а вы — все двадцать пять, и я очень рад, что Луна уже зашла!

12

«Завтра мы запускаем "Прометей". Я говорю "мы", потому что уже больше нет никакой возможности оставаться в стороне и играть роль равнодушного наблюдателя. Никто на Земле на это не способен; события, которые произойдут в течение ближайших часов, изменят жизнь всех людей, которые когда-либо родятся на свет до скончания времен.

Кто-то однажды охарактеризовал человечество как расу островитян, которые еще не освоили искусство строительства кораблей. Глядя через океан, мы видим другие острова, о которых гадали и размышляли с начала времен. Теперь, через миллион лет, мы построили первое примитивное каноэ; завтра мы отправим его в плавание, оно преодолеет полосу коралловых рифов и исчезнет за горизонтом.

Сегодня вечером я впервые в жизни видел сверкающие горы и величественные пыльные равнины Луны. Местность, по которой вскоре будут ходить Ледук и его спутники, была невидима, она станет видна только после рассвета, который наступит еще через три-четыре дня. Однако и ночь на Луне наверняка невообразимо красива, потому что в это время Земля оттуда видна больше чем наполовину.

Интересно, как проводят свою последнюю ночь на Земле Ледук, Ричардс и Тэйн? Наверняка они привели в порядок все свои дела, и делать им совершенно нечего. Расслабляются, слушают музыку, читают — или просто спят?»

Джеймс Ричардс не делал ничего из вышеперечисленного. Он сидел в буфете с друзьями и осторожно выпивал, рассказывая истории о тестах, которыми его изводили безумные психологи, пытаясь понять, нормален ли он, и если да, то какой вывод из этого сделать. Психологи, которых он высмеивал, кстати, составляли большую часть аудитории. Они позволили ему разглагольствовать до полуночи, а потом отправили спать. Для этого потребовалось шестеро психологов.

Пьер Ледук провел вечер на корабле и наблюдал за экспериментами по испарению топлива, которые проводились на «Альфе». В его присутствии особого смысла не было, но, хотя время от времени кто-нибудь на это обстоятельство вежливо ему намекал, Ледук делал вид, что не слышит. Незадолго до полуночи явился генеральный директор, учинил добродушный скандал и увез Ледука на своей машине в городок, дав ему строгий приказ хоть немного поспать, после чего Ледук два часа пролежал в кровати, читая «Человеческую комедию».

Только Льюис Тэйн — четкий, неэмоциональный Тэйн — провел последнюю ночь на Земле так, как и можно было ожидать. Он несколько часов просидел за столом, готовя черновики и один за другим их уничтожая. Поздно вечером он закончил работу. Старательным, аккуратным почерком было написано то, над чем он так долго размышлял. Он запечатал листок в конверт и присоединил к нему маленькую официальную записку:

Дорогой профессор Макстон!

Если я не вернусь, буду весьма Вам признателен, если Вы позаботитесь о том, чтобы это письмо было доставлено.

Искренне Ваш, Л. Тэйн.

Письмо и записку он поместил в большой конверт и адресовал его Макстону. А потом раскрыл толстую папку с чертежами альтернативных орбит и стал делать карандашные пометки на полях.

Он снова стал самим собой.

13

Послание, которого ожидал сэр Роберт, было доставлено вскоре после рассвета одним из сверхскоростных почтовых самолетов, которые позже должны были увезти в Европу кинопленки с записью старта. Это был краткий официальный протокол, подписанный только парой инициалов, которые весь мир сразу узнал бы даже без помощи слов «Даунинг-стрит, 10», размещенных в верхней строке. Однако совсем официальным послание назвать было нельзя, так как после инициалов той же рукой было написано: «Удачи!»

Когда несколько минут спустя зашел профессор Макстон, сэр Роберт без слов протянул ему послание. Американец прочел и облегченно вздохнул.

— Что ж, Боб,— сказал он,— мы свое дело сделали. Теперь настала очередь политиков — но мы будем их подталкивать.

— Оказалось не так трудно, как я опасался; после Хиросимы государственные мужи научились обращать на нас внимание.

— А когда план будет рассмотрен Генеральной Ассамблеей?

— Примерно через месяц, когда британское и американское правительства официально выскажут предложение, чтобы все планеты или космические тела, не заселенные и не присвоенные другими формами жизни помимо людей, и так далее и тому подобное, были объявлены международными территориями со свободным доступом для всех народов, и ни одному суверенному государству не будет позволено присваивать оные астрономические тела для эксклюзивной оккупации или развития там... ну и так далее.

— А как насчет предложения создать межпланетную комиссию?

— Этот вопрос будет обсужден позже. В данный момент важно достичь согласия на первых этапах. Теперь, когда наше правительство официально приняло план — об этом объявят по радио во второй половине дня,— мы можем приступить к черт знает какому лоббированию. Вы в этом деле дока, так, может, напишете небольшую речь на основе нашего первого манифеста — чтобы потом эту речь на Луне произнес Ледук? Подчеркните астрономический аспект и не забудьте упомянуть о том, как глупо даже пытаться привносить в космос национализм. Как думаете, успеете до старта? Если не успеете, ничего страшного, но было бы желательно, поскольку, если придется передавать текст астронавтам по радио, может произойти преждевременная утечка информации.

— Хорошо. Я подготовлю черновик, его проверят политические эксперты, а потом отдам вам, чтобы вы добавили эпитеты, как обычно. Но я не думаю, что на этот раз понадобятся витиеватые пассажи. Как первое послание с Луны, оно само по себе станет вполне увесистым психологическим ударом!

Никогда прежде ни в одном районе австралийской пустыни не отмечалась такая плотность населения. Всю ночь прибывали специальные поезда из Аделаиды и Перта, тысячи автомобилей и личных самолетов припарковались по обе стороны от взлетной полосы. Джипы непрерывно курсировали вдоль километровой безопасной зоны, сидевшие в них военные отгоняли чересчур любознательных гостей. Никого не пропускали за пятикилометровую отметку, в том числе и кружившие в небе вертолеты.

«Прометей» лежал, озаренный рассветным солнцем, отбрасывая на пески пустыни фантастическую тень. До сих пор корабль казался просто металлической конструкцией, но наконец он ожил и ждал исполнения мечты своих создателей. Экипаж уже находился на борту, когда прибыли Дирк и его спутники. Ради газетчиков и телевизионщиков была устроена маленькая церемония, но никаких официальных речей не произносили. Для этого должно было настать время через три недели.

Вдоль взлетной полосы из громкоговорителей раздавался спокойный голос: «Проверка систем завершена; пусковые генераторы работают на половине мощности; до взлета один час».

Из множества динамиков эхом разносилось по пустыне: «до взлета один час... час... час...», пока слова не затихли далеко на северо-западе.

— Пожалуй, нам лучше занять места,— сказал профессор Макстон.— Понадобится какое-то время, чтобы пробраться сквозь толпу. Хорошенько посмотрите на «Альфу» — больше возможности не представится.

Снова зазвучал голос из громкоговорителей, но на этот раз слова были обращены не к тем, кто находился на месте старта. Дирк догадался, что слышит отрывок из всемирных переговоров.

«Всем радиостанциям приготовиться к передаче. Суматра, Индия, Иран — выходите на связь в течение ближайших пятнадцати минут».

За много километров от места старта из пустыни что-то с оглушительным воем взмыло в небо, оставив после себя белый хвост выхлопных газов — четкий и ровный, будто его начертили линейкой. На глазах у Дирка хвост начал рассеиваться, его разгоняли стратосферные ветра.

— Метеоракета,— объяснил Коллинз в ответ на незаданный вопрос.— У нас их несколько вдоль взлетной полосы, чтобы мы могли узнать о давлении и температуре вплоть до верхних слоев атмосферы. Непосредственно перед стартом пилот «Беты» получит предупреждение, если в плане атмосферных явлений их ожидает что-то необычное. Только об этом Ледуку и придется поволноваться. В космосе погоды нет!

Над всей территорией Азии небольшие стройные ракеты с пятидесятикилограммовым грузом приборов преодолевали стратосферу. Их запас горючего заканчивался в первые несколько секунд полета, но скорости хватало, чтобы они унеслись на сто километров от Земли. Поднимаясь (одни озаренные Солнцем, а другие во тьме), эти ракеты непрерывно посылали на землю радиосигналы, которые затем улавливались, расшифровывались и передавались в Австралию. Вскоре они падали на Землю под яркими парашютами, и большую часть из них можно было найти и использовать вновь. Другие могли упасть в море, или, возможно, им суждено было закончить свои дни в качестве племенных идолов где-нибудь в джунглях Борнео.

Поездка на расстояние примерно в пять километров вдоль запруженной народом и весьма примитивной дороги заняла около двадцати минут. Несколько раз профессору Макстону пришлось сворачивать на «ничью» землю, границы которой он проводил самолично. Ближе к пятикилометровой отметке концентрация машин и зрителей оказалась максимальной. Толпа заканчивалась у барьера из столбиков, выкрашенных красной краской.

Здесь из старых ящиков была собрана небольшая трибуна, на которой уже разместились сэр Роберт Дервент и кое-кто из его подчиненных. Дирк с интересом заметил среди них Хассела и Клинтона. Он стал гадать, о чем думают эти двое.

Время от времени генеральный директор брал микрофон и что-то комментировал. Недалеко от трибуны стояли два портативных передатчика. Дирк, ожидавший увидеть батареи аппаратуры, был разочарован. Он понял, что все технические операции проводятся где-то еще, а это просто-напросто наблюдательный пункт.

«Двадцать пять минут до старта,— донеслось из громкоговорителей.— Пусковые генераторы переводятся в режим полной мощности. Всем радарным станциям и обсерваториям главной сети — полная готовность».

С невысокой трибуны взлетная полоса была видна почти целиком. Справа волновались толпы народа, дальше виднелись приземистые здания аэропорта. На горизонте был четко виден «Прометей». Время от времени его озаряло солнце, и тогда его бока сверкали, словно зеркала.

«Пятнадцать минут до старта».

Ледук и его товарищи сейчас лежали в креслах в ожидании первого удара перегрузок. И все же странно было думать о том, что им ничего не придется делать, пока не пройдет почти час. Только тогда высоко над Землей произойдет расстыковка кораблей. Начальная ответственность лежала на пилоте «Беты», которому должна была достаться совсем маленькая порция славы — но, правду говоря, в данный момент ему предстояло совершить то, что он уже успел проделать десяток раз.

«Десять минут до старта. Всем воздушным судам выполнять инструкции по безопасности».

Шла минута за минутой: умирал старый век и нарождался новый. Неожиданно этот безликий голос, звучавший из динамиков громкоговорителей, напомнил Дирку о том утре, тридцать три года назад, когда другая группа ученых замерла в ожидании в другой пустыне, готовясь выпустить на волю энергию, способную зажечь новое солнце.

«Пять минут до старта. Отключить все мощное электрооборудование. Отключить электричество в домах».

Толпа вдруг замолкла; взгляды всех собравшихся устремились к гигантскому крылатому силуэту на горизонте. Где-то неподалеку заплакал ребенок, испуганный внезапной тишиной.

«Одна минута до старта. Запуск сигнальных ракет».

Над безлюдной пустыней слева от взлетной полосы в небо взмыли красные сигнальные ракеты. Несколько вертолетов поспешно изменили курс.

«Работает автоматический стартовый контроль. Время синхронизировано...»

Послышался щелчок, и из громкоговорителей донесся еле слышный шелест далекого статического разряда. А потом над пустыней послышался звук, не похожий ни на один из шумов на свете.

В Вестминстере, на другом краю Земли, часы на Биг-Бене пробили час дня.

Дирк посмотрел на профессора Макстона и увидел, что тот крайне взволнован. А генеральный директор едва заметно улыбался, и Дирк вспомнил о том, что полвека англичане по всему миру, сидя у своих радиоприемников, ждали этого звука, доносящегося из страны, которой они никогда не увидят. Он представил себе других изгнанников, которые в ближайшем и далеком будущем будут жить на странных планетах и слушать звук колоколов, доносящихся из глубин космоса.

Когда стих перезвон, наступила тишина, а потом колокол ударил один раз. И громкоговорители внезапно замолчали.

Но ничего не изменилось. «Прометей» по-прежнему лежал на горизонте, будто гигантский металлический мотылек. А потом Дирк заметил, что расстояние от крыльев до

горизонта стало меньше, а в следующее мгновение у него уже не осталось никаких сомнений в том, что корабль вырастает в размерах и движется к нему. Быстрее и быстрее, в абсолютной, сверхъестественной тишине «Прометей» мчался по взлетной полосе. Несколько секунд — и вот уже корабль пролетел мимо, и Дирк в последний раз увидел «Альфу» на «спине» «Беты», обтекаемую, остроносую, сверкающую. Корабль скользнул влево по пустыне, только послышался свист рассекаемого им воздуха. Но и этот звук был слишком тихим, а электрическая катапульта работала и вовсе беззвучно. А потом «Прометей» бесшумно исчез вдалеке.

Несколько секунд спустя безмолвие нарушил рев такой мощи, словно на пустыню обрушилась тысяча водопадов со скал высотой в полтора километра. Казалось, даже небо затряслось. «Прометей» скрылся из виду за облаком клубящейся пыли. Посередине этого облака что-то нестерпимо, яростно пылало, и долго смотреть на это пламя было невозможно.

Облако пыли постепенно рассеялось, рев моторов приглушило расстояние. И тогда Дирк увидел, что маленькое солнце, за которым он наблюдал полуприщуренными глазами, оторвалось от Земли и медленно поднимается над горизонтом. «Прометей» вырвался из стартовой «люльки» и поднимался ввысь, к орбите, которая приведет его в космос.

Яростное белое пламя вскоре исчезло в небе. Какое-то время еще был слышен рокот моторов, но вскоре и он утих на фоне шума винтов многочисленных вертолетов.

В пустыню возвращалась жизнь, но Дирк почти ничего не замечал. Он снова задумался об образе одинокого острова в безбрежном океане.

Пусть этот океан был безбрежен, пусть он был бесконечен — но теперь в путь по нему пустились смельчаки. За лагуной, за полосой коралловых рифов первое хрупкое суденышко уплывало к неведомым опасностям и чудесам открытого океана.

эпилог

Дирк Алексон, профессор социологии Чикагского университета, чуть дрожащими пальцами открыл пухлый пакет, лежавший на письменном столе. Несколько минут он возился с замысловатой упаковкой, но вот наконец в его руках оказалась книга — новенькая, с иголочки, три дня как из типографии.

Несколько секунд он молча смотрел на книгу, водя пальцами по обложке. Его взгляд упал на полку, где стояли пять других его книг. Они ждали не один год, пока к ним присоединится этот, последний том.

Профессор Алексон встал, взял книгу и подошел к книжному шкафу. Внимательный наблюдатель заметил бы нечто необычное в его походке: походка у него была пружинистой, крайне неожиданной для человека, которому было под шестьдесят. Он поставил книгу на полку и долго стоял, глядя на маленький ряд томов.

Переплет и шрифт на корешках были идентичны — он на этом всегда настаивал,— и собрание сочинений радовало глаз. В работе над этими книгами прошла большая часть его жизни, он был чрезвычайно рад, что труд завершен, но ощущал в душе странную пустоту.

Он снова взял в руки шестой том и вернулся к письменному столу. У него не хватало духу сразу приступить к поиску опечаток, которые наверняка могли встретиться в тексте. Как бы то ни было, в ближайшее время он должен был заняться вычиткой.

Переплет, как и следовало ожидать, оказался немного тугим. Профессор раскрыл книгу и пробежал взглядом названия глав. Дойдя до главы «Опечатки в томах I-V», он поморщился. Впрочем, ошибок он совершил не так уж много и, что самое главное, не нажил врагов. В последние десять лет порой это было не так просто. Некоторым из сотен людей, чьи имена были перечислены в финальном указателе, не польстили его слова, но никто из них его ни в чем не обвинил. К тому же ему хотелось верить, что большинство его читателей не смогли догадаться, кто из людей в этой долгой и непростой истории были его личными друзьями.

Он вернулся к фронтиспису и мысленно перенесся в прошлое — больше чем на двадцать лет назад. Здесь был изображен «Прометей» в ожидании судьбоносного мгновения; где-то в толпе, чуть левее, стоял он, молодой человек, еще не приступивший к делу своей жизни. Молодой человек, которому был вынесен смертный приговор, о котором он тогда еще не знал.

Профессор Алексон подошел к окну. Пока горизонт не слишком сильно заслоняла городская застройка, и он надеялся, что еще долго сможет любоваться рассветом, глядя на горы, поднимающиеся к небу в двадцати пяти километрах от города.

Была полночь, но белое сияние, исходившее от величественных пиков, озаряло все вокруг с ясностью дня. Над горами сверкали звезды, и их неугасимый свет до сих пор казался ему незнакомым и странным. А еще выше...

Профессор Алексон запрокинул голову и, полуприкрыв глаза, стал смотреть на ослепительно-белую планету, на которую ему уже никогда не суждено было ступить. Сегодня она светила особенно ярко, потому что почти все Северное полушарие закрыли белые облака. Хорошо видны были только Африка и Средиземноморье. Он помнил, что за этими облаками сейчас зима, и хотя отсюда, с расстояния в четыреста тысяч километров, они кажутся такими красивыми, для людей, обитающих на севере планеты, облака эти выглядят унылыми и серыми. Зима, лето, осень, весна — здесь они не означали ровным счетом ничего. Все это он

оставил позади, заключив свою сделку. Сделка была нелегкая, но справедливая. Он расстался с волнами и облаками, с ветрами и радугами, с синим небом и долгими летними сумерками. Взамен он обрел бесконечную ссылку.

Все эти годы он не забывал бесконечные споры с Макстоном, Коллинзом и всеми остальными — споры о ценности космических полетов для человечества. Некоторые их предсказания сбылись, другие — нет, но если говорить лично о нем, то все оказалось верно на сто процентов. Мэтьюз был прав, когда давным-давно сказал, что о самых грандиозных преимуществах, которые могут принести космические полеты, пока никто не догадывается.

Больше десяти лет назад кардиологи определили, что жить Алексону осталось три года, но его спасли потрясающие открытия, сделанные медиками на лунной базе. При низкой силе притяжения, когда человек весил меньше пятнадцати килограммов, сердце, которое на Земле давно бы отказало, на Луне могло биться еще много лет. Не исключалась даже такая возможность — почти пугающая, если задуматься о ее социальных последствиях,— что продолжительность жизни на Луне в сравнении с Землей могла оказаться больше.

Гораздо быстрее, чем кто-либо смел надеяться, астронавтика начала приносить потрясающие, порой неожиданные дивиденды. Здесь, в полукруге лунных Апеннин, в первом из городов, выстроенных за пределами Земли, счастливо жили пять тысяч изгнанников, спасенных от смертельной гравитации родной планеты. Со временем они многое перестроят — уже теперь кедровая аллея вдоль Мэйн-стрит была символом той красоты, которой предстояло родиться здесь в грядущие годы. Профессор Алексон надеялся, что он доживет до того дня, когда под новым, еще более грандиозным куполом будет разбит парк. Строительство этого купола уже шло полным ходом в пяти километрах к северу.

По всей Луне снова кипела жизнь. Тысячу миллионов лет назад она вспыхнула здесь и погибла; на этот раз она не должна была умереть, потому что стала частью великого потока, который через несколько веков должен был хлынуть на далекие планеты.

Профессор Алексон прикоснулся к лежащему на подоконнике обломку марсианского камня, который ему много лет назад подарил Виктор Хассел. Когда-нибудь, при желании, он сможет отправиться на эту странную маленькую планету; скоро, совсем скоро построят корабли, которые смогут добраться до Марса всего за три недели, когда эта планета будет находиться в ближайшем к Луне положении. Однажды Алексон уже сменил одну планету на другую; он сделает это снова, если ему надоест смотреть на недостижимую Землю.

В тюрбане облаков Земля прощалась с двадцатым веком. В озаренных светом городах мира, по которому странствовала полночь, люди ждали первого удара часов, который должен был навсегда унести их из старого года и старого столетия.

Такого столетия прежде не было никогда, и вряд ли вновь могло наступить такое. Одна за другой взрывались древние плотины, исчезали последние границы воображения. На заре столетия человек готовился к покорению воздуха; а когда век пошел на убыль, человек уже собирался стартовать с Марса к иным мирам. Только Венера все еще сдерживала натиск, поскольку еще не было создано корабля, который смог бы преодолеть конвекционные вихри, бушующие в промежутке между освещенным Солнцем полушарием и тьмой ночной стороны. Радары, пробивавшие своими лучами плотную завесу облаков, показывали, что всего в восьмистах километрах лежат континенты и моря — именно Венера, а не Марс стала величайшей загадкой Солнечной системы.

Провожая уходящий век, профессор Алексон не чувствовал сожаления: будущее было наполнено чудесами и обещаниями. Вновь гордые корабли отплывали к неведомым землям, неся с собой зерна новых цивилизаций, которым было суждено превзойти прежние. Стремление к новым мирам должно было разрушить все путы, все яды, которыми была удушена и отравлена половина столетия. Барьеры были разбиты, и люди обрели возможность направить свою энергию к звездам, вместо того чтобы убивать друг друга.

От страхов и несчастий Вторых Темных Веков, освободившись — о, только бы навсегда! — от теней Бельзена* и Хиросимы, мир шел к своему самому прекрасному рассвету. Пройдет пять столетий — и наступит новое Возрождение. Заря, которая разгорится над Апеннинами в конце долгой лунной ночи, станет прекраснее века, в котором она сейчас зарождалась.

* Имеется в виду немецкий концлагерь Берген-Бельзен, существовавший с 1940 по 1945 г.

ПЕСКИ МАРСА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Значит, первый раз наверху? — спросил пилот, лениво откинулся в кресле и заложил руки за голову с беспечностью, которая не внушила бодрости пассажиру.

— Да,— сказал Мартин Гибсон, не отрывая глаз от хронометра, отсчитывающего секунды.

— Так я и думал. Вы никогда это правильно не описывали. И почему люди пишут такую чушь! Вредит делу.

— Простите,— ответил Гибсон.— Мне кажется, вы говорите о моих ранних рассказах. Тогда еще не было космических полетов. Мне приходилось выдумывать.

— Может быть, может быть,— проворчал пилот. (На приборы он и не смотрел, а до пуска оставалось две минуты.) — Наверное, занятно лететь самому, когда вы столько раз об этом писали?

Гибсон подумал, что вряд ли он сам выбрал бы именно это слово, но точку зрения пилота он понимал. Десятки его героев — и положительных, и отрицательных — зачарованно смотрели на безупречную секундную стрелку, ожидая, пока ракета рванется в бесконечность; а теперь (как всегда бывает, если ждешь достаточно долго) реальность нагнала вымысел. Всего через девяносто секунд это ждет его самого. Ничего не скажешь, занятно. Так сказать, справедливо с литературной точки зрения.

Пилот взглянул на него, понял и приветливо улыбнулся.

— Смотрите не испугайтесь собственных рассказов.

— Я не боюсь,— с излишней пылкостью заверил Гибсон.

© Перевод Н. Трауберг.

— Хм...— хмыкнул пилот и снизошел до взгляда на часы. Секундная стрелка должна была сделать еще один круг.— Только я бы на вашем месте не хватался так за сиденье. Можете погнуть.

Гибсон покорно откинулся в кресле.

— Конечно,— сказал пилот (он все еще был спокоен, но Гибсон заметил, что теперь он не отрывает взгляда от приборов),— это было бы не так уж приятно, если бы продолжалось подольше... А вот и горючее пошло. Вы не волнуйтесь, при вертикальном старте бывают занятные вещи. Пускай кресло мотается, как ему угодно. Закройте глаза, если так вам лучше. Потерпите. Я говорю: по-тер-пи-те.

Но Мартин Гибсон не внял совету. Он потерял сознание, хотя ускорение еще не превысило ускорения в скоростном лифте.

Он очнулся, и ему стало стыдно. Солнце било в лицо, и он понял, что защитная пластина на панцире соскользнула в сторону. Свет был яркий, но не такой невыносимый, как он ожидал,— только часть лучей просачивалась сквозь темное стекло.

Он взглянул на пилота; тот склонился над пультом и что-то деловито записывал в бортовой журнал. Было очень тихо, только время от времени где-то фыркало, и Гибсону это не понравилось. Он вежливо кашлянул, извещая, что пришел в чувство, и спросил пилота, что это значит.

— Термический эффект в двигателях,— коротко ответил пилот.— Температура там подскочила тысяч на пять градусов, а теперь они быстро охлаждаются. Вам лучше?

— Мне совсем хорошо,— ответил Гибсон. Он действительно так думал.— Можно встать?

— Вам виднее,— недоверчиво сказал пилот.— Только поосторожней. Держитесь за что-нибудь прочное.

Гибсону и правда стало очень хорошо, весело. Наступила минута, которой он ждал всю жизнь. Он в космосе! Конечно, жаль, что он пропустил пуск, но в статьях об этом можно умолчать.

За тысячу километров Земля была еще большая, но както разочаровывала. Вскоре он понял почему. Он видел слишком много космических фотографий и фильмов и знал, чего ждать. Облака, как им и полагалось, медленно двигались вокруг земного шара. В центре суша и вода различались очень четко, и бесчисленные подробности были прекрасно видны, а по краям диска все терялось в плотной дымке. Даже прямо под ним многое было непонятно и потому бессмысленно. Конечно, метеоролог очень обрадовался бы, увидев отсюда, сверху, естественную карту погоды; но почти все метеорологи и так сидели на космических станциях, и под ними открывался вид не хуже этого. Скоро Гибсон устал искать города и другие плоды человеческой деятельности. Противно было думать, что за столько тысячелетий человеческая цивилизация не сумела существенно изменить то, что он видел сейчас.

Он посмотрел на звезды и снова разочаровался. Их было много, очень много, но все они казались бледными, тусклыми призраками той сверкающей россыпи, которую он думал узреть. Он знал, что виновато темное стекло — защищая от солнца, оно похитило красоту звезд.

Гибсон даже рассердился. Только в одном отношении надежды его оправдались — приятно было знать, что ты сможешь парить, стоит тебе оттолкнуться пальцем от стен; хотя места для смелых экспериментов явно не хватало. Теперь, когда изобрели специальные таблетки и космическая болезнь отошла в прошлое, невесомость стала прекрасной, как в сказке. Он был этому рад. Как страдали его герои! Он вспомнил первый полет Робина Блейка в полном варианте «Марсианской пыли». Эту книгу он писал под сильным влиянием Лоуренса. (Интересно бы как-нибудь составить список авторов, под чьим влиянием он не находился.)

Без сомнения, никто лучше Лоуренса не описывал физиологических процессов. И вот Гибсон совершенно сознательно решил сразиться с ним его же оружием. Он посвятил целую главу космической болезни, описал все ее симптомы: сперва тебя подташнивает, но тошноту еще можно подавить усилием воли; потом тошнит нестерпимо; потом выворачивает наизнанку; и наконец, наступает спасительное изнеможение. Эта глава была истинным шедевром сурового реализма. К сожалению, осторожные издатели заста-

вили ее изъять. Он так много над ней работал; когда он писал, он действительно пережил все эти ощущения. Даже теперь...

— Удивительно,— задумчиво сказал врач.— Он прекрасно прошел медицинские испытания, и, несомненно, ему на Земле сделали все прививки. Должно быть, нервное...

— А мне какое дело? — мрачно сказал пилот, следуя за процессией в недра космической станции.— Кто мне вымоет кабину, вот что я хочу знать!

По-видимому, на этот крик души не хотелось отвечать никому, а меньше всех Мартину Гибсону, который смутно различал белые стены, маячившие по сторонам. Вес медленно увеличивался, ласковое тепло разливалось по рукам и ногам. Наконец Гибсон понял, где он. Он был в больничной палате, и мягкое тепло инфракрасных ламп прогревало его насквозь.

— Ну как? — спросил врач.

Гибсон слабо улыбнулся:

— Простите, пожалуйста. Это повторится?

— Я не могу понять, как это вообще случилось. Наши таблетки еще не подводили.

— Полагаю, я сам виноват,— сказал Гибсон.— Понимаете, у меня очень сильное воображение, а я стал думать о симптомах космической болезни — конечно, совершенно отвлеченно — и не заметил, как...

— Прекратите! — резко приказал доктор.— Не то придется вернуть вас на Землю. Забудьте о таких штуках, если собираетесь на Марс. Иначе месяца через три от вас ничего не останется.

Измученный Гибсон вздрогнул. Но ему явно становилось лучше, и ужасы последнего часа уходили в прошлое.

— Все будет хорошо,— сказал он.— Только выпустите меня из этой духовки, пока я не испекся.

Не совсем уверенно он встал на ноги. Было очень странно здесь, в космосе, чувствовать свой вес. Он вспомнил, что Станция-1 вертится вокруг своей оси, жилые отсеки построены на внешних стенах и центробежная сила создает иллюзию невесомости.

Он подумал, что его Великое Приключение началось не совсем удачно. Но возвращаться нельзя. Дело не только в уважении к себе — если он вернется, это пошатнет его литературную репутацию. Он вздрогнул, представив себе заголовки: «Гибсон вернулся!», «Автор книг о космосе — жертва космической болезни!» Даже в литературных еженедельниках его продернут, а в «Тайм»... нет, и подумать страшно!

— Хорошо,— сказал врач,— что до старта космолета еще двенадцать часов. Я вас отправлю в камеру невесомости и посмотрю, как вы там справитесь.

Гибсон не мог не признать, что это дельная мысль. Раньше он считал себя здоровяком, и до сих пор ему не приходило в голову, что путешествие может оказаться не только неприятным, но и опасным. Легко смеяться над космической болезнью, когда вы сами ее не испытали!

Внутренняя станция — Космическая станция-1, как ее обычно называли,— находилась в двух с лишним тысячах километров от Земли и делала вокруг нее виток за два часа. Это была первая ступенька на пути к звездам. Хотя технически она уже не была нужна, она сильно удешевляла космические полеты. Все рейсы на Луну и на планеты начинались отсюда. Атомные космолеты забирали тут земной груз. Ракеты на химическом горючем связывали станцию с Землей — закон запрещал атомным космолетам подходить к Земле ближе чем на тысячу километров. Многие считали, что и этого мало: радиоактивный выброс мог покрыть это расстояние меньше чем за минуту.

Станция с годами росла, и первые ее проектировщики не узнали бы ее теперь. Вокруг сферического ядра лепились обсерватории, лаборатории и мудреные приборы, в которых могли разобраться только специалисты. Но несмотря на все пристройки, основная задача искусственной луны была все та же: здесь заправлялись космолеты — хрупкие творения рук человека, бросающего вызов одиночеству Солнечной системы.

— Вы вполне уверены, что вам хорошо? — спросил врач, пока Гибсон пытался стоять как следует.

— Да, кажется,— осторожно ответил тот.

— Тогда идемте в гостиную, там вам дадут выпить. Хорошего горячего чаю,— прибавил он во избежание недоразумений.— Посидите, почитаете газеты полчасика, а мы решим, что с вами делать.

Гибсон был шокирован. Святотатство за святотатством! До Земли две тысячи километров, кругом — звезды, а он пьет сладенький чай (подумать только — чай!) в комнате, похожей на приемную дантиста. Окон не было — вероятно, для того, чтобы зрелище быстро вращающихся небес не помешало действию лекарств. Оставалось рыться в грудах старых журналов, а это было нелегко, потому что журналы оказались сверхлегкие, напечатанные на папиросной бумаге. К счастью, он нашел номер «Кормчего» со своим рассказом, таким старым, что он сам забыл конец, и потому неплохо провел время, дожидаясь врача.

— Пульс в норме,— ворчливо сказал врач.— Сейчас пойдем в камеру невесомости. Следуйте за мной и ничему не удивляйтесь.

С этими загадочными словами он вывел Гибсона в широкий, ярко освещенный коридор, который, по-видимому, и спереди и сзади уходил вверх. Гибсон не успел разобраться, в чем тут дело,— врач отодвинул боковую дверцу, и перед ними возникли металлические ступеньки. Гибсон машинально прошел несколько шагов, но посмотрел вперед, остановился и вскрикнул от удивления.

Там, где он стоял, лестница поднималась под обычным углом в сорок пять градусов. Потом она становилась круче и метрах в десяти шла вертикально. Но несмотря на это, угол возрастал — как тут не испугаться! — пока лестница не загибалась назад и не уходила в неизвестность где-то наверху и сзади.

Услышав его крик, врач оглянулся и ободряюще хихикнул.

— Не всегда надо верить глазам,— сказал он.— Идите. Это нетрудно.

Гибсон неохотно двинулся вперед, и сразу же два ощущения поразили его. Во-первых, он становился все легче. Во-вторых, хотя лестница шла круче и круче сзади за ним,

она лежала все под тем же углом в сорок пять градусов. Впереди, над ним, лестница чуть уходила в сторону, и, хотя она искривлялась, наклон ее не менялся. Вскоре Гибсон понял, в чем дело. Ощущение весомости давала центробежная сила — ведь станция вращалась вокруг своей оси,— а по мере приближения к центру тяготение уменьшалось до нуля. Сама лестница обвивала ось особой спиралью — когда-то он знал ее научное название,— так что, несмотря на радиальное тяготение, наклон под ним оставался все тот же. К таким вещам работники космических станций быстро привыкают. Наверное, когда они возвращаются на Землю, им неприятно смотреть на обычную лестницу.

В конце лестницы слова «вниз» и «вверх» потеряли свой реальный смысл. Гибсон вошел в продолговатую цилиндрическую комнату, где не было ничего, кроме крест-накрест натянутых веревок; в дальнем ее конце сквозь иллюминатор врывался солнечный свет. Вскоре Гибсон увидел, что свет этот, как луч прожектора, обходит всю комнату, то исчезая, то появляясь в иллюминаторах. В первый раз чувства сообщили ему о том, что станция действительно вращается, и он прикинул время вращения, заметив, через сколько секунд вернулось солнце на свое место. «День» маленького искусственного мирка укладывался меньше чем в десять секунд; но этого было достаточно, чтобы создать ощущение нормальной весомости у внешних стен.

Продвигаясь за врачом по веревкам, Гибсон чувствовал себя пауком в лабиринте паутины. Наконец он достиг наблюдательного поста и понял, что они в конце какой-то трубы, параллельной оси станции и выступающей вперед. Отсюда вид на звезды не закрывали ни пристройки, ни приборы.

— Я вас оставлю ненадолго,— сказал врач.— Здесь есть на что посмотреть, и плохо вам не станет. А если станет, вспомните, что внизу этой лестницы нормальное тяготение.

«Да,— подумал Гибсон,— и возвращение на Землю». Но он твердо решил пройти испытание и получить медицинскую справку.

Понять, что вращается станция, а не Солнце и звезды, было совершенно невозможно. Приходилось просто верить.

Звезды неслись так быстро, что удавалось ясно различить только самые яркие, а Солнце, когда Гибсон разрешил себе взглянуть на него, золотой кометой пронеслось мимо. Сейчас нетрудно было понять, почему люди так и не хотели верить, что вертится Земля, а не прочный свод небес.

Земля огромным полумесяцем закрывала полнеба. По мере того как станция неслась по своей орбите, она медленно росла; минут через сорок она должна была стать полной, а еще через час — когда станция войдет в конус ее тени — исчезнуть, закрыть Солнце черным щитом. Земля пройдет все фазы — до полноземлия и обратно — за два часа. Ощущение времени смещалось, как только он думал об этом. Привычные сутки, месяцы и времена года не значили здесь ничего.

Примерно в километре от станции, ничем с ней не связанные, параллельно двигались три космолета: стреловидная ракета, на которой он прибыл с такими мучениями час назад; грузовик примерно в тысячу тонн, собирающийся на Луну; и, наконец, «Арес», свежеокрашенный, сверкающий, великолепный.

Гибсон так и не примирился с отказом от обтекаемых, узких космолетов, о которых мечтали в первой половине двадцатого столетия. Мир принял эти гантели, он — нет. Конечно, он знал все их достоинства. Обтекаемость не нужна ракете, которая не входит в соприкосновение с воздухом. Во избежание облучений двигатель должен находиться как можно дальше от команды; и вот два шара, соединенные длинной трубкой, оказались самым простым решением задачи.

«И самым уродливым»,— подумал Гибсон. Но вряд ли это важно, если «Арес» всю свою жизнь проведет в космосе, где только звезды увидят его. По-видимому, он был уже заправлен и дожидался точно вычисленной секунды; когда оживут его двигатели, он рванется с орбиты и по длинной гиперболе понесется к Марсу.

В тот же миг он, Гибсон, будет уже на борту. Начнется наконец его Приключение; а ведь он никогда по-настоящему не верил, что это будет.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Рубка «Ареса» вмещала не больше трех человек, но, когда космолет выходил на орбиту и можно было стоять на стенах и потолке, здесь вполне умещались шестеро. Все они, кроме одного, бывали в космосе и знали свои обязанности. Однако первый рейс нового космолета — всегда важное событие. К тому же «Арес» был первым в мире пассажирским космолетом. Он был рассчитан на сто пятьдесят пассажиров и тридцать человек команды. Сейчас пропорция была обратная — команда из шести человек ждала единственного пассажира.

— Я все-таки не совсем понимаю,— сказал Оуэн Бредли, помощник капитана по электронике,— что нам полагается делать с этим типом? Вообще кому это взбрело в голову?

— Мне,— сказал капитан Норден, проводя рукой по тому месту, где еще несколько дней назад красовались густые светлые волосы. (На космолетах редко бывают парикмахеры, и, хотя любителей поработать ножницами немало, всякий старается отсрочить тягостную минуту.) — Вы все, конечно, знаете мистера Гибсона?

Все ответили утвердительно, но не все с должным почтением.

— Ерунду пишет,— сказал доктор Скотт.— Теперь, во всяком случае. «Марсианская пыль» была ничего себе, но устарела, устарела.

— Ты уж скажешь! — накинулся на него астрогатор Маккей.— Последние книжки — самые лучшие. Посерьезней и без ужасов.

Никто не ждал такого пыла от кроткого маленького шотландца. Но раньше чем кто-либо успел возразить, слово взял капитан Норден.

— Вот что,— сказал он,— тут не литературная дискуссия. Мистер Гибсон — знаменитый писатель, почетный гость, и мы его пригласили, чтоб он про нас написал. Дело не в рекламе — («Как можно!» — насмешливо вставил Бредли),— но, конечно, корпорация не желает, чтобы будущие пасса-

жиры были... э-э... разочарованы. В конце концов, это действительно исторический рейс. Он заслуживает хорошей книги. Так что попытайтесь вести себя как следует. Ваша будущая слава, быть может, зависит от этих трех месяцев.

— Смахивает на шантаж,— сказал Бредли.

— Это уж как хочешь,— покладисто откликнулся Норден.— Конечно, я объясню Гибсону, что полный сервис будет у нас позже. Думаю, он поймет и не будет требовать завтрака в постель.

— А посуду мыть он будет? — практично спросил кто-то.

Раньше чем Норден справился с этой этической проблемой, на пульте зажужжало и послышался голос:

— Космическая станция-один вызывает «Арес». Ваш пассажир прибывает на борт.

— Мы готовы,— сказал Норден и повернулся к команде: — Увидит, бедняга, наши бритые макушки и подумает, что угодил в тюрьму. Пойди встреть его, Джимми.

Мартин Гибсон еще не совсем пришел в себя. В ракете, доставившей его на «Арес», невесомость не мучила его. Но то, что он увидел в рубке капитана Нордена, ему не понравилось. Даже в условиях невесомости приятнее притворяться, что где-то низ, а где-то верх. К несчастью, здесь думали иначе — двое членов команды висели наподобие сталактитов, а двое под странными углами торчали в воздухе; только капитан удовлетворял требованиям Гибсона. В довершение беды бритые головы придавали всем зловещий вид.

Воцарилось молчание. Команда рассматривала Гибсона. Все узнали его сразу — читатели привыкли к его лицу за два последних десятилетия. Сейчас ему шел пятый десяток. Он был невысокий, круглолицый, с резкими чертами лица; а когда он заговорил, оказалось, что у него глубокий, низкий голос.

— Это,— сказал капитан Норден, тыча рукой в потолок,— наш инженер, зовут его Хилтон. Это доктор Маккей, астрогатор — нет, не врач: доктор физики. А вот настоящий доктор, Скотт. Бредли, мой помощник по электронике. А Джимми Спенсер, который вас встретил,— наш сверхштатный. Думает стать капитаном, когда подрастет.

Гибсон не без удивления оглядел немногочисленную группу. Их было так мало — пятеро мужчин и юноша, почти мальчик. Вероятно, на его лице отразились эти мысли — капитан засмеялся:

— Немного нас, а? Не забывайте, что космолет почти полностью автоматизирован. Да и вообще в космосе никогда ничего не случается.

Гибсон внимательно оглядел тех, с кем ему предстояло жить бок о бок три месяца. Он не верил первому впечатлению, но всегда старался его запомнить; сейчас, увидев их впервые, он удивился — в них не было ничего особенного, если, конечно, не обращать внимания на позы и временное отсутствие волос. А ведь все они занимались делом, романтичнее которого не было на свете с тех пор, как последние ковбои сменили скакунов на вертолеты.

По сигналу, которого Гибсон не понял, члены команды один за другим выскользнули с волшебной легкостью в открытую дверь. Капитан Норден сел в кресло и предложил Гибсону сигарету; тот не сразу решился ее взять.

— Вы позволяете курить? — спросил он.— А как же кислород?

— Они бы взбунтовались,— рассмеялся Норден,— если б я не давал им курить три месяца. А кислорода на это уходит немного.

Гибсон подумал, что капитан Норден никак не укладывается в привычные литературные рамки. По лучшим — во всяком случае, по существующих традициям капитан космолета — суровый старый волк, который полжизни провел в космосе и может с закрытыми глазами провести корабль через всю Солнечную систему. Когда он отдает приказ, команда вскакивает по стойке «смирно» (что нелегко в условиях невесомости), отдает честь и пулей несется выполнять задание. Но капитану «Ареса» не было сорока, и похож он был на преуспевающего чиновника. Дисциплины же Гибсон до сих пор не заметил. Позднее он обнаружил, что дисциплина на «Аресе» есть, только каждый сам отдает себе приказ.

— Значит, в космосе вы не были? — сказал Норден, пристально глядя на своего пассажира.— Что ж, вам удалось

написать немало на основании... э-э... минимальных личных впечатлений.

Гибсон постарался беспечно рассмеяться.

— Да,— сказал он,— обычно считают, что писатели должны испытать все сами. В молодости я много читал о космических полетах и, как мог, старался передать местный колорит. Не забывайте, что последние пять лет я об этом почти не пишу. Странно, что мое имя связывают именно с космосом.

Норден не вполне поверил в его скромность — Гибсон не мог не знать, что именно книги о космосе создали ему славу.

— Время у нас земное, по Гринвичу,— продолжал капитан.— Ночью мы не работаем, вахты не несем — приборы действуют сами, пока мы спим. Отчасти поэтому тут так мало народу. Пока что места хватает, у каждого отдельная каюта. У вас — пассажирская. Надеюсь, она вам понравится. Сколько вам разрешили взять багажа?

— Сто килограммов.

— Сто килограммов?

Норден с трудом сдержался. Как всякий астронавт, он питал отвращение к лишнему грузу и не сомневался, что Гибсон взял уйму хлама. Ну что ж, это согласовано с компанией, и, если груз не выше нормы, не ему сетовать.

— Я скажу Джимми, чтоб он отвел вас в вашу каюту,— сказал Норден.— Он у нас вроде мальчика на побегушках. Многие так начинают — нанимаются в лунный рейс на время каникул. Джимми — парень смышленый. Он уже закончил колледж.

Гибсон не удивился, что тут такой образованный мальчик на побегушках. Он пошел за Джимми, которого явно смущало его присутствие, в пассажирский отсек.

Каюта была крохотная, но хитроумное освещение и зеркальные стены делали ее больше, а койка на «день» превращалась в стол. Почти ничто не напоминало о невесомости, и путешественник сразу почувствовал себя как дома.

Следующий час Гибсон раскладывал пожитки и экспериментировал с кнопками. Особенно ему понравилось зер-

кальце для бритья, которое превращалось в иллюминатор. Он никак не мог понять, как это делается. Разложив почти все, он лег на койку и пристегнулся ремнями. Невесомость от этого не исчезла, но все же стало спокойнее.

Тут, в маленькой комнатке, которая должна была стать его вселенной на ближайшие сто дней, он мог забыть разочарование и неприятности, которые омрачили его отъезд с Земли. Теперь беспокоиться было не о чем. В первый раз за долгое время он полностью препоручил свое будущее другим. Приглашения, лекции, договоры — все осталось на Земле.

Робкий стук разбудил его. Сперва Гибсон не понял, где он, потом все вспомнил и расстегнул ремни. Он еще плохо координировал движения и, пробираясь к двери, отскочил, как мяч, от стены, которую условились считать потолком. В дверях, переводя дух, стоял Джимми Спенсер.

— Капитан шлет привет, сэр, и спрашивает, не хотите ли вы поглядеть на старт.

— Конечно, хочу,— сказал Гибсон,— Подождите, сейчас возьму камеру.

С наблюдательной галереи, которая опоясывала «Арес», Гибсон впервые увидел звезды, не затемненные ни атмосферой, ни темным стеклом,— здесь, на ночной стороне корабля, солнечные фильтры были отодвинуты. В отличие от станции «Арес» не вращался: система гироскопов удерживала его в одном положении, и звезды на его небе висели неподвижно. Увидев то, что он так часто и так тщетно пытался описать, Гибсон почувствовал, как трудно ему анализировать свои впечатления; а он ненавидел впечатления, которые нельзя пустить в дело. Как ни странно, не яркость и не количество звезд особенно его поразили. Он видел небо не хуже этого со стратолета или с горных вершин; но никогда раньше он не чувствовал с такой остротой, что звезды окружают его, что они рассыпались до самого горизонта, которого он лишился, и даже ниже, под ногами.

Станция-1 сложной сверкающей игрушкой плавала почти рядом, и не было способа определить расстояние — чув-

ство перспективы исчезло. Удивительно близко послышался голос:

— Сто секунд до старта. Примите нужное положение.

Гибсон машинально напрягся и повернулся к Джимми. Но раньше чем он сформулировал вопрос, его проводник бросил: «Я сейчас!» — и куда-то нырнул. Гибсон остался один.

Следующие полторы минуты тянулись до отвращения долго, только голос мерно отсчитывал время. Голос был незнакомый — наверное, прокручивали запись:

— Двадцать секунд до старта.

— Десять секунд до старта.

— Пять секунд... Четыре... Две... Одна...

Что-то очень мягко подхватило Гибсона, и он заскользил по изогнутой, усеянной иллюминаторами стене. Не верилось, что вернулись низ и верх. Совершенно не ощущалось то безжалостное резкое ускорение, которое сопровождает старт химических ракет,— «Арес» мог разгоняться сколь угодно долго, выходя с нынешней орбиты на гиперболу, которая приведет его к Марсу.

Гибсон быстро приспособился к новой обстановке. Ускорение было маленькое — он весил сейчас килограмма четыре и мог двигаться как хотел. Станция не сдвинулась, и только через минуту он понял, что «Арес» медленно удаляется от нее. Спохватившись, он вспомнил о своей камере, но, пока он решал, какую брать выдержку для шарика, сверкающего на густо-черном фоне, станция очутилась далеко, и ее нельзя было отличить от звезд. Когда она исчезла совсем, Гибсон перебрался на дневную сторону, чтобы снять родную планету. Земля повисла тонким полумесяцем, слишком большим, чтобы уместиться в кадре. Как он и ждал, она медленно прибывала — «Арес» делал еще один виток.

«Вот,— подумал Гибсон,— внизу вся моя жизнь и все мои предки, от первого комочка слизи в первобытном океане. Ни один мореплаватель, покидающий родную землю, не оставлял позади так много. Там — вся земная история. Скоро я смогу закрыть ее мизинцем».

Так думал Гибсон на галерее, когда через час с небольшим «Арес» достиг расчетной скорости и освободился от

земного притяжения. Нельзя было определить, когда же наступил и миновал этот миг,— Земля по-прежнему занимала все небо, а двигатели все так же рокотали вдали. Только через десять часов их можно было выключить на все время полета.

Когда эти часы прошли, Гибсон спал. Внезапная тишина и полная потеря весомости разбудили его; он сонно оглядел темную каюту и увидел точечный узор в раме иллюминатора. Как и следовало ожидать, звезды были совершенно неподвижны. Не верилось, что «Арес» мчится от земной орбиты с такой скоростью, что даже Солнце не может его удержать.

Не совсем проснувшись, Гибсон потуже затянул ремни. Он знал, что в ближайшие сто дней не почувствует собственного веса.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Тот же звездный узор заполнял иллюминатор, когда гулкие, как колокол, радиосигналы пробудили Гибсона от крепкого, без сновидений сна. Он торопливо оделся и поспешил вниз, на галерею — ему не терпелось узнать, где теперь Земля.

Конечно, жителю Земли странно видеть на небе два полумесяца. Но они были тут вместе, оба в первой четверти, один вдвое больше другого. Гибсон знал, что увидит и Луну и Землю, и все же не сразу понял, что его родная планета меньше и дальше, чем Луна.

К сожалению, «Арес» проходил не слишком близко от Луны, но и так она была здесь раз в десять больше, чем у нас, на земном небе. Вдоль линии, отделяющей день от ночи, ясно проступали кратеры; еще не освещенная часть диска смутно серела в отраженном Землею свете; а на ней — Гибсон резко подался вперед, не веря своим глазам,— да, на этой холодной поверхности светлячками мерцали точки, которых раньше не было. Огни первых лунных городов сообщали людям, что после миллионов лет ожидания жизнь пришла и на Луну.

Вежливый кашель прервал его размышления. Потом кто-то невидимый сказал совсем просто:

— Не зайдет ли мистер Гибсон в кают-компанию? Кофе еще не остыл, и пшеничные хлопья не все съели.

Такого с ним не бывало. Он совершенно забыл о завтраке.

Когда с виноватым видом он вошел в кают-компанию, команда горячо спорила о сравнительных достоинствах различных типов космолета. Говорил доктор Скотт (позже Гибсон обнаружил, что так бывало всегда) — по-видимому, человек возбудимый, легко теряющий самообладание. Его главным противником был суховатый, скептический Бредли, которому явно нравилось его поддразнивать. Иногда в бой вступал Маккей; маленький математик говорил быстро, четко, чуть педантично, и Гибсон подумал, что его настоящее место не здесь, а в профессорской.

Капитан Норден поддерживал то одну, то другую сторону, не давая никому из спорщиков взять перевес. Юный Спенсер уже работал, а Хилтон сидел тихо и смотрел на остальных с явным интересом. Его лицо было как будто знакомо Гибсону. Где он мог его видеть? Ах, господи, как же он забыл! Ведь это тот самый Хилтон! Гибсон оторвался от еды, повернулся в кресле и уставился на человека, который привел «Арктур» на Марс после величайшего подвига в истории астронавтики. Только шесть человек побывали на Сатурне, и только трое из них живы. Хилтон стоял когда-то на далеких лунах, чьи имена звучат как заклинания: Титан, Энцелад, Тефия, Рея, Диона; он видел блеск колец, слишком симметричных и совершенных, чтобы быть естественными. Он — в прямом смысле этих слов — побывал на краю света и вернулся в уютное тепло внутренних планет. «Да,— подумал Гибсон,— хотел бы я с ним потолковать...»

Спорщики выплыли на свои посты, а Гибсон мысленно еще вращался вокруг Сатурна, когда капитан Норден придвинулся ближе и прервал его мечтания:

— Не знаю ваших планов, но, думаю, вам интересно осмотреть наш космолет. В конце концов, именно с этого начинают в ваших книгах.

Гибсон машинально улыбнулся. Он боялся, что еще не скоро перестанут поминать его прошлое.

— Да-да. Так легче всего объяснить читателю устройство космолета и передать местный колорит. К счастью, теперь уже не требуют описания космолета. А вот в шестидесятых, когда я начал писать про астронавтику, приходилось откладывать завязку на тысячу слов и описывать, как налажена связь в космосе, как работает атомный двигатель и так далее.

— Значит,— с обезоруживающей улыбкой сказал Норден,— мне мало придется объяснять вам.

Гибсон чуть не покраснел.

— Я буду вам благодарен, если вы мне все покажете,— сказал он.

— Ладно,— ухмыльнулся Норден.— Начнем с рулевой рубки. Ну, полетели.

Следующие два часа они летали по лабиринтам коридоров, которые, подобно артериям, пронизывали шарообразное тело «Ареса». Космолет был разделен широтами, как глобус. На севере находились рабочие помещения и каюты астронавтов. На экваторе — большая кают-компания, занимающая весь поперечник шара, и — поясом — наблюдательная галерея. Южное полушарие занимали запасы горючего и приборы. Теперь, когда «Арес» выключил двигатели, северное полушарие было обращено к Солнцу, а необитаемый юг остался в тени. На южном полюсе была надежно запечатанная дверца с табличкой: «Открывать только по приказу капитана». За дверцей тянулась стометровая труба, соединяющая основной шар со вторым, поменьше. Сперва Гибсон не понял, для чего тут дверь, если ни один человек никогда в нее не войдет; но вспомнил, что существуют и роботы Комиссии по атомной энергии.

Как ни странно, удивительнее всего оказались не технические чудеса — Гибсон ожидал их встретить,— а пустые пассажирские каюты, плотно пригнанные ячейки, занимавшие весь умеренный пояс северного полушария. Они ему не понравились. Дом, куда никто еще не входил, бывает порой тоскливее покинутых развалин, где хоть когда-то была жизнь. Здесь, в гулких коридорах, освещенных проникав-

шим сквозь стены холодным и голубоватым солнечным светом, охватывало безнадежное ощущение пустоты.

Гибсон вернулся к себе совершенно измотанный и умственно и физически. Норден — вероятно, не без умысла — оказался даже слишком добросовестным гидом. Да, хотел бы Гибсон знать, что думают эти люди о его творчестве! Конечно, рано или поздно придется работать; но пока его машинка была еще в багаже, и он ее не видел. Ему представилось было, что на ней ярлык: «В космосе не требуется». Но он мужественно преодолел искушение. Как большинству писателей, живущих не только литературным трудом, ему было труднее всего сесть за работу. Но стоило ему начать — и все шло как по маслу... иногда.

Его отпуск продолжался целую неделю. К концу седьмого дня Земля была всего лишь самой сверкающей из звезд, а потом и совсем исчезла в ослепительном блеске Солнца. Теперь нелегко было поверить, что где-то, кроме маленькой вселенной «Ареса», есть жизнь. И команда состояла уже не из Нордена, Хилтона, Маккея, Бредли и Скотта, а из Джона, Фреда, Энгюса, Оуэна и Боба.

Он узнавал их все лучше, хотя Хилтон и Бредли относились к нему настороженно и он не мог их раскусить. У каждого был свой нрав, и чуть ли не каждый считал себя умнее прочих. Гибсон догадывался, что не один из них получил высшую оценку по шкале интеллектуальных испытаний, и нередко смущался, вспоминая команды своих книжных космолетов. Грэхем, любимый его герой, отличался упорством (он выдержал полминуты без скафандра в безвоздушном пространстве) и выпивал по бутылке виски в день. Но доктор Энгюс Маккей, член Международного астрономического общества, сидел в уголке и читал комментированное издание «Кентерберийских рассказов», потягивая молоко из тубы.

Как многие писатели пятидесятых — шестидесятых годов, Гибсон в свое время положился на аналогию между кораблями космическими и кораблями морскими — во всяком случае, между их командами. Сходство было, конечно, но различий оказалось много больше. Это можно было предвидеть,

но популярные писатели середины века пошли по линии наименьшего сопротивления и попытались приспособить не к месту традиции Мелвилла. На самом же деле в космосе требовался технический уровень повыше, чем в авиации. Такой вот Норден, прежде чем получить космолет, провел пять лет в училище, три — в космосе и снова два в училище.

Гибсон спокойно играл в дротики с доктором Скоттом, когда первое возбуждение полета внезапно охватило его. Немного есть комнатных игр, в которые можно играть в космосе; долго играли в карты и шахматы, пока какой-то англичанин не догадался, что в условиях невесомости лучше всего метать дротики. Дистанцию между игроком и мишенью увеличивали до десяти метров. В остальном игра подчинялась правилам, установленным в английских кабаках несколько веков назад. Гибсон очень радовался, что играет так ловко. Он почти все время побеждал Скотта, хотя тот выработал свою, усовершенствованную и мудреную технику: тщательно устанавливал дротик в воздухе, отступал на два шага и только потом посылал в цель. Сейчас Скотт уверенно целился в двадцатку, как вдруг в кают-компанию вплыл Бредли с радиограммой в руке.

— Как ни странно,— сказал он,— за нами погоня.

Все уставились на него. Маккей первый пришел в себя.

— Конкретней,— сказал он.

— За нами гонится курьер, черт его дери! С Внешней станции пустили. Догонит через четыре дня. Они хотят, чтоб я его перехватил радиолучом, когда он будет проходить мимо. Но на таком расстоянии вряд ли удастся. Боюсь, он пройдет за сто тысяч километров.

— Чего это они? Кто-нибудь забыл зубную щетку?

— Да нет, что-то медицинское. Посмотри, доктор.

Доктор Скотт внимательно прочитал радиограмму.

— Занятно. Они думают, что открыли средство от марсианской лихорадки. Какая-то сыворотка. Из Пастеровского института. Наверное, они в ней уверены, если такую спешку развели.

— Ради бога, что за курьер? Какая еще лихорадка? — не выдержал наконец Гибсон.

Доктор Скотт ответил раньше всех:

— Это не марсианская болезнь. По-видимому, мы сами заносим туда какой-то микроб, а ему нравится тамошний климат. Вроде малярии — люди умирают редко, но убытки огромные. За год процент человеко-часов...

— Спасибо большое. Вспомнил. А курьер?

В разговор вступил Хилтон:

— Скоростная автоматическая ракета. Управляется по радио. Она перебрасывает грузы между станциями или гонится за космолетами, если они что-нибудь оставили. Когда она попадает в сферу действия передатчика, луч притягивает ее к космолету. Эй, Боб! — обратился он к врачу.— Почему они не запустили ее прямо на Марс? Она бы долетела гораздо раньше нас.

— Пассажиры на ней капризные. Я должен высеять культуры и нянчиться тут с ними. Помнится, что-то в этом роде я делал у себя в больнице.

— А может,— неожиданно сострил Маккей,— вылезем, нарисуем на обшивке красный крест?

Гибсон о чем-то думал.

— Мне казалось,— сказал он наконец,— что на Марсе очень здоровая жизнь, и физически и духовно.

— Не верьте книгам,— сказал Бредли.— Я вообще не понимаю, почему все так рвутся на Марс. Там все плоско, там холодно, и еще эти несчастные голодные растения, прямо из Эдгара По. Всаживаем миллионы, а не получили пока ни гроша. Каждого, кто туда едет по собственной воле, надо освидетельствовать. Конечно, я не вас имел в виду.

Гибсон улыбнулся. Он научился принимать цинизм Бредли только на десять процентов; однако он никогда не был уверен, действительно ли в шутку тот задевает его. Но капитан Норден яростно взглянул на своего помощника:

— Я должен был вас предупредить, Мартин, что мистеру Бредли не нравится Марс. Но такого же невысокого мнения он и о Земле, и о Венере. Так что не огорчайтесь.

— Я и не огорчаюсь,— улыбнулся Гибсон.— Я только хотел бы знать...

— Что? — забеспокоился Норден.

— О мистере Бредли он тоже невысокого мнения?

— Как ни странно, да,— ответил Норден.— Во всяком случае, тут он не ошибается.

— Тронут,— немного растерянно проворчал Бредли.— Удалюсь в уединенную башню и сочиню подходящий ответ. А ты, Мак, установи координаты курьера и сообщи мне, когда он подойдет поближе.

— Ладно,— рассеянно сказал Маккей, не отрываясь от Чосера.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Следующие несколько дней Гибсон был занят своими делами и не принимал участия в небогатой событиями общественной жизни «Ареса». Совесть заела его, как всегда, когда он отдыхал больше недели, и сейчас он усердно работал.

Он вытащил машинку, и она заняла почетное место в его каюте. Листы валялись повсюду — Гибсон не отличался аккуратностью,— и приходилось прикреплять их ремнями. Особенно много возни было с копиркой — ее затягивало в вентилятор. Но Гибсон уже обжился в каюте и лихо справлялся со всеми мелочами. Он сам удивлялся, как быстро невесомость становится бытом.

Оказалось, что очень трудно передать на бумаге впечатления от космоса. Нельзя написать «космос очень большой» и на этом успокоиться. Он не лгал в прямом смысле слова; однако те, кто читал его потрясающее описание Земли, катящейся в бездну позади ракеты, не заметили, что писатель в то время пребывал в блаженном небытии, которое сменилось отнюдь не блаженным бытием.

Он написал две-три статьи, которые могли хоть на время утешить его литературного агента (она посылала радиограммы одна другой строже), и отправился на север, к радиорубке. Бредли принял странички без энтузиазма.

— Каждый день будете носить? — мрачно спросил он.

— Надеюсь. Но боюсь, что нет. Зависит от вдохновения.

— Здесь, наверху второй страницы, много причастий.

— Прекрасно. Очень их люблю.

— На третьей странице вы написали «центробежный» вместо «центростремительный».

— Мне платят за слово, так что очень благородно с моей стороны употреблять такие длинные, а?

— На странице четвертой две фразы подряд начинаются с «но».

— Вы будете передавать или мне попробовать самому?

Бредли ухмыльнулся:

— Хотел бы я посмотреть! А серьезно — советую вам употреблять черную ленту. Синяя не контрастна. Пока что передатчик с этим справится, но, когда отойдем дальше, буквы будут нечеткие.

Пока они препирались, Бредли заправлял страничку за страничкой в окно передатчика. Гибсон зачарованно смотрел, как они исчезали в утробе аппарата и через пять секунд падали в корзинку. Нелегко было представить, что твои слова мчатся в космосе, каждые три секунды удаляясь на миллион километров.

Он еще собирал свои листки, когда на пультах, в гуще циферблатов и тумблеров, покрывавших всю стену рубки, зажужжал зуммер. Бредли кинулся к одному из своих приемников и стал очень быстро делать что-то непонятное. Из громкоговорителя вырывался яростный визг.

— Курьер нас догнал,— сказал Бредли.— Только он далеко. На глазок, пройдет в ста тысячах километров.

— Что можно сделать?

— Очень немного. Я включил маяк. Если курьер поймает наши сигналы, он автоматически подтянется к нам.

— А если не поймает?

— Тогда уйдет из Солнечной системы. Скорости у него достаточно, чтоб ускользнуть от Солнца. У нас тоже.

— Очень рад. А сколько нам времени для этого нужно?

— Для чего?

— Чтоб уйти из системы.

— Года два, наверное. Спросите Маккея. Я не могу ответить на все вопросы. Я не персонаж из вашей книги.

— Еще не поздно,— мрачно сказал Гибсон и выплыл из рубки.

Приближение курьера внесло в жизнь «Ареса» необходимое разнообразие. Веселая беспечность первых дней прошла, и путешествие уже становилось на редкость монотонным. Заключать пари по поводу курьера предложил доктор Скотт, но банк держал капитан Норден. По вычислениям Маккея, ракета должна была пролететь примерно в ста двадцати пяти тысячах километров с возможной ошибкой в плюс-минус тридцать тысяч. Большинство называло близкие цифры, но некоторые пессимисты, не веря Маккею, дошли до четверти миллиона. Ставили не на деньги, а на более полезные вещи: на сигареты, конфеты и прочую роскошь. В рейс разрешали брать немного, и все это ценилось куда больше, чем клочки бумаги со знаками. Маккей даже внес в банк бутылку шотландского виски. Он говорил, что не пьет, а везет ее на Марс земляку, который никак не может слетать в Шотландию. Никто ему не верил — и зря: примерно так оно и было.

— Джимми!

— Да, капитан!

— Кислородные индикаторы проверил?

— Так точно, капитан! Все в порядке.

— А как запоминающее устройство, которое ученые нам подсунули? Работает?

— Урчит, сэр. Как и раньше.

— Ладно. В кухне прибрал? У Хилтона молоко сбежало.

— Прибрал, сэр.

— Значит, все сделал?

— Кажется, все, но я хотел...

— Прекрасно. У меня для тебя интересное дело. Мистер Гибсон желает припомнить астронавтику. Конечно, каждый из нас мог бы ему все рассказать. Но... э-э... ты закончил позже остальных и не забыл еще, что трудно для начинающего, а мы слишком многое принимаем как должное. Я уверен, что ты справишься.

Джимми мрачно выплыл из рубки.

— Войдите,— сказал Гибсон, не отрывая глаз от машинки.

Дверь открылась, и в комнату вплыл Джимми Спенсер.

— Вот, мистер Гибсон. Я думаю, в этой книге вы все найдете. Это «Введение в астронавтику» Ричардсона.— Он положил томик перед Гибсоном.

Тот с интересом принялся листать тонкие странички; но интерес тут же испарился: количество слов на страницу быстро уменьшалось. Книгу он отложил, дойдя до страницы, где было написано только: «Подставим расстояние из уравнения 15.3 и получим...» Дальше шли цифры и знаки.

— А попроще у вас нету? — спросил он, не желая огорчать Джимми.

Он немного удивился, когда Спенсера приставили к нему, но у него хватило ума понять причину. Всякий раз, когда попадалась работа, которую никто не хотел делать, ее сваливали на Джимми.

— Что вы, она очень простая! Вы бы посмотрели книги Маккея. Каждое уравнение на две страницы.

— Ну что ж, спасибо. Я вам скажу, если чего не пойму. Лет двадцать не нюхал математики, а раньше очень ее любил... Если книжка вам понадобится, скажите.

— Это не к спеху, мистер Гибсон. Я теперь ею почти не пользуюсь.

— Да, хочу вас спросить. Многие еще боятся метеоров, и меня просили дать последние сведения в этой области. Очень они опасны?

Джимми подумал.

— Я, конечно, могу вам сказать приблизительно. Но лучше спросить Маккея. У него точные таблицы.

— Ладно, спрошу.

Гибсон мог позвонить Маккею, но грешно было упустить случай полениться. Маленький астрогатор играл, как на рояле, на большой электронно-счетной машине.

— Метеоры? — сказал Маккей.— Что ж, интересная тема. Боюсь, много про них выдумывают. Еще недавно считали, что космолет превратится в решето, как только выйдет за пределы атмосферы.

— Многие и сейчас считают,— сказал Гибсон.— Во всяком случае, не все уверены в безопасности большого пассажирского путешествия.

Маккей недовольно хмыкнул:

— Молния гораздо опаснее. Самый большой метеор меньше горошины.

— В конце концов, попортили же они космолет.

— Вы имеете в виду «Королеву звезд»? Ну знаете, один несчастный случай за пять лет — это еще ничего! Ни один космолет не погиб из-за них.

— А «Паллада»?

— Никто не знает, что с ней было. Принято думать, что это метеоры. Надо сказать, эксперты иного мнения.

— Значит, могу сказать читателям, чтоб они не беспокоились?

— Да. Конечно, есть пыль...

— Пыль?

— Ну, если вы подразумеваете под метеорами крупные тела, от двух миллиметров и выше, беспокоиться нечего. А вот с пылью много хлопот, особенно на станциях. Каждые два-три года приходится вылезать наружу и чинить оболочку.

Это не очень понравилось Гибсону, и Маккей поспешил его успокоить.

— Беспокоиться совершенно нечего,— заверил он.— Небольшая утечка всегда есть. Воздушная система легко это выправляет.

Каким бы занятым ни был или ни хотел казаться Гибсон, он всегда находил время побродить по гулким лабиринтам космолета или посмотреть на звезды с галереи. Чаще всего он ходил туда во время концерта. В 15.00 оживали каналы связи, и целый час земная музыка заполняла пустынные переходы «Ареса». Программу выбирали по очереди; и вскоре все легко отгадывали, кто именно заказывал концерт. Норден любил оперу и легкую классическую музыку, Хилтон предпочитал Бетховена или Чайковского. Маккей и Бредли глубоко их презирали и упивались атональными какофониями, которых никто, кроме них, не понимал и по-

нимать не хотел. Фонотека была огромная, библиотека — еще больше, так что читать и слушать можно было всю жизнь без повторений. Четверть миллиона книг и несколько тысяч музыкальных произведений — все в электронной записи — терпеливо ожидали, когда их вызовут к жизни.

Гибсон сидел на галерее и подсчитывал, сколько Плеяд можно различить невооруженным глазом, как вдруг что-то просвистело у него над ухом, с визгом вонзилось в стену и затрепетало, как стрела. Тут он увидел, что вместо наконечника у стрелы большая резиновая присоска, а вместо оперения длинная тонкая нить, уходящая в неизвестность. Он обернулся и обнаружил доктора Скотта, который двигался по этой нити, словно предприимчивый паук.

Гибсон задумался, что бы сказать поехиднее, но, как всегда, доктор начал первым.

— Здорово, а? — сказал он.— Бьет на двадцать метров. А весит полкило. Вернусь на Землю — запатентую.

— А что это? — смиренно спросил Гибсон.

— Господи, неужели не понятно? Представьте, что вы хотите перебраться с одного места на другое. Выстрелите этой штукой в любую точку плоской поверхности и лезьте по веревке. Якорь — высший сорт!

— А разве мы сейчас плохо передвигаемся?

— Когда пробудете с мое в космосе,— мрачно сказал Скотт,— поймете, что плохо. У нас тут хоть есть за что держаться. А представьте себе, что вы должны пройти через пустую комнату. Вы знаете, на что обычно жалуются космические врачи? На вывихи. Можно даже застрять в воздухе. Я, например, застрял на Третьей станции, в большом ангаре. Ближайшая стена была в пятнадцати метрах, и я не мог до нее добраться.

— А вы не могли плюнуть? — важно сказал Гибсон.— Я думал, так обычно выходят из затруднения.

— Попробуйте. И вообще, это негигиенично. Знаете, что мне пришлось сделать? Я был, как всегда, в одних шортах. И вот высчитал, что они составляют примерно одну сотую моей массы и, если я их отшвырну со скоростью тридцать метров в секунду, я достигну стены через минуту.

— Так вы и сделали?

— Да. Но как раз в то время директор показывал жене станцию. Надеюсь, теперь вы понимаете, почему мне приходится работать на такой посудине.

— Мне кажется, вы выбрали не свое дело,— ликовал Гибсон.— Вам надо было пойти по моим стопам.

— Насколько я понимаю, вы мне не верите,— огорчился Скотт.

— Не верю — это еще мягко сказано. Ну ладно, давайте посмотрим вашу штуку.

Скотт дал ему «штуку». Она оказалась воздушным пистолетом; к присоске была приделана длинная нейлоновая нить.

— Прямо...

— Если вы скажете: «прямо духовое ружье», мне придется констатировать эпидемию. Уже трое говорили.

— Спасибо за предупреждение,— сказал Гибсон и вернул пистолет гордому изобретателю.— Кстати, как там Оуэн? Установил связь с этим курьером?

— Нет, и вряд ли установит. Мак говорит, он пройдет в ста сорока пяти тысячах. Вот свинство! Другого космолета на Марс не будет несколько месяцев. Потому они так и хотели нас поймать.

— Занятный человек ваш Оуэн, а? — не совсем последовательно сказал Гибсон.

— Он совсем не так плох, как кажется. Не верьте, что он отравил жену. Она сама спилась,— со вкусом сказал Скотт.

Оуэн Бредли, доктор физических наук, член многих научных обществ, пребывал в унынии. Как все на «Аресе», он относился к своему делу серьезно и с жаром, хотя над ним и посмеивались. Последние полсуток он не покидал радиорубки: он ждал, что сигналы курьера изменятся, сообщая о том, что сигнал «Ареса» принят и маленькая ракета меняет курс. Но изменений не было. В сущности, их и не могло быть — небольшой радиомаяк, который притягивал такие ракеты, обладал радиусом действия только в двадцать тысяч километров. Обычно этого хватало, но курьер был дальше.

Бредли соединился с Маккеем:

— Что нового, Мак?

— Особенно близко не подойдет. Сейчас он в ста пятидесяти тысячах километров, движется почти параллельно. Ближе всего будет часа через три — в ста сорока четырех тысячах километров. Я проиграл пари, а все мы, по-видимому, упустили курьера.

— Боюсь, что ты прав,— проворчал Бредли.— Но посмотрим, посмотрим... Я иду в мастерскую.

— Зачем?

— Хочу соорудить одноместную ракету и погнаться за курьером. У Мартина в книге это заняло бы полчаса. Иди помоги мне.

Маккей был ближе к экватору, чем Бредли, и прибыл на южный полюс первым. Там он растерянно ждал, пока не явился Бредли, увешанный кабелем, который он взял со склада, и быстро изложил свой план.

— Надо было раньше додуматься. Но это дело хлопотное, а я, знаешь, всегда надеюсь до последнего. Наш маяк, как на беду, дает сигналы во всех направлениях. Что ему, в сущности, делать, если мы не знали, с какой стороны будет цель? Сейчас я попробую соорудить направленную антенну и запузырить туда всю мощность.

Он набросал незамысловатую антенну и объяснил все Маккею.

— Вот этот диполь — излучатель как таковой. Остальные — направляют и отражают луч. Старомодно, конечно, зато легко смастерить и свое дело сделает. Позови Хилтона, если сам не управишься. Сколько тебе надо времени?

Хотя Маккей был человек книжный, у него были поистине золотые руки. Он взглянул на чертеж и на кипу материалов.

— Примерно час,— сказал он, принимаясь за работу.— Куда ты сейчас идешь?

— Вылезу наружу и распотрошу маяк. Как только управишься, тащи антенну к тамбуру, ладно?

Маккей плохо разбирался в радиотехнике, но достаточно хорошо понял, что задумал Бредли. Сейчас маленький маяк «Ареса» посылал сигналы во все стороны. Бредли ре-

шил направить луч только на курьера, увеличив тем самым его мощность во много раз.

Примерно через час Гибсон наткнулся на Маккея — тот тащил по космолету клубок проводов, разделенных пластиковыми стержнями,— уставился на него и поплыл за ним к тамбуру, где нетерпеливо ждал Бредли в неуклюжем скафандре с откинутым шлемом.

— Какая звезда ближе всего к курьеру? — спросил Бредли.

Маккей быстро прикинул.

— У эклиптики его нет,— проворчал он.— Последние цифровые данные у меня были... минуточку... склонение около пятнадцати градусов к северу, прямое восхождение — около четырнадцати часов. Я думаю, это будет... никак не могу все запомнить... где-нибудь в созвездии Волопаса. Да! Недалеко от Арктура. Не больше чем в десяти градусах. Сейчас посчитаю точно.

— Для начала сойдет. В крайнем случае повожу лучом. Кто сейчас в радиорубке?

— Норден и Фред. Я им звонил, и они дежурят. Я буду держать с тобой связь.

Бредли опустил шлем и исчез в тамбуре. Гибсон с завистью смотрел на него. Он мечтал выйти в скафандре, но, сколько он ни просил Нордена, тот говорил, что это против правил. Скафандр был очень сложный, не ровен час — ошибешься, и придется устраивать похороны в не слишком пригодных для того условиях.

Когда Бредли выскользнул в космос, он не тратил времени на любование звездами. Он медленно двинулся вдоль обшивки и добрался до отодвинутой пластины. В ослепительном солнечном свете сверкала сеть проводов и кабеля; один провод был перерезан. Бредли наскоро, временно, соединил концы, удрученно качая головой: вышло неважно, половина тока пойдет обратно на передатчик. Потом нашел Арктур, направил туда луч, поводил им и включил связь.

— Ну как? — тревожно спросил он.

Из динамика послышался унылый голос Маккея:

— Никак. Соединяю тебя с ребятами.

Норден подтвердил:

— Сигналит еще, но нас не узнал.

Бредли удивился. Он был уверен в успехе: на худой конец, луч маяка должен был удлиниться раз в десять. Еще несколько минут он водил лучом. Сейчас он уже различал маленькую ракету, которая несла драгоценный, необычный груз к пределам Солнечной системы и дальше, в бесконечность.

Он снова соединился с Маккеем.

— Слушай, Мак,— быстро сказал он.— Проверь его координаты, потом иди сюда, постреляй сам. А я пойду поковыряюсь в передатчике.

Маккей сменил его, и Бредли поспешил в рубку. Гибсон и вся команда мрачно топтались у контрольного аппарата, откуда вырывался до отчаяния бесстрастный свист.

Куда делись вялые, почти кошачьи движения Бредли? Он выключал цепи одну за другой и присоединял их к распределительной доске. За несколько минут он присоединил провода к самой середине передатчика.

— Ты разбираешься в этих курьерах? — спросил он Хилтона.— Сколько времени ему нужно получать наш сигнал, чтобы свернуть к нам?

— Это зависит от его относительной скорости и от многого другого. Так что минут десять, не меньше.

— А потом неважно, работает маяк или нет?

— Да. Как только он повернет к нам, маяк не нужен. Конечно, надо послать сигналы, когда он будет рядом, но это нетрудно.

— А сколько времени он будет сюда идти, если я поймаю его?

— Дня два, а может, и меньше. Что ты там крутишь?

— Усилители этого передатчика рассчитаны на семьсот пятьдесят вольт. Я подключаю к нему питание на тысячу вольт — вот и все. Это ненадолго, зато сердито,— мы удвоим или даже утроим мощность.

Он вызвал Маккея, который, не зная, что передатчик выключали, прилежно целился в Арктур, словно космический Вильгельм Телль.

— Эй, Мак, как ты там?

— Я совершенно окостенел,— с достоинством ответил Маккей.— Сколько ты еще...

— Сейчас начинаем. Пошло.

Бредли повернул выключатель. Гибсон ждал, что полетят искры, и был разочарован. Ничего не изменилось; но Бредли знал лучше и, глядя на шкалу, кусал губы.

Радиоволнам понадобилось полсекунды, чтоб донести сигнал до крохотной ракеты. Но прошло полсекунды и еще полсекунды — достаточно времени для ответа,— однако звук был все тот же. Вдруг посвистывание прекратилось. Все притихли. В ста пятидесяти тысячах километров от них робот разбирался в новой информации. Наверное, он минут пять собирался с мыслями; и вот что-то запищало снова, но теперь иначе: «бип-бип-бип».

Бредли сдерживал энтузиазм команды.

— Рано, рано,— говорил он.— Помните: он должен получать сигнал десять минут подряд, чтобы изменить курс.— И тревожно посмотрел на свои приборы, прикидывая, сколько времени вытянет нагрузка.

Они продержались семь минут, но у Бредли были наготове запасные, и он подключил их секунд за двадцать. Эти, новые, еще работали, когда звук изменился снова, и со вздохом облегчения Бредли выключил маяк.

— Иди сюда! — позвал он Маккея.— Все.

— Слава богу. Я чуть не получил солнечный удар. И руки-ноги затекли, пока я тут натягивал свой купидонов лук.

— Когда кончите радоваться,— сказал Гибсон, который наблюдал с интересом, но не все понимал,— может, вы изложите мне в нескольких отточенных фразах, как вы проделали этот фокус?

— Сконцентрировали луч и перегрузили передатчик.

— Да, я знаю. А почему вы его выключили?

— Контрольные приборы сработали,— начал Бредли тоном философа, беседующего с отсталым ребенком.— Первый сигнал сообщил нам, что он принял нашу волну, и мы поняли, что он автоматически поворачивается к нам. Это заняло несколько минут. А когда он закончил, он выключил двигатели и послал второй сигнал. Он еще на прежнем расстоянии, конечно, но повернут к нам и подойдет дня через

два. Тогда я опять включу маяк. Подтянем его на километр или даже меньше.

Сзади раздался вежливый кашель.

— Простите, сэр, но я хочу вам напомнить...— начал Джимми.

Норден засмеялся:

— Ладно, заплачу. Вот ключи. Шкаф двадцать шесть. А на что тебе бутылка виски?

— Я думал продать ее доктору Маккею.

— Мне кажется,— сказал Скотт, строго глядя на Джимми,— такое дело надо отпраздновать...

Но Джимми уже не слышал — он выплыл за выигрышем.

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Час назад у нас был один пассажир,— сказал доктор Скотт, внося на руках, как ребенка, длинный металлический ящик,— а теперь — несколько миллиардов.

— Как по-вашему, не повредило им путешествие? — спросил Гибсон.

— Кажется, термостаты работали хорошо, все должно быть в порядке. Я уже приготовил культуру, сейчас их пересажу, пускай отдыхают до Марса.

Гибсон отправился на ближайший наблюдательный пост. У самой воздушной камеры висело длинное тело курьера, и мягкие кабели расходились от него, как щупальца глубоководного чудища. Когда радиолуч притянул ракету на несколько километров, Хилтон и Бредли взяли кабель, вылезли наружу и заарканили ее. Затем лебедки подтянули ракету вплотную.

— А что с ней теперь будет? — спросил Гибсон капитана.

— Вытащим приборы, а каркас оставим в космосе. Не стоит тратить горючее, чтобы тащить его на Марс. Так что у нас будет маленькая луна — до тех пор, пока не начнем разгоняться.

— Как собака у Жюля Верна.

— Где это? «Из пушки на Луну»? Не читал. Пробовал, правда, но не смог. Что может быть нуднее вчерашней научной фантастики? А у Жюля Верна — позавчерашняя.

Гибсон счел нужным заступиться за свою профессию.

— По-вашему, у научной фантастики нет литературной ценности?

— Вот именно! Иногда, поначалу, она приносит пользу. Но для следующего поколения она непременно становится старомодной. Вспомните, что стало с романами о космических полетах.

— Говорите, говорите, не бойтесь меня обидеть. Если боялись, конечно.

Норден говорил со знанием дела, и это не удивляло Гибсона. Если бы кто-нибудь из его спутников оказался специалистом по лесонасаждениям, санскриту или биметаллизму, он тоже бы не удивился. А кроме того, он и раньше знал, что научная фантастика пользуется большой, хотя и несколько иронической популярностью у профессиональных астронавтов.

— Так вот,— сказал Норден,— посмотрим, как было раньше. До шестидесятого, а может, и до семидесятого года еще писали о первом полете на Луну. Сейчас это читать нельзя. Когда на Луну слетали, несколько лет еще можно было писать о Марсе и Венере. Теперь и это невозможно читать, разве что для смеха. Наверное, дальние планеты еще попитают поколение-другое, но романы о межпланетных путешествиях, которыми зачитывались наши деды, кончились на исходе семидесятых годов.

— Но ведь книги о космических полетах популярны и сейчас?

— Да, но не фантастика. Теперь ценят чистые факты — вроде тех, что вы сейчас посылаете на Землю, или чистую выдумку. Эти истории из жизни далеких галактик практически то же самое, что волшебные сказки.

Норден говорил очень серьезно, только глаза его хитро поблескивали.

— Я с вами не согласен,— сказал Гибсон.— Во-первых, масса народу еще читает Уэллса, хотя он устарел на сто лет.

А во-вторых, перейдем от великого к смешному — мои первые книги тоже читают. Например, «Марсианскую пыль».

— Книги Уэллса — литература, а не фантастика. Кстати, какие его романы читают больше всего? Самые простые, вроде «Кипса» или «Мистера Полли». А фантастические читают совсем не из-за пророчеств. Их читают, несмотря на безнадежно устаревшие пророчества. Кроме «Машины времени», конечно. Она — о таком далеком будущем, что из моды выйти не может... Да и написана лучше всего.

Он замолчал. Гибсон ждал, перейдет ли он ко второму пункту. Наконец Норден спросил:

— Когда вы написали «Марсианскую пыль»?

Гибсон быстро подсчитал в уме.

— В семьдесят третьем или семьдесят четвертом.

— Я не знал, что так рано. Вот вам и объяснение. Космические полеты должны были вот-вот начаться, все это знали. У вас уже было имя, и «Марсианская пыль» попала в самую жилу.

— Вы объяснили, почему ее читали тогда, но я не об этом говорю. Ее и сейчас читают. Насколько мне известно, марсианская колония заказала много экземпляров, хотя там описан Марс, который существовал только в моем воображении.

— Ну, значит, у вас ловкий издатель. Кроме того, вы сумели удержаться на виду до сих пор. И наконец, это действительно здорово написано, лучше всего у вас. Понимаете, как сказал бы Мак, вам удалось схватить дух времени, дух семидесятых годов.

Гибсон хмыкнул, помолчал, потом рассмеялся.

— Можно и мне посмеяться? — спросил Норден.— В чем дело?

— Интересно, что бы подумал Уэллс, если б он услышал, как обсуждают его книги на полпути от Земли к Марсу.

— Не преувеличивайте,— сказал Норден.— Мы пролетели только треть.

Далеко за полночь Гибсон внезапно проснулся. Что-то разбудило его — какой-то звук, похожий на далекий взрыв, далеко в недрах корабля. Он приподнялся в темноте, натя-

нул эластичные ремни, прикреплявшие его к койке. Отблески звездного света шли из иллюминатора — его каюта была на ночной стороне космолета. Он прислушался затаив дыхание, пытаясь услышать самый тихий звук.

По ночам на «Аресе» было много звуков, и Гибсон знал их все. Корабль жил, а тишина означала бы смерть. Бесконечно обнадеживало посапывание кислородных насосов, управляющих искусственным ветром крохотной планеты; а на этом слабом, но непрерывном фоне то урчали скрытые двигатели, выполняя какую-то тайную работу, то тикали электрические часы, то попискивала вода в водопроводных устройствах. Ни один из этих звуков не разбудил бы его, он привык к ним, как к собственному дыханию.

Еще не совсем проснувшись, Гибсон пододвинулся к двери и прислушался к звукам в коридоре. Он подумал, не позвать ли Нордена, и решил не звать. Может быть, ему приснилось, а может быть, просто вступил в действие еще один прибор.

Он снова лежал в постели, когда ему пришла новая мысль. В сущности, почему он решил, что звук раздался далеко?.. А, ладно, он устал, и вообще это неважно.

Гибсон трогательно и слепо верил в приборы. Если бы что-нибудь разладилось, автоматическая сирена немедленно подняла бы всех на ноги. Ее проверяли множество раз, она была способна разбудить мертвых. Значит, можно спокойно заснуть, положившись на ее неусыпное бдение.

Он был совершенно прав, но никогда не узнал об этом. А утром он все забыл.

— Кстати, Мартин,— сказал Норден,— помните, вы меня просили выпустить вас в скафандре?

— Да. А вы сказали, что это против правил.

В первый раз за все время Норден смутился:

— Да, разумеется, против правил, но сейчас не обычный рейс, и вы, строго говоря, не пассажир. Я думаю, это можно устроить.

Гибсон ликовал. Ему так и не пришло в голову спросить Нордена, почему тот изменил свое мнение.

— Слушай, Джонни,— сказал Хилтон (он один звал Нордена по имени, все остальные величали его капитаном),— теперь уже ясно, в чем дело с давлением воздуха. Утечка не прекращается. Дней через десять начнется аварийное положение.

— А, черт! Что-то надо делать. Я думал, дотянем до Марса.

Норден расстроился. Крупные космолеты метеоритная пыль пробивала два раза в год. Обычно ждали, пока наберется несколько крошечных пробоин, но эта была покрупнее.

— Сколько времени тебе нужно, чтоб ее найти?

— В том-то и дело,— сердито сказал Хилтон.— У нас один-единственный детектор, а поверхность космолета — пятьдесят тысяч квадратных метров. Дня два, думаю. Была бы она побольше, автоматы бы сработали и сами бы ее нашли.

— Хорошо, что не сработали,— хмыкнул Норден.— Пришлось бы ему объяснять.

Джимми Спенсер, который всегда делал то, что не хотелось делать никому, обошел корабль раз двенадцать и нашел дырку через три дня. Увидеть ее было нелегко, но сверхчувствительный детектор заметил, что вакуум около этой части обшивки не так пуст, как ему положено. Джимми пометил место мелом и с облегчением вернулся внутрь.

— Джимми,— спросил Норден,— а мистер Гибсон знает, что ты там делал?

— Нет,— сказал Джимми.

— Так-так. А как ты думаешь, ему никто не мог сказать?

— Не знаю. По-моему, если бы ему сказали, он бы это как-нибудь проявил.

— Так вот, слушай внимательно. Эта чертова дырка — прямо над его койкой. Скажешь хоть слово — шкуру сдеру! Ясно?

— Ясно,— сказал Джимми и улетел поскорее.

— Ну как? — покорно спросил Хилтон.

— Мы должны вытащить Мартина под каким-нибудь предлогом и поскорее залатать дырку.

— Странно, что он не услышал. Наверное, грохот был порядочный.

— Может, вышел куда-нибудь. Другое странно — как он не заметил сквозняка!

— Значит, не так уж сильно дуло. В конце концов, чего мы бьемся? Развели тут мелодраму. Почему бы не пойти и не сказать ему?

— Ах, почему? А разве хоть один из его читателей поймет, что это действительно не опасно? Так и вижу заголовки: «"Арес" пробит метеорами».

— Ну, можно ему рассказать и попросить, чтоб он держал язык за зубами.

— Это нечестно. Ему, бедняге, и так не хватает материала.

Гибсон забыл, что здесь, на «Аресе», у скафандров нет ног, что в них надо просто сесть. Да и зачем ноги, если эти скафандры предназначались для космического пространства, а не для лишенных атмосферы планет? В сущности, это были просто цилиндры с двумя членистыми отростками по бокам, усеянные таинственными бугорками, предназначенными для включения радиосвязи, регулировки тепла, снабжения кислородом и управления небольшим ракетным двигателем. Скафандры оказались просторные: можно было вытянуть руку из рукава, чтобы нажать на внутренние кнопки и даже без особых усилий поесть внутри.

Бредли провел не меньше часа в воздушной камере, проверяя еще и еще раз, понял ли Гибсон назначение всех кнопок. Наконец наружный люк отодвинулся: Бредли выплыл, а за ним и Гибсон вместе с последними струями воздуха двинулся к звездам. Замедленность движений и полная тишина поразили его. С ужасающей неизбежностью «Арес» отступал назад. Мартин погружался в космос — в настоящий космос наконец,— и единственной его страховкой была тонкая разматывающаяся леска. Он никогда не испытывал ничего подобного, но все-таки ему показалось, что это уже было когда-то. Вероятно, его мозг работал с поразительной быстротой — он вспомнил почти сразу. В детстве, чтоб на-

учить его плавать, его бросили в воду. Сейчас он снова очертя голову бросился в неизвестную стихию.

Он оглянулся. «Арес» был уже в нескольких сотнях метров, и расстояние быстро росло.

— Сколько у нас этой нитки? — испуганно спросил он.

Ответа не было, и он пережил жуткую секунду, пока не вспомнил, что надо нажать на кнопку микрофона.

— Километр примерно,— сказал Бредли, когда он повторил вопрос.

— А если она порвется? — спросил Гибсон скорее всерьез, чем в шутку.

— Не порвется. И вообще мы прекрасно можем вернуться при помощи наших ракеток.

— А если они откажут?

— Нечего сказать, веселенький разговор. Они откажут, если испортятся три устройства сразу. Не забудьте о запасном двигателе, а кроме того, на скафандре есть указатель. Он вас предупредит, если останется мало горючего.

— Нет, вы представьте! — настаивал Гибсон.

— Ну что ж, тогда придется просигналить и ждать, пока вас выудят. Не думаю, что они будут торопиться. Вряд ли человек, попавший в такую кашу, вызовет у них теплое чувство.

Что-то дернуло — нитка размоталась до конца.

— Далеко мы ушли от дома,— спокойно сказал Бредли.

Гибсон несколько секунд не мог определить, где же «Арес». Они находились по ночную сторону космолета, и он был полностью в тени. Оба шара стали тонкими полумесяцами, их легко можно было принять за Землю или Луну. Чувство контакта совершенно исчезло — космолет казался хрупким и маленьким, он перестал быть святыней. Наконец-то Гибсон остался один на один со звездами.

Он был благодарен Бредли, что тот молчит и не мешает ему думать. Звезды так сверкали, их было так много, что поначалу Гибсон не мог найти самые знакомые созвездия. Затем он узнал Марс, самый яркий на небе после Солнца, и сразу проступили очертания эклиптики. Очень осторожно при помощи ракетки он повернул скафандр головой к

Полярной звезде. Теперь он снова принял «нормальное положение», и звезды встали на свои места.

Он искал альфу Центавра среди незнакомых созвездий Южного полушария, как вдруг увидел предмет, ни на что на свете не похожий. Далеко-далеко среди звезд плыл белый четырехугольник. Так, во всяком случае, увидел Гибсон; но тут же понял, что чувство перспективы изменило ему и что-то совсем маленькое плывет в нескольких метрах от него. Даже тогда он не сразу узнал листок бумаги, медленно поворачивающийся в космосе. Что могло быть обычнее и необычнее этого? Он нажал кнопку и заговорил с Бредли. Тот ничуть не удивился.

— А что тут такого? — с некоторым нетерпением сказал он.— Мы выбрасываем мусор каждый день. Пока нет ускорения, он тут и болтается.

«Как просто!» — подумал Гибсон. Он был немного раздосадован — что может быть противнее исчезнувшей тайны? Наверное, это его черновик. Если бы подплыть поближе, занятно было бы его поймать, схватить и посмотреть, как подействовал на него космос. К сожалению, до бумажки было не дотянуться — разве что оборвать нить, связывавшую его с «Аресом».

Он, Гибсон, будет давно в могиле, а эта бумажка по-прежнему будет болтаться среди звезд. Но он никогда не узнает, что на ней написано.

Норден встретил их в воздушной камере. Вид у него был довольный, но Гибсон не мог подмечать такие мелочи. Гибсон еще плавал среди звезд. Он пришел в себя только тогда, когда мягко застучала пишущая машинка и первые фразы появились на бумаге.

— Успели? — спросил Бредли, когда Гибсон уже не мог его слышать.

— Да,— сказал Норден.— Мы выключили вентиляторы и нашли дырку старым добрым способом — при помощи свечки. Заклепали, закрасили, и все. А снаружи починим в доках — если стóит, конечно. Молодец Мак, здорово сработал! Он просто губит свой талант, пропадает в астрогаторах.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Для Мартина Гибсона путешествие шло приятно и довольно спокойно. Как всегда, ему удалось устроиться удобно (не только среди вещей, но и среди людей). Он немало писал, иногда — совсем хорошо, всегда — прилично; но знал, что не сможет работать в полную силу, пока не прибудет на Марс.

Начинались последние недели рейса, и напряжение уменьшилось. Все знали, что ничего не случится до самого выхода на орбиту. Последним важным событием для Гибсона было исчезновение Земли. День за днем она подходила все ближе к широкой жемчужной короне Солнца. Однажды вечером Гибсон смотрел на нее в телескоп и думал, что увидит ее утром, но за ночь корона выбросила протуберанец на миллион километров, и Земля исчезла. Она могла появиться не раньше чем через неделю; а за эту неделю мир для Гибсона изменился так сильно, как он и подумать не мог...

Если бы кто-нибудь спросил Джимми Спенсера, что он думает о Гибсоне, он ответил бы по-разному в разные периоды рейса. Сначала он побаивался своего знаменитого ученика, но это быстро прошло. К чести Гибсона, его никак нельзя было назвать снобом, и он ни разу не воспользовался своим привилегированным положением на «Аресе». Джимми чувствовал себя с ним даже проще, чем с остальными,— те все же в той или иной степени были его начальством.

Что Гибсон думает о нем, Джимми никак не мог понять. Иногда у него возникало неприятное чувство, будто он просто материал для писателя и раньше или позже потеряет для него ценность. Почти все знакомые Гибсона чувствовали это, и почти все они были правы. Кроме того, Джимми ставили в тупик технические познания Гибсона. Поначалу Джимми казалось, что Гибсону важно одно: как бы не наделать ошибок в своих передачах на Землю, а до астронавтики как таковой ему и дела нет. Но вскоре стало ясно, что это не совсем так. Гибсон трогательно интересовался самыми абстрактными проблемами и требовал математических доказательств, которые Джимми не всегда мог ему дать. По-видимому, Гибсон когда-то получил хорошее техническое образование и еще не все забыл; но он не объяснял, где учился и почему так настойчиво пытается овладеть научными проблемами, слишком сложными для него. К тому же он так явно расстраивался из-за своих неудач, что Джимми очень его жалел — кроме тех случаев, конечно, когда ученик выходил из себя и накидывался на преподавателя. Тогда Джимми забирал книги и занятия не возобновлялись, пока Гибсон не приносил извинений.

Иногда, наоборот, Гибсон принимал неудачи с веселым смирением и менял тему. Он рассказывал о странных литературных джунглях, в которых жил, о мире неведомых, а часто и хищных животных. Рассказывал он хорошо и ловко низвергал авторитеты. Казалось, он делает это без злого умысла; однако его рассказы о современных знаменитостях неприятно поражали тихого Джимми. Труднее всего было понять, что люди, которых Гибсон так безжалостно потрошил, часто самые близкие его друзья.

И вот в одну из таких мирных бесед Гибсон со вздохом закрыл книгу и сказал:

— Вы никогда не говорили о себе, Джимми. Откуда вы?

— Из Кембриджа. То есть я там родился.

— Я хорошо знал Кембридж лет двадцать назад. А почему вы занялись астронавтикой?

— Ну, я всегда любил науку, а сейчас все увлекаются космосом. Если бы я родился лет на пятьдесят раньше, я бы, наверное, стал летчиком.

— Значит, вас интересует только техническая сторона дела, а не переворот в человеческой мысли, открытие новых планет и тому подобное?

— Конечно, это все интересно, но по-настоящему я люблю только технику. Если бы там, на планетах, ничего не было, я бы все равно хотел туда попасть.

— Что ж, станете одним из тех, кто знает все о немногом. Еще один человек потерян.

— Я рад, что вы считаете это потерей,— сказал Джимми.— А почему вы так интересуетесь наукой?

Гибсон рассмеялся, но ответил чуть раздраженно:

— Для меня наука — средство, а не цель.

Джимми был не совсем в этом уверен, но что-то его удержало от ответа, и Гибсон снова стал расспрашивать, так добродушно и с таким интересом, что Джимми был польщен и заговорил свободно. Ему вдруг стало неважно, что Гибсон, по-видимому, изучает его равнодушно, как биолог, наблюдающий за подопытным животным.

Джимми говорил о детстве и юности, и Гибсон понял, почему этот веселый паренек иногда задумывается и грустит. История была обыкновенная, старая как мир. Мать Джимми умерла, когда он был совсем маленьким, и отец отдал его своей замужней сестре. Тетка была добрая, но Джимми никогда не жил дома, он так и остался чужим для своих кузенов. От отца не было проку, он почти не бывал в Англии и умер, когда Джимми исполнилось десять. Как ни странно, Джимми гораздо лучше помнил мать, хотя она умерла намного раньше.

— Не думаю, что мои родители очень друг друга любили,— сказал Джимми.— Тетя Эллен говорила, там был другой парень, но все лопнуло. Мама с горя и ухватилась за отца. Я понимаю, нехорошо так говорить, но дело давнишнее.

— Понимаю,— тихо сказал Гибсон; кажется, он действительно понял.— Расскажите мне еще о своей матери.

— Ее папа — мой дедушка — был там профессором. Кажется, она всегда жила в Кембридже и поступила на исторический. Ну, это вам совсем неинтересно.

— Нет, интересно,— сказал Гибсон, и Джимми продолжал.

Можно было догадаться, что тетя Эллен отличалась болтливостью, а Джимми — хорошей памятью.

Это был один из бесчисленных университетских романов, разве что немного посерьезнее. На последнем семестре мать Джимми влюбилась в какого-то студента, оба потеряли голову, и все шло прекрасно, только она была немножко старше его. Но вдруг что-то случилось. Студент заболел и уехал.

— Мама так и не опомнилась. В нее как раз был влюблен другой студент, вот она за него и выскочила. Конечно, папу жалко, он ведь про того не знал. Что с вами, мистер Гибсон? Устали?

Гибсон с трудом улыбнулся.

— Так, бывает,— сказал он.— Что-то мне нехорошо. Сейчас пройдет.

Хотел бы он, чтоб это было правдой! Все эти недели он думал, что надежно застрахован от ударов. А от судьбы не ушел. Двадцать лет куда-то исчезли, и он встал лицом к лицу со своим прошлым.

— Что-то с Мартином неладно,— произнес Бредли.— Может, по Земле стосковался?

— Да,— кивнул Норден,— что-то с ним случилось. Надо бы доктору сказать.

— По-моему, не стоит,— ответил Бредли.— Вряд ли это можно вылечить таблетками. Оставь его в покое, пускай сам справляется.

— Может, ты и прав,— ворчливо сказал Норден.— Надеюсь, он не будет справляться слишком долго.

Гибсон справлялся почти неделю. Когда он узнал, что Джимми — сын Кэтлин Морган, он был ошеломлен. Теперь он немного пришел в себя, и его мучило другое. Он злился, что такая вещь случилась именно с ним,— это самым гнусным образом нарушало все законы вероятности. Он ни за что бы не допустил ничего подобного в своих книгах. Но жизнь удивительно безвкусна, ничего тут не поделаешь.

Ребяческое раздражение проходило, сменяясь более глубокой досадой. И чувства, которые, как он думал, были похоронены под двадцатью годами лихорадочной деятельности, всплывали на поверхность, словно глубоководные чудища, выброшенные взрывом подводной лодки. На Земле он бы увернулся, снова ринулся в толчею; но здесь он оказался в ловушке, и деваться было некуда.

Бесполезно было притворяться, что ничего не изменилось. Бесполезно было говорить себе: «Я же знал, что у Кэт-

лин и Джеральда есть сын, какая разница!» Разница была большая. Он знал: всякий раз, как он увидит Джимми, он подумает о прошлом и, что еще хуже, подумает о будущем — о том, что могло быть. Теперь важнее всего было взглянуть в лицо фактам и найти выход. Гибсон хорошо знал, что для этого есть только один способ.

Джимми возвращался с южного полушария по наблюдательной галерее и увидел Гибсона, который сидел у иллюминатора и смотрел на звезды. Он подумал было, что Гибсон не заметил его, и решил пройти потише, чтобы ему не помешать. Но Гибсон его окликнул:

— Джимми, у вас есть время?

Тот подошел, присел рядом с ним и вскоре узнал столько правды, сколько Гибсон счел нужным ему сообщить.

— Я хочу вам кое-что сказать, Джимми,— начал Гибсон.— Только не перебивайте меня и ничего не спрашивайте, пока я не закончу.

Когда я был моложе вас, я хотел быть инженером. Я еще не выбрал точно, чем именно я буду заниматься, и решил пять лет изучать общую прикладную физику, тогда это было в новинку. Учился я хорошо. Два курса. А на третьем влюбился. Влюбиться в студенческие годы и хорошо и плохо, все зависит от обстоятельств. Если это действительно серьезно, любовь может стать стимулом, вы будете работать блестяще, захотите всех перегнать. А может случиться иначе — вся наука пойдет к черту! Так было со мной.

«Правду ли говорят,— думал Гибсон,— что человек ничего не забывает?» Он видел совершенно отчетливо листок, прикнопленный к факультетской доске объявлений: «Декан вызывает студента М. Гибсона на 3.00». Конечно, ему пришлось ждать до 3.15, но дело не в этом. Было бы лучше, если б декан окатил его презрением или наорал. В памяти стояли нечеловечески аккуратный кабинет, ровные ряды книг и секретарша в углу, делающая вид, что ничего не слышит (только сейчас ему пришло в голову, что, может быть, она действительно не слушала — для нее это не было так ново, как для него).

Он стыдился признаться самому себе, что больше всего его огорчали блестящие успехи Кэтлин. Когда он узнал ее отметки, он избегал ее несколько дней; а когда они встретились, он видел в ней только причину провала. Был ли он действительно влюблен, если так легко пожертвовал ею ради уважения к себе? Он свалил на нее свои неудачи. Дальше все пошло само собой. Они поссорились на велосипедной прогулке и вернулись разными дорогами. Потом были нераспечатанные, а может, и ненаписанные письма. Он хотел встретиться с ней, чтобы попрощаться в последний свой кембриджский день. Но ей не успели передать, и, хотя он ждал до последней минуты, она не пришла. Поезд, набитый веселыми студентами, отошел от Кембриджа. С тех пор он ее не видел.

Не стоило рассказывать Джимми о темных месяцах пыток. Незачем ему знать, что стоит за фразой: «У меня был нервный срыв, и мне посоветовали бросить университет». Это доктор Ивенс убедил его писать, и результаты удивили их обоих. (Мало кто знал, что его первая книга посвящена психиатру. Что ж, Рахманинов поступил так же с Концертом си-минор.)

Гибсон закончил и сам удивился, как напряженно он ждет ответа. Посочувствует Джимми, рассердится, растеряется? Вдруг ему стало важно завоевать любовь и уважение этого мальчика — важнее всего на свете. Он не видел лица Джимми, тот был в тени; и ему показалось, что ответа нет целую вечность.

— Я должен все обдумать,— сказал Джимми почти без выражения.— Сейчас я не знаю, что сказать.

И ушел. Но многого Гибсон не рассказал Джимми, а многого не знал и сам.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— С ума посходили! — бушевал Норден (в эту минуту он был похож на негодующего викинга).— Господи, там и сесть нельзя как следует. Сейчас соединюсь с Главным и подниму скандал.

— Я бы на твоем месте не соединялся,— протянул Бредли.— Ты что, не заметил? Распоряжение не с Земли, а прямо от Главного. Может, он и любит покомандовать, но без оснований ничего не делает.

— Назови хоть одно!

Бредли пожал плечами.

— Скоро узнаем,— сказал он.

Доктор Скотт сообщил новости Гибсону, когда тот заканчивал статью.

— Слыхали? — кричал он, переводя дух.— Приказано идти на Деймос! Норден рвет и мечет — можем задержаться на целый день.

— Почему?

— Никто не знает. Мы спрашивали, они не говорят.

Гибсон почесал за ухом и быстро перебрал с десяток гипотез. Он знал, что Фобос — внутренний спутник — служит посадочной площадкой со времени первого марсианского рейса. Всего шесть тысяч километров от планеты, притяжение — меньше чем одна тысячная земного, чего же лучше!

До конца рейса оставалось меньше недели. Марс был уже не точкой, а диском, и немало деталей можно было увидеть невооруженным глазом. Гибсон попросил большую карту (по системе Меркатора) и принялся заучивать основные названия, лет сто назад придуманные астрономами, которые вряд ли могли себе представить, что плоды их фантазии станут бытом. Однако как одарены были старые картографы, как удачно черпали они из кладезя мифологии! Стоило прочитать на карте: Девкалион, Элизиум, Аркадия, Атлантида, Утопия, Эос — и билось от волнения сердце. Мартин мог сидеть над картой часами, смакуя эти слова.

За каждой едой они обсуждали, что будут делать, высадившись на Марс. Планы Гибсона укладывались в два слова: увидеть побольше. Он рассчитывал узнать за два месяца целую планету; правда, Бредли заверял его не раз, что для Марса хватит с избытком и двух дней.

Предпосадочные треволнения отвлекли Гибсона от личных проблем. Он встречался с Джимми раз десять на дню — и случайно, и за столом,— но тот не возобновлял разгово-

ра. Сперва он решил было, что Джимми его сторонится, но вскоре понял, что не прав. Джимми просто был очень занят, как и вся команда,— Норден хотел привести космолет в безупречном состоянии.

Странно было снова ощущать свой вес и слышать гул двигателей. «Арес» снизил скорость. Последние искусные изменения курса заняли больше суток. Когда курс был выправлен, Марс уже стал для них в десять раз крупнее, чем Луна для Земли, а движение Фобоса и Деймоса можно было заметить, понаблюдав несколько минут.

Гибсон никогда не думал, что великие марсианские пустыни такие красные. В сущности, слово «красные» не могло передать всего богатства оттенков медленно растущего диска. Одни его части были почти багровые, другие — изжелта-бурые, а чаще всего встречался цвет припорошенного пылью кирпича.

В Южном полушарии была поздняя весна, и полярная шапка уменьшилась до нескольких ослепительно-белых пятен: снег упорно не таял там, где почва повыше. Между полюсом и пустыней тянулась широкая полоса растений, в основном голубовато-зеленая. Вообще же на пестром диске Марса можно было найти любой оттенок.

«Арес» входил на орбиту Деймоса с относительной скоростью меньше чем тысяча километров в час. Маленький спутник рос и рос, пока не стал для них таким же большим, как Марс. Но в отличие от Марса здесь не было ни красных, ни зеленых тонов — только темная мешанина гор или скал, торчащих под самыми разными углами (тяготения на Деймосе почти не было).

Момент посадки невозможно было заметить — только внезапная тишина сообщила Гибсону, что двигатели не работают и рейс окончен. Конечно, до Марса оставалось еще двадцать тысяч километров. Но для «Ареса» рейс окончился — на Марс их переправит маленькая ракета. А с крохотной каютой, служившей ему жильем столько недель, придется очень скоро расстаться.

Он поспешил с галереи в рубку, куда нарочно не заходил все эти хлопотливые часы. Ходить было труднее — даже незначительное тяготение Деймоса мешало ему. С трудом

1982

верилось, что три месяца назад его так мучила невесомость. Теперь она казалась ему нормой. Как быстро, однако, приспосабливается человеческий организм!

Команда сидела у стола; вид у всех был важный и гордый.

— Вы как раз вовремя,— весело сказал Норден.— Мы тут собираемся попировать. Тащите сюда камеру. Щелкните нас, когда мы поднимем тост за нашу посудину.

— Не выпейте все без меня! — сказал Гибсон и отправился за «лейкой».

Когда он вернулся, доктор Скотт ставил весьма интересный опыт.

— Надоело вытряхивать,— говорил он.— Налью по-человечески в стакан. Посмотрим, сколько это займет времени.

— Пока ты будешь лить, пиво выдохнется,— предупредил Маккей.— Сейчас, сейчас... же примерно полсантиметра в квадратную секунду, ты льешь с высоты...— И он погрузился в расчеты.

Тем временем опыт шел полным ходом. Скотт поднял жестянку над стаканом (в первый раз за три месяца слово «над» хоть что-то значило) — и вот неописуемо медленно, словно густой сироп, потекла янтарная жидкость. Казалось, прошли годы, прежде чем тонкая струя коснулась дна.

— ...По моим подсчетам, сто двадцать секунд,— провозгласил Маккей.

— Пересчитай,— откликнулся Скотт.— Пиво уже в стакане. А у тебя выходит — две минуты!

— Что-что? — удивился астрогатор (он только сейчас заметил, что опыт закончен), быстро подсчитал снова — и расплылся от радости: ошибка нашлась.— Вот идиот! Плохо считаю в уме... Двенадцать секунд, конечно.

— И этот человек доставил нас на Марс! — ужаснулся кто-то.

Больше никто не отважился повторить опыт. Пиво вытряхивали, как обычно, жестянку за жестянкой, и за столом становилось все веселее. Доктор Скотт, блеснув памятью, продекламировал от начала до конца эпопею, которую не

часто доводится слышать пассажирам космолетов. Начиналась она словами:

«Шел космолет "Венера"...»

Гибсон следил за похождениями команды как нельзя более удачно названного космолета, пока не устал от духоты и шума. Он решил проветриться и почти автоматически направился на галерею, к своему наблюдательному пункту.

Ему пришлось прикрепиться ремнями — ничтожное притяжение Деймоса мешало ему сидеть. Марс был в третьей четверти и медленно рос. На четырнадцать тысяч километров ближе к нему, на темном фоне неосвещенной части, ослепительно сверкал Фобос. Гибсону хотелось бы узнать, что же творится на маленькой внутренней луне. Ну ничего, ждать недолго! А пока что невредно поупражняться в аэрографии. Вон там...

— Мистер Гибсон!

Он удивленно оглянулся.

— А, Джимми! Вы тоже устали?

Раскрасневшийся Джимми, как и он сам, явно нуждался в воздухе. Не совсем твердо он сел в кресло и уставился на Марс. Потом сокрушенно покачал головой.

— Большой какой-то,— сказал он, ни к кому не обращаясь.

Гибсон с ним не согласился:

— Меньше Земли. И вообще ваше замечание бессмысленно. Большой по сравнению с чем? Какой он должен быть, по-вашему?

Джимми долго думал.

— Не знаю,— печально сказал он.— А все-таки он слишком большой. Тут все слишком большое.

Беседа заходила в тупик. Гибсон решил изменить тему:

— Что вы думаете делать на Марсе?

— Ну, поброжу по Порт-Лоуэллу, выйду наружу, посмотрю пустыни. Хотелось бы немножко поисследовать.

Гибсону это понравилось; но он знал, что для мало-мальски ценного исследования Марса нужны и снаряжение, и опытные спутники. А Джимми вряд ли удастся попасть в научную экспедицию.

— Я вот что придумал,— сказал он.— Кажется, они должны мне показывать все, что я захочу. Попробую организовать поход-другой в неисследованные районы. Пойдете со мной? Может, наткнемся на марсиан.

Эту присяжную шутку повторяли с тех самых пор, как первые космолеты принесли печальную весть об отсутствии марсиан. Однако многие еще надеялись разыскать разумную жизнь в неисследованных районах планеты.

— Да,— сказал Джимми.— Вот было бы здорово! И никто мне не может запретить. На Марсе я делаю что хочу. Так в контракте написано.

Он сказал это воинственно, словно бросил вызов начальству, и Гибсон благоразумно промолчал.

Молчали они несколько минут. Потом очень медленно Джимми поплыл вдоль искривленной стены. Гибсон поймал его и прикрепил ремнями — в сущности, Джимми мог спать и здесь. У Гибсона уже не было сил тащить его в каюту.

«Интересно, правда ли, что наша сущность проявляется только во сне?» — думал Гибсон. Спящий Джимми выглядел на редкость мирно и кротко; а может, его просто красил алый свет Марса? Гибсон все же надеялся, что это не обман зрения. Ведь не случайно Джимми его разыскал. Конечно, сейчас он не отвечает за свои действия и наутро, может быть, все забудет... Нет, решил Гибсон, Джимми захотел — пусть еще не совсем сознательно — дать ему возможность исправиться.

Он, Гибсон,— на испытании.

Когда наутро Гибсон проснулся, у него нестерпимо звенело в ушах. Он побыстрее оделся — звенело так, словно «Арес» разваливался на куски,— и выбежал в коридор. Там он наткнулся на Маккея, и тот на ходу крикнул ему: «Ракета прибыла! Бегите скорее!»

Гибсон растерянно почесал за ухом.

— Что ж мне не сказали? — заворчал он и тут же вспомнил, что его не добудились и винить некого, кроме себя.

Он ринулся в каюту и стал швырять как попало вещи в чемодан. Космолет то и дело дергался, и Гибсон не мог понять, в чем тут дело.

В воздушной камере его ждал озабоченный Норден. Был там и доктор Скотт, тоже готовый к вылету. Он с превеликой осторожностью держал металлический ящик.

— Счастливого пути! — сказал Норден.— Увидимся дня через два, когда мы тут все разгрузим. А, чуть не забыл! Подпишите-ка вот это.

— Что это? — спросил подозрительный Гибсон.— Я ничего не подписываю без моего агента.

— Прочитайте,— ухмыльнулся Норден.— Исторический документ.

На листе превосходной бумаги было начертано:

«Сим удостоверяется, что Мартин Гибсон был первым пассажиром космолета "Арес"».

Внизу, после даты, оставалось место для подписей. Гибсон размашисто подписался.

— Ну, я пошел,— сказал Норден.— Остальные снаружи. Пойдете мимо — попрощаетесь. До Марса!

Гибсон залез в скафандр; на этот раз он чувствовал себя ветераном.

— Надеюсь, вы понимаете,— объяснял Скотт,— что, когда все наладится, пассажиры будут переходить в ракету по трубе.

— Они много потеряют,— откликнулся Гибсон.

Дверь открылась, и они медленно двинулись на Деймос. Теперь Гибсон понял, почему стоял такой звон. Большая часть обшивки южного полушария была отодвинута, и члены команды — все в скафандрах — выгружали и складывали груз. Гибсон понадеялся, что его багаж не толкнут нечаянно в космос и не сделают таким образом третьим, самым маленьким спутником Марса.

Осторожно пробираясь вслед за Скоттом к небольшой ракете, Гибсон прощался по радио со своими спутниками.

— Так-так,— доносился до него голос Бредли.— Всю работу свалили на нас.

— Ничего,— засмеялся Гибсон.— Зато вы самые образованные грузчики в Солнечной системе!

Пилот помог им влезть в ракету. Скафандры они оставили на Деймосе, для своих преемников. Это было нетрудно: выйдя из скафандров, они снова открыли дверцу тамбура,

а остальное сделал вырвавшийся на волю воздух. Потом пилот повел их в кабину, усадил в мягкие кресла и посоветовал расслабить мышцы.

Где-то негромко зарычало, что-то вдавило Гибсона в кресло. Утесы и горы Деймоса понеслись вниз. Гибсон в последний раз увидел «Арес» — серебристые гантели в жутком нагромождении скал.

Только второй рывок освободил их от Деймоса. Сперва они двигались вокруг Марса по свободной орбите. Несколько минут пилот смотрел на приборы и принимал команды с Марса. Потом он снова нажал на что-то, и двигатели загрохотали опять. Ракета вырвалась с орбиты Деймоса и падала на Марс. Все это было межпланетным рейсом в миниатюре. Вместо трех месяцев — три часа, и расстояние куда меньше, а в остальном то же самое.

— Ну вот,— сказал пилот, оставляя пульт и поворачивая к ним сиденье.— Хорошо тряхануло?

— Спасибо, неплохо,— сказал Гибсон.— Сильных ощущений маловато. Слишком плавно.

— Как там Марс? — спросил Скотт.

— Да как всегда. Работы — пропасть, развлечений — мало. Сейчас вот строим новый купол. Триста метров в диаметре — прямо как на Земле. Думаем, как бы в нем устроить облака и дождик.

— А что такое с Фобосом? — полюбопытствовал Гибсон.

— Ерунда какая-нибудь. Никто вроде не знает. Народу там масса — может, лабораторию строят. Я думаю, решили его пустить под исследования.

Гибсон был разочарован — рушились лучшие его гипотезы. Если бы его не так занимала приближающаяся планета, он бы, наверное, отнесся к словам пилота более критически. Но сейчас ответ его вполне устроил, и он перестал думать о Фобосе. Надо было расспросить настоящего жителя Марса о многом другом, чтобы там, на месте, не попадать впросак. Гибсон болезненно этого боялся. И два часа подряд пилот метался между приборами и пассажиром.

До Марса оставалось меньше тысячи километров, когда Гибсон выпустил свою жертву и предался созерцанию пейзажа, расстилавшегося далеко внизу. Никто не заметил, в

какой именно миг Марс превратился из планеты в пейзаж. Пустыни и оазисы скользили под ними. За пятьдесят километров от поверхности они почувствовали, что летят сквозь атмосферу: слабый, как бы далекий посвист просочился в кабину. Потом засвистело так пронзительно, что стало трудно разговаривать.

Им казалось, что это тянется очень долго, хотя на самом деле прошло всего лишь несколько минут. Потом свист медленно затих. Из-за сопротивления воздуха скорость спала; раскалившаяся докрасна тугоплавкая обшивка носа и острых, как нож, крыльев начала быстро охлаждаться. Из межпланетного корабля ракета превратилась в обычный скоростной планер и летела над пустыней со скоростью меньше тысячи километров в час, оставляя позади радиосигнал Порт-Лоуэлла.

Город впервые предстал перед Гибсоном в виде пятнышка, белевшего на темном фоне Залива Зари. Потом пилот развернулся — моторы взвыли — и двинулся к югу, снижаясь и сбавляя скорость. Несколько больших куполов, стоящих впритык друг к другу, мелькнуло впереди. Марс скользил навстречу; ракету несколько раз встряхнуло, и она неспешно покатилась к месту высадки.

Он прибыл на Марс. Он достиг планеты, которая была для древних красным огоньком, блуждающим среди звезд, для людей прошлого века — таинственным, почти недостижимым миром, а для его современников — границей, дальше которой еще не ступал человек.

— Там целая комиссия,— сказал пилот.— Весь транспорт собрался. Не знал, что тут столько машин!

Два маленьких автомобиля на толстых шинах двинулись им навстречу. Кабины были рассчитаны на двоих; но человек по десять облепили каждый, цепляясь за что попало. За ними катили два больших полугусеничных автобуса — тоже битком набитых. Гибсон не ждал такого приема и принялся составлять в уме небольшую речь.

— Наверное, не знаете, как ими пользоваться,— сказал пилот, извлекая две кислородные маски.— Наденьте на минутку, пока дойдете до блохи.— («До чего? — подумал Гибсон.— Ах, правда, это же знаменитые “песчаные блохи”,

марсианские вездеходы».) — Дайте прикреплю. Кислород идет? Так. Ну, пошли. В первый раз, может быть, будет немножко странно.

Воздух со свистом выходил из кабины, пока не сравнялось давление. Руки и шею неприятно пощипывало — атмосфера тут была разреженнее, чем на вершине Эвереста. Понадобились три месяца на космолете и все последние достижения медицины, чтобы он мог выйти на Марс без скафандра, только в маске.

Он был польщен, что столько народу встречает его. Конечно, Марс не часто посещают такие именитые гости, но ведь здесь все так заняты, им не до церемоний...

Доктор Скотт вышел за ним, обнимая свой ящик. Завидев его, толпа, не обращая внимания на Гибсона, кинулась к нему. Сквозь разреженный воздух Гибсон с трудом разбирал, что они кричат.

— Дайте мы понесем!

— Мы все приготовили. В больнице вас ждут десять ящиков. Через неделю узнаем, годится она или нет.

— Сюда, сюда, в автобус! Потом поговорим.

Раньше чем Гибсон опомнился, Скотт исчез вместе со своим грузом. Мотор зарычал, автобус двинулся к городу, а Гибсон остался стоять. Никогда в жизни он не чувствовал себя так глупо. Да, сыворотка куда важнее для Марса, чем писатель, как бы знаменит он ни был на Земле!..

К счастью, не все его покинули. «Блохи» были тут. Из одной «блохи» кто-то вылез и подбежал к нему.

— Мистер Гибсон? Я Уэстермен, из «Таймса» — марсианского, конечно. Очень рад вас видеть. Скажите, пожалуйста...

— Я Хендерсон,— перебил высокий человек с резкими чертами лица.— Сюда, прошу!

Гибсон влез в «блоху», и она двинулась к городу, который был километрах в двух. Только сейчас он заметил, что повсюду ярко-зеленые растения, основная форма жизни на Марсе. Небо было уже не черное, а густо-синее. Солнце стояло высоко, и лучи его неожиданно сильно грели сквозь пластиковый верх кабины.

Гибсон вглядывался в небо — ему хотелось увидеть крохотную луну, на которой еще трудились его спутники. Хендерсон заметил, куда он смотрит, снял руку с руля и показал вверх.

— Вон там,— сказал он.

Гибсон прикрыл глаза рукой и вгляделся в небо. Чуть к западу от Солнца он увидел звездочку, сверкающую на синем, как вольтова дуга. Она была мала даже для Деймоса; но Гибсон догадался не сразу, что шофер неверно понял его взгляд.

Немерцающее светило, столь неожиданное на дневном небе, было Утренней звездой Марса, более известной под именем Земля.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Простите, что заставил ждать,— сказал мэр Уиттэкер.— Сами понимаете, у Главного целый час было совещание. Мне только сейчас удалось передать, что вы здесь. Вот сюда, пожалуйста.

Тут было совсем как в обыкновенном земном учреждении. На дверях висела табличка: «Главный управляющий». Имени не было. Вся Солнечная система знала и так, кто правит Марсом; в сущности, трудно было подумать об этой планете и не вспомнить об Уоррене Хэдфилде.

Когда Главный управляющий встал из-за стола, Гибсон удивился его маленькому росту — вероятно, он судил о Хэдфилде по его делам и забыл, что никакие дела не прибавят и пяди. Зато лицо было такое, как он думал,— тонкое, немного птичье, да и тело — жилистое, гибкое.

В начале беседы Гибсон держался осторожно — он должен был во что бы то ни стало произвести хорошее впечатление. Все для него станет намного легче, если Хэдфилд будет на его стороне. А если они не поладят, ему лучше сейчас же отправляться домой.

— Надеюсь, Уиттэкер о вас позаботился,— сказал Главный, когда кончились обычные приветствия.— Сами види-

те, я никак не мог принять вас раньше. Я только что с инспекции. Как вы устроились?

— Хорошо,— улыбнулся Гибсон.— Боюсь, я разбил стакан-другой. Ничего, привыкаю к весомости.

— Вам нравится наш городок?

— Очень. Не понимаю, как вы успели так много сделать.

Хэдфилд пристально смотрел на него:

— Говорите прямо. Он меньше, чем вы ожидали, а?

Гибсон замялся:

— Ну, меньше, конечно... Но ведь я привык к Лондону и Нью-Йорку. В конце концов, на Земле две тысячи человек — большая деревня.

Главный не удивился и не рассердился.

— Все разочаровываются,— сказал он.— На той неделе он будет побольше, новый купол закончат. Скажите, какие у вас планы? Надеюсь, вы знаете, что я не очень приветствовал ваш визит?

— Да, это я узнал еще на Земле,— ответил Гибсон. Он был немного ошарашен — чем-чем, а отсутствием прямоты Главный не страдал.

— Ну, раз уж вы здесь, сделаем для вас все, что можем. Надеюсь, вы ответите тем же.

— А что я могу? — насторожился Гибсон.

Хэдфилд наклонился над столом и страстно сцепил пальцы.

— Мы воюем, мистер Гибсон! Воюем с Марсом и всеми теми силами, которые он на нас бросил,— с холодом, с недостатком воды, недостатком воздуха. И с Землей мы воюем. На бумаге, конечно, но и тут есть победы и поражения. Я сражаюсь на одном конце линии снабжения в пять миллионов километров длиной. Самое необходимое попадает к нам через пять месяцев, да и то если Земля решит, что иначе нам не обойтись. Вероятно, вы понимаете, над чем я бьюсь? Я хочу, чтобы мы сами могли себя обеспечивать. Вспомните, что для первых экспедиций приходилось привозить все. Ну, сейчас мы самое главное уже делаем сами. Тут каждый — специалист, но на Земле больше профессий, чем у нас людей. С арифметикой не поспоришь. Ви-

дите эти диаграммы? Я их завел пять лет назад. Вот эта красная черта — уровень самообеспечения. Видите, примерно половину мы освоили. Надеюсь, лет через пять очень немного придется завозить с Земли. Сейчас нам больше всего нужны люди. Вот чем вы можете помочь.

Гибсон не проявил особой радости.

— Я ничего не в силах обещать,— сказал он.— Не забывайте, пожалуйста, что здесь я только репортер. Душой я с вами, но я обязан описывать все так, как вижу.

— Ценю. Но факты еще не все. Я надеюсь, вы объясните Земле, что мы надеемся сделать. Мы добьемся успеха только в том случае, если Земля нас поддержит. Не все ваши предшественники это поняли.

«В этом он прав»,— подумал Гибсон. Он вспомнил серию статей в «Дейли телеграф» примерно год тому назад. Факты были переданы точно, но если бы так написали о буднях первых поселенцев Северной Америки, надеяться было бы не на что.

— Мне кажется, я вижу обе стороны вопроса,— сказал Гибсон.— Вы должны понять, что, с земной точки зрения, Марс очень далеко, стоит уйму денег и ничего не дает взамен. Первые космические восторги кончились. Теперь люди спрашивают: «А что нам это даст?» Пока ответ гласит: «Ничтожно мало». Я убежден, что ваше дело очень важное, но здесь ведь нужна не вера, а логика. Средний человек на Земле, вероятно, думает, что миллионы, которые вы здесь тратите, пригодились бы там, дома.

— Надеюсь, умные люди понимают значение научной базы на Марсе.

— Разумеется.

— Но они не понимают, зачем создавать самообеспечивающееся общество, которое может стать и независимой цивилизацией?

— В том-то и дело. Они не верят, что это возможно. А если и верят, не думают, что это стоит труда. В газетах нередко пишут, что Марс — бремя для Земли.

— А вам не кажется, что освоение Марса похоже на колонизацию Америки?

— Не слишком. В конце концов, переселенцы нашли там воздух и пищу.

— Верно. Марс колонизировать труднее. Но у нас и сил намного больше. Дайте нам время и людей — и мы станем не хуже Земли. Даже теперь мало кто хочет уезжать отсюда. Может быть, сейчас Земле Марс не нужен, но раньше или позже он ей понадобится.

— Хотел бы я в это поверить,— сказал Гибсон без особого веселья. Он смотрел на ярко-зеленую растительность, подобравшуюся к почти невидимому куполу, и на просторную равнину, которая слишком стремительно убегала за близкий горизонт, за багровые холмы.— На Марсе интересно, даже красиво, но никогда здесь не будет так, как на Земле.

— А зачем? Вообще, что вы понимаете под «Землей»? Южноамериканскую пампу? Французские виноградники? Коралловые острова, сибирские степи? Всякое место, где поселились люди, для кого-нибудь станет домом. Рано или поздно мы сможем жить и на Марсе без всего этого.— И он показал на купол.

— Вы действительно думаете,— спросил Гибсон,— что люди приспособятся к здешней атмосфере? Тогда это будут не люди!

Главный управляющий ответил не сразу.

— Я не говорил, что люди приспособятся к Марсу. Вы никогда не думали, что Марс пойдет им навстречу? — Он дал Гибсону время вникнуть в свои слова, но раньше, чем тот сформулировал вопрос, Хэдфилд встал.— Ну, я надеюсь, Уиттэкер за вами смотрит и все вам показывает. Сами понимаете, с транспортом трудно, но мы вас всюду повезем, дайте только время. Если что будет не так, сообщайте мне.

Намек был вежливый, но ясный. Самый занятой человек на Марсе подарил Гибсону много времени; что ж, с вопросами придется подождать до следующего раза.

— Ну как Главный? — спросил Уиттэкер.

— Ничего,— осторожно сказал Гибсон.— Очень любит свой Марс.

Уиттэкер замялся.

— Я не уверен, что это точное слово. Марс для него враг, которого нужно победить. Мы все так чувствуем, конечно, но у Главного больше на это прав. Вы слышали о его жене?

— Нет.

— Она одна из первых умерла от марсианской лихорадки.

— Понятно,— медленно сказал Гибсон.— Наверное, поэтому так искали сыворотку?

— Да, это для Главного — больной вопрос. И вообще, лихорадка наносит нам большие убытки. Мы не можем позволить себе болеть.

«Вот,— подумал Гибсон, пересекая Бродвей (шириной в целых пятнадцать метров),— вот он, дух марсианской колонии». Он еще не оправился от разочарования. Порт-Лоуэлл показался ему очень маленьким и удивительно бедным. Ряды одинаковых металлических домов были похожи на казармы, а не на город, хотя местные жители изо всех сил разводили цветы. Из-за слабого притяжения цветы разрастались пышно — подсолнечники, например, были в три человеческих роста. Оксфордская площадь вся заросла ими, они мешали ходить, но ни у кого не хватало духу их уничтожить.

Гибсон задумчиво прошел Бродвей и очутился у Мраморной арки, соединявшей Первый купол со Вторым. Здесь, в стратегически безупречном месте — между воздушными камерами, находился единственный на Марсе бар.

— Здравствуйте, мистер Гибсон! — сказал бармен Джордж.— Как там Главный?

Гибсон подумал, что информация тут поставлена хорошо — ведь он вышел от Хэдфилда минут десять тому назад. Вскоре ему пришлось убедиться, что новости в Порт-Лоуэлле расходятся с молниеносной быстротой и почти всегда проходят через Джорджа.

Бармен был человек занятный. Бар считался относительно, а не абсолютно необходимым для жизни города, поэтому Джордж совмещал два занятия. На Земле он был довольно известным антрепренером и сейчас руководил малень-

ким театром. Он был одним из самых старых марсиан — ему шел пятый десяток.

— У нас концерт на той неделе. Может, придете?

— Конечно,— сказал Гибсон.— А часто у вас концерты?

— Примерно раз в месяц. А фильмы — три раза в неделю. У нас не так уж скучно, как видите.

— Я рад, что здесь можно развлечься.

— Еще бы! Хотя лучше я вам не буду рассказывать, какие тут развлечения, а то вы напишете в газеты.

— Я не пишу для таких газет,— ответил Гибсон, пробуя местное синтетическое пиво. Что ж, привыкнуть можно...

В баре было пусто. В это время дня все работали. Гибсон вынул записную книжку и принялся за дело. Сам того не замечая, он насвистывал, и Джордж в знак протеста включил радио.

Программа передавалась с Земли на Марс через космос. Звук был хороший, если не обращать внимания на солнечные помехи. Гибсон усомнился, стоит ли приводить в действие такие силы, чтобы передавать из мира в мир жиденькое сопрано. Однако половина Марса, несомненно, слушала и тосковала по дому, хотя никогда бы в том не призналась.

Гибсон набросал не меньше ста вопросов, которые он должен будет задать. Он все еще чувствовал себя первоклассником. Не верилось, что стоит пройти двадцать метров, выбраться за прозрачную пленку — и умрешь от удушья. Почему-то на «Аресе» это его не мучило. В конце концов, космос есть космос. Но здесь, среди зелени, он просто не мог в это поверить.

Вдруг ему нестерпимо захотелось вырваться под открытое небо. Кажется, впервые он действительно затосковал по Земле — по планете, от которой так мало ждал.

— Джордж! — резко сказал Гибсон.— Я здесь довольно долго, а снаружи не был. Одного меня не выпустят. К вам тут еще целый час никто не придет. Будьте другом, выведите меня минут на десять.

«Конечно,— подумал Гибсон,— ему кажется, что я сошел с ума». И ошибся. Джордж принял это как должное. В конце концов, в его задачи входило развлекать людей,

а многие новички требовали, чтобы он с ними прогулялся. Он философски пожал плечами, подумал, не попросить ли оплаты за психотерапию, и исчез в своем святилище. Через минуту он вынес две маски.

— Смотрите, чтоб резинка прилегала к шее,— сказал он.— Вот так. Ну, пошли. Не больше десяти минут!

Гибсон весело последовал за ним, как пес за хозяином. Здесь были две камеры: большая, открытая, вела во Второй купол, а маленькая — наружу. Они двигались по металлической трубе, проложенной в стене из стеклоблоков, соединяющей с грунтом тонкий пластик купола.

Пришлось миновать четыре двери, и ни одну из них нельзя было открыть, пока не закрыты все остальные. Гибсон не возражал против этой предосторожности, но ему казалось, что прошло страшно много времени, пока последняя дверь не распахнулась перед ними и они вышли на ярко-зеленую поляну. Из-за низкого давления руки покрылись гусиной кожей, но разреженный воздух оказался довольно теплым, и вскоре это прошло. Не обращая внимания на Джорджа, Гибсон пошел по низким плотным растениям. Почему они так разрослись вокруг купола? Может быть, их привлекло тепло или незаметная утечка кислорода? Он наклонился, чтобы рассмотреть растения, в которых стоял по колено. Конечно, он видел их не раз на фотографии. Ничего интересного в них не было, да он и слишком мало смыслил в ботанике, чтобы оценить их особенности. Встреть он что-нибудь подобное на Земле, он бы и внимания не обратил. Ни одно из растений не поднималось выше метра; казалось, что они сделаны из блестящего, плотного, тонкого пергамента и приспособлены для того, чтобы поймать побольше света и поменьше потерять драгоценной воды. Вздувшись крохотными парусами, они медленно вращались вслед за Солнцем. Гибсону захотелось увидеть для контраста цветы, но их на Марсе не было. Может быть, они и росли раньше, когда воздух был достаточно плотен, чтобы поддерживать насекомых; но сейчас марсианские растения опылялись сами.

Джордж смотрел на растения без всякого интереса. Гибсон забеспокоился, не рассердился ли он, что его вытащи-

ли. Но эти угрызения совести были совершенно необоснованны. Джордж раздумывал над репертуаром. Внезапно он стряхнул задумчивость и обратился к Гибсону:

— Смотрите, как интересно. Не двигайтесь минутку и поглядите на свою тень.— Его голос звучал негромко, но был хорошо слышен.

Гибсон посмотрел на свою тень. Сперва он не заметил ничего. Потом лоскутки стали сворачиваться. Минуты через три все растение стало шариком зеленой бумаги — очень маленьким и очень тугим.

— Травка думает, что ночь,— сказал Джордж.— Если вы отойдете, она будет размышлять минут десять, пока рискнет развернуться. Если походить туда-сюда, она, наверное, с ума сойдет.

— Годятся они на что-нибудь? — спросил Гибсон.

— Есть их нельзя. Они не ядовитые, но очень уж противные. Понимаете, они не такие, как наши. Не знаю, почему они зеленые. В них нету этого, ну, как его...

— Хлорофилла?

— Вот именно! Им воздух не нужен. Они все берут из земли. Могут расти даже в пустоте, если почва подходящая и света хватает.

«Вот куда может зайти эволюция,— подумал Гибсон.— А зачем? Зачем жизнь так цепляется за этот маленький мир? Может, и Главный позаимствовал часть оптимизма от этих упрямых растений?»

— Ну,— сказал Джордж,— пора и обратно.

Гибсон покорно последовал за ним. Боязнь замкнутого пространства прошла, теперь его мучило другое. Как мало еще сделал человек на Марсе! Три четверти планеты не исследованы!

Первые дни в Порт-Лоуэлле были интересные. Гибсон прибыл в воскресенье, и Уиттэкер мог показать ему город. Начали с Первого купола. Мэр с гордостью рассказал, что десять лет назад на этом месте стояло несколько бараков. Названия улиц и площадей, перенесенные колонистами из их родных городов, звучали занятно и даже трогательно. Научными — цифровыми — названиями никто не пользовался.

Почти все дома были стандартные: двухэтажные, металлические, с закругленными углами и маленькими окнами. Они вмещали две семьи, но просторными не считались — рождаемость в Порт-Лоуэлле была самая высокая в исследованной части Вселенной. Удивляться не приходилось: здесь жили люди лет под тридцать, только начальство было постарше, за сорок. У каждого дома было смешное закрытое крыльцо, и Гибсон удивлялся, пока не узнал, что это воздушная камера на случай аварии.

Сперва Уиттэкер повел его в управление, самый высокий дом в поселке — стоя на его крыше, почти можно было дотронуться до купола. Там все было как на Земле: кабинеты, ряды столов и пишущие машинки.

Гораздо занятнее оказалась Станция воздуха — сердце Порт-Лоуэлла. Если бы она отказала, город бы погиб. Гибсон не совсем понимал, каким образом здесь добывают кислород. Одно время он предполагал, что его берут из здешнего воздуха. Он забыл, что в марсианской атмосфере кислорода меньше чем один процент.

Уиттэкер показал ему кучу красного песка, которую бульдозеры выкопали за куполом. Все называли это «песком», но со знакомым земным песком у него не было ничего общего. Это была сложная смесь металлических окислов — осколки мира, проржавевшего дотла.

— Здесь весь необходимый нам кислород,— сказал Уиттэкер.— Нам повезло на Марсе раза два, это — самая большая наша удача.— Он наклонился и поднял осколок покрупнее.— Я не очень разбираюсь в геологии, но посмотрите-ка. Правда, красиво? Говорят, в основном окисел железа. От железа, конечно, пользы мало, но и других металлов хватает. Кажется, из этого песка мы не добываем только магний. Его лучший источник — высохшее море. Там пласты метров в сто толщиной.

Они вошли в невысокое, ярко освещенное здание, куда по транспортеру непрерывно поступал песок. Дежурный инженер охотно объяснял все, что происходит; но Гибсону вполне достаточно было знать, что руду размельчают в электрических печах, извлекают из нее кислород, очищают его и конденсируют, а металлические отходы отправляют даль-

ше. Здесь добывали и воду, почти достаточно для нужд колонии, хотя были и другие способы добычи.

— Конечно,— сказал Уиттэкер,— нам приходится поддерживать постоянное давление воздуха и избавляться от углекислоты. Надеюсь, вы понимаете, что купол держится исключительно внутренним давлением?

— Да,— сказал Гибсон.— Если бы оно упало, купол бы сморщился, как высохший шарик.

— Вот именно. Мы поддерживаем летом сто пятьдесят миллиметров, а зимой — чуть больше. Углекислый газ удаляют земные растения. У марсианских нет фотосинтеза. Ну, теперь пойдемте на ферму.

Название это совсем не подходило к большому хозяйству, заполнившему Третий купол. Воздух здесь был довольно влажный, а солнечный свет дополняли лампы дневного света, так что овощи росли и ночью. Гибсон плохо разбирался в хозяйстве, и его не поразили цифры, которыми его осыпал Уиттэкер; однако он понял, что одной из важнейших проблем было здесь мясо, и восхитился простотой, с которой ее решали: в больших цистернах с питательным раствором выращивали живую ткань.

— Лучше, чем ничего,— сказал Уиттэкер.— Но что бы я отдал за настоящую отбивную! Понимаете, для разведения скота у нас просто не хватает места. Когда будет новый купол, мы заведем овец и коров. Детям это понравится. Они никогда не видели животных.

Это было не совсем так. Уиттэкер забыл двух немаловажных обитателей Порт-Лоуэлла.

К концу осмотра Гибсон немножко отупел и очень обрадовался, когда Уиттэкер, входя в свой дом, сказал наконец:

— Ну, на сегодня хватит. Я хотел вам все сразу показать, а то завтра мы будем заняты. Главный уехал до четверга и все оставил на меня.

— Куда он уехал? — из вежливости спросил Гибсон.

— На Фобос,— почти сразу ответил мэр.— Вернется, будет рад вас видеть.

Тут вошла миссис Уиттэкер с детьми, и Гибсону пришлось целый вечер рассказывать о Земле. В первый, но не

в последний раз он убедился в том, как жадно интересуются колонисты родной планетой. Конечно, они это скрывали, притворяясь равнодушными к «старухе Земле», но вопросы и в особенности выражения лиц выдавали их с головой.

Странно было говорить с детьми, которые родились под этими куполами и никогда не были на Земле. «Что значит для них Земля? — думал Гибсон.— Реальнее ли она, чем царство фей?» О родине своих родителей они узнавали из вторых рук, из книг и фильмов. Сами же они видели только звездочку. Они не знали времен года. Конечно, они замечали, что странные растения за куполом умирают зимой и оживают весной. Но здесь, под куполом, в городе, ничего подобного не было.

Однако, несмотря на искусственную обстановку, дети были здоровые, веселые и, кажется, не сознавали, чего им недостает. Гибсон старался представить себе, что бы они делали, очутившись на Земле. Но до поры до времени они были слишком малы и не могли оставить родителей.

Городские огни гасли, когда Гибсон ушел от Уиттэкеров. Кончился первый день на Марсе. Впечатлений было слишком много, и Гибсон решил разобраться в них утром; сейчас он чувствовал одно: самый большой марсианский город — просто сверхмеханизированная деревня.

Гибсон еще не усвоил всех тонкостей марсианского календаря. Он знал, что дни недели здесь такие же, как на Земле, а у месяцев те же названия, хотя длиной они в пятьдесят, а то и в шестьдесят дней. Он вышел из гостиницы довольно рано, но город был совершенно пуст. На улицах не было ни души, и никто не глазел на него, как вчера; все уже работали в конторах, на фабриках, в лабораториях, и Гибсон чувствовал себя трутнем в деятельном улье.

Он застал Уиттэкера в такой деловой горячке, что не осмелился ему помешать и тихо вышел. Оставалось все исследовать самому. Тут трудно было заблудиться — самое большое расстояние по прямой не превышало пятисот метров. Да, не таким представлял он исследование Марса в своих книгах...

Он бродил по Порт-Лоуэллу, задавал вопросы в рабочее время, вечера проводил в семье Уиттэкера и чувствовал уже, что живет здесь годы. Ничего нового он не ждал. Он видел все заслуживающее внимания, в том числе самого Хэдфилда.

И все же он знал, что он здесь чужой. В сущности, он осмотрел меньше чем одну тысячную поверхности Марса. Все, что лежало за куполом, за холмами, за зеленой равниной, по-прежнему оставалось тайной.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— Как хорошо увидеть всех вас снова! — сказал Гибсон, осторожно притащив из бара бутылки.— Что вы думаете о Марсе, Джимми? Мы с вами одни тут новички.

— Я еще немного видел,— осторожно ответил Джимми.— Здесь все какое-то маленькое.

— Помню, на Деймосе вы говорили, что все большое. Правда, вы тогда выпили.

— Я никогда не напиваюсь! — возмутился Джимми.

— Ну, значит, вы прекрасный актер. Но такое чувство было и у меня в первые дни. Средство одно — выйти поразмяться. Я уже выходил разок за купол, а сейчас достал «блоху». Собираюсь завтра на холмы. Хотите со мной?

У Джимми заблестели глаза.

— Спасибо. Очень хочу!

— Эй, а мы как? — запротестовал Норден.

— Вы там уже были,— сказал Гибсон.— Кстати, у нас есть еще одно место, можете его разыграть. Водителя они дают своего, не доверяют драгоценную машину. Что ж, они правы.

Выиграл Маккей, а все остальные сказали, что никуда не собирались ехать.

— Тем лучше,— заявил Гибсон.— Значит, встречаемся в транспортной секции, Четвертый купол, в десять утра. До свидания. Мне еще надо написать три статьи или хоть одну под тремя названиями.

Исследователи встретились точно в назначенное время. С собой они притащили все защитное снаряжение, которое

им пока не удавалось применить: шлемы, баллоны, воздухоочиститель и костюм с силовыми батарейками, в котором было тепло и уютно даже при ста градусах ниже нуля. На этой прогулке он вряд ли мог понадобиться, разве что с «блохой» случилось бы несчастье и они застряли бы далеко от дома.

Водитель — мрачный молодой геолог — сообщил, что провел вне города столько же времени, что и в городе. Вид у него был очень солидный, и Гибсон без волнений доверил ему свою драгоценную особу.

— А эти машины ломаются? — спросил он, влезая в «блоху».

— Не очень часто. За последний месяц ребята только раза два возвращались домой пешком. И вообще мы уедем недалеко, так что и в самом худшем случае обратно доберемся.

Узкая дорога бежала по низенькой яркой зелени, огибая купола города. От нее отходили другие дороги — к ближним шахтам, к радиостанции, к обсерватории и к посадочной площадке, куда ракеты до сих пор перебрасывали груз с «Ареса».

— Ну,— сказал водитель, притормаживая у первой развилки,— решайте сами, какой дорогой поедем.

Гибсон никак не мог справиться с картой, которая была раза в три больше кабины. Водитель презрительно взглянул на нее:

— Интересно, где вы ее достали? В управлении? Она совершенно устарела. Скажите, куда вам нужно, и я вас повезу.

— Ладно,— сказал Гибсон.— Я думаю, взберемся на холмы и осмотримся.

— Значит, к обсерватории.

«Блоха» рванулась вперед, и сверкающая зелень слилась в однообразное пятно.

— Какую она может развить скорость? — спросил Гибсон, слезая с колен Маккея.

— На хорошей дороге — не меньше ста в час. Но здесь хороших дорог нет, так что я не гоню. Сейчас едем на шестидесяти.

— А далеко на ней можно уехать? — спросил Гибсон, не совсем успокоившись.

— На тысячу километров с одной заправки. Для настоящих, далеких путешествий тут есть дальнеход с запасными батареями. Рекорд у нас до пяти тысяч километров. Я делал три тысячи. При дальних поездках с воздуха сбрасывают контейнеры с горючим.

Хотя они ехали не больше двух минут, Порт-Лоуэлл уже исчез за горизонтом. Из-за кривизны Марса трудно было прикинуть на глаз расстояние; купола почти скрылись, и казалось, что они гораздо больше и гораздо дальше.

Когда «блоха» стала карабкаться на холмы, купола возникли снова. Холмы были невысокие — меньше километра, но вполне годились для радиостанции и обсерватории и не подпускали к городу холодный ветер с юга.

До радиостанции доехали за полчаса и решили, что пора погулять. Все надели маски и по очереди выбрались из «блохи» через маленькую разборную камеру.

Смотреть, в сущности, было не на что. К северу пузырились купола города, а на западе Гибсон разглядел багровый отблеск пустыни, охватывающей всю планету. Они стояли не на самой вершине, и юг был закрыт холмами, но Гибсон знал, что зеленые поля тянутся на несколько сот километров — до самого Красного моря. Здесь, наверху, растительности почти не было. («Из-за отсутствия влаги»,— решил он.)

Они пошли к радиостанции. Работала она почти автоматически, так что некому было давать объяснений. Но кое-что Гибсон знал и сам. Огромный параболический рефлектор смотрел вверх, чуть на восток от зенита, на Землю. Может быть, как раз в эту минуту одна из его статей летела к Земле.

Обсерватория разместилась километров на пять южнее, на самом гребне холмов, чтобы городские огни не мешали работе. Гибсон думал, что увидит сверкающие башни, верный признак земных обсерваторий. Но здесь был только маленький купол из пластика, явно предназначенный для жилья. Приборы стояли под открытым небом, хотя их можно было укрыть, если бы паче чаяния испортилась погода.

По-видимому, в обсерватории не было ни души. Они остановились у самого большого прибора — рефлектора с зеркалом, меньше метра в поперечнике. Были здесь еще два маленьких рефлектора и сложный горизонтальный прибор, который Маккей назвал «зеркальным передатчиком». Вот и все, пожалуй.

Скорее всего, дома все же кто-то был — у купола стояла «блоха».

— Они тут любят общество,— сказал водитель.— Скучают, вот и рады гостям. И места у них много. Есть где отдохнуть и пообедать.

— Ну, на угощение мы не рассчитываем,— возразил Гибсон; он не любил принимать одолжения, на которые не мог ответить.

Водитель удивился:

— Это не Земля. На Марсе все друг другу помогают. Приходится. А еда у меня с собой, мне нужна только плитка. Если вы попытаетесь стряпать в «блохе», когда в ней три пассажира, вы меня поймете.

Как он и предсказывал, два дежурных астронома очень им обрадовались, и вскоре маленький пластиковый пузырь наполнился вкусным запахом. Тем временем Маккей изловил старшего из астрономов и вступил с ним в малопонятную беседу, из которой Гибсон пытался извлечь все, что мог.

Насколько он понял, здесь главным образом занимались позиционной астрономией — делом скучным, но важным. От нее зависело установление широты и долготы, служба времени и определение наивыгоднейшей сети для радиосвязи. Настоящей астрономией занимались чрезвычайно мало — крупные телескопы земной Луны давно взяли на себя эту задачу.

За обедом Гибсон почувствовал, что еще ни разу на Марсе он по-настоящему не хотел есть, и обрадовался, что так легко доставил удовольствие этим работягам. Он еще не растерял юношеских иллюзий и испытывал к астрономам неумеренное почтение — они казались ему отшельниками, похоронившими себя в горах. Даже когда он нашел на Па-

ломаре первоклассный бар, эта трогательная вера не поколебалась.

После обеда их пригласили посмотреть большой рефлектор. Был еще день, и Гибсон не надеялся что-то увидеть, но ошибся. Сперва все было смутно, он неумело крутил рычажок, и маска мешала, но потом все стало на место. На почти черном небе, недалеко от зенита, висел красивый жемчужный полумесяц, похожий на трехдневную Луну. Гибсон не сразу понял, что это,— слишком большая часть планеты была в тени и очертания континентов стерлись. Неподалеку плавал другой полумесяц, гораздо бледнее и меньше, и Гибсон различил на нем знакомые кратеры. Земля с Луной были очень красивые, но такие далекие и призрачные, что даже не вызвали тоски по дому.

Один из астрономов сказал, придвинув к нему свой шлем:

— Когда стемнеет, можно различить огни городов на ночной стороне. Нью-Йорк и Лондон легко найти. А красивее всего отблески солнца в море. Сейчас их не видно — там, на полумесяце, в основном суша.

Посмотрели и на Деймос, который, как всегда, лениво восходил на востоке. При самом сильном увеличении марсианская луна оказалась совсем близко, и, к своему удивлению, Гибсон отчетливо увидел «Арес» — две сверкающие точки. Он захотел взглянуть и на Фобос, но внутренняя луна еще не взошла.

Больше смотреть было не на что. Они попрощались с астрономами, и «блоха» поскакала дальше по гребню холма. Водитель сказал, что хочет взять кое-какие образцы минералов, а Гибсону было все равно куда ехать, и он не протестовал.

Через холмы дороги не было, но все неровности почвы сгладились много столетий назад, и грунт был ровный, только иногда приходилось огибать скалы самых разных цветов и форм. Раза два попались деревца, которые Гибсон видел впервые. Больше всего они напоминали ему кораллы. Водитель сказал, что они, без сомнения, живые, хотя еще никто не замечал, чтоб они росли. Им было по меньшей мере пять тысяч лет; их способ размножения оставался тайной.

Часам к трем они достигли невысокой, но очень красивой скалы (водитель назвал ее Радужной горой), и Гибсон вспомнил пламенеющие каньоны Аризоны. Они снова вылезли из «блохи», и, пока водитель откалывал свои образцы, Гибсону посчастливилось прокрутить полкатушки цветной пленки. Если бы удалось уловить цвета! Реклама, во всяком случае, позволяла на это надеяться. Но надо было подождать до Земли. На Марсе такую пленку не проявляли.

— Ну,— сказал водитель,— пора и домой, к чаю. Как поедем, по прежней дороге или обогнем холмы?

— Почему бы нам не спуститься? — сказал Маккей, которому наскучила прямая дорога.

— Медленно будет,— сказал водитель.— Никакой скорости не разовьешь по этой перезрелой капусте.

— Никогда не возвращаюсь прежней дорогой,— сказал Гибсон.— Давайте поглядим, что там, за горкой.

Водитель усмехнулся:

— Особенно не надейтесь. Там то же самое.

«Блоха» прыгнула вперед, оставив позади Радужную гору. Теперь они ехали по совершенно голой почве; каменные деревья и те исчезли. Иногда Гибсон думал, что он видит растения, но всякий раз оказывалось, что это зеленый минерал. Здесь был настоящий рай для геолога, и Гибсон понадеялся, что его никогда не обезобразят рудники. Они ехали с полчаса, пока холмы не перешли в долину. Водитель сказал, что миллионов пятьдесят лет назад здесь протекала большая река. Гибсон пытался представить себе, как выглядело все это в те давние дни, когда огромные пресмыкающиеся царили на Земле, а человека и в помине не было. Здесь было почти так же, как на Земле; интересно, видело ли все это хоть какое-нибудь разумное существо? Может, тогда и жили марсиане, но время стерло их следы.

Древняя река оставила по себе память — в глубине долины было довольно влажно. На багровом фоне камней ярко зеленела узкая полоса. Растения оказались те же, что и по ту сторону холмов, но обнаружились и новые — какие-то деревца без листьев, с тоненькими веточками, которые все время дрожали, хотя ветра не было. Гибсону показалось, что он никогда не видел ничего более зловещего, хотя он

прекрасно знал, что они так же безобидны, как и все на Марсе. «Блоха» уже поднималась по противоположному склону, когда водитель вдруг затормозил.

— Эй,— сказал он.— Я не знал, что тут ездили. Какие-то тяжелые машины. Я здесь был год назад и ничего не видел. А за это время тут экспедиций не было.

— У нас еще есть время. Может, поедем по следу? — спросил Гибсон.

Водитель охотно развернул машину и направился вниз. Время от времени след исчезал, потом возникал снова. Наконец они потеряли его совсем.

Водитель затормозил.

— Я знаю, в чем дело,— сказал он.— Вы заметили проход между холмами? Бьюсь об заклад, что след ушел туда!

— А куда этот проход ведет?

— То-то и оно, что в полный тупик. Там ложбинка километра в два шириной, из нее только один выход. Я в ней торчал часа два, когда мы в первый раз тут были. Там ничего весной, даже вода есть.

— Хорошее место для контрабандистов,— сказал Гибсон.

— Это мысль! Наверное, завозят с Земли бифштексы.

По узкому проходу протекал когда-то приток большой реки, и почва здесь была тверже, чем в долине. Проехав немного, они поняли, что находятся на верном пути.

— Раньше здесь дороги не было,— сказал водитель.— Приходилось делать крюк.

— Как по-вашему, в чем тут дело? — заволновался Гибсон.

— Много есть всяких проектов, таких специальных, что о них и не узнаешь. Может, они строят магнитную обсерваторию. Кажется, я что-то такое слышал.

Перед ними лежал почти безупречный зеленый овал, обрамленный невысокими желтыми холмами. Вероятно, раньше здесь было прелестное горное озеро. Но в первую минуту Гибсон не заметил сверкающей зелени. Его поразило другое — он увидел Порт-Лоуэлл в миниатюре.

Они тихо поехали по дороге, проложенной сквозь зелень. Вне куполов никого не было, но большая машина,

в несколько раз больше «блохи», говорила о том, что внутри кто-то есть.

— Да, понастроили,— сказал водитель, натягивая маску.— Такие деньги зря не тратят. Пойду поразведаю.

Они видели, как он скрылся в воздушной камере самого большого купола. Им казалось, что он долго не возвращается; наконец дверь медленно открылась и вышел водитель.

— Ну,— взволнованно спросил Гибсон,— что они говорят?

Водитель молча завел мотор.

— Где же знаменитое марсианское гостеприимство? — крикнул Маккей.

Водитель был явно смущен.

— Это ботаническая станция,— сказал он, осторожно подбирая слова.— Они тут недавно, вот почему я о них не слышал. Входить туда нельзя, там все стерильно. Пришлось бы переодеться и пройти дезинфекцию.

— Ясно,— сказал Гибсон.

Он понял, что дальше спрашивать не стоит. В первый раз все мелкие сомнения собрались воедино. Начались эти сомнения еще до Марса, когда Фобос не принял их космолет. Тут шла какая-то работа — вероятно, очень важная, раз это коснулось Фобоса. Большинство колонистов о ней не знали, но те, кто узнавал, умели хранить секрет.

Марс что-то скрывал; несомненно — от Земли.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В гостинице «Большая Марсианская» жили теперь два постояльца, и персоналу пришлось туго. Команда «Ареса» расселилась по частным домам, но Джимми не знал никого и решил воспользоваться гостеприимством города. Гибсон так и не решил, хорошо это или плохо. Ему не хотелось возлагать лишнее бремя на их начинающуюся дружбу; он знал: если Джимми будет слишком часто его видеть, результаты могут быть самые плачевные. Он помнил, как его луч-

ший друг сказал как-то: «Мартин — замечательный человек, если с ним редко видишься». Это было достаточно верно, чтобы его задеть, и он не хотел повторять подобный опыт.

Теперь его жизнь в Порт-Лоуэлле вошла в довольно скучную колею. Утром он работал, днем гулял и разговаривал с жителями. Иногда Джимми ходил с ним, а однажды вся команда «Ареса» отправилась в больницу посмотреть, как доктор Скотт с товарищами побеждают марсианскую лихорадку. Еще трудно было делать выводы, но Скотт был настроен оптимистически. «Нам бы хорошенькую эпидемию,— сказал он, потирая руки,— тут бы мы все и проверили. Случаев маловато».

Джимми гулял с Гибсоном по двум причинам. Во-первых, того пускали в интересные места, в которые его бы одного не пустили. А во-вторых, его действительно все больше интересовал не совсем понятный характер писателя.

Хотя они виделись теперь много, они ни разу не возвращались к тому разговору. Джимми прекрасно знал, что Гибсон очень хочет подружиться с ним и хоть как-то возместить старое. Он был готов принять эту дружбу, и совсем не из чувствительности — он очень хорошо понимал, что Гибсон может ему пригодиться. Как большинство честолюбивых молодых людей, Джимми с удовольствием размышлял о своем будущем, и Гибсон был бы неприятно поражен, если бы знал, как Джимми прикидывает выгоды от дружбы с ним. Однако не будем несправедливы к Джимми — эти корыстные соображения лежали на самой поверхности. На самом же деле он нередко чувствовал, как одинок Гибсон — холостяк, приближающийся к старости. Может быть, он понимал, хотя и бессознательно, что заменяет Гибсону несуществующего сына. В конце концов, трудно относиться плохо к тому, кто тебя любит.

Случай, который перевернул существование Джимми, сам по себе был совершенно заурядным. Однажды Джимми взгрустнулось, и он зашел в маленькое кафе около управления. Время выбрал неудачно — только принялся за чай, который и на миллион километров не лежал от Цейлона, кафе запрудила целая толпа. Начался двадцатиминутный

перерыв, когда на Марсе останавливалась вся работа. Главный очень настаивал на этом перерыве, хотя все с гораздо большим удовольствием просто уходили бы на двадцать минут раньше.

Джимми окружил целый отряд девушек, которые без всякого смущения смотрели на него с опасной нежностью. Было тут и несколько мужчин; но они, ведомые чувством самозащиты, сели за отдельный столик и, судя по отдельным, не слишком вежливым фразам, продолжали бороться с покинутыми на время столбиками цифр. Джимми думал, как бы поскорее допить чай и выбраться.

Напротив него сидела женщина под сорок, довольно строгого вида — наверное, старшая секретарша. Она говорила с молодой девушкой, сидевшей к нему спиной. Пройти было очень трудно; когда Джимми встал и начал пробиваться сквозь тесный проход, то наступил на чью-то ногу, схватился за столик и не упал, но ударил локтем в стеклянную крышку. В приступе ярости он забыл, что здесь не космолет, и облегчил душу отборными выражениями. Тут он страшно покраснел, пришел в себя и стал рваться на волю. Краешком глаза он заметил, что старшая из женщин пытается удержаться от смеха, а младшая и пытаться не хочет.

И как ни трудно ему было потом в это поверить, он тут же забыл и о той и о другой.

Следующий толчок совершенно случайно дал Гибсон. Они говорили о том, как вырос город за последние годы, и гадали, будет ли он расти дальше с такой же быстротой. Гибсон распространялся о ненормальном возрастном составе колонии: дело в том, что людей моложе двадцати одного года на Марс не пускали, и потому пока что тут не было ни одного жителя на втором десятке. Джимми слушал не особенно внимательно, как вдруг одна из фраз привела его в чувство.

— А вот вчера,— сказал он,— я встретил девушку, которой никак не больше восемнадцати,— и остановился.

Как мина замедленного действия, сработало воспоминание о смеющемся лице. Он так и не услышал, как Гибсон отвечал, что он, наверное, ошибся. Он знал одно: кто бы

она ни была и откуда бы ни взялась, он непременно должен ее увидеть.

В таком маленьком городе, как Порт-Лоуэлл, по теории вероятностей, каждый непременно должен встретить каждого. Однако Джимми совершенно не хотел ждать, пока эти сомнительные законы приведут ко второй встрече. На другой день, перед самым перерывом, он пил чай за тем же столиком в маленьком кафе.

Этот не очень тонкий прием внушал ему некоторое беспокойство. Во-первых, все было шито белыми нитками; хотя, в конце концов, почему бы ему не пить тут чай, если все управление пьет? Вторая причина была посерьезнее — он стыдился вчерашней сцены. Но его волнения были напрасны. Он ждал до конца перерыва, но ни девушка, ни ее спутница так и не явились. Наверное, они пошли в другое место.

Это было неприятно, но не обескуражило такого хитрого молодого человека, как Джимми. Почти наверняка она работала в управлении, а поводов туда зайти было бесконечное множество. Например, можно справиться о жалованье, хотя это вряд ли заведет его в те дебри секретариата, где она, должно быть, работает. Можно просто следить за зданием, когда служащие приходят и уходят, хотя вряд ли это можно сделать незаметно. Но раньше чем он решил проблему, снова вступила в игру судьба, наскоро загримированная под Мартина Гибсона.

— Я всюду вас ищу, Джимми! — слегка задыхаясь, сказал Мартин.— Бегите одевайтесь! Разве вы не знаете, что сегодня концерт? А до этого мы приглашены к Главному на обед, к двум часам.

— Что тут надевают на званые обеды? — спросил Джимми.

— Черные шорты и белый галстук,— не совсем уверенно сказал Гибсон.— Или наоборот? Ну ничего, в отеле скажут. Я надеюсь, для меня найдется что-нибудь подходящее.

Кое-что нашлось, но не совсем подходящее. Из-за постоянной жары одежда на Марсе сводилась к минимуму: вечерний костюм состоял из белой рубашки с двумя рядами перламутровых пуговиц, черного галстука, черных шорт и пояса из алюминиевых пластин на эластичной ленте. Это было красивее, чем он ожидал, но все же Гибсон почувствовал себя не то бойскаутом, не то маленьким лордом Фаунтлероем. Норден и Хилтон выглядели совсем хорошо, Маккей и Скотт — средне, а Бредли было на это наплевать.

Главный занимал самый большой жилой дом на Марсе, хотя на Земле этот дом показался бы очень скромным. Перед обедом собрались на террасе, чтоб поболтать и выпить шерри — настоящего шерри. Мэр Уиттэкер был тоже здесь, и, когда Гибсон услышал, как оба начальника говорят с Норденом, он в первый раз понял, с каким уважением и восхищением колонисты относятся к астронавтам.

— Разрешите,— сказал Главный, когда они покончили с шерри,— познакомить вас с моей дочерью. Она сейчас занята по хозяйству. Простите, я выйду на минутку.

Он вышел и сразу вернулся.

— Вот Айрин,— сказал он, тщетно стараясь скрыть гордость.

Он представил ее по очереди всем гостям, последнему — Джимми. Айрин посмотрела на него и мило улыбнулась.

— Кажется, мы уже знакомы,— сказала она.

Джимми еще сильнее покраснел, но не струсил и улыбнулся в ответ.

— А как же,— ответил он.

Какой же он дурак! Угадать было так легко. Если б он хоть немного подумал, он бы понял, кто она такая. На Марсе мог нарушать правила только один человек — тот, кто их устанавливал. Джимми слышал, что у Главного есть дочка, но никак не связывал эти два факта. Сейчас все сошлось: когда Хэдфилд с женой собрались на Марс, они включили в контракт условие, что привезут с собой единственного ребенка. Никому другому не разрешили бы этого.

Обед был замечательный, но на Джимми зря переводили еду. Нельзя сказать, что он потерял аппетит, но ел он рассеянно. Он сидел в конце стола, и, чтобы видеть Айрин, ему приходилось весьма невежливо выворачивать шею. Когда обед кончился и все пошли пить кофе, он с облегчением вздохнул. Другие домочадцы Хэдфилда уже ждали го-

стей — две красивые сиамские кошки заняли лучшие места и смотрели на вошедших. Айрин сказала, что их зовут Топаз и Бирюза, и Гибсон, который любил кошек, стал с ними играть.

— А вы любите кошек? — спросила Айрин у Джимми.

— Очень,— сказал Джимми, хотя терпеть их не мог.— Они тут давно?

— Почти год. Подумайте только, это единственные животные на Марсе! Интересно, нравится им тут?

— А их не избалуют?

— Они слишком независимы. Мне кажется, они никого не любят, даже папу, хотя он думает иначе.

Джимми ловко перевел разговор на более личные темы; но всякий, кроме него, заметил бы, что Айрин шла все время на шаг впереди. Оказалось, что она работает в вычислительном центре, знает почти все, что делается в управлении, и надеется когда-нибудь занять там важный пост. Джимми подозревал, что положение отца ей поможет. Однако были тут и некоторые неудобства — в Порт-Лоуэлле царила истинная демократия.

Нелегко было заставить Айрин говорить о Марсе. Ей хотелось послушать о Земле. Она уехала оттуда очень маленькой, и родная планета успела стать для нее сном. Джимми из кожи лез, только бы ей было интересно. Он рассказывал о больших городах, о горах, о синем небе, реках и радугах — обо всем, чего не было на Марсе. И чем он дальше говорил, тем больше подпадал под власть смеющихся глаз Айрин. Другого слова не найдешь — все время казалось, что она знает какую-то смешную тайну. А может, она смеется над ним? Эх, в сущности, все равно! Говорят, что в таких случаях скован язык. Какая чепуха! Он никогда в жизни не говорил так складно.

Тут он заметил, что все молчат и смотрят на них обоих.

— М-да...— сказал Главный.— Если вы закончили, пойдемте. Через десять минут концерт.

Как все любительские представления, концерт был и хорош и плох. Музыкальные номера были превосходны, одна певица — на самом высшем земном уровне. У нее было прекрасное меццо-сопрано, и Гибсон не удивился, когда прочитал в программе: «...бывшая солистка Королевской оперы Ковент-Гарден».

После этого показывали пьесу, где несчастную героиню долго мучил старомодный негодяй. Публика осталась довольна, кричала в нужных местах и много аплодировала.

Затем выступил замечательный чревовещатель, но Гибсон заметил, что в куклу вмонтирован радиоприемник. Правда, конферансье впоследствии честно в этом признался.

Его сменил скетч из марсианской жизни, однако в нем было так много местных намеков, что Гибсон понял далеко не все. Злоключения главных персонажей — например, запарившегося чиновника, похожего на Уиттэкера,— вызвали смех. Но все просто покатились с хохоту, когда появилась причудливая личность с записной книжкой и стала задавать дурацкие вопросы, записывать их, ронять книжку и щелкать камерой направо и налево. Гибсон не сразу понял, в чем дело, а когда понял — побагровел, но решил, что ему остается одно, и захохотал громче всех.

В конце все запели хором. Нельзя сказать, чтоб Гибсон восхищался этим видом искусства. Хотя сейчас песня ему неожиданно понравилась, он даже попытался подпевать; и вдруг презренная сентиментальность нахлынула на него. Он замолчал — один в этом зале — и целую минуту не понимал, что с ним такое.

Вокруг сидели женщины и мужчины, у которых было дело, общая цель. Каждый из них знал, что нужен. Они изведали чувство свершения, мало кому знакомое на Земле, где все цели давно достигнуты; и чувство это становилось особенно острым оттого, что Порт-Лоуэлл такой маленький и все друг друга знают.

Конечно, такие хорошие вещи долго продолжаться не могут. Колония вырастет, и дух первооткрывателей исчезнет. Все разрастется, войдет в норму. Но сейчас это было здорово. Хорошо почувствовать такое хоть раз в жизни! Гибсон знал, что все вокруг ощущают это постоянно, но сам он был сторонним наблюдателем — он всегда предпочитал эту роль. Но сейчас ему хотелось, если еще не поздно, стать участником игры.

Вероятно, именно тогда изменил Земле Мартин Гибсон. Никто об этом не узнал. Даже те, кто сидел рядом с ним, заметили только, что он замолчал, а потом с удвоенным пылом присоединился к хору.

Зрители медленно расходились по двое и по трое, смеясь, напевая и переговариваясь. Гибсон попрощался с Главным и Уиттэкером и пошел в гостиницу. Два человека, которые правили Марсом, подождали, пока он исчез в узких улицах, а потом Хэдфилд обернулся к дочери и тихо сказал:

— Иди домой, дорогая. Мы погуляем. Я приду через полчаса.

Они подождали еще, отвечая на приветствия, пока маленькая площадь не опустела. Уиттэкер предчувствовал, что будет, и немного волновался.

— Напомните мне, чтоб я поздравил Джорджа,— сказал Хэдфилд.

— Хорошо,— сказал Уиттэкер.— Здорово продернули нашего злополучного друга! Вы, наверное, хотите обсудить его последнее открытие?

Главный даже удивился такой прямоте.

— Поздно. И кажется, он ничего не натворил. Я думаю, как бы избежать таких случаев в будущем.

— Водителя винить нельзя. Он не знал о проекте. Просто ему не повезло, вот он и напоролся.

— Как вы думаете, Гибсон что-нибудь заподозрил?

— Понятия не имею. Он хитрый.

— Нашли время посылать корреспондента! Бог свидетель, я сделал все, чтоб этому помешать!

— Все равно рано или поздно разнюхает. Выход один...

— Какой?

— Надо ему сказать. Не все, немножко.

Они помолчали. Потом Хэдфилд заметил:

— Да, смело... Вы считаете, ему можно довериться?

— Я его много видел за эти недели. В сущности, он на нашей стороне. Понимаете, мы делаем как раз то, о чем он всю жизнь мечтал. Только он никак не может в это поверить. Опаснее всего отпустить его на Землю с одними подозрениями.

Молча дошли они до края купола, остановились и стали смотреть на марсианский пейзаж, смутно мерцающий в свете городских огней.

— Надо подумать,— сказал Хэдфилд, поворачиваясь, чтоб идти обратно.— Конечно, многое зависит от того, как быстро все пойдет.

— Когда будет готово?

— А черт их знает! Разве от ученых добьешься точности?

Мимо них прошла под руку пара. Уиттэкер хмыкнул.

— Да, кстати. Кажется, Айрин понравился этот парень, как его, Спенсер...

— Не думаю. Просто здесь редко увидишь новое лицо. И вообще, астронавтика настолько романтичнее нашей работы...

— Как поется в песне, «красотки любят моряков»... Ну что ж, только не говорите потом, что я вас не предупреждал.

Гибсон вскоре заметил, что с Джимми что-то случилось, и быстро нашел правильный ответ. Выбор он одобрил. Он мало видел Айрин, но она ему нравилась. Довольно наивная, конечно, но это еще ничего. Гораздо важнее, что она веселая и приветливая, хотя раза два Гибсон видел ее мрачной и это ее тоже не портило. Вдобавок она была очень хорошенькая. Гибсон, по старости лет, знал, что это не обязательно, но Джимми, вероятно, придерживался других взглядов.

Сперва он решил подождать, пока Джимми сам с ним не заговорит. По всей видимости, тот полагал, что никто ничего не замечает. Однако выдержка изменила Гибсону, когда Джимми заявил, что хочет поступить на службу. Ничего странного в этом не было. Астронавты нередко служили здесь, чтобы занять время между двумя полетами. Как правило, они выбирали работу, связанную с их профессией,— Маккей вел вечерние занятия по математике, а бедный доктор Скотт вообще не отдыхал ни одного дня и прямо с космолета направился в больницу.

Но Джимми, по-видимому, хотел перемен. Оказывается, в вычислительном центре не хватало людей, и он надеялся, что здесь пригодится его знание математики. Он при-

водил на редкость убедительные доводы, и Гибсон с удовольствием его слушал.

— Милый мой Джимми,— сказал он, когда тот закончил,— зачем это мне рассказывать? Идите, кто вас держит...

— Я понимаю,— сказал Джимми.— Но вы часто видите Уиттэкера, и, может быть, если бы вы с ним поговорили...

— Если хотите, я поговорю с Главным.

— Ой, нет, не надо!..— воскликнул Джимми и тут же попытался исправить ошибку: — Не стоит беспокоить его из-за таких пустяков.

— Вот что, Джимми,— твердо сказал Гибсон,— чего вы крутите? Это вы сами придумали или Айрин подсказала?

Стоило доехать до Марса, чтоб увидеть сейчас Джимми. Он выглядел, как рыба, которая уже давно научилась дышать, но только сейчас это заметила.

— А-а...— выдавил он наконец,— я не знал, что вы догадались... Вы никому не скажете?

Гибсон сказал было, что все и так знают, но увидел глаза Джимми и ему расхотелось шутить. Колесо обернулось полностью. Он точно знал, что чувствует сейчас Джимми. И еще он знал: как бы ни сложилось его будущее, ничто не сравнится с чувствами, которые он сейчас открывает,— новыми и свежими, как первое утро мира. Он может влюбляться снова и снова, но воспоминание об Айрин окрасит и сформирует всю его жизнь.

— Я сделаю все, что смогу,— мягко сказал Гибсон. Он действительно так думал. История повторялась и раньше, но никогда — с такой точностью. Что ж, приходится учитывать свои прошлые ошибки. Не все на свете можно планировать; но он знал, что расшибется в лепешку, чтобы помочь Айрин и Джимми. Может, все и выйдет у них тогда не так, как у него.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Загорелся янтарный огонек. Гибсон снова отхлебнул воды, тихо откашлялся и поправил бумаги. Перед каждым, даже самым коротким, выступлением по радио у него першило

в горле. В контрольной кабине инженер-звуковик подняла палец. Янтарный свет мгновенно сменился рубиновым.

— Вы слушаете, Земля? Говорит Мартин Гибсон из города Порт-Лоуэлла, Марс. У нас сегодня большой день. Установлен новый купол, и город вырос почти наполовину. Не знаю, как вам передать, что это для нас значит, какая это победа в битве с Марсом. Что ж, попробую.

Вы все знаете, что марсианским воздухом дышать нельзя. Он очень разрежен, в нем практически нет кислорода. Порт-Лоуэлл, наш самый большой город, расположен под шестью куполами из прозрачного пластика. Они поддерживаются давлением воздуха изнутри. Этим воздухом мы отлично дышим, хотя он и пожиже, чем ваш.

За последний год выстроили Седьмой купол, в два раза больше любого из прежних. Я побывал там вчера, перед тем как его начали наполнять воздухом.

Представьте себе большой круг, метров пятисот в поперечнике, окруженный толстой, в два человеческих роста, стеной из стеклянных блоков. В ней проложены ходы в другие купола и под открытое небо. Эти ходы — просто металлические трубы с дверьми, которые закрываются автоматически, если из какого-нибудь купола начнется утечка воздуха. Мы тут, на Марсе, рисковать не хотим. Когда я вошел вчера под Седьмой купол, весь огромный круг был покрыт тоненькой пленкой. Она лежала большими складками, а мы копошились под ней. Попробуйте представить, что вы попали в выдохшийся воздушный шар. Эта пленка — очень крепкий пластик, почти абсолютно прозрачный и совершенно гибкий, вроде толстого целлофана.

Конечно, мне пришлось надеть маску, хоть мы и были отрезаны от внешнего мира,— воздуха ведь еще не было. Его стали нагонять как можно быстрее, и прямо на наших глазах складки зашевелились, стали разглаживаться.

Это продолжалось всю ночь. Сегодня, с утра пораньше, я снова пошел и увидел большой пузырь посредине, но края все еще лежали плоско. Пузырь метров в сто колыхался как живой и все время рос.

К середине утра он до того разросся, что мы уже увидели форму купола. Пластик больше нигде не прикасался к

грунту. Работу прекратили, чтобы проверить, нет ли утечки, затем снова дули до полудня. Теперь и Солнце помогало — теплый воздух расширялся.

Три часа назад закончилась первая фаза. Мы сняли маски и заорали. Воздух все еще был разрежен, но он был: инженеры уже могли работать без масок. Еще несколько дней они будут прикреплять оболочку к упорам и проверять, нет ли дырок. Какие-нибудь да есть, конечно, но, если утечка не выше нормы, это неважно.

Ну вот, сегодня мы чувствуем, что наши границы на Марсе чуть раздвинулись. Скоро под Седьмым куполом построят дома. Мы мечтаем о маленьком парке и даже о пруде — их нет на Марсе, потому что под открытым небом вода здесь долго не держится.

Конечно, это начало, когда-нибудь нам все это покажется чепухой. Но, как ни говори, мы откусили еще один ломтик Марса. А кроме того, есть где расселить еще тысячу людей. Вы меня слышите, Земля? Спокойной ночи!

Рубиновый огонек погас. Минуту Гибсон сидел, уставившись в микрофон и размышляя о том, что его первые слова, хотя и передаются со скоростью света, только сейчас достигают Земли. Потом он собрал бумаги и пошел в контрольную кабину.

Женщина-инженер держала телефонную трубку.

— Вас спрашивают, мистер Гибсон,— сказала она.— Кто-то очень быстро откликнулся.

— Действительно,— ухмыльнулся он.— Алло!

— Говорит Хэдфилд. Спасибо. Я вас слушал, у нас ведь тоже передавали.

— Я рад, что вам понравилось.

Хэдфилд откашлялся:

— Вы, вероятно, догадались, что я читал ваши прежние корреспонденции. Очень интересно было следить, как меняется ваше отношение...

— Как это — меняется?

— Раньше вы говорили «они», а теперь — «мы».— Он не дал Гибсону ответить и продолжал на том же дыхании: — А звоню я еще по одному поводу. Я устроил вам поездку в Скиапарелли. В пятницу туда идет пассажирский самолет.

Есть место для троих. Уиттэкер сообщит вам подробнее. Спокойной ночи!

В аппарате звякнуло. Польщенный Гибсон задумчиво повесил трубку. Главный сказал правду, за этот месяц многое изменилось. Мальчишеское возбуждение продержалось несколько дней; разочарование — несколько дольше. Теперь он знал достаточно, чтоб относиться к колонии с умеренным энтузиазмом, который не совсем поддавался логике. Анализировать его он боялся, чтоб не спугнуть. Он знал, что все больше уважает здешних жителей, восхищается их знаниями, простотой, мужеством, благодаря которым они не только выжили в этом до отвращения враждебном мире, но и заложили основы первой внеземной культуры. И ему захотелось стать одним из них, к чему бы это ни привело.

А пока что ему привалил случай посмотреть Марс. В пятницу он поедет в Порт-Скиапарелли, который находится на тысячу километров к востоку, у Перекрестка Харона. Поездку запланировали две недели тому назад, но все время откладывали. Надо предупредить Джимми и Хилтона. Может быть, Джимми теперь не так рвется туда. Наверное, считает дни, которые ему осталось провести на Марсе. Но если он откажется, Гибсон его разлюбит.

— Не самолет, а красота! — гордо сказал пилот.— Таких всего шесть на Марсе. Не так просто взлететь в этой атмосфере, хотя у нас и низкое тяготение.

Гибсон недостаточно разбирался в аэродинамике, чтоб оценить все прелести самолета, но видел, что площадь крыльев необычайно велика. Четыре реактивных двигателя были спрятаны прямо в фюзеляже, и только небольшие выпуклости выдавали их. Если бы он увидел такой аппарат, он бы не обратил на него внимания, разве что мощное гусеничное шасси удивило бы его. Да, машина была создана, чтоб летать далеко и быстро и приземляться на любой мало-мальски плоской поверхности.

Он влез вслед за Джимми и Хилтоном и кое-как нашел себе место. Кабина была забита большими, хорошо прикрепленными ящиками — срочным грузом для Порт-Скиапарелли.

Моторы разгонялись быстро; наконец раздался тоненький, на границе слуха, вибрирующий звук. Потом была знакомая пауза: пилот проверял приборы. Потом включились двигатели и внизу заскользила стартовая полоса. Через несколько секунд возникло успокоительное напряжение — ракетный двигатель без усилия поднял их в небо. Самолет лег на правое крыло и прошел над городом.

Самолет направился на восток, и большое пятно Залива Зари исчезло над краем планеты. Теперь под ними на тысячу километров распростерлась голая пустыня с редкими пятнами скал.

Пилот включил автоматическое управление и пошел поболтать с пассажирами.

— Мы будем в тех местах часа через четыре,— сказал он.— Боюсь, смотреть тут не на что, хотя над Евфратом должны быть недурные световые эффекты. А так — пустыня до самого Большого Сырта.

Гибсон быстро подсчитал в уме.

— Мы летим на восток, вылетели довольно поздно... Значит, когда мы туда прибудем, уже стемнеет?

— Не беспокойтесь, километров через двести — маяк. Марс такой маленький, что большой перелет за день не сделаешь.

— Вы давно на Марсе? — спросил Гибсон, переставая щелкать фотоаппаратом.

— Пять лет.

— И все летаете?

— Да, большей частью.

— А вам бы не хотелось на космолет?

— Да нет, скучно там. Летишь и летишь в пустоте.— И он улыбнулся Хилтону, который ответил улыбкой, но явно не пожелал вступить в спор.

— А тут, по-вашему, весело? — заинтересовался Гибсон.

— У нас хоть есть на что посмотреть, и до дому недалеко. И всегда можно что-нибудь найти. Я раз шесть летал над полюсами, все больше летом. А прошлой зимой пересек Северное море. Сто пятьдесят ниже нуля! Это на Марсе рекорд.

— Ну, его побить нетрудно,— сказал Хилтон.— На Титане по ночам двести.

В первый раз Гибсон услышал от него упоминание об экспедиции на Сатурн.

— Кстати, Фред,— спросил он,— правду я слышал?

— А что именно?

— Сами знаете. Что вы снова собираетесь на Сатурн.

Хилтон пожал плечами:

— Еще не решено. Возникли трудности. Надеюсь, все-таки получится. Жаль упускать такую возможность. Понимаете, если мы отправимся на будущий год, мы можем пройти мимо Юпитера и как следует его рассмотрим. Мак вычислил для нас очень любопытную траекторию. Мы пройдем совсем впритык, ближе всех спутников, и дадим его гравитационному полю притянуть нас поближе, чтобы нас вынесло вращением прямиком к Сатурну. Правда, надо очень точно вести космолет.

— Что же вас удерживает?

— Как всегда, деньги. Полет рассчитан на два с половиной года и обойдется в пятьдесят миллионов. Марс их нам не даст. Это удвоило бы обычный дефицит. Пока что пытаемся уломать Землю.

— Что ж, все равно им раньше или позже придется раскошелиться,— сказал Гибсон.— Дайте мне все факты, когда мы приедем домой, и я напишу блестящую статью о скупердяях-политиках. Вы недооцениваете прессу!

Так говорили они о разных планетах, пока Гибсон не вспомнил, что он теряет великолепную возможность получше рассмотреть Марс. Поклявшись ничего не трогать, он получил разрешение занять место пилота, пошел вперед и уселся у приборов.

В пяти километрах внизу тянулась к западу разноцветная пустыня. На Земле это сочли бы очень малой высотой, но из-за разреженности марсианского воздуха приходилось лететь как можно ниже. Никогда до сих пор Гибсон не ощущал так остро, что такое скорость. На Земле он летал быстрее, но там ничего не было видно. Близость горизонта усиливала впечатление — предмет появлялся на самом краю планеты и исчезал через несколько минут на другом краю.

Время от времени подходил пилот, чтобы выправить курс, хотя это была чистая формальность и делать ему было нечего почти до самого конца полета. На полпути появился кофе, и Гибсон пошел в кабину. Хилтон и пилот спорили теперь о Венере. Это было больное место марсианских колонистов, которые считали полеты на Венеру пустой тратой времени.

Теперь солнце стояло очень низко, и даже приземистые марсианские холмы отбрасывали длинные тени. Температура внизу перевалила через точку замерзания и падала дальше. Редкие растения, которые выжили в этой почти голой пустыне, наверное, уже свернули поплотнее свои листья, сохраняя тепло и силу на всю ночь.

Гибсон зевнул и потянулся. Пустыня, быстро скользящая внизу, убаюкивала его. Он решил поспать часа полтора, оставшиеся до конца полета.

Разбудила его, должно быть, перемена света. В первую минуту он не поверил, что проснулся. Он только сидел и глядел, оцепенев от удивления. Больше не было внизу плоского, стертого пейзажа, подчеркивающего глубокую синеву близкого горизонта. И пустыня, и горизонт исчезли. Вместо них на юг и на север, сколько охватывал взор, стояли багровые горы. Последние лучи солнца скользнули по вершинам; те вспыхнули в последний раз и исчезли в темноте, накатившей с запада.

Это было так красиво, что Гибсон на несколько секунд забыл обо всем. Потом он очнулся и понял, к своему ужасу, что они летят слишком низко — ниже, чем эти вершины.

Но почти сразу его ужас сменился новым, еще большим. Он не сразу вспомнил от страха то, о чем должен был вспомнить.

На Марсе не было гор.

Хэдфилд диктовал срочное сообщение Межпланетному центру, когда новость дошла до него. Порт-Скиапарелли ждал самолет целых пятнадцать минут после назначенного часа, а контроль Порт-Лоуэлла выждал еще десять и только после этого послал сигнал чрезвычайного происшествия. Все самолеты марсианского воздушного флота были на счету, но один уже готовился вылететь на поиски с восходом солнца. При большой скорости и малой высоте поиски сильно усложнялись. Гораздо легче было искать телескопом с Фобоса, когда он взойдет.

Новости достигли Земли еще через час, когда газеты и радио как раз не знали, о чем бы сообщить. Если бы Гибсон узнал, что там творилось, он, наверное, обрадовался бы рекламе. Все кинулись читать его последние статьи. Рут — его агент — ничего не знала, пока не прибежал издатель, размахивая вечерней газетой. Она немедленно продала за полторы цены право на переиздание последнего романа, а потом ушла к себе и плакала целую минуту. И то и другое очень обрадовало бы Гибсона.

В редакциях газет начали печатать впрок некрологи. В Лондоне горевал издатель, который выплатил ему аванс.

Крик Гибсона еще не затих в кабине, когда пилот добрался до приборов. Потом все полетели на пол. Машина дернулась и стала почти вертикально, отчаянно силясь повернуть к северу. Когда Мартин снова поднялся, он увидел краем глаза странно расплывчатый оранжевый гребень, который скользил уже совсем недалеко. Даже в эту минуту ужаса он заметил, что надвигающаяся стена какая-то странная; и тут наконец догадался. Гор не было. Но то, что было, могло оказаться не лучше. Они летели в песчаную бурю, которая поднялась из пустыни почти до самой стратосферы.

Они влетели в нее через секунду. Машину болтало, и сквозь обшивку доносился сердитый свистящий рев — самый страшный звук, который Гибсон слышал в жизни. Солнце внезапно скрылось, и они беспомощно проваливались в воющую темноту. Все кончилось в пять минут, но ему казалось, что прошла бесконечность. Их спасла скорость. Они пронеслись, как снаряд, сквозь ядро бури. Внезапно перед ними затеплился глубокий винно-красный сумрак, перестали стучать молотки, и в кабине зазвенела тишина. Гибсон в последний раз увидел, как уносится к западу буря, взметая пустыню на своем пути.

Он благодарно опустился в кресло и тяжело задышал. Ноги были слабые, как желе. Он думал, сильно ли они сби-

лись с курса; потом понял, что вряд ли это важно, раз самолет оснащен навигационными приборами. И только когда прошла глухота, у него снова упало сердце. Моторы не работали.

В кабине было очень тихо. Пилот крикнул через плечо:

— Надеть маски! Обшивка может треснуть.

Негнущимися пальцами Гибсон вынул из-под кресла дыхательную маску. Когда он кончил ее прилаживать, земля была очень близко, хотя нелегко судить о расстоянии в таких сумерках.

Невысокий холм выскочил откуда-то и унесся в темноту. Самолет отчаянно вильнул, пытаясь избежать другого, лихорадочно дернулся, коснулся грунта, подпрыгнул, коснулся снова, и Гибсон весь сжался перед неминуемым ударом.

Прошла целая жизнь, пока он осмелился расслабить мышцы, все еще не веря, что цел. Хилтон выпрямился на сиденье, снял маску и сказал пилоту:

— Ничего сели, начальник! Сколько нам осталось идти?

Тот ответил не сразу. Потом выдавил:

— Может, кто-нибудь зажжет мне сигарету?

— Вот,— сказал Хилтон,— и огонь зажжем.

Теплый уютный свет сразу поднял настроение и прогнал марсианскую ночь. Все идиотски смеялись самым слабым шуткам.

Теперь тысяча километров, отделяющая их от ближайшей базы, не имела никакого значения.

— Да, неплохая буря! — сказал Гибсон.— Это у вас часто на Марсе? А заранее узнать нельзя?

Пилот уже пришел в себя и что-то лихорадочно обдумывал. Автопилот автопилотом, но, конечно, надо было чаще подходить к приборам.

— Я такой бури еще не видел,— сказал он,— хотя раз пятьдесят летал из Лоуэлла в Скиапарелли. Вся беда в том, что мы до сих пор ничего не знаем о марсианской метеорологии. У нас пять станций, это мало. Полную картину они дать не могут.

— А как Фобос? Разве они не могли предупредить?

Пилот вынул справочник и быстро перелистал его.

— Фобос еще не восходил,— сказал он.— Насколько я понимаю, буря поднялась в Аду. Правильно его назвали, а? Сейчас, наверное, она утихла. Не думаю, чтобы она прошла близко от Тривиума, так что они тоже не могли нас предупредить. Один из тех случаев, когда винить некого.

Эта мысль его очень развеселила, но Гибсону такая мудрость была сейчас не по силам.

— Как бы там ни было,— проворчал он,— мы сели черт знает где. Сколько времени они будут нас искать? Есть шансы починить самолет?

— Никаких. Реактивные двигатели вышли из строя. В конце концов, они предназначены для воздуха, а не для песка.

— А можем мы радировать в Скиапарелли?

— Отсюда, снизу, не можем. Когда взойдет Фобос... Дайте подумать... Примерно через час можно будет вызвать обсерваторию, и они нас засекут. Мы так обычно делаем, когда летаем на большие расстояния. Ионосфера слишком слаба, мы не можем посылать сигналы вокруг планеты, как на Земле. Ну ладно, пойду посмотрю, как там радио.

Он снова пошел вперед и стал возиться у передатчика. Хилтон тем временем занялся проверкой отопительной и кислородной систем, а Гибсон и Джимми задумчиво смотрели друг на друга.

— Да, угодили мы в историю,— хмыкнул Гибсон.— Приехать с Земли на Марс и так влипнуть на каком-то дурацком самолете! С этого момента летаю только на ракетах!

Джимми улыбнулся:

— Будет что рассказать на Земле! Может быть, мы наконец сделаем настоящие открытия.

Он прилип к окну, прикрывая глаза рукой, чтоб не мешало освещение кабины. Вокруг все было темно, только падал свет из самолета.

— Кажется, вокруг холмы. Ой, прямо перед нами утес! Еще бы несколько метров, и мы бы разбились.

— Вы хоть немного представляете, где мы? — крикнул Гибсон пилоту.

Вопрос был явно бестактный.

— Примерно сто двадцать градусов В, двадцать градусов С,— сухо сказал тот.

— Значит, мы где-нибудь в Этерии,— сказал Гибсон, наклоняясь над картами.— Да, здесь отмечен холмистый район. Подробностей нет.

— А тут никто не был. Его наносили на карту с воздуха.

Гибсон обрадовался, увидев, как просиял Джимми.

— Ну что ж, действительно приятно попасть в край, где не ступала нога человека!

— Не хотел бы вас огорчать,— сказал Хилтон, и по голосу было ясно, что именно это он собирается сделать,— но я совсем не уверен, что вы сможете послать сигнал на Фобос.

— Как это? — обиделся пилот.— Радио в порядке, я проверил.

— В порядке-то оно в порядке, но вы заметили, где мы? Мы Фобос и не увидим. Эти скалы к югу от нас полностью его закрывают. Значит, там не смогут принять наши сигналы. А что еще хуже — не смогут засечь нас в телескоп.

Все остолбенели.

— Что же нам тогда делать? — спросил Гибсон.

Ему уже показалось, что они идут пешком через тысячекилометровую пустыню. Да нет, они же не смогут взять с собой весь нужный кислород, тем более еду и приборы. И даже здесь, около экватора, никто не выживет ночью под открытым небом.

— Придется сигналить как-нибудь иначе,— спокойно сказал Хилтон.— Утром полезем на холмы и осмотримся. Чего нам беспокоиться? — Он зевнул и потянулся, заполнив всю кабину.— Беспокоиться нечего. Воздуху на несколько дней, батареи заряжены, а голодать мы начнем через неделю, но вряд ли мы здесь столько проторчим.

Само собой получилось, что Хилтон взял власть в свои руки, хотя, может быть, и сам того не понял. Пилот без размышлений уступил ему свои прерогативы.

— Значит, Фобос встанет через час? — спросил Хилтон.

— Да.

— Сколько времени он будет над нами? Никак не могу запомнить, как тут движется ваш дурацкий месячишко.

— Он встает на западе и садится на востоке через четыре часа.

— Значит, на юге будет около полуночи? Да мы вообще не сможем его увидеть! У него целый час будет затмение.

— Ну и луна! — фыркнул Гибсон.

— Это неважно,— спокойно сказал Хилтон.— Мы же знаем, где он, так что радировать сможем. Больше сегодня делать нечего. Колоды ни у кого нет? Нет? Тогда, может, Мартин развлечет нас рассказами.

Но Гибсон не ударил в грязь лицом.

— И не подумаю,— сказал он.— Кому тут рассказывать, как не вам?

Хилтон застыл, и на секунду Гибсон испугался, не обиделся ли он. Ему было известно, что Хилтон редко говорит об экспедиции на Сатурн, но он не мог упустить такой удобный случай. Он знал, что больше случая не представится; к тому же рассказы о великих приключениях поддерживают дух. Хилтон, кажется, сам это понял и улыбнулся:

— Хорошо вы меня поймали, Мартин. Ладно, расскажу при одном условии.

— При каком?

— Никаких прямых цитат, пожалуйста.

— Ну что вы!

— А когда будете про это писать, сперва покажите мне рукопись.

— Непременно покажу!

Это превосходило самые смелые ожидания Гибсона. Он и не собирался сразу писать о приключениях Хилтона и очень обрадовался, что тот дает ему такое право. Ему как-то не пришло в голову, что для этого просто может не представиться случая.

За стенами самолета царила марсианская ночь и небо было усеяно булавками звезд. В бледном свете Деймоса, как в холодном фосфорическом свечении, чуть виднелся окружающий пейзаж. На востоке во всей своей красе вставал Юпитер — самая яркая точка на небе. Но четверо в потерпевшем крушение самолете были сейчас на шестьсот миллионов километров дальше от Солнца.

Многие до сих пор удивляются, что люди побывали на Сатурне, а не на Юпитере. Но в космоплавании неважно расстояние как таковое. На Сатурн отправились благодаря

поразительной удаче, в которую до сих пор трудно поверить. Спутник Сатурна Титан — самый большой из спутников Солнечной системы, раза в два больше Луны. Еще в 1944 году открыли, что у Титана есть атмосфера. Дышать ею нельзя, но польза от нее огромная — это метан, незаменимое ракетное горючее.

«Арктур» с командой из шести человек был запущен с орбиты Марса. Он достиг системы Сатурна только через девять месяцев. Запас горючего был ровно таким, чтобы безопасно сесть на Титане. Там заработали насосы и накачали в баки метан, которого здесь были триллионы тонн. Так, заряжаясь на Титане по мере надобности, «Арктур» посетил пятнадцать известных спутников Сатурна и большую систему кольца. Через несколько месяцев о Сатурне стало известно больше, чем за все предыдущие века.

За это пришлось расплачиваться. Двое из команды погибли от лучевой болезни после ремонта двигателей. Их похоронили на Дионе, четвертой луне. Начальник экспедиции капитан Энверс был убит лавиной твердого воздуха, и тело его не нашли. Хилтон принял командование и с двумя оставшимися привел «Арктур» на Марс почти через год.

Вот что знал Гибсон. Он еще помнил радиопередачи, которые шли через космос от мира к миру. Но совсем иначе звучало все это в устах Хилтона, который рассказывал так спокойно и бесстрастно, словно был наблюдателем, а не участником.

Он говорил о Титане и о его младших братьях — маленьких спутниках, которые вместе с Сатурном похожи на модель Солнечной системы. Он описывал, как «Арктур» опустился наконец на внутреннем спутнике, Мимасе, который вполовину ближе от Сатурна, чем Луна от Земли.

— Опустились мы в большой долине, между двумя горами — думали, там грунт потверже. Не хотели повторять ошибку, которую сделали на Рее. Сели хорошо и полезли в скафандры. Смешно, всегда волнуешься, когда берешься за скафандр, сколько бы раз ни садился на новую планету.

Конечно, тяготение там не особенно большое, одна сотая земного. Ну, для того чтоб не улететь, хватит. Мне нра-

вится. Всегда знаешь: если потерпеть, где-нибудь да опустишься.

Прибыли мы утром рано. У них там день покороче земного. Мимас оборачивается вокруг Сатурна за двадцать два часа и все время одной стороной, так что день и месяц у них как на Луне. Сели мы в Северном полушарии, недалеко от экватора, и Сатурн почти целиком висел над горизонтом. Как будто огромная гора нависла где-то далеко. Больше Солнца.

Ну, вы эти фильмы видели, особенно тот, цветной, ускоренной съемкой, где показывается весь цикл его фаз. Но вряд ли вы представили, что это значит — там жить, когда над тобой висит эта штука. Он большой, его сразу взглядом не охватишь. Станешь к нему лицом, руки расставишь — и кажется, что концы пальцев достигают краев кольца. Мы эти кольца плохо видели, они стояли ребром, но забыть о них было нельзя — они бросали тень на планету.

Мы никогда не уставали на них смотреть. Они так быстро крутятся, и картина меняется все время. Эти самые облака, если это облака, переходят с одной стороны диска на другую за несколько часов. И цвета там зверские — все больше зеленые, коричневые, желтые. А иногда что-то извергается. Какие-то штуки, большие, с Землю,— взбухнут изнутри и медленно рассасываются по планете.

Просто глаз не оторвать, до того красиво. Даже когда Сатурн в первой фазе и его вообще не видно, на месте звезд — огромная дырка, так что все равно про него не забудешь. И еще забавная штука там была. Я о ней не сообщал, потому что сам не уверен. Раза два, когда мы были в тени Сатурна и ему полагалось быть темным, я заметил какое-то свечение. Оно исчезало почти сразу... А может, его и не было. Вероятно, в этом котле происходила какая-то химическая реакция.

Вы не удивляйтесь, что я хочу туда вернуться. Я вот о чем мечтаю. Подобраться поближе — действительно близко, километров на тысячу. Это совершенно безопасно, и горючего израсходуем немного. Надо просто лечь на параболическую орбиту и падать, как комета, которая идет вокруг Солнца. Конечно, около Сатурна мы будем только несколь-

ко минут, но за это время можно сделать массу записей. Еще бы я хотел сесть на Мимас и увидеть тот серп в полнеба. Для этого одного стоит туда лететь — чтоб увидеть, как Сатурн все бухнет и бухнет и что-то бушует у экватора. Да, стоит, даже если я оттуда не вернусь!

В последней фразе не было и капли пафоса — Хилтон просто сообщал факт, и все ему поверили. Несколько минут после рассказа всем хотелось того же самого.

Гибсон прервал долгое молчание; он подошел к иллюминатору и посмотрел в темноту.

— Может, выключим свет?

Пилот выключил свет, и все прижались к иллюминаторам.

— Смотрите,— сказал Гибсон.— Поверните голову... еще...

Скалы, около которых они лежали, уже не казались стеной непроглядной тьмы. На вершинах мерцал какой-то свет, и отблески его падали на долину. На западе взошел Фобос; он пятился по небу к югу, будто метеор. Свет с каждой минутой становился сильнее, и пилот принялся сигналить, но бледный свет исчез так внезапно, что Гибсон даже крякнул. Фобос вошел в тень Марса, и, как бы высоко он ни поднялся, его не увидишь целый час. А никто не мог сказать, будет ли он и через час хоть немного виднеться над холмами и сможет ли принять сигналы.

Они надеялись еще почти два часа. Потом снова замерцал свет, теперь на востоке. Фобос вынырнул из затмения и стал спускаться к горизонту, которого должен был достичь через час с минутами. Пилот с отвращением отмахнулся от передатчика.

— А ну его! — сказал он.— Надо попробовать что-нибудь другое.

— Знаю! — радостно воскликнул Гибсон.— Мы не можем понести передатчик на вершину холма?

— Я об этом думал. Черта с два вытащишь его без инструментов! Он же вмонтирован в кабину.

— Ну, больше мы в темноте ничего не сможем сделать,— сказал Хилтон.— Давайте поспим до утра. Спокойной ночи!

Совет был хороший, но не легкий. Гибсон долго еще строил планы на завтрашний день. Пока свет Фобоса ехидно мерцал на холмах, он никак не мог заснуть.

Но даже во сне он видел, что приделывает приводные ремни от мотора к шасси, чтобы оно протащило их тысячу километров, до самого Скиапарелли.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Когда Гибсон проснулся, солнце уже взошло. Оно еще скрывалось за скалами, но лучи, отраженные от красного камня, освещали кабину неземным, зловещим светом. Мартин с трудом потянулся — спать в этом кресле было очень неудобно,— потом огляделся и увидел, что Хилтона и пилота нет. Джимми крепко спал. Другие, наверное, встали рано и пошли на разведку. Гибсон немножко обиделся, что его не взяли; но тут же понял, что обиделся бы еще больше, если бы его разбудили.

На видном месте была приколота записка от Хилтона: «Вышли в 6.30. Вернемся через час. Будем голодны. Фред».

Намек был ясен, да и сам он хотел есть. Он стал копаться в запасах продуктов, размышляя, на сколько их хватит. Его попытки сварить кофе на маленьком кипятильнике разбудили Джимми. Тот увидел, что проснулся последним.

— Как спалось? — спросил Гибсон, ища чашки.

— Здорово! — сказал Джимми, расчесывая волосы пальцами.— Как будто неделю не спал. А где другие?

И тут же получил ответ — что-то звякнуло в воздушной камере. Появился Хилтон, за ним — пилот. Они быстро стянули маски и согревательные скафандры — снаружи еще было холодно — и накинулись на шоколад и прессованное мясо, которые Гибсон разделил на безупречно ровные порции.

— Ну? — не без волнения спросил Гибсон.— Какой приговор?

— Одно могу точно сказать,— сказал Хилтон между двумя кусками,— спасибо, что мы живы!

— Это я знаю.

— Вы и половины не знаете. Вы не видели, где мы опустились. Повернули бы на два градуса вправо — и все! Когда мы сели, мы немножко протащились вперед, но, как видите, не расшиблись. Тут и на запад и на восток идет большая долина. Сперва я подумал, что это русло реки, но скорее похоже на сдвиг. Скалы напротив нас — метров в сто высотой и совершенно отвесные, даже как-то нависают у вершины. Может, где-нибудь дальше и можно вскарабкаться — мы не пробовали. Да и незачем. Если мы хотим попасть в поле зрения Фобоса, нам надо пройти чуть к северу, там цепь обрывается. По-моему, надо бы вытащить самолет туда. Тогда мы могли бы радировать, а в телескоп или с воздуха было бы легче нас засечь.

— А сколько он весит? — с сомнением спросил Гибсон.

— Тонн тридцать. Конечно, кое-что можно выкинуть.

— Ни в коем случае! — сказал пилот.— Мы не можем терять воздух.

— Ах ты, господи, забыл! Ну, почва тут ровная, и шасси в порядке.

Гибсон недоверчиво хмыкнул: даже при трети земного тяготения вряд ли можно было сдвинуть самолет; но тут его внимание отвлек кофе.

Когда он ослабил в кипятильнике давление, забил пар, и с минуту казалось, что они надышатся газообразного кофе. На Марсе истинное мучение варить кофе и чай — вода здесь кипит около шестидесяти градусов, и тому, кто об этом забудет, приходится нелегко.

Не очень вкусный, но вполне сытный завтрак закончился в молчании — каждый вынашивал свой план. Они не слишком волновались; они знали, что искать их будут и освобождение — только вопрос времени. Но это время можно сократить, если они свяжутся с Фобосом.

Потом они пытались тащить самолет. Они долго его толкали, тянули и продвинули на несколько метров. Надели на шасси гусеницы, те завязли в мягком грунте, и они отступили, тяжело дыша, в кабину, чтобы обсудить дальнейшие действия.

— А белого у нас ничего нет? — спросил Гибсон.

Но и эта прекрасная идея потерпела крушение — они долго искали и нашли только шесть носовых платков да несколько тряпок. Все согласились, что даже при самых благоприятных условиях с Фобоса их не увидеть.

— Остается одно,— сказал Хилтон.— Надо открутить посадочные огни, привязать их к кабелю, затащить в гору и направить на Фобос. Лучше бы этого не делать, конечно. Жалко портить хороший самолет.

Судя по мрачному виду, пилот полностью разделял эти чувства. Тут Джимми пришла мысль:

— А может, соорудить гелиограф? Если мы направим зеркало на Фобос, они, может быть, его увидят.

— За шесть тысяч километров? — усомнился Гибсон.

— А что? У них есть телескопы, которые увеличивают больше чем в тысячу раз. Разве мы не увидели бы зайчик за шесть километров?

— Что-нибудь тут не так, только не знаю что,— сказал Гибсон.— Но вообще мысль неплохая. Есть у кого-нибудь зеркало?

Искали четверть часа и ничего не нашли. От идеи пришлось отказаться. Зеркала на самолете не было.

— Давайте отрежем кусок крыла и отполируем,— не совсем уверенно сказал Хилтон.— Может, сойдет.

— Его не очень-то отполируешь. Сплав магния,— сказал пилот, все еще пытаясь отстоять свою машину.

Услышав слово «магний», Гибсон вскочил.

— Подбросьте меня три раза! — крикнул он.

— С удовольствием,— сказал Хилтон,— только зачем?

Не отвечая, Гибсон пошел в хвост и принялся рыться в багаже, спиной к заинтересованным зрителям. Он быстро нашел то, что ему было нужно, и повернулся:

— Вот!

Вспышка невыносимого, режущего света осветила все углы. На несколько мгновений все ослепли, и на сетчатке отпечаталась кабина, словно освещенная молнией.

— Простите,— сказал Гибсон,— я никогда не включал ее на полную силу в помещении. Она для ночной съемки на открытой местности.

— М-да...— сказал Хилтон, протирая глаза.— Я думал, вы бросили атомную бомбу. Вы что, должны убивать тех, кого снимаете?

— В помещении она вот какая,— сказал Гибсон и показал. Все снова зажмурились, но сейчас вспышка была едва заметна.— Это я специально заказал на Земле. Для верности, чтобы снимать ночью на цветную пленку. Пока что не было случая использовать.

— Дайте посмотреть,— сказал Хилтон.

Гибсон протянул лампу и объяснил, как ею пользоваться.

— Тут сверхмощная батарея, одного заряда хватает на сто вспышек.

— Сто вспышек высшей мощности?

— Да. А простых — тысячи две.

— Ну, энергии тут достаточно для хорошей бомбы.

Хилтон рассматривал маленький, с вишню, разрядник в центре небольшого рефлектора.

— Мы можем его сфокусировать, чтоб получился хороший луч? — спросил он.

— За рефлектором есть защелка. Луч будет чуть широковат, но ничего.

Хилтон обрадовался:

— Да, это они увидят даже при ярком солнечном свете, если телескоп хороший. Но все-таки нам не стоит зря расходовать вспышки.

— Фобос сейчас хорошо стоит, правда? — спросил Гибсон.— Пойду помигаю.

Он встал и начал прилаживать маску.

— Дайте не больше десяти вспышек,— предупредил Хилтон.— Надо приберечь их до ночи. И постарайтесь встать в тени.

— Можно, я тоже пойду? — спросил Джимми.

— Иди уж,— сказал Хилтон.— Только держитесь вместе и ничего не исследуйте. А я посмотрю пока что, нельзя ли как-нибудь приспособить посадочные огни.

Оттого что сейчас у них был точный план действий, они все развеселились. Прижимая к груди камеру и драгоценную лампу, Гибсон резво поскакал по долине. Как ни странно, все на Марсе почти сразу приспосабливались к низкому тяготению и шагали тем же шагом, что на Земле. Но при желании вполне можно было использовать и остаток силы.

Вскоре они вышли из тени скалы и увидели открытое небо. Маленький полумесяц Фобоса был уже высоко на западе и быстро утоньшался на пути к югу, превращаясь в тоненький серп. Гибсон задумчиво на него поглядел и подумал, смотрит ли кто-нибудь сейчас на эту часть Марса. Скорее всего, сюда смотрели — ведь место крушения, по-видимому, приблизительно знали. И нелепое желание охватило его — запрыгать, замахать руками и даже закричать: «Мы здесь! Мы здесь!»

Он пытался представить себе, как выглядит это место в телескоп, который, как он надеялся, сейчас обшаривает Этерию. Наверное, как пятнисто-зеленое поле, а большая цепь скал — как красная лента, которая отбрасывает тень, когда солнце низко. Сейчас, наверное, тени не было — только несколько часов прошло с восхода. Гибсон решил, что самое лучшее стать посередине самого темного пятна растительности.

Примерно в километре от упавшего самолета была неглубокая впадина, и здесь, в самом низком месте долины, они увидели коричневую полоску, кажется, покрытую довольно высокими растениями. Гибсон направился туда; Джимми не отставал от него.

Они оказались среди тонких, каких-то кожистых растений. Таких они еще не видели. Прямо от грунта вверх росли длинные извилистые листья, покрытые бесконечными пупырышками, которые, судя по виду, могли содержать семена. Гладкая сторона была повернута к солнцу, и Гибсон с интересом заметил, что она черная, а теневая — грязно-белая. Довольно просто, но неплохо — расходуется минимум тепла.

Не тратя времени на ботанику, Гибсон прокладывал дорогу к центру маленькой рощи. Листья росли не слишком густо, идти было нетрудно. Когда он зашел достаточно далеко, он поднял лампу и стал посылать вспышки на Фобос.

Сейчас спутник тонким серпом висел недалеко от солнца, и Гибсон чувствовал себя очень глупо, посылая вспышки прямо в сияющее летнее небо. Но время было выбрано очень

хорошо. На стороне Фобоса, обращенной к ним, темно, и телескопам легко их искать. Он помигал пять раз, давая через равные промежутки по две вспышки,— так на Фобосе скорее поймут, что сигналы искусственные.

— На сегодня хватит,— сказал Гибсон.— Остальное прибережем на ночь. Давайте посмотрим эти растения. Знаете, что они мне напоминают?

— Гигантские водоросли,— быстро сказал Джимми.

— Вот именно. Интересно, что в этих пупырышках? У вас есть нож? Спасибо.

Гибсон ткнул ножом в черный пузырек. Там, наверное, был газ под большим давлением, потому что тут же послышался тихий свист.

— Какая странная штука,— сказал Гибсон.— Заберем с собой.

Не без труда они отпилили одно из растений у самого корня. Из среза полилась темно-коричневая жидкость с пузырьками газа. Повесив добычу на плечо, Гибсон направился к самолету — не подозревая, что несет будущее планеты.

Они прошли немножко и наткнулись на чащу погуще. Ориентировались они по солнцу и заблудиться не могли, особенно в такой маленькой роще, так что не особенно старались возвращаться тем же путем. Гибсон шел впереди, и ему приходилось трудно. Он подумал, не поступиться ли гордостью и не пустить ли вперед Джимми, как вдруг вышел на тропинку, которая бежала в нужном направлении.

Для объективного наблюдателя это было бы интересным примером замедленности мыслительных процессов. И Гибсон, и Джимми прошли шагов десять, пока вспомнили простую, но поразительную истину: тропинки не прокладываются сами собой.

— Пора бы им вернуться, а? — сказал пилот, когда помог Хилтону отвинчивать огни от нижней части крыла.

Работа оказалась нелегкой. Хилтон надеялся, что найдет достаточно кабеля в самолете, чтоб установить огни подальше. Конечно, они не такие яркие, как лампа Гибсона, зато светят непрерывно.

— Сколько времени их нет? — спросил Хилтон.

— Минут сорок. Я надеюсь, у них хватит ума не заблудиться.

— Гибсон слишком осторожен, чтоб уйти далеко. А юному Джимми я бы, конечно, не доверял. Был бы один — пошел бы искать марсиан.

— Вот они. Как будто спешат.

Две фигурки выскочили из рощи и понеслись по долине. Они так явно торопились, что двое у самолета отложили инструменты и со все возрастающим интересом поджидали их.

Столь раннее возвращение Гибсона и Джимми свидетельствовало об их выдержке и самообладании. Довольно долго они стояли, уставившись на тропинку. На Земле в ней не было бы ничего особенного. Именно такие тропинки прокладывает скот в кустах или звери в лесу. Потому они и не обратили на нее внимания; но даже сейчас им хотелось как-то попроще ее объяснить.

Гибсон заговорил первый — так тихо, словно боялся, что его подслушивают.

— Тропинка, Джимми. Откуда она могла взяться? Здесь никого раньше не было.

— Наверное, звери.

— Большие...

— Как лошадь.

— Или как тигр.

Они помолчали. Потом Джимми сказал:

— Ну, если дело дойдет до поединка, эта ваша лампа кого угодно удержит!

— Если у них есть глаза,— сказал Гибсон.— А вдруг у них какие-нибудь другие чувства?

Джимми изо всех сил пытался изобрести утешительные доводы:

— На Марсе никто не может бегать быстрее нас или выше прыгать.

Гибсону очень хотелось верить, что это заявление вызвано не трусостью, а благоразумием.

— Никакой опасности нет,— твердо сказал он.— Мы сейчас вернемся и скажем остальным. А потом решим, как пойти на разведку.

У Джимми хватило ума согласиться, но, пока они шли, он все время оглядывался. Среди его недостатков действительно не было трусости.

Им пришлось долго убеждать, что это не дурной розыгрыш. Все знали, почему не может быть животной жизни на Марсе. Дело было в обмене веществ: животные сжигают пищу намного быстрее, чем растения, и не могут жить в такой разреженной атмосфере. Биологи поспешили это доказать, как только исследовали жизнь на Марсе, и последние десять лет о животных не думал никто, кроме неизлечимых романтиков.

— Ну хорошо, вы ее видели,— сказал Хилтон.— Но ведь может быть какое-нибудь простое объяснение.

— Идите посмотрите сами,— сказал Гибсон.— Говорю вам, отличная тропинка.

— Иду, иду,— заверил Хилтон.

— И я иду,— сказал пилот.

— Минутку. Мы не можем идти все. Кто-то должен остаться.

Гибсон чуть не вызвался, но тут же понял, что никогда себе этого не простит.

— Это я ее нашел,— твердо сказал он.

— Кажется, назревает бунт,— заметил Хилтон.— Есть у кого-нибудь монета? Из вас троих пойдут те, у кого выпадет одинаковая сторона.

— Ну, охотнички,— сказал пилот, когда он один выбросил решку,— жду вас дома через час. Если задержитесь дольше, привезите мне марсианскую принцессу.

Несмотря на свой скептицизм, Хилтон отнесся к делу серьезнее.

— Нас трое,— сказал он.— Так что бояться нечего. Но даже если не вернется ни один из нас, сидите тут и не ходите нас искать.

— Ясно... Буду сидеть.

Они пошли по долине к рощице. Гибсон показывал дорогу. Дойдя до водорослей, они легко обнаружили тропинку. Хилтон уставился на нее молча, а Гибсон и Джимми смотрели на него с выражением: «А что я говорил?!»

— Давайте вашу лампу, Мартин,— наконец сказал Хилтон.— Я пойду первым.

Спорить не стоило. Хилтон был выше, сильнее и тренированнее. Гибсон без возражений отдал свое оружие. Он пытался убедить себя, что животное, никогда не встречавшее человека, редко относится к нему враждебно; однако на свете было достаточно исключений из этого правила, чтобы сделать жизнь интересной.

Они прошли почти половину рощицы; тропинка раздвоилась. Хилтон повернул направо и скоро понял, что зашел в тупик — на полянку метров в двадцать диаметром. Все растения были срезаны или съедены — у самого грунта торчали только низенькие пеньки. Они уже снова начали давать побеги; по-видимому, таинственные существа оставили на время это место.

— Травоядные,— тихо произнес Гибсон.

— И умные,— сказал Хилтон.— Смотрите, корни оставляют. Пойдемте налево.

Через пять минут они вышли на другую полянку. Она была намного больше первой. Хилтон положил руку на лампу, а Гибсон ловким, хорошо отработанным движением вскинул камеру и стал снимать самые знаменитые фотографии в мире. Только после этого все трое принялись разглядывать марсиан.

В эту минуту развеялись прахом века фантазий и легенд о немыслимых существах. Ушли неоплаканными жуткие Уэллсовы чудища и легионы кошмарных ползучих тварей. Заодно ушел миф о холодном, нечеловеческом разуме, бесстрастно взирающем на человека с легендарных высот и уничтожающем нас так же просто, как мы давим блох.

На полянке было десять существ, слишком занятых едой, чтобы обратить внимание на незваных гостей. Больше всего они напоминали очень толстых кенгуру. Почти шарообразные тела покачивались на длинностопных тонких ножках. Шерсти у них не было, а шкурка странно поблескивала, как полированная кожа. Слабые ручки, на вид чрезвычайно гибкие, находились там же, где и у людей, и заканчивались тоненькой кистью, маленькой, как птичья лапка, тоненькой и беспомощной. Шеи не было и следа, голова сидела

прямо на плечах, а глаза были большие, светлые, с широкими веками. Носа тоже как будто не было. Зато был смешной треугольный рот с тремя зубами, которые быстро перетирали листья. Большие, почти прозрачные уши колыхались по бокам, иногда сворачиваясь в трубочки; и казалось, что они прекрасно улавливают звуки даже в этой разреженной атмосфере.

Самый большой был примерно с Хилтона, другие — намного меньше. Марсианенка пришлось бы определить затрепанным эпитетом «резвый». Росту в нем было меньше метра. Он восторженно скакал, пытаясь схватить самые сочные листья, и время от времени испускал тоненькие, визгливые, невыносимо трогательные крики.

— Как вы думаете, высоко они развиты? — наконец прошептал Гибсон.

— Трудно сказать. Смотрите, какие осторожные — не хотят губить растение. Конечно, это может быть инстинкт. Пчелы тоже умеют строить соты.

— Как они медленно передвигаются!.. Интересно, теплокровные они?

— А почему у них непременно должна быть кровь? С нашим обменом в таком климате не выживешь.

— Они уже нас заметили.

— Да. Большой знает, что мы здесь. Я видел, он на нас смотрит краем глаза. Вон как навострил уши...

— Давайте выйдем на открытое место.

Хилтон подумал.

— Не вижу, как бы они могли нам повредить, если бы даже захотели. Ручки у них слабые. Правда, зубы... Пойдемте очень медленно. Если они на нас накинутся, я мигну лампой, а вы бегите. Что-что, а бегаем мы быстрее. Не похожи они на скороходов.

Они двинулись на полянку — медленно, чтобы не спугнуть. Теперь не оставалось сомнений, что марсиане их увидели. Они подняли на людей большие спокойные глаза, отвернулись и занялись более важным делом.

— Нет в них любопытства,— сокрушался Гибсон.— Неужели мы такие неинтересные?

— Эй, младший нас заметил! Чего это он?

Малыш марсианин перестал есть и смотрел на них с выражением, которое могло выражать, все, что угодно,— от презрительного недоверия до надежды на угощение. Потом он дважды взвизгнул, на что один из старших неприветливо протрубил, и двинулся к заинтересованным зрителям.

Шагах в двух он остановился, не выказывая признаков ни страха, ни осторожности.

— Здравствуйте,— торжественно сказал Хилтон.— Разрешите представить вам моих друзей. Справа от меня Джеймс Спенсер, слева — Мартин Гибсон. Боюсь, я не совсем хорошо расслышал ваше имя.

— Сквик! — сказал маленький марсианин.

— Очень рад, Сквик. Чем могу служить?

Сквик протянул ручку и с интересом дернул Хилтона за куртку. Затем он подпрыгнул к Гибсону, который спешил запечатлеть на пленке этот обмен любезностями, и снова протянул любопытную ручку. Гибсон поскорее убрал камеру, протянул свою руку, и маленькие пальчики с неожиданной силой сжали ее.

— Общительный паренек, а? — сказал Гибсон, с трудом высвобождая руку.— Во всяком случае, не так замкнут, как его родные.

Взрослые не обращали на людей никакого внимания. Они тихо жевали на другом конце полянки.

— Хотел бы я чем-нибудь его угостить. Не думаю, чтоб он мог есть нашу пищу. Дайте ножик, Джимми. Нарежу ему водорослей в доказательство дружбы.

Сквик с благодарностью принял подарок, быстро съел и снова протянул ручку.

— Завоевали почитателя,— сказал Хилтон.

— Боюсь, это любовь по расчету,— вздохнул Гибсон.— Эй, оставь камеру, она несъедобная!

— Смотрите,— вдруг сказал Хилтон,— тут что-то не так. Как по-вашему, какого он цвета?

— Ну, спереди коричневый, а сзади... Ого! Грязно-серый.

— Обойдите его сзади и угостите еще раз.

Гибсон так и сделал. Сквик обернулся, и тут случилась странная вещь: коричневая шкурка быстро побледнела и стала грязно-серой. Спинка же, наоборот, потемнела.

— Ах ты, господи! — сказал Гибсон.— Прямо хамелеон. Зачем это он? Защитная окраска?

— Нет, тут дело сложнее. Посмотрите на тех. Видите, с солнечной стороны они коричневые, очень темные. Такое уж устройство. Хотят как можно больше поймать тепла и как можно меньше отдать. Вроде этих растений. Интересно, чей приоритет? Смотрите, старшие стоят как вкопанные пять минут.

Гибсон быстро стал фотографировать. Это было нетрудно — как только он передвигался, Сквик доверчиво поворачивался за ним и терпеливо ждал. Когда он закончил, Хилтон сказал:

— Не хотел бы прерывать эту трогательную сцену, но мы обещали через час вернуться.

— Мы можем идти не все. Будьте другом, Джимми, бегите домой и скажите, что все в порядке.

Но Джимми смотрел в небо. Он первый заметил, что над ними уже минут пять кружит самолет.

Их крик встревожил даже марсиан, которые с неудовольствием обернулись. Сквик так удивился, что отскочил назад, но преодолел страх и снова двинулся к людям.

— Пока! — крикнул Гибсон через плечо. Туземцы не реагировали.

У самого края рощи Гибсон заметил, что сзади кто-то гонится. Он остановился. За ним скакал Сквик.

— Кыш! — сказал Гибсон и замахал руками, как пугало.— Иди к маме, у меня ничего для тебя нет.

Но Сквик только осмелел и подбежал еще ближе. Все ушли уже далеко и упустили интереснейшую сцену. Гибсон пытался избавиться от нового друга, щадя в то же время его чувства.

Минут через пять он отказался от прямых воззваний и попробовал перейти к подкупу. К счастью, он забыл отдать Джимми нож и теперь, с трудом настрогав кучку водорослей, положил их перед Сквиком. Он надеялся, что еда займет марсианенка хоть на время.

Тут прибежали Хилтон и Джимми узнать, что с ним случилось.

— Сейчас иду,— сказал он.— Никак не могу прогнать Сквика. Ну, это ему меня заменит.

Пилот волновался. Час уже истек, а никого не было. Он взобрался на самолет и видел теперь половину долины и темное пятно растительности, в котором они исчезли. Он смотрел туда, когда с востока появился спасательный самолет и закружил в небе.

Убедившись, что самолет его увидел, пилот снова повернулся к долине. И вовремя. Из рощи шли люди — и он протер глаза, не веря себе...

Ушли они втроем. Сейчас возвращались четверо. Четвертый был какой-то странный.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

После самого удачного (как говорили потом) крушения в истории Марса визит в Порт-Скиапарелли показался необходимой разрядкой. Конечно, Гибсон был бы рад поскорее вернуться в Порт-Лоуэлл со своей добычей. Он уже не пытался избавиться от Сквика; и, поскольку вся колония с нетерпением ждала живого марсианина, они решили взять его с собой.

Но Порт-Лоуэлл не разрешил им вернуться, и столицу удалось увидеть только через десять дней. Под крупными куполами шел решающий бой за овладение планетой. Об этой битве — молчаливой битве не на жизнь, а на смерть — Гибсон знал только из радиосводок и, в сущности, радовался, что не участвует в ней.

Эпидемия, о которой мечтал доктор Скотт, наконец разразилась. Одна десятая населения Порт-Лоуэлла пала жертвой марсианской лихорадки. Но сыворотка с Земли сделала свое дело, и смертельных исходов было только три. С тех пор лихорадка ни разу не возвращалась на Марс.

Везти Сквика в Порт-Скиапарелли было нелегко — пришлось тащить с собой немало корма. Сперва боялись, что

юный марсианин не сможет жить под куполом в богатом кислородом воздухе, но оказалось, что это его ни капли не тревожит, хотя и сильно уменьшает его аппетит. Это полезное свойство объяснили позже; но никто никогда не узнал, почему Сквик так привязался к Гибсону. Некоторые не без ехидства предполагали, что дело тут в небольшом росте писателя.

Вместе с пилотом спасательного самолета и аварийной командой наши путешественники несколько раз наведывались к маленькой семье марсиан. Других семейств не нашли, но Гибсон никак не мог поверить, что они последние представители славного рода. Как выяснилось позже, это было не так.

Спасательный самолет искал их, когда принял сигналы с Фобоса, сообщавшие о вспышках в Этерии. Происхождение этих вспышек ставило всех в тупик, пока Гибсон с законной гордостью не объяснил, в чем тут дело. Двигатели ремонтировали несколько часов, и путешественники решили тем временем понаблюдать за марсианами в естественных условиях. Именно тогда разгадал Гибсон их тайну.

В далеком прошлом они, по-видимому, дышали кислородом и до сих пор нуждались в нем. Добывать кислород из почвы они не могли; зато его добывали растения, служившие им пищей. Гибсон быстро обнаружил, что в пупырышках содержится кислород под довольно высоким давлением. Замедлив до предела свои жизненные процессы, марсиане ухитрились установить союз — почти симбиоз — с растениями, которые в полном смысле слова стали необходимы им как воздух. Равновесие было неустойчивым: любая катастрофа могла нарушить его, но условия на Марсе давно не менялись, и оно держалось долго, пока не вмешался человек.

Ремонт затянулся, и в Порт-Скиапарелли они попали только через трое суток после вылета из Порт-Лоуэлла. Жители среднего по величине марсианского города (немногим меньше тысячи человек) размещались под двумя куполами на широком плоскогорье. Своим месторасположением город был обязан исторической ошибке — именно здесь произошла первая высадка на Марс. Только через несколько

лет решили перенести центр тяжести в Порт-Лоуэлл и законсервировать Порт-Скиапарелли.

Маленький город во многих отношениях был копией своего более сильного и более современного соперника. На его долю выпали геологические (точнее, аэрологические) изыскания и исследования близлежащих районов. И жители простить себе не могли, что Гибсон с товарищами набрели на величайшее в истории Марса открытие так близко от них.

Этот визит почти парализовал нормальную жизнь города — куда бы ни пошел Гибсон, на его пути собирались толпы. Особенно нравилось всем заманивать Сквика под яркий свет и смотреть, как он чернеет, пытаясь выжать все возможное из своего положения. Именно в Порт-Скиапарелли кому-то пришло в голову проектировать на Сквика несложные картинки, а потом фотографировать его. Дошло до того, что Гибсон с огорчением увидел на боку своего любимца грубое, но вполне четкое изображение известной телезвезды.

В общем визит в Порт-Скиапарелли особой радости не принес. За три дня они осмотрели все, что стоило осматривать, а несколько прогулок по окрестностям оказались довольно скучными. Джимми беспокоился об Айрин и то и дело заказывал долгие междугородные разговоры. Гибсону не терпелось вернуться в большой город — тот самый, который он так недавно считал деревней-переростком. Только Хилтон, человек терпеливый, не огорчался и наслаждался отдыхом.

Все же один раз Гибсону пришлось поволноваться. Он часто спрашивал себя, что случится, если откажет купол. Здесь он получил ответ — во всяком случае, более подробного ответа он бы не хотел.

Однажды в тихий предвечерний час он брал интервью у главного инженера. Рядом на длинных ногах восседал Сквик, похожий на огромную куклу-неваляшку. Гибсону казалось, что его собеседник становится все рассеяннее, словно ждет чего-то. И вдруг без предупреждения пол вздрогнул — один раз, второй, третий... Почти сразу из репродуктора раздался тревожный голос: «Прорыв купола! Прорыв купола! Учеб-

ная тревога! В вашем распоряжении десять секунд! Все в убежище! Учебная тревога!»

Гибсон вскочил с кресла, но тут же понял, что делать ничего не надо. Издалека донесся звук закрывающихся дверей, потом наступила тишина. Главный инженер встал, подошел к окну, посмотрел на единственную большую улицу.

— Кажется, все спрятались,— сказал он.— Конечно, нельзя объявлять тревогу совсем неожиданно. Мы проводим их раз в месяц, и приходится предупреждать, а то подумают, что настоящая.

— Что именно нам полагается делать? — спросил Гибсон, хотя ему уже говорили раза два.

— Как только услышите три подземных взрыва, бегите в убежище. Понимаете, когда давление падает, каждый дом переходит на самоснабжение. Воздуху должно хватить на несколько часов.

— А если кто-нибудь останется на улице?

— Давление падает не сразу, несколько секунд у вас есть. А станет дурно — втащат в дом, и человек придет в себя. Конечно, если сердце здоровое. Ну, с плохим сердцем на Марс не едут.

— Надеюсь, вам не придется проверить это на практике!

— Мы тоже надеемся. Но здесь, на Марсе, надо быть готовым ко всему. А вот и отбой.

Репродуктор заговорил снова:

— Учебная тревога окончена. Всех, кто не успел укрыться в течение контрольного времени, просим сообщить администрации. До свидания.

— Сообщат? — спросил Гибсон.— Что-то я не уверен.

Инженер засмеялся:

— Смотря кто. Если сами виноваты — может, и не сообщат. А вообще-то иначе не найдешь слабые места. Придет кто-нибудь и скажет: «Вот, смотри, я чистил плавильную печь, когда объявили тревогу, и выбирался оттуда две минуты. Что же мне, интересно, делать, когда будет настоящая?»

Гибсон с завистью взглянул на Сквика. Тот как будто спал; хотя, судя по легким движениям больших прозрачных ушей, разговор не оставлял его равнодушным.

— Хорошо ему, ни о каких давлениях не думает. Были бы мы такие, сколько бы мы сделали на Марсе!

— А что они сделали? — задумчиво спросил инженер.— Выжили — вот и все. Нельзя приспосабливаться к среде. Надо приспособить среду к нам.

Что-то похожее говорил Хэдфилд во время той, первой, встречи. Гибсон много раз вспоминал эти слова в последующие годы.

Возвращение в Порт-Лоуэлл можно было назвать триумфальным. Столичные жители, находившиеся в приподнятом настроении после победы над лихорадкой, с нетерпением ждали Гибсона и его добычу. Ученые готовились к встрече со Сквиком; особенно старались зоологи, спешно отменившие свои теории об отсутствии животной жизни на Марсе.

Гибсон отдал им своего любимца только тогда, когда они торжественно заверили его, что мысль о вивисекции им и в голову не приходила, и, лопаясь от идей, поспешил к Главному.

Хэдфилд встретил его приветливо. Мартин не без удовольствия заметил, что теперь Главный относится к нему иначе. Вначале он был, ну, не то чтоб сух, а как-то сдержан. В сущности, он и не скрывал, что Гибсон для него помеха, еще одна обуза. Теперь же, по всей видимости, Главный больше не считал его стихийным бедствием.

— Вы подарили мне новых, интересных подданных,— улыбнулся Хэдфилд.— Сейчас я видел вашего любимца. Подает надежды. Только что стукнул главного врача.

— Я надеюсь, они хорошо с ним обращаются? — забеспокоился Гибсон.

— С кем? С главным врачом?

— Нет, со Сквиком, конечно! Я все думаю, есть ли тут на Марсе другие не известные нам существа? Может быть, более развитые?

— Другими словами — единственные ли это марсиане?

— Вот именно!

— Много лет пройдет, пока мы узнаем... Но мне кажется — единственные. Условия, которые помогли им выжить, встречаются тут редко.

— Я хотел поговорить с вами.— Гибсон сунул руку в карман, вытащил кусочек «водоросли», проткнул пупырышек, и они услышали слабый свист газа.— Понимаете, если разводить эту штуку, мы решим проблему воздуха. Дадим ей песка побольше, а она даст нам кислород.

— Так-так...— уклончиво сказал Хэдфилд.

— Конечно, надо вывести сорт, который даст максимум кислорода,— продолжал Гибсон.

— Естественно,— отвечал Хэдфилд.

Тон его показался Гибсону странным. Он взглянул на Главного и увидел, что тот улыбается.

— Кажется, вы не принимаете меня всерьез! — горько заметил он.

Хэдфилд резко выпрямился.

— Что вы! — ответил он.— Я принимаю вас всерьез, и гораздо больше, чем вы думаете.— Он поиграл пресс-папье и решительно нажал кнопку микрофона.— Пришлите мне «блоху»,— сказал он.— С водителем. У первой Западной камеры, через тридцать минут.— Он обернулся к Гибсону: — Жду через полчаса.

Гибсон пришел на десять минут раньше. «Блоха» прибыла вовремя. Главный был точен, как всегда.

— Я поступаю опрометчиво,— сказал Хэдфилд, когда сверкающая зелень замелькала по сторонам.— Дайте мне слово, что никому ничего не скажете, пока я не разрешу.

— Ну конечно! — удивился Гибсон.

— Я вам доверяю — мне кажется, вы на нашей стороне. С вами гораздо меньше хлопот, чем я ожидал.

— Благодарю,— сухо сказал Гибсон.

— И еще: вы помогли нам ближе узнать нашу планету. Мы перед вами в долгу.

«Блоха» свернула к югу. Гибсон увидел холмы и вдруг понял, куда его везут.

— Я не могу остаться, даже если они разрешат,— сказал Джимми.— Пока у меня нет квалификации, я на жизнь не заработаю. Мне еще осталось два года практики и полет на Венеру... Выход один!

— Ах, мы уже говорили!.. Папа ни за что не позволит.

— Что ж, попытка не пытка. Я натравлю на него Мартина.

— Мистера Гибсона? Ты думаешь, он согласится?

— Если я попрошу — согласится. А уж он-то говорить умеет.

— Не понимаю, зачем ему беспокоиться.

— Он меня любит,— уверенно сказал Джимми.— Как можно торчать тут, на Марсе? Ты же не видела Земли — Парижа, Нью-Йорка, Лондона... Разве это жизнь?! И вообще, знаешь что?

— Что?

— С его стороны эгоистично держать тебя тут.

Айрин его не поддержала. Она очень любила отца и чуть было не выступила в его защиту. Ей приходилось разрываться между двумя властелинами, хотя ясно было, который из них победит в конце концов.

Джимми понял, что зашел слишком далеко.

— Конечно, он хочет тебе добра, но у него столько дел! Наверное, он совсем забыл Землю и не понимает, что ты теряешь. Нет, спасайся, пока не поздно!

Тут чувство юмора пришло ей на помощь; в чем, в чем, но в этом она была сильнее.

— Если бы мы были на Земле, ты бы мне доказал, что я обязана лететь на Марс!

Джимми немножко обиделся; потом увидел, что она не смеется.

— Ладно,— сказал он.— Договорились. Увижу Мартина, скажу ему, чтоб шел к твоему старику. А пока что давай забудем обо всех делах.

Это им почти удалось.

В маленькой долинке все было по-прежнему, только зелень немного потемнела, словно первое предупреждение далекой осени уже коснулось ее. «Блоха» приблизилась к большому куполу.

— Когда я был здесь в прошлый раз,— сухо заметил Гибсон,— мне сказали, что надо пройти дезинфекцию.

— Преувеличивали,— сказал Хэдфилд, ничуть не смутившись.— Отпугивают непрошеных гостей.— Дверь открылась по его знаку, и они быстро сдернули маски.— Приходится принимать предосторожности, но теперь они больше ни к чему.

Человек в белом халате — в чистом белом халате, какие носят только самые важные ученые,— ждал их.

— Здравствуйте, Бейнс,— сказал Хэдфилд.— Гибсон — профессор Бейнс. Надеюсь, вы слышали друг о друге?

Гибсон читал года два тому назад, что Бейнс, один из крупнейших специалистов по генетике растений, отправился на Марс для изучения его флоры.

— Значит, это вы открыли Oxyfera? — довольно вяло произнес Бейнс. Его рассеянный вид совсем не вязался с могучими мускулами и резкими чертами лица.

— Вы их так называете? — поинтересовался Гибсон.— Да, думал, что открыл. Сейчас начинаю сомневаться.

Хэдфилд поспешил его успокоить:

— Ваше открытие не менее важно! Но Бейнса животные не интересуют. С ним и говорить нечего о наших марсианских друзьях.

Они подошли к переходу в другой купол. Пока они ждали у двери, Бейнс спокойно предупредил: «Будет больно глазам» — и Гибсон прикрыл глаза рукой.

Здесь было так жарко и так светло, словно они шагнули с полюса в тропики. Воздух был тяжелый не только из-за жары, и Гибсон никак не мог понять, чем же он дышит. Не меньше четверти купола занимали высокие коричневые растения. Гибсон узнал их сразу.

— Значит, вам все время о них было известно? — сказал он не слишком удивленно и даже не особенно разочарованно (Хэдфилд прав: марсиане гораздо важнее).

— Да,— кивнул Хэдфилд.— Их открыли года два назад. У экватора их довольно много. Им нужно солнце. Ваши — самые северные.

— Чтобы добывать кислород из песка, требуется много энергии,— пояснил Бейнс.— Мы здесь им светом помогаем, ну и экспериментируем понемногу. Пойдемте, увидите, что получается.

Гибсон двинулся вперед, осторожно ступая по узкой тропинке. В сущности, эти растения были не совсем такие, как у него. Вместо пупырышек их испещряли мириады крохотных пор.

— Это очень важно,— сказал Хэдфилд.— Мы вывели вид, который отдает кислород непосредственно в воздух. Ему запасы не нужны. Он берет, сколько надо, из песка, а избыток отдает. Сейчас вы дышите только тем кислородом, который дали растения,— другого источника здесь нет.

— Понятно...— медленно произнес Гибсон.— Значит, вы предвосхитили мою идею и пошли гораздо дальше. Однако я все равно не понимаю, зачем такая секретность.

— Какая секретность? — спросил Хэдфилд с видом оскорбленной невинности.

— Такая! — не сдался Гибсон.— Сами меня просили никому ничего не говорить.

— Ах, это? Скоро будет официальное сообщение, мы просто не хотим преждевременно возбуждать надежды. А вообще-то особой секретности нет.

Гибсон размышлял над этими словами всю обратную дорогу. Хэдфилд сказал ему немало, но все ли? При чем здесь Фобос? Может быть, его подозрения лишены оснований и Фобос никак не связан с лабораторией? Его так и подмывало спросить Хэдфилда прямо, но он понимал, что только окажется в глупом положении.

Уже появились купола столицы, когда Гибсон заговорил о том, что не давало ему покоя в последнее время.

— «Арес» уходит через три недели, да? — спросил он.

Хэдфилд кивнул. Вопрос был чисто риторический — Гибсон знал ответ не хуже прочих.

— Я все думаю,— продолжал Мартин,— не задержаться ли мне немного. Ну, до будущего года хотя бы.

— О! — сказал Хэдфилд. В его тоне не было ни радости, ни недовольства, и Гибсон даже обиделся.— А как ваша работа?

— Здесь можно работать не хуже, чем на Земле.

— Надеюсь, вы понимаете, что, если вы останетесь, вам надо будет приобрести полезную профессию.— Хэдфилд

криво улыбнулся.— Я хочу сказать, вы должны будете что-то делать для колонии.

Уже лучше; во всяком случае, это значило, что Главный не отказался наотрез. Но в порыве энтузиазма Гибсон не подготовил ответа на такой вопрос.

— Я не собираюсь остаться здесь навсегда,— замялся он.— Я хотел бы немного понаблюдать за марсианами... И потом, я не хочу покидать Марс, как раз когда здесь становится интересно.

— Что вы имеете в виду? — быстро спросил Хэдфилд.

— Ну, эти растения... И Седьмой купол... Я хотел бы посмотреть, что из всего этого выйдет в ближайшие месяцы.

Хэдфилд задумчиво взглянул на него. Он удивился меньше, чем думал Гибсон. Такие вещи уже случались. К тому же он подозревал, что это может случиться именно с Гибсоном.

— Энтузиазм — еще не все,— сказал Хэдфилд.

— Я знаю.

— Наш маленький мир держится на двух вещах: на профессиональном умении и тяжелой работе. Тем, кто не способен ни к тому ни к другому, лучше вернуться на Землю.

— Работы я не боюсь. Я мог бы, например, служить в администрации.

«Очень может быть,— подумал Хэдфилд.— В таких делах главное — ум, а ума у Гибсона хватает. Но здесь этого мало. Лучше не обнадеживать его слишком до разговора с Уиттэкером».

— Вот что,— сказал Хэдфилд,— подайте заявление, а я запрошу Землю. Ответ придет примерно через неделю. Конечно, если они откажут, мы бессильны.

Гибсон знал, как мало Хэдфилд считается с земными распоряжениями, если они не совпадают с его планами, но возражать не стал.

— А если согласятся, все в порядке? — спросил он.

— Тогда я начну думать.

«Что ж, и то хлеб!» — решил Гибсон.

Дверь камеры открылась перед ними, и «блоха» прыгнула в город. В конце концов, даже если он поступил опрометчиво, невелика беда. Можно вернуться через год... или через два года...

Он знал, что многие его приятели скажут, прочитав новость: «Слыхали? Кажется, Марс сделал из него человека! Кто бы мог подумать!» Ему совсем не хотелось стать наглядным пособием. Даже в самые чувствительные минуты Гибсон не питал склонности к старомодным притчам о том, как ленивый эгоист превращается в полезного члена общества. Однако, к его величайшему недоумению, что-то удивительно похожее творилось с ним.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

— Говорите прямо, Джимми.

— Я думаю, какое безобразие, что Айрин никогда не видела Землю! — сказал Джимми, ковыряясь в синтетическом омлете.

— А вы уверены, что ее туда тянет? Я здесь не слышал о Земле ни одного хорошего слова.

— Тянет, тянет! Я спрашивал.

— Перестаньте крутить, Джимми. Что вы оба задумали? Хотите сбежать на «Аресе»?

Джимми кисло усмехнулся:

— Это мысль! Только очень трудно. А если честно, вы не думаете, что Айрин надо отправиться на Землю? Если она здесь останется, она превратится в... э-э...

— В деревенскую дурочку?

— Ну зачем вы так резко?..

— Виноват, не хотел. В сущности, я с вами согласен. Надо бы кому-нибудь поговорить с Хэдфилдом.

— Мы как раз...— заволновался Джимми.

— ...хотели меня подговорить? Сказали бы сразу, сэкономили бы уйму времени. Признайтесь мне честно, Джимми, это серьезно?..

Укоризненный взгляд был ему ответом.

— Очень серьезно. Вы и сами знаете. Я хочу на ней жениться, как только ей будет двадцать один, а я смогу зарабатывать на жизнь.

Они помолчали.

— Что ж, могли выбрать хуже,— сказал Гибсон.— Она хорошая девушка. Но сейчас бы я Хэдфилда не трогал. Он очень занят и... В общем, я уже обратился к нему с просьбой.

Джимми вопросительно взглянул на него. Гибсон откашлялся:

— Рано или поздно все узнают, но пока что не говорите никому. Я хочу остаться.

— Вот тебе на! — воскликнул Джимми.— Это... это правильно.

Гибсон подавил улыбку.

— Значит, правильно?

— Ну конечно! Я бы сам хотел.

— Даже если бы Айрин уехала на Землю? — сухо спросил Гибсон.

— Это нечестно! А на сколько вы остаетесь?

— Сам не знаю. Начать с того, что мне надо приобрести профессию.

— Какую профессию?

— Несложную, по моим силам. Вы можете что-нибудь придумать?

Джимми замолчал и сосредоточенно нахмурился. Гибсон не мог понять, о чем он думает. Грустит о скорой разлуке? За последние недели сложности их отношений рассосались. Они достигли равновесия чувств; это было приятно, но для Гибсона маловато.

— Боюсь, ничего не придумаю,— сказал Джимми.— Конечно, вы могли бы занять мое место... Да, кстати. Я вчера слышал в управлении одну штуку.— Он перешел на шепот и перегнулся через стол, как заговорщик: — Вам известно о проекте «Заря»?

— Нет. А что это такое?

— Сам хочу узнать. Что-то очень секретное.

Гибсон насторожился.

— Я задержался в картотеке. Сижу себе, разбираю карточки, а тут входят Главный с мэром. Они не знали, что я там, и громко говорили. Я не хотел подслушивать, ну, сами понимаете... Вдруг мэр Уиттэкер говорит (кажется, я точно

запомнил): «Что бы ни случилось, Земля нам оторвет голову за проект "Заря". Даже если все кончится удачно». Главный усмехнулся и сказал, что победителей не судят. Больше я не слышал, они ушли. Что вы об этом думаете?

«Проект "Заря"»! От этих слов у Гибсона забилось сердце. Несомненно, тут замешаны те маленькие купола, но это еще не объясняет слов Уиттэкера. А может, объясняет?

Выступление Гибсона в роли частного сыщика не увенчалось успехом. После двух довольно неуклюжих попыток он понял, что в лоб действовать нельзя. Сперва он отправился к бармену Джорджу, который знал все и вся и служил для Гибсона ценным источником информации. Но на этот раз пользы от него не было.

— Проект «Заря»? — переспросил Джордж удивленно.— В жизни не слышал!

Он был хороший актер, и трудно было сказать, врет он или нет.

Разговор с редактором местной газеты оказался ненамного плодотворнее. Обычно Гибсон старался не попадаться Уэстермену на глаза (тот требовал от него статей), и потому оба сотрудника редакции с некоторым удивлением взглянули на посетителя.

Вручив редактору несколько машинописных копий в виде трубки мира, Гибсон расставил ловушку.

— Собираю материал о проекте «Заря»,— небрежно бросил он.— Скоро его рассекретят. Хочу все подготовить к тому времени.

Наступило гробовое молчание. Наконец Уэстермен сказал:

— Я думаю, вам лучше поговорить с Главным.

— Не хотел бы его беспокоить,— невинно бросил Гибсон.— Он так занят...

— От меня материала не ждите.

— Другими словами, вы ничего не знаете?

— Если хотите. На Марсе вам могут быть полезны человек пятьдесят, не больше.

Сведение, не лишенное пользы...

— Не принадлежите ли вы, часом, к их числу? — поинтересовался Гибсон.

Уэстермен пожал плечами:

— Я смотрю в оба и строю свои предположения.

Эта беседа подтвердила по крайней мере две вещи: проект действительно существовал и содержался в строжайшем секрете. Оставалось, следуя примеру Уэстермена, смотреть в оба и строить предположения.

Гибсон решил прервать на время розыски и зайти в биофизическую лабораторию, где в качестве почетного гостя проживал Сквик. Марсианин благодушно сидел на задних лапах, пока ученые совещались в углу, чему бы еще его подвергнуть. Завидев Гибсона, он взвизгнул от радости и поскакал по комнате, свалив по дороге стул, но счастливо обходя более дорогие приборы. Стая биологов смотрела на эти проявления чувств с некоторым раздражением. Вероятно, они не совпадали с их взглядами на психологию марсиан.

— Ну как? — спросил Гибсон, высвободившись из объятий Сквика.— Определили степень его развития?

Ученый почесал за ухом.

— Странный он. Иногда нам кажется, что он над нами издевается. Понимаете, он совсем не похож на своих родичей.

— В чем же?

— У других мы не заметили ни признака эмоций. Любопытства они лишены начисто. Если их не трогать, они не обращают на вас абсолютно никакого внимания.

— А если трогать?

— Отмахнутся, как от любого препятствия. Если могут, просто уйдут. Понимаете, что бы вы ни делали, их невозможно вывести из себя.

— Хороший характер? Или просто глупые?

— Я бы сказал, ни то ни другое. У них очень долго не было врагов, и они не могут себе представить, что кто-нибудь желает им зла. Сейчас они, по-видимому, живут привычкой. Жизнь у них тяжелая, они не могут себе позволить такую роскошь, как любопытство и прочие чувства.

— Как же вы объясните его поведение? — спросил Гибсон, указывая на Сквика, который шарил по его карманам.— Есть он не хочет, я ему предлагал. По-видимому, чистая любознательность.

— Может быть, они проходят такую фазу в детстве. Вспомните, как отличается котенок от кошки или ребенок от взрослого.

— Значит, когда Сквик вырастет, он будет как все?

— Может быть, а может, и нет. Мы не знаем, в какой мере он способен усваивать новые навыки. Например, он очень легко находит выход из лабиринта — если захочет, конечно.

— Бедный Сквик,— сказал Гибсон,— иногда меня грызет совесть, что я увел тебя из дому. Что ж, ты сам виноват. Пошли гулять!

Сквик немедленно запрыгал к двери.

— Видели? — воскликнул Гибсон.— Он меня понимает.

— Ну, собака тоже понимает приказы. Может быть, и это привычка. Вы его каждый день уводите в одно и то же время. Могли бы вы привести его через полчасика? Мы хотим сделать энцефалограмму.

Жители Порт-Лоуэлла уже привыкли к виду странной пары, и толпы больше не собирались на их пути. После уроков Сквик обычно принимал юных поклонников, которые хотели с ним поиграть, но сейчас было еще рано, и дети томились в заточении. Когда Гибсон с приятелем вышли на Бродвей, там не было ни души; но вот вдалеке показался знакомый силуэт. Хэдфилд обходил свои владения, как всегда, в сопровождении двух кошек.

Топаз и Бирюза в первый раз встретились со Сквиком; их аристократическая выдержка чуть не изменила им, но они постарались это скрыть и, натянув поводки, скромно спрятались за спину Хэдфилда. Сквик же не обратил на них ни малейшего внимания.

— Настоящий зверинец,— улыбнулся Хэдфилд.

— Есть новости с Земли? — с опаской спросил Гибсон.

— А, по поводу вашего заявления!.. Я его только два дня как послал. Раньше чем через неделю ответа не ждите. Знаете, как там, внизу, делаются дела...

Гибсон уже заметил, что Земля всегда была «внизу», а другие планеты — «наверху», и ему рисовалась странная картина: длинный склон, спускающийся к Солнцу, на котором на разной высоте расположены планеты.

— Честно говоря, я не понимаю, при чем тут Земля,— не отставал Гибсон.— В конце концов, речь идет не о лишнем месте в космолете. Я уже здесь. Им даже легче, если я не вернусь.

— Вы, конечно, не думаете, что такие здравые аргументы руководят теми, кто распоряжается там, на Земле,— возразил Хэдфилд.— Все должно пройти по инстанциям.

Обычно Хэдфилд не говорил о своих начальниках так беспечно. Гибсону стало приятно: это значило, что Главный ему доверяет, считает его своим. Сказать сейчас о двух других заботах — проекте и Айрин? Похлопотать об Айрин он обещал, но лучше сперва поговорить с ней самой. Да, предлог хороший, и можно отложить разговор с ее отцом.

Он откладывал так долго, что упустил инициативу. Айрин поговорила сама — конечно, не без влияния Джимми, от которого Гибсон на следующий день получил полный отчет. Но, взглянув на своего подопечного, он и так понял, каковы результаты.

Хэдфилд был слишком умен, чтобы стать в позу оскорбленного отца. Он объяснил ясно и трезво, почему Айрин должна обождать до двадцати одного года, когда он и сам отправится с ней попутешествовать. Оставалось всего три года.

— Три года! — убивался Джимми.— Все равно что три жизни!

Гибсон глубоко ему сочувствовал.

— Даже удивительно, как быстро идет время! — сказал он.

Он хотел было прибавить, что, к счастью, годы на Марсе исчисляются по-земному и содержат триста шестьдесят пять, а не шестьсот восемьдесят семь дней, но удержался.

— Как вы думаете,— сказал наконец Джимми,— если я сам к нему пойду, что ему сказать?

— А почему бы не сказать все как есть? Говорят, иногда правда творит чудеса.

Джимми метнул на него обиженный взгляд. Он не всегда знал точно, смеется над ним Гибсон или нет.

— Вот что,— сказал Гибсон.— Пойдемте сегодня вечером к нему домой и все выясним. В конце концов, попытайтесь понять и его. Откуда ему знать, что у вас не пустой флирт? А если вы сделаете предложение, это совсем другое дело.

Ему стало много легче, когда Джимми согласился сразу.

Надо сказать, Хэдфилд совсем не удивился, когда увидел, кого привел к нему Гибсон. Айрин благоразумно исчезла. Гибсон, как только смог, последовал ее примеру.

Он ждал в библиотеке, рассматривая книги, и думал, сколько же из них успел прочитать хозяин дома, когда вошел Джимми.

— Мистер Хэдфилд хочет вас видеть.

— Как дела?

— Не знаю...

Когда Гибсон вошел в кабинет, Хэдфилд сидел в глубоком кресле и смотрел на ковер так пристально, словно видел его впервые. Он указал гостю на другое кресло.

— Вы давно знаете Спенсера? — спросил он.

— С тех пор, как отбыл с Земли.

— Вы считаете, за это время можно было узнать его как следует?

— Можно ли узнать человека как следует за целую жизнь? — парировал Гибсон.

Хэдфилд улыбнулся и в первый раз поднял глаза.

— Не хитрите,— сказал он.— Что вы на самом деле о нем думаете? Вы бы хотели такого зятя?

— Да,— без колебания ответил Гибсон.— Очень бы хотел!

Хорошо, что Джимми его не слышал, а может быть, и плохо — ведь тогда бы он узнал, что на самом деле чувствует к нему Гибсон. Хэдфилд выпытывал все, что возможно, и одновременно испытывал самого Гибсона. Тот должен был это предвидеть; но, к своей чести, он заботился

только о Джимми. Когда Хэдфилд нанес главный удар, он был совершенно не подготовлен.

— Скажите,— резко произнес Хэдфилд,— почему вы так хлопочете о молодом Спенсере? Вы сами сказали, что знакомы с ним только пять месяцев.

— Да. Но когда мы уже несколько недель летели, я обнаружил, что учился в Кембридже с его родителями.

Хэдфилд поднял брови — по-видимому, удивился, что Гибсон не получил диплома. Но он был слишком тактичен и спросил о другом. Вопросы казались вполне невинными, и Гибсон простодушно на них отвечал. Он забыл, что говорит с одним из самых умных людей Солнечной системы, который по крайней мере не хуже его разбирается в человеческой душе. А когда понял, что случилось, было уже поздно.

— Простите,— с обманчивой мягкостью произнес Хэдфилд,— все, что вы говорите, не совсем убедительно. Я не хочу сказать, что это неправда. Вполне возможно, что вы так хлопочете о Спенсере потому, что хорошо знали его семью двадцать лет назад. Но вы слишком многого недоговариваете. И совершенно ясно, что все это трогает вас куда больше.— Он резко наклонился вперед.— Я не дурак, Гибсон. Человеческая психология — мое дело. Можете не отвечать, если не хотите, но, я думаю, вы передо мной в долгу. Джимми Спенсер — ваш сын?

Бомба взорвалась, все было позади. И в наступившем молчании Гибсон чувствовал только одно: насколько ему стало легче.

— Да,— сказал он.— Сын. Как вы догадались?

Хэдфилд улыбнулся. Кажется, он был доволен собой.

— Поразительно, как люди не видят себя со стороны! Думают, что ни у кого нет глаз! Вы с ним похожи. Когда я вас вместе увидел, я сразу подумал, что вы родственники.

— Как странно! — сказал Гибсон.— Мы были на «Аресе» три месяца, и никто ничего не заметил.

— Так ли уж странно? Они думали, что все о нем знают, а у меня не было предвзятого мнения. Скажите, Спенсер в курсе?

— Нет.

— Почему вы так уверены? И почему вы ему не скажете?

Допрос был беспощадный, но Гибсон не протестовал. Никто не имел такого права на эти вопросы, как Хэдфилд. А Гибсону нужен был человек, которому он мог бы все рассказать,— так же, как сам он был нужен Джимми.

— Лучше я расскажу все сначала,— произнес он, ерзая в кресле.— Когда я бросил университет, у меня был нервный срыв, и я почти год провел в больнице. Потом я вышел и потерял всякую связь с университетскими друзьями — они не очень стремились, да и я не хотел ворошить прошлое. Только через несколько лет я узнал, что было дальше с Кэтлин... с его матерью. К тому времени она уже умерла.— Он помолчал.— Я слышал, что у нее есть сын, но не обратил внимания. Мы всегда были — ну, осторожны... Во всяком случае, мы так думали. И я решил, что сын от Джеральда. Понимаете, я не знал, когда именно они поженились и когда Джимми родился. Я хотел все забыть и старался об этом не думать. Я даже не помню, пришло ли мне в голову хоть на минуту, что ребенок мог быть и мой. Вам, наверное, трудно поверить, но так уж оно есть... А потом я встретил Джимми, и все началось сначала. Сперва я его жалел, потом полюбил. Но я не догадывался, кто он. Я даже, помнится, находил в нем сходство с Джеральдом, хотя почти его не помню.

— А когда,— настаивал Хэдфилд,— вы открыли правду?

— Несколько недель назад, когда Джимми попросил меня заверить какой-то документ. Тогда я узнал дату его рождения.

— Понятно...— задумчиво сказал Хэдфилд.— Но ведь и это не абсолютное доказательство, верно?

— В данном случае неверно! — так обиженно заявил Гибсон, что Хэдфилд улыбнулся.— А если у меня и были сомнения, вы сами их рассеяли.

— Ну а Спенсер? — вернулся Хэдфилд к своему прежнему вопросу.— Вы не сказали мне, почему так уверены, что он ничего не знает. Он тоже мог сопоставить несколько дат.

— Не думаю,— медленно сказал Гибсон, осторожно выбирая слова.— Понимаете, он очень чтит свою мать. И потом, если бы он догадался, он бы не стал молчать, не такой он человек. Нет, я уверен, Джимми ничего не знает. Боюсь, если он узнает, это будет для него тяжелым ударом...

Хэдфилд помолчал. Потом пожал плечами.

— Он вас любит,— сказал он.— Перенесет.

— Как вы долго! — сказал Джимми.— Я думал, вы никогда не закончите. Что случилось?

Гибсон взял его за руку.

— Не волнуйся,— сказал он.— Все хорошо. Теперь все будет хорошо.

Он надеялся и верил, что говорит правду. Хэдфилд проявил благоразумие, а не от многих отцов его можно ждать даже в наше время.

— Мне не так уж важно,— говорил он,— кто его родители. Сейчас не девятнадцатый век. Мне важен он сам, и, надо сказать, он мне нравится. Кстати, я говорил о нем с Норденом, так что сужу не только на основании нашей беседы. Ну конечно, я давно все видел. В сущности, это было неизбежно — здесь почти нет мужчин его возраста.

Он протянул вперед руки (Гибсон давно заметил этот жест) и так внимательно стал рассматривать пальцы, словно видел их впервые.

— Можно завтра объявить о помолвке,— мягко сказал он.— Теперь скажите мне, что вы собираетесь делать?

Он поднял глаза, и Гибсон твердо встретил его взгляд.

— То, что будет лучше для Джимми,— ответил он.— Как только решу, что же для него лучше.

— Вы все-таки хотите остаться?

— Нужен ли я ему на Земле? Он будет туда залетать на месяц-другой. В сущности, я чаще увижу его на Марсе!

— Да, это верно,— улыбнулся Хэдфилд.— Вот понравится ли Айрин, что ее муж проводит половину времени в космосе? Хотя жены моряков...— Он резко замолчал.— Знаете, что бы я вам посоветовал?

— Очень хотел бы знать,— искренне ответил Гибсон.

— Не говорите ничего, пока они не поженятся. Если вы скажете ему сейчас, лучше не будет, скорее — хуже. А позже вы должны сказать Джимми, кто вы такой. Или, если хотите, кто он.

Может быть, Хэдфилд и сам не заметил, что в первый раз назвал Спенсера по имени, но Гибсон почувствовал к нему внезапный прилив симпатии.

Позже, оглядываясь назад, Гибсон решил, что именно в эту минуту началась его дружба с Хэдфилдом. Никто не предполагал тогда, какую большую роль сыграет эта дружба в истории Марса.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

День начался, как все дни в Порт-Лоуэлле. Джимми и Гибсон тихо позавтракали. Джимми еще не пришел в себя от счастья, хотя временами и впадал в уныние при мысли о разлуке. А Гибсон думал о том, откликнулась ли Земля на его просьбу.

Он заметил, что что-то не так, только в управлении. Миссис Смит, секретарша Хэдфилда, встретила его. Обычно она пускала его сразу, иногда объясняла, что Хэдфилд ужасно занят (например, говорит с Землей), и спрашивала, не зайдет ли он позже. На этот же раз она сказала:

— Простите, мистера Хэдфилда нет и не будет до завтра.

— До завтра? — переспросил Гибсон.— Уехал в Скиапарелли?

— Нет. Я не могу вам сказать. Он будет через сутки.

— Так! — воскликнул Гибсон сердито и вышел.

Чтобы отвести душу, он решил взяться за Уиттэкера, если тот в городе, конечно. Тот оказался в городе и не очень обрадовался Гибсону, который решительно уселся перед ним с самым деловым видом.

— Вот что, Уиттэкер,— начал Мартин.— Я человек терпеливый и, кажется, не надоедаю с расспросами.

Мэр не ответил, и Гибсон поспешил продолжить:

— Тут творится что-то странное. Я хочу узнать, в чем дело.

Уиттэкер вздохнул. Он ждал, что рано или поздно это случится. Как жаль, что Гибсон не подождал до завтра!..

— Если вы не можете сказать,— продолжал Гибсон,— признайтесь хотя бы почему. Это проект «Заря»?

Уиттэкер резко выпрямился.

— Что вы сказали? — спросил он.

— Не важно. Я тоже умею быть упрямым.

— Я совсем не хотел бы упрямиться,— жалобно сказал Уиттэкер.— Не думайте, что мы любим секретность,— с ней столько хлопот. Лучше расскажите, что вы знаете.

— Расскажу, если это вас смягчит. Проект «Заря» как-то связан с лабораториями, где выводят эти... Oxyfera. Нет никаких оснований держать их в тайне. Приходится предположить, что это часть более крупного проекта. Я подозреваю, что тут замешан Фобос, но не могу понять как. Вам удалось сохранить все в большой тайне. Те, кто знает, не говорят ничего. Но скрываете вы не столько от Марса, сколько от Земли. Ну, что скажете?

Уиттэкер, по-видимому, ничуть не смутился:

— Должен поздравить вас с такой... э-э... проницательностью. Может, вам будет интересно узнать, что недели две назад я советовал Главному сказать вам все. Я его не убедил, а потом события развернулись гораздо быстрее, чем мы думали. Я не могу рассказать вам, что именно сейчас происходит. Хотите послушать занятную историю? Сходство с — хм! — известными лицами и местами чисто случайное.

— Ясно,— хмыкнул Гибсон.— Валяйте!

— Предположим, что в первом порыве межпланетного энтузиазма планета А основала колонию на планете Б. Через несколько лет она выясняет, что это обходится гораздо дороже, чем думали, и не дает взамен ощутимых результатов. Консерваторы первой планеты хотят свернуть дело — списать убытки и выйти из игры. Другие, прогрессисты, хотят продолжить опыт — они верят, что в конечном счете человек должен исследовать и подчинить себе Вселенную,

иначе он просто закоснеет в своем мире. Но такие доводы не трогают налогоплательщиков, и консерваторы начинают брать верх.

Конечно, все это не очень приятно колонистам, которые настроены все более независимо и совсем не хотят выступать в роли бедных родственников, ожидающих милости. Однако они не видят выхода — до того дня, когда совершается поразительное научное открытие. (Я забыл сказать, что планета Б переманила к себе лучших ученых планеты А, что не способствовало смягчению отношений.) Это открытие дает безграничные возможности планете Б, однако применение его связано с некоторым риском и поглотит большую часть весьма ограниченных ресурсов. Тем не менее план послан по начальству — и отвергнут. Перебранка тянется долго, но планета-мать несгибаема.

Колонистам остается два выхода. Они могут обратиться прямо к жителям планеты А. Это не очень перспективно — им могут закрыть рот. С другой стороны, можно реализовать свой план, не информируя Землю,— я хочу сказать, планету А. Так они и решают сделать.

Конечно, было много и других факторов — и политических, и личных. Случилось так, что во главе колонистов стоял на редкость твердый человек, который не боялся никого и ничего на обеих планетах. В его распоряжении находились первоклассные ученые, и они поддержали его. Таким образом, план стали разрабатывать; но никто еще не знает, выйдет ли из этого что-нибудь путное. Простите, что не могу рассказать вам конца — сами знаете, эти сказочки обрываются на самом интересном месте.

— Вы рассказали мне все,— сказал Гибсон.— Да, все, за ничтожным исключением. Я так и не знаю, что такое проект «Заря».— Он встал.— Завтра я вернусь послушать окончание вашей сенсационной новости.

— В этом не будет нужды,— ответил Уиттэкер и машинально взглянул на часы.— Вы узнаете задолго до того.

На улице Мартина перехватил Джимми.

— Они думают, я сейчас работаю,— еле выговорил он,— но я должен был вас поймать. Происходит что-то важное.

— Знаю,— почти отмахнулся Гибсон.— Проект «Заря» вот-вот разродится, и Хэдфилд уехал.

Джимми немного опешил.

— Я не думал, что вы слышали. Айрин очень волнуется. Она говорит, он с ней так попрощался, как будто... Ну, как будто он может не вернуться.

Гибсон присвистнул. Это сильно меняло дело. Проект не только грандиозен — он опасен. Об этом он не подумал.

— Что бы там ни творилось, мы все завтра узнаем. Уиттэкер мне говорил. И кажется, я могу угадать, где сейчас Хэдфилд.

— Где?

— На Фобосе. Не знаю почему, но там разгадка этой «Зари».

Гибсон готов был побиться об заклад, что Главный на Фобосе; но, на его счастье, некому было с ним спорить. Дело в том, что Хэдфилд был так же далеко от Фобоса, как от Марса. В ту минуту он сидел в неудобном, маленьком космолете, набитом учеными и приборами, и играл в шахматы — надо признаться, из рук вон плохо — с одним из величайших физиков Солнечной системы. Тот играл не лучше, и наблюдатель заметил бы без труда, что они просто пытаются убить время. Они ждали, как все жители Марса; но только они двое знали совершенно точно, чего ждут.

Длинный день — один из самых длинных в жизни Мартина — медленно угасал. По городу ходили дикие слухи; у каждого была своя теория, и каждому не терпелось ею поделиться. Те, кто знал правду, не говорили ничего; те, кто ничего не знал, говорили слишком много; и к ночи город был в полном смятении. Около полуночи Гибсон отправился в постель и крепко спал, когда, отделенный от него всей толщей планеты, осуществился проект «Заря». Это видели только те, кто ждал в космолете; и все они в одну секунду превратились из важных ученых в кричащих, хохочущих школьников.

Очень-очень рано Гибсона разбудил отчаянный стук в дверь. Джимми звал его на улицу. Он быстро оделся. И всех

домов выползали люди, протирая глаза. Порт-Лоуэлл гудел, как потревоженный улей, но Гибсон не сразу понял, что его разбудило. Занималась заря, восток окрасили первые лучи солнца. Восток? Быть не может! Заря занималась на западе.

Гибсон не был суеверным, но тут ему стало жутко — правда, только на секунду: разум быстро взял верх. Все ярче и ярче разгорался свет над горизонтом; первые лучи тронули вершины холмов. Они двигались быстро, слишком быстро для солнечных. И вдруг сверкающий золотой метеор вынырнул из песков и почти вертикально стал подниматься к зениту.

Быстрота выдала его. Это был Фобос — вернее, то, что называлось Фобосом несколько часов тому назад. Сейчас это был желтый огненный диск. Гибсон ощутил его тепло на своем лице. Город затих, смотрел на чудо и медленно, с трудом постигал, что может значить оно для Марса.

Так вот он, проект «Заря»! Что ж, название выбрали неплохо. Части головоломки становились на свое место, но очертания полной разгадки еще не проступили. Конечно, превращение Фобоса во второе солнце — поразительная победа ядерной физики; однако Гибсон не понимал, как может он решить наболевшие вопросы колонии.

Он думал и думал об этом, когда заработала местная радиостанция и по улицам поплыл голос Уиттэкера.

— Здравствуйте,— говорил мэр.— Я думаю, никто не спит, все видели, что случилось. Главный управляющий Марса возвращается из космоса и хочет поговорить с вами. Вот он.

Что-то щелкнуло. Кто-то тихо сказал: «Даю Порт-Лоуэлл». Из репродуктора раздался голос Хэдфилда — усталый, но торжественный. Так говорит человек, выигравший битву.

— Здравствуй, Марс,— сказал он.— Говорит Хэдфилд. Я еще в космосе. Возвращаюсь домой. Буду примерно через час. Надеюсь, всем понравилось новое солнце. По нашим расчетам, оно продержится около тысячи лет. Мы взорвали Фобос, когда он был далеко за горизонтом, на тот

случай, если начальная радиация превысит норму. Сейчас она понизилась, дошла до расчетного уровня, хотя в ближайшую неделю может и повыситься на несколько процентов. Это в основном мезонная реакция, эффективная, но не слишком активная. Она не может затронуть вещество, из которого состоит Фобос.

Ваше новое светило даст вам примерно в десять раз меньше тепла, чем Солнце, и температура Марса в среднем сравняется с земной. Но не поэтому мы зажгли Фобос — во всяком случае, не только поэтому.

Кислород нужен Марсу не меньше, чем тепло. Весь кислород, годный для создания атмосферы, похожей на земную, лежит в песке под вашими ногами. Два года назад мы открыли растение, способное высвобождать кислород из песка. Растение это тропическое, оно растет у экватора, да и там не слишком активно. Если бы оно получило достаточно солнечного света, оно распространилось бы по Марсу — с нашей помощью, конечно,— и через пятьдесят лет здесь была бы атмосфера. Вот к чему мы стремились; когда это произойдет, мы сможем свободно передвигаться по Марсу и распрощаемся с нашими куполами и масками. Многие из нас увидят осуществление этой мечты и смогут сказать, что мы дали человечеству новый мир.

Кое-какую пользу мы получим и сейчас. Станет гораздо теплее, во всяком случае — в те часы, когда и Солнце, и Фобос на небе, и зимы будут мягче. Хотя Фобос не виден выше семидесяти градусов широты, новые воздушные течения обогреют полярную область, и столь ценная для нас влага не будет лежать мертвым льдом шесть месяцев в году.

Будут и неудобства — усложнятся времена суток и времена года, но преимущества с лихвой вознаградят нас. И каждый день, глядя на маяк, зажженный нами сегодня, вы вспомните о том, что мы рождаем новый мир. Не забывайте, мы творим историю — впервые человек пытается полностью изменить лицо планеты. Если мы добьемся своего здесь, другие сделают то же самое в других местах. Целые цивилизации, о которых мы и не слыхали, будут обязаны существованием тому, что сделано сейчас.

Вот что я хотел сказать. Может быть, вы пожалели прежний Фобос. Но помните: Марс потерял луну, а приобрел солнце. Вряд ли кто-нибудь сомневается, что важнее.

А теперь — спокойной ночи!

Но ни один человек не пошел спать. В этом городе ночь кончилась, начался день. Трудно было оторвать взгляд от маленького золотого диска, упорно карабкающегося по небу. С каждой минутой становилось теплее.

«Интересно, как реагируют растения?» — подумал Гибсон и пошел вдоль улицы к прозрачной стене. Как он и предполагал, они проснулись и повернулись к новому светилу. Что же они будут делать, когда оба солнца окажутся на небе?..

Остаток бывшей ночи прошел очень быстро. Фобос склонялся к востоку, когда Солнце вышло приветствовать соперника. Весь город затаив дыхание смотрел на поединок, но силы были неравны и результат предрешен. Ночью легко было подумать, что Фобос почти так же ярок, как Солнце; однако с первыми проблесками настоящей зари иллюзия исчезла. Фобос бледнел и бледнел. О растениях беспокоиться не стоило: когда сверкало Солнце, Фобос был почти не заметен.

Но свое дело он делал и на тысячу лет вперед стал властелином марсианских ночей. А после? Гибсон знал, что это неважно. Меньше чем за век он выполнит свою работу. Марс обзаведется атмосферой и не потеряет ее в течение целых геологических эпох. Когда Фобос погаснет, наука найдет выход, такой же непостижимый для нас, как взрыв небесного тела — для людей прошлого столетия.

Разгорался первый день новой эры. Гибсон смотрел на свою двойную тень. Та, что поярче, почти не двигалась, бледная — удлинялась на глазах, размывалась и наконец исчезла, когда Фобос нырнул за горизонт.

И тень, и Фобос исчезли внезапно, а Гибсон вспомнил то, что он, как и весь город, забыл в эти победные часы. Новости, должно быть, уже дошли до планеты А; вероятно (Гибсон не знал точно), Марс много ярче сейчас на земном небе.

Он понял, что очень скоро Земля начнет задавать в высшей степени неприятные вопросы.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Началась одна из небольших церемоний, столь любезных сердцу телехроникеров. Хэдфилд со всей своей свитой стоял в углу полянки, а за ним возвышались купола столицы. Оператору нравилась мизансцена, хотя постоянно меняющееся двойное освещение немного портило дело.

Уиттэкер вручил Главному лопату, на которую живописно опирался уже минут пять, и тот принялся орудовать ею, пока песок не покрыл корни высокого бурого растения. «Воздухоросль» не поражала красотой: даже при таком тяготении она не могла стоять прямо без подпорок и ничуть не походила на властительницу судеб целой планеты.

Хэдфилд закончил свои символические действия. Рабочие маялись в стороне, ожидая, пока начальство уйдет и можно будет завершить работу. Начались рукопожатия, все засуетились; Хэдфилда скрыла толпа. Только один из присутствующих не обращал на все это никакого внимания — Сквик, любимец Гибсона, качался на задних лапах, как кукла-неваляшка. Оператор направился к нему — на Земле еще не видели живого марсианина по телевидению.

Минуточку! Что он затеял? Судя по движению больших перепончатых ушей, он чем-то заинтересовался. Вот он двинулся вперед короткими, осторожными скачками. Оператор последовал за ним, расширяя поле зрения камеры. Никто ничего не замечал — Гибсон говорил с Уиттэкером и, кажется, совсем забыл про своего питомца.

Ах вот что! Оч-чень хорошо! Зрителям понравится. Успеет? Да, успел! Последним прыжком Сквик угодил прямо в ямку и быстро принялся объедать треугольной мордочкой марсианское растение, посаженное с такими церемониями. По-видимому, он был очень признателен своим друзьям, которые затеяли ради него столько хлопот. А может, он знает, что плохо ведет себя? Во всяком случае, оператор не собирался его спугивать — очень уж удачная получалась сценка — и обратился на минуту к Хэдфилду и братии, поздравлявшим друг друга с достижением, которое торопливо уничтожал Сквик.

Такие хорошие вещи не могут продолжаться долго. Гибсон заметил непорядок и так заорал, что все подпрыгнули. Потом он кинулся к Сквику; тот быстро оглянулся, понял, что спрятаться негде, и уселся с видом оскорбленной невинности. Ушел он без боя, не отягчая своей вины сопротивлением. Гибсон утащил его за ухо. Эксперты окружили растение и, к всеобщей радости, установили, что потери не смертельны.

Это незамысловатое происшествие и послужило толчком к одной из самых блестящих и плодотворных идей Мартина Гибсона.

Теперь его жизнь стала очень сложной и поразительно интересной. Он одним из первых видел Хэдфилда после появления нового светила. Главный послал за ним, хотя и мог уделить лишь несколько минут. Однако за эти минуты изменилось будущее Мартина.

— Простите, что заставил вас ждать,— сказал Хэдфилд.— Я получил ответ перед самым вылетом. Они разрешают вам остаться, если, как говорится на деловом жаргоне, мы сумеем включить вас в нашу систему. Поскольку эта система во многом зависела от проекта «Заря», я счел за лучшее отложить наш разговор до возвращения домой.

— Какую же работу вы мне подыскали? — не без волнения спросил Гибсон.

— Я решил узаконить ваше неофициальное положение,— сказал Хэдфилд и улыбнулся.

— Что вы имеете в виду?

— Мне было очень интересно узнать,— продолжал тот,— что дали ваши статьи и передачи. Вы, вероятно, не думали, что у нас есть очень точный критерий.

— Какой? — удивился Гибсон.

— Не догадываетесь? Каждую неделю около десяти тысяч человек решают отправиться сюда, а испытания проходят примерно три процента. С тех пор как ваши статьи появляются регулярно, число дошло до пятнадцати тысяч и непрерывно растет.

— Вот как...— очень медленно сказал Гибсон, потом усмехнулся: — Помню, вы, кажется, не хотели, чтобы я являлся сюда.

— Все мы ошибаемся, но я, по крайней мере, извлек из своей ошибки пользу,— улыбнулся Хэдфилд.— Другими словами, я хочу, чтобы вы вели тут у нас маленький отдел, честно говоря — бюро рекламы. Конечно, мы придумаем более пристойное название. Ваше дело — торговать Марсом. Если к нам будет проситься очень много людей, Земле придется дать место в космолетах. А чем скорее это будет, тем скорее мы сможем обещать ей, что станем на собственные ноги. Ну как?..

Земля нанесла удар на четыре дня позже. Гибсон узнал о нем, увидев шапку на первой полосе местной газеты. Эти два слова так поразили его, что он уставился на них и не сразу стал читать дальше.

«Хэдфилд отозван.

Нам только что сообщили, что отдел межпланетных исследований обязал Главного управляющего вернуться на Землю "Аресом", который вскоре покинет Деймос. Объяснений нет».

Но объяснений и не требовалось. Каждый знал, почему Земля хочет видеть Уоррена Хэдфилда.

Об этих новостях и думал Гибсон, направляясь к биолаборатории. Он два дня не навещал своего юного друга, и совесть грызла его. Медленно шагая по Реджент-стрит, он пытался угадать, какой способ защиты выберет Хэдфилд. Теперь он понимал фразу, подслушанную Джимми. Действительно ли не судят победителей? Победа — далеко впереди. Сам Хэдфилд говорил, что проект «Заря» будет выполнен целиком лет через пятьдесят, да и то при максимальной поддержке Земли. Эту поддержку надо обеспечить, и Хэдфилд, должно быть, постарается не рассориться с родной планетой. Ну а Гибсон прикроет его дальнобойным огнем пропаганды.

Сквик очень обрадовался ему, но Мартин не слишком отвечал на порывы зверька, хотя, как всегда, угостил марсианина его любимым лакомством из лабораторных запасов. А пока тот ел, что-то сработало в мозгу Гибсона, и он очнулся.

— Мне пришла в голову великолепная мысль,— сказал он, оборачиваясь к главному биологу.— Помните, вы говорили, что вам удалось научить Сквика всяким штукам?

— Научить! Теперь мы не знаем, как его удержать,— он так и рвется к знаниям.

— И еще вы говорили, что марсиане, кажется, могут объясняться друг с другом?

— Ну, экспедиция убедилась, что они обмениваются простыми мыслями и даже отвлеченными понятиями — цвета, например. Ничего особенного в этом нет. Пчелы могут не меньше.

— Тогда скажите, как вы смотрите на такую мысль. Давайте научим их разводить эти растения. У них ведь огромные преимущества — они могут разгуливать где угодно. Конечно, они совсем не обязаны понимать, что делают. Получат саженцы — так, кажется? — научатся простым действиям, а мы их будем опекать.

— Постойте! Мысль прекрасная, только все ли вы учли? Научить их мы можем — мы достаточно разобрались в их психике,— но не забывайте, их только десять штук, включая Сквика!

— Я не забываю,— нетерпеливо сказал Гибсон.— Я просто не верю, что моя находка единственная. Не может быть такого совпадения. Их мало, конечно, но сотня наберется, если даже не тысяча. Я хочу предложить аэрофотосъемку всех съедобных зарослей — нетрудно будет обнаружить полянки. А если и нет, подумаем о будущем. У них улучшились условия, они начнут быстро размножаться. Стали же быстрее размножаться эти растения. По вашим собственным подсчетам, за четыреста лет они сплошь покроют экваториальные районы. Если мы с марсианами им поможем, мы на много лет приблизим осуществление «Зари».

Биолог покачал головой.

— Да...— сказал он.— Я не могу сказать, что все это невозможно. Но слишком много неизвестных факторов... Самый главный — темп их размножения. Надеюсь, вы знаете, что они сумчатые?

— Вроде кенгуру?

— Да. Детеныш живет в сумке, пока не вырастет настолько, чтобы пуститься одному в неприютный мир. На это уходит год. Мы не нашли ни одного детеныша, кроме Сквика. Это означает, что у них чудовищная детская смертность,— и неудивительно в таком климате!

— Теперь им будет легче! — воскликнул Гибсон.

— Вы растения хотите разводить или марсиан?

— И растения, и марсиан,— улыбнулся Гибсон.— Они неразделимы, как яйца и ветчина.

— Не надо! — застонал биолог, и Гибсон тут же раскаялся.

Он забыл, что здесь, на Марсе, много лет не пробовали ни яиц, ни ветчины.

На вопросы, поднятые открытием марсиан, до сих пор никто не ответил. Кто они — выродившиеся представители некогда цивилизованных существ? Так думали романтики. Ученые же, все как один, утверждали, что на Марсе никогда не было мало-мальски развитого общества. Но ученые уже ошиблись однажды, почему же они не могут ошибиться и на этот раз? Во всяком случае, необычайно интересно посмотреть, как высоко вскарабкаются марсиане по лестнице эволюции, когда их мир расцветет снова.

Да, это их мир, а не наш. Как бы ни менял его человек для своих нужд, наш долг — охранять интересы тех, кому он принадлежит по праву. Никто не может сказать, какую роль сыграют они в истории Вселенной. А когда сам человек встретится с высшими существами, может быть, о нем будут судить по тому, как вел он себя здесь, на Марсе.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

— Жаль, что вы с нами не летите, Мартин,— сказал Норден.— Но вы поступили правильно, и мы все уважаем вас за это.

— Спасибо,— искренне сказал Гибсон.— Я был бы рад с вами лететь... Что ж, еще успею! Наверное, вы и не думали, что придется подбрасывать пассажиров в один конец.

— Не думал. Это не всегда приятно. Сейчас я чувствую себя, как тот капитан, который вел Наполеона на Эльбу. Как Главный на все это смотрит?

— Я с тех пор его не встречал. Уиттэкер говорит — ничего, на вид вроде не мрачный.

— Что же теперь будет, по-вашему?

— Его обвинят в незаконном использовании средств, оборудования, людей — наберется достаточно, чтоб засадить на всю жизнь. Но тут замешаны половина колонии и все ученые... Что же может сделать Земля? Забавная получилась ситуация. Наш Главный — народный герой двух планет, и отделу волей-неволей придется с ним считаться. Я думаю, приговор будет такой: «Лучше бы вам этого не делать, но раз уж сделали — мы рады».

— А потом пошлют обратно на Марс?

— Придется. Никто не сможет его заменить.

— Все равно кто-то заменит. Когда-нибудь...

— Это верно... Но чистое безумие бросаться Хэдфилдом, когда он может работать еще много лет. И не завидую я тому, кто его заменит!

— Да, действительно положение! Я думаю, мы еще многого не знаем. Почему, например, Земля отвергла проект сначала?

— Я сам об этом думал. Надеюсь когда-нибудь докопаться до истины. Сейчас мне кажется так: на Земле не хотят, чтобы Марс укрепился, стал независимым. Нет, не по каким-нибудь зловещим причинам — просто это унижает их достоинство. Им хочется, чтобы Земля оставалась пупом Вселенной.

— Знаете,— сказал Норден,— интересно вы сейчас говорите про Землю. Как будто там одни жадины да мерзавцы. Это не очень справедливо! Не забывайте — всем, что здесь есть, вы обязаны уму и предприимчивости Земли. Боюсь, вы, колонисты,— он усмехнулся,— судите односторонне. Я вижу обе стороны вопроса. Когда я здесь, я вам сочувствую. А через три месяца я окажусь там, и, может быть, все вы покажетесь мне неблагодарными нытиками.

Они подошли к камере и принялись ждать, когда «блоха» заберет Нордена на посадочную площадку. Остальные чле-

ны команды уже попрощались со всеми и находились сейчас на пути к Деймосу. Только Джимми по особому разрешению летел туда завтра с Хэдфилдом и Айрин. Гибсон был не очень уверен, что в обратном рейсе он принесет Нордену много пользы.

Ему оставалось попрощаться еще с двумя людьми, а с ними прощаться было труднее всего. Он понимал, что при свидании с Хэдфилдом надо вести себя особенно деликатно. Не случайно Норден сравнил его с поверженным монархом, отправляемым в изгнание.

Но оказалось, что все совсем не так. Когда Гибсон вошел, Хэдфилд только что кончил разбирать бумаги. Комната заметно опустела, а три корзинки для бумаг были полны с верхом. Уиттэкер, исполняющий обязанности Главного, воцарялся в кабинете завтра.

— Я просмотрел вашу записку о марсианах,— сказал Хэдфилд, роясь в ящиках стола.— Мысль очень интересная, хотя никто не может сказать, будет ли от нее толк. Во всяком случае, мы организуем исследовательскую группу. Я просил доктора Петерсена взять на себя научную сторону, а вам бы я хотел поручить организационную часть. Петерсен очень толковый человек, но у него не хватит воображения. Вы вместе — как раз то, что нужно.

Пока они обсуждали организационные подробности, Гибсону становилось все яснее, что Хэдфилд и не думает покидать Марс больше чем на год. Кажется, полет на Землю представлялся ему чуть ли не долгожданным отпуском; и Гибсону очень хотелось, чтобы такой оптимизм не потерпел поражения. К концу беседы они, конечно, поговорили о Джимми и Айрин. И Хэдфилд заметил, что, если они сумеют не поссориться за три месяца столь тесного общения, их браку не грозит никакая беда. Если же не сумеют — чем раньше они это узнают, тем лучше.

— Мы так благодарим вас за все! — сказал Джимми.— Правда, Айрин?

— Да,— откликнулась она.— Очень! Я не знаю, как мы без вас обойдемся.

Гибсон невесело улыбнулся.

— Как-нибудь,— сказал он.— Уж как-нибудь да управитесь. Я рад, что все так хорошо для вас сложилось, и уверен, что вы будете счастливы. И еще — надеюсь, вы не слишком надолго улетаете с Марса.

Он взял на прощание руку Джимми, и снова ему нестерпимо захотелось сказать. Но он знал, что сейчас нельзя. Он отпустил руку и увидел в глазах Джимми что-то такое, чего не видел еще ни разу. Может быть, первый проблеск подозрения, полуосознанная мысль? Если это так, ему легче будет выполнить свой долг, когда придет время.

Он смотрел, как, держась за руки, молодые идут по узкой улочке, ничего не видя. Сейчас они забыли о нем. Позже — вспомнят...

Перед самым восходом солнца Гибсон миновал главную камеру и оставил позади спящий город. Фобос зашел; только звезды и Деймос сияли на небе. Гибсон взглянул на часы.

— Пошли, Сквик,— сказал он.

Как разрослась эта зелень за последнее время! Теперь она была выше человеческого роста. Проект «Заря» уже менял облик планеты. Даже северная полярная шапка остановила свое наступление, а от южной не осталось и следа.

Они остановились примерно в километре от города — достаточно далеко, чтоб городские огни не мешали им. Гибсон снова посмотрел на часы. Осталось меньше минуты. Он знал, что чувствуют сейчас его друзья. Глядя на чуть заметный, горбатый диск Деймоса, он ждал.

Вдруг Деймос стал ярче. Потом как будто раскололся, и крохотная, необычайно яркая звездочка медленно поползла к западу. Даже за тысячи километров атомные двигатели сверкали так, что было почти больно глазам.

Он не сомневался, что его друзья смотрят на него. Там, на «Аресе», они прижались к иллюминаторам и вглядываются в огромный полумесяц, который покидают сейчас, как сам он целую жизнь тому назад покидал Землю.

О чем думает Хэдфилд? Гадает о том, увидит ли он снова Марс? Гибсон в этом не сомневался. Какие бы битвы ни

ждали Главного, он выиграет их, как всегда. Он возвращается на Землю не изгнанником, а победителем.

Ослепительная голубоватая звездочка была теперь в нескольких градусах от Деймоса. Теряя скорость, двигалась она к Солнцу — и к Земле.

Первые лучи осветили горизонт на востоке. Высокие растения зашевелились во сне, уже прерванном однажды, когда Фобос проносился по небу. Гибсон еще раз посмотрел на две звезды, уходящие к западу, и молча поднял руку.

— Пошли, Сквик,— сказал он.— Пора домой. Работы много.— И потеребил перчаткой прозрачные большие уши.— Это и к тебе относится,— продолжал он.— Ты вот не знаешь, а нам с тобой предстоит очень большая работа.

Они пошли к куполам, смутно блестевшим в первых утренних лучах. Странно, должно быть, в Порт-Лоуэлле, когда Хэдфилда нет и другой сидит за дверью с табличкой «Главный управляющий».

Вдруг Гибсон остановился. На секунду ему показалось, он увидел то, что будет через пятнадцать или двадцать лет. Кто станет Главным, когда проект «Заря» войдет в решающую фазу?

И вопрос, и ответ пришли почти одновременно. В первый раз увидел Гибсон, что ждет его в конце дороги, которую он избрал. Может быть, его долгом и честью будет продолжение дела, начатого Хэдфилдом?

Новым, легким шагом Мартин Гибсон, писатель, бывший житель Земли, двинулся к городу. Рядом с ним трусил маленький марсианин; тени их смешивались. Последние следы ночи исчезли с неба, и высокие растения раскрывались навстречу солнцу.

ОСТРОВА В НЕБЕ

1

ГЛАВНЫЙ ПРИЗ – КОСМОС

Мой дядя Джим говорил: «Что бы ни случилось, Рой, не стоит беспокоиться. Просто расслабься и наслаждайся жизнью». Именно эти слова я вспомнил, входя следом за другими участниками конкурса в большую студию, и поэтому не особенно нервничал. В конце концов, это была лишь игра... как бы мне ни хотелось получить первый приз.

Зрители уже сидели на своих местах, переговариваясь и от нетерпения ерзая в ожидании начала программы. Под их приветственные возгласы и аплодисменты мы поднялись на сцену и сели в кресла. Бросив быстрый взгляд на других пятерых участников, я ощутил легкое разочарование — каждый из них выглядел вполне уверенным в том, что победителем станет именно он.

Снова раздались аплодисменты, и в студию вошел Элмер Шмитц, ведущий викторины. Я уже встречался с ним раньше, в полуфиналах, и, полагаю, вы тоже часто видели его по телевизору. Дав нам последние указания, он занял свое место под прожекторами и подал знак камерам. Вспыхнул красный огонек, и наступила внезапная тишина; со своего места я мог видеть, как Элмер поправляет на своем лице улыбку.

— Добрый вечер, друзья! С вами Элмер Шмитц. Разрешите представить вам финалистов нашей программы «Авиа-

© Перевод К. Плешкова.

ционная викторина», организованной при участии корпорации «Всемирные авиалинии». Шестеро присутствующих здесь молодых людей...

Впрочем, думаю, было бы нескромно повторять то, что он про нас говорил. В конечном счете все сводилось к тому, что мы много чего знали обо всем, способном летать — как в воздухе, так и в безвоздушном пространстве,— и в серии общенациональных конкурсов победили всех остальных членов Молодежного ракетного клуба, которых было, кстати, около пяти тысяч. Сегодня должно было состояться последнее испытание, в котором предстояло определить победителя.

Началось все достаточно просто, примерно так же, как и в предыдущих раундах. Элмер задал каждому из нас по очереди по вопросу, и на ответ отводилось двадцать секунд. Мой оказался очень легким — требовалось назвать рекорд высоты для реактивного самолета. Остальные тоже ответили правильно. Думаю, с помощью этих первых вопросов нам просто хотели придать уверенности в себе.

Потом стало труднее. Мы не могли видеть наши результаты, высвечивавшиеся на обращенном к зрителям экране, но по поднимавшемуся в зале шуму можно было понять, правильно ли ты ответил. Забыл сказать, что неверный ответ приводил к потере одного очка. Это чтобы не отвечали наугад — если не знаешь ответа, лучше было вообще промолчать.

Насколько я мог понять, я ошибся только один раз, но среди нас был парень из Нью-Вашингтона, не сделавший ни одной ошибки — хотя точно я не мог быть уверен, поскольку трудно было следить за другими, постоянно думая о том, что в очередной раз приготовил для меня Элмер. Настроение у меня становилось все более мрачным, когда вдруг свет погас и включился спрятанный где-то кинопроектор.

— А теперь,— сказал Элмер,— последний раунд! Каждому из вас в течение одной секунды покажут какой-нибудь летательный аппарат или ракету, и за это время вы должны его опознать. Готовы?

Секунда кажется страшно коротким промежутком времени, но на самом деле это не так. За это время можно увидеть очень многое — достаточно для того, чтобы узнать нечто хорошо знакомое. Однако некоторые машины из тех, что нам показали, были столетней давности — да-да, у одной или двух даже имелись пропеллеры! И вот здесь мне повезло — я всегда интересовался историей авиации и знал кое-какие допотопные образцы. Именно на этом вопросе споткнулся парень из Нью-Вашингтона. Ему показали изображение настоящего биплана братьев Райт, который можно увидеть в Смитсоновском музее,— и он его не узнал. Потом он оправдывался, что интересуется только ракетами, что испытание было нечестным. Но, думаю, он получил то, что заслуживал.

Мне показали «Дорньер До-Икс» и Б-52, и я узнал оба. Так что я не очень удивился, когда, едва снова зажегся свет, Элмер назвал мое имя. Все-таки это было великолепное мгновение, когда я шел к нему под объективами камер и под аплодисменты зрителей.

— Поздравляю, Рой! — от всей души сказал Элмер, пожимая мне руку.— Почти идеальный результат — ты не ответил только на один вопрос. Я крайне рад объявить тебя победителем конкурса «Всемирных авиалиний». Как ты знаешь, приз — полностью оплаченное путешествие в любую точку мира. Нам всем очень интересно услышать, каков твой выбор. Ты можешь полететь куда угодно, от Северного до Южного полюса!

У меня пересохли губы. Хотя я все спланировал уже много недель назад, сейчас, когда действительно настал этот миг, я почувствовал себя страшно одиноким в этой огромной студии, где все вокруг молчали, ожидая моего ответа. И когда я наконец ответил, мой голос показался мне чужим.

— Я хочу полететь на Ближнюю станцию.

На лице Элмера возникло удивленное и одновременно сердитое раздосадованное выражение. По рядам зрителей прошло шевеление, и я услышал чей-то смешок. Возможно, благодаря ему Элмер решил попытаться обратить все в шутку.

— Ха-ха! Очень забавно, Рой! Но приз — путешествие в любое место на Земле. Нужно, знаешь ли, придерживаться правил!

Я понимал, что он надо мной смеется, и это лишь добавило мне злости.

— Я очень внимательно читал правила,— ответил я.— И там не говорится «на Земле». Там говорится «в любую точку Земли». Большая разница.

Умный Элмер понял, что назревают неприятности,— улыбка исчезла с его лица, и он с тревогой посмотрел в сторону телекамер.

— Дальше,— сказал он.

Я откашлялся.

— В две тысячи пятьдесят четвертом году,— продолжил я,— Соединенные Штаты, как и все остальные члены Атлантической федерации, подписали конвенцию Тихо, определяющую, насколько далеко в космос простираются законные права любой планеты. По этой конвенции Ближняя станция является частью Земли, поскольку находится внутри зоны в тысячу километров от ее поверхности.

Элмер странно на меня посмотрел, потом слегка расслабился и спросил:

— Скажи мне, Рой, твой папа, случайно, не адвокат?

Я покачал головой:

— Нет.

Конечно, я мог добавить: «Зато мой дядя Джим — адвокат», но решил промолчать — проблем и без того предстояло немало.

Элмер сделал еще несколько попыток меня переубедить, но безуспешно. Время передачи подходило к концу, а зрители были на моей стороне. Наконец он сдался и, рассмеявшись, сказал:

— Что ж, ты весьма целеустремленный молодой человек. В любом случае, ты выиграл приз — теперь в игру вступят стервятники-юристы. Надеюсь, тебе что-нибудь останется, когда они закончат драться!

Я тоже на это надеялся...

Конечно, Элмер был прав, полагая, что не я придумал насчет полета на Ближнюю станцию. Мой дядя Джим —

юрисконсульт крупной атомной энергостанции — ухватился за подобную возможность вскоре после того, как я принял участие в конкурсе. Он объяснил мне, что следует говорить, и пообещал, что «Всемирным авиалиниям» будет не отвертеться. Даже если бы подобное им удалось, меня видело в эфире столько народу, что для авиалиний это стало бы весьма дурной рекламой. «Стой на своем, Рой,— сказал дядя,— и ни на что не соглашайся, пока не переговоришь со мной».

Папе с мамой вся эта история крайне не понравилась. Они тоже смотрели передачу и, как только я начал торговаться, сразу же поняли, что произошло. Папа позвонил дяде Джиму и высказал ему все, что он о нем думает (об этом я узнал позднее). Но родители опоздали, меня было уже не остановить.

Дело в том, что я мечтал отправиться в космос с тех пор, как себя помню. Для своих шестнадцати лет я был достаточно начитанным, я прочитал все, что смог достать, об авиации и астронавтике, смотрел все кинофильмы и телепередачи из космоса и решил, что однажды настанет день, когда я смогу оглянуться и увидеть, как Земля за моей спиной уменьшается в размерах. Я строил модели знаменитых космических кораблей и приделывал к некоторым из них ракетные двигатели, пока соседи не устроили скандал. В моей комнате висели сотни фотографий — не только большинства существовавших в мире кораблей, но и всех важных мест на других планетах.

Мама с папой не возражали против моего увлечения, но думали, что со временем это пройдет. «Посмотри на Джо Донована,— говорили они (Джо — это парень, который держит мастерскую по ремонту вертолетов в нашем районе).— В твоем возрасте он собирался стать марсианским колонистом. Земли ему не хватало! Что ж — он так нигде и не побывал дальше Луны, и не думаю, что когда-нибудь побывает. Ему и тут хорошо...» Но я-то видел, как Джо смотрит в небо, когда взлетающие ракеты оставляют в стратосфере белый след, и порой мне кажется, что он отдал бы все, что у него есть, чтобы отправиться в космическое путешествие.

Дядя Джим, папин брат, был единственным, кто по-настоящему понимал мои чувства. Он два или три раза летал на Марс, один раз на Венеру, а на Луну — так часто, что даже не помнил сколько. Учитывая его заработки, он вполне мог себе это позволить. Кажется, мои родители считали, что он дурно на меня влияет.

Прошло около недели с тех пор, как я выиграл конкурс, и вот со мной связались «Всемирные авиалинии». Они вели себя очень сдержанно, даже, можно сказать, холодно и сообщили, что в согласии с условиями конкурса мне действительно разрешено полететь на Ближнюю станцию. При этом они не удержались — выразили свое разочарование тем, что я не выбрал полет на одном из их роскошных лайнеров в пределах земной атмосферы. (По словам дяди Джима, больше всего их расстроил тот факт, что мой выбор обойдется им в десять раз дороже, чем они рассчитывали.) Однако они поставили два условия. Первое — я должен получить согласие родителей. Второе — пройти стандартную медицинскую комиссию для членов космических экипажей.

Следует сказать, что мои родители, хотя и были рассержены не на шутку, не стали мне ни в чем препятствовать. В конце концов, космические полеты достаточно безопасны, а мне предстояло подняться в космос всего на несколько сотен километров — вряд ли это можно считать серьезным расстоянием! Так что после некоторых пререканий они подписали необходимые документы. Более чем уверен — «Всемирные авиалинии» надеялись, что родители меня не отпустят.

Оставалось второе препятствие — медицинская комиссия. Не думаю, что было честно заставлять меня ее проходить — она ведь довольно строгая, и, если бы я потерпел неудачу, вряд ли кого-нибудь это обрадовало бы больше, чем «Всемирные авиалинии».

Ближайшим местом, где я мог пройти комиссию, было Отделение космической медицины Университета имени Джонса Хопкинса,— чтобы попасть туда, нужно час лететь на самолете рейсом Канзас — Вашингтон, а затем совершить

короткое путешествие на вертолете. Мне приходилось десятки раз летать намного дальше, но я был настолько взволнован, что предстоящий перелет казался мне чем-то совершенно новым. Собственно, в каком-то смысле так оно и было, поскольку с него должна была начаться новая глава в моей жизни.

Я собрал вещи еще накануне, хотя мне предстояло отсутствовать дома всего несколько часов. Был прекрасный вечер, и я вынес на улицу свой маленький телескоп — хотелось взглянуть на звезды. Это не слишком серьезный прибор — всего лишь пара линз в деревянной трубе,— но я сделал его своими руками и очень этим гордился. Когда Луна была видна хотя бы наполовину, можно было увидеть на ней все крупные горы, а также кольца Сатурна и спутники Юпитера.

Но в тот вечер я искал нечто другое — нечто, что не так-то легко было найти. Я знал приблизительную орбиту искомого небесного тела — местный астрономический клуб рассчитал для меня нужные цифры,— поэтому настроил телескоп настолько точно, насколько мог, и начал медленно обшаривать звездное небо на юго-западе, сверяясь с заранее подготовленной картой.

Поиск занял около пятнадцати минут. В поле зрения телескопа виднелась горстка звезд — и еще нечто, звездой не являвшееся. Я едва мог различить очертания крошечного овала, слишком маленького для того, чтобы увидеть какие-либо детали. Овал ярко сиял в сверкающих лучах Солнца и двигался буквально у меня на глазах. Астронома прошлого века это наверняка бы крайне озадачило, поскольку в те времена в небе ничего подобного не наблюдалось. Это была Метеостанция-два, облетавшая землю четыре раза в день на высоте в девять с половиной тысяч километров. Ближняя станция находилась слишком далеко к югу, чтобы ее можно было увидеть с моей широты; только жители экваториальной зоны видят, как она сверкает в небе — самая яркая звезда, которая при этом быстрее всех движется.

Я попытался представить, каково там, в этом пузыре, летящем среди окружающей его пустоты космоса. Быть может, в это мгновение находившиеся на борту ученые смот-

рели вниз, на меня, так же как я смотрел вверх, на них. Мне стало интересно, какую жизнь они ведут,— и я вспомнил, что, если мне повезет, я скоро узнаю это сам.

Крошечный диск, за которым я наблюдал, внезапно стал оранжевым, затем красным и начал таять на глазах, словно угасающий уголек. Через несколько секунд он исчез, хотя звезды в объективе телескопа светили так же ярко, как и всегда. Метеостанция-два вошла в тень Земли, и ей предстояло оставаться невидимой до тех пор, пока она не появится снова примерно через час на юго-востоке. На космической станции была «ночь», так же как и здесь, на Земле. Я сложил телескоп и отправился спать.

С борта реактивного самолета, направлявшегося в Вашингтон, я видел, что к востоку от Канзас-Сити на восемьсот километров, до самых Аппалачских гор, расстилается плоская равнина. Сто лет назад здесь были пахотные земли, но в конце двадцатого века сельское хозяйство переместилось в море, и теперь сюда возвращались древние прерии, а вместе с ними огромные стада бизонов, бродившие по этой земле в те времена, когда ее единственными хозяевами были индейцы. Крупные промышленные города и центры горных разработок не слишком изменились, но городки поменьше исчезли, и еще через несколько десятков лет не останется никаких следов их существования.

Думаю, я волновался куда больше, поднимаясь по широким мраморным ступеням Отделения космической медицины, чем когда вышел в последний раунд конкурса Всемирных авиалиний. Если бы я тогда потерпел неудачу, у меня еще оставался бы шанс сделать вторую попытку, но если бы врачи сказали «нет», я никогда не смог бы отправиться в космос.

Проверка была двух видов — физическая и психологическая. Мне пришлось делать кучу глупостей, к примеру бежать по движущейся дорожке, задержав дыхание, пытаться расслышать едва различимые звуки в звукоизолированном помещении и распознавать едва видимые разноцветные огоньки. В какой-то момент звук моего сердцебиения

усилили в тысячу раз, отчего у меня мороз пошел по коже, но врачи сказали, что все в порядке.

Со мной обращались вполне по-дружески, и вскоре у меня сложилось впечатление, что они на моей стороне и делают все возможное, чтобы я прошел. Мне даже начало казаться, что все это просто развлечение, почти игра.

Мнение мое изменилось после испытания, во время которого меня посадили в ящик и начали крутить его во всех возможных направлениях. Когда я оттуда вышел, меня тошнило и я не мог стоять на ногах. Я был уверен, что провалился. Но на самом деле все было нормально, а вот если бы меня не тошнило, это означало бы, что со мной что-то не так!

Потом мне дали час отдохнуть перед психологическими тестами. Меня они не слишком беспокоили, поскольку я уже сталкивался с ними раньше. Тесты представляли собой довольно простые головоломки, затем листы с вопросами, на которые нужно было ответить («Четыре из следующих пяти слов имеют между собой нечто общее. Подчеркните их...»), и нескольких заданий на скорость реакции. Наконец, к моей голове присоединили кучу проводов и завели меня в узкий полутемный коридор с закрытой дверью передо мной.

— Слушай внимательно, Рой,— сказал психолог, проводивший тесты.— Сейчас я оставлю тебя одного, и свет погаснет. Стой здесь, пока не получишь дальнейшие указания, а затем поступай в точности так, как тебе велят. Насчет проводов не беспокойся — они будут все время следовать за тобой. Понял?

— Да,— ответил я, размышляя о том, что же будет дальше.

Свет погас, и на минуту я оказался в полной темноте. Затем появился едва видимый красный светящийся прямоугольник, и я понял, что дверь впереди открывается, хотя не было слышно ни звука. Я попытался разглядеть, что находится за дверью, но свет был слишком тусклым.

Я знал, что прикрепленные к моей голове провода записывают мои мозговые импульсы, поэтому, что бы ни случилось, мне следовало сохранять спокойствие и невозмутимость.

Из скрытого в темноте громкоговорителя раздался голос:

— Войди в дверь, которую видишь перед собой, и остановись сразу же за ней.

Я так и сделал, хотя не так-то легко было идти в полутьме с тянущейся позади путаницей проводов.

Как закрылась дверь, я не слышал, но каким-то образом это понял, а когда протянул руку назад, то нащупал гладкий лист пластика. Вокруг теперь было полностью темно — даже слабый красный свет исчез.

Казалось, прошло немало времени, прежде чем что-то произошло. Вероятно, я стоял в темноте минут десять, ожидая очередных указаний. Пару раз я тихо свистнул, пытаясь определить с помощью эха размеры помещения. У меня возникло впечатление, что оно достаточно велико, хотя я и не был в этом уверен.

А потом, без какого-либо предупреждения, вспыхнул свет — не мгновенно, что могло бы меня ослепить, но очень быстро нарастая, секунды за две-три. Я мог отчетливо увидеть окружающую меня обстановку — и мне не стыдно признаться, что я вскрикнул.

На первый взгляд, это была совершенно обычная комната. Посредине — стол, на столе газеты. Три кресла, книжные полки у одной стены. Небольшой столик, телевизор. В окно ярко светило солнце, и занавески слегка покачивались на ветру. В то же мгновение, когда загорелся свет, дверь открылась и в комнату вошел человек. Взяв со стола газету, он уселся в одно из кресел. Едва начав читать, он поднял взгляд и увидел меня. Когда я говорю «поднял взгляд» — я именно это и имею в виду, поскольку как раз в этом отношении с комнатой было что-то не так. Я не стоял на полу, а висел в воздухе. На высоте в пять метров. Вернее, я распластался на потолке, перепуганный до смерти,— мне на за что было держаться и не за что ухватиться. Я цеплялся за поверхность потолка, но она была гладкой и плоской, словно стекло. Ничто не могло остановить моего падения — а пол выглядел очень твердым, и до него было очень далеко.

2

ПРОЩАЙ, ГРАВИТАЦИЯ!

Но падения так и не произошло, и паника моя быстро прошла. Все происходящее являлось некоей иллюзией, поскольку пол под моими ногами был вполне надежен, что бы ни говорили мне мои глаза. Я стоял, держась за дверь, через которую вошел — которая, если верить моим собственным глазам, на самом деле была частью потолка.

Конечно — все было до абсурдного просто! Помещение, на которое я якобы смотрел сверху вниз, в действительности отражалось в большом зеркале, находившемся прямо передо мной,— зеркале, установленном под углом в сорок пять градусов к вертикали. На самом деле я стоял в верхней части высокого помещения, которое было изогнуто по горизонтали под прямым углом, но из-за зеркала понять это сразу было нельзя.

Опустившись на четвереньки, я начал осторожно продвигаться вперед. Мне потребовалось собрать всю свою силу воли, поскольку глаза до сих пор говорили мне, что я ползу головой вниз по вертикальной стене. Через полтора-два метра поверхность передо мной внезапно оборвалась, и я заглянул за ее край. Там, внизу — на этот раз действительно внизу! — находилась комната, на которую я смотрел. Человек в кресле улыбался мне, словно говоря: «Здорово мы тебя напугали, верно?» Конечно, столь же хорошо я мог его видеть, глядя на его отражение в зеркале прямо передо мной.

Дверь позади меня открылась, и вошел психолог. Усмехнувшись, он помахал мне большой бумажной лентой, которую держал в руке.

— Мы записали все твои реакции, Рой,— сказал он.— Знаешь, для чего был нужен этот тест?

— Думаю, да,— уныло проговорил я.— Чтобы выяснить, как я стану себя вести при необычной силе тяжести?

— Именно. Мы называем это тестом на ориентацию. В космосе не будет вообще никакой силы тяжести, некото-

рые так и не могут к этому привыкнуть. Тест позволяет отсеять большинство из них.

Я очень боялся, что меня отсеют, поэтому провел довольно тревожные полчаса в ожидании, когда врачи примут решение. Но мне незачем было волноваться. Как я уже говорил, они были на моей стороне и тоже хотели, чтобы я прошел все их тесты...

Горы Новой Гвинеи, к югу от экватора, местами высятся на четыре с половиной километра над уровнем моря; когда-то, вероятно, это были самые дикие и неприступные горы на Земле. Хотя добраться до них на вертолете так же легко, как и до любой другой точки нашей планеты, свою значимость они приобрели лишь в двадцать первом веке, поскольку стали главным трамплином в космос.

Для этого имелись три серьезные причины. Прежде всего, горы расположены близко к экватору, а это означает, что благодаря вращению Земли они движутся с запада на восток со скоростью тысяча шестьсот километров в час, что придает достаточный начальный импульс взлетающему в космос кораблю. Далее — сопротивление воздуха в горах уменьшается, и ракетные двигатели могут работать более эффективно. И — что, пожалуй, важнее всего — на восток от этих гор простирается Тихий океан. С населенных территорий запускать космические корабли нельзя — помимо возможной аварии невероятный шум от взлетающего корабля оглушил бы всех на многие километры вокруг.

Порт-Годдард находится на большом плато, выровненном с помощью атомного взрыва, на высоте почти в четыре километра. По земле добраться туда невозможно — все необходимое доставляется по воздуху. Здесь встречаются атмосферные летательные аппараты и космические корабли.

Когда я впервые увидел плато в иллюминаторе вертолета, оно выглядело крошечным белым прямоугольником среди гор. Насколько хватало взгляда, тянулись огромные долины, поросшие тропическими лесами. Как мне сказали, в некоторых из этих долин до сих пор живут дикие племена, с которыми никто никогда не контактировал. Интересно, что думают дикари о чудовищах, которые летают над их головами, заполняя небо своим ревом?..

Небольшой багаж, который мне позволили взять с собой, отправили впереди меня, и получил я его уже только на Ближней станции. Шагнув из вертолета и сделав глоток холодного чистого воздуха, я ощутил себя так высоко над уровнем моря, что машинально посмотрел в небо, пытаясь найти пункт моего назначения. Но времени на поиски мне не дали — меня ждали репортеры, и пришлось снова предстать перед камерами.

Я понятия не имею о том, что я говорил репортерам, и, к счастью, один из служащих порта вскоре меня спас. Затем мне в руки сунули неизбежные бланки, которые следовало заполнить, потом меня взвесили, снабдили какими-то пилюлями и удостоверились, что я их действительно проглотил, после чего мы забрались в небольшой грузовик, который должен был доставить нас на стартовую площадку. В грузовике я был единственным пассажиром, поскольку ракета, на которой мне предстояло лететь, была на самом деле грузовой.

Большинство космических кораблей, что вполне естественно, носят астрономические названия. Я летел на «Сириусе», и, хотя это небольшой корабль, выглядел он впечатляюще, когда мы к нему подошли. Стоя на опорах и устремив нос вертикально в небо, он, казалось, балансировал на огромных треугольниках крыльев, которые должны были помочь ему скользить в слоях атмосферы при возвращении на Землю. В данный момент они служили лишь поддержкой для четырех топливных баков, похожих на гигантские бомбы, которые должны были быть сброшены, как только двигатели полностью их опустошат. Эти обтекаемой формы баки были почти столь же велики, как и сам корабль.

Вышка обслуживания была все еще на месте, и, шагнув в лифт, я впервые осознал, что теперь я полностью отрезан от Земли. Загудел мотор, и мимо быстро понеслись металлические стены «Сириуса». Панорама Порт-Годдарда стала шире; теперь я мог видеть все административные здания, теснившиеся у края плато, большие топливные цистерны,

странные механизмы на заводе по производству жидкого озона, аэродром с реактивными самолетами и вертолетами. А далее — вековечные горы и леса, кажется, нисколько не изменившиеся под воздействием человеческой цивилизации.

Лифт плавно остановился, и передо мной появился короткий мостик, ведущий на «Сириус». Я прошел через открытый люк воздушного шлюза, и яркое тропическое солнце сменилось холодным электрическим освещением рубки управления кораблем.

Пилот уже сидел в кресле, проверяя приборы. Когда я вошел, он повернулся ко мне и весело улыбнулся:

— Значит, это ты — знаменитый Рой Малкольм? Постараюсь доставить тебя на станцию целым и невредимым. Летал раньше на ракетах?

— Нет,— ответил я.

— Тогда не беспокойся. Все совсем не так плохо, как кажется некоторым. Устраивайся в этом кресле, застегни ремни и расслабься. У нас еще двадцать минут до старта.

Я забрался в пневматическое кресло, но расслабиться было не так-то легко. Вряд ли я чего-то боялся, но взволнован был наверняка. Столько лет мечтать об этом — и наконец действительно оказаться на борту космического корабля! Через несколько минут более ста миллионов лошадиных сил зашвырнут меня в небо.

Я обвел взглядом рубку управления. Большая часть ее содержимого была мне знакома по фотографиям и фильмам, и я знал предназначение всех приборов. Панель управления космического корабля на самом деле не очень сложна, поскольку многое делается автоматически.

Пилот переговаривался с диспетчерской башней порта по радио, шел стандартный предстартовый обмен сообщениями. Время от времени разговор прерывался отсчетом времени: «Минус пятнадцать минут... минус десять минут... минус пять минут...» Хотя мне не раз приходилось слышать подобное прежде, меня всегда охватывал трепет. А на сей раз я наблюдал все это не по телевизору — я сам был участником.

Наконец пилот сказал: «Перехожу на автоматику» — и повернул большой красный рычаг. Облегченно вздохнув, он потянулся и откинулся на спинку кресла.

— Самое приятное ощущение,— сказал он.— В течение следующего часа делать ничего не придется.

Конечно, его слова не следовало понимать буквально. Несмотря на то что теперь кораблем управляла автоматика, пилоту все равно приходилось следить, чтобы все шло по плану. В случае аварии или ошибки робота-пилота ему пришлось бы снова взять управление на себя.

Заработали топливные насосы, и корабль завибрировал. На экране телевизора появился сложный узор из пересекающихся линий, вероятно, как-то связанный с курсом, которым должна была следовать ракета. Ряд крошечных огоньков один за другим изменили цвет с красного на зеленый. Когда сменился цвет последнего, пилот быстро сказал мне:

— Убедись, что лежишь ровно.

Я вжался в кресло — а затем без какого-либо предупреждения почувствовал, будто кто-то прыгнул на меня сверху. Раздался чудовищный рев, и мне показалось, будто я стал весить тонну. Для дыхания требовалось определенное усилие — его уже нельзя было просто предоставить своим легким и забыть о нем.

Неприятные ощущения длились несколько секунд, затем я начал привыкать. Двигатели корабля еще не включились; мы поднимались на ракетах-ускорителях, которые должны сгореть и отвалиться через тридцать секунд, когда нас от Земли будут отделять уже многие километры.

Понять, когда наступил этот момент, я смог по тому, что перегрузка внезапно ослабла, правда лишь на мгновение; затем шум слегка изменился, и заработали наши двигатели. Через пять минут скорость корабля увеличится настолько, что Земля уже не сможет притянуть нас обратно.

Ускорение теперь увеличивало мой обычный вес более чем втрое. Пока я оставался неподвижным, каких-либо серьезных неудобств это не доставляло. В качестве эксперимента я попытался проверить, смогу ли я поднять руку. Это оказалось весьма утомительно, но не слишком сложно. И все

же я был рад, позволив руке снова упасть. Думаю, при необходимости я смог бы и сесть, но стоять — вряд ли.

Узор из ярких линий на телеэкране казался неизменным. Однако теперь на нем появилась крошечная точка, медленно ползущая вверх,— видимо, изображавшая поднимающийся корабль. Я пристально следил за ней, думая о том, выключатся ли двигатели, когда точка доберется до верха экрана.

Задолго до того, как это произошло, последовало несколько коротких взрывов, и корабль слегка содрогнулся. На какое-то мгновение мне стало страшно: вдруг что-то пошло не так. Потом я понял, что произошло — наши топливные баки опустели, и удерживавшие их крепления отделились. В конце концов баки должны были упасть в Тихий океан, где-то между Таити и Южной Америкой.

Наконец грохот двигателей начал ослабевать, и ощущение чудовищного веса пропало. Корабль выходил на расчетную орбиту на высоте восемьсот километров над экватором. Двигатели выполнили свою работу, теперь они использовались лишь для окончательной корректировки курса.

Наконец двигатели полностью выключились, и вновь наступила тишина. Я все еще чувствовал легкую вибрацию останавливающихся топливных насосов, но в маленькой рубке не слышалось больше ни звука. Грохот двигателей частично оглушил меня, и потребовалось несколько минут, прежде чем я снова стал слышать как следует.

Пилот закончил проверять приборы, затем отстегнулся от кресла. Я зачарованно наблюдал, как он плывет по воздуху в мою сторону.

— Понадобится какое-то время, чтобы привыкнуть,— сказал он, расстегивая мои ремни.— Главное, что следует запомнить,— всегда двигайся аккуратно. И никогда не отпускай того, за что держишься, пока не решишь, за что хвататься дальше.

Я осторожно поднялся — и едва успел вцепиться в кресло, чтобы не взлететь к потолку. Конечно, никакого потолка больше не было. Понятия «верх» и «низ» полностью исчезли. Перестал существовать и вес — достаточно было лишь

слегка оттолкнуться, чтобы переместиться в любом направлении.

Как ни странно, даже в наше время находятся такие, кто не понимает сущности невесомости. Похоже, они считают, что это как-то связано с «выходом за пределы гравитационного поля». Разумеется, это чушь — на космической станции или в движущейся по инерции ракете, находящейся в восьмистах километрах от Земли, гравитационное поле планеты остается почти таким же мощным, как и на ее поверхности. Причина невесомости заключается не в том, что ты находишься вне гравитационного поля, но в том, что ты больше не сопротивляешься его воздействию. Испытывать невесомость можно даже на Земле, внутри падающего лифта — пока длится падение. Орбитальная станция или ракета как бы находится в постоянном падении — «падении», которое может длиться вечно, поскольку оно устремлено не к Земле, но вокруг нее.

— Осторожнее! — предупредил пилот.— Мне вовсе не хочется, чтобы ты разбил голову о мою приборную панель! Если хочешь посмотреть в иллюминатор, держись за этот ремень.

Я так и сделал — заглянул в маленькое окошечко из толстого пластика, которое было единственным, что отделяло меня от космической бездны.

Да, я знаю — на эту тему было столько фильмов и фотографий, что каждому известно, как выглядит Земля из космоса, так что не стану тратить время на описание. Да и честно говоря, смотреть особо было не на что, так как мое поле зрения почти полностью заполнял Тихий океан. Подо мной простиралась лазурная поверхность, на границе видимости переходившая в туманную голубизну. Я спросил пилота, далеко ли до ближайшей суши.

— Примерно три тысячи километров,— ответил он.— Сейчас ты видишь пространство от Новой Зеландии до Гавайев. Впечатляющее зрелище, да?

Теперь, когда я начал привыкать к масштабам, я смог разглядеть некоторые острова, а возле многих из них отчетливо виднелись коралловые рифы. Там, где, как мне представлялось, находился запад, цвет океана резко менялся с

голубого на ярко-зеленый. Я понял, что это огромные морские фермы, кормившие азиатский континент, они занимали немалую часть всех океанов в тропиках.

Когда в поле зрения появилось побережье Южной Америки, пилот начал готовиться к приземлению на Ближнюю станцию. (Согласен, слово «приземление» звучит не очень уместно, но в космосе многие обычные слова имеют совсем другое значение.) Я все еще смотрел в иллюминатор, когда получил приказ вернуться в кресло, чтобы не удариться о стены кабины во время заключительных маневров.

Телеэкран теперь превратился в черный прямоугольник, возле центра которого сияла крошечная двойная звезда. Мы находились примерно в ста пятидесяти километрах от станции, постепенно ее догоняя. Две звезды стали ярче и разделились; появились новые крошечные спутники, усеивавшие пространство вокруг них. Я понял, что это корабли, которые сейчас находились в доках, на заправке или ремонте.

Внезапно одна из едва видимых звездочек ярко вспыхнула. Это один из кораблей маленькой флотилии запустил двигатели и устремился прочь от Земли. Я вопросительно посмотрел на пилота.

— Должно быть, «Альфа Центавра» стартовала к Венере,— ответил он.— Прекрасная старая развалина — самое время отправить ее на пенсию. А теперь позволь мне заняться навигацией — с подобной задачей роботам не справиться.

От Ближней станции нас отделяло всего несколько километров, когда мы начали тормозить. Послышался пронзительный свист рулевых двигателей на носу, и на мгновение вернулось слабое ощущение веса. Оно длилось несколько секунд, а затем скорость нашего корабля и скорости других спутников, паривших вокруг станции, сравнялись и мы присоединились к ним.

Благоразумно спросив у пилота разрешения, я поднялся с кресла и снова подплыл к иллюминатору. Земля находилась по другую сторону корабля, и в иллюминаторе видны были звезды — и космическая станция. Зрелище было головокружительное. Только теперь я понял смысл теста на ориентацию, которому подвергли меня врачи...

При первом взгляде на станцию у меня возникло ощущение полного хаоса. На расстоянии около полутора километров от нашего корабля в космосе висела огромная решетка из легких перекладин, в форме плоского диска. Тут и там на ее поверхности виднелись шарообразные сооружения различного размера, соединенные друг с другом трубами, достаточно широкими, чтобы по ним мог пройти человек. В центре диска находился самый большой шар, испещренный крошечными точками иллюминаторов. Из шара во все стороны торчали десятки радиоантенн.

В разных местах к диску были пристыкованы несколько космических кораблей, некоторые почти полностью разобранные. Мне они показались похожими на запутавшихся в паутине мух. На кораблях работали люди в скафандрах, и иногда меня ослепляла вспышка сварочного аппарата.

Другие корабли свободно парили вокруг станции, без какого-либо видимого порядка. Среди них были не только обтекаемые крылатые ракеты, подобные той, что доставила меня с Земли, но и настоящие космические корабли, построенные здесь, за пределами атмосферы, и предназначавшиеся для доставки грузов с планеты на планету,— странные, непрочные конструкции, как правило, с герметичной сферической камерой для экипажа и пассажиров и большими топливными баками. Естественно, ни о какой обтекаемости тут не было и речи — кабины, топливные баки и двигатели просто соединялись тонкими стержнями. Глядя на все это, я вспомнил старые журналы с изображениями космических кораблей, какими их представляли наши деды,— этакие гладкие снаряды или даже бомбы со стабилизаторами. Художники, рисовавшие подобные картинки, увидев то, что предстало сейчас моему взору, потрясенные, скорее всего, просто не поняли бы, что вот эти странные объекты и есть космические корабли...

Я пытался понять, каким образом мы собираемся попасть на станцию, когда в поле моего зрения появился новый объект — маленький цилиндр, в котором едва мог поместиться человек. Внутри цилиндра действительно находился человек — я мог разглядеть его голову сквозь пластиковые панели, закрывавшие один из концов устройства. Из корпуса

цилиндра торчали длинные суставчатые конечности, а за ним тянулся тонкий трос. Я различал также туманный выхлоп маленького ракетного двигателя, приводившего в движение этот миниатюрный космический корабль.

Оператор, видимо, увидел, что я на него смотрю, и улыбнулся мне, пролетая мимо. Минуту спустя что-то с громким лязгом ударилось о корпус нашего корабля. Пилот рассмеялся, заметив мой испуг.

— Нас всего лишь берут на буксир посредством магнитного троса. Через минуту начнем двигаться.

Последовал слабый толчок, и наш корабль начал медленно поворачиваться, пока не расположился параллельно огромному диску станции. Трос был присоединен посередине корабля, и станция тащила нас, словно рыболов, подсекающий рыбину. Пилот нажал кнопку на панели управления, и послышалось гудение двигателей, выпускающих шасси. Я не ожидал, что подобное может использоваться в космосе, но сама идея использовать амортизаторы, чтобы смягчить столкновение со станцией, представлялась вполне разумной.

Нас подтягивали так медленно, что на короткий полет понадобилось минут десять. Затем снова последовал толчок, на сей раз от «приземления», и путешествие закончилось.

— Ну что ж,— улыбнулся пилот.— Надеюсь, полет тебе понравился. Или тебе хотелось чего-нибудь более захватывающего?

Я осторожно взглянул на него, думая, не дурачит ли он меня.

— И так было вполне захватывающе, спасибо. А что вы еще могли бы предложить?

— Как насчет нескольких метеоров, нападения пиратов, вторжения из космоса и прочего, о чем ты читал в фантастических журналах?

— Я читаю только серьезные книги вроде «Введения в астронавтику» Ричардсона или «Современных космических кораблей» Максвелла, а вовсе не рассказы из журналов.

— Не верю,— ответил он.— Я, например, их читаю и уверен, что и ты тоже. Тебе меня не обмануть.

Конечно, он был прав. Это был один из первых уроков, которые я получил на станции. Всех работавших там тщательно отбирали как по уровню интеллекта, так и по техническим знаниям, и они сразу замечали, когда кто-то этому уровню не соответствовал.

Внезапно в шлюзе что-то заскрежетало, затем послышалось внушающее тревогу шипение воздуха, которое постепенно стихло, и наконец внутренний люк шлюза распахнулся, издав легкий хлопок.

— Помни, что я тебе говорил: здесь двигаться следует не спеша,— сказал пилот, беря бортовой журнал.— Лучше всего будет, если ты ухватишься за мой пояс, а я тебя потащу за собой. Готов?

Я не мог избавиться от мысли, что это не слишком презентабельный способ проникнуть на станцию. Но пилоту было виднее, поэтому именно так, «на прицепе», я и проследовал за ним через гибкую герметичную муфту, присоединенную к борту нашего корабля. Пилот резко оттолкнулся, и я устремился следом. Чем-то все это напоминало обучение подводному плаванию — у меня сперва даже возникло паническое ощущение, что я захлебнусь и утону, если попытаюсь дышать.

Наконец мы выплыли в широкий металлический тунель — вероятно, один из главных коридоров станции. Вдоль стен тянулись кабели и трубы, и время от времени мы проплывали мимо больших двойных дверей с красными надписями «Аварийный выход». Должен сказать, их вид меня отнюдь не вдохновлял. По пути мы встретили лишь двоих, пронесшихся мимо нас с легкостью, которая преисполнила меня завистью — но и добавила решимости стать таким же ловким до того, как я покину станцию.

— Я отведу тебя к командору Дойлу,— сказал пилот.— Он отвечает за обучение персонала и будет тебя опекать.

— Что он за человек? — с тревогой спросил я.

— Не беспокойся — скоро узнаешь. Ну вот мы и пришли.

Мы остановились перед круглой дверью с табличкой «Командор Р. Дойл, ответственный за обучение. Без стука не входить». Пилот постучал и вошел, по-прежнему влача меня

за собой, словно мешок с картошкой. Я услышал, как он сказал:

— Капитан Джонс, сэр, вместе с пассажиром.

Он подтолкнул меня вперед, и я увидел того, к кому он обращался.

Командор сидел за обычным письменным столом, который выглядел довольно странно здесь, где ничто больше не казалось нормальным. Командор был похож на борца-чемпиона — думаю, он был самым крепко сложенным из всех, кого мне доводилось видеть. Две огромные руки занимали большую часть стола перед ним, и мне стало интересно, где он берет подходящую одежду,— его плечи наверняка были больше метра в ширину.

Сперва я не мог разглядеть его лица, поскольку он склонился над какими-то бумагами. Потом он поднял взгляд, и я обнаружил, что у него огромная рыжая борода и громадные брови. Потребовалось некоторое время, чтобы как следует рассмотреть его лицо,— в наше время борода является зрелищем столь редким, что я не мог отвести от нее глаз. Потом я понял, что командор Дойл, вероятно, попал в какую-то катастрофу, так как через его лоб шел наискосок едва заметный шрам. Учитывая, каких высот достигла в наши дни пластическая хирургия, сам факт, что что-то все-таки осталось видимым, означал, что изначально дела обстояли совсем скверно.

В общем, как вы, наверное, уже поняли, командор Дойл был не особенно симпатичным человеком. Но космолетчиком он наверняка был выдающимся — и в этом мне еще предстояло убедиться.

— Значит, это ты — юный Малкольм? — спросил он; голос у него оказался приятным и, в отличие от внешности, нисколько не страшным.— Мы много о тебе слышали. Вы свободны, капитан Джонс,— теперь им займусь я.

Пилот козырнул и выплыл за дверь. В течение последующих десяти минут командор Дойл подробно меня расспрашивал о моей жизни и увлечениях. Я рассказал ему, что родился в Новой Зеландии, а затем жил в Китае, Южной Африке, Бразилии и Швейцарии, поскольку мой отец, журналист,

постоянно менял место работы. Мы перебрались в Миссури только потому, что мама была сыта по горло горами и хотела сменить обстановку. Наша семья не очень много путешествовала, поэтому я не бывал и в половине тех мест, которые были знакомы соседским сверстникам. Возможно, это была одна из причин моего страстного желания отправиться в космос...

Закончив записывать мой рассказ и добавив к нему множество своих заметок — я многое бы отдал, чтобы иметь возможность их прочитать,— командор Дойл отложил старомодную авторучку и с минуту меня разглядывал, словно какую-то странную зверушку, задумчиво постукивая по столу громадными пальцами, которые, казалось, могли без особого труда пробить столешницу. Мне стало несколько не по себе, и, что еще хуже, я вдруг поднялся над полом и беспомощно повис в воздухе. Я не мог никуда сдвинуться без того, чтобы не показаться смешным в своих неуклюжих попытках совершать плавательные движения — я же не знал, что могло мне помочь, а что нет. Командор сдержанно усмехнулся, а затем лицо его расплылось в широкой улыбке.

— Думаю, это может быть довольно занимательно,— сказал он. Пока я размышлял, стоит ли осмелиться спросить, что он имеет в виду, командор, бросив взгляд на какие-то графики на стене у него за спиной, продолжил: — Дневные занятия только что закончились — пойдем, познакомлю тебя с ребятами.

Схватившись за длинную металлическую трубу, вероятно, подвешенную под столом, он выдернул свое тело из кресла одним рывком могучей левой руки.

Он проделал это так быстро, что застал меня врасплох. А мгновение спустя я с трудом подавил удивленный возглас — ибо, когда командор Дойл воспарил над столом, я увидел, что у него нет ног.

Когда приходишь в новую школу или переезжаешь в другой район, на тебя наваливается столько новых впечатлений, что не сразу удается привести их в какой-то порядок. Примерно таким же оказался мой первый день на космической

станции. Дело даже не в том, что я встретил множество новых людей,— нужно было заново учиться жить.

Сперва я чувствовал себя беспомощным, словно младенец. Я не мог рассчитать усилий, требовавшихся для любого движения. Хотя вес отсутствовал, инерция никуда не делась. Нужно было приложить силу, чтобы сдвинуть какой-нибудь предмет с места, и еще больше сил, чтобы его остановить. Именно тогда я познакомился с «метлами».

Их придумал командор Дойл, и название, естественно, происходило от старого поверья, что когда-то ведьмы летали на метлах. Так же и мы летали на наших «метлах» по станции. Они состояли из двух труб, одна из которых скользила внутри другой. Трубы соединялись мощной пружиной, и одна из них заканчивалась крючком, а вторая — широкой резиновой подушкой. Чтобы сдвинуться с места, требовалось приставить подушку к ближайшей стене и оттолкнуться, а оказавшись в точке назначения, я с помощью пружины гасил скорость и таким образом останавливался. С голыми руками такое не получится — запросто можно растянуть запястья. И вообще, передвигаться таким образом еще нужно было научиться — поначалу я то и дело улетал обратно, туда, откуда прилетел...

Прошло немало времени, прежде чем я узнал историю командора. Шрам он получил еще в молодости, в обычной автокатастрофе,— но в по-настоящему серьезную переделку угодил, когда участвовал в первой экспедиции на Меркурий. Судя по всему, он был выдающимся атлетом, так что потерю ног, вероятно, перенес куда более болезненно, чем кто бы то ни было на его месте. Понятно, почему он оказался на станции — здесь он не чувствовал себя калекой. И действительно, благодаря удивительно развитым рукам он был, пожалуй, самым ловким на станции, где и жил последние десять лет. Он не собирался возвращаться на Землю, потому что там снова стал бы беспомощным, и не желал переводиться ни на какую другую космическую станцию, где имелась гравитация. У начальства, кстати, хватало такта не предлагать ему ничего подобного.

На станции работало около ста человек, десять из которых были стажерами, каждый — немногим старше меня.

Сперва им не слишком понравилось мое присутствие, но после того, как я подрался с Ронни Джорданом, они приняли меня в свой круг. Об этом я расскажу чуть позже.

Старостой у стажеров был высокий канадец по имени Тим Бентон. Он был молчалив, но уж если все-таки открывал рот, все умолкали. Именно Тим познакомил меня с Ближней станцией, когда командор оставил нас вдвоем.

— Полагаю, ты знаешь, чем мы тут занимаемся? — с сомнением спросил Тим.

— Заправляете топливом улетающие с Земли корабли и проводите ремонт и техосмотр.

— Да, это наша основная работа. Другие станции, расположенные дальше, занимаются и многими другими вещами, но сейчас это не столь существенно. Есть одна важная деталь, которую лучше объяснить прямо сейчас. Наша станция на самом деле состоит из двух частей, которые разделяют несколько километров. Идем, посмотришь.

Он подтащил меня к иллюминатору, и я взглянул в космос. Там, на фоне звезд — так близко, что, казалось, можно достать рукой,— висело нечто напоминающее гигантский маховик. Он медленно вращался вокруг своей оси, и я видел отблески солнечного света на его иллюминаторах. Я не мог удержаться от того, чтобы не сравнить его гладкую компактную конструкцию с непрочным сооружением из балок, которое представляла собой станция, внутри которой я находился. У большого колеса, как я уже сказал, имелась ось — длинный тонкий цилиндр, заканчивавшийся непонятной конструкцией. Рядом медленно маневрировал космический корабль.

— Это Жилая станция,— неодобрительно сказал Бентон.— По сути, просто отель. Как ты заметил, она вращается — и потому благодаря центробежной силе на ее ободе поддерживается нормальная земная сила тяжести. Мы там почти не бываем — как только привыкаешь к невесомости, гравитация начинает лишь мешать. Но всех, кто прибывает с Марса и Луны, направляют туда. Для них небезопасно отправиться прямо на Землю сразу после того, как они долго жили в условиях значительно меньшей силы тяжести. На Жилой станции они могут, так сказать, акклиматизиро-

ваться. Сперва они прибывают в центр, где нет гравитации, и постепенно перемещаются к ободу, где она нормальная, земная.

— Как же они туда попадают, если эта штука вращается? — спросил я.

— Видишь тот маневрирующий корабль? Если посмотришь внимательно, то заметишь, что двигатели вращают ось в направлении, противоположном вращению станции, так что в пространстве она неподвижна. Корабль может состыковаться с ней и высадить пассажиров, после чего ось снова начинает вращаться вместе со станцией, и пассажиры могут выйти. Выглядит все это довольно сложно, но вполне работает. Сомневаюсь, что можно придумать что-то лучше!

— У меня будет возможность туда попасть? — спросил я.

— Думаю, это можно устроить, хотя — зачем? С таким же успехом ты мог бы оставаться и на Земле — собственно, в этом смысл Жилой станции.

Я не стал настаивать и только в конце своего визита побывал на Жилой станции, паривщей всего-то в нескольких километрах от нас...

Вероятно, я доставил Тиму немало хлопот, пока он показывал мне местные достопримечательности, ведь большую часть пути ему приходилось тянуть меня или толкать, поскольку я еще не умел передвигаться самостоятельно. Один или два раза Тим едва успел вовремя меня придержать, иначе я неминуемо врезался бы головой в переборку. Но он оказался достаточно терпелив, и в конце концов я освоился в новом окружении.

Прошло несколько дней, прежде чем я по-настоящему сориентировался в огромном лабиринте пересекающихся коридоров и герметичных камер Ближней станции. За время экскурсии, которую провел со мной Тим, я лишь коротко познакомился с мастерскими, радиорубкой, энергостанцией, системой кондиционирования воздуха, оборудованием, жилыми помещениями, складскими резервуарами и обсерваторией. Порой трудно было поверить, что все это по частям доставлено в космос и собрано здесь, в восьми-

стах километрах от Земли. От Тима я узнал, что материалы для станции в основном доставлены с Луны. Низкая гравитация на Луне позволяет более экономично транспортировать оттуда оборудование — несмотря на то, что Земля намного ближе.

Наше путешествие закончилось внутри одного из шлюзов. Мы остановились перед большим круглым люком, покоившимся на резиновых прокладках, который вел в пустоту снаружи. На стенах вокруг нас висели скафандры, и я с жадностью на них посмотрел. Мне всегда очень хотелось надеть такой и оказаться в самодостаточном собственном мире.

— Как думаешь, у меня будет возможность примерить один из них, пока я здесь? — спросил я.

Тим задумчиво посмотрел на меня, затем на часы.

— Полчаса я еще свободен, и мне хотелось бы забрать кое-что, что я оставил снаружи. Выйдем в космос.

— Но...— Я судорожно сглотнул, чувствуя, как весь мой энтузиазм куда-то исчезает.— Это не опасно? Разве для этого не нужно много тренироваться?

Он спокойно взглянул на меня.

— Ты что, боишься?

— Нет, конечно.

— Тогда вперед.

Тиму потребовалось прочитать мне целую лекцию, прежде чем я научился залезать в скафандр.

— И вообще, чтобы чувствовать себя в нем комфортно, нужно много тренироваться. Впрочем, я не намерен давать тебе уроки — просто сиди внутри и следуй за мной. В скафандре не опаснее, чем снаружи, особенно если ты не будешь не трогать никакие кнопки. Впрочем, давай-ка я заблокирую управление, просто на всякий случай.

Мне его покровительственный тон не очень понравился, но я ничего не сказал. В конце концов, начальником сейчас был он.

Для большинства людей слово «скафандр» ассоциируется с чем-то вроде водолазного костюма, в котором можно ходить и производить руками различные действия. Подобные костюмы, конечно, использовались, к примеру, на Луне. Но на космической станции, где отсутствует сила тяжести,

от ног практически нет пользы — снаружи приходится перемещаться с помощью крошечных ракетных двигателей.

По этой причине нижняя часть скафандра представляла собой жесткий цилиндр. Забравшись внутрь, я обнаружил под ногами какие-то педали, которых предпочел не касаться. Здесь имелось и маленькое сиденье, а прозрачный купол давал хороший обзор. Руками, как оказалось, я вполне мог пользоваться. Прямо под моим подбородком находилась портативная панель управления с клавиатурой и несколькими циферблатами. Если бы мне пришлось, находясь в открытом космосе, что-нибудь делать руками, на этот случай внутри скафандра имелись гибкие рукава, заканчивающиеся перчатками, хоть и неуклюжими, но позволявшими выполнять достаточно тонкие операции.

Тим щелкнул переключателями на моем скафандре и опустил прозрачный купол мне на голову. Я почувствовал себя словно в гробу со смотровым окошком. Затем он выбрал скафандр для себя и соединил его с моим тонким нейлоновым тросом.

Ближний люк воздушного шлюза с глухим звуком закрылся за нами, и я услышал вибрацию насосов, отсасывающих воздух. Рукава моего скафандра стали чуть жестче. Тим позвал меня — его голос, прошедший сквозь шлемы, казался слегка незнакомым.

— Я пока не включаю радио. Ты должен меня еще слышать. Слушай.— Он перешел к стандартной для радистов процедуре: — Проверка, один, два, три, четыре, пять...

Примерно на «пяти» голос Тима начал затихать. Когда он дошел до «девяти», я уже ничего не слышал, хотя его губы продолжали шевелиться. Вокруг нас больше не было воздуха, который мог бы передавать звук. Мне было жутковато, и я вздохнул с облегчением, когда ожил динамик внутри моего скафандра.

— Открываю внешний люк. Не двигайся — я все сделаю.

В зловещей тишине большой люк медленно открылся внутрь. Теперь я свободно парил, ощущая легкие толчки от вырывавшихся в космос остатков воздуха. Передо мной сияли звезды, а в стороне виднелся туманный край Земли.

— Готов? — спросил Тим.

— Да,— ответил я, надеясь, что микрофон не выдаст моего волнения.

Буксирный трос дернулся — Тим включил двигатели, и мы выплыли из шлюза. Ощущение было довольно сильное, но из тех, какие я бы ни на что не променял. Хотя понятия «верх» и «низ» не имели здесь никакого значения, мне казалось, будто я выплываю сквозь дыру в огромной металлической стене и Земля где-то далеко внизу подо мной. Разум подсказывал, что мне ничто не угрожает,— но все мои инстинкты кричали: «Внизу под тобой пропасть в восемьсот километров!»

Действительно, когда Земля заполняла полнеба, трудно было отделаться от мысли, что она «внизу». Сейчас мы были над ее солнечной стороной; пролетая над Африкой, и я видел озеро Виктория и огромные леса Конго. Что бы подумали Ливингстон и Стэнли, если бы знали, что придет день, когда люди смогут пересекать Черный континент со скоростью почти тридцать тысяч километров в час? А ведь эти великие исследователи жили всего-то за два столетия до нас. Но какие же это были бурные и богатые научными открытиями столетия!

Несмотря на то что вид на Землю из космоса был весьма захватывающим, я почувствовал, что у меня кружится голова, и повернулся внутри скафандра, чтобы сосредоточить внимание на станции. Тим увлек меня за собой, и вскоре мы оказались чуть ли не среди паривших вокруг нас кораблей. Я попытался забыть о Земле, и теперь, когда я больше ее не видел, казалось вполне естественным, что «низ» находится в той стороне, где станция.

Это одна из тех хитростей, которые в космосе должен знать каждый. Можно окончательно потерять ориентацию в пространстве, пока не определишься, что следует считать для себя «низом». При этом важно выбрать наиболее удобное направление, в соответствии с тем, что приходится делать в данный момент.

Тим уже набрал достаточную скорость для того, чтобы наше маленькое путешествие не показалось мне утомительным, выключил двигатели и стал рассказывать о проплы-

вавших мимо достопримечательностях. Вид станции с птичьего полета дополнял картину, которую я уже составил для себя после экскурсии внутри ее.

Внешний обод станции представлял собой плоскую сеть из уходивших в космос балок. Тут и там виднелись большие цилиндры — герметичные мастерские, рассчитанные на двух или трех человек и предназначенные для работ, которые нельзя выполнять в вакууме.

Возле края станции парил космический корабль, с которого была снята большая часть обшивки, закрепленный несколькими тросами, которые на Земле едва ли выдержали бы вес человека. Несколько механиков в таких же, как и наши, скафандрах работали на его корпусе. Мне очень хотелось услышать их разговоры и выяснить, что они делают, но мы общались на другой волне.

— Я тебя оставлю на минуту,— сказал Тим, отстегивая буксирный трос и закрепляя его на ближайшей балке.— Ничего не делай, пока я не вернусь.

Я чувствовал себя довольно глупо, болтаясь, словно воздушный шарик на веревочке, и был рад, что никто не обращает на меня внимания. От нечего делать я поэкспериментировал с пальцами перчатки моего скафандра, безуспешно пытаясь завязать простой узел на буксировочном тросе. Позднее я выяснил, что подобное все-таки возможно, но требует тренировки. Во всяком случае, люди на космическом корабле вполне управлялись со своими инструментами, несмотря на перчатки.

Неожиданно начало темнеть. До этого мгновения станция и корабли возле нее были залиты солнечным светом, столь ярким, что я даже не осмеливался взглянуть в ту сторону. Но теперь Солнце ушло в тень Земли, мы пролетали вдоль ночной стороны планеты. Я повернул голову и увидел столь восхитительное зрелище, что у меня перехватило дыхание. Земля теперь была огромным черным диском, затмевающим звезды, по краю которого простирался золотой полумесяц, сужающийся на глазах. Я смотрел на линию заката, тянувшуюся на полторы тысячи километров вдоль Африки. В ее середине виднелось ослепительное золотистое зарево, на фоне которого можно было разглядеть серебристую

полоску Солнца. Наконец оно исчезло; алый отблеск заката быстро сокращался, пока не исчез тоже. Все это продолжалось не больше двух минут, и работавшие вокруг меня люди не обращали на происходившее никакого внимания. В конце концов, привыкаешь даже к самым великолепным зрелищам, а станция вращалась вокруг Земли столь быстро, что заход солнца случался каждые сто минут...

Было еще не совсем темно, поскольку в небе висела половинка Луны, и смотрелась она ничуть не ярче и казалась расположенной ничуть не ближе, чем с Земли. Небо усеивали миллионы ярко сиявших звезд, и мне показалось странным, что кто-то вообще мог говорить о «черноте» космоса.

Я настолько увлекся поисками планет (которые мне найти так и не удалось), что не замечал возвращения Тима до тех пор, пока буксирный трос не начал натягиваться. Мы медленно поплыли назад, к центру станции. Тишина здесь казалась попросту нереальной. Я на мгновение закрыл глаза — но, когда я их открыл, вокруг ничего не изменилось. Прямо перед нами висел большой черный диск Земли — нет, не совсем черный, так как я мог видеть мерцающие в лунном свете океаны. В том же свете тонкие балки вокруг меня сверкали, словно нити призрачной паутины, усыпанной мириадами звезд.

Именно в этот миг я понял, что действительно нахожусь в открытом космосе.

3

«УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА»

— Знаете, какая у нас была самая большая проблема на Четвертой станции? — спросил Норман Пауэлл.

— Нет,— ответил я. Собственно, другого ответа от меня и не ждали.

— Мыши,— с серьезным видом заявил он.— Хотите — верьте, хотите — нет! Несколько мышей сбежали из биологической лаборатории, и, прежде чем кто-то успел хоть что-то сообразить, они уже были повсюду.

— Не верю ни единому слову,— вмешался Ронни Джордан.

— Они были такие маленькие, что могли проникнуть во все вентиляционные шахты,— невозмутимо продолжал Норман.— Стоило приложить ухо к стене, и можно было услышать их радостное шуршание. Им даже незачем было устраивать себе норы — в каждом помещении имелось полдюжины уже готовых, и можете догадаться, во что они превратили вентиляцию. Но в конце концов мы с ними расправились. И знаете как?

— Завели парочку кошек.

Норман высокомерно взглянул на Ронни.

— Мы пробовали, но кошки не любят невесомость. От ко́шек вообще не было никакого толку — мыши над ними просто смеялись. Нет — мы прибегли к помощи сов. Вы бы видели, как они летали! Крылья у них, естественно, работали не хуже обычного, и то, что они вытворяли, порой казалось фантастикой. Им потребовалось всего несколько месяцев, чтобы избавить нас от мышей.

Он вздохнул.

— Затем возникла новая проблема — как избавиться от сов. Мы...

Я так и не узнал, что было дальше, так как слушатели решили, что сыты небылицами Нормана по горло, и все одновременно набросились на него. Он исчез внутри медленно вращающегося шара из тел, шумно перемещавшегося по кабине. Лишь Тим Бентон, никогда не ввязывавшийся в перебранки, продолжал спокойно сидеть над учебниками, чем, собственно, должны были заниматься и все остальные.

Каждый день стажеры встречались в классе, где им читал лекцию командор Дойл или кто-нибудь из технического персонала станции. Командор предложил мне посещать эти занятия — а его предложение мало чем отличалось от приказа. Он считал, что я могу приобрести некоторые полезные знания, что, в общем-то, было верно. Я мог понять примерно четверть из того, что говорилось, а в остальное время читал сверхлегкие книги из библиотеки станции.

После занятий тридцать минут отводилось на самоподготовку, и иногда ею действительно занимались. Это было

для меня куда полезнее, чем уроки, поскольку ребята рассказывали мне о своей работе и о том, что они видели в космосе. Некоторые из них провели на станции уже два года, лишь время от времени ненадолго возвращаясь на Землю.

Конечно, многое из того, что они мне рассказывали, было из разряда небылиц. Норман Пауэлл, наш главный юморист, постоянно пытался морочить мне голову. Сперва я покупался на некоторые его байки, но потом научился отличать правду от, так сказать, преувеличения.

Как выяснилось, в космосе можно устраивать интересные трюки и розыгрыши. Для одного из самых лучших потребовалась всего лишь обычная спичка. Однажды, когда мы были в классе, Норман неожиданно повернулся ко мне и спросил:

— Знаешь, как проверить воздух на то, можно ли им дышать?

— Если нельзя, то, думаю, ты и так скоро об этом узнаешь,— ответил я.

— Вовсе нет — ты можешь слишком быстро отрубиться и не успеешь ничего сделать. Но существует тест, которым издавна пользовались на Земле в шахтах и пещерах. Просто несешь перед собой огонь, и если он погаснет — значит, еще немного, и ты тоже сдохнешь!

Пошарив в кармане, он достал коробок спичек. Я удивился, увидев нечто столь старомодное на станции.

— Здесь, конечно,— продолжал Норман,— пламя будет гореть как надо. Но если бы воздух был плохим, оно сразу же бы погасло.

Он небрежно чиркнул спичкой о коробок, и она вспыхнула. Вокруг головки образовалось пламя, и я наклонился, чтобы внимательнее его рассмотреть. Это было очень странное пламя, не вытянутое и острое, а почти шарообразное. У меня на глазах оно съежилось и погасло.

Порой кажется странным, как работает разум, поскольку до этого мгновения я дышал нормально, но теперь мне казалось, будто я задыхаюсь. Посмотрев на Нормана, я в тревоге сказал:

— Попробуй еще раз — видимо, со спичкой что-то не так.

Он послушно чиркнул еще одной спичкой, она погасла так же быстро, как и первая.

— Пойдем отсюда,— выдохнул я.— Похоже, воздухоочиститель засорился.

И тут я увидел, что все остальные широко улыбаются.

— Без паники, Рой,— сказал Тим.— Ответ очень прост.— Он взял коробок у Нормана.— С воздухом все в полном порядке, но если ты немного пошевелишь мозгами, то поймешь, что пламя просто не может здесь гореть. Поскольку сила тяжести отсутствует и все вокруг неподвижно, то и дым не поднимается, и пламя само задыхается. Единственный способ заставить его гореть — вот какой...

Он зажег еще одну спичку, но, вместо того чтобы держать ее неподвижно, начал медленно водить ею в воздухе. Она оставляла позади себя дымный след и продолжала гореть, пока от нее не остался лишь маленький черенок.

— Спичка все время находилась на свежем воздухе, и потому пламя не задохнулось от продуктов горения. И если ты считаешь, что это просто забавный трюк, не имеющий никакого практического значения, то ошибаешься. Это означает, что нам приходится поддерживать воздух на станции в движении, иначе с нами вскоре случится то же самое, что и с той спичкой. Норман, не включишь ли снова вентиляцию, после того, как столь удачно пошутил?

Урок был весьма действенный, я решил когда-нибудь отомстить Норману. Не то чтобы он мне не нравился, но его чувство юмора меня утомляло.

Кто-то крикнул:

— «Канопус» стартует!

Мы все бросились к маленьким круглым иллюминаторам. Разглядеть что-либо мне удалось не сразу, но в конце концов я пробился вперед и прижался лицом к толстому прозрачному пластику.

«Канопус» был самым большим лайнером на марсианской трассе и провел здесь несколько недель, подвергаясь стандартному техосмотру. В течение последних двух дней на борт загружали топливо и пассажиров, и теперь корабль уходил прочь от станции. Пока что нас разделяло с ним несколько километров. Как и Жилая станция, «Канопус» мед-

ленно вращался, чтобы пассажиры могли ощущать силу тяжести. Он напоминал нечто вроде гигантского бублика — кабины и жилые помещения образовывали кольцо вокруг реактора и двигательных установок. Во время путешествия скорость вращения корабля должна была постепенно уменьшаться, чтобы к тому времени, когда пассажиры окажутся на Марсе, они успели привыкнуть к соответствующей силе тяжести. Во время обратного рейса происходило то же самое, но только с точностью до наоборот.

Старт корабля с орбиты выглядит совсем не так впечатляюще, как старт с Земли. Естественно, все происходит в полной тишине и к тому же очень медленно. Нет ни пламени, ни дыма; все, что я смог увидеть,— едва заметный туман, вырывающийся из двигателей. Большие радиаторные пластины стали вишнево-красными, затем, по мере того как тепло из реактора уходило в космос, раскалились добела. Тысячи тонн массы лайнера постепенно набирали скорость, хотя должно было пройти еще много часов, прежде чем она будет достаточной, чтобы улететь прочь от Земли. Ракета, доставившая меня на станцию, двигалась с ускорением в сто раз большим, чем «Канопус», но огромный лайнер мог поддерживать работу двигателей в течение недель, чтобы в конце концов набрать скорость почти восемьсот тысяч километров в час.

Через пять минут корабль находился уже в нескольких километрах от нас, он ушел с нашей орбиты и взял курс на Марс. Я жадно смотрел ему вслед, думая о том, когда я тоже смогу отправиться в подобное путешествие. Норман, видимо, заметил выражение моего лица и, усмехнувшись, сказал:

— Думаешь о том, как бы удрать «зайцем» на следующем корабле? Забудь. Не получится. Да, я знаю, в книжках об этом пишут, но в реальности такого никогда не случалось — слишком много мер предосторожности. И знаешь, что сделают с «зайцем», если обнаружат такого?

— Нет,— ответил я, стараясь не выказывать особого интереса, хотя, если честно, у меня были кое-какие мысли на этот счет.

Норман злорадно потер руки:

— Лишний человек на борту означает, что настолько же меньше еды и кислорода останется для всех остальных, к тому же будут нарушены расчеты запасов топлива. Так что тебя просто выбросят за борт.

— В таком случае хорошо, что никто до сих пор не пытался улететь «зайцем».

— Конечно, ведь у «зайца» не было бы ни единого шанса. Его бы заметили еще до начала полета. На космическом корабле просто негде спрятаться.

Я запомнил эти сведения на будущее — когда-нибудь они могли пригодиться.

Космическая станция номер один была довольно велика, но, как я быстро выяснил, стажеры не считали ее любимым местом для времяпрепровождения. У них был свой клуб, уникальный в своем роде, и прошло некоторое время, прежде чем мне позволили его посетить.

Недалеко от станции располагался настоящий музей астронавтики — кладбище списанных космических кораблей. Эти корабли представляли собой не более чем скелеты, поскольку с большинства из них были сняты все приборы. На Земле их, конечно, давно бы уже разъела ржа, но здесь, в вакууме, они продолжали оставаться яркими и блестящими.

Среди них были корабли великих первопроходцев, например корабль, совершивший первую посадку на Венеру; первый корабль, достигший спутников Юпитера; первый корабль, облетевший Сатурн. В конце своего долгого путешествия корабли выходили на восьмисоткилометровую орбиту вокруг Земли, и ракеты-челноки забирали с них экипажи. Корабли же так и остались там, где их покинули люди, и больше никогда снова не использовались.

Все — за исключением «Утренней звезды». Каждый знал, что она совершила первый облет Венеры в восемьдесят пятом году. Но мало кому было известно, что она до сих пор оставалась в прекрасном состоянии, так как стажеры сделали ее своей штаб-квартирой и, ради развлечения, привели в рабочее состояние. Более того, они постоянно всеми правдами и неправдами пытались раздобыть ракетное топливо в

достаточном количестве, чтобы совершить короткий полет. Их очень обижало, что никто им этого не разрешал.

Командор Дойл, естественно, обо всем этом знал и даже одобрял — в конце концов, это была неплохая тренировка. Иногда он появлялся на «Утренней звезде», чтобы узнать, как идут дела, но корабль негласно считался частной собственностью стажеров — нужно было получить приглашение, прежде чем тебя могли допустить на борт. Лишь после того, как я провел на станции несколько дней и был принят в их круг, у меня появился шанс отправиться на «Утреннюю звезду».

Это было самое длинное путешествие, которое я совершал за пределы станции, поскольку «кладбище» находилось примерно в восьми километрах от нее и двигалось по той же орбите, что и станция, но немного ее опережая. Не знаю, как описать странное транспортное средство, которым мы воспользовались. Оно было собрано из деталей, позаимствованных с других кораблей, и представляло собой герметичный цилиндр, способный вместить десяток человек. К одному его концу был привинчен маломощный ракетный двигатель, кроме того, имелись еще несколько дополнительных сопл для управления, простой шлюз и радио для связи со станцией. Это своеобразное суденышко могло совершить прыжок к «Утренней звезде» минут за десять, с максимальной скоростью примерно пятьдесят километров в час. Его окрестили «Космическим жаворонком» — название было взято из какого-то научно-фантастического рассказа.

«Жаворонок» обычно был припаркован на внешнем краю станции, где он никому не мог помешать. В случае необходимости двое стажеров отправлялись туда в скафандрах, освобождали причальные тросы и отбуксировывали его к ближайшему шлюзу. Затем его пристыковывали к станции, и в него можно было войти через соединительный туннель — так же, как если бы ты входил на борт настоящего космического лайнера.

Мое первое путешествие на «Жаворонке» сильно отличалось от полета с Земли. Корабль выглядел столь обветшавшим, что казалось, в любой момент развалится на части. Впрочем, на самом деле он был вполне надежен, хотя де-

сятерым в его небольшой кабине приходилось тесновато. Когда включился ракетный двигатель, мы плавно отплыли в заднюю часть корабля под воздействием легкого ускорения. Оно было столь слабым, что я стал весить всего лишь около фунта — полная противоположность взлету с Земли, когда я мог поклясться, что весил целую тонну! Примерно через минуту мы отключили двигатель и летели по инерции еще минут десять, после чего еще один короткий толчок доставил нас в пункт нашего назначения.

А вот внутри «Утренней звезды» было довольно просторно — в конце концов, она служила жилищем для пяти человек на протяжении почти двух лет. До сих пор можно было прочитать их имена, нацарапанные на стене рубки управления, и при виде этих надписей я мысленно вернулся почти на столетие назад, во времена космических первопроходцев, когда даже Луна была новым миром и никто еще не достиг ни одной планеты.

Несмотря на возраст корабля, в рубке управления все блестело, а приборная панель вполне могла бы принадлежать кораблю нашего времени. Тим Бентон нежно погладил ее.

— Совсем как новая! — сказал он с нескрываемой гордостью.— Обещаю, когда-нибудь возьму тебя с собой на Венеру!

Я очень хорошо изучил приборы «Утренней звезды». Играть с ними разрешалось, поскольку топливные баки были пусты и при нажатии кнопки запуска главного двигателя лишь загоралась красная лампочка. И все же было здорово сидеть в пилотском кресле и мечтать, положив руки на пульт...

В задней части корабля, возле главных топливных баков, была устроена небольшая мастерская, где занимались постройкой разных моделей, а также в немалой степени и вполне серьезными разработками. Стажерам хотелось попробовать на практике, как работают сделанные ими устройства. Карл Хаазе, наш математический гений, пытался построить какую-то новую разновидность навигационного прибора — но он всегда его прятал, когда кто-то проходил мимо, и никто не знал, для чего тот, собственно, предназначен.

Обследуя изнутри «Утреннюю звезду», я узнал о космических кораблях гораздо больше, чем из книг или лекций. «Звезде» действительно было почти сто лет, но, хотя детали и изменились, основные принципы космического корабля поменялись не так сильно, как можно было бы ожидать. Все так же требовались насосы, топливные баки, воздухоочистители, терморегуляторы и так далее. Сами устройства могли стать другими, но функции, которые они выполняли, оставались прежними.

Информация, которую я получил на борту «Утренней звезды», ни в коей мере не была чисто технической. Ко всему прочему, здесь я научился драться в условиях невесомости. И речь сейчас пойдет о Ронни Джордане.

Ронни был самым молодым из стажеров, года на два старше меня. Он был крепким светловолосым австралийцем — по крайней мере, он родился в Сиднее, но провел большую часть жизни в Европе. В итоге он говорил на трех или четырех языках, иногда случайно переходя с одного на другой.

Он был добродушным и веселым парнем, и казалось, будто он так и не смог до конца привыкнуть к невесомости, до сих пор считая ее некоей большой шуткой. Во всяком случае, он постоянно пытался проделывать разные трюки: например, однажды соорудил пару крыльев и попробовал выяснить, насколько хорошо он сможет с их помощью летать. (Как оказалось — не очень. Но возможно, крылья просто не были спроектированы как следует.) Из-за своего темперамента он постоянно ввязывался в шутливые драки с другими ребятами — а драка в состоянии невесомости выглядит просто захватывающе.

Первая проблема, конечно, заключается в том, чтобы суметь схватить противника, что отнюдь не легко, если он отказывается помогать — он может отскочить практически в любом направлении. Но даже если он решится на игру, существуют и другие сложности. Какое-либо подобие бокса почти невозможно — от первого же удара оба разлетятся в разные стороны. Так что единственная доступная форма

схватки — борьба. Обычно она начинается с того, что соперники зависают в воздухе, стараясь держаться как можно дальше от любых твердых предметов. Они хватают друг друга за запястья, вытянув на всю длину руки — после чего трудно в точности разглядеть, что на самом деле происходит. Видно лишь, как они замедленно размахивают конечностями и как неторопливо вращаются их тела. По правилам игры, ты считаешься победителем, если сумел удержать соперника у любой стены на счет до пяти. Это гораздо сложнее, чем кажется, поскольку сопернику достаточно лишь как следует оттолкнуться, чтобы оба вновь отлетели на середину помещения. Не стоит забывать, что в невесомости невозможно просто усесться на свою жертву, пока та не выбьется из сил под твоим весом.

Моя первая схватка с Ронни стала результатом политического спора. Может показаться странным, что здесь, в космосе, земная политика имеет какое-то значение. В каком-то смысле она и не имеет — по крайней мере, никого не волнует, гражданин ли ты Атлантической федерации, Паназиатского союза или Тихоокеанской конфедерации. Но мы часто спорили о том, в какой стране лучше жить, а поскольку большинство из нас немало путешествовали, у каждого были свои взгляды на этот счет.

Когда я сказал Ронни, что он несет чушь, он ответил: «Давай подеремся», и, прежде чем я успел понять, что происходит, я оказался зажат в углу, а Норман Пауэлл лениво начал считать до десяти — чтобы дать мне шанс. Я не мог вырваться, так как Ронни крепко упирался ногами в другие две стены, образовывавшие угол кабины.

В следующий раз дела у меня пошли несколько лучше, но Ронни все равно легко выиграл. Он был сильнее меня, и к тому же я еще не владел соответствующей техникой.

В конце концов, однако, мне удалось победить — но лишь однажды. Потребовалось тщательно все спланировать, да и Ронни, возможно, был чересчур самоуверен.

Я понял, что, если позволю загнать себя в угол, мне конец — он воспользуется своим любимым приемом «морская звезда» и зажмет меня, упираясь в стены там, где они сходились друг с другом. С другой стороны, если бы я остался на открытом пространстве, его превосходящая сила и ловкость вскоре поставили бы меня в невыгодное положение. Таким образом, необходимо было придумать способ нейтрализовать его преимущества.

Я много размышлял над этой проблемой, прежде чем нашел ответ,— а затем долго тренировался, когда никого не было рядом, так как требовался весьма тщательный расчет.

Наконец я был готов. Мы сидели вокруг маленького столика, привинченного в том конце кабины «Утренней звезды», который обычно считался полом. Ронни сидел напротив меня, и мы опять о чем-то заспорили. Было очевидно, что драка может начаться в любую минуту. Когда Ронни начал расстегивать ремни, я понял, что пора действовать...

Едва он успел отстегнуться, как я крикнул: «А ну-ка попробуй, поймай меня!» — и устремился прямо к «потолку», находившемуся в пяти метрах от нас. Именно этот момент нужно было как следует рассчитать. Ронни оттолкнулся на долю секунды позже меня, как только определил, в какую сторону я полетел.

Естественно, на орбите, начав двигаться в каком-то направлении, невозможно остановиться, пока на что-нибудь не наткнешься. Ронни предполагал встретить меня у «потолка», но не ожидал, что я проделаю лишь половину пути — ибо моя нога была вставлена в петлю веревки, которую я тщательно закрепил на «полу». Преодолев два-три метра, я резко остановился и поплыл обратно. Ронни ничего другого не оставалось, кроме как продолжать дрейфовать дальше. Он настолько удивился, увидев, как меня отбросило назад, что перевернулся на лету, чтобы посмотреть, что происходит, и с глухим ударом врезался в «потолок». Он еще не пришел в себя, когда я прыгнул на него — на этот раз уже не цепляясь за веревку. Я устремился к нему словно метеор, а он не успел вовремя уклониться, и я вышиб из него дух. Удержать его на счет до пяти оказалось совсем легко — собственно, Норман успел досчитать до десяти, прежде чем Ронни начал подавать признаки жизни. Я уже стал беспокоиться, когда он наконец зашевелился...

Возможно, это была не слишком славная победа, и многие придерживались мнения, что я сжульничал. Тем не ме-

нее относительно уловки, которую я применил, в правилах ничего не говорилось.

Один и тот же трюк невозможно использовать дважды, и в следующий раз Ронн отплатил мне сполна. Но в конце концов, он был старше меня...

Другие наши игры были не столь грубыми. Мы много играли в шахматы (с магнитными фигурами), но, поскольку хорошим шахматистом меня не назовешь, мне это было не слишком интересно. Практически единственной игрой, в которой я всегда мог победить, было «плавание» — не в воде, конечно, а в воздухе.

Подобный «спорт» был настолько утомителен, что мы занимались им не слишком часто. Требовалось достаточно большое помещение, и задачей соревнующихся было первым доплыть до противоположной стены. Трудность заключалась в том, что достигнуть финиша нужно было, прокладывая себе путь в воздухе. Во многом это напоминало плавание в воде, но было намного тяжелее и медленнее. По какой-то причине у меня получалось лучше, чем у других, что довольно странно, поскольку я не такой уж хороший пловец в обычном смысле этого слова.

И все же не следует думать, будто мы все свое время проводили на «Утренней звезде». На станции для всех было полно работы — и, возможно, именно поэтому команда использовала свободное время по максимуму. И — как ни странно, об этом мало кто знает — у нас для этого было гораздо больше возможностей, чем может показаться, поскольку мы крайне мало нуждались в сне. Это один из эффектов невесомости. За все время, которое я провел в космосе, вряд ли я хоть раз спал больше четырех часов подряд.

Я старался не пропускать ни одной лекции командора Дойла, даже тогда, когда мне хотелось заняться чем-нибудь другим. Собственно, это Тим посоветовал мне постоянно посещать лекторий, чтобы произвести на командора хорошее впечатление,— к тому же Дойл был неплохим рассказчиком. Никогда не забуду, как он рассказывал нам про метеоры.

Поначалу мне было довольно скучно. После действительно интересного введения повествование увязло в стати-

стике и диаграммах. Конечно, вы знаете, что такое метеоры — это такие крошечные частицы материи, которые летят сквозь космос и сгорают от трения, когда попадают в земную атмосферу. Подавляющее большинство метеоритов меньше песчинки, но иногда в атмосферу попадают и довольно крупные, весом во много фунтов. А в очень редких случаях на Землю обрушиваются гиганты весом в сотни и даже тысячи тонн, вызывая немалые разрушения.

На заре космонавтики многих тревожила проблема метеоров; люди не понимали, насколько велик космос, и думали, что, покинув защитный слой атмосферы, окажутся под чем-то вроде пулеметного обстрела. Сегодня мы относимся к этой проблеме куда спокойнее. Впрочем, хотя метеориты и не представляют серьезной опасности, все же некоторые из них иногда повреждают станции или корабли, и с этим нужно что-то делать.

Я несколько отвлекся, пока командор Дойл рассказывал про метеорные потоки и исписывал доску расчетами, демонстрировавшими, насколько в действительности мало твердого вещества в межпланетном пространстве. Мне стало интереснее, когда он начал говорить о том, что произойдет, если метеорит попадет в космический корабль или станцию.

— Вам следует помнить,— сказал он,— что из-за своей скорости метеорит ведет себя не так, как медленно движущийся объект вроде ружейной пули, которая летит со скоростью всего полтора километра в секунду. Если маленький метеорит ударится о твердый предмет — даже лист бумаги,— он превращается в облако раскаленного пара. Это одна из причин, по которой корпус станции состоит из двух слоев — внешняя оболочка обеспечивает почти полную защиту от любого метеорита, который может нам встретиться. И все же есть вероятность, что крупный метеорит способен пробить обе стенки и проделать довольно большую дыру. Воздух, естественно, начнет выходить, но на этот случай каждое помещение, стена которого выходит в космос, снабжено вот этим устройством.

Он показал круглый диск, напоминавший крышку для сковородки с резиновой прокладкой вокруг. Я часто видел

такие диски, раскрашенные в ярко-желтый цвет, прикрепленные к стенам станции, но не обращал на них внимания.

Командор бросил диск в класс.

— Пусть каждый рассмотрит и передаст товарищу. Вопросы есть?

Я хотел спросить, что произойдет, если дыра окажется больше пятнадцати сантиметров в диаметре, но побоялся, что вопрос покажется смешным. Окинув взглядом класс, я заметил, что Тима Бентона среди нас нет. Его отсутствие на занятиях было чем-то необычным, и мне стало интересно, что с ним случилось. Может быть, он помогает кому-то выполнять срочную работу где-то в другом месте станции?

Но тут мои размышления прервал резкий хлопок, показавшийся в замкнутом пространстве почти оглушительным. За ним тут же последовал внушающий ужас свист уходящего воздуха — воздуха, уносящегося в дыру, внезапно появившуюся в стене класса.

4

ПИРАТСКАЯ НАПАСТЬ

В течение нескольких мгновений, пока вырывающийся наружу воздух тащил нас к стене, ухватив за одежду, мы были настолько ошеломлены, что могли только тупо смотреть на дыру с рваными краями, уродующую белую стену. Все произошло так быстро, что я даже не успел испугаться — страх пришел позже. Оцепенение продолжалось несколько секунд, затем все мы одновременно пришли в движение. Герметизирующая пластина лежала на столе Нормана, и все метнулись к ней. Началась толкотня, а потом Норман крикнул, стараясь перекричать свист воздуха: «Прочь с дороги!» Он прыгнул через все помещение, и поток воздуха, подхватив его, словно соломинку, швырнул к стене. Я завороженно наблюдал, как он сражается с вихрем, пытавшимся всосать его в дыру. Ревущий свист прекратился столь же внезапно, как и начался,— это Норману удалось установить пластину на место.

Я обернулся, чтобы посмотреть, как отреагировал на происшествие командор Дойл. К моему изумлению, он продолжал спокойно сидеть за своим столом. Более того, на лице у него была улыбка, а в руке секундомер. У меня начало зарождаться нехорошее подозрение, подтвердившееся в последующие несколько мгновений. Другие стажеры тоже таращились на командора, и в классе воцарилась мертвая тишина. Затем Норман откашлялся и демонстративно потер ушибленный о стену локоть. Если бы в невесомости можно было хромать, я уверен, что он не замедлил бы изобразить хромоту, возвращаясь за свой стол. Оказавшись там, он дал волю своим чувствам, схватив эластичную ленту, удерживавшую на месте блокнот для записей, оттянул ее на всю длину и с громким хлопком отпустил. Командор продолжал улыбаться.

— Извини, если ты ушибся, Норман,— сказал он.— Должен тебя поздравить, ты действовал грамотно и оперативно. Тебе потребовалось всего пять секунд, чтобы достичь стены,— это очень хороший результат, учитывая, сколько препятствий возникло у тебя на пути!

— Спасибо, сэр,— ответил Норман, без особой необходимости нажимая на слово «сэр». Я понял, что он не любит быть объектом подшучивания.— Но разве это был не слишком опасный... э-э... трюк?

— Вовсе нет. Если тебе нужны технические подробности — за этой дырой установлена трехдюймовая труба с запорным краном на конце. Там, снаружи, сидит Тим в скафандре, и, если бы мы не успели заделать пробоину за десять секунд, он повернул бы кран и перекрыл поток воздуха.

— Каким образом была проделана дыра? — спросил кто-то.

— Всего лишь маленький заряд взрывчатки. Очень маленький,— ответил командор. Улыбка исчезла с его лица, он вновь посерьезнел: — Я сделал это не ради забавы. Когда-нибудь вы можете столкнуться с реальной пробоиной, и это испытание показало вам, как следует поступать. Как вы видели, пробоина такого размера создает ощутимую утечку и способна оставить помещение без воздуха за полминуты.

Но с этим можно легко справиться, если действовать быстро и не поддаваться панике.

Он повернулся к Карлу Хаазе, сидевшему, как и подобает примерному ученику, в первом ряду.

— Карл, я заметил, что ты единственный не двинулся с места. Можно узнать, почему?

Карл ответил не колеблясь, как всегда сухо и педантично:

— Все очень просто. Шансов, что в нас попадет крупный метеорит, как вы только что объясняли, крайне мало. Шансов же, что в нас попадет метеор сразу после того, как вы закончили про них рассказывать,— еще меньше. Практически вообще не стоит брать в расчет. Одним словом, я понял, что никакой опасности нет и что это, видимо, какое-то испытание. Вот почему я просто сидел и ждал, что будет дальше.

Мы все посмотрели на Карла, чувствуя себя довольно глупо. Полагаю, он был прав — он всегда был прав. Впрочем, именно за это его и недолюбливали.

Одна из самых больших радостей жизни на космической станции — прибытие почтовой ракеты с Земли. Большие межпланетные лайнеры могут прилетать и улетать, но они ничто по сравнению с маленькими ярко-желтыми корабликами, которые связывают экипажи станций с домом. Радиосвязь — это, конечно, хорошо, но она не может заменить письма и — прежде всего — посылки с Земли.

Почтовое отделение на станции представляло собой маленькую кабинку возле одного из шлюзов, и там обычно собиралась небольшая толпа еще до того, как ракета пристыкуется. Как только мешки с почтой поступали на борт, начиналась быстрая сортировка. Затем толпа рассеивалась, и каждый прижимал к груди свою корреспонденцию — или говорил: «Что ж, на этот раз я ничего и не ждал...»

Счастливчик, получивший посылку, как правило, делился ее содержимым с другими. Космическая почта стоит дорого, и посылка обычно означала небольшую роскошь, которую на станции позволить себе было почти невозможно.

После прибытия первой ракеты я был очень удивлен, обнаружив, что мне пришла целая куча писем, большинство — от совершенно незнакомых мне людей, в основном

от ребят моего возраста, которые слышали обо мне или видели по телевизору. Все они хотели знать как можно больше про жизнь на станции. Если бы я стал отвечать каждому, у меня ни на что другое не осталось бы времени. Да нет, я просто не мог себе позволить такую роскошь, даже будь у меня время. На отправку почты ушли бы все имевшиеся у меня деньги.

Я спросил Тима, как мне поступить. Просмотрев несколько писем, он ответил:

— Возможно, это звучит цинично, но, думаю, большинство из них интересуют марки космической почты. Если ты считаешь, что должен им ответить: подожди, пока не вернешься на Землю — обойдется намного дешевле...

Так я и сделал, хотя, боюсь, многие адресанты были крайне разочарованы.

Я также получил посылку из дома с всевозможными сладостями и письмом от мамы, в котором говорилось, чтобы я хорошо себя вел и потеплее одевался. Про письмо я ничего рассказывать стажерам не стал, но благодаря содержимому посылки я в течение нескольких дней находился в центре всеобщего внимания.

Вряд ли найдется много людей, никогда не видевших телесериал «Дэн Драммонд, космический детектив». В то или иное время почти каждый из нас наверняка смотрел, как Дэн преследует межпланетных контрабандистов и всевозможных жуликов или ведет нескончаемую борьбу с Черным Джервисом, самым дьявольским из космических пиратов.

Прибыв на станцию, я, к своему удивлению, обнаружил, что Дэн Драммонд весьма популярен среди ее экипажа. В свободное время — а часто и в служебное — они никогда не пропускали очередную серию его приключений. Конечно, все делали вид, будто смотрят сериал просто для развлечения, но это было не совсем так. Прежде всего, «Дэн Драммонд» далеко не такой смешной, как другие, ему подобные телесериалы,— собственно, с технической точки зрения он очень хорошо сделан, продюсеры явно получали консультации специалистов, даже если не всегда ими пользовались. Существует подозрение, что кто-то на станции

помогает им со сценарием, но никому до сих пор не удалось это доказать. Под подозрение попал даже командор Дойл, хотя маловероятно, что кто-нибудь решится открыто его обвинить...

Особенно нас всех интересовал текущий эпизод, поскольку в нем действие разворачивалось на некой космической станции, находившейся на орбите Венеры. У пиратского крейсера «Королева ночи» заканчивалось топливо, поэтому пираты намеревались напасть на станцию и пополнить баки. Если при этом удастся захватить еще какую-нибудь добычу и заложников — тем лучше. В конце очередной серии пиратский крейсер, выкрашенный в угольно-черный цвет, подбирался к ничего не подозревающей станции, и всем нам было интересно, что же произойдет дальше.

Конечно, космического пиратства на самом деле никогда не существовало, поскольку никто, кроме многомиллионных корпораций, не может позволить себе строить корабли и снабжать их топливом. Трудно понять, каким образом Черный Джервис мог надеяться заработать себе на жизнь. Но это обстоятельство нисколько не мешало нам получать удовольствие от сериала, хотя порой у нас возникали яростные споры о перспективах космической преступности. Петер ван Хольберг, тративший немало времени на бульварное чтиво и телесериалы, был уверен, что если кто-то по-настоящему захочет, то у него что-нибудь обязательно получится. Петер вечно придумывал варианты возможных преступлений и спрашивал нас, что может помешать их осуществлению. Нам же скорее казалось, что он упустил свое истинное призвание.

Последнее деяние Черного Джервиса привело Петера в состояние необычной задумчивости, он почти целый день подсчитывал, насколько ценным может оказаться для межпланетных головорезов имущество станции. Цифра получалась впечатляющая, особенно если включить в нее плату за фрахт. Если бы мысли Петера не были заняты чем-то подобным, он никогда не обратил бы внимание на странное поведение корабля с названием «Лебедь».

Кроме кораблей, совершавших регулярные рейсы по расписанию, два или три раза в месяц со станцией состыковывались корабли, выполнявшие особые миссии. Обычно они занимались научными исследованиями, порой весьма захватывающими, такими как экспедиции к внешним планетам. Об этом знал каждый на станции.

Но никто ничего не знал о «Лебеде», кроме того, что он числился в регистре Ллойда как грузовой корабль среднего класса и что вскоре его должны были снять с полетов, так как он уже пять лет не проходил полного техосмотра. Он не привлекал ничьего внимания, когда подходил к станции и бросал якорь (да, так говорят до сих пор) километрах в пятнадцати от нее, то есть на расстоянии, которое было больше обычного, но это могло лишь означать, что пилот этого корабля крайне осторожен. Все попытки выяснить, чем он на самом деле занимается, ни к чему не привели. Экипаж его состоял из двух человек — мы знали это, так как они прилетали на станцию в своих скафандрах. Они не сообщали о себе никаких данных и отказывались говорить о том, по какому делу прибыли, что было неслыханно, хотя и не являлось незаконным.

Естественно, такое их поведение породило множество всевозможных слухов. Например, некоторые утверждали, что корабль втайне нанят принцем Эдуардом, который, как всем известно, уже много лет пытается полететь в космос. Британское правительство его не отпускает, поскольку слишком дорожит наследником престола, чтобы позволить ему совершить космическое путешествие. Однако принц — человек молодой и решительный, и никто не удивится, если однажды он все-таки окажется на Марсе, записавшись под вымышленным именем в экипаж. Во всяком случае, если он когда-либо вознамерится совершить нечто подобное, найдется множество желающих ему помочь.

Но у Петера, конечно, имелась куда более мрачная гипотеза. Появление поблизости от станции таинственного и малообщительного корабля вполне вписывалось в его представления о межпланетной преступности. Если кому-то захочется ограбить космическую станцию, утверждал он, то как иначе на нее проникнуть?

Мы смеялись над ним, замечая, что «Лебедь» делает как раз все возможное, чтобы вызвать подозрения, а не умень-

шить их. Кроме того, это небольшой корабль, и на нем не может быть многочисленного экипажа. Вероятно, вся его команда — это и есть те самые двое, что прилетали к нам на станцию.

Однако Петер уже был не в состоянии внять голосу разума, а поскольку это нас забавляло, то мы позволяли ему продолжать в том же духе и даже его подбадривали. Но, конечно, всерьез его никто не принимал.

Двое с «Лебедя» появлялись на станции как минимум раз в день, чтобы забрать почту с Земли и почитать газеты и журналы в комнате отдыха. Это выглядело вполне естественным, если им больше нечего было делать, но Петеру казалось крайне подозрительным. По его мнению, это доказывало, что они что-то вынюхивают на станции. «Видимо,— язвительно заметил кто-то,— чтобы потом возглавить абордажную команду с саблями».

Потом Петер неожиданно предъявил новое свидетельство, заставившее нас отнестись к его версии более серьезно. Он выяснил у радистов, что наши таинственные гости постоянно получают сообщения с Земли, используя собственный радиоприемник, работающий на волне, не выделенной для официальных или коммерческих целей, в чем не было ничего незаконного — они работали в одном из диапазонов «свободного эфира»,— но все-таки это выглядело крайне необычно. К тому же они использовали код, и вот это было уж совсем непонятно.

— Явно происходит нечто странное,— непререкаемо вещал Петер.— Никто с честными намерениями не станет так себя вести. Я не утверждаю, что они занимаются таким старомодным делом, как пиратство. Но как насчет контрабанды наркотиков?

— С трудом могу представить,— спокойно заметил Тим Бентон,— что в колониях на Марсе и Венере такое количество наркоманов, чтобы подобный бизнес мог быть хоть сколько-нибудь выгодным.

— Я имел в виду не контрабанду в колонии,— насмешливо возразил Петер.— Предположим, кто-то обнаружил

на одной из планет наркотик и контрабандой переправляет его на Землю?

— Эту идею ты позаимствовал из последнего приключения Дэна Драммонда,— сказал кто-то.— Ну, знаешь, того, которое показывали в прошлом году,— про равнины Венеры.

— Есть только один способ все выяснить,— упрямо продолжал Петер.— Я собираюсь пробраться на корабль. Кто со мной?

Добровольцев не нашлось. Я готов был пойти, но знал, что он не согласится.

— Что, все испугались? — подзадорил Петер.

— Просто неинтересно,— ответил Норман.— Чтобы убить время, есть способы и получше.

И тут, ко всеобщему удивлению, вперед вышел Карл Хаазе.

— Я пойду,— сказал он.— Во-первых, я сыт по горло вашей болтовней. А во-вторых, это единственная возможность заткнуть наконец рот Петеру.

Правила безопасности запрещали стажерам отправляться на такое большое расстояние в одиночку, так что, если бы Карл не вызвался добровольцем, Петеру пришлось бы отказаться от своей идеи.

— Когда отправляетесь? — спросил Тим.

— Ежедневно они прилетают за почтой, и, когда оба будут на станции, мы дождемся следующего периода затмения и незаметно выскользнем.

Периодом затмения назывались пятьдесят минут, в течение которых станция проходила через тень Земли. В это время разглядеть небольшие объекты на любом расстоянии было крайне сложно, так что маловероятно, чтобы ребят кто-либо заметил. Но найти «Лебедь» тоже было нелегко, поскольку корабль в это время отражал очень мало звездного света и, скорее всего, на расстоянии около двух километров был невидим — на что и указал Тим Бентон.

— Я возьму бипер со склада,— ответил Петер.— Джо Эванс мне разрешит.

Должен пояснить, что бипер — это маленький радар, размером не больше фонарика, который используется для обнаружения предметов, уплывших от станции. Он может обнаружить любой объект размером со скафандр на расстоянии в несколько километров, а корабль — намного дальше. Им просто размахиваешь в пространстве вокруг себя, а когда его луч что-то засекает, прибор издает серию коротких звуков «бип-бип». Чем ближе находишься к отражающему луч объекту, тем чаще становится писк, и при некоторой тренировке можно достаточно точно оценить расстояние.

Наконец Тим Бентон с неохотой согласился участвовать в авантюре, правда лишь при условии, что Петер будет постоянно поддерживать радиосвязь и подробно рассказывать нам о том, что происходит. Так что я все слышал через громкоговоритель в одной из мастерских. Легко было представить, что я тоже там, вместе с Петером и Карлом, в усеянной звездами тьме, где внизу простирается огромный диск Земли, а позади постепенно уменьшается в размерах станция.

Они тщательно нацелились на «Лебедь», когда он еще был виден в отраженном солнечном свете, и подождали пять минут после того, как станция вошла в зону затмения, а потом уже устремились в избранном направлении. Курс они взяли столь точно, что им даже не пришлось пользоваться бипером,— «Лебедь» возник перед ними именно тогда, когда они предполагали, и они затормозили возле него.

— Все чисто,— доложил Петер, я чувствовал возбуждение в его голосе.— Никаких признаков жизни.

— Можете заглянуть в иллюминаторы? — спросил Тим.

Какое-то время было тихо, если не считать тяжелого дыхания и раздававшихся время от времени металлических щелчков из скафандра. Потом мы услышали удар и восклицание Петера.

— Весьма неосторожно,— послышался голос Карла.— Если внутри кто-то есть, они подумают, будто налетели на астероид.

— Я ничего не мог поделать,— возразил Петер.— Нога соскользнула.

Послышался шорох — Петер пробирался по корпусу корабля.

— В кабине ничего не видно,— доложил он.— Слишком темно. Но наверняка никого нет. Войду внутрь. Все в порядке?

— Да, наши подозреваемые играют в шахматы в комнате отдыха. Норман посмотрел на доску и говорит, что играть они будут еще долго,— усмехнулся Тим. Чувствовалось, что он воспринимает происходящее как шутку, и мне тоже стало весело.— Берегитесь мин-ловушек,— продолжал Тим.— Уверен, ни один опытный пират не покинет корабль, оставив его без охраны. Возможно, в шлюзе вас поджидает робот с лучеметом!

Даже Петеру подобное казалось маловероятным, о чем он уверенно и заявил. Мы услышали еще несколько приглушенных ударов, пока он двигался вдоль корпуса к шлюзу, а затем возникла долгая пауза, пока он изучал органы управления. Они стандартны на всех кораблях, и их невозможно заблокировать снаружи, так что особых трудностей он не ожидал.

— Открывается,— коротко сообщил он.— Иду внутрь.

Последовала очередная тревожная пауза. Когда Петер снова заговорил, голос его звучал намного глуше из-за экранирующего действия обшивки корабля, но мы все же могли его слышать, когда он прибавил громкость.

— Рубка управления выглядит совершенно обычно,— доложил он с некоторым разочарованием в голосе.— Мы идем взглянуть на груз.

— Уже слишком поздно об этом говорить,— сказал Тим,— но вы понимаете, что сейчас именно вы занимаетесь пиратством или чем-то очень на него похожим? Полагаю, юристы назвали бы это «незаконным проникновением на космический корабль без ведома и согласия его владельцев». Кто-нибудь знает, какое за это полагается наказание?

Никто не знал, хотя было высказано несколько внушающих тревогу предположений. Затем снова послышался голос Петера.

— Есть проблема. Люк, ведущий в трюм, заперт. Боюсь, нам придется отказаться от своей затеи — они забрали с собой ключи.

— Не обязательно,— послышался ответ Карла.— Сам знаешь, как часто люди оставляют запасные ключи на случай, если потеряют те, что у них с собой. Они всегда прячут их в месте, которое кажется им безопасным, но обычно можно догадаться, где оно.

— Тогда действуй, Шерлок. У вас там все чисто?

— Да, игра еще далека от завершения. Похоже, они собираются сидеть за шахматами весь день.

К нашему невероятному удивлению, Карл нашел ключи меньше чем за десять минут. Они были спрятаны в небольшой нише рядом с приборной панелью.

— Пошли! — радостно воскликнул Петер.

— Ради бога, ничего там не трогайте,— предупредил Тим, он уже жалел, что разрешил им эту авантюру.— Просто осмотритесь вокруг и сразу же возвращайтесь.

Ответа не последовало — Петер был слишком занят замком. Мы услышали приглушенный лязг, когда он наконец открыл люк и проскользнул внутрь. На нем по-прежнему был скафандр, так что он мог поддерживать связь с нами по радио. Мгновение спустя мы услышали его крик:

— Карл! Смотри!

— Что такое? — спросил Карл, спокойный как всегда.— Ты чуть не порвал мне барабанные перепонки.

Мы тут же начали выкрикивать собственные вопросы, и прошло некоторое время, прежде чем Тим восстановил порядок.

— Хватит орать! Итак, Петер, расскажи подробно, что вы нашли.

Я услышал, как Петер судорожно сглотнул, переводя дыхание.

— На этом корабле полно оружия! — выдохнул он.— Честно, я не шучу! Я вижу штук двадцать на стенах. И оно не похоже ни на какое оружие, что я видел раньше. Какие-то странные дула, а под ними красные и зеленые цилиндры. Не могу представить, для чего они...

— Карл! — приказал Тим.— Петер опять нас дурачит?

— Нет,— последовал ответ.— Это действительно так. Мне не очень-то это нравится, но если лучеметы существуют — мы сейчас смотрим именно на них.

— Что будем делать? — запричитал Петер. Похоже, он уже был совсем не рад, что нашел подтверждение своей версии.

— Ничего не трогайте! — приказал Тим.— Подробно опишите все, что видите, а затем немедленно возвращайтесь.

Но прежде чем Петер успел сказать хоть слово, раздался возглас Карла: «Что это?» На мгновение наступила тишина, затем Питер, голос которого я едва узнал, прошептал:

— Там, снаружи, корабль. Он пристыковывается. Что нам делать?

— Бегите со всех ног,— тоже шепотом ответил Тим — словно имело хоть какое-то значение, шепчет он или кричит.— Выбирайтесь как можно быстрее из шлюза и возвращайтесь на станцию разными путями. Еще десять минут будет темно — может быть, они вас не заметят.

— Поздно,— сказал Карл, из последних сил стараясь сохранять присутствие духа.— Они уже здесь. Внешний люк открывается.

5

ЗВЕЗДНОЕ ТУРНЕ

Несколько мгновений никто не знал, что сказать. Затем Тим выдохнул в микрофон:

— Сохраняйте спокойствие. Если вы скажете им, что поддерживаете связь с нами, они не осмелятся вас тронуть.

Слова его показались мне чересчур оптимистичными — хотя они вполне могли поддержать дух наших товарищей, который, вероятно, упал ниже некуда.

— Возьму один из этих лучеметов! — крикнул Петер.— Не знаю, как они работают, но, возможно, удастся припугнуть наших гостей. Карл, ты тоже возьми.

— Ради всего святого, осторожнее! — предупредил Тим, уже не на шутку обеспокоенный. Он повернулся к Ронни: — Рон, свяжись с командором и расскажи ему о том, что происходит,— быстро! И пусть направят телескоп на «Лебедь», нужно посмотреть, что там за корабль.

Конечно, про телескоп следовало подумать раньше, но из-за всеобщего возбуждения про это просто забыли.

— Они уже в рубке управления,— доложил Петер.— Я их вижу. Они без скафандров, и у них нет оружия, что дает нам некоторое преимущество.

Мне показалось, что настроение у Петера поднялось при мысли о том, что он все-таки еще может стать героем.

— Пойду им навстречу,— неожиданно объявил он.— Все лучше, чем ждать здесь, где они все равно нас найдут. Пошли, Карл.

Мы ждали затаив дыхание. Не знаю, чего мы ожидали — думаю, чего угодно, от треска выстрелов до шипения таинственного оружия, которое держали в руках наши друзья. Но того, что произошло на самом деле, мы никак не могли предвидеть.

Послышался голос Петера (и, надо сказать, довольно спокойный):

— Что вы здесь делаете и кто вы такие?

Последовала пауза, которая длилась, казалось, целую вечность. Я мог представить происходящее столь отчетливо, будто сам находился там,— Петер и Карл стоят с оружием в руках, а те, кому они бросили вызов, размышляют, что делать: сдаться или принять бой.

Потом кто-то неожиданно рассмеялся. Послышалось несколько слов, смысл которых мы не могли уловить,— похоже, они все были произнесены по-английски, но потонули в жизнерадостном хохоте. Казалось, будто трое или четверо хохочут одновременно во весь голос.

Нам ничего не оставалось, кроме как ждать, ничего не понимая, пока шум наконец не стих, и в громкоговорителе послышался незнакомый голос, веселый и вполне дружелюбный:

— Ладно, ребята, можете опустить эти штуки. Вы и мышь ими не убьете, разве что если стукнете ее по голове. Полагаю, вы со станции. Вы хотите знать, кто мы? Ну что же, киностудия «Двадцать первый век», к вашим услугам. Я — Ли Томсон, ассистент продюсера. А грозное оружие, которое вы держите в руках,— реквизит для нашей новой межзвездной эпопеи. Я рад, что кого-то оно способно убедить — мне его вид всегда казался довольно фальшивым.

Последовавшая за этим реакция была вполне естественной — все мы тоже разразились хохотом. Когда появился командор, потребовалось некоторое время, прежде чем кто-либо смог рассказать, что случилось.

Самым забавным было то, что, хотя Петер с Карлом и выставили себя на посмешище, смеяться последними довелось им самим. Киношники очень им обрадовались и взяли с собой на свой корабль, где как следует накормили и напоили яствами, не входившими в обычное меню на станции.

Когда мы поняли, в чем дело, загадка «Лебедя» получила до абсурдного простое объяснение. Студия «Двадцать первый век» собиралась снять настоящую эпопею — первый фильм, действие которого происходит не просто в межпланетном, но в межзвездном пространстве. И он должен был стать первым художественным фильмом, снятым полностью в космосе, без студийных постановок.

Этим и объяснялась необычная таинственность, которую соблюдал экипаж «Лебедя». Стоило другим компаниям узнать о готовящихся съемках, как они сразу же попытались бы к ним примкнуть, а «Двадцать первый век» хотел быть впереди всех. На орбиту доставили груз с реквизитом и ожидали прибытия главной группы с камерами и оборудованием. Кроме «лучеметов», которые нашли Петер и Карл, в ящиках в трюме лежали странные четырехногие скафандры для существ, якобы обитающих на планетах альфы Центавра. «Двадцать первый век» блестяще выполнял свою работу, и мы догадывались, что у них есть еще одна группа на Луне.

Сами съемки должны были начаться через два дня, когда на третьем корабле прилетят актеры. Все возбужденно обсуждали новость: оказывается, в фильме снимается сама Линда Лорелли. Нам было очень интересно, как можно будет разглядеть прелести кинозвезды, облаченной в скафандр. Главного героя должен был играть Текс Дункан, что крайне обрадовало Нормана Пауэлла, который обожал Текса и прикрепил его фотографию к дверце своего шкафчика.

Вся эта суета, царившая рядом с нами, порядком отвлекала экипаж станции от работы. В свободное время отнюдь не только стажеры забирались в скафандры и отправлялись посмотреть, как идут дела у киношников, которые уже выгрузили свои камеры, закрепленные на небольших ракетах, позволявших им медленно двигаться по кругу. Второй корабль был искусно замаскирован с помощью блистеров, орудийных башен и фальшивых пушек под боевой крейсер из другой Солнечной системы — по крайней мере, таким он представлялся студии «Двадцать первый век». Вид у крейсера действительно был впечатляющий.

Мы сидели в классе и слушали лекцию командора Дойла, когда на станцию прибыли звезды кино. Открылась дверь, и в класс вплыла небольшая процессия. Первым появился командор станции, затем его заместитель — а за ними Линда Лорелли. Она натянуто улыбалась, и было заметно, что отсутствие силы тяжести ее весьма смущает. Вспомнив свои первые ощущения, я ей посочувствовал. Ее сопровождала пожилая женщина, которая, похоже, чувствовала себя в невесомости как рыба в воде — она слегка подтолкнула Линду, когда та беспомощно повисла в воздухе.

Следом за ними двигался Текс Дункан — он пытался обойтись без сопровождения, но это у него плохо получалось. Он оказался намного старше, чем я предполагал, судя по его фильмам,— ему было по крайней мере лет тридцать пять. И на затылке просвечивала макушка. Я взглянул на Нормана — парень был явно разочарован внешним видом своего кумира.

Гости, вероятно, были уже наслышаны о приключениях Петера и Карла, поскольку ребята были представлены мисс Лорелли лично, и она обменялась с ними рукопожатиями. Мисс задала им несколько довольно осмысленных вопросов про их работу, изобразила ужас при виде уравнений, которые командор Дойл начертал на доске, и пригласила нас всех на самый большой корабль компании, «Орсон Уэллс», на чай. Мне она показалась довольно симпатичной — намного симпатичнее Текса, который выглядел так, будто ему невыносимо наскучило все происходящее.

После их визита «Утренняя звезда» почти опустела — особенно когда мы узнали, что можем заработать немного денег, помогая при съемках. Мы действительно могли быть полезны, потому что привыкли к невесомости. Правда, большинство членов съемочной группы тоже раньше бывали в космосе, но перспектива кувыркаться в воздухе их явно не прельщала, поэтому они двигались медленно и осторожно. Мы же могли управляться куда быстрее, стоило лишь сказать нам, что следует делать.

Немалая часть фильма должна была сниматься в интерьерах «Орсона Уэллса», который был оборудован в виде летающей киностудии. Все сцены, которые должны были сниматься внутри космического корабля, снимались здесь, на соответствующем фоне приборов, панелей управления и так далее. Однако самыми интересными должны были стать съемки за пределами «Орсона Уэллса».

В одном эпизоде Текс Дункан спасал мисс Лорелли, когда она, барахтаясь в открытом космосе, падала на приближающуюся планету. Студия «Двадцать первый век» гордилась тем, что Текс никогда не прибегает к помощи дублеров и сам выполняет опасные трюки, и мы все с особенным интересом ждали этого момента. Мы полагали, что нам будет на что посмотреть, и оказались правы.

Я пробыл на станции две недели и уже считал себя бывалым космическим волком. Мне казалось вполне естественным отсутствие веса, и я почти забыл значение таких слов, как «верх» и «низ». Мелочи же, подобные тому, что жидкости приходилось пить через трубочку, а не из чашек или стаканов, стали частью повседневной жизни.

Думаю, на станции мне по-настоящему недоставало только одного. Невозможно было принять ванну, как на Земле. Я очень люблю лежать в горячей ванне, и лежать подолгу, пока кто-нибудь не начнет колотить в дверь, чтобы удостовериться, не заснул ли я. На станции можно было только принять душ, причем приходилось стоять внутри цилиндра из ткани, плотно зашнурованного вокруг шеи, чтобы не разлетались брызги. Любой приличный объем воды попросту образовывал большой шар, который начинал плавать в воз-

духе, пока не ударялся о стену. Когда это происходило, часть его дробилась на капли, которые медленно разлетались во все стороны, а большая часть просто размазывалась по поверхности, которой он коснулся, создавая жуткую грязь.

На Жилой станции, где была гравитация, имелись ванны и даже небольшой бассейн. Все считали, что бассейн выполняет чисто декоративную функцию.

Члены экипажа, включая стажеров, уже считали меня «своим», и действительно, иногда я вполне мог выполнить ту или иную работу. Я старался узнавать как можно больше, не беспокоя других излишними вопросами, и заполнил четыре толстые тетради записями и зарисовками. Если бы я захотел, то, вернувшись на Землю, мог бы написать о станции целую книгу.

Теперь мне разрешали бывать почти везде, где мне хотелось,— при условии, что я должен был всегда оставаться на связи с Тимом Бентоном или командором. Больше всего меня привлекала обсерватория, где стоял маленький, но мощный телескоп, с которым я мог забавляться, когда им не пользовались другие.

Я мог без устали смотреть на простирающуюся внизу Землю. Проплывавшие под нами материки, как правило, не были скрыты облаками, и я мог наслаждаться чудесным видом территорий, над которыми мы пролетали. Земля под нами уходила назад со скоростью восемь километров в секунду. Если телескоп был правильно настроен, можно было довольно долго держать любой объект в поле зрения, прежде чем он исчезнет в тумане за горизонтом. Эту задачу выполняло маленькое автоматическое устройство в штативе телескопа — стоило навести прибор на что-нибудь, и он продолжал поворачиваться с нужной скоростью.

Таким образом, я мог каждые сто минут обозревать пояс, тянувшийся на север до Японии, Мексиканского залива и Красного моря. На юг обзор простирался до Рио-де Жанейро, Мадагаскара и Австралии. Это был прекрасный способ изучать географию, хотя из-за кривизны Земли более отдаленные страны выглядели несколько искаженными и их тяжело было узнать.

Пролегавшая над экватором орбита станции проходила прямо над двумя величайшими реками мира — Конго и Амазонкой. С помощью телескопа я мог заглянуть прямо в джунгли и без труда различить отдельные деревья и крупных животных. Мне также очень нравилось наблюдать за большим Африканским заповедником, поскольку там я мог найти почти любое животное из тех, которых я знал.

Немало времени я проводил, глядя и в другую сторону от Земли. Хотя я находился нисколько не ближе к Луне и планетам, чем когда был на Земле, теперь, из-за отсутствия атмосферы, я мог наблюдать во много крат более четкую картину. Огромные лунные горы казались столь близкими, что казалось, стоит только протянуть руку — и можно провести пальцем по их зазубренным вершинам. Когда на Луне была ночь, я мог видеть некоторые из лунных колоний, сверкавших в темноте, словно звезды. Но самым чудесным зрелищем был старт космического корабля. Когда у меня была возможность, я слушал радио и записывал время старта. Потом отправлялся к телескопу, нацеливал его на нужный участок лунной поверхности и ждал.

Сперва я видел лишь темный круг. Затем на его фоне неожиданно вспыхивала искорка, которая становилась все ярче и ярче. Она начинала увеличиваться, по мере того как корабль поднимался все выше и пламя его двигателей освещало все большую часть лунного ландшафта. В ярком бело-голубом свете я мог различить горы и равнины, сверкающие, словно днем. По мере того как корабль набирал высоту, круг света становился все шире и слабее, пока наконец снова не воцарялась космическая тьма. Взлетающий корабль превращался в крошечную яркую звездочку, быстро движущуюся на фоне темного диска Луны. Несколько минут спустя звездочка исчезала — это корабль покидал орбиту Луны. Через тридцать или сорок часов он выходил на орбиту станции, и я наблюдал, как его экипаж выходит из шлюза — столь же беззаботно, как если бы они просто слетали на вертолете в соседний город.

За время пребывания на станции я написал больше писем, чем за год дома. Все они были очень короткими, и все заканчивались словами: «P. S. Пожалуйста, пришлите мне

обратно конверт для коллекции». Это был единственный способ собрать набор марок космической почты, который должен был стать предметом зависти для всех ребят в нашем районе. Мои дальние тетушки и дядюшки, вероятно, тоже очень удивились, получив от меня весточку. Прекратил я переписку только тогда, когда у меня закончились деньги.

Я также дал одно интервью телевидению — по двусторонней связи находившемуся на Земле телеведущему. Похоже, мое путешествие на станцию вызвало немалый интерес, и всем хотелось знать, как у меня идут дела. Я сказал, что дела у меня идут прекрасно и что я не хочу возвращаться — по крайней мере, в ближайшие месяцы. Мне еще многое нужно было сделать и увидеть — к тому же работа съемочной группы «Двадцать первого века» шла полным ходом.

Пока техники занимались последними приготовлениями, Текс Дункан учился пользоваться скафандром. Обучать его поручили одному из инженеров, и вскоре мы услышали, что тот не самого лучшего мнения о своем ученике. Мистер Дункан был чересчур уверен, что знает ответы на все вопросы, а поскольку он умел летать на реактивном самолете, то полагал, что столь же легко справится и с такой мелочью, как скафандр.

Когда начались съемки в открытом космосе, я занял лучшее место среди зрителей. Группа работала примерно в восьмидесяти километрах от станции, и мы отправились туда на «Жаворонке» — нашей личной яхте, как мы иногда его называли.

«Двадцать первому веку» предстояло решить довольно своеобразную проблему. Можно было подумать, что теперь, когда они ценой немалых усилий и расходов вывели своих актеров и камеры в космос, им остается лишь начать снимать. Но обнаружилось, что не все так просто. Прежде всего, освещение оказалось совершенно неподходящим...

За пределами атмосферы, когда ты находишься под прямыми лучами Солнца, на тебя как бы падает свет одного мощного прожектора. Солнечная сторона любого объекта ярко освещена, противоположная кажется совершенно черной. В результате, когда ты смотришь на объект, находящийся в космосе, тебе видна лишь его часть: нужно дождаться,

когда он повернется и будет полностью освещен,— только тогда можно получить о нем полное представление.

Со временем к подобным вещам привыкаешь, но «Двадцать первый век» решил, что зрителям на Земле это не понравится. Они решили добавить дополнительное освещение, которое заполнило бы тени. Сперва они даже предполагали доставить в космос прожектора, которые плавали бы вокруг актеров, но энергия, необходимая для того, чтобы сравниться с солнечной, требовалась настолько чудовищная, что от этой идеи отказались. Затем поступило предложение использовать зеркала. Вероятно, и эта идея не увенчалась бы успехом, если бы кто-то не вспомнил, что самое большое из всех когда-либо созданных зеркал парит в космосе всего в нескольких километрах от нас.

Старая солнечная энергостанция не использовалась уже тридцать с лишним лет, но ее гигантский рефлектор до сих пор выглядел как новый. Она была построена на заре астронавтики, чтобы улавливать солнечную энергию и преобразовывать ее в электричество. Рефлектор представлял собой чашу почти девяносто метров в поперечнике, формой напоминающую зеркало прожектора. Падающие на него солнечные лучи фокусировались на тепловых спиралях, превращая воду в пар, приводивший в движение турбины и генераторы.

Само зеркало представляло собой хрупкую структуру из искривленных балок, поддерживавших тончайшие листы металлического натрия. Натрий использовался потому, что он был легким и хорошо отражал свет. Тысячи пластин собирали солнечные лучи, направляя их в одну точку, где в то время, когда станция работала, находились тепловые спирали. Однако генератор со станции давно сняли, осталось лишь огромное зеркало, бесцельно парившее в космосе. Никто не возражал против того, чтобы «Двадцать первый век» использовал его для своих целей. Киношники вежливо попросили разрешения, оплатили номинальную аренду и получили право действовать.

Когда мы прибыли на место съемок, операторы с камерами расположились примерно в ста пятидесяти метрах от огромного зеркала, несколько в стороне от линии, соеди-

нявшей его с Солнцем. Все, что находилось на этой линии, теперь было освещено с обеих сторон: с одной стороны прямыми солнечными лучами, а с другой — падавшим на зеркало светом, который фокусировался и затем снова рассеивался. Прошу прощения, если все это звучит несколько запутанно, но мне важно, чтобы вы поняли принцип.

«Орсон Уэллс» парил позади операторов, которые возились с манекеном, стараясь подобрать нужный угол. Манекен затем должны были втащить внутрь, и его место собирался занять Текс Дункан. Работать приходилось в ускоренном режиме, так как хотелось видеть на фоне серп Земли. К несчастью, из-за нашего быстрого движения по орбите фазы Земли сменялись столь быстро, что для съемок годились лишь десять минут каждого часа.

Пока шли приготовления, мы отправились в рубку управления энергостанции. Это был большой герметичный цилиндр, установленный на краю большого зеркала, из иллюминаторов которого открывался хороший вид на все стороны. Рубку сделали пригодной для жизни наши техники, которые привели в порядок систему кондиционирования воздуха — естественно, за соответствующую плату. Они же развернули зеркало так, что оно снова оказалось направлено в сторону Солнца,— закрепив на его ободе несколько ракетных двигателей и включая их на несколько секунд в заранее рассчитанное время. Довольно трудоемкая задача, которую способны выполнить лишь специалисты.

Мы несколько удивились, обнаружив в рубке командора Дойла. В свою очередь, и наше появление привело его в легкое замешательство. Мне стало интересно: неужели ему захотелось подзаработать? Но ведь он же все равно никогда не летает на Землю, чтобы потратить лишние деньги...

Пока мы ждали, когда начнутся съемки, Дойл объяснил нам, каким образом работала энергостанция в те незапамятные времена, когда еще не было дешевых и простых атомных генераторов. Время от времени я бросал взгляд в иллюминатор, наблюдая, как идут дела у операторов. Наше радио было настроено на их волну, и распоряжения режиссера следовали непрерывно, одно за другим. Я уверен, что режиссеру очень хотелось поскорее вновь оказаться в

своей студии на Земле, и мысленно он ругал на чем свет стоит тех, кому пришла в голову дурацкая идея снимать фильм в открытом космосе.

Со стороны обода большое вогнутое зеркало выглядело весьма впечатляюще. Некоторые из его граней отсутствовали, и я видел сияющие сквозь дыры звезды, но во всем остальном оно казалось совершенно целым — и, естественно, нисколько не потускневшим. Я чувствовал себя мухой, ползущей по краю металлической тарелки. Как ни странно, хотя вся чаша зеркала была залита солнечным светом, с того места, где мы находились, оно выглядело довольно темным. Весь свет, который оно собирало, направлялся в точку, вынесенную примерно на шестьдесят метров в космос. Несколько опорных балок до сих пор тянулись к этой точке, где раньше располагались тепловые спирали,— но теперь они просто уходили в пустоту.

Наконец наступил великий момент. Мы увидели, как открылся шлюз «Орсона Уэллса» и оттуда появился Текс Дункан. Оказывается, он и впрямь научился пользоваться скафандром — хотя я уверен, что у меня получалось бы лучше, если бы мне дали возможность столько же попрактиковаться.

Манекен убрали, режиссер начал отдавать распоряжения, и камеры двинулись следом за Тексом. В этой сцене ему почти ничего не требовалось делать, лишь совершить несколько простых маневров в скафандре. Как я понял, по сценарию, он плавал в космосе после того, как был уничтожен его корабль, и пытался найти других выживших. Разумеется, среди них должна была оказаться мисс Лорелли, но пока она в эпизоде не появилась. Вся сцена — если можно было ее так назвать — была целиком предоставлена Тексу.

Камеры продолжали снимать, пока на Земле не стали видны очертания континентов. Продолжать больше не имело смысла, поскольку это сразу же выдало бы подделку. Действие фильма происходило возле одной из планет альфы Центавра, и этому никто бы не поверил, если бы зрители узнали Новую Гвинею, Индию или Мексиканский залив. Иллюзия мгновенно бы разрушилась.

Ничего не оставалось, кроме как ждать тридцать минут, пока Земля снова не превратится в серп и ее предательская география не скроется в тумане или облаках. Мы услышали, как режиссер скомандовал остановить съемку, и все расслабились.

— Я закуриваю,— объявил по радио Текс.— Мне всегда хотелось выкурить сигарету в скафандре.

— Опять пускает пыль в глаза,— пробормотал кто-то позади меня.— Если его стошнит, так ему и надо!

Последовало еще несколько распоряжений операторам, а затем послышался голос Текса:

— Еще двадцать минут, говорите? Черт побери, не собираюсь я тут все время болтаться. Смотаюсь взгляну на то прославленное зеркальце для бритья.

— То есть полетит к нам,— с нескрываемым отвращением заметил Тим Бентон.

— Ладно,— ответил режиссер, который, вероятно, предпочитал с Тексом не спорить.— Только возвращайся вовремя.

Глядя в иллюминатор, я увидел, как из двигателей скафандра Текса вырвался легкий туман и он устремился в нашу сторону.

— Довольно быстро летит,— заметил кто-то.— Надеюсь, он сумеет вовремя остановиться — что-то не хочется новых дырок в нашем зеркале...

Лишь через несколько секунд я понял, что он имел в виду. Весь свет и тепло, которые собирают наше громадное зеркало, сосредоточиваются в крошечном объеме пространства, к которому беззаботно летел Текс. Кто-то говорил мне, что оно равно теплу от десяти тысяч электрических лампочек — и притом оно сжато в луч толщиной в полтора-два метра. Однако для глаза этот луч был невидим, и невозможно было почувствовать опасность, пока не станет слишком поздно. За точкой фокуса луч снова рассеивался и вскоре становился безвредным. Но там, где раньше находились тепловые спирали, в пространстве между балками, он мог за несколько секунд расплавить любой металл. А Текс направлялся прямо туда. Если он окажется там, он проживет не дольше, чем мотылек в пламени ацетиленовой горелки...

6

КОСМИЧЕСКИЙ ГОСПИТАЛЬ

Кто-то что-то кричал по радио, пытаясь предупредить Текса. Даже если бы предупреждение вовремя достигло его ушей, сомневаюсь, что у него хватило бы ума действовать правильно и изменить направление полета. С той же вероятностью он мог впасть в панику и потерять контроль над собой.

Видимо, командор это тоже понял, так как неожиданно крикнул:

— Держитесь крепче! Сейчас наклоню зеркало!

Я схватился за ближайшую скобу на стене. Командор Дойл, оттолкнувшись могучими руками, метнулся к временной панели управления, установленной возле иллюминатора. Бросив взгляд на приближающуюся фигуру, он что-то быстро подсчитал в уме, затем его пальцы забегали по переключателям.

В ста метрах от нас, по другую сторону большого зеркала, я увидел на фоне звезд первые языки пламени, вырывающиеся из двигателей. По конструкции энергостанции пробежала дрожь — она явно не была рассчитана на столь быстрый разворот. При всем при этом казалось, что поворачивается она очень медленно. Потом я увидел, что Солнце смещается в сторону — мы больше не были нацелены прямо на него, и невидимый огненный конус, исходивший от нашего зеркала, уходил в космос, не в силах причинить никому вреда. Мы так и не узнали, насколько близко он прошел от Текса, но позже он говорил, что мимо него пронеслась яркая короткая вспышка, ослепившая его на несколько минут.

Топливо в ракетных двигателях выгорело, и я с облегченным вздохом отпустил скобу. Хотя ускорение было не таким уж и большим — двигатели энергостанции не обладали достаточной мощностью, чтобы последствия оказались катастрофическими,— оно все же превосходило то, на которое было рассчитано зеркало, и некоторые из отражающих поверхностей отвалились и теперь медленно вращались

в пустоте. Также следовало принять определенные меры относительно всей станции — требовалось долгое и осторожное жонглирование двигателями, чтобы компенсировать вращение, которое придал ей командор Дойл. Солнце, Земля и звезды медленно кружились вокруг нас, и мне пришлось закрыть глаза, прежде чем я сумел хоть как-то сориентироваться в пространстве.

Когда я снова их открыл, командор был занят переговорами с «Орсоном Уэллсом», объясняя, что произошло, и сообщая во всех подробностях, что он думает о мистере Дункане. На этом съемки в тот день закончились, и прошло немало времени, прежде чем кто-либо снова увидел Текса.

Да и вообще, вскоре после этого эпизода наши гости собрали вещи и улетели дальше в космос — к нашему большому разочарованию. Тот факт, что половину времени мы находились в темноте, проходя через тень Земли, являлся слишком серьезным препятствием для съемок. Видимо, киношники прежде об этом не думали, и, когда мы снова получили от них известие, они были уже в шестнадцати тысячах километров от нас, на слегка наклонной орбите, обеспечивавшей постоянное солнечное освещение.

Нам было жаль, что они улетели, поскольку они доставили нам немало развлечений, к тому же мы надеялись увидеть знаменитые лучеметы в деле. К нашему удивлению, эта съемочная группа в конце концов целой и невредимой вернулась на Землю. Но мы до сих пор ждем, когда выйдет фильм...

В тот же день закончился для Нормана и его культ героя. Фотография Текса исчезла с дверцы шкафчика и больше не появлялась.

За время пребывания на станции я облазил ее всю, за исключением разве что запретной территории, в которую входили: энергостанция, где была отмечена повышенная радиоактивность, склады, охранявшиеся свирепым интендантом, и главный Центр управления. Именно туда мне ужасно хотелось попасть — это был «мозг» станции, через который поддерживалась радиосвязь со всеми кораблями в данном секторе космоса и, конечно, с самой Землей. Пока старшие не поняли, что мне можно доверять и что я не стану досадной помехой, у меня было мало шансов оказаться туда допущенным. Но я решил, что своего добьюсь, и наконец такой случай мне представился.

В обязанности стажеров входило носить кофе и легкие закуски дежурному офицеру в середине его вахты. В это время станция всегда пересекала Гринвичский меридиан — поскольку на виток вокруг Земли требовалось ровно сто минут, все было основано на этом интервале, и наши часы были настроены так, что местный «час» имел именно такую продолжительность. Многие умели оценивать время на глаз, просто бросив взгляд на Землю и посмотрев, какой континент проплывает внизу.

Кофе, как и другие напитки, мы переносили в закрытых контейнерах (прозванных «молочными бутылками»), и его нужно было пить через пластиковую трубочку — поскольку в невесомости жидкость выливаться не может. Закуски носили в Центр управления на легком подносе с небольшими отверстиями для разных контейнеров, и дежурные всегда были за это крайне благодарны — за исключением критических ситуаций, когда они были слишком заняты, чтобы отвлекаться на что-то еще.

Мне пришлось долго убеждать Тима Бентона, прежде чем он согласился дать мне это поручение. Я сказал, что таким образом другие ребята освободятся для более важных дел,— на что он возразил, что это одна из немногих работ, которая им по-настоящему нравится. Но в конце концов он сдался.

Меня тщательно проинструктировали, и, когда станция пролетала над Гвинейским заливом, я уже стоял у дверей Центра управления и звонил в маленький колокольчик (на станции есть много странных обычаев вроде этого). Дежурный офицер крикнул: «Войдите!» Я пронес поднос через дверь, затем раздал еду и напитки. Последняя «молочная бутылка» достигла получателя, когда мы пролетали над африканским побережьем.

Вероятно, они ждали меня, потому что никто не удивился моему появлению. Поскольку я должен был остаться, чтобы собрать пустые контейнеры, у меня было достаточно времени, чтобы осмотреть Центр управления. Он был бе-

зупречно чистым и опрятным, куполообразной формы, и вокруг него шла широкая прозрачная панель. Кроме дежурного офицера и его помощника там сидели за приборами еще несколько радистов, а также и другие люди, работавшие с незнакомым мне оборудованием. Повсюду циферблаты и экраны, вспыхивают и гаснут лампочки — и при всем при этом полная тишина. Двое за маленькими столиками были в наушниках и с ларингофонами, так что могли разговаривать, не мешая другим. Я с восхищением смотрел на специалистов, занятых своей работой,— ведь они направляли корабли, находившиеся в тысячах километров от них, переговаривались с другими космическими станциями или с Луной, проверяли мириады приборов, от которых зависела наша жизнь.

Дежурный офицер сидел за огромным столом с прозрачной крышкой, на которой светился замысловатый узор из разноцветных огоньков, показывавших Землю, орбиты других станций и курсы всех кораблей в нашей части космоса. Время от времени офицер что-то тихо говорил, почти не шевеля губами, и я понимал, что он отдает распоряжения приближающемуся кораблю — задержаться чуть дольше или приготовиться к стыковке.

Я не осмелился задержаться здесь дольше положенного времени, но на следующий день у меня появился еще один шанс, а поскольку ничего экстренного на станции не происходило, один из помощников оказался достаточно любезен, чтобы показать мне, что и как. Он дал мне послушать некоторые радиопереговоры и объяснил, как работает большая панель-дисплей. Больше всего, однако, впечатлил меня блестящий металлический цилиндр, усеянный кнопками и мигающими лампочками, занимавший середину помещения.

— Это ХАОС,— гордо сообщил мне мой гид.

— Что? — переспросил я.

— Сокращенно — Автоматическая орбитальная система.

Я на мгновение задумался.

— А что означает «Х»?

— Все об этом спрашивают. Ничего не означает.

Он повернулся к оператору:

— На что он сейчас настроен?

Тот дал ответ, состоявший в основном из математических терминов, но я все же уловил слово «Венера».

— Верно. Что ж, предположим, что мы хотим отправиться на Венеру через... скажем, четыре часа.

Его руки забегали по клавиатуре, словно по клавишам гигантской пишущей машинки.

Я ожидал, что ХАОС начнет гудеть и щелкать, но ничего не произошло, только несколько лампочек изменили цвет. Затем, секунд через десять, дважды раздался звонок и из узкой щели выползла лента, испещренная мелко напечатанными цифрами.

— Ну вот, получай. Направление старта, элементы орбиты, время полета, время начала торможения. Все, что тебе теперь нужно,— космический корабль!

Интересно, подумал я, сколько сотен вычислений произвел электронный мозг за эти несколько секунд? Космические полеты определенно были весьма сложным делом — настолько сложным, что порой это приводило меня в уныние. А потом я подумал, что эти люди не выглядят сколько-нибудь умнее меня — у них была хорошая подготовка, только и всего. Если приложить достаточные усилия, можно стать мастером любого дела.

Мое пребывание на Ближней станции подходило к концу — хотя и не таким образом, как можно было бы ожидать. Жизнь здесь представляла собой рутину; как мне объяснили, на станции никогда не происходило ничего примечательного, а если я хотел чего-то волнующего, то мне следовало оставаться на Земле. Меня это слегка разочаровало, я-то надеялся, что за время моего пребывания здесь все-таки произойдет нечто экстраординарное, хотя и не мог себе представить, что именно. Как оказалось, моему желанию предстояло вскоре исполниться.

Но прежде чем я поведу об этом речь, следует кое-что рассказать о других космических станциях, о которых до сих пор я не упоминал.

Наша, на высоте всего в восемьсот километров, находилась ближе всего к Земле, но были и другие, выполнявшие не менее важные задачи и расположенные значительно даль-

ше от нее. Чем больше было это расстояние, тем больше, естественно, требовалось времени на полный оборот вокруг Земли. Наш «день» длился сто минут, а самым дальним станциям требовалось двадцать четыре часа на виток по орбите — что влекло за собой любопытные последствия, о которых я расскажу позже.

Назначение Ближней станции, как я уже объяснял, состояло в том, чтобы служить заправочным, ремонтным и пересадочным пунктом для космических кораблей, как улетающих, так и прибывающих. Для этого она должна была находиться как можно ближе к Земле. Ниже восьмисот километров было уже небезопасно — станция могла потерять скорость и упасть на планету.

А вот метеорологические станции находились на достаточном удалении от Земли, чтобы иметь возможность «видеть» как можно бо́льшую часть ее поверхности. Метеостанций было две, на высоте в девять с половиной тысяч километров, и они совершали оборот каждые шесть с половиной часов. Как и наша Ближняя станция, они двигались вдоль экватора. Это означало, что, хотя они могли видеть намного дальше на север и на юг, чем мы, данные о полярных областях были им недоступны или поступали к ним в сильно искаженном виде. Отсюда возникла необходимость в полярной метеостанции, орбита которой, в отличие от всех остальных, проходила над полюсами. Вместе три станции могли дать практически непрерывную картину погоды по всей планете.

На всех этих станциях проводилось также немало астрономических наблюдений, и там были построены несколько очень больших телескопов, свободно паривших на орбите, где их вес не имел значения.

Выше метеостанций, на высоте в двадцать четыре тысячи километров, пролегала орбита биологических лабораторий и знаменитого Космического госпиталя, где велись исследования в условиях невесомости и могли быть излечены многие болезни, неизлечимые в земных условиях. Например, сердцу не приходилось прилагать столько усилий, прокачивая кровь через тело, и потому ему мог быть дан отдых, невозможный на Земле.

Наконец, на высоте в тридцать пять тысяч километров находились три большие ретрансляционные станции. Им требовались ровно сутки, чтобы совершить один оборот,— и потому казалось, будто они постоянно висят над одними и теми же точками Земли. Связанные друг с другом направленными радиолучами, они обеспечивали телевизионное покрытие по всей планете. Не только телевидение, но и вся дальняя радио- и телефонная связь проходила через ретрансляционную сеть, создание которой на исходе двадцатого века произвело революцию в мировых коммуникациях.

Одна из станций, обслуживавшая Америку, находилась на 90 градусах западной долготы. Вторая, на 30 градусах восточной широты, покрывала Европу и Африку. Третья, на 150 градусах восточной долготы, обслуживала весь Тихоокеанский регион. На Земле не было места, откуда нельзя было бы связаться с той или другой станцией. А настроив приемное оборудование на нужное направление, больше не было необходимости его перемещать. Солнце, Луна и планеты могли всходить и заходить — но три ретрансляционные станции никогда не покидали своего постоянного места на небе.

Различные орбиты связывали друг с другом маленькие ракеты-челноки, летавшие не слишком часто. Вообще говоря, движение между станциями было не слишком оживленным — большая часть всего необходимого доставлялась непосредственно с Земли. Сперва я надеялся, что мне удастся посетить кого-то из наших соседей, но после нескольких вопросов стало ясно, что шансов у меня нет. Через неделю я должен был возвращаться домой, а в течение этого времени свободное место для пассажира вряд ли можно было найти. Как мне сказали — даже если бы и оно и нашлось, имеются куда более полезные грузы.

Я был на «Утренней звезде», наблюдая, как Ронни Джордан наносит последние штрихи на превосходную модель космического корабля, когда раздался сигнал вызова по радио. Это был Тим Бентон, оставшийся на станции. Голос его звучал крайне возбужденно.

— Это Ронни? Кто-нибудь еще есть — что, только Рой? Ладно, не имеет значения,— слушай, это очень важно.

— Выкладывай,— ответил Ронни. Мы оба очень удивились, впервые услышав Тима столь взволнованным.

— Нам нужно воспользоваться «Утренней звездой». Я пообещал командору, что она будет готова через три часа.

— Что? — выдохнул Ронни.— Не верю!

— На споры нет времени — я все объясню позже. Остальные уже летят к вам — им придется воспользоваться скафандрами, поскольку «Жаворонок» вы забрали с собой. А теперь составьте список по пунктам, который я вам продиктую, и начинайте проверять...

В течение двадцати минут мы проверяли приборы — точнее, те из них, которые были работоспособны. Мы не могли представить себе, что случилось, но были слишком заняты, чтобы предаваться размышлениям. К счастью, я успел так хорошо узнать «Утреннюю звезду», что смог во многом помочь Рону, считывая для него показания датчиков и так далее.

Наконец в шлюзе послышался стук и лязг, и оттуда появились трое наших товарищей, тащивших за собой батареи и инструменты. Они прилетели на одном из ракетных тягачей, использовавшихся для перемещения кораблей и грузов вокруг станции, и привезли две цистерны топлива — достаточно, чтобы заполнить вспомогательные баки. От них-то мы и узнали, из-за чего весь сыр-бор.

Требовалась срочная медицинская помощь. Один из пассажиров с лайнера Марс—Земля, только что причалившего к Жилой станции, серьезно заболел, и ему необходима была операция в течение десяти часов. Единственным шансом спасти ему жизнь было доставить его в Космический госпиталь — но, к несчастью, все корабли на Ближней станции находились на техобслуживании, и, чтобы подготовить их к полету, нужен был как минимум день.

Именно Тим уговорил командора дать шанс стажерам. Он напомнил, сколь ответственно мы отнеслись к уходу за «Утренней звездой», ну а требования для полета к Космическому госпиталю были на самом-то деле минимальны. Топлива требовалось немного, и даже незачем было запускать главные двигатели. Весь путь можно было проделать на вспомогательных ракетах.

Поскольку альтернативы все равно не было, командор Дойл неохотно согласился, но с условием: мы должны доставить «Утреннюю звезду» на станцию, там ее заправят, а уж затем пилотировать корабль будет он.

В течение следующего часа я изо всех сил старался быть полезным, и в конце концов меня приняли в команду. Моей задачей было закрепить на «Звезде» все свободно плавающие предметы, которые могут обрушиться нам на головы, когда будут включены двигатели. Возможно, «обрушиться» — слишком сильное слово, ведь мы не собирались чересчур ускоряться. И все же любой незакрепленный предмет мог стать опасной помехой, попади он в неподходящее место.

Наконец Норман Пауэлл запустил двигатели. Сперва он дал короткий толчок с очень низким ускорением, а все остальные наблюдали за приборами — нет ли признаков опасности. Все мы, приняв меры предосторожности, были в скафандрах. Если бы один из двигателей взорвался, то, вероятно, находившимся в рубке управления это не причинило бы вреда, но в корпусе легко могла образоваться пробоина.

Впрочем, пока все шло по плану. Небольшое ускорение заставило нас всех сместиться к стене, неожиданно ставшей полом. Затем ощущение веса снова исчезло.

Мы еще раз проверили показания приборов, и Норман сказал:

— Похоже, двигатели в порядке. Поехали.

Так «Утренняя звезда» начала свое первое после долгого перерыва путешествие. Впрочем, это трудно было назвать путешествием по сравнению с ее легендарным, столетней давности полетом на Венеру. Ведь всего-то около восьми километров отделяло «кладбище» от Ближней станции. Однако для нас, стажеров, это было настоящее приключение и, несомненно, знаменательное событие, поскольку все мы очень любили наш чудесный старый корабль.

Мы достигли Ближней станции минут через пять, и Норман остановил корабль в нескольких сотнях метров от нее, не желая рисковать. Вокруг уже кружили тягачи с буксиро-

вочными тросами, и вскоре «Утренняя звезда» пришвартовалась к станции.

Именно тогда я решил, что мне лучше держаться в стороне. В задней части мастерской, которая когда-то была трюмом «Утренней звезды», имелось несколько маленьких помещений, обычно использовавшихся под кладовые. Сейчас туда была сложена и надежно закреплена большая часть оборудования, однако оставалось еще много свободного места.

Мне хотелось бы объяснить одну вещь — я не считаю, что здесь следовало употребить слово «заяц». Никто на самом деле не говорил мне, чтобы я покинул корабль, и я нигде не прятался. Если бы кто-то зашел в мастерскую или пошарил в кладовой, он бы меня наверняка увидел. Но никто не появился, так что чья в том вина?

Мне казалось, что время течет невероятно медленно. Я слышал отдаленные крики команд, а затем раздался гул топливных насосов, который невозможно ни с чем спутать. Потом последовала еще одна долгая пауза. Вероятно, командор Дойл ждал, когда корабль окажется в нужной точке орбиты вокруг Земли, прежде чем включить двигатели. Я понятия не имел, когда это произойдет, и напряжение все возрастало.

Наконец взревели ракетные двигатели и вернулся вес. Соскользнув по стене, я обнаружил, что снова стою на твердом полу. Я сделал несколько шагов, чтобы проверить ощущения,— и они не очень мне понравились. За прошедшие две недели я настолько привык к отсутствию гравитации, что ее временное возвращение казалось досадной помехой.

Грохот двигателей продолжался минуты три-четыре, и я почти оглох от шума, хотя и заткнул пальцами уши. Никто не предполагал, что пассажирам придется находиться так близко к двигателям, и я очень обрадовался, когда ускорение внезапно ослабло и рев начал стихать. Вскоре он смолк окончательно, хотя в ушах у меня продолжало звенеть, и прошло некоторое время, прежде чем я снова стал нормально слышать. Но я не обращал на это внимания —

главное, что полет начался и никто уже не мог отправить меня назад.

Я решил немного подождать, прежде чем отправиться в рубку управления. Командор Дойл наверняка все еще был занят расчетом курса, и мне не хотелось ему мешать. Кроме того, нужно было сочинить правдоподобную историю.

Мое появление изрядно всех удивило. Наступила полная тишина, когда я вплыл в дверь и сказал:

— Привет! Я думал, меня хоть кто-нибудь предупредит, что мы собираемся взлетать.

Командор Дойл молча уставился на меня, и несколько мгновений я не мог понять, собирается он разозлиться или нет. Наконец он спросил:

— Что ты тут делаешь?

— Закреплял оборудование в кладовой.

Он повернулся к Норману, вид у которого был довольно мрачный:

— Это правда?

— Да, сэр, это я дал ему такое поручение. Но я думал, он уже все закончил.

Командор немного подумал, затем сказал мне:

— Что ж, сейчас у нас нет времени разбираться, что к чему. Ты здесь, и нам придется с этим мириться.

Слова эти не слишком меня вдохновили, но могло быть и намного хуже. А выражение лица Нормана запомнилось мне надолго.

Остальную часть команды «Утренней звезды» составляли Тим Бентон, смотревший на меня с недоуменной улыбкой, и Ронни Джордан, старавшийся вообще не глядеть на меня.

У нас было двое пассажиров. Один из них — больной, привязанный к закрепленным на стене носилкам, которому пришлось дать снотворное, чтобы он оставался без сознания все время полета. С ним был молодой врач, который то и дело с тревогой смотрел на часы и время от времени делал своему пациенту укол. Вряд ли за все время он произнес больше десятка слов.

Позже Тим объяснил мне, что больной страдал острой и очень редкой формой желудочного расстройства, вызванного возвращением высокой силы тяжести. Ему очень повезло, что он успел достичь орбиты Земли: если бы он заболел во время двухмесячного путешествия, имевшиеся на лайнере медицинские ресурсы не смогли бы его спасти.

Нам оставалось лишь сидеть и ждать, пока «Утренняя звезда» летела по длинной кривой, которая должна была доставить ее примерно через три с половиной часа к Космическому госпиталю. Земля в иллюминаторах медленно уменьшалась. Она уже не заслоняла собой больше половины неба. Мы уже видели большую часть ее поверхности, то есть больше, чем можно было наблюдать с Ближней станции, двигавшейся низко над экватором. На севере появились очертания Средиземного моря, и почти одновременно на противоположных горизонтах возникли Япония и Новая Зеландия.

Земля становилась все меньше, пока наконец не превратилась в шар, который можно было целиком охватить взглядом. Видна была даже большая антарктическая ледяная шапка на юге — сверкающая белая бахрома за оконечностью Патагонии.

Находясь в двадцати четырех тысячах километров от Земли, мы приближались к орбите Космического госпиталя. Несколько мгновений спустя снова должны были включиться двигатели для корректировки курса; однако на этот раз я пребывал в куда более комфортных условиях, внутри звукоизолированной кабины.

И вот двигатели включились, и вернулся вес. Последовал толчок, затем ряд коротких корректировок. Когда все закончилось, командор Дойл отстегнулся от пилотского кресла и поплыл к иллюминатору. Приборы говорили о местонахождении корабля намного точнее, чем были способны определить глаза командора,— но он хотел все увидеть и проверить сам. Я тоже направился к иллюминатору, возле которого никого не было.

Рядом с нами парило в космосе нечто напоминавшее огромный хрустальный цветок, лепестками обращенный

к Солнцу. Сперва я не мог оценить ни истинных размеров объекта, ни понять, как далеко от нас он находится. Затем сквозь его прозрачные стены я смог различить маленькие движущиеся фигурки и отблески солнечных лучей на всевозможных приборах и оборудовании. Диаметр станции составлял, вероятно, не менее ста пятидесяти метров, и стоимость, затраченная на подъем всех этих материалов на двадцать четыре тысячи километров от Земли, наверняка была ошеломляющей. Потом я вспомнил, что очень небольшая часть их имела земное происхождение. Как и другие станции, Космический госпиталь был почти полностью построен из компонентов, производимых на Луне.

Мы подплывали к госпиталю все ближе, и я уже мог разглядеть людей, собравшихся на обзорных палубах и в помещениях со стеклянными крышами. Все они наблюдали за нашим приближением. Впервые до меня дошло, что полет «Утренней звезды» действительно был выдающимся событием — сейчас о нем наверняка говорили все радиостанции и телеканалы. Тут было все, что положено для горячей новости,— борьба за человеческую жизнь и доблестно сослуживший службу давно отправленный в отставку корабль. Добравшись до госпиталя, нам наверняка предстояло пройти сквозь строй репортеров.

К нам торжественно приблизились ракетные тягачи, и буксирные тросы начали подтягивать нас к станции. Несколько минут спустя шлюзы состыковались, и мы прошли по переходному туннелю в госпиталь. Мы подождали, когда врача и его все еще находившегося без сознания пациента пропустят первыми, затем неохотно двинулись навстречу ожидающей нас толпе.

Что ж, я бы ни на что это не променял — и уверен, что командор получил не меньшее удовольствие, чем любой из нас. Нам устроили горячий прием, нас встречали как героев. Хотя я ничего не совершил и вообще не имел права здесь присутствовать (на этот счет последовало несколько довольно неудобных вопросов), со мной обращались так же, как и с остальными. По сути, нам устроили экскурсию по станции.

Выяснилось, что нам придется ждать два дня, прежде чем мы сможем вернуться на Ближнюю станцию,— пока что кораблей, отправлявшихся в сторону Земли, просто не было. Конечно, мы могли проделать обратный путь и на «Утренней звезде», но командор Дойл наложил на эту идею вето.

— Я был не против однажды испытать судьбу,— сказал он,— но повторять не намерен. Прежде чем старушка сможет совершить новый полет, ей нужно пройти полный осмотр и проверить двигатели. Не знаю, заметили ли вы, но температура в камере сгорания начала неприятно повышаться, когда мы находились на последнем отрезке пути. И было еще шесть примеров того, чего ни в коем случае не должно было быть. Я не собираюсь становиться героем дважды за неделю — второй раз может оказаться последним.

Мнение было вполне здравым, но мы чувствовали себя несколько разочарованными. Из-за этих предосторожностей «Утренняя звезда» вернулась на свое обычное место лишь через месяц, к вящему нашему неудовольствию.

Больницы обычно наводят тоску и уныние — но эта оказалась совсем другой. Мало кто из пациентов был серьезно болен, хотя на Земле большинство из них были бы мертвы или прикованы к постели из-за воздействия силы тяжести на их ослабленные сердца. Многие в конце концов вернутся на Землю, другие смогут жить в безопасности лишь на Луне или Марсе, а самые тяжелые пациенты вынуждены постоянно оставаться на станции. В каком-то смысле это походило на ссылку, но вид у больных был достаточно жизнерадостный: госпиталь огромен, залит солнечным светом, и всем им доступно почти все из того, что имеется на Земле — то есть то, что не зависит от силы тяжести.

Госпиталь занимал лишь половину станции, остальные ее помещения были отданы под разнообразные исследования. Нам устроили несколько экскурсий по сверкающим чистотой лабораториям. И вот что случилось во время одной из них...

Командор был занят какими-то делами в техническом отделе, а нас пригласили посетить отделение биологии, где, как нам пообещали, чрезвычайно интересно. Как оказалось, это еще мягко было сказано.

Нам сказали, что мы должны встретиться с доктором Хокинсом в коридоре номер девять, биологическая лаборатория номер два. На космической станции очень легко заблудиться — ее обитатели, разумеется, прекрасно знают все ее закоулки, поэтому никто не задумывается об указателях и табличках. Мы кое-как нашли коридор номер девять, но не увидели там ни одной таблички с надписью «Биологическая лаборатория-2». Впрочем, мы нашли «Биофизическую лабораторию-2» и после недолгой дискуссии решили, что наша цель наверняка где-то рядом.

Тим Бентон, двигавшийся впереди, осторожно приоткрыл первую по ходу дверь.

— Ничего не видно,— проворчал он.— Тьфу, тут воняет, как в рыбной лавке в жаркий день!

Я заглянул через его плечо. Свет действительно был очень тусклым, и я мог различить лишь несколько туманных силуэтов. К тому же было очень жарко, и со всех сторон слышалось шипение увлажнителей. Чувствовался своеобразный запах, который я не мог определить,— нечто среднее между зоопарком и теплицей.

— Нехорошее место,— с отвращением проговорил Рони Джордан.— Попробуем где-нибудь еще.

— Погоди! — воскликнул Норман, глаза которого привыкли к полумраку быстрее моих.— Смотри-ка! У них тут дерево, только какое-то странное.

Он двинулся вперед, а мы за ним, влекомые любопытством. Я вспомнил, что мои товарищи не видели дерева или даже травинки уже много месяцев.

Мы находились в большом помещении, которое было заставлено стеклянными сосудами и клетками с прозрачной передней стенкой. Воздух был насыщен туманом от бесчисленных увлажнителей, и мне казалось, будто я очутился в тропических джунглях. Повсюду висели гроздья ламп, но они были выключены, и мы не могли разглядеть выключатели.

Примерно в двенадцати метрах от нас находилось дерево, которое заметил Норман. Выглядело оно действительно необычно. Прямой ствол рос из металлического ящика, к которому были присоединены разнообразные трубы и на-

сосы. Листьев не было, лишь десяток тонких сужающихся веток, свисавших прямо вниз, что придавало дереву несколько печальный вид. Оно напоминало плакучую иву, лишенную листвы. Его окутывал непрерывный поток воды, подававшейся из нескольких групп сопл, отчего воздух вокруг был еще влажнее. Я почувствовал, что мне трудно дышать.

— Оно явно не с Земли,— сказал Тим,— и я никогда не слышал ни о чем подобном на Марсе или Венере.

Мы подплыли к загадочному объекту на несколько метров — и чем больше мы к нему приближались, тем меньше мне это нравилось. Так я и сказал, но Норман лишь рассмеялся.

И тут же его смех сменился воплем неподдельного ужаса. Ствол неожиданно наклонился к нам, и длинные ветви выстрелили подобно хлыстам. Одна из них обвилась вокруг моей лодыжки, другая схватила за пояс. Я настолько перепугался, что даже не смог закричать,— слишком поздно я понял, что это вовсе не дерево и его ветви на самом деле не ветви, а щупальца.

7

МИР ЧУДОВИЩ

Реакция моя была инстинктивной и, как мне показалось, молниеносной. Хотя мне не за что было ухватиться, я все же мог достаточно активно барахтаться и в конце концов коснулся ногами пола и оттолкнулся от него изо всех сил. Щупальца отпустили меня, и я устремился к потолку, едва успев вцепиться в одну из ламп, чтобы не впилиться в него башкой с размаху. Остановившись, я посмотрел вниз.

Остальным стажерам тоже посчастливилось избежать контакта со щупальцами, и теперь, когда мой страх несколько прошел, я осознал, какими на самом деле слабыми были эти отростки. Если бы мы стояли на твердой поверхности и нам помогала сила тяжести, мы смогли бы без особого труда освободиться. В любом случае никто не пострадал — если не считать, что все мы основательно перетрусили.

— Что это за чертовщина? — пробормотал Тим, переведя дух и выпутавшись из каких-то резиновых шлангов, тянувшихся вдоль стены. Остальные были слишком потрясены для того, чтобы как-то озвучить свои чувства.

Мы начали неуверенно пробираться к двери, когда вдруг вспыхнул яркий свет и кто-то крикнул: «Что за шум?» В помещение вплыл человек в белом халате. Некоторое время он разглядывал нас, а затем сказал:

— Надеюсь, вы не дразнили Катберта.

— Дразнили? — возмутился Норман.— Да мне никогда в жизни еще не было так страшно! Мы искали доктора Хокинса и наткнулись на это... чудовище с Марса, или как его там.

Человек в белом халате усмехнулся и, оттолкнувшись от двери, поплыл к ставшему теперь неподвижным пучку щупалец.

— Осторожнее! — крикнул Тим.

Мы зачарованно наблюдали за происходящим. Как только человек оказался неподалеку от твари, гибкие щупальца снова выстрелили и обвились вокруг его тела. Он лишь поднял руку, прикрыв лицо, но не делал никаких попыток спастись.

— Боюсь, Катберт не блещет умом,— сказал он.— Он полагает, что все, что оказывается рядом с ним,— еда, и хватает ее. Но мы для него не слишком аппетитно выглядим, так что он вскоре отпускает нас — вот так.

Щупальца расслаблялись. Словно выказав нескрываемое презрение, они отбросили прочь своего пленника, который расхохотался, глядя на наши ошеломленные лица.

— К тому же он не очень силен. От него легко освободиться, даже если бы он этого не хотел.

— Все же мне кажется,— с достоинством заявил Норман,— что держать здесь подобную тварь небезопасно. Что это вообще такое? С какой оно планеты?

— Вы будете удивлены... но пусть вам все объяснит доктор Хокинс. Он послал меня поискать вас, когда вы не появились вовремя. Прошу прощения за то, что Катберт нагнал на вас страху. Эта дверь должна была быть заперта, но кто-то из наших опять проявил небрежность.

И это было единственные слова утешения, которые мы услышали. Из-за приключения с Катбертом у нас возникли сомнения в необходимости дальнейших экскурсий в биологическую лабораторию. Однако, несмотря на неудачное начало, вскоре выяснилось, что здесь все же довольно интересно. Доктор Хокинс, отвечавший за проводившиеся здесь исследования, рассказал нам о своей работе и о захватывающих перспективах, которые открывала низкая сила тяжести для увеличения продолжительности жизни.

— На Земле,— сказал он,— человеческому сердцу приходится сражаться с гравитацией с момента рождения. Кровь постоянно прокачивается через все тело, с головы до ног и обратно. Лишь когда мы ложимся спать, сердце по-настоящему отдыхает — и даже для самых ленивых людей это время составляет лишь около трети их жизни. Но здесь сердцу вообще не приходится преодолевать силу тяжести.

— Тогда почему оно не разгоняется до предела, словно мотор без нагрузки? — спросил Тим.

— Хороший вопрос. Ответ — природа предусмотрела чудесный автоматический регулятор. Кроме того, все же приходится преодолевать силу трения в венах и артериях. Мы пока не знаем, какое влияние оказывает невесомость, поскольку еще недостаточно долгое время провели в космосе. Но мы полагаем, что ожидаемая продолжительность жизни здесь может превысить сто лет. Она может оказаться такой даже на Луне. Если нам удастся это подтвердить — возможно, все старики тут же помчатся прочь с Земли! Но пока это лишь предположения. А теперь я покажу вам кое-что, думаю, не менее сенсационное.

Он привел нас в комнату, чьи стены почти полностью были увешены стеклянными клетками, в которых находились какие-то странные существа. Присмотревшись к ним, я изумленно воскликнул:

— Да это же мухи! Но... откуда они здесь?

Это действительно были мухи. С одним лишь отличием от нормальных — размах их крыльев составлял больше тридцати сантиметров.

Доктор Хокинс усмехнулся:

— Опять-таки — невесомость плюс некоторые особые гормоны. Как вам известно, на Земле вес животного оказывает основное влияние на его размеры. Муха подобной величины там просто не смогла бы взлететь. Странно видеть, как летают эти мухи — можно легко разглядеть колебания их крыльев.

— Что же это за разновидность? — спросил Тим.

— Дрозофилы — фруктовые мухи. Они быстро размножаются, и их изучают на Земле уже больше ста пятидесяти лет. Я могу проследить фамильное дерево этой подружки до тысяча девятьсот двадцатых годов!

Лично я считал, что существует множество куда более интересных профессий, но, судя по всему, биологи знали, что делали. Конечный результат выглядел весьма впечатляюще — и вместе с тем малоприятно. Мух не назовешь симпатичными созданиями, даже когда они обычного размера...

— А теперь нечто противоположное,— сказал доктор Хокинс, настраивая большой проекционный микроскоп.— Сейчас увидите этого приятеля невооруженным глазом — скажем так, в его обычном облике.

Он щелкнул выключателем, и на экране вспыхнул круг света. Мы смотрели на маленькую каплю воды, внутри которой плавали странные комки слизи и крошечные живые существа. А в центре экрана, лениво покачивая щупальцами...

— Да это же,— воскликнул Рон,— та самая тварь, которая на нас напала!

— Ты совершенно прав,— ответил доктор Хокинс.— Она называется гидрой, и размер ее составляет всего около одной десятой дюйма. Так что, как видишь, Катберт вовсе не с Марса или Венеры, а с Земли. Он — итог нашего самого амбициозного эксперимента.

— Но в чем его смысл? — спросил Тим.

— Скажем так — эти существа намного проще изучать, когда они такого размера. Наши познания о живой материи стали намного глубже с тех пор, как мы добились подобных результатов. Хотя должен заметить, что с Катбертом мы несколько перестарались. Чтобы поддерживать его жизнь,

требуется немало усилий, и вряд ли мы станем пытаться побить этот рекорд.

После этого нас еще раз сводили к Катберту. На сей раз свет был включен — похоже, в прошлый раз мы оказались в лаборатории во время одного из коротких периодов искусственной «ночи». Хотя теперь мы знали, что существо ничем нам не угрожает, мы не стали подходить к нему слишком близко. Однако Тима Бентона убедили предложить Катберту кусок сырого мяса, который был схвачен гибким щупальцем и засунут в верхнюю часть длинного «туловища».

— Мне следует объяснить,— сказал доктор Хокинс,— что гидры обычно парализуют свои жертвы, жаля их. Вдоль их щупальцев расположены ядовитые бугорки — но мы сумели их нейтрализовать. Иначе Катберт был бы столь же опасен, как клетка, полная кобр.

Мне очень хотелось сказать, что я не разделяю его симпатий к подобным «домашним любимцам», но я вовремя вспомнил, что мы здесь все-таки в гостях.

Еще одним событием за время нашего пребывания в госпитале стало посещение отделения гравитации. Я уже упоминал о том, что на некоторых космических станциях создается искусственная гравитация за счет их медленного вращения вокруг своей оси. Внутри госпиталя имелся большой барабан — центрифуга, предназначенная для той же цели. Нам дали возможность на ней прокатиться, отчасти для забавы, а отчасти для того, чтобы проверить нашу реакцию на вновь появившийся вес.

Гравитационная камера представляла собой цилиндр диаметром примерно в пятнадцать метров, подвешенный на опорах и приводившийся в движение электромоторами. Мы вошли внутрь через люк сбоку и оказались в небольшой комнате, которая на Земле выглядела бы совершенно обычно. На стенах висели картины, и даже свисала с «потолка» электрическая лампочка. Все было рассчитано на то, чтобы производить впечатление, будто «верх» и «низ» снова существуют.

Мы сели в удобные кресла и стали ждать. Наконец мы ощутили легкую вибрацию и движение — камера начала вращаться. Очень медленно на меня начала наваливаться

тяжесть. Требовалось усилие, чтобы пошевелить руками и ногами,— я снова стал рабом гравитации, лишившись способности парить в воздухе, словно птица.

Послышался голос из скрытого громкоговорителя:

— Скорость вращения постоянная. Встаньте и пройдитесь — только осторожно!

Я поднялся с кресла — и чуть не упал обратно.

— Господи! — воскликнул я.— Сколько же мы сейчас весим? Я чувствую себя так, будто я на Юпитере!

Мои слова, видимо, услышал оператор, так как в громкоговорителе раздался смешок.

— Ты весишь сейчас вдвое меньше, чем на Земле. Но и это немало после пары недель в невесомости, не так ли?

От этих слов мне стало несколько не по себе. Когда я вернусь на Землю, я буду весить вдвое больше, чем сейчас! Инструктор, видимо, угадал мои мысли.

— Не беспокойся — ты быстро приноровился к невесомости, когда летел в космос, и точно так же будет на обратном пути. Просто будь осторожнее первые несколько дней и постарайся запомнить, что ты больше не сможешь прыгнуть из окна верхнего этажа и плавно приземлиться.

В каком-то смысле это поучение прозвучало довольно глупо — но к подобным шуткам я здесь уже привык. Интересно, подумал я, сколько астронавтов сломали себе шеи, вернувшись на Землю...

Внутри центрифуги мы проделывали разнообразные трюки, невозможные при нулевой силе тяжести. Забавно было смотреть, как жидкости льются тонкой струйкой и остаются на дне стакана. Я несколько раз подпрыгнул, просто чтобы испытать новое ощущение, когда после прыжка сразу же быстро опускаешься на то же самое место.

Наконец нам велели снова сесть в кресла, включились тормоза, и камера перестала вращаться. Мы снова были невесомы — как обычно!

Я жалел, что мы не можем остаться в Космическом госпитале на неделю или около того, чтобы тщательно его осмотреть. Здесь было все, чего недоставало на Ближней станции, и мои товарищи, покинувшие Землю много месяцев назад,

оценили здешний комфорт с еще большим восторгом, чем я. Странно было видеть в космосе магазины и сады. Мы даже сходили в театр. Незабываемое ощущение! Благодаря отсутствию гравитации можно было собрать большую аудиторию в небольшом пространстве, и всем все было хорошо видно. Однако для режиссера это создавало весьма сложную проблему, поскольку ему приходилось каким-то образом создавать для зрителей иллюзию гравитации. Ничего хорошего бы не вышло, если бы в пьесе Шекспира все персонажи плавали в воздухе. Так что актерам приходилось пользоваться магнитной обувью — любимый прием в старой научной фантастике, хотя это был единственный раз, когда я видел ее реальное применение.

Мы смотрели пьесу «Макбет». Лично мне не очень нравится Шекспир, и я пошел лишь потому, что меня пригласили и отказаться было бы невежливо. Но я был рад, что пошел, хотя бы потому, что мало кто может похвастаться, что видел леди Макбет, спускающуюся во сне по лестнице в магнитных туфлях...

Другая причина, по которой я не слишком спешил возвращаться на Ближнюю станцию, заключалась в том, что через три дня я должен был сесть на грузовой корабль, которому предстояло доставить меня домой. Конечно, мне крайне повезло, что я попал в Космический госпиталь, но ведь я не видел многого другого, например метеостанции — огромные обсерватории с громадными телескопами — и ретрансляционные станции, вынесенные в космос еще на одиннадцать тысяч километров дальше. Что ж, придется им просто подождать до следующего раза.

Прежде чем прибыла ракета-челнок, чтобы доставить нас назад, мы с радостью узнали, что наша миссия увенчалась успехом. Пациенту больше не угрожает опасность, и, скорее всего, он полностью выздоровеет. Но — по горькой иронии судьбы — для его здоровья теперь небезопасно возвращаться на Землю. То есть путь в десятки миллионов километров он проделал впустую. Бедняге теперь оставалось только смотреть в обзорные телескопы на любимую планету, на которую ему уже не суждено ступить. Выздоровев окончательно, он вынужден будет вернуться на Марс с его более низкой силой тяжести.

Прибывшая за нами ракета-челнок была снята с обычного рейса между метеорологическими станциями. Когда мы уже поднялись на борт, Тим Бентон все еще продолжал спорить с командором. Вернее, «спорить» — неподходящее слово, с командором Дойлом никто никогда не спорил. Но Тим со всей страстью утверждал, что ему очень жаль, что мы не можем вернуться на «Утренней звезде». Командор лишь улыбнулся и сказал:

— Погоди, вот увидишь отчет о техосмотре — тогда, может быть, передумаешь. Могу поспорить, что она нуждается в новой обшивке для сопл. Я буду чувствовать себя в безопасности на корабле, который на сто лет моложе!

И все же после всего того, что случилось после, я уверен, что командор жалел, что не послушал нас.

Итак, мы взошли на борт одного из маломощных межорбитальных челноков — если не включать в эту категорию наш самодельный «Космический жаворонок». Рубка управления ничем не отличалась от стандартных, но снаружи корабль действительно выглядел весьма своеобразно. Он был построен в космосе и, естественно, не имел обтекателей или стабилизаторов. Кабина имела яйцеобразную форму и соединялась тремя балками с топливными баками и ракетными двигателями. Большая часть груза перевозилась не внутри корабля, а просто закреплялась на так называемых багажных полках — проволочных сетках, установленных на опорах. Для грузов, которые должны были храниться при нормальном давлении, был предусмотрен маленький трюм со вторым шлюзом сразу за рубкой управления. Корабль был явно построен в расчете на эффективность, а не на красоту.

Пилот уже ждал нас, и командор Дойл некоторое время обсуждал с ним детали полета.

— Это не входит в его обязанности,— прошептал мне на ухо Норман,— но старик так рад, что снова оказался в космосе, что просто не может удержаться.

Я уже собирался ответить, что командор и так все свое время проводит в космосе, но потом понял, что вообще-

то его кабинет на Ближней станции не слишком отличается от любого кабинета на Земле.

До старта прошел еще час — время, которое обычно уходит на последнюю проверку и корректировки. Я занял ближайшее к иллюминатору место, и ничто не мешало мне смотреть на госпиталь, когда мы сошли с его орбиты и устремились в сторону Земли. Трудно было поверить, что этот огромный цветок из стекла и пластика, с залитыми лучами солнца больничными отделениями, лабораториями и обзорными палубами, действительно вращается вокруг планеты со скоростью тринадцать тысяч километров в час. В ожидании старта я вспомнил, как однажды попытался рассказать маме про космические станции. Как большинство людей, она не понимала, почему они «не падают».

«Послушай, мама,— говорил я,— они движутся очень быстро, описывая вокруг Земли большой круг. А когда что-то движется таким образом, возникает центробежная сила. Примерно так происходит, когда крутишь привязанный к веревке камень».

«Я не кручу камни на веревках,— сказала мама,— и надеюсь, ты тоже не станешь этого делать — по крайней мере, не в доме».

«Это просто пример,— раздраженно ответил я.— Его всегда приводят в школе. Так же как камень не может улететь прочь из-за натяжения веревки, так и космическая станция остается на месте из-за притяжения Земли. Как только станция наберет нужную скорость, она останется в космосе навсегда, не используя никакой энергии. Она не может потерять скорость, поскольку сопротивления воздуха нет. Но конечно, скорость должна быть рассчитана очень тщательно. Возле Земли, где гравитация велика, станция должна двигаться быстро, чтобы оставаться на орбите. Примерно так, если привязать камень к короткой веревочке, то придется крутить его быстро. Но выше, где гравитация слабее, станции могут двигаться медленнее».

«Да,— сказала мама.— Я примерно так себе это и представляла. Но вот что меня беспокоит — предположим, одна из станций все же чуть-чуть потеряет скорость. Не упадет

ли она? Мне кажется, это очень опасно, словно балансируешь на канате. Если что-то пойдет не так...»

Тогда я не знал, что ответить, поэтому смог лишь сказать: «Что ж, Луна ведь не падает и точно так же остается на своей орбите».

И только на Ближней станции я узнал ответ, хотя мог бы догадаться и сам. Если скорость космической станции слегка упадет, она просто переместится на более низкую орбиту. Скорость должна упасть очень сильно, чтобы станция оказалась в опасной близости от Земли — для этого придется тормозить ее с помощью ракетных двигателей. Вряд ли подобное может произойти случайно.

Я посмотрел на часы. Прошло еще тридцать минут. Странно — почему мне так хочется спать? Ночью я хорошо выспался. Возможно, чересчур переволновался. Что ж, теперь можно расслабиться — делать все равно нечего, пока мы не доберемся до Ближней станции через четыре часа. Или через четыре дня? Я не помнил точно, да это было и неважно. Ничто больше не важно — даже то, что все вокруг меня покрылось розовым туманом...

А потом я услышал крик командора Дойла. Он донесся словно издалека, с расстояния в много километров, и хотя мне казалось, что слова, которые он кричит, должны что-то значить, я не знал, что именно. Они продолжали звенеть у меня в ушах, когда я полностью отключился: «Кислород не подается!»

8
В БЕЗДНУ

Это был один из тех странных снов, когда ты понимаешь, что видишь сон, и ничего не можешь поделать. В нем смешалось все, что произошло со мной за последние несколько недель,— вместе с воспоминаниями о более ранних событиях. Иногда все переворачивалось с ног на голову. Я был на Земле, но невесомо, над долинами и холмами. Или я был на Ближней станции — но при каждом движении мне прихо-

дилось сражаться с силой тяжести. Сон закончился кошмаром. Я двигался напрямик через Ближнюю станцию, используя незаконный, но широко практиковавшийся способ, которому научил меня Норман Пауэлл. Центральную часть станции с ее отдаленными герметичными помещениями связывали вентиляционные каналы, достаточно широкие, чтобы через них мог пролезть человек. Воздух движется по ним с большой скоростью, и есть места, куда можно забраться и свободно лететь в воздушном потоке. Ощущения весьма захватывающие, но нужно знать, что делаешь, иначе можно пропустить нужный выход, и тогда придется преодолевать сопротивление воздуха, чтобы вернуться назад. Так вот, в своем сне я летел в воздушном потоке и заблудился. Прямо впереди я видел огромные лопасти вентилятора, к которым меня тащило. А предохранительная решетка куда-то исчезла — через несколько секунд меня должно было нарезать на ломти, словно кусок ветчины...

— С ним все в порядке,— услышал я чей-то голос.— Он был без сознания всего минуту. Дай ему еще понюхать.

Мое лицо окатило холодным газом, и я попытался отвернуться. Потом открыл глаза и понял, где нахожусь.

— Что случилось? — спросил я, все еще ощущая легкое головокружение.

Рядом со мной сидел Тим Бентон с кислородным баллоном в руке. Не похоже было, что он хоть сколько-нибудь расстроен.

— Мы не до конца уверены,— сказал он.— Но, похоже, клапан переключателя перекрыл подачу кислорода, когда опустел один из резервуаров. Ты единственный потерял сознание, и нам удалось решить проблему, стукнув по распределителю кислорода молотком. Грубо, но обычно срабатывает. Конечно, его придется снять, когда мы вернемся,— нужно будет выяснить, почему не сработала тревога.

У меня все еще кружилась голова, и мне было немного стыдно, что я лишился чувств. Зато я сыграл роль морской свинки, предупредив остальных. Или, вероятно, лучшей аналогией была бы канарейка, которую в прежние времена брали с собой шахтеры, чтобы проверить качество воздуха под землей.

— И часто такое случается? — спросил я.

— Почти никогда,— ответил Норман Пауэлл. Вид у него был очень серьезный.— Но в космическом корабле столько всяких штучек, что приходится все время быть начеку. За сто лет космические полеты так и не стали абсолютно безопасными — не одно, так другое.

— Не будь таким мрачным, Норман,— сказал Тим.— Свою долю проблем мы уже получили, а дальше все пойдет как по маслу.

Как выяснилось, это замечание оказалось самым неудачным из всех, что когда-либо позволял себе Тим. Уверен, что остальные не раз ему об этом напоминали.

От госпиталя нас теперь отделяло несколько километров — слишком большое расстояние для того, чтобы наши двигатели могли причинить ему какой-либо вред. Пилот настроил приборы и ждал расчетного момента для старта. Все остальные лежали в своих креслах — несмотря на довольно слабое ускорение, мы не должны были мешать пилоту во время запуска двигателей, а больше деваться было просто некуда.

Двигатели ревели минуты две, а потом госпиталь превратился в крошечную яркую звездочку в тридцати или сорока километрах от нас. Если пилот сделал все правильно, мы теперь падали по длинной кривой, которая должна была доставить нас обратно на Ближнюю станцию. Нам ничего не оставалось, кроме как сидеть и ждать три с половиной часа, пока Земля становилась все больше и больше, в конце концов снова заполнив почти полнеба.

На пути в госпиталь у нас не было возможности поговорить друг с другом, но теперь ничто не могло нам помешать. Вся наша маленькая компания пребывала в приподнятом настроении, даже эйфории.

Даже командор расслабился, чего с ним прежде не бывало. Нет, он никогда не выглядел чудовищем, следовало лишь привыкнуть к его характеру. Но он всегда был замкнутым и неразговорчивым, никто на Ближней станции даже не мечтал о том, чтобы попросить его рассказать, как он участвовал в первой экспедиции на Меркурий. И даже если бы и попросили, он наверняка не стал бы ничего рассказы-

вать. Но сейчас он лишь немного поворчал, а потом начал говорить.

— С чего мне начать? — задумчиво проговорил он.— Что ж, о самом полете рассказывать особенно нечего — он ничем не отличался от любого другого. Тогда никто еще не летал так близко от Солнца, но зеркальная обшивка нашего корабля отлично справилась со своей задачей, отражая восемьдесят процентов падающих на нее солнечных лучей. Так что жарко нам не было.

В соответствии с инструкциями мы не должны были пытаться совершить посадку, пока не убедимся, что это безопасно. Мы вышли на орбиту высотой в тысячу шестьсот километров и начали разведку.

Вам, конечно, известно, что Меркурий всегда обращен одной стороной к Солнцу, и потому там нет дней и ночей, как на Земле. На одной стороне царит вечная тьма, а другая залита сверкающим светом. Однако существует узкая сумеречная зона между двумя полушариями, где температура не столь экстремальна. Мы намеревались сесть где-то в этом районе, если сумеем найти подходящее место.

Мы очень удивились, увидев дневную сторону планеты. Почему-то все всегда представляли Меркурий похожим на Луну, то есть покрытым кратерами и горными хребтами. Но оказалось, что на стороне, обращенной к Солнцу, вообще нет гор — лишь несколько низких холмов и огромные, изборожденные трещинами равнины. Если подумать, то причина вполне очевидна. Температура под вечными лучами Солнца составляет свыше семисот градусов по Фаренгейту. Этого слишком мало, чтобы расплавить камень, но она может его размягчить, а сила тяжести делает все остальное. За миллионы лет горы, которые могли существовать на дневной стороне Меркурия, постепенно осели подобно куску смолы в жаркий день. Лишь вдоль края ночной стороны, где температура намного ниже, есть настоящие горы.

Второй раз мы удивились, обнаружив, что в этом сверкающем аду есть озера. Естественно, не из воды, а из расплавленного металла. Поскольку никому до сих пор не удалось до них добраться, мы не знаем, что это за металлы — вероятно, свинец и олово с различными примесями. Фак-

тически — озера припоя! Когда-нибудь эти озера могут оказаться весьма ценными — если мы найдем способ добывать их содержимое.

Как вы можете догадаться, мы вовсе не стремились садиться на дневной стороне. Составив фотографическую карту, мы решили бросить взгляд на ночную сторону.

Единственным способом это сделать было осветить ее специальными ракетами. Мы опустились настолько низко, насколько могли себе позволить,— на высоту полтораста километров — и выстрелили один за другим световые маркеры мощностью в миллиард свечей, одновременно ведя фотосъемку. Маркеры, естественно, летели рядом с нами с той же скоростью, пока не сгорели.

Это было так странно: сознавать, что освещаешь землю, которая никогда не видела Солнца,— землю, которая в течение, возможно, миллионов лет знала лишь свет звезд. Если там существовала какая-то жизнь — что казалось крайне маловероятным,— для нее это наверняка стало настоящим сюрпризом! По крайней мере, это было первое, что пришло мне в голову, когда я смотрел на пламя, ярко освещающее эту скрытую от всех землю. Потом я подумал, что существа, живущие на ночной стороне, вероятно, должны быть совершенно слепы, подобно рыбам в глубинах наших океанов. И тем не менее все это были лишь фантазии: ничто не могло выжить в этой вечной тьме, при температуре почти в четыреста градусов ниже точки замерзания. Теперь, конечно, мы знаем намного больше...

Прошла почти неделя, прежде чем мы рискнули совершить посадку. К этому времени была уже составлена подробная карта поверхности планеты. Ночная сторона и бóльшая часть сумеречной зоны закартированы, но есть и множество выглядящих достаточно многообещающе равнин. Наконец мы выбрали большую мелкую чашу на краю дневной стороны.

На Меркурии есть следы атмосферы, но ее недостаточно, чтобы воспользоваться крыльями или парашютами. Так что нам пришлось садиться, тормозя двигателями, так же как на Луне. Приземление на двигателях всегда вызывает

некоторое беспокойство — особенно приземление на новую планету, где невозможно быть уверенным, что то, что выглядит как камень, действительно им является.

Но в нашем случае это действительно оказался камень, а не один из тех предательских пылевых наносов, что встречаются на Луне. Приземление было столь мягким, что мы едва почувствовали его в кабине. Затем двигатели автоматически отключились. Мы были первыми людьми на Меркурии. Вероятно, вообще первыми живыми существами, когда-либо коснувшимися поверхности этой планеты.

Как я уже сказал, мы приземлились на границе дневной стороны. Над горизонтом висел ослепительный диск Солнца. Странно было видеть его почти неподвижным, никогда не всходившим и не заходившим — хотя из-за того, что эксцентриситет орбиты Меркурия очень велик, Солнце все же колеблется туда-сюда, описывая дугу в небе. Тем не менее оно никогда не опускалось за горизонт, и у меня постоянно создавалось впечатление, будто сейчас поздний вечер и скоро наступит ночь. Трудно было осознать, что «ночь» и «день» здесь ничего не значат...

Полагаю, сама возможность исследовать новый мир выглядит весьма увлекательно. Но это еще и чертовски тяжелая работа — и опасная, особенно на планете, подобной Меркурию. Первой нашей задачей было предусмотреть, чтобы корабль не перегрелся,— для этой цели у нас имелись специальные защитные навесы. «Зонтики от солнца», как мы их называли. Они выглядели довольно своеобразно, но вполне справлялись со своим назначением. У нас даже были переносные палатки из тонкого материала, которые защищали нас на открытом пространстве. Они были сделаны из белого нейлона и отражали большую часть солнечных лучей, хотя пропускали достаточно, чтобы обеспечить нам необходимое тепло и свет.

В течение нескольких недель мы занимались разведкой на солнечной стороне, порой удаляясь от корабля на тридцать километров. Может показаться, что это не слишком далеко,— но только не когда ты в скафандре и несешь с собой все свои припасы. Мы собрали сотни образцов минералов

и сняли тысячи показаний приборов, отправив результаты по радио на Землю. Добраться до озер, которые мы видели на дневной стороне, нам не удалось — до ближайшего из них было тысяча триста километров, а мы не могли позволить себе тратить ракетное топливо на прыжки по планете. В любом случае отправляться в эту адскую топку с нашим непроверенным снаряжением было слишком опасно.

Командор помолчал, задумчиво глядя в пространство, словно видел за стенами нашей тесной кабины пылающие пустыни далекого мира.

— Да,— наконец продолжил он,— Меркурий бросил нам серьезный вызов. С холодом мы можем справляться достаточно легко, но жара — совсем другое дело. Впрочем, не мне об этом говорить, поскольку попался я именно в лапы холода, а не жары...

И вот уж чего мы никак не ожидали найти на Меркурии, это жизнь, хотя Луна должна была преподать нам урок. Там тоже никто не ожидал найти жизнь. И если бы кто-то спросил меня: «Если допустить, что на Меркурии возможна жизнь, то где ты надеешься ее найти?» — я бы ответил: «В сумеречной зоне, конечно». И в очередной раз бы ошибся.

Хотя подобная идея никого особо не вдохновляла, мы решили, что все же должны хотя бы раз взглянуть на ночную сторону. Для этого нам пришлось переместить корабль примерно на сто пятьдесят километров, и мы сели на невысокой плоской возвышенности в нескольких километрах от горной гряды. Мы провели тревожные сутки, прежде чем убедились, что находиться там безопасно. Скалистый грунт, на котором стоял корабль, имел температуру минус триста пятьдесят градусов по Фаренгейту, но с ней вполне могли справиться наши обогреватели. Даже без них температура внутри корабля понижалась очень медленно, поскольку вокруг был почти вакуум и наши посеребренные стены отражали большую часть тепла, которое мы теряли за счет излучения. Фактически мы жили внутри большого термоса — к тому же часть тепла вырабатывали наши собственные тела.

Тем не менее мы не могли ничего узнать, просто сидя внутри корабля; нужно было надеть скафандры и выйти на-

ружу. Скафандры, которыми мы пользовались, прошли испытания на Луне во время лунной ночи, которая почти столь же холодна, как и на Меркурии. Но ни одно испытание никогда не сравнится с реальными условиями. Вот почему мы вышли втроем — если бы с одним что-то случилось, остальные двое могли доставить его обратно на корабль. По крайней мере, мы на это надеялись.

Я был в первой группе; мы медленно шли в течение примерно получаса, докладывая на корабль по радио обо всем, что мы видели. Благодаря Венере вокруг было не столь темно, как можно было бы ожидать. Она сияла среди звезд невероятно ярко, на нее нельзя было смотреть больше нескольких секунд; и только воспользовавшись фильтром, можно было разглядеть крошечный диск планеты.

Видны были также Земля и Луна, образовывавшие прекрасную двойную звезду над самым горизонтом. Они тоже давали какое-то количество света, так что мы никогда не оказывались в полной темноте. Но, естественно, ни Венера, ни Земля не давали тепла, которое могло бы согреть этот морозный край.

Мы не могли потерять из виду корабль, поскольку он был самым заметным объектом на километры вокруг, к тому же на его носу был установлен мощный маяк. С некоторым трудом мы откололи несколько образцов камня и забрали их с собой. Как только мы внесли их в шлюз, произошло нечто необычное. Они тут же покрылись инеем, и на них начали образовываться капли жидкости, которые стекали на пол и испарялись. Воздух внутри корабля конденсировался на этих невероятно холодных осколках камня. Нам пришлось ждать полчаса, прежде чем они достаточно нагрелись для того, чтобы их можно было взять в руки.

Убедившись, что наши скафандры выдерживают условия ночной стороны, мы начали предпринимать более дальние вылазки, хотя никогда не удалялись от корабля больше чем на несколько часов. До гор мы так и не добрались — они были слишком далеко. Я проводил немало времени, разглядывая их в электронный телескоп с корабля — для этого вполне хватало света.

И однажды я заметил какое-то движение. Я настолько изумился, что какое-то время сидел неподвижно возле телескопа, тупо глядя в окуляр. Потом самообладание вернулось ко мне, и я включил камеру.

Вы наверняка видели этот фильм. Конечно, из-за слабого освещения качество получилось не очень хорошее. Но все равно можно увидеть горную стену на фоне оползня или чего-то подобного — а среди камней карабкается что-то большое и белое. Оно показалось мне похожим на призрак и, должен сказать, основательно меня напугало. Потом волнение от сделанного открытия заглушило все остальные чувства, и я полностью сосредоточился на наблюдении за странным существом.

Я не слишком многое успел увидеть, но у меня сложилось общее впечатление, что это было шарообразное тело как минимум с четырьмя ногами. Потом оно исчезло и, хотя я прождал еще полчаса, так больше и не появилось.

Конечно, мы бросили все дела и устроили военный совет. Мне повезло, что я успел снять фильм, иначе все решили бы, что я брежу. Мы пришли к общему мнению, что нужно подобраться к этому существу поближе; единственный вопрос заключался в том, насколько оно опасно.

У нас не было никакого оружия, на корабле имелся только сигнальный пистолет, стрелявший ракетами. По крайней мере, с его помощью можно было напугать любую напавшую на нас тварь. Я взял пистолет, а двое моих товарищей — Боррел, навигатор, и Глинн, радист — вооружились прочными палками. Также у нас были камеры и осветительное оборудование, и мы надеялись сделать хорошие фотографии. Нам показалось, что трое — наиболее оптимальная численность для экспедиции; в меньшем составе идти бессмысленно, а отправляться всей командой — тем более рискованно, учитывая, что тварь могла оказаться по-настоящему опасной.

Расстояние до гор составляло восемь километров, и нам потребовалось около часа, чтобы до них добраться. С корабля наш курс корректировали по радио, а у телескопа сидел наблюдатель, который постоянно осматривал окрестности, чтобы предупредить нас, если существо вдруг появится. Не

думаю, что мы ощущали хоть какую-то тревогу, настолько мы были возбуждены. К тому же трудно было понять, какой вред может причинить любое животное тем, кто находится в броне скафандров — по крайней мере, пока цел шлем. Низкая сила тяжести и дополнительная сила, которую она нам придавала, лишь добавляли нам уверенности.

Наконец мы добрались до каменной осыпи — и сделали удивительное открытие. Кто-то здесь собирал камни и разбивал их — вокруг валялись кучи обломков. Трудно было понять, что это означает,— если только существо не искало среди камней себе пищу.

Я собрал несколько образцов для анализа, а Глинн сфотографировал наши находки и доложил о них на корабль. Затем мы начали поиски, держась поближе друг к другу на случай опасности. Каменная осыпь тянулась более чем на полтора километра — казалось, что весь склон горы раскрошился и осыпался вниз. Непонятно было, что могло стать тому причиной в отсутствие атмосферы. Поскольку эрозии быть не могло, мы не могли определить, как давно произошел оползень. Возможно, миллион лет назад — или даже миллиард.

Итак, представьте: мы карабкаемся среди завалов каменных обломков, Земля и Венера — над головой, словно яркие маяки, а на горизонте — внушающие уверенность огни нашего корабля. К тому времени я уже практически не сомневался, что цель наших поисков — некоего рода поедатель камней, хотя бы потому, что на этой пустынной планете, судя по всему, не было никакой другой пищи. Я жалел, что мне не хватает знаний о минералах, чтобы определить, что это за вещество.

Неожиданно в моих наушниках раздался взволнованный возглас Глинна.

«Вон оно! — крикнул он.— У того обрыва!»

Мы остановились, глядя в ту сторону, и я впервые смог как следует разглядеть обитателя Меркурия. Больше всего он напоминал гигантского паука или краба с длинными членистыми ногами. Тело его имело форму шара диаметром около метра, серебристо-белого цвета. Сперва нам показалось, что у него четыре ноги, но позже мы обнаружили, что

их на самом деле восемь — запасной комплект ног был плотно прижат к телу. Они вступали в дело, когда невероятный холод от камней начинал проникать слишком глубоко сквозь толстый роговой слой, образовывавший его ступни или копыта. Когда у меркурианина замерзали ноги, он переключался на другую пару!

У него имелись также две хватательные конечности, которые в данный момент были заняты поисками чего-то среди камней. Они заканчивались замысловатой формы роговыми клешнями, которые по виду казались довольно опасными. Голова отсутствовала, вместо нее была небольшая шишка наверху шарообразного тела. Позже мы узнали, что у существа были два больших глаза, использовавшихся в тусклом звездном свете ночной стороны, и два маленьких — для путешествий в более ярко освещенную сумеречную зону, когда чувствительные большие глаза были плотно закрыты.

Мы, как зачарованные, наблюдали за существом, которое неуклюже бегало среди скал, то и дело останавливаясь, чтобы схватить камень и раздавить его в порошок мощными клешнями. Потом мелькало нечто похожее на язык, слишком быстро для того, чтобы за ним мог уследить взгляд, и порошок тут же поглощался.

«Что, по-вашему, оно ищет? — спросил Боррел.— Камень, похоже, довольно мягкий. Может, это какая-то разновидность мела?»

«Вряд ли,— ответил я.— Он не того цвета — к тому же мел формируется только на морском дне. На Меркурии же никогда не было свободной воды».

«Попробуем подобраться поближе? — предложил Глинн.— Отсюда мне не сделать хорошего снимка. Тварь, конечно, уродливая, но вряд ли она может причинить нам вред. Вероятно, она пробежит еще целый километр, прежде чем нас увидит».

Я покрепче сжал сигнальный пистолет и сказал:

«Ладно, пошли. Но двигайтесь медленно и остановитесь, как только оно нас заметит».

Нас отделяло от существа около тридцати метров, когда оно начало проявлять к нам признаки интереса. Оно развер-

нулось на суставчатых ногах, и я увидел его большие глаза, смотревшие на нас в тусклом свете Венеры.

«Может, воспользуемся вспышкой? — спросил Глинн.— При таком освещении хорошей фотографии не получится».

Я поколебался, затем кивнул. Существо вздрогнуло, когда короткая вспышка осветила окрестности, и я услышал облегченный вздох Глинна.

«В любом случае, один снимок есть. Интересно, удастся ли сфотографировать его вблизи?»

«Нет,— решительно сказал я.— Это наверняка его напугает — или разозлит, что еще хуже. Мне не нравится вид его клешней. Попробуем показать, что мы друзья. Оставайся здесь, а я пойду вперед — чтобы оно не подумало, будто мы его окружаем».

Что ж, я до сих пор думаю, что идея была неплоха,— но тогда я ничего не знал о повадках меркурианин. Когда я медленно двинулся навстречу существу, оно замерло, словно собака над костью,— думаю, по той же самой причине. Оно поднялось во весь свой рост, который составлял почти два с половиной метра, а затем начало раскачиваться вперед и назад, словно воздушный шар на легком ветру.

«Я бы на твоем месте вернулся! — посоветовал Боррел.— Оно явно раздражено. Лучше не рисковать».

«Я и не собираюсь,— ответил я.— В скафандре не так-то легко пятиться, но я все же попытаюсь».

Я отступил на несколько метров, когда существо, не двигаясь с места, внезапно взмахнуло одной из своих конечностей и схватило камень. Движение было настолько человеческим, что я тут же понял, что сейчас произойдет, и инстинктивно заслонил стекло шлема рукой. Мгновение спустя что-то со страшной силой ударило в нижнюю часть моего скафандра. Я не почувствовал боли, но весь скафандр завибрировал, словно гонг. На несколько тревожных секунд я затаил дыхание, ожидая смертоносного шипения воздуха. Но скафандр выдержал, хотя и появилась глубокая вмятина на левом бедре. В следующий раз мне могло повезти меньше, так что я решил воспользоваться своим «оружием» в качестве отвлекающего маневра.

Яркая белая вспышка медленно поплыла к звездам, заливая окрестности резким светом, затмившим далекую Венеру. А потом произошло нечто, ставшее нам понятным лишь намного позже. Я еще раньше заметил пару утолщений по обеим сторонам тела меркурианина, и вот на наших глазах они раскрылись, словно надкрылья жука. Развернулись два больших черных крыла — крылья в этом безвоздушном мире! Я был настолько ошеломлен, что на мгновение перестал пятиться. Затем ракета в небе погасла, и бархатные крылья снова свернулись и убрались под надкрылья.

Существо не пыталось следовать за мной, и других мы больше не встретили. Как вы можете догадаться, мы были крайне озадачены увиденным, а наши товарищи на корабле не поверили нам, когда мы рассказали им о случившемся. Теперь, когда мы знаем ответ, все, конечно, кажется совсем простым. Как всегда...

То, что мы видели, на самом деле не было настоящими крыльями, хотя они были такими много веков назад, когда на Меркурии существовала атмосфера. Существо, которое я открыл, являлось одним из самых удивительных примеров адаптации, известных в Солнечной системе. Обычное место его обитания — сумеречная зона, но, поскольку минералы, которыми оно питается, там иссякли, ему приходится забираться в поисках пищи далеко на ночную сторону. Все его тело эволюционировало таким образом, чтобы сопротивляться невероятному холоду,— именно потому оно серебристо-белое, так как этот цвет излучает меньше всего тепла. Даже при этом оно не может оставаться на ночной стороне долгое время — время от времени ему приходится возвращаться в сумеречную зону, так же как на нашей планете киту приходится подниматься на поверхность, чтобы вдохнуть воздуха. Вновь увидев Солнце, оно разворачивает черные крылья, которые на самом деле являются поглотителями тепла. Видимо, моя ракета вызвала у него именно такую реакцию — или, возможно, даже малое количество выделенного ею тепла стоило того, чтобы его уловить.

Должно быть, пищи здесь на всех не хватало, если природа пошла на столь радикальные шаги. Меркуриане не были злобными тварями, но им приходилось драться друг

с другом за выживание. Поскольку жесткий панцирь был практически неуязвим, они целились в ноги. Покалеченный обитатель ночной стороны обречен, поскольку он не сможет снова добраться до сумеречной зоны, прежде чем иссякнут его запасы тепла. И потому они научились с большой точностью швырять камнями друг другу по ногам. Мой скафандр, вероятно, озадачил существо, которое я встретил,— но оно явно старалось меня покалечить. Как я вскоре обнаружил, это ему более чем удалось.

Мы до сих пор многого не знаем об этих существах, несмотря на все усилия, которые прилагаются для их изучения. И у меня на этот счет своя гипотеза. Мне кажется, что точно так же, как некоторые меркуриане приспособились к добыванию пищи в холоде ночной стороны, может существовать и другая разновидность, которая отправляется за добычей на пылающую дневную сторону. Интересно, как они выглядят?

Командор замолчал, и мне показалось, что ему не очень хочется продолжать. Но мы ждали, и он снова заговорил:

— Мы медленно возвращались на корабль, обсуждая увиденное нами существо, когда я вдруг почувствовал, что со мной что-то не так. Мои ноги начали мерзнуть — очень сильно мерзнуть. Тепло уходило из моего скафандра, поглощаемое замерзшими камнями подо мной.

Я сразу же сообразил, что случилось. Удар камня о мой скафандр повредил систему обогрева ног — и ничего нельзя было сделать, пока я снова не окажусь на корабле. А впереди было еще шесть с половиной километров...

Я сообщил остальным о том, что произошло, и мы зашагали так быстро, как только могли. Каждый раз, когда мои ноги касались почвы, я ощущал ужасающий холод, проникавший все глубже. Вскоре все ощущения исчезли, и хотя бы за это я мог быть благодарен холоду. Мои ноги превратились в деревянные обрубки, ничего не чувствовавшие. До корабля оставалось еще три километра, когда я больше не смог их передвигать. Сочленения скафандра замерзли намертво.

Моим товарищам пришлось меня нести, и я на какое-то время потерял сознание. Я пришел в себя, когда мы еще

не добрались до цели, и мне показалось, будто я брежу. Все вокруг меня было залито светом, в небе сверкали яркие разноцветные полосы, над головой плыли огненные волны. Аврора, сияние которой намного ярче на Меркурии, чем на Земле, внезапно решила устроить одно из своих представлений. По иронии судьбы я не мог его достойным образом оценить — ибо, хотя все вокруг как будто пылало, сам я замерзал насмерть.

Я не помню, как оказался на корабле; когда снова очнулся, мы уже летели назад на Землю. Но мои ноги так и остались на Меркурии.

Воцарилось долгое молчание. Затем пилот бросил взгляд на хронометр и воскликнул:

— Ах, черт! Я еще десять минут назад должен был проверить курс!

Напряжение разрядилось, командор, судя по всему, закончил свое повествование, и мы начали мысленно возвращаться с Меркурия к реальности.

В течение последующих нескольких минут пилот был занят своими приборами. Первые космические навигаторы могли полагаться лишь на звезды, но теперь для определения положения корабля в пространстве существуют всевозможные радиолокационные устройства. Утомительными астрономическими расчетами приходится заниматься, лишь находясь далеко от дома, вне зоны радиосвязи с земными станциями.

Я наблюдал, как пальцы пилота непринужденно бегают по клавиатуре калькулятора, когда он неожиданно застыл над панелью, затем очень осторожно тронул несколько клавиш и снова повторил расчеты. На табло появился ответ — и я понял, что случилось нечто непредвиденное. Несколько мгновений пилот смотрел на цифры, словно не в силах поверить. Потом он отстегнул ремни, удерживавшие его в кресле, и быстро переместился к ближайшему иллюминатору.

Я был единственным, кто это заметил; остальные спокойно читали в своих креслах или пытались вздремнуть. Иллюминатор находился всего в двух метрах от меня, и я направился к нему. В космосе виднелся диск Земли — планеты, в сторону которой мы медленно падали.

И тут словно ледяная лапа сжала мою грудь — на мгновение я даже перестал дышать. Я знал, что к этому времени Земля должна уже быть значительно больше, чем когда мы сошли с орбиты госпиталя. Однако, если мои глаза меня не обманывали, она была меньше, чем когда я видел ее в последний раз. Я снова посмотрел на пилота, и выражение его лица подтвердило мои опасения.

Мы улетали в космос.

9

ВЫСТРЕЛ С ЛУНЫ

— Командор Дойл,— сказал пилот неожиданно тонким голосом.— Можно вас на минуту?

Командор пошевелился в своем кресле.

— Черт побери, я почти заснул!

— Прошу прощения, но... в общем, у нас проблема. Мы... мы сошли с орбиты.

— Что?!

Рев командора разбудил остальных. Могучим усилием командор вытолкнул себя из кресла и устремился к панели управления. Последовали быстрые переговоры с несчастным пилотом, затем командор сказал:

— Соедините меня с ближайшей ретрансляционной станцией. Беру управление на себя.

— Что случилось? — шепотом спросил я у Тима Бентона.

— Кажется, я понял,— ответил Тим,— но пока не хочу делать выводы.

Прошло четверть часа, прежде чем кто-либо счел нужным объяснить мне происходящее,— четверть часа лихорадочной деятельности, переговоров по радио и молниеносных расчетов. Затем Норман Пауэлл, которому, как и мне, ничего больше не оставалось, кроме как наблюдать, сжалился надо мной.

— На этом корабле лежит проклятие,— с досадой сказал он.— Пилот допустил навигационную ошибку, которая может показаться невозможной. Он должен был уменьшить

нашу скорость на одну целую пять сотых километра в секунду, но вместо этого увеличил ее на ту же самую величину. И потому, вместо того чтобы падать к Земле, мы летим в космос.

Даже мне трудно было представить, что кто-то может совершить столь невероятную ошибку. Позднее я узнал, что она относится к разряду тех вещей — подобно посадке самолета колесами вверх,— которые не столь уж сложно совершить, как может показаться. Находясь на летящем по орбите корабле, невозможно сказать, в каком направлении и с какой скоростью ты движешься. Все делается с помощью приборов и расчетов — и если на каком-то этапе перепутать минус с плюсом, можно запросто направить корабль не в том направлении.

Естественно, для предотвращения подобных ошибок выполняются другие проверки. Но на этот раз то ли что-то не сработало, то ли пилот не стал их проводить. Лишь намного позже мы узнали, что случилось на самом деле. Истинным виновником оказался заклинивший кислородный клапан, а вовсе не незадачливый пилот. Я был единственным, кто потерял тогда сознание, но остальные тоже пострадали от последствий кислородного голодания. Это весьма опасный недуг, поскольку ты даже не отдаешь себе отчета в том, что с тобой что-то не так. Это примерно так же, как, напившись пьяным, ты можешь совершить множество дурацких ошибок, при этом будучи уверенным, что поступаешь абсолютно правильно.

Но сейчас некогда было выяснять причины случившегося. Проблема заключалась в том, что делать дальше.

Дополнительной скорости, приданной кораблю, хватало, чтобы увести нас с орбиты. Иными словами, мы летели столь быстро, что Земля не могла притянуть нас обратно. Мы летели в космос, куда-то за орбиту Луны — точную нашу траекторию мы не могли узнать, не прибегнув к помощи ХАОСа. Командор Дойл передал по радио наши координаты и скорость, и теперь нам оставалось только ждать дальнейших распоряжений.

Ситуация была серьезной, но не безнадежной. У нас еще было достаточно топлива — резерв, предназначенный для подлета к Ближней станции. Если бы мы использовали его

сейчас, мы смогли бы по крайней мере вернуться на орбиту вокруг Земли, но эта новая орбита могла и не проходить рядом с какими-либо космическими станциями. Что бы ни случилось, нам нужно было где-то достать еще топлива — и чем быстрее, тем лучше. Наш корабль не был рассчитан на долгие полеты, и запас кислорода на нем был ограничен. Нам хватило бы его примерно на сто часов; если за это время помощь до нас не доберется, то дело плохо... Странно, но, хотя сейчас мне впервые угрожала реальная опасность, я не ощущал даже половины того страха, который испытал, когда меня сцапал Катберт или когда «метеорит» пробил стену класса. Почему-то теперь все казалось по-настоящему серьезным. У нас было несколько дней передышки — в буквальном смысле! — прежде чем положение станет по-настоящему критическим. И все мы настолько доверяли командору Дойлу, что не сомневались — он вытащит нас из любой передряги.

Хотя в тот момент мы и не могли в полной мере этого оценить, определенно сказалась ирония судьбы в том, что нам ничто бы не угрожало, если бы мы воспользовались «Утренней звездой», а не решили из чрезмерной осторожности возвращаться на другом корабле.

Нам пришлось ждать почти пятнадцать минут, пока вычислители на Ближней станции рассчитали нашу новую орбиту и сообщили ее нам по радио. Командор Дойл проложил курс, и все мы склонились над его плечом.

— Мы направляемся к Луне,— сказал он, проводя пальцем вдоль пунктирной линии.— Пересечем ее орбиту примерно через сорок часов, а этого вполне достаточно, чтобы успело подействовать ее гравитационное поле. Если воспользуемся двигателями для торможения, можем выйти на окололунную орбиту.

— Разве это плохая мысль? — спросил кто-то из нас.— По крайней мере, мы не улетим дальше в космос.

Командор задумчиво потер подбородок.

— Не знаю,— сказал он.— Зависит от того, имеются ли на Луне корабли, которые могут прилететь за нами.

— А мы не можем сесть на Луну сами, возле одного из поселений? — спросил Норман.

— Нет, у нас недостаточно топлива для приземления. В любом случае не хватит мощности двигателей — ты должен это знать.

Норман замолчал, и в кабине снова воцарилась тишина, которая начала действовать мне на нервы. Я жалел, что не могу помочь какой-нибудь умной мыслью; впрочем, любое мое предложение оказалось бы скорее всего ничем не лучше предложения Нормана.

— Вопрос в том,— наконец сказал командор,— что приходится учитывать множество факторов. Наша проблема имеет несколько возможных решений. Нам следует найти наиболее экономичное. Если придется вызывать корабль с Луны лишь затем, чтобы он поравнялся с нами и передал несколько тонн топлива, это обойдется нам в целое состояние. Таков ответ — если решать в лоб.

Я был рад услышать, что существует хоть какой-то ответ. Собственно, только это я и хотел услышать. Об оплате счета пусть заботится кто-нибудь другой.

Неожиданно лицо пилота просветлело. До этого он был мрачнее тучи и не вставил в разговор ни слова.

— Придумал! — сказал он.— Нам следовало подумать об этом раньше! Что, если воспользоваться катапультой в кратере Гиппарх? Она могла бы забросить нам топливо без особых проблем — насколько можно судить по этой диаграмме.

С этого момента разговор стал весьма оживленным и насыщенным техническими деталями, так что я перестал улавливать его суть. Десять минут спустя мрачная атмосфера в кабине начала рассеиваться, и я предположил, что найдено некое удовлетворяющее всех решение. Когда дискуссия завершилась и были проведены все необходимые переговоры по радио, я загнал Тима в угол и пригрозил, что не отстану от него, пока он подробно не расскажет, что происходит.

— Рой,— сказал он,— ты ведь наверняка знаешь про катапульту в Гиппархе?

— Это та магнитная штука, которая забрасывает цистерны с топливом на ракеты на окололунной орбите?

— Ну да, это электромагнитная пушка длиной примерно в восемь километров, расположенная в кратере Гиппарх. Такое место было выбрано потому, что оно находится около центра лунного диска и неподалеку расположены заводы по производству топлива. Корабли, ожидающие дозаправки, выходят на орбиту вокруг Луны, и в нужное время в их сторону выстреливают контейнеры с топливом. Кораблю приходится немного маневрировать, чтобы «нацелиться» на контейнер, но это намного дешевле, чем если бы подобную работу выполняли с помощью ракет.

— Что происходит с пустыми цистернами?

— Зависит от скорости. Иногда они падают обратно на Луну — в конце концов, там достаточно места, куда они могут упасть, не причинив никому вреда. Но обычно их скорость превышает ту, с которой они могли бы удержаться на орбите, и они просто улетают в космос. Там еще больше места...

— Понятно — мы пролетаем достаточно близко к Луне, чтобы в нашу сторону можно было выстрелить цистерну с топливом.

— Да, сейчас ведутся все необходимые расчеты. Наша орбита пройдет позади Луны, примерно в восьми тысячах километров над ее поверхностью. Они постараются как можно точнее уравнять скорость запущенной цистерны с нашей, а остальное мы должны сделать сами, естественно, истратив часть нашего топлива — но эти затраты окупятся стократно!

— И когда все это произойдет?

— Часов через сорок; сейчас мы ждем точных цифр.

Вероятно, я был единственным, кого радовала подобная перспектива,— теперь я знал, что нахожусь в относительной безопасности. Для остальных это была лишь унылая трата времени впустую — но мне это давало возможность взглянуть на Луну с близкого расстояния. Вряд ли я мог на это надеяться, когда покидал Землю; сейчас же мне казалось, что Ближняя станция осталась уже далеко позади.

С каждым часом Земля становилась все меньше, а Луна все больше. Делать было почти нечего, разве что проверять

приборы и периодически связываться по радио с различными космическими станциями и лунной базой. Большую часть времени все спали или играли в карты, но один раз мне представилась возможность поговорить с мамой и папой. Голоса их звучали несколько обеспокоенно, и я понял, что наши имена попали в заголовки новостей. Однако я дал им понять, что у меня все прекрасно и тревожиться вовсе не из-за чего.

Необходимые приготовления были сделаны, и все с нетерпением ждали, когда наш корабль пролетит мимо Луны и можно будет подцепить контейнер с топливом. Хотя я часто наблюдал Луну в телескоп, невооруженным глазом огромные равнины и горы воспринимались совсем по-другому. Луна приблизилась настолько, что отчетливо были видны все крупные кратеры вдоль полосы, отделявшей ночь от дня. Линия восхода только что пересекла центр диска, и в кратере Гиппарх, где готовились к нашему спасению, начинался рассвет. Я попросил разрешения воспользоваться корабельным телескопом и заглянул внутрь огромного кратера.

Казалось, будто я повис в космосе всего в восьмидесяти километрах от поверхности Луны. Гиппарх заполнял все поле зрения — невозможно было охватить его одним взглядом. Лучи Солнца падали на разрушенные стены кратера, отбрасывая чернильные тени длиной в полтора километра. Тут и там высокие пики ловили первые отблески зари, сверкая подобно маякам в окружавшей их темноте.

В тени кратера виднелись и другие огни — огни, расположенные в аккуратном геометрическом порядке. Я смотрел на одно из лунных поселений; темнота скрывала от меня огромные химические заводы, герметичные купола, космопорты и энергостанции, приводившие в действие катапульту. Через несколько часов они станут отчетливо видимыми, когда Солнце поднимется над горами,— но к тому времени мы уже пролетим позади Луны, и ее обращенная к Земле сторона будет от нас скрыта.

А потом я увидел ее — тонкую светящуюся полоску, тянувшуюся по прямой через темную равнину. Я смотрел

на прожектора, освещавшие пусковую трассу, расположенные, словно фонари вдоль автострады. В их свете инженеры в скафандрах сейчас настраивали огромные электромагниты и проверяли, свободно ли движется рама по направляющим. Цистерна с топливом ждала в самом начале трассы, уже заправленная и готовая к установке на раму. Если бы внизу был день, возможно, я смог бы увидеть запуск. Крошечная точка пробежала по трассе, двигаясь все быстрее и быстрее, по мере того как электричество из генераторов поступало на электромагниты. Цистерна должна была покинуть катапульту со скоростью свыше восьми тысяч километров в час — слишком быстро для того, чтобы Луна успела притянуть ее обратно. Поскольку цистерна двигалась почти горизонтально, поверхность Луны, искривляясь, должна была уйти из-под нее, и цистерна отправилась бы в космос — чтобы, если все пойдет как надо, встретиться с нами три часа спустя.

Думаю, самый впечатляющий момент наступил, когда корабль прошел позади Луны и я увидел собственными глазами ту ее сторону, которая оставалась скрытой от человеческого взгляда до появления ракет. Да, верно, я видел множество фильмов и фотографий другой стороны Луны — и столь же верно, что она почти ничем не отличается от видимой. Однако волнение никуда не девалось. Я подумал обо всех астрономах, которые всю жизнь составляли карты Луны и никогда не видели той ее половины, над которой я сейчас пролетал. Чего только они бы не отдали за возможность, которая сейчас представилась мне — представилась совершенно случайно, без каких-либо усилий с моей стороны!

Я почти забыл о Земле, когда Тим Бентон снова привлек к ней мое внимание. Она быстро опускалась к лунному горизонту; восходящая Луна должна была ее затмить по мере того, как мы летели по большой дуге. Ослепительный зелено-голубой серп — с яркой южной полярной шапкой и огненным отражением Солнца в Тихом океане — был моим домом, отстоявшим теперь на четыреста тысяч километров. Я смотрел, как Земля опускается за низкие лунные холмы, пока не осталось лишь едва заметное туманное кольцо; потом исчезло и оно. Солнце все так же было с нами — но Земли не стало. До этого мгновения она всегда была с нами на небе, словно часть всего сущего. Теперь остались только Солнце, Луна и звезды.

Контейнер с топливом уже летел нам навстречу. Его запустили час назад и передали нам по радио, что он выходит на заданную орбиту. Гравитационное поле Луны искривляло его траекторию, и мы должны были пройти в нескольких сотнях километров от него. Задача заключалась в том, чтобы уравнять скорости, используя наше оставшееся топливо, а затем, поравнявшись с цистерной, перекачать к себе ее содержимое. Потом мы могли повернуть к Земле, а пустой контейнер остался бы плавать в космосе, присоединившись к остальному мусору, кружащему в Солнечной системе.

— Но предположим,— с тревогой сказал я Норману Пауэллу,— что он попадет прямо в нас! В конце концов, все это очень похоже на стрельбу из пушки по цели. А цель — мы.

Норман рассмеялся:

— Когда он поравняется с нами, он будет двигаться очень медленно, и мы заметим его на экране радара еще издалека. Так что опасности столкновения нет. К тому времени, когда он окажется совсем близко, наши скорости сравняются, и, даже если мы столкнемся, удар будет не сильнее, чем при встрече двух снежинок.

Слова его звучали довольно убедительно, хотя мне не очень нравилась мысль о снаряде с Луны, мчащемся к нам сквозь космос...

Мы приняли сигнал с контейнера, когда его еще отделяли от нас полторы тысячи километров,— не с помощью нашего радара, а благодаря маленькому радиомаяку, которым снабжены все подобные снаряды, чтобы их легче было обнаружить. Пока командор Дойл и пилот совершали маневры в космосе, я старался им не мешать. Требовалось действовать очень точно, чтобы поравняться со все еще невидимым «снарядом». У нас было слишком мало топлива, чтобы позволить себе ошибиться, и все облегченно вздохнули, когда рядом с нами повис короткий блестящий цилиндр.

Перекачка топлива заняла всего минут десять, и, когда насосы завершили работу, из-за диска Луны взошла Земля. Это было добрым предзнаменованием — мы снова стали хозяевами положения и снова видели свою родную планету.

Я смотрел на экран радара — поскольку никто больше им не пользовался,— когда включились наши двигатели. Пустой топливный контейнер медленно уплыл назад. На самом деле, конечно, это мы двигались назад, в сторону Земли. Выполнившей свою задачу цистерне предстояло улететь в космос, превратившись в ненужный мусор.

Радиус действия нашего радара составлял около восьмисот километров, и я смотрел, как яркая точка, изображающая топливный контейнер, медленно движется к краю экрана. Это был единственный находившийся рядом с нами объект, создававший эхо. В пространстве, которое обшаривали лучи радара, вероятно, содержалось немалое количество метеоритов, но они были слишком малы, чтобы породить видимый сигнал. Экран был пуст, если не считать случайных искорок, вызванных электрическими помехами. Я представил себе шар диаметром в полторы тысячи километров, в центре которого летели мы. Ничто не могло проникнуть внутрь этого шара, не вызвав тревогу, поднятую невидимыми радиолучами.

Корабль снова лег на курс и уже не мчался в космос. Командор Дойл решил не возвращаться прямо на Ближнюю станцию, поскольку наши запасы кислорода подходили к концу. Вместо этого мы должны были пристыковаться к одной из трех ретрансляционных станций, висевших на высоте в тридцать пять тысяч километров над Землей. Там можно было пополнить запасы кислорода, прежде чем продолжить завершающую часть нашего пути.

Я уже собирался выключить экран радара, но вдруг увидел едва заметную искорку, которая исчезла секунду спустя после того, как луч переместился в другой сектор пространства. Я подождал, когда он опишет полный круг, думая, не ошибся ли я. Были ли рядом другие корабли? Вполне возможно, конечно.

Да, не было никакого сомнения — искорка появилась снова, на том же месте. Я знал, как управлять сканером, и остановил вращение луча, зафиксировав его на светящейся точке. Она находилась в восьмистах километрах от нас, двигаясь очень медленно по отношению к нашему кораблю. Несколько секунд я задумчиво разглядывал ее, а потом позвал Тима. Скорее всего, ради такого пустяка не стоило беспокоить командора. Однако был шанс, что это по-настоящему крупный метеорит, и проверить правильность наших предположений не мешало. Объект, создававший подобное эхо, наверняка был слишком большим, чтобы забрать его с собой целиком, но от него можно было отколоть кусочки на сувениры — если, конечно, мы поравняемся с ним.

Тим запустил сканер, как только я передал ему управление. Он решил, что я снова поймал выброшенный топливный контейнер, что меня несколько разозлило: сколько можно считать меня новичком в космических путешествиях! Но вскоре он заметил, что объект находится в совсем другой части неба, и весь его скептицизм сразу же пропал.

— Похоже, это космический корабль,— сказал он,— хотя эхо от него не слишком велико. Скоро узнаем: если это корабль, на нем должен быть радиомаяк.

Тим настроил приемник на частоту маяка, но безрезультатно. Несколько кораблей находились на большом расстоянии от нас в других частях неба, но ни один из них не был столь близко.

К нам подошел Норман, заглянул через плечо Тима.

— Если это метеорит,— сказал он,— будем надеяться, что он представляет собой хороший кусок платины или чего-нибудь столь же ценного. Тогда мы сможем всю жизнь не работать.

— Эй! — воскликнул я.— Это я его нашел!

— Не важно. Ты не член экипажа, и тебя вообще не должно тут быть.

— Не беспокойся,— сказал Тим,— никто еще не находил в метеоритах ничего, кроме железа. Самое большее, на что можно наткнуться,— на кусок никелевого сплава,

вероятно, настолько прочного, что ты даже не сумеешь отпилить кусочек в качестве сувенира.

К этому моменту мы уже рассчитали траекторию объекта и обнаружили, что он должен пройти в тридцати километрах от нас. Чтобы приблизиться к нему вплотную, мы должны были изменить нашу скорость примерно на триста километров в час — не слишком много, но это привело бы к лишнему расходу с таким трудом добытого топлива, и командор наверняка бы не разрешил подобное лишь ради удовлетворения нашего любопытства.

— Насколько же он велик,— спросил я,— если создает столь яркое эхо?

— Невозможно сказать,— ответил Тим.— Зависит от того, из чего он состоит и в какую сторону движется. Космический корабль тоже мог бы создавать подобный сигнал, если бы мы видели его с торца.

— Кажется, я его поймал,— внезапно сказал Норман.— И это не метеорит. Взгляните.

Он отодвинулся от корабельного телескопа, и я занял его место, опередив Тима. На фоне едва заметных звезд медленно вращался цилиндрический объект, ярко освещенный лучами Солнца. Даже с первого взгляда можно было понять, что он имеет искусственное происхождение. Когда объект совершил полный оборот, я увидел, что у него плавные очертания и заостренный нос. Он больше походил на старинный артиллерийский снаряд, чем на современную ракету. Его обтекаемая форма означала, что это не мог быть пустой топливный контейнер, запущенный из Гиппарха,— те были обычными цилиндрами, поскольку обтекаемость на лишенной воздуха Луне не имела никакого смысла.

Когда мы позвали командора Дойла, он долго смотрел в телескоп. Наконец, к моей радости, он заметил:

— Что бы это ни было, лучше взглянуть на него поближе и доложить на станцию. Немного топлива мы можем потратить.

Мы скорректировали курс, и наш корабль начал медленно разворачиваться. На несколько секунд включились двигатели, а потом, после проверки траектории, еще раз. Мы подошли к таинственному объекту на полтора километра и начали маневрировать с помощью рулевых двигателей. Во время этих маневров пользоваться телескопом было невозможно, так что, когда я в очередной раз увидел свою находку, она оказалась уже всего лишь в сотне метров от нас.

Это действительно был искусственный объект, нечто вроде ракеты. Что он делал в окрестностях Луны, можно было только гадать, и на эту тему уже были выдвинуты несколько гипотез. Поскольку длина его составляла всего три метра, это мог быть один из автоматических разведывательных зондов, запущенных на заре космических полетов. Командору Дойлу такое предположение казалось маловероятным — насколько он знал, все зонды тщательно учитывались. Кроме того, на объекте, похоже, не было никакого радиотелевизионного оборудования, имевшегося на подобных зондах.

Он был выкрашен в ярко-красный цвет — что показалось мне странным. На боку виднелась какая-то надпись — судя по всему, по-английски, хотя я не мог различить слова с такого расстояния. Пока ракета медленно вращалась, на ее обшивке появилось черное изображение на белом фоне, но оно скрылось из виду, прежде чем я успел понять, что это такое. Я подождал, когда оно появится снова; к этому времени ракета подплыла намного ближе и находилась всего в пятнадцати метрах от нас.

— Не нравится мне эта штука,— вполголоса пробормотал Тим Бентон.— Хотя бы ее цвет: красный означает опасность.

— Не ворчи, как старуха,— усмехнулся Норман.— Если бы это была бомба или нечто подобное, вряд ли те, кто ее запустил в космос, стали бы открыто это демонстрировать.

И тут снова появилось изображение, которое я уже успел заметить раньше. Даже на первый взгляд оно выглядело неприятно знакомым. Теперь же сомнений не оставалось.

На боку медленно приближающейся ракеты был нарисован символ смерти — череп и скрещенные кости.

10

РАДИОСПУТНИК

Командор Дойл тоже заметил это грозное предупреждение, двигатели нашего корабля на мгновение взревели, красный снаряд медленно проплыл мимо и снова начал удаляться в космос. Пока он находился совсем близко, я сумел прочитать слова, нанесенные краской под черепом с костями,— и все понял. Там было написано:

ВНИМАНИЕ!
РАДИОАКТИВНЫЕ ОТХОДЫ!
КОМИССИЯ ПО АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКЕ

— Жаль, что у нас на борту нет счетчика Гейгера,— задумчиво сказал командор.— Впрочем, судя по всему, этот контейнер запущен в космос очень давно и опасность облучения наверняка снизилась во много раз, и не думаю, что мы могли получить большую дозу. Но все равно следует провериться, когда вернемся на базу.

— Сколько же времени, по-вашему, он летает в космосе, сэр? — спросил Норман.

— Дайте подумать. Насколько я помню, от радиоактивных отходов начали избавляться таким образом в тысяча девятьсот семидесятые годы. Но это продолжалось недолго — космические корпорации вскоре положили конец подобной практике. Сейчас, конечно, мы умеем уничтожать отходы атомных реакторов, но в те времена существовало немало радиоизотопов, с которыми никто не знал, что делать. Довольно радикальный способ от них избавиться — и к тому же весьма недальновидное решение!

— Я слышал про такие контейнеры,— сказал Тим,— но думал, что их все собрали и захоронили где-то на Луне.

— Про этот, как видите, забыли. Но когда мы о нем доложим, его ждет та же судьба. Молодец, Малкольм! Благодаря тебе в космосе станет чуточку безопаснее!

Я был рад похвале, хотя все еще немного тревожился, не получили ли мы опасную дозу радиации от распадающихся изотопов в космическом гробу. К счастью, мои страхи оказались беспочвенными — мы отдалились от контейнера слишком быстро, для того чтобы он успел причинить нам хоть какой-то вред.

Уже много позднее мы узнали историю этого заблудившегося снаряда. Комиссия по атомной энергетике до сих пор несколько стыдится данного эпизода в своей истории, и прошло некоторое время, прежде чем она признала факт запуска в 1981 году контейнера с отходами, который должен был упасть на Луну, но этого так и не произошло. Астрономы потратили немало усилий, чтобы выяснить, как он оказался на орбите, где мы его нашли,— история достаточно запутанная, включающая в себя гравитационные поля Земли, Солнца и Луны.

Наше отклонение от курса заняло не слишком много времени, и мы лишь на несколько минут отставали от графика, когда вышли на орбиту Второй ретрансляционной станции — той, что висит над тридцатым градусом восточной долготы, в середине Африки. Я уже привык к виду необычных объектов в космосе, так что, впервые увидев станцию, нисколько не удивился. Она представляла собой плоскую прямоугольную решетку, обращенную одной стороной к Земле. Решетку покрывали сотни маленьких вогнутых отражателей — фокусирующие системы, направлявшие радиосигналы на планету внизу или принимавшие их с нее.

Мы осторожно приблизились к станции с задней стороны. Пилот, чей корабль пролетел бы перед ней, вряд ли снискал бы популярность, поскольку мог временно нарушить работу тысяч схем, перекрыв радиосигнал. Через ретрансляционные станции работали все службы дальней связи на планете, а также большая часть радио- и телевизионных сетей. Присмотревшись внимательнее, я увидел еще два комплекта радиоотражательных систем, направленных не на Землю, а в две стороны от нее под углом в шестьдесят градусов. С их помощью шел обмен радиосигналами с двумя другими станциями, так что все три образовывали большой треугольник, медленно поворачивавшийся вместе с вращающейся Землей.

На ретрансляционной станции мы провели двенадцать часов, пока наш корабль проходил техосмотр и пополнял запасы кислорода. Пилота я с тех пор больше не видел, хотя позже слышал, что вину с него частично сняли. Когда мы продолжили полет, на корабле был уже новый капитан, не проявлявший никакого желания рассказывать о судьбе своего коллеги. Похоже, космические пилоты образуют замкнутый клуб избранных; они никогда не позволяют себе обсуждать ошибки друг друга — по крайней мере, с теми, кто не принадлежит к их кругу. Полагаю, вряд ли стоит их в том винить, поскольку работа у них — одна из самых ответственных.

Условия жизни на ретрансляционной станции примерно такие же, как и на Ближней, так что не стану тратить время на их описание. К тому же мы пробыли там слишком недолго, чтобы успеть многое увидеть, и все тамошние службы были слишком заняты, чтобы устраивать нам экскурсию. Однако телевизионщики все же попросили нас появиться перед камерами и рассказать о наших приключениях после того, как мы покинули госпиталь. Интервью мы давали в импровизированной студии, столь маленькой, что все там не помещались и приходилось проскальзывать внутрь по одному, когда подавался сигнал. Казалось странным, что здесь не удалось найти помещение получше. С другой стороны, «прямой эфир» в самом сердце всемирной телевизионной сети, с ретрансляционной станции, действительно является крайне редким событием.

Нам также удалось заглянуть в главную аппаратную, хотя, боюсь, увиденное мало что для нас прояснило. Вдоль стен тянулись ряды циферблатов и разноцветных лампочек, и повсюду сидели люди, смотревшие на экраны и поворачивавшие ручки. В громкоговорителях слышалась тихая речь на разных языках; переходя от одного оператора к другому, мы видели футбольные матчи, струнные квартеты, воздушные гонки, хоккейные состязания, художественные выставки, кукольные спектакли, оперу — срез всемирной индустрии развлечений. И все это зависело от трех небольших

металлических решеток, висевших в небе на высоте в тридцать пять тысяч километров.

Деятельность ретрансляционной станции отнюдь не была связана только с Землей. Через нее проходили межпланетные каналы связи — если Марс хотел вызвать Венеру, порой было удобнее направлять сообщения через земные ретрансляторы. Мы послушали некоторые из этих сообщений — почти все они передавались высокоскоростным телеграфом и потому ничего для нас не значили. Поскольку радиоволнам требовалось несколько минут, чтобы преодолеть пространство даже между ближайшими планетами, невозможно было вести беседу с кем-то, находящимся на другой планете (кроме Луны — но даже тут приходилось мириться с раздражающей задержкой почти в три секунды, прежде чем можно было получить ответ). Единственным, что передавалось по марсианскому каналу на Землю, была речь радиокомментатора, рассказывавшего о местной политике и последнем урожае. Все это звучало довольно занудно...

Хотя я пробыл на ретрансляционной станции совсем недолго, одна вещь произвела на меня неизгладимое впечатление. Во всех прочих местах, где я побывал, можно было посмотреть «вниз» на Землю и увидеть на ней континенты, сменяющие друг друга по мере вращения планеты вокруг оси. Но здесь ничего не менялось. Земля всегда была повернута к станции одной и той же стороной. Да, на планете сменялись день и ночь — но с каждым закатом и рассветом станция оставалась на том же самом месте, навечно повиснув над территорией Уганды, в трехстах километрах от озера Виктория. Из-за этого трудно было поверить, что станция вообще движется — хотя на самом деле она огибала Землю со скоростью десять тысяч километров в час. Но поскольку на один виток требовались в точности одни сутки, она постоянно оставалась над Африкой — так же как и остальные две станции, висевшие над противоположными берегами Тихого океана.

То была лишь одна из причин, по которой вся атмосфера на ретрансляционной станции казалась совсем иной, не-

жели на Ближней. Работавшие здесь люди получали информацию обо всем, что происходило на Земле,— часто еще до того, как ее получала сама Земля. К тому же они находились на передовом рубеже открытого космоса, поскольку между ними и орбитой Луны не было больше ничего. Я лишь жалел, что не могу остаться здесь подольше.

Да, увы, мои каникулы в космосе подходили к концу. Я, правда, опоздал на корабль, который должен был доставить меня домой, но это мало что меняло — меня предполагали отправить на Жилую станцию и посадить на рейсовый челнок, так что я должен был вернуться на Землю вместе с пассажирами, прилетевшими с Марса или Венеры.

Обратный путь на Ближнюю станцию не был богат событиями и оказался довольно скучным. Мы даже не сумели убедить командора Дойла еще о чем-нибудь рассказать, и, думаю, ему самому было немного стыдно, что он так разговорился в начале обратного полета с Космического госпиталя. К тому же на этот раз он решил не рисковать с пилотом...

Когда перед нами появился знакомый хаос Ближней станции, мне все там показалось почти родным. Почти ничего не изменилось — некоторые корабли исчезли, а другие заняли их места, только и всего. В шлюзе нас ждали остальные стажеры — неформальный комитет по встрече. Они радостно приветствовали командора, когда он ступил на борт станции,— хотя впоследствии я слышал множество добродушных шуток насчет наших приключений. В частности, тот факт, что «Утренняя звезда» все еще оставалась при госпитале, вызвал всеобщее сожаление, и нам так и не удалось заставить командора Дойла взять вину за это на себя.

Большую часть моего последнего дня на станции я провел, собирая автографы и сувениры. Неожиданно лучшим напоминанием о моем пребывании здесь стала сделанная из пластика превосходная модель станции, которую подарили мне ребята. Я так обрадовался, что не знал, как их отблагодарить,— но, думаю, они прекрасно понимали мои чувства.

Наконец все было упаковано, и я не превысил лимит веса. Осталось попрощаться лишь еще с одним человеком.

Командор Дойл сидел за своим столом точно так же, как и в тот раз, когда я увидел его впервые. Но на этот раз вид его уже не внушал ужас, поскольку я хорошо его узнал и восхищался им. Я надеялся, что не стал никому особой обузой, и попытался об этом сказать. Командор улыбнулся:

— Могло быть и хуже. В целом ты никому особо не мешал — хотя и умудрился оказаться в некоторых, скажем так, неожиданных местах. Я вот думаю, не следует ли предъявить «Всемирным авиалиниям» счет за лишнее топливо, которое нам пришлось из-за тебя потратить? Сумма получается внушительная.

Я почел за лучшее промолчать, и в конце концов он продолжил, переложив несколько бумаг на столе:

— Полагаю, ты понимаешь, Рой, что немало молодых людей стремятся сюда попасть, но немногим это удается — слишком высоки требования. Я наблюдал за тобой последние несколько недель и заметил, как ты набираешь форму. Через пару лет ты станешь достаточно взрослым. Если захочешь работать у нас, я буду рад дать тебе рекомендацию.

— О... спасибо, сэр!

— Конечно, тебе многому придется учиться. Ты видел в основном развлечения, а не тяжкий труд. И тебе не приходилось сидеть здесь месяцами, ожидая отпуска и с горечью размышляя о том, зачем ты улетел с Земли.

Сказать мне на это было нечего — данная проблема наверняка была куда более болезненной для командора, чем для любого другого на станции.

Оттолкнувшись от кресла левой рукой, он протянул мне правую. Когда мы пожимали друг другу руки, я снова вспомнил нашу первую встречу. Как давно, казалось, это было! И вдруг я понял, что, хотя я и видел командора Дойла каждый день, я почти забыл, что у него нет ног,— настолько приспособился он к своему окружению. Это был наглядный урок, на что способны сила воли и решимость.

Возле шлюза меня ждал сюрприз. Хотя я особо об этом не задумывался, я предполагал, что на Жилую станцию, где я должен буду сесть на корабль до Земли, меня доставит одна из обычных ракет-челноков. Вместо нее меня ожидал «Космический жаворонок», причальные тросы которого плавно покачивались в космосе. Я представил себе, что подумают наши привилегированные соседи, когда к их порогу причалит этот странный объект, и решил, что все, вероятно, было специально подстроено, чтобы им досадить.

Тим Бентон и Ронни Джордан помогли мне протащить мой багаж через шлюз. С сомнением посмотрев на количество свертков, которые были у меня с собой, они мрачно спросили, знаю ли я, сколько стоит межпланетная перевозка грузов. К счастью, рейс в сторону Земли намного дешевле, и, несмотря на несколько неприятных моментов, мне удалось провезти все.

Огромный вращающийся барабан Жилой станции медленно увеличивался в размерах, а неуклюжая конструкция из куполов и герметичных коридоров, столь долго бывшая моим домом, уменьшалась позади нашего корабля. Тим осторожно подвел «Жаворонка» к оси станции. Я не видел в точности, что произошло после, но навстречу выдвинулись большие суставчатые лапы и медленно потащили нас к себе, пока шлюзы не состыковались.

— Что ж, всего хорошего,— сказал Ронни.— Полагаю, еще увидимся.

— Надеюсь,— ответил я, раздумывая, стоит ли упоминать о предложении командора Дойла.— Заходи в гости, когда будешь на Земле.

— Спасибо, постараюсь. Удачного возвращения.

Я пожал им обоим руки, не в силах скрыть грусти. Затем люк открылся, и я вошел внутрь летающего отеля, который столько дней находился со мной по соседству, но в котором я ни разу до этого не бывал.

Шлюз заканчивался широким круглым коридором, где меня ждал стюард в униформе. Его появление сразу же задало тон дальнейшему — после того, как мне долгое время

приходилось все делать самому, я чувствовал себя довольно глупо, подавая ему свой багаж. И не привык я к тому, что ко мне обращаются «сэр»...

Я с интересом наблюдал за стюардом, который поместил мои вещи у стены коридора и велел мне занять место рядом. Затем я ощутил легкую вибрацию и вспомнил центрифугу, на которой побывал в Космическом госпитале. То же происходило и здесь — коридор начал вращаться, и центробежная сила вновь вернула мне вес. Лишь когда скорость его вращения сравняется со скоростью вращения станции, я смогу пройти внутрь остальной ее части.

Наконец раздался звонок, и я понял, что наши скорости сравнялись. Сила, прижимавшая меня к искривленной стене, была невелика, но по мере нашего удаления от центра станции она должна была увеличиваться, пока на самом ее ободе не станет равна земной силе тяжести. Но я не слишком спешил вновь ее испытать после стольких дней пребывания в состоянии полной невесомости.

Коридор заканчивался дверью, которая, к моему удивлению, вела в кабину лифта. После короткого спуска дверь снова открылась, и я оказался в большом холле. Я с трудом мог поверить, что я не на Земле,— это вполне мог быть холл любого роскошного отеля.

Постояльцы толпились возле регистрационной стойки, о чем-то спрашивая или на что-то жалуясь, туда-сюда сновали служащие в униформе, и время от времени кого-то вызывали через громкоговоритель. Лишь длинные плавные прыжки, которыми перемещались люди, говорили о том, что это не Земля. А над стойкой висела большая табличка:

УРОВЕНЬ ГРАВИТАЦИИ = 1/3 ЗЕМНОЙ

Что, как я понял, было самым подходящим для возвращающихся марсианских колонистов — вероятно, все, кто стоял вокруг меня, прибыли с Красной планеты или готовились туда отправиться.

Меня зарегистрировали и предоставили мне крошечную комнатку, в которой едва помещались койка, стул и

умывальник. Мне было так странно вновь увидеть свободно текущую воду, что первым делом я открыл кран и некоторое время смотрел на лужицу жидкости, собиравшуюся на дне раковины. Потом я сообразил, что здесь наверняка должны быть и ванные комнаты, и с радостным возгласом отправился на их поиски. Я уже устал от необходимости принимать душ и решать связанные с этим проблемы...

Так я провел большую часть моего первого вечера на Жилой станции. Меня окружали путешественники, вернувшиеся с далеких планет и готовые рассказать истории о своих необыкновенных приключениях. Но все это могло подождать и до завтра. Пока же я был намерен насладиться одной из возможностей, которые предоставляла гравитация,— лежать в толще воды, которая не пыталась превратиться в гигантскую плавающую каплю...

11

ЗВЕЗДНЫЙ ОТЕЛЬ

Был поздний «вечер», когда я прибыл на Жилую станцию. Время здесь измерялось теми же циклами дня и ночи, что и на Земле. Каждые двадцать четыре часа огни гасли, наступала тишина и постояльцы отправлялись в постель. За стенами станции могло сиять Солнце или оно могло быть скрыто Землей,— но это не имело значения здесь, в мире широких изгибающихся коридоров, толстых ковров, мягкого света и тихо шепчущих голосов. Мы жили по собственному времени, и никто не обращал внимания на Солнце.

В первую ночь без невесомости я спал плохо, хотя вес мой был втрое меньше того, к которому я привык за всю жизнь. Мне было тяжело дышать и снились неприятные сны. Мне постоянно казалось, будто я взбираюсь по крутому склону с тяжелым грузом на спине. Ноги мои болели, легкие разрывались, но, сколько я ни старался, мне не удавалось достичь вершины... Наконец я все же сумел задремать и ничего больше не помнил, пока меня не разбудил

стюард, принесший завтрак, который он поставил на небольшой поднос, закрепленный рядом с койкой. Мне не терпелось увидеть станцию, но я не спешил — для меня это был новый опыт, которым я хотел насладиться сполна. Завтрак в постели — довольно редкое событие, а уж на космической станции это действительно нечто!

Одевшись, я начал исследовать мое новое место обитания. Мне пришлось привыкать, что все полы здесь имели изогнутую форму. (Естественно, мне также пришлось вспомнить, что здесь вообще существует такое понятие, как «пол», после столь долгого пребывания в условиях, где не было ни «верха», ни «низа».) Да, теперь я жил внутри гигантского цилиндра, медленно поворачивавшегося вокруг своей оси. Центробежная сила — та же, что поддерживала станцию в небе,— снова действовала, прижимая меня к стенке вращающегося барабана. Если идти прямо вперед, можно было обойти станцию по окружности и вернуться в то же самое место, откуда вышел. В любой момент направление «вверх» указывало на центральную ось цилиндра — вследствие чего человек, стоявший несколькими метрами дальше по кривой, казался наклоненным в твою сторону. Однако для него самого все выглядело совершенно нормально, и стоящим наклонно ему казался именно ты! Сперва это несколько сбивало с толку, но вскоре я привык, к тому же проектировщики станции прибегли к некоторым хитрым трюкам, чтобы скрыть происходящее, а в небольших помещениях кривизна пола была почти незаметной.

Станция состояла не просто из одного цилиндра, но из трех, находившихся один внутри другого. По мере удаления от центра ощущение веса возрастало. Во внутреннем цилиндре как раз и поддерживался уровень с гравитацией в одну треть земной, а поскольку он был ближе всего к располагавшимся на оси станции шлюзам, в основном он предназначался для приема пассажиров и их багажа. Говорили, что, если достаточно долго сидеть напротив регистрационной стойки, можно увидеть всех важных персон с четырех планет...

Центральный цилиндр был окружен более просторным уровнем с гравитацией в две трети земной. С одного уровня на другой можно было перемещаться с помощью лифтов или по замысловато искривленным лестницам. Спускаясь по одной из них, я испытал весьма странные ощущения — сперва потребовалось некоторое усилие воли, поскольку я еще не привык даже к одной трети моего земного веса. Пока я медленно шагал по ступеням, крепко держась за поручень, мне казалось, будто я постепенно становлюсь все тяжелее. Когда я достиг пола, движения мои были столь медленными и неповоротливыми, что у меня возникло чувство, будто все на меня смотрят. Однако вскоре я привык к подобным ощущениям — я должен был к ним привыкнуть, если собирался вернуться на Землю!

Большинство пассажиров располагались на уровне с гравитацией две трети. Почти все они летели на Землю с Марса, и, хотя в течение последних недель полета они испытывали обычную земную силу тяжести — благодаря вращению их лайнера,— им явно это не слишком нравилось. Они ходили очень осторожно и постоянно находили предлог, чтобы подняться на верхний уровень, где гравитация была такой же, на Марсе.

Прежде я никогда не встречал марсианских колонистов, и один их вид привел меня в восхищение. В их одежде, акценте, вообще во всем чувствовалось нечто чужое, хотя часто трудно было сказать, в чем именно это выражалось. Казалось, все они знают друг друга по именам; возможно, после долгого полета это и неудивительно, но позже я узнал, что и на Марсе дело обстоит точно так же. Поселения до сих пор невелики, поэтому все знакомы друг с другом. Им еще предстояло узнать, что на Земле все совсем иначе...

Я чувствовал себя одиноко среди этих чужаков, и прошло некоторое время, прежде чем я кое с кем из них познакомился. На уровне «две трети» были магазинчики, где продавались туалетные принадлежности и сувениры, и я как раз изучал ассортимент одного из них, когда вошли трое юных колонистов. Самым старшим был мальчик примерно моего возраста, а с ним — две девочки, явно его сестры.

— Привет,— сказал он.— Тебя ведь не было на корабле?

— Нет,— ответил я.— Я только что прилетел с другой половины станции.

— Как тебя зовут?

Столь прямой вопрос на Земле мог показаться грубым или по крайней мере невежливым, но я уже знал, что колонисты просты и непосредственны в общении и никогда не тратят слов зря. Я решил вести себя так же.

— Рой Малкольм. А вас?

— О! — сказала одна из девочек.— Мы читали про тебя в корабельной газете. Ты летал вокруг Луны, и все такое прочее.

Я был польщен, узнав, что они слышали обо мне, но лишь пожал плечами, словно это не имело никакого значения. В любом случае, я предпочел не хвастаться, поскольку они проделали намного более долгий путь, чем я.

— Я Джон Мур,— представился мальчик,— а это мои сестры, Руби и Мэй. Мы первый раз летим на Землю.

— То есть вы родились на Марсе?

— Верно. Мы летим домой поступать в колледж.

Странно было слышать фразу «летим домой» от того, кто ни разу не был на Земле. Я чуть не спросил: «Выходит, на Марсе нельзя получить хорошее образование?» — но вовремя сдержался. Колонисты весьма болезненно относились к критике в адрес их планеты, даже непреднамеренной. Они также терпеть не могли слова «колонист», и при общении с ними следовало его избегать. Но их точно так же нельзя было называть и «марсианами» — это название было сохранено за коренными обитателями планеты.

— Мы ищем какие-нибудь сувениры, чтобы привезти домой,— сказала Руби.— Как тебе эта пластиковая звездная карта?

— Мне больше всего нравится этот метеорит,— сказал я.— Но он очень дорого стоит.

— Сколько у тебя денег? — спросил Джон.

Я вывернул карманы и быстро посчитал. К моему удивлению, Джон тут же предложил:

— Могу одолжить тебе остальное. Отдашь, когда прилетим на Землю.

Это был первый случай, когда я столкнулся с искренней щедростью, на Марсе считавшейся вполне естественной. Я не мог принять предложение, но не хотел и обидеть Джона. К счастью, у меня нашлось хорошее оправдание.

— Очень любезно с твоей стороны,— сказал я,— но я только что вспомнил, что полностью израсходовал лимит веса багажа. Так что домой я больше ничего привезти не могу.

Я с тревогой ждал, не предложит ли мне кто-то из Муров временно воспользоваться местом в грузовом отсеке, но они, видимо, тоже полностью израсходовали свой лимит.

После посещения магазина с сувенирами они повели меня познакомиться с мистером и миссис Мур. Мы нашли их в главной комнате отдыха, где родители ребят с интересом просматривали газеты с Земли. Едва увидев меня, миссис Мур воскликнула: «Что случилось с твоей одеждой?» — и только тогда я заметил, что после нескольких недель, проведенных на Ближней станции, мой костюм выглядит не лучшим образом. Прежде чем я сообразил, что происходит, меня затолкали в ярко окрашенный костюм Джона. Он мне вполне подошел, но покрой был весьма своеобразным — по крайней мере, по земным меркам, хотя здесь это наверняка не бросалось в глаза.

Нам столь о многом хотелось поговорить, что время, пока мы ожидали прибытия челнока, пролетело невероятно быстро. Жизнь на Марсе была для меня столь же в новинку, как и жизнь на Земле для Муров. Джон продемонстрировал прекрасную коллекцию фотографий, показывавших жизнь в огромных герметичных куполах-городах и вне их, в разноцветных пустынях. Он немало путешествовал и сделал множество отличных снимков, изображавших марсианские пейзажи и жизнь. Они были так хороши, что я предложил ему продать их в иллюстрированные журналы — на что он слегка обиженно ответил: «Уже».

Самое большое впечатление произвела на меня фотография с видом на одну из больших, покрытых растительностью зон. «Это,— сказал мне Джон,— Большой Сырт». Она была сделана с высоты, со склона в широкую долину. Миллионы лет назад там простирались недолговечные марсианские моря, и среди камней до сих пор находят кости странных морских существ. Теперь на планету возвращается жизнь — в долине огромные машины вскапывают кирпично-красную почву, открывая дорогу колонистам с Земли. На фотографии виднелись акры так называемых воздухорослей, посаженных ровными рядами. По мере роста это странное растение разлагает находящиеся в почве минералы и вырабатывает свободный кислород, так что однажды должен настать день, когда люди смогут жить на планете без дыхательных масок.

На переднем плане стоял мистер Мур, а по обе стороны от него — маленькие марсиане, державшиеся за его пальцы крошечными, похожими на клешни ручками и смотревшие в камеру огромными бледными глазами. Во всей сцене было нечто трогательное — казалось, она показывает дружеский контакт двух рас так, как не могло его показать ничто другое.

— Послушай,— неожиданно воскликнул я,— ведь твой отец без кислородной маски!

Джон рассмеялся:

— Мне было интересно, заметишь ты или нет. Пройдет еще немало времени, прежде чем атмосфера достаточно насытится кислородом для того, чтобы им можно было дышать, но некоторые из нас могут несколько минут обходиться без маски — если не слишком расходуют при этом силы.

— Как вы ладите с марсианами? — спросил я.— Как по-вашему, у них раньше была своя цивилизация?

— Не знаю,— ответил Джон.— Ходят слухи о руинах городов в пустыне, но каждый раз оказывается, что это фальшивка или розыгрыш. Нет никаких доказательств, что марсиане когда-либо жили иначе, чем сейчас. Они не слишком дружелюбны, если не считать юных особей,— но никогда никому не причиняли вреда. Взрослые просто не обраща-

ют на тебя внимания, если только ты не окажешься у них на пути, и почти не проявляют любопытства.

— Где-то я читал,— сказал я,— что поведением они скорее напоминают разумных лошадей, чем каких-нибудь других земных животных.

— Не знаю,— ответил Джон.— Никогда не видел лошадь.

От неожиданности я даже подпрыгнул. Только потом я сообразил, что вряд ли Джон вообще видел многих животных. На Земле его ждало еще немало сюрпризов.

— Что ты собираешься делать, когда прилетишь на Землю? — спросил я.— Кроме учебы в колледже?

— Сначала мы будем просто путешествовать и смотреть. Я видел много фильмов, так что вполне представляю, каковá жизнь на Земле.

Я с трудом сдержал улыбку. Хотя мне и довелось жить в нескольких странах, я не считал, что хорошо знаю Землю, и мне было интересно, осознают ли по-настоящему Муры, насколько велика наша планета. Их оценка наверняка сильно отличалась от моей. Марс — небольшая планета, и жизнь на нем возможна лишь на ограниченной территории. Если собрать вместе всю покрытую растительностью площадь, она вряд ли окажется больше средних размеров страны на Земле. И естественно, территория, которую занимали герметичные купола нескольких городов, была еще меньше.

Я решил выяснить, насколько в самом деле хорошо мои новые друзья знают Землю.

— Наверняка,— сказал я,— есть места, где вам особенно хотелось бы побывать?

— О да! — ответила Руби.— Я хочу увидеть леса. У нас на Марсе нет ничего похожего на ваши огромные деревья. Наверное, это так чудесно — гулять под их ветвями и смотреть на летающих вокруг птиц!

— Птиц у нас тоже нет,— с некоторым сожалением добавила Мэй.— Воздух для них слишком разреженный.

— Я хочу увидеть океан,— сказал Джон.— Я бы хотел поплавать под парусом и половить рыбу. Это правда, что можно так далеко уйти в море, что не будет виден берег?

— Конечно,— ответил я.

Руби слегка вздрогнула.

— Вся эта вода! Она меня пугает. Мне будет страшно заблудиться — и еще я читала, что, когда ты плывешь на корабле, тебе можешь стать очень плохо.

— О,— легкомысленно ответил я,— к этому быстро привыкаешь. Конечно, корабли сейчас используются только для развлечений. А вот несколько столетий назад большая часть мировой торговли велась по морю, пока не появился воздушный транспорт. Впрочем, на прибрежных курортах легко нанять лодку и даже людей, которые будут ею управлять.

— Но это в самом деле не опасно? — настаивала Руби.— Я читала, что в ваших морях полно жутких чудовищ, которые могут всплыть и проглотить тебя.

На этот раз я уже не мог сдержать улыбку.

— Не беспокойся,— ответил я.— В наше время такого не случается.

— Как насчет зверей на суше? — спросила Мэй.— Некоторые из них ведь довольно большие? Я читала про тигров и львов и знаю, что они опасны. Я боюсь, как бы не встретить одного из них.

Что ж, подумал я, похоже, я знаю чуть больше о Марсе, чем вы о Земле! Я уже собирался объяснить, что тигры-людоеды в наших городах обычно не встречаются, когда вдруг заметил, как Руби улыбается Джону, и понял, что они все это время надо мной насмехались.

После этого мы все вместе пошли обедать в большую столовую, где я почувствовал себя неуютно. Хуже того, я забыл, что здесь есть вес, и пролил стакан воды на пол. Однако все так добродушно рассмеялись, что я не очень расстроился — единственным, кому это добавило проблем, оказался стюард, которому пришлось вытирать лужу на полу.

Почти все недолгое время на Жилой станции я провел вместе с Мурами. И именно здесь, к своему удивлению, я наконец увидел то, чего не видел во время своих путешествий. Хотя я побывал на нескольких космических стан-

циях, мне не приходилось наблюдать, как они строятся. Теперь же я получил такую возможность, и даже не потребовалось надевать скафандр. Жилая станция расширялась, и из окон в конце уровня «две трети» можно было лицезреть весь этот захватывающий процесс. И тут уже я мог кое-что объяснить моим новым друзьям — хотя и не стал говорить, что всего две недели назад подобное зрелище мне самому казалось столь же странным.

Тот факт, что мы совершали полный оборот каждые десять секунд, сперва здорово сбивал с толку, и девочки слегка позеленели, увидев вращающееся за окнами звездное небо. Однако благодаря полному отсутствию вибрации легко было внушить себе, что мы неподвижны, а перемещаются на самом деле звезды.

Строящаяся часть станции пока что представляла собой лишь множество балок, частично закрытых металлическими листами. Она не вращалась, поскольку это крайне усложнило бы строительство. В данный момент она парила примерно в километре от нас, а рядом с ней — несколько грузовых ракет. После завершения постройки ее отбуксируют к станции и заставят вращаться вокруг оси с помощью маленьких ракетных двигателей. Как только скорости сравняются, оба модуля будут соединены вместе — после чего Жилая станция станет вдвое длиннее. Вся операция чем-то напоминает сжатие гигантских тисков.

На наших глазах сборочная бригада выгружала большую балку из трюма ракеты-челнока. Балка была длиной двенадцать метров, и, хотя ничего здесь не весила, ее масса, или инерция, нисколько не изменилась. Требовалось определенное усилие, чтобы сдвинуть ее с места — и такое же усилие, чтобы снова ее остановить. Люди из сборочной бригады работали внутри приспособлений, которые представляли собой крошечные космические корабли — такие маленькие цилиндры длиной около трех метров, снабженные маломощными ракетами и рулевыми двигателями. Цилиндры маневрировали с удивительной ловкостью, устремляясь вперед или в сторону, а затем останавливаясь на расстоянии всего в

несколько сантиметров от заданной цели. Замысловатые механизмы и металлические захваты позволяли людям выполнять работу по сборке столь же легко, как если бы они делали ее собственными руками.

Всей командой управлял по радио бригадир — или, если называть его более достойно, диспетчер — из маленькой герметичной кабины, закрепленной на балках частично построенной станции. Повинуясь его указаниям, цилиндры удивительно слаженно двигались туда-сюда, что напомнило мне стайку золотых рыбок в пруду. И в самом деле, в лучах отражавшегося от их брони Солнца они очень походили на подводных созданий.

Балку наконец выгрузили с корабля, доставившего ее с Луны, и двое сборщиков медленно буксировали ее к станции. Мне показалось, что они начали тормозить слишком поздно,— но, когда они остановились, балку от каркаса отделяло еще сантиметров пятнадцать. Затем один сборщик отправился обратно помогать товарищам разгружать корабль, а второй слегка подвинул балку, пока она не коснулась остальной части конструкции. Балка легла не совсем ровно, так что пришлось слегка наклонить ее под нужным углом. Затем сборщик поставил на место болты и начал их затягивать. Казалось, что ему не требуется никаких усилий, но я понимал, что за этой внешней простотой кроются невероятное искусство и практика.

Прежде чем отправиться на Землю, требовалось пройти двенадцатичасовой карантин на уровне с полной земной гравитацией — самой внешней из трех палуб станции. Мне снова пришлось спускаться по одной из искривляющихся лестниц, чувствуя, как мой вес растет с каждым шагом. Когда я добрался до низа, у меня подкашивались ноги. Я с трудом мог поверить, что это обычная сила тяжести, при которой я прожил всю свою жизнь.

Семейство Мур пошло вместе со мной, и они ощущали увеличившуюся нагрузку еще больше, чем я. Сила тяжести здесь была втрое выше, чем на их родном Марсе, и мне дважды приходилось удерживать от падения неуверенно

пошатнувшегося Джона. В третий раз мне это не удалось, и мы упали вместе. Мы выглядели столь жалко, что минуту спустя оба рассмеялись, глядя на физиономии друг друга, и наше настроение быстро поднялось. Какое-то время мы сидели на покрытии из толстой резины (проектировщики станции знали, где оно может понадобиться!) и набирались сил для новой попытки. На этот раз мы больше не падали. К немалой досаде Джона, остальные члены его семьи справлялись куда лучше, чем он сам.

Мы не могли покинуть Жилую станцию, не увидев одну из ее главных достопримечательностей. На уровне «полной гравитации» имелся бассейн — небольшой, но слава о нем распространилась по всей Солнечной системе.

Знаменит он был потому, что не был плоским. Как я уже говорил, поскольку сила тяжести на станции создавалась путем ее вращения, вертикальное направление в любой точке указывало на центральную ось. Таким образом, вода имела вогнутую поверхность, принимая форму полуцилиндра.

Мы не могли удержаться от того, чтобы забраться в бассейн — и не только потому, что в воде сила тяжести ощущалась намного меньше. Хотя я уже привык ко многим странностям в космосе, я испытывал необычные ощущения, стоя по горло в бассейне и глядя на воду. В одном направлении — то есть параллельно оси станции — поверхность была почти плоской. Но в другом она изгибалась по обе стороны от меня. Фактически на краю бассейна уровень воды был выше моей головы. Казалось, будто я плаваю у основания огромной застывшей волны... В любое мгновение можно было ожидать, что вода обрушится вниз, стоит поверхности выровняться. Но естественно, этого не могло произойти, поскольку она уже была ровной в этом странном гравитационном поле. (Вернувшись на Землю, я устроил немалый беспорядок, когда попытался продемонстрировать этот эффект, крутя над головой ведро воды на веревке. Если хотите проделать то же самое — пожалуйста, но сначала убедитесь, что находитесь вне помещения.)

К сожалению, у меня не было возможности развлекаться в бассейне столько, сколько хотелось, так как внезапно

послышались объявления через громкоговорители, и я понял, что мое время истекает. Всех пассажиров просили проверить, что их вещи упакованы, и собраться в главном холле станции. Я знал, что колонисты собираются устроить нечто вроде прощания, и, хотя меня это, в общем-то, не касалось, мне все же стало интересно. После долгих бесед с Мурами они начали мне нравиться, и теперь я понимал их взгляды намного лучше.

Несколько минут спустя мы присоединились к небольшой группе несколько подавленных людей. Они больше не казались бесстрашными, уверенными в себе первопроходцами — они знали, что скоро им предстоит расстаться друг с другом и жить в чужом мире, среди миллионов людей с совершенно другим образом жизни. Все их слова о «полете домой» куда-то испарились; их домом, по которому они тосковали, был Марс, а не Земля.

Я слушал их прощальные речи, и мне было их очень жаль. И точно так же мне было жаль себя, потому что через несколько часов мне тоже предстояло попрощаться с космосом.

12
ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

С Земли я улетал один — а вот домой возвращался в большой компании. На уровне «одна треть» столпилось почти пятьдесят пассажиров, ожидавших отправки на первой ракете; остальные должны были лететь на Землю позже.

Прежде чем мы покинули станцию, всем нам раздали пачку листовок, полных инструкций, предупреждений и советов относительно условий жизни на Земле. Вряд ли мне так уж необходимо было все это читать, но я был рад получить еще один сувенир в память о моем визите. Раздача листовок именно сейчас — это определенно была неплохая идея, поскольку большинство пассажиров оказались настолько заняты чтением, что у них просто не оставалось

времени на то, чтобы беспокоиться о чем-либо еще, пока мы не приземлились.

Шлюз мог вместить за один раз лишь около десяти человек, так что пришлось немного подождать, пока через него пройдут все. Чтобы очередная группа могла покинуть станцию, шлюз требовалось привести во вращение, обратное направлению вращения станции, состыковать его с ожидающим кораблем, снова отстыковать после того, как пассажиры выйдут, и все начиналось сначала. Я подумал о том, что могло бы случиться, если бы что-то вдруг заклинило в то время, пока вращающаяся станция была соединена с неподвижным кораблем. Вероятно, корабль просто оторвался бы — и тогда оставшимся в шлюзе несчастным можно было только посочувствовать! Однако позже я узнал, что на подобный случай имелся еще один подвижный стыковочный узел.

Земной челнок был самым большим космическим кораблем из всех, внутри которых я когда-либо бывал. Большая пассажирская кабина была уставлена рядами кресел, к которым мы должны были оставаться пристегнутыми в течение всего полета. Поскольку при посадке мне повезло оказаться в числе первых, я смог занять место у окна. Большинству пассажиров смотреть было не на что, кроме как друг на друга — и на пачки выданных им листков.

Мы прождали почти час, пока все не поднялись на борт и не был погружен багаж. Затем через громкоговорители объявили, чтобы мы приготовились к старту, до которого осталось пять минут. Корабль уже полностью отстыковался от станции и парил в сотнях метров от нее.

Мне всегда казалось, что после предстартового волнения возвращение на Землю станет чем-то вроде разрядки. Ощущения действительно были несколько иными, но переживаний все равно хватало. До этого мы если и не находились вне власти гравитации, то по крайней мере двигались настолько быстро по орбите, что Земля не могла притянуть нас к себе. Но теперь нам предстояло сбросить скорость, до этого обеспечивавшую нам безопасность. Мы должны

были снижаться, пока снова не войдем в атмосферу, а затем по спирали опуститься на поверхность. Если бы мы снижались чересчур круто, наш корабль мог бы пронестись по небу подобно метеору, встретив такой же огненный конец.

Я посмотрел на окружающих. Возможно, марсианские колонисты думали о том же самом; возможно, они думали о том, что ждет их на планете, которую лишь немногие из них видели когда-либо прежде. Я надеялся, что никого из них не постигнет разочарование.

В громкоговорителе раздались три отрывистые ноты — последнее предупреждение. Пять секунд спустя заработали двигатели, увеличивая мощность. Я смотрел, как Жилая станция быстро исчезает позади — большой вращающийся барабан, уменьшающийся на фоне звезд. Потом, чувствуя, как к горлу подкатывает комок, я увидел проплывающий мимо неуклюжий лабиринт из балок и герметичных камер, где жили мои друзья-стажеры. Я не мог удержаться и помахал им рукой, хотя подобный жест выглядел совершенно бессмысленным. Впрочем, они знали, что я на этом корабле, и могли заметить меня через иллюминатор...

Две составные части Ближней станции быстро удалялись и вскоре исчезли из виду под большим крылом челнока. По мере того как наш корабль терял скорость, он начинал падать на Землю по длинной кривой, которая должна была привести нас на другую сторону планеты, прежде чем мы войдем в атмосферу.

Прошло немного времени, и двигатели снова смолкли. Мы сбросили скорость до необходимого уровня, и остальное должна была сделать гравитация. Большинство пассажиров погрузились в чтение, но я решил в последний раз взглянуть на звезды, не затуманенные атмосферой. Также это был мой последний шанс ощутить невесомость, но он пропал впустую, поскольку я не мог покинуть кресло — при первой же попытке стюард загнал меня обратно.

Корабль был направлен в противоположную его движению по орбите сторону, и требовалось его развернуть, чтобы он вошел в атмосферу носом вперед. Времени на дан-

ный маневр было более чем достаточно, и пилот провел его как бы между делом, с помощью маломощных рулевых двигателей на концах крыльев. Со своего места я мог видеть вырывавшиеся из сопл облачка, и звезды медленно поворачивались вокруг нас. Прошло целых десять минут, прежде чем двигатели снова отключились, и нос корабля теперь показывал точно на восток.

Мы продолжали лететь на высоте почти в восемьсот километров над экватором, со скоростью примерно тридцать тысяч километров в час. Но теперь мы снижались и через тридцать минут должны были коснуться земной атмосферы.

Джон сидел рядом со мной, так что у меня был шанс продемонстрировать свои познания в географии.

— Там, внизу — Тихий океан,— сказал я, и что-то вдруг заставило меня не слишком тактично добавить: — Если бросить в него Марс, он ни до одного из побережий не достанет.

Джон, однако, был чересчур захвачен простиравшейся под ним бескрайней водной гладью, чтобы хоть сколько-нибудь обидеться. Вероятно, это было потрясающее зрелище для того, кто родился и жил на лишенном морей Марсе. Там не было даже постоянных озер — лишь несколько мелких луж, образовывавшихся летом вокруг тающих ледяных шапок. А теперь Джон видел воду, тянувшуюся во все стороны, насколько хватало взгляда, и лишь кое-где испещренную крошечными островками суши.

— Смотри! — сказал я.— Там, впереди — побережье Южной Америки. Мы сейчас летим на высоте не больше трехсот километров.

Все так же в полной тишине корабль продолжал снижаться над океаном. Все, у кого была возможность взглянуть в окно, оторвались от чтения. Мне было очень жаль пассажиров, сидевших в середине кабины, которые не могли наблюдать за проплывающим внизу ландшафтом.

Южноамериканское побережье промелькнуло под нами за несколько секунд, и вот уже впереди зеленели джунгли Амазонки. Там кишела жизнь, масштабы которой не могли

сравниться с марсианскими, вероятно, даже на заре юности этой планеты. Тысячи квадратных километров густых лесов, бесчисленные реки — все это проносилось внизу с такой скоростью, что едва лишь удавалось что-то заметить, как оно тут же исчезало из виду.

По мере того как мы летели над великой рекой, она становилась все шире. Мы приближались к Атлантическому океану, который уже должен был быть виден, но его, вероятно, скрывал туман. Когда мы пролетали над устьем Амазонки, я увидел бушующий внизу сильный шторм. Время от времени в облаках мигали яркие вспышки молний; казалось сверхъестественным смотреть на все это в полной тишине, пролетая высоко над океаном.

— Тропический шторм,— сказал я Джону.— У вас на Марсе бывает такое?

— С дождем — конечно, нет,— ответил он.— Но иногда случаются весьма неприятные песчаные бури над пустынями. И я один раз видел молнию — может быть, даже два раза.

— Что, без туч? — спросил я.

— Ну да — песок электризуется. Нечасто, но такое бывает.

Шторм остался далеко позади, теперь под нами простиралась освещенная вечерним солнцем гладкая поверхность Атлантики. Однако видеть ее мы могли не слишком долго — мы приближались к ночной стороне планеты, и на горизонте виднелась быстро движущаяся навстречу полоса тени — корабль входил в полосу сумерек. Посреди Атлантики Солнце исчезло, и почти в то же мгновение мы услышали первый шорох воздуха о корпус корабля.

От этого зловещего звука у меня зашевелились волосы на затылке. После тишины космоса любой шум казался неуместным. Но он нарастал с каждой минутой, от еле слышного отдаленного стона переходя в пронзительный вопль. Мы еще находились на высоте в восемьдесят с лишним километров, но при той скорости, с которой мы летели, даже невероятно разреженная на этих высотах атмосфера протестовала против врезающегося в нее инородного тела.

Более того — она сама врезалась в корабль, замедляя его падение. Наши привязные ремни натягивались все сильнее — замедление пыталось вытолкнуть нас из кресел. Казалось, будто сидишь в медленно тормозящем автомобиле. Но в нашем случае торможение должно было длиться два часа, и нам предстояло еще раз обогнуть планету, прежде чем остановиться...

Мы были уже не на космическом корабле, а на борту аэроплана. В полной темноте — Луны не было — мы пролетели над Африкой и Индийским океаном. То обстоятельство, что мы мчались сквозь ночь над невидимой Землей со скоростью во много тысяч километров в час, делало наш полет еще более впечатляющим. Пронзительный свист верхних слоев атмосферы стал постоянным фоном — шли минуты, но он не становился ни громче, ни тише.

Я смотрел в темноту, когда вдруг увидел внизу едва заметное красное сияние. Поскольку ни перспектива, ни расстояние никак не ощущались, сперва я решил, что оно где-то далеко под нами, и не мог себе представить, что бы это могло быть.

Возможно, большой лесной пожар — но ведь сейчас мы снова летели над океаном. Потом я понял и едва не подпрыгнул от удивления: это зловещее красное свечение исходило от нашего крыла... От тепла, выделявшегося во время прохождения через атмосферу, оно раскалилось докрасна.

Несколько секунд я смотрел на эту внушающую беспокойство картину, прежде чем решил, что на самом деле все в порядке. Вся чудовищная энергия нашего движения превращалась в тепло — хотя я никогда не сознавал, насколько велико это тепло. Сияние росло прямо на глазах — прижавшись лицом к окну, я мог разглядеть часть кромки крыла, и в некоторых местах она была ярко-желтой. Интересно, заметили ли это другие пассажиры — или, возможно, в листовках, которые я даже не удосужился прочесть, говорилось, что волноваться не стоит?

Я обрадовался, когда мы снова вынырнули на дневной свет, встретив зарю над Тихим океаном. Свечение на крыльях стало невидимым и перестало меня беспокоить. К тому же меня очаровала красота рассвета, к которому мы приближались со скоростью пятнадцать тысяч километров в час. С Ближней станции я наблюдал множество рассветов и закатов, происходивших на Земле,— но там я был как бы сам по себе и не ощущал себя частью происходящего. Здесь же я снова находился в атмосфере, и меня окружали чудесные краски восхода.

Наконец мы совершили полный виток вокруг Земли и сбросили скорость более чем наполовину. На этот раз прошло значительно больше времени, прежде чем под нами появились бразильские джунгли, и проплывали внизу они теперь намного медленнее. Над устьем Амазонки все еще бушевал шторм, когда мы в последний раз начали пересекать Южную Атлантику.

Потом снова наступила ночь, и в темноте вокруг корабля опять появилось красноватое свечение на крыле. Казалось, теперь оно было еще ярче, но я к нему уже привык, и вид его меня больше не тревожил. Мы были почти дома — на последнем этапе нашего путешествия. Вероятно, мы уже настолько снизили скорость, что летели не намного быстрее обычного самолета.

Скопление огней вдоль побережья Восточной Африки подсказало нам, что мы снова летим над Индийским океаном. Я жалел, что не нахожусь сейчас в рубке управления, наблюдая за подготовкой к приземлению в космопорту. Пилот наверняка уже принял сигнал радиомаяка и спускался вдоль его луча, все еще на большой скорости, но в соответствии с тщательно рассчитанной программой. Над Новой Гвинеей наша скорость должна была упасть почти до нуля. Корабль должен был превратиться в огромный планер, летящий в ночном небе на остатках своей инерции.

Мои размышления прервал голос из громкоговорителя: «Пилот — пассажирам. Посадка через двадцать минут».

Даже без этого предупреждения я уже понимал, что полет подходит к концу. Свист ветра снаружи стал тише, когда корабль устремился вниз. И, что наиболее примечатель-

но, красное свечение за окном быстро угасало. Наконец осталось лишь несколько тусклых пятен у самой кромки крыла. Несколько минут спустя исчезли и они.

Была все еще ночь, когда мы пролетели над Суматрой и Борнео. Время от времени внизу появлялись огни кораблей и городов, исчезая позади — казалось, очень медленно по сравнению с первым витком. Периодически через громкоговоритель объявляли нашу скорость и координаты. Мы уже летели со скоростью меньше тысячи миль в час, когда внизу появились более темные очертания побережья Новой Гвинеи.

— Ну вот и все,— прошептал я Джону.

Корабль слегка накренился, и под крылом появилось большое скопление огней. В воздух по дуге взлетела сигнальная ракета, взорвавшись темно-красным огнем. В ее свете я увидел белые вершины окружавших космопорт гор, и мне стало интересно, каков у нас запас высоты. Было бы обидно потерпеть крушение на последних нескольких километрах, преодолев такое расстояние.

Я не заметил, когда корабль коснулся земли: мгновение назад мы были еще в воздухе, а в следующее — мимо уже мчались огни посадочной полосы. Наконец корабль остановился. Я неподвижно сидел в кресле, пытаясь осознать, что я снова на Земле. Потом я посмотрел на Джона. Судя по выражению его лица, он тоже с трудом мог в это поверить.

Стюард уже помогал пассажирам отстегнуть ремни и давал им последние советы. Глядя на слегка взволнованных спутников, я не смог удержаться от легкого чувства собственного превосходства. Мне прекрасно была знакома жизнь на Земле, а для них она должна была казаться чужой. К тому же они наверняка сознавали, что находятся теперь в полной власти земной гравитации — и с этим ничего невозможно поделать, пока они снова не окажутся в космосе.

Поскольку при посадке мы были первыми, то покидали корабль последними. Я помог Джону перенести часть его багажа, поскольку ему требовалась хотя бы одна свободная рука, чтобы держаться за любую подходящую опору.

— Выше голову! — сказал я.— Скоро будешь прыгать точно так же, как и на Марсе!

— Надеюсь,— уныло ответил он.— Пока что я чувствую себя словно калека, лишившийся костылей.

На лицах мистера и миссис Мур, осторожно шедших в сторону шлюза, застыло выражение мрачной решимости. Но даже если им и хотелось снова оказаться на Марсе, они тщательно скрывали свои чувства. Так же вели себя и девочки, которых сила тяжести почему-то беспокоила в меньшей степени, чем любого из нас.

Мы вошли в тень большого крыла, и нам в лицо подул легкий горный ветерок — довольно теплый, что было несколько удивительно для ночи в столь высоких широтах. Потом я понял, что крыло над нами все еще раскалено — хотя свечения уже не было заметно.

Мы медленно двинулись в сторону ожидающего нас транспорта. Прежде чем шагнуть в автобус, который должен был доставить нас к зданиям порта, я снова посмотрел на звездное небо, которое совсем недавно было моим домом — и которое, как я решил, должно снова им стать. Там, в тени Земли, управляли движением кораблей, летавших от планеты к планете, командор Дойл, Тим Бентон, Ронни Джордан, Норман Пауэлл и остальные, с кем я подружился во время моего визита на Ближнюю станцию. Я вспомнил обещание командора Дойла и подумал о том, как скоро мне предстоит ему об этом напомнить...

Джон Мур стоял рядом со мной, держась за ручку двери автобуса. Увидев, что я смотрю в небо, он проследил за моим взглядом.

— Станции отсюда не видно,— сказал я.— Она в тени.

Джон не ответил, а потом я увидел, что он смотрит на восток, где над горизонтом занимался рассвет. Высоко среди незнакомых южных звезд виднелось нечто знакомое — сверкающий рубиновый маяк, самый яркий объект в небе.

— Мой дом,— с грустью проговорил Джон.

Я вспомнил фотографии, которые он мне показывал, его рассказы о разноцветных пустынях, древних высохших

морях, которым люди вновь возвращали жизнь, маленьких марсианах, которые, возможно, принадлежали к расе намного более древней, чем наша...

И я понял, что все-таки разочарую командора Дойла. Космические станции находились слишком близко от моего дома — моим воображением завладела маленькая красная планета, отважно сиявшая на фоне звезд. Когда я снова отправлюсь в космос, Ближняя станция станет лишь первой вехой в моем далеком путешествии с Земли.

КОНЕЦ ДЕТСТВА

Гипотезы, положенные в основу этой книги, принадлежат не автору.

I
ЗЕМЛЯ И СВЕРХПРАВИТЕЛИ

1

Вулкан, вознесший из глубин Тихого океана остров Тарату, спал уже полмиллиона лет. Но очень скоро, подумал Рейнгольд, остров будет омыт пламенем куда более яростным, чем то, которое помогло ему родиться. Рейнгольд посмотрел в сторону стартовой площадки, запрокинув голову,— иначе не оглядеть до самого верха пирамиду лесов, все еще окружающих «Колумб». Нос корабля возвышался на шестьдесят метров над землей, и на нем играли прощальные лучи закатного солнца. Настает одна из последних ночей, какие суждено видеть кораблю, скоро он уже выплывет в непреходящий солнечный свет космоса.

Здесь, под пальмами, высоко на скалистом хребте острова, тишина. Лишь изредка от строительства донесется вой компрессора или чуть слышный издали возглас рабочего. Рейнгольд успел полюбить эту пальмовую рощицу; почти каждый вечер он приходил сюда и сверху оглядывал свое маленькое царство. Но когда «Колумб» в бушующем пламени ринется к звездам, от рощи не останется даже пепла, и это грустно.

В полутора километрах за рифом на палубе «Джеймса Форрестола» вспыхнули прожекторы и пошли кружить, обшаривая темный океан. Солнце уже скрылось, с востока стре-

© Перевод Норы Галь.

мительно надвигалась тропическая ночь. Рейнгольд усмехнулся — неужели на авианосце всерьез думают обнаружить у самого берега русские подводные лодки!

Мысль о России, как всегда, вернула его к Конраду и к памятному утру переломной весны 1945-го. Больше тридцати лет прошло, но не тускнело воспоминание о тех последних днях, когда Третья империя рушилась под грозным прибоем наступления с Востока и с Запада. Будто и сейчас перед ним усталые голубые глаза Конрада и рыжеватая щетина на подбородке — минута, когда они пожимали друг другу руки и расставались в той разрушенной прусской деревушке, а мимо нескончаемым потоком брели беженцы. Их прощание — символ всего, что с тех пор случилось с миром, символ раскола между Востоком и Западом. Потому что Конрад выбрал путь, ведущий в Москву. Тогда Рейнгольд счел его выбор глупостью, но теперь он в этом не столь уверен.

Тридцать лет он думал, что Конрада уже нет в живых. И только неделю назад полковник технической разведки Сэндмайер сообщил ему новость. Не нравится ему Сэндмайер, и уж наверно это взаимно. Однако ни тот ни другой не допускают, чтобы взаимная неприязнь мешала делу.

— Мистер Хофман,— начал полковник самым официальным своим тоном,— я только что получил весьма тревожное сообщение из Вашингтона. Разумеется, это совершенно секретно, однако мы решили поставить технический персонал в известность, люди должны понять, что необходимо ускорить работу.

Он многозначительно помолчал, но на Рейнгольда это не произвело особого впечатления. Он уже знал, что сейчас услышит.

— Русские почти догнали нас. Они разработали какую-то систему атомной тяги, которая, возможно, даже превосходит нашу, и строят на берегу озера Байкал космический корабль. Мы не знаем, насколько они продвинулись, но разведка полагает, что запуск может состояться уже в этом году. Сами понимаете, что это значит.

Да, подумал Рейнгольд, понимаю. Идет гонка, и, возможно, ее выиграем не мы.

— А вы не знаете, кто там руководит работой? — спросил он, не слишком надеясь на ответ.

К его удивлению, полковник Сэндмайер подвинул ему через стол лист бумаги — первым в списке, отпечатанном на машинке, стояло имя: Конрад Шнайдер.

— Вы ведь знали многих ученых в Пенемюнде, так? — сказал полковник.— Может быть, это даст нам какое-то представление об их методах. Я бы хотел услышать от вас характеристики всех, кого вы помните,— их специальность, блестящие идеи и прочее. Конечно, прошло много времени, а все-таки прошу вас припомнить.

— Важен один Конрад Шнайдер, остальные не в счет,— ответил Рейнгольд.— Это был настоящий талант, остальные просто дельные инженеры. Бог весть чего он достиг за тридцать лет. Притом ему, вероятно, известны все результаты нашей работы, а мы о его работе ничего не знаем. Так что у него серьезное преимущество.

Он сказал это вовсе не в укор разведке, однако полковник Сэндмайер, видно, готов был оскорбиться. Но только пожал плечами.

— Это, как вы сами говорили, палка о двух концах. Мы щедрее на информацию, потому продвигаемся быстрее, хотя и выдаем кое-какие секреты. В ведомстве русских, наверно, они и сами не всегда знают, как у них идут исследования. Мы им докажем, что Демократия первой достигнет Луны.

«Демократия... Экая чушь!» — подумал Рейнгольд, но не так он был глуп, чтобы сказать это вслух. Одному Конраду Шнайдеру цена больше, чем миллиону ваших избирателей. А чего достиг за это время Конрад, когда за ним стоит вся производственная мощь Советского Союза? Быть может, в эту самую минуту его корабль уже взлетел с Земли...

Солнце, что покинуло остров Таратуа, было еще высоко над Байкалом, когда Конрад Шнайдер и помощник комиссара по ядерным исследованиям медленно пошли прочь от испытательного стенда. В ушах еще отдавался оглушительный рев двигателя, хотя громовые отголоски его за озером смолкли десять минут назад.

— Отчего такое уныние на лице? — спросил вдруг Григоревич.— Вам бы радоваться. Через месяц мы полетим, и янки лопнут от злости.

— Вы, как всегда, оптимист,— сказал Шнайдер.— Двигатель, конечно, работает, но не так все просто. Правда, теперь я не вижу серьезных препятствий, но меня беспокоят известия с Таратуа. Я вам уже говорил, Хофман — умница, и за ним стоят миллиарды долларов. Фотоснимки его корабля не очень отчетливы, но, похоже, он почти закончен. А двигатель, как нам известно, он испытал еще пять недель назад.

— Не беспокойтесь,— засмеялся Григоревич.— Сюрприз поднесем мы им, а не они нам. Не забывайте, они о нас ничего не знают.

Шнайдер совсем не был в этом уверен, но предпочел умолчать о своих сомнениях. Не то, пожалуй, мысль Григоревича пойдет разными сложными путями, а если какие-нибудь секретные сведения просочились наружу, нелегко будет доказать, что ты ни при чем.

Он вернулся в здание администрации, часовой при входе отдал ему честь. Военных тут не меньше, чем техников, хмуро подумал Шнайдер. Но жаловаться нечего, так у русских принято, зато работать они ему не мешают — это главное. В целом, за немногими досадными исключениями, надежды его сбылись, и все идет хорошо. И только будущее покажет, чей выбор лучше — его или Рейнгольда.

Он уже составлял свой окончательный доклад, как вдруг послышались крики. Минуту-другую он еще сидел за столом, недоумевая, что могло нарушить строгую дисциплину космического центра. Потом подошел к окну — и впервые в жизни изведал настоящее отчаяние.

Рейнгольд спустился с холма, небо вокруг было уже усыпано звездами. Авианосец по-прежнему шарил по глади океана пальцами прожекторов, а подальше на берегу строительные леса вокруг «Колумба» засверкали огнями, будто рождественская елка. Лишь высоко взнесенный нос ракеты темнел, заслоняя звезды.

В жилом доме гремела по радио танцевальная музыка, и Рейнгольд невольно зашагал быстрее, в лад ей. Он почти уже дошел до узкой дорожки, проложенной вдоль пляжа, и вдруг то ли странное предчувствие, то ли едва уловимое краем глаза движение заставило его замереть на месте. Озадаченный, он обвел взглядом берег, море, снова берег; не сразу он догадался посмотреть на небо.

И тогда Рейнгольд Хофман понял, как понял в тот же миг и Конрад Шнайдер, что гонку он проиграл. Понял, что отстал не на недели и не на месяцы, как боялся, а на тысячелетия. Громадные тени неслышно скользили среди звезд, в такой вышине, что он не смел даже представить, сколько до них километров, и его маленький «Колумб» был перед ними все равно что перед самим «Колумбом» — долбленые лодки времен палеолита. Нескончаемо долгую минуту Рейнгольд смотрел, и смотрели все люди на Земле, как величественно и грозно спускаются исполинские корабли, пока его слуха не достиг свист, с каким они рассекали разреженный воздух стратосферы.

Нет, он не пожалел о том, что труд всей его жизни пошел прахом. Он работал ради того, чтобы поднять людей к звездам, и в час, когда добился успеха, звезды — чуждые, равнодушные звезды — сами пришли к нему. В этот час история затаила дыхание и настоящее отломилось от прошлого, как отламывается айсберг от родных ледяных гор и одиноко, гордо выплывает в океан. Все, чего достигли минувшие века, отныне не в счет, лишь одна мысль опять и опять отдавалась в мозгу Рейнгольда:

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО БОЛЬШЕ НЕ ОДИНОКО.

2

Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций, застыв у широкого, во всю стену окна, смотрел вниз, на медлительный поток машин, заполняющих 43-ю улицу. Порой он задумывался, хорошо ли человеку работать на такой высоте над собратьями. Конечно, отстраненность по-

могает быть беспристрастным, но она легко может перейти в равнодушие. Или он просто пытается как-то объяснить свою нелюбовь к небоскребам, которую так и не одолел за двадцать лет жизни в Нью-Йорке?

Позади отворилась дверь, он услышал шаги Питера ван Риберга, но не обернулся. Как всегда, короткое молчание, конечно же, Питер неодобрительно посмотрел на термостат, ведь это ходячая острота — Генеральному секретарю нравится жить в холодильнике. Стормгрен подождал, пока его заместитель подойдет к окну, и тогда только отвел взгляд от такой знакомой и все же завораживающей картины, что открывалась с высоты.

— Они опаздывают,— сказал он.— Уэйнрайт должен был явиться пять минут назад.

— Мне только что сообщили из полиции, он ведет за собой изрядную толпу, из-за этого шествия на улицах пробки. Он явится с минуты на минуту.— Ван Риберг чуть помолчал, потом спросил почти резко: — Вы все еще полагаете, что это разумно — встретиться с ним?

— Боюсь, отменять встречу поздновато. Как-никак я на нее согласился, хотя, вспомните, это не моя затея.

Стормгрен уже отошел к письменному столу и вертел в руках свое знаменитое урановое пресс-папье. Не то чтобы он волновался, но был в нерешительности. Хорошо, что Уэйнрайт запаздывает, от этого в начале переговоров чувствуешь некоторое превосходство. Такие вот мелочи значат в наших делах куда больше, чем хотелось бы тем, кто слишком полагается на логику и рассудок.

— Вот они! — Ван Риберг чуть не ткнулся носом в стекло.— Подходят... пожалуй, добрых три тысячи.

Стормгрен, прихватив записную книжку, подошел к заместителю. Примерно в километре от здания секретариата ООН видна была небольшая, но решительная процессия, она медленно приближалась. Над головами развевались полотнища, надписи издали нельзя было прочесть, но Стормгрен и так знал, чего они требуют. А вскоре, перекрывая шум уличного движения, до него донеслись и размеренные выкрики зловещего многоголосого хора. Стормгрена захлестнуло внезапное отвращение. Право, человечество могло бы уже и отказаться от марширующих толп и яростных лозунгов!

Шествие поравнялось со зданием секретариата; наверно, участники понимали, что он стоит у окна: там и сям поднимались кулаки — впрочем, не очень уверенно. Вызов относился не к Стормгрену, хотя, конечно, кулак показывали ему. Словно угроза пигмеев великану, гневные взмахи кулака обращались к небу, где на высоте полусотни километров сияло серебристое облако — флагманский корабль флота Сверхправителей.

И вполне возможно, что Кареллен смотрит на все это и безмерно забавляется, подумал Стормгрен, ведь этой встрече вовек не бывать бы, если б не наущение Попечителя.

Сегодня впервые Стормгрен встречается с главой Лиги освобождения. Он перестал спрашивать себя, разумный ли это шаг,— планы Кареллена зачастую чересчур сложны, человеку их не понять. Во всяком случае, серьезного вреда от этого не будет. А откажись он принять Уэйнрайта, Лига использовала бы отказ как оружие против него, Стормгрена.

Александр Уэйнрайт оказался рослым красивым мужчиной лет под пятьдесят. Стормгрен знал, что это человек безусловно честный, а потому вдвойне опасный. Но он явно искренен, вот почему трудно отнестись к нему неприязненно, как бы ни оценивать его убеждения,— а кстати, и некоторых его последователей.

Ван Риберг коротко, довольно натянуто представил их друг другу, и Стормгрен, не теряя времени, приступил к делу.

— Я полагаю,— начал он,— главная цель вашего визита — заявить официальный протест против плана создания Всемирной федерации. Я не ошибаюсь?

Уэйнрайт серьезно кивнул.

— Это — главное, господин секретарь. Как вам известно, в последние пять лет мы пытались открыть человечеству глаза на стоящую перед ним опасность. Задача наша оказалась нелегкой, потому что в большинстве своем люди, похоже, охотно предоставляют Сверхправителям вертеть нашим миром, как тем заблагорассудится. И все же в разных

странах нашу петицию подписало свыше пяти миллионов патриотов.

— Не так-то много — пять миллионов, а нас миллиарды.

— Пять миллионов со счета не сбросишь. Притом за каждым, кто подписался, стоит немало таких, которые отнюдь не уверены, будто замысел создать федерацию разумен, а тем более — будто он справедлив. Даже Попечитель Кареллен, при всем своем могуществе, не может одним росчерком пера отменить тысячелетнюю историю человечества.

— Что знает кто-либо из нас о могуществе Кареллена? — возразил Стормгрен.— Когда я был мальчишкой, Объединенная Европа была всего лишь мечтой, а когда я стал взрослым, мечта сбылась. И ведь это свершилось еще до прибытия Сверхправителей. Кареллен только завершает работу, которую начали мы сами.

— Европа была и в культурном, и в географическом смысле едина. А весь наш мир не един — разница существенная.

— В глазах Сверхправителей, надо полагать, вся Земля несравненно меньше, чем нашим родителям казалась Европа, и я не могу не признать их взгляды более зрелыми, чем наши.

— Я не отвергаю наотрез федерацию как конечную цель, хотя многие мои сторонники, пожалуй, с этим не согласятся... Но объединение должно возникнуть внутри человечества, его не должны нам навязать извне. Мы должны сами строить свою судьбу. Никто не должен больше вмешиваться в дела людей.

Стормгрен вздохнул. Все это он слышал уже тысячи раз — и может дать лишь все тот же ответ, с которым Лига освобождения не желает мириться. Он верит Кареллену, а Лига не верит. Тут они в корне расходятся, и ничего с этим не поделаешь. По счастью, Лига тоже не в силах что-либо сделать.

— Позвольте задать вам несколько вопросов,— сказал он Уэйнрайту.— Станете ли вы отрицать, что Сверхправители принесли человечеству безопасность, мир и процветание?

— Не спорю. Но они отняли у нас свободу. Человек жив...

— ...не хлебом единым. Да, знаю,— но сейчас впервые настало время, когда каждый человек уверен хотя бы в хлебе насущном. Да и какая свобода, утраченная нами, сравнится с тем, что впервые за всю историю человечества дали нам Сверхправители?

— Свобода распоряжаться нашей собственной жизнью, как велит нам Господь.

Наконец-то мы добрались до сути, подумал Стормгрен. Корень разногласий — в религии, как бы это ни прикрывали. Уэйнрайт ни в коем случае не даст забыть, что он — священник. Хоть он теперь одет как мирянин, все равно кажется, будто на нем облачение пастыря.

— Месяц тому назад сто епископов, кардиналов и раввинов в совместной декларации заявили, что они поддерживают политику Попечителя. Верующие в нашем мире не с вами.

Уэйнрайт гневно затряс головой — конечно, не согласен.

— Многие духовные власти слепы, Сверхправители их совратили. Когда же они осознают опасность, будет слишком поздно. Человечество утратит волю к действию и впадет в рабство.

Короткое молчание. Потом Стормгрен сказал:

— Через три дня я опять буду у Попечителя. Я разъясню ему ваши возражения, поскольку мой долг — представлять все взгляды человечества. Но поверьте, это ничего не изменит.

— Еще одно,— медленно сказал Уэйнрайт.— Для нас многое неприемлемо в Сверхправителях, но всего отвратительнее их скрытность. Вы единственный человек, который хотя бы говорил с Карелленом, но даже и вы ни разу его не видели! Так разве удивительно, что мы ему не доверяем?

— Несмотря на все, что он сделал для человечества?

— Да, несмотря на это. Даже не знаю, что оскорбительнее — всемогущество Кареллена или его секреты. Если ему

нечего скрывать, почему он нам не покажется? В следующий раз, когда будете говорить с Попечителем, господин Стормгрен, спросите его об этом!

Стормгрен промолчал. На это ему нечего было ответить — во всяком случае ничего такого, что убедило бы собеседника. Порой он сомневался в том, что убедил самого себя.

Для Сверхправителей, конечно, то была пустячная операция, для Земли же — величайшее событие за всю ее историю. Исполинские корабли вынырнули из непостижимых глубин Вселенной без всякого предупреждения. В фантастике это описывали тысячи раз, но ни одна душа не верила, что такой день и вправду настанет. И вот свершилось: безмолвные громадины, которые поблескивают в небесах над всеми странами,— символ знания, какого человеку не достичь и через века. Шесть дней они недвижно парили над городами людей, никак не показывая, что им известно о самом существовании человека. Но никаких знаков и не требовалось, ясно же, что не случайно могучие корабли повисли с такой точностью как раз над Нью-Йорком, Лондоном и Парижем, над Москвой, Римом, Кейптауном, Токио и Канберрой...

Еще прежде, чем истекли те леденящие душу шесть дней, некоторые люди угадали истину. Эти пришельцы явились не впервые, они уже когда-то пытались свести знакомство с человеком. И теперь в безмолвных, неподвижных кораблях мудрые психологи присматриваются — как поведут себя люди. Когда напряжение достигнет предела, пришельцы начнут действовать.

И на шестой день Кареллен, Попечитель Земли, объявил о себе человечеству, перекрыв все передачи на любых радиоволнах. Он безупречно говорил по-английски, уже одно это вызвало распрю, которая бушевала над Атлантическим океаном, пока не сменилось целое поколение. Но суть его речи потрясла слушателей куда больше, чем форма. По любым меркам такое под силу было только высочайшему гению, сумевшему глубоко и всесторонне разобраться во всех человеческих делах. Несомненно, мудрость и гибкость, ко-

довские мгновения, по которым догадываешься о еще неведомых областях знания,— все это, искусно сплетенное воедино, должно было внушить человечеству, что перед ним разум неизмеримо более высокий. Когда Кареллен закончил, народы Земли поняли, что дни их зыбкой независимости миновали. В пределах государственных границ каждое правительство еще сохраняет свою власть, но в делах международных решающее слово отныне принадлежит не людям. Спорить, протестовать, доказывать — бесполезно.

Трудно было бы ожидать, что все государства мира безропотно подчинятся такому ограничению своей власти. Но как сопротивляться? Задача головоломная, ведь, если даже удастся уничтожить корабли Сверхправителей, нависшие над крупнейшими городами, заодно погибнут и сами города. И все же одна крупная держава совершила такую попытку. Быть может, там кое-кто надеялся одним атомным ударом убить сразу двух зайцев, ибо метили в корабль, что парил над соседней и притом недружественной державой.

Должно быть, в минуту, когда на телеэкране тайного контрольного поста возникло изображение исполинского корабля, кучку военных и специалистов раздирали самые противоречивые чувства. Если попытка увенчается успехом, чем ответят остальные корабли? Быть может, и их удастся уничтожить, и человечество вновь пойдет своей дорогой? Или Кареллен отплатит нападающим какой-нибудь страшной карой?

Ракета взорвалась, и экран померк, но тотчас же изображение корабля появилось снова: заработала камера, запущенная в воздух за многие километры отсюда. Пронеслась лишь доля секунды, однако уже пора бы вспыхнуть огненному шару и заполнить небеса пламенем, подобным солнцу.

Но ничего не произошло. Громадный корабль остался невредим и парил в недосягаемой вышине, в ослепительных солнечных лучах. Атомная бомба его не коснулась, и никто даже не понял, что с ней сталось. Более того, Кареллен никак не покарал виновников, ничем не показал хотя бы, что знает о нападении. Он презрительно промолчал, предоставил им в страхе ждать мести, однако же ее так и не последовало. И это подействовало куда сильнее, вызвало больший

разброд и упадок духа, чем любое наказание. В считаные недели, после яростных взаимных обвинений, незадачливое правительство пало.

Случались и попытки пассивного сопротивления политике Сверхправителей. Обычно Кареллен просто давал несогласным поступать как хотят, покуда они сами не убеждались, что, действуя по-своему, только вредят себе же. И лишь однажды он дал некоему упорствующему правительству почувствовать свое недовольство.

Больше ста лет Южно-Африканскую Республику раздирали внутренние распри. В обоих лагерях люди доброй воли пытались перекинуть мост через пропасть, но тщетно — страх и предрассудки укоренились слишком глубоко и отрезали путь к соглашению. Опять и опять сменялись правительства, но отличались они друг от друга только степенью нетерпимости; вся страна отравлена была ненавистью и последствиями гражданской войны.

Когда стало ясно, что тут даже не попытаются покончить с дискриминацией, Кареллен предостерег неугомонных. Всего лишь назвал день и час. В стране возникли смутные опасения, но не страх и, уж конечно, не паника — никто не верил, что Сверхправители допустят насилие и разрушения, от которых одинаково пострадали бы и виновные и невиновные.

Так оно и вышло. Просто, достигнув меридиана Кейптауна, погасло солнце. Остался лишь еле различимый глазом бледный лиловатый призрак, не дающий ни тепла, ни света. Неведомо как, высоко в космосе скрестились два силовых поля и преградили путь солнечным лучам. Безукоризненно круглая тень покрыла пространство диаметром в пятьсот километров.

Наглядный урок длился полчаса. Этого хватило: назавтра южноафриканские власти объявили, что белое меньшинство полностью восстановлено в гражданских правах.

Если не считать вот таких отдельных случаев, человечество приняло Сверхправителей как неотъемлемую часть естественного порядка вещей. Удивительно быстро следы первого потрясения сгладились, и жизнь пошла своим чередом. Проснись внезапно новый Рип ван Винкль, самой

большой переменой, какую он бы заметил, оказалось бы затаенное ожидание, словно люди мысленно оглядывались, подстерегая миг, когда наконец Сверхправители выйдут из своих сверкающих кораблей и покажутся жителям Земли.

Пять лет спустя они все еще ждали. В этом и кроется причина всякой смуты, думал Стормгрен.

Когда машина Стормгрена подъехала к стартовой площадке, там уже, как обычно, собрались зеваки с фото- и киноаппаратами наготове. Генеральный секретарь обменялся напоследок несколькими словами со своим заместителем и прошел через кольцо любопытных.

Кареллен никогда не заставлял его долго ждать. Внезапно толпа ахнула — в вышине сверкнул и с потрясающей быстротой вырос серебряный шар. Стормгрена обдало порывом ветра, и кораблик замер в полусотне шагов от него, осторожно держась в нескольких сантиметрах над площадкой, будто боялся осквернить себя прикосновением к Земле. Стормгрен медленно пошел к нему, и прямо на глазах сплошной, без единого шва, металлический корпус знакомо зарябил, открывая вход,— все специалисты мира безуспешно пытались понять, как это происходит. Стормгрен шагнул внутрь, в заполненную мягким светом единственную кабину. Входное отверстие замкнулось бесследно, звуки и краски внешнего мира исчезли.

Пять минут спустя отверстие появилось вновь. Стормгрен не ощутил движения, но знал, что его подняло на пятьдесят километров над Землей и теперь он находится в недрах Карелленова корабля. Он в мире Сверхправителей, повсюду вокруг они заняты своими таинственными делами. Он к ним ближе, чем кто-либо из людей,— и однако знает об их природе и облике не больше, чем миллионы людей там, внизу.

В небольшом кабинете, куда вел короткий переход, вся обстановка — единственный стул да стол перед экраном телевизора. По ней никак не представишь облик тех, кто все это устроил,— так оно и задумано. Экран телевизора, как всегда, пуст. Порой Стормгрен мечтал: вдруг однажды экран вспыхнет, оживет и раскроет наконец секрет, не дающий человечеству покоя. Но мечта не сбывалась, за темным

прямоугольником по-прежнему таилось Неведомое. И еще за ним таились мощь и мудрость, глубочайшее, снисходительное понимание рода людского и, что всего удивительней, какая-то насмешливая нежность к букашкам, что кишат на планете далеко внизу.

Из решетки, должно быть скрывающей динамик, зазвучал спокойный, неизменно неторопливый, хорошо знакомый голос — все люди, кроме Стормгрена, доныне слышали его лишь однажды. Глубина и звучность его — единственный ключ, позволяющий как-то представить себе Кареллена: за ними ощущаешь что-то громадное. Кареллен очень большой, наверно, много больше человека. Правда, кое-кто из ученых, исследовав запись той памятной речи, предположил, что говорило не живое существо, а какая-то машина. Но Стормгрену в это не верилось.

— Да, Рикки, я слышал вашу беседу. Итак, что вы думаете о мистере Уэйнрайте?

— Он честный человек, хотя о многих его последователях этого не скажешь. Как с ним поступить? Сама по себе Лига не опасна... но там есть экстремисты, они открыто призывают к насилию. Я даже подумывал, не поставить ли у своего дома охрану. Надеюсь, в этом все же нет нужды.

Кареллен словно и не слышал и, к досаде Стормгрена,— так случалось не впервые — заговорил о другом:

— Подробный план создания Всемирной федерации объявлен уже месяц назад. Много ли прибавилось к семи процентам несогласных со мною и к двенадцати процентам не имеющих определенного мнения?

— Пока немного. Но это не важно, меня беспокоит другое: даже ваши сторонники убеждены, что пора уже покончить с таинственностью.

Вздох Кареллена прозвучал совсем как настоящий, только вот искренности в нем не чувствовалось.

— И вы тоже так полагаете, а?

Вопрос чисто риторический, отвечать не стоит. И Стормгрен продолжал горячо:

— Неужели вы не понимаете, до чего нынешнее положение вещей мешает мне исполнять мои обязанности?

— Мне оно тоже не помогает,— пожалуй, даже с чувством отозвался Кареллен.— Хотел бы я, чтобы люди перестали считать меня диктатором и помнили: я всего лишь администратор и пытаюсь проводить что-то вроде колониальной политики, которая разработана без моего участия.

Весьма приятное определение, подумал Стормгрен. Любопытно, насколько оно правдиво.

— Но может быть, вы по крайней мере хоть как-то объясните эту скрытность? Нам непонятно, в чем ее причина, отсюда и недовольство, и всевозможные слухи.

Кареллен рассмеялся — как всегда, громко, раскатисто, слишком гулко, чтобы смех этот звучал совсем как человеческий.

— Ну а за кого меня сейчас принимают? Все еще преобладает теория робота? Пожалуй, мне приятнее выглядеть системой электронных ламп, чем какой-нибудь сороконожкой,— да-да, я видел карикатуру во вчерашнем номере «Чикаго таймс»! Мне даже захотелось попросить подлинник.

Стормгрен чопорно поджал губы. Право, иногда Кареллен относится к своим обязанностям слишком легкомысленно.

— Это вопрос серьезный,— сказал он с укоризной.

— Дорогой мой Рикки,— возразил Кареллен,— я не принимаю человечество всерьез, только это и позволяет мне сохранить остатки в прошлом незаурядных умственных способностей!

Стормгрен невольно улыбнулся.

— Но мне, согласитесь, от этого не легче. Я должен вернуться на Землю и убедить моих собратьев, что, хоть вы и не показываетесь им на глаза, скрывать вам нечего. Задача не простая. Любопытство — одно из основных свойств человеческой природы. Не можете же вы до бесконечности им пренебрегать.

— Да, это самое сложное препятствие, с которым мы столкнулись на Земле,— признался Кареллен.— Но ведь вы поверили, что в остальном мы действуем разумно, так могли бы уж поверить и в этом!

— Я-то вам верю,— сказал Стормгрен.— Но ни Уэйнрайт, ни его сторонники не верят. И можно ли их осуждать,

если ваше нежелание показаться людям они толкуют в дурную сторону?

Короткое молчание. Потом до Стормгрена донесся слабый звук (может быть, скрип?), словно бы Кареллен шевельнулся на стуле.

— Вы ведь понимаете, почему Уэйнрайт и ему подобные меня боятся, так? — спросил он. Голос его звучал теперь мрачно, будто раскатились под сводами собора звуки исполинского органа.— Такие люди есть в вашем мире среди поборников любой религии. Они понимают, что мы носители разума и знания, и как они там ни преданы своим верованиям, а все-таки боятся, что мы свергнем их богов. Не обязательно с умыслом, нет, способом более тонким. Знание может погубить религию и не опровергая ее догматы, а попросту не придавая им значения. Как я понимаю, никто никогда не доказывал, что Зевс или Тор не существуют, однако им теперь почти никто и не поклоняется. Вот и разные уэйнрайты боятся, что нам известна правда о происхождении их веры. Они спрашивают себя, давно ли мы наблюдаем человечество? Видели ли мы, как Магомет бежал из Мекки и как Моисей провозгласил иудеям их законы? Быть может, мы знаем, сколько лжи в их священных историях?

— А вы и в самом деле это знаете? — чуть слышно, скорее себя, чем Кареллена, спросил Стормгрен.

— Вот чего они страшатся, Рикки, хоть ни за что в этом не признаются. Право же, нам не доставляет удовольствия разрушать верования людей, но ведь не могут быть истинными все религии, все до единой,— уэйнрайты это понимают. Рано или поздно человек неминуемо узнает правду; но время еще не пришло. А что мы не показываемся вам на глаза — да, согласен, это сильно осложняет нашу работу, но раскрыть секрет мы не вправе. Не меньше вашего я жалею о необходимости что-то скрывать, но на это есть веские причины. Все же я попытаюсь обратиться к... к тем, кто стоит выше меня, пожалуй, их ответ удовлетворит вас, а может быть, и успокоит Лигу. А теперь давайте вернемся к нашим текущим делам и возобновим запись.

— Ну как? — жадно спросил ван Риберг.— Удалось вам чего-нибудь добиться?

— Сам не пойму,— устало сказал Стормгрен, швырнул на стол пачку бумаг и почти упал в кресло.— Теперь Кареллен совещается со своим начальством... уж не знаю, кому и чему он там подчиняется. Мне он ничего не обещал.

— Послушайте,— вдруг сказал ван Риберг.— Я сейчас подумал... Почему, собственно, мы должны верить, что над Карелленом кто-то стоит? Может, этих Сверхправителей, как мы их называем, больше нигде и нет, кроме тех, что тут, над Землей, в кораблях? Может, им больше некуда деться, а они это от нас скрывают.

— Остроумно,— усмехнулся Стормгрен.— Только ваша теория отнюдь не согласуется с тем немногим, что я знаю — как будто все-таки знаю — о Кареллене.

— А что же вы о нем знаете?

— Ну, он не раз упоминал, что его обязанности здесь временные и мешают вернуться к его главной работе, она, по-моему, как-то связана с математикой. Однажды я привел ему слова историка Актона о том, что власть развращает, а власть безграничная и развращает безгранично. Хотел посмотреть, как он к этому отнесется. Он засмеялся — смех у него оглушительный — и сказал, что ему эта опасность не грозит. Во-первых, мол, чем раньше он закончит тут работу, тем скорее сможет вернуться домой — это за много световых лет отсюда. А во-вторых, его власть отнюдь не безгранична. Он всего лишь... Попечитель. Разумеется,— докончил Стормгрен,— он мог и нарочно сбивать меня с толку. Не знаю, можно ли ему верить.

— Он ведь, кажется, бессмертен?

— Да, по нашим меркам, хотя, похоже, что-то в будущем его пугает... Не представляю, чего он может опасаться. А больше я, в сущности, ничего не знаю.

— Все это не слишком убедительно. Я так думаю, их небольшая эскадра заблудилась в космосе и подыскивает себе пристанище. Этот Кареллен скрывает от нас, как мала его команда. Может быть, остальные корабли — автоматы и на них нет ни души. Просто нам пускают пыль в глаза.

— Вы начитались научной фантастики,— сказал Стормгрен.

Ван Риберг не без смущения улыбнулся.

— «Вторжение из космоса» обернулось не совсем так, как мы ждали, правда? Но моя теория прекрасно объясняет, почему Кареллен не показывается нам на глаза. Просто он скрывает, что никаких других Сверхправителей нет.

Стормгрен покачал головой — забавно, но все не то.

— Ваше толкование, как всегда, чересчур хитроумно, а потому неверно. За Попечителем, несомненно, стоит какая-то могучая цивилизация, хотя мы можем о ней только догадываться, и наверняка она давно знает о нас, людях. Сам Кареллен, несомненно, изучал человечество на протяжении столетий. Посмотрите, к примеру, как он владеет нашим языком, пословицами, поговорками. Не я его, а он меня учит образной речи!

— А замечали вы, что он хоть чего-нибудь не знает?

— Да, и нередко — но это всегда мелочи, пустяки. Думаю, у него необычайная, безотказная память, но он не все считает нужным узнавать. Вот, скажем, английский — единственный язык, которым он владеет в совершенстве, но за последние два года недурно изучил финский, просто чтобы меня подразнить. А финский труден, ему наскоро не выучишься! Кареллен читает наизусть большие отрывки из «Калевалы», а я, стыдно сказать, помню всего несколько строк. И потом, он знает наперечет биографии всех нынешних государственных деятелей, а я далеко не всегда могу определить, на кого именно он ссылается. В истории и науке его познания всеобъемлющи — сами знаете, мы очень многому у него научились. И однако, если взять каждую область в отдельности, мне кажется, он не превосходит того, чего может достигнуть человеческий ум. Но ни одному человеку не под силу объять все, что знает Кареллен.

— Я и сам пришел примерно к тем же выводам,— согласился ван Риберг.— Мы можем рассуждать о Кареллене хоть до скончания века, но неизменно возвращаемся к тому же: какого дьявола он нам не показывается? Покуда он прячется, я не перестану гадать да сочинять теории, а Лига освобождения не перестанет бушевать.

Он сердито покосился на потолок.

— Надеюсь, господин Попечитель, в одну прекрасную темную ночь какой-нибудь репортер возьмет ракету и с черного хода проберется с фотокамерой в ваш корабль. Вот будет шуму в газетах!

Если Кареллен и слышал этот дерзкий вызов, то никак на него не отозвался. Впрочем, он никогда ни на что не отзывался.

За первый год появление Сверхправителей внесло в жизнь человечества меньше перемен, чем можно было ожидать. Тень их ложилась на все, но то была совсем не навязчивая тень. Почти во всех крупнейших городах Земли, запрокинув голову, можно было увидеть сверкающие в вышине серебряные корабли — но они скоро стали такими же привычными, как солнце, луна и облака. Наверно, в большинстве люди лишь смутно сознавали, что уровень их жизни неуклонно возрастает благодаря Сверхправителям. А если об этом изредка и задумывались — что ж, безмолвные корабли впервые в истории принесли всему человечеству мир, и за это им, конечно, спасибо.

Нет нищеты, нет войн, но это блага, состоящие именно в отсутствии чего-то, не бьющие на эффект,— их приняли как должное и вскоре о них забыли. А Сверхправители по-прежнему держались отчужденно и не показывались человечеству. Покуда Кареллен вел подобную политику, он мог ждать уважения и восхищения, но никак не более теплых чувств. Трудно не досадовать на небожителей, которые изволят разговаривать с человеком только по телетайпу в штаб-квартире ООН. О чем беседуют Кареллен со Стормгреном, знали только они двое, и Стормгрен порой сам недоумевал, для чего Попечителю эти встречи. Возможно, ему все-таки нужно непосредственно общаться хотя бы с одним землянином? Или он понимает, что Стормгрен нуждается в такой прямой поддержке? Если так, Генеральный секретарь за это очень признателен — и, пожалуйста, пусть Лига освобождения и дальше презрительно именует его «мальчиком на побегушках у Кареллена».

Сверхправители никогда не вступали в переговоры с отдельными государствами и правительствами: они приняли Организацию Объединенных Наций в том виде, как ее застали, объяснили, как установить необходимую радиосвязь,— и все распоряжения передавали через Генерального секретаря. Советский делегат не раз пространно и совершенно справедливо доказывал, что такой порядок идет вразрез с уставом ООН. Кареллена это, видно, ничуть не заботило.

Можно только изумляться тому, какое множество зол, безумий и несчастий уничтожили эти послания с неба. При Сверхправителях народы поняли, что им больше незачем опасаться друг друга,— и еще до неудачной попытки догадались, что все их созданное доныне оружие бессильно против тех, кто умеет странствовать среди звезд. Так рушилась главная преграда, которая мешала человечеству быть счастливым.

Сверхправителей, видно, мало трогало, какой где существует государственный строй, лишь бы не было угнетения и продажности. На Земле по-прежнему были демократические страны и монархии, безобидные диктатуры, коммунизм и капитализм. Этому не переставали изумляться многие простаки, твердо убежденные, что их образ жизни — единственно возможный. Другие полагали, что Кареллен только выжидает часа, чтобы ввести свою систему, которая разом уничтожит все нынешние формы общественного устройства, потому и не занимается пока мелкими политическими преобразованиями. Но все это, как и прочие рассуждения о Сверхправителях, было попросту гаданием на кофейной гуще. Никто не знал их замыслов и целей, никто не знал, какое грядущее уготовили они человечеству.

3

В последние ночи Стормгрену не спалось, а почему — непонятно, ведь скоро он навсегда освободится от груза своих обязанностей. Уже сорок лет служит он человечеству, из них пять — его правителям, и редкий человек, оглядываясь назад, мог бы похвастать, что столь многого добился на своем веку. А может быть, в этом вся беда: когда он уйдет на покой, на короткие ли, на долгие ли годы у него не останется цели, жизнь потеряет вкус. С тех пор как умерла Марта, а дети выросли и сами обзавелись семьями, мало что привязывает его к миру. Быть может, в мыслях он почти уже не отделяет себя от Сверхправителей, а потому как-то отстранился от людей.

Вот и опять беспокойная ночь, мысль бесконечно колесит все по тому же кругу, будто механизм, у которого отказало управление. Стормгрен понимал: сколько себя ни уговаривай, не уснешь,— и нехотя поднялся с постели. Накинул халат и вышел на крышу своего скромного жилища, где разбит был садик. Любой из его подчиненных жил куда роскошнее, но Стормгрену вполне хватало и такого дома. Он достиг положения, когда ни имущество, ни почести уже не прибавляют человеку веса.

Ночь была теплая, почти душная, но небо ясное, низко на юго-западе сияла полная луна. В десяти километрах от Стормгрена стояло на горизонте зарево — отраженные огни Нью-Йорка, словно там начался было рассвет и замер, не разгораясь.

Стормгрен поднял глаза — выше спящего города, еще выше, к тем высям, где не раз бывал он, единственный из людей. Там, далеко-далеко, поблескивал в лунном свете корабль Кареллена. Любопытно, чем занят сейчас Попечитель, ведь Сверхправители, наверно, никогда не спят.

В вышине огненным копьем пронзил купол неба метеорит. Мгновение за ним еще виднелся слабо светящийся след — и померк, и опять в небе остались одни только звезды. Жестокое напоминание: через сотню лет Кареллен по-прежнему будет вести человечество к цели, известной только ему, но уже через четыре месяца Генеральным секретарем ООН будет другой человек. Само по себе это Стормгрена ничуть не огорчает — но, значит, если он надеется все-таки узнать, что же скрыто за тем непроницаемым экраном, у него осталось совсем мало времени.

Только в самые последние дни он посмел себе признаться, что жаждет проникнуть в тайну Сверхправителей. До

сих пор сомнения его не мучили, он верил Кареллену, а вот теперь (ехидная мысль!), видно, и сам заразился мятежным духом Лиги освобождения. Правда, все разговоры, будто человечество порабощено, пустая болтовня. Мало кто всерьез в это верит и хотел бы повернуть историю вспять. Люди привыкли к ненавязчивому правлению Кареллена, но им не терпится узнать наконец, кто же ими правит. И можно ли осуждать их за это?

Лига освобождения — самая крупная, но не единственная организация, восстающая против Кареллена, а значит, и против людей, которые помогают Сверхправителям. Причины недовольства и образ действий тут самые разные: одни группы руководствуются религиозными соображениями, в других просто говорит комплекс неполноценности. Они чувствуют себя — и вполне обоснованно — примерно как образованный индиец в девятнадцатом веке при владычестве Британии. Пришельцы из космоса принесли Земле мир и процветание — но кто знает, какой ценой придется за это расплачиваться? История человечества не обнадеживает: даже самые мирные контакты между народами, стоящими на слишком разных уровнях развития, нередко несли гибель более отсталому обществу. Целая страна, как и отдельный человек, может пасть духом перед лицом неизмеримого превосходства, ибо не в силах ответить на вызов. А превосходство цивилизации Сверхправителей, хоть и окутанных тайной,— величайший вызов человечеству с начала времен.

За стеной слабо щелкнул телетайп, выбросив очередную ежечасную сводку Центрального агентства печати. Стормгрен побрел в комнату, равнодушно перелистал пачку листов. В другом полушарии Лига освобождения подсказала агентству не слишком оригинальный заголовок. «ЧЕЛОВЕКОМ ПРАВЯТ ЧУДОВИЩА?» — вопрошала газета и затем цитировала: «Сегодня на митинге в Мадрасе доктор С. В. Кришнан, президент Восточного отдела Лиги освобождения, сказал: “Поведение Сверхправителей объясняется очень просто — их облик настолько чужд и отвратителен людям, что они не смеют нам показаться. Предлагаю Попечителю доказать, что это не так”».

Стормгрен брезгливо отшвырнул листок. Даже если обвинение и справедливо, что за важность? Мысль эта, далеко не новая, никогда его не тревожила. В каком бы причудливом обличье ни явилась жизнь, едва ли он, Стормгрен, не мог бы постепенно с ним примириться, а пожалуй, даже найти в странном существе красоту. Важно не тело, важен разум. Если б только убедить в этом Кареллена, Сверхправители, возможно, перестали бы скрываться. Уж конечно, они и вполовину не так безобразны, как измышления карикатуристов, которыми почти сразу после их прибытия запестрели газеты!

И однако Стормгрен знал — не только ради своего преемника он жаждет покончить с нынешним положением. Надо честно себе признаться, в конечном счете его мучит самое обыкновенное любопытство. Он давно уже знает Кареллена как личность — и не успокоится, пока не откроет также, что это за существо.

Когда на другое утро Стормгрена в обычный час не оказалось на месте, Питер ван Риберг удивился и даже подосадовал. Генеральный секретарь нередко, прежде чем появиться у себя в кабинете, заезжал куда-нибудь по делам, но неизменно об этом предупреждал. Да еще, на беду, в это утро его ждало несколько спешных и важных сообщений. Ван Риберг обзвонил полдюжины учреждений, пытаясь разыскать его,— и со злостью махнул рукой.

К полудню он встревожился всерьез и послал машину к Стормгрену домой. А через десять минут подскочил, испуганный воем сирены: по проспекту Рузвельта на бешеной скорости примчался полицейский патруль. Должно быть, в патруле у газетчиков нашлись приятели, потому что не успела еще машина остановиться, как радио возвестило ван Рибергу и всему миру, что он более не заместитель, а облеченный всеми полномочиями Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций.

Свались на ван Риберга меньше забот, ему любопытно было бы изучить отклики печати на исчезновение Стормгрена. За прошедший месяц все газеты мира разделились

на два лагеря. Западная пресса в целом одобряла план Кареллена сделать всех людей на свете гражданами единого всемирного государства. А в странах Востока вспыхивали бурные, хотя зачастую искусственно подогретые, приступы национализма. Некоторые государства там обрели независимость лишь поколением раньше и теперь чувствовали, что у них обманом отнимают завоеванные права. Посыпались яростные нападки на Сверхправителей: сперва газеты были крайне осторожны, но быстро убедились, что самые резкие выпады против Кареллена проходят безнаказанно. И пресса изощрялась, как никогда.

Почти все газетные атаки, весьма громогласные, вовсе не выражали мнения подавляющего большинства. На страже государственных границ, которые вскоре сотрутся навсегда, охрану удвоили, но солдаты, хотя еще и помалкивали, глядели друг на друга вполне дружелюбно. Политики и генералы могут рвать и метать сколько угодно, а безмолвные миллионы чувствуют: долгая кровавая глава в истории человечества кончается — и давно пора.

И тут-то неведомо куда исчез Стормгрен. Страсти разом утихли: мир понял, что потерян единственный человек, через которого Сверхправители по каким-то своим загадочным соображениям говорили с Землей. Газеты и радиокомментаторы словно лишились дара речи, в тишине раздавался только голос Лиги освобождения, она горячо заверяла, что ни в чем не повинна.

Стормгрен проснулся в непроглядной тьме. Спросонок он даже не сразу этому удивился. А потом мысли прояснились, он порывисто сел и протянул руку к выключателю.

В темноте рука наткнулась на голую, холодную каменную стену. И Стормгрен замер, душа и тело оцепенели, ошеломленные неизвестностью. Потом, почти не веря своим ощущениям, он стал на колени на постели и начал осторожно, кончиками пальцев ощупывать до ужаса незнакомую стену.

Не прошло и минуты за этим занятием, как вдруг что-то щелкнуло и темнота в одном месте раздвинулась. В слабо освещенном прямоугольнике мелькнул чей-то силуэт,

и тотчас дверь затворилась, опять стало темно. Все случилось мгновенно, и Стормгрен не успел разглядеть, где же он находится.

Еще миг — и его ослепил яркий луч электрического фонаря. Ненадолго остановился на его лице, потом скользнул ниже, на постель, и Стормгрен увидел, что это просто матрас, брошенный на неструганые доски. В темноте раздался негромкий голос, по-английски говорили безукоризненно, но с акцентом, который Стормгрену сперва не удалось определить.

— Рад видеть, что вы проснулись, господин Генеральный секретарь. Надеюсь, вы чувствуете себя вполне хорошо.

Что-то было в последних словах, отчего Стормгрен насторожился и гневные вопросы замерли у него на губах. Он вгляделся в темноту, сказал спокойно:

— Сколько же времени я был без сознания?

Собеседник усмехнулся:

— Несколько дней. Нам обещали, что вредных последствий не будет. Рад видеть, что это правда.

Чтобы выиграть время, а заодно проверить собственные ощущения, Стормгрен спустил ноги на пол. Он по-прежнему был в пижаме, но она оказалась измятой и, похоже, изрядно запачкалась. От порывистого движения закружилась голова — не слишком сильно, но достаточно, чтобы понять: тут и впрямь не обошлось без наркотика.

Стормгрен повернулся к свету. Спросил резко:

— Где я? Это все с ведома Уэйнрайта?

— Да вы не волнуйтесь,— ответил человек, неразличимый в темноте.— Не будем пока об этом говорить. Думаю, вы порядком проголодались. Одевайтесь-ка и пойдем обедать.

Кружок света от фонаря пробежал по комнате и впервые дал Стормгрену понятие о ее размерах. В сущности, это даже не комната, голые стены — кое-как обтесанный камень. Очевидно, просто пещера, и, наверно, очень глубоко под землей. И если он пробыл без памяти несколько дней, за это время его могли переправить в любую часть света.

Луч фонаря выхватил стопку одежды на чемодане.

— Придется вам обойтись этим,— сказал голос из темноты.— Со стиркой здесь довольно сложно, так что мы прихватили два ваших костюма и полдюжины рубашек.

— Очень любезно с вашей стороны,— вполне серьезно сказал Стормгрен.

— Мебели и электричества нет, уж не взыщите. В некоторых отношениях здесь очень удобно, но комфорта маловато.

— А для чего удобно? — спросил Стормгрен, натягивая рубашку; прикосновение привычной ткани странно успокаивало.

— Ну... просто удобно,— был ответ.— Кстати, мы, наверно, довольно долго будем вместе, так уж зовите меня Джо.

— Несмотря на ваше происхождение? Вы ведь поляк, правда? — заметил Стормгрен.— Думаю, я сумел бы назвать вас и настоящим именем. Едва ли его труднее выговорить, чем многие финские имена.

Короткое молчание, фонарь мигнул.

— Что ж, этого надо было ожидать,— покорно сказал Джо.— Наверно, у вас солидный опыт по этой части.

— При моей должности очень полезно для развлечения изучать языки. Мне кажется, воспитывались вы в Соединенных Штатах, но из Польши уехали не раньше...

— Ладно, хватит,— прервал Джо.— Вы, видно, кончили одеваться, так что прошу.

Дверь отворилась, и Стормгрен вышел, в душе очень довольный своей маленькой победой. Страж посторонился, пропуская его,— любопытно, вооружен ли он, подумал Стормгрен. Наверно, вооружен, и уж конечно, его друзья недалеко.

Коридор тускло освещали развешанные там и сям керосиновые лампы, и Стормгрену впервые удалось разглядеть Джо. Это был человек лет пятидесяти, и весил он, должно быть, килограммов девяносто с изрядным хвостиком. Все в нем и на нем было огромно, начиная с покрытой пятнами военной формы бог весть какой именно армии и кончая неслыханных размеров перстнем на левой руке. Детине такого роста и сложения оружие, надо думать, без надобности. Зато и разыскать его будет нетрудно, лишь бы отсюда

выйти, подумал Стормгрен. Но ведь и сам Джо, конечно, прекрасно это понимает — мысль не слишком утешительная.

Стены по сторонам — просто камень, лишь кое-где укрепленный бетоном. Должно быть, это какая-то заброшенная шахта — пожалуй, более надежной тюрьмы не придумаешь. До сих пор сознание, что его похитили, как-то не очень волновало Стормгрена. Ему казалось, что бы ни произошло, уж наверно Сверхправители, при своем безмерном могуществе, сумеют разыскать его и вызволить. Теперь уверенности у него поубавилось. Ведь он здесь уже несколько дней, и никто его не выручает. Должно быть, даже всемогуществу Кареллена есть предел: если пленника и впрямь держат в недрах какого-нибудь далекого материка, быть может, Сверхправители при всех своих познаниях бессильны найти его след.

В пустом полутемном помещении за столом сидели двое. Когда Стормгрен вошел, они вскинули головы и поглядели на него с любопытством и с явным почтением. Один подвинул через стол горку сэндвичей, и Стормгрен тотчас за них принялся. Хоть он и голоден как волк, не худо бы получить обед поаппетитнее, но, вероятно, его стражи и сами едят не лучше.

Он ел, а сам поглядывал на этих троих. Несомненно, Джо среди них самая примечательная личность, и выделяется он не только ростом и сложением. Другие двое — явно его помощники, с виду вполне заурядные, а откуда они родом, можно будет определить, когда они заговорят.

В стакане сомнительной чистоты появилось немного вина, и Стормгрен запил последний кусок хлеба. Теперь он чувствовал себя увереннее.

— Итак,— ровным голосом произнес он, обращаясь к великану поляку,— может быть, вы объясните мне, что все это значит и чего, собственно, вы надеетесь таким образом достичь.

Джо откашлялся:

— Одно хочу вам растолковать. Уэйнрайт тут ни при чем. Он тоже ничего такого не ждал.

Стормгрен был почти готов к подобному ответу, хотя и удивился, чего ради Джо так легко подтвердил его догадку.

Он давно уже подозревал, что внутри Лиги — или рядом с нею — существует некое крайнее течение.

— А каким образом вы меня похитили? Спрашиваю из чистого любопытства.

Он не рассчитывал на ответ, но, к его изумлению, ответили охотно, будто только того и ждали.

— А мы это разыграли прямо как в голливудском детективе,— весело сказал Джо.— Мы ж не знали, вдруг Кареллен с вас глаз не спускает, ну и приняли кой-какие нужные меры. Пустили усыпляющий газ в кондиционер, это нехитро. Потом перенесли вас в машину — и того проще. И все это, прямо скажу, проделали не наши люди. Для такой работенки мы наняли... э-э... специалистов. Кареллен может их поймать, наверно и поймает, только ничего он от них не узнает. Машина ушла от вашего дома и скоро нырнула в длинный туннель, есть такой меньше чем за тысячу километров от Нью-Йорка. А через положенное время вынырнула с другого конца, и в ней был без памяти человек — вылитый Генеральный секретарь ООН. А недолго спустя из другого конца выехал большущий грузовик с металлическими ящиками, покатил к одному аэропорту, и там ящики перегрузили в самолет, рейс был самый что ни на есть законный. Уж не сомневайтесь, владельцы померли бы со страху, знай они, для чего нам пригодились эти ящики... Ну а та, настоящая, машина пошла кружить да петлять до самой канадской границы. Может, Кареллен ее уже и захватил — не знаю, да не велика важность. Как видите — надеюсь, вы оцените мою откровенность,— весь наш план построен на одном расчете. Мы уверены, Кареллен может видеть и слышать все, что происходит на поверхности Земли, но уж никак не под землей, разве что ему служит не только наука, но и колдовство. А стало быть, он не узнает о подмене в туннеле либо узнает слишком поздно. Понятно, мы рискуем, но приняты и еще кой-какие меры предосторожности, в это я сейчас вдаваться не стану. Лучше про них покуда помолчать — может, еще понадобятся.

Джо так явно упивался своим рассказом, что Стормгрен с трудом сдерживал улыбку. Но при этом он по-настоящему встревожился. Похитители весьма изобретательны, очень

возможно, что Попечителя удалось провести. И ведь никак нельзя ручаться, что Кареллен хоть сколько-нибудь печется о безопасности Генерального секретаря. Джо тоже явно в этом не уверен. Может быть, потому он и разоткровенничался — проверяет, как Стормгрен ко всему этому отнесется. Что ж, как ему ни тревожно, а надо прикинуться невозмутимым. И Стормгрен сказал презрительно:

— Вы все, видно, сущие остолопы. Неужели, по-вашему, Сверхправителей так легко обмануть? Да и чего вы надеетесь этим добиться?

Джо предложил ему сигарету, Стормгрен отказался, тогда он сам закурил и уселся было на край стола. Послышался зловещий треск, и великан поспешно спрыгнул на пол.

— Очень понятно, почему мы так действуем,— начал он.— Мы увидели, что уговаривать да убеждать толку нет, вот и пришлось действовать иначе. Подпольщики бывали на свете и до нас, и пускай у Кареллена сила большая, а все равно не так-то легко ему с нами справиться. Мы начинаем борьбу за независимость. Поймите меня правильно. Никакого насилия не будет — во всяком случае поначалу,— но Сверхправителям, хочешь не хочешь, нужны помощники из людей, а этим помощникам мы можем доставить кучу неприятностей.

И начинаете, видно, с меня, подумал Стормгрен. Пожалуй, Джо рассказал далеко не все. Неужели подпольщики всерьез вообразили, будто на Кареллена можно хоть как-то повлиять гангстерскими приемами? Да, но ведь хорошо организованное движение сопротивления и вправду может сильно осложнить жизнь. Этот Джо нащупал единственное уязвимое место во власти Сверхправителей. В конечном счете все их распоряжения исполняются помощниками-людьми. Если этих людей запугать так, что они перестанут повиноваться, вся система рухнет. Впрочем, едва ли... нет, Кареллен наверняка быстро найдет какой-нибудь выход.

— Как же вы намерены со мной поступить? — спросил наконец Стормгрен.— Я что, заложник?

— Не беспокойтесь, мы о вас позаботимся. На днях ждем кой-кого в гости, а покуда постараемся, чтоб вы не скучали.

Он прибавил несколько слов на своем языке, и один из его сотоварищей выложил на стол нераспечатанную колоду карт.

— Нарочно для вас достали,— пояснил Джо.— Читал я в «Таймсе», что вы здорово играете в покер.— Он вдруг заговорил очень серьезно, даже озабоченно: — Надеюсь, у вас полон бумажник наличными. Мы не сообразили поглядеть. Чеки нам, знаете ли, брать неудобно.

Ошарашенный Стормгрен круглыми глазами уставился на своих тюремщиков. И наконец до него дошло — да это же все презабавно, и теперь он избавлен от своих обязанностей, хлопот и тревог. Отныне все это — забота ван Риберга. Что бы ни случилось, он, Стормгрен, ровно ничего не может поделать,— и вот, не угодно ли, эти невообразимые похитители жаждут поиграть с ним в покер!

Стормгрен откинулся на стуле и захохотал — так он не смеялся уже многие годы.

Без сомнения, Уэйнрайт не лжет, угрюмо размышлял ван Риберг. Возможно, он и подозревает, что за люди похитили Стормгрена, но точно ему это неизвестно. И выходки их он не одобряет. Очень похоже, что в последнее время экстремисты из Лиги всячески давили на Уэйнрайта, чтобы действовал решительнее. А теперь вот начали действовать сами.

Спору нет, похищение организовано на славу. Стормгрена могли упрятать в любом уголке земного шара, и едва ли удастся напасть на его след. Однако же надо что-то предпринять, да поскорее, решил ван Риберг. Хоть он нередко отпускал шуточки по адресу Кареллена, но в душе перед ним трепетал. Страшно даже подумать, что надо прямо обратиться к Попечителю, но иного выхода нет.

Отдел связи занимал весь верхний этаж огромного здания. Вдоль зала тянулись ряды телетайпов — одни молчали, другие деловито пощелкивали. Через них нескончаемым потоком поступали статистические данные — объем производства, численность населения, исчерпывающие сведения обо всей мировой экономике. Должно быть, где-то в вышине, на корабле Кареллена есть нечто подобное этому залу, и ван Риберга мороз подирал по коже, когда он гадал, какие неведомые чудища бродят там от аппарата к аппарату, собирая отчеты, которые посылает Сверхправителям Земля.

Но сегодня его не интересовали ни эти аппараты, ни обыденные дела, которыми они были заняты. Он прошел в кабинетик, куда полагалось входить одному только Стормгрену. По его распоряжению замок уже взломали, и в кабинете ждал начальник связи.

— Вот это обычный телетайп,— сказал он ван Рибергу,— клавиатура как у стандартной пишущей машинки. И есть фотопередатчик, на случай, если надо послать какие-нибудь изображения или таблицы, но вы говорили, вам это сейчас не нужно.

Ван Риберг рассеянно кивнул.

— Да, спасибо. Вы свободны. Наверно, я не очень задержусь. Тогда опять запрете комнату и все ключи отдадите мне.

Он подождал, пока тот вышел, и подсел к аппарату. Он знал, этим видом связи пользовались редко, почти все вопросы Кареллен и Стормгрен обсуждали каждую неделю при встрече. Но этот аппарат явно предназначен для экстренных случаев, и можно надеяться, что ответят немедля.

Мгновение ван Риберг поколебался, потом начал неумело нажимать клавиши. Машина тихонько заурчала, на потемневшем экране коротко вспыхивали слово за словом. Он выпрямился в ожидании ответа.

Не прошло и минуты, как аппарат снова замурлыкал. Ван Риберг не впервые подумал: может быть, Кареллен никогда не спит?

Ответ был весьма краток и столь же неутешителен:

НИКАКИХ УКАЗАНИЙ. ДЕЙСТВУЙТЕ ПО СВОЕМУ УСМОТРЕНИЮ. К.

С горечью, без малейшего удовольствия ван Риберг понял всю огромность взваленной на него ответственности.

За три дня Стормгрен успел основательно изучить своих стражей. Что-то значит один Джо, другие двое не в счет — ничтожества, сброд, какой неизбежно прилипает к любо-

му нелегальному движению. Идеалы Лиги освобождения для них пустой звук, у них одна забота — добыть кусок хлеба насущного без особых трудов.

Джо — тот куда сложнее, хотя порою кажется великовозрастным младенцем. Нескончаемые партии в покер то и дело прерывались бурными политическими спорами, и скоро Стормгрену стало ясно, что великан никогда всерьез не задумывался — за что же он сражается. Им владели чувства и крайний консерватизм, где уж тут рассуждать трезво. Родина Джо слишком долго добивалась независимости, и это наложило на него неизгладимую печать: он все еще жил прошлым. Своего рода живописное ископаемое, один из тех, кто вовсе не нуждается в каком-либо упорядоченном образе жизни. Когда люди такого склада исчезнут — если только это когда-либо случится,— наш мир станет безопаснее, но и скучнее.

Стормгрен теперь почти не сомневался, что Кареллену не удалось напасть на его след. Он еще пытался убедить троих стражей в противном, но безуспешно. Ясное дело, его держали в плену, выжидая, вмешается ли Кареллен, а раз ничего не произошло, они могут действовать дальше.

И Стормгрен ничуть не удивился, когда на четвертый день после похищения Джо предупредил, чтобы он ждал гостей. Пленник еще до того заметил, как час от часу стражи становятся беспокойнее, и догадался: руководители движения убедились, что путь свободен, и наконец-то явятся за ним.

Они уже ждали за шатким дощатым столом, когда Джо привел Стормгрена и учтиво посторонился, давая пройти. Стормгрена позабавило, что на боку у тюремщика впервые красовался, ко всеобщему сведению, большущий пистолет. Его подручные не показывались, да и сам Джо держался куда скромнее обычного. Стормгрен сразу понял, что очутился перед людьми куда более значительными. Те, кто сидел сейчас перед ним, напоминали виденную когда-то фотографию — Ленин и его сподвижники в первые дни русской революции. В этих — их было шестеро — чувствовалась та же сила ума, железная воля и непреклонность. Джо и ему

подобные не опасны, а вот здесь — те, чья мысль управляет подпольем.

Стормгрен коротко кивнул, прошел к единственному свободному стулу и сел, стараясь держаться хладнокровно и непринужденно. За каждым его движением следил немолодой коренастый человек, сидевший в дальнем конце стола,— он подался навстречу Стормгрену и впился в него колючими серыми глазами. Под этим пронизывающим взглядом Стормгрену стало не по себе, и он, сам того не желая, заговорил первым.

— Полагаю, вы пришли обсудить условия. Какой за меня назначен выкуп?

Тут он заметил, что поодаль кто-то стенографирует его слова. Обстановка самая деловая.

Отозвался главный, он говорил певуче, как уроженец Уэльса.

— Можете назвать это и так, господин Генеральный секретарь. Но нам нужны не деньги, а сведения.

Вот оно что, подумалось Стормгрену. Его допрашивают как военнопленного.

— Вы и сами знаете, чего мы добиваемся,— певуче продолжал уэльсец.— Если угодно, зовите нас движением сопротивления. Мы убеждены, что рано или поздно Земле не миновать борьбы за независимость, и мы понимаем — открытая война невозможна, остаются неповиновение, саботаж и тому подобное. Вас мы похитили отчасти затем, чтобы показать Кареллену, что мы хорошо организованы и действовать будем решительно, но главное, вы — единственный, от кого можно хоть что-то узнать о Сверхправителях. Вы разумный человек, мистер Стормгрен. Помогите нам, и мы вернем вам свободу.

— А что, собственно, вы хотите узнать? — осторожно спросил Стормгрен.

Казалось, удивительные глаза собеседника проникают в самые потаенные глубины сознания, никогда в жизни не встречал он такого взгляда. Не вдруг певучий голос ответил:

— Знаете ли вы, кто — или что такое — на самом деле эти Сверхправители?

Стормгрен едва удержался от улыбки.

— Поверьте,— сказал он,— я не меньше вашего желал бы раскрыть эту тайну.

— Значит, вы согласны отвечать на наши вопросы?

— Обещать не обещаю. Но возможно, и отвечу.

Он услышал, как с облегчением вздохнул Джо, и все в комнате шелохнулись и замерли в ожидании.

— Мы примерно представляем себе, при каких обстоятельствах вы встречаетесь с Карелленом. Но может быть, вы опишете это подробно, не упуская ничего сколько-нибудь существенного?

Что ж, просьба довольно безобидная, решил Стормгрен. Десятки раз он отвечал на подобные вопросы, и выглядеть это будет как готовность помочь. Перед ним люди умные, проницательные, быть может, им тут что-то и откроется. Если они способны извлечь из его рассказа какие-то новые сведения — тем лучше, лишь бы и с ним поделились. Во всяком случае, Кареллену это никак не повредит.

Стормгрен пошарил по карманам, достал карандаш и старый конверт. Наскоро набрасывая чертеж, стал объяснять:

— Вы, конечно, знаете, за мной раз в неделю прилетает такой аппаратик, ни мотора, ни какого-либо иного движителя у него не видно, и он переносит меня к кораблю Кареллена. И проникает внутрь — вы, конечно, видели, как это происходит, телескопических фильмов снято немало. Дверь — если это можно назвать дверью — опять открывается, и я вхожу в небольшую комнату, там только и есть, что стол, стул и телеэкран. Расстановка примерно такая.

Он подвинул конверт к старому уэльсцу, но тот не взглянул на чертеж. Странные глаза все так же неотрывно смотрят на Стормгрена, и ему чудилось — что-то переменилось в их глубине. Настала мертвая тишина, и Стормгрен услышал — позади него у Джо вдруг перехватило дыхание.

Озадаченный, раздосадованный, Стормгрен отвечал взглядом в упор — и наконец-то понял. Смутился, смял конверт в тугой комок и швырнул на пол.

Так вот отчего ему было так не по себе под взглядом этих серых глаз. Человек, что сидит напротив, слеп.

Ван Риберг больше не пробовал связаться с Карелленом. Во многом работа его ведомства шла и дальше по накатанной колее: отсылались статистические данные, выжимки из мировой прессы и прочее. В Париже юристы все еще препирались из-за каждого пункта будущей Всемирной Конституции, но это пока его не касалось. Попечителю окончательный проект надо представить только через две недели; если к тому времени текст не будет готов, Кареллен, несомненно, поступит, как сочтет нужным.

А о Стормгрене по-прежнему никаких известий.

Ван Риберг говорил в диктофон, как вдруг зазвонил телефон срочной связи. Он схватил трубку и слушал, все больше недоумевая, потом швырнул ее на рычаг, бросился к окну, распахнул. Далеко внизу на улицах нарастает вопль изумления, замирают на месте машины.

Да, правда — небо пусто, корабль Кареллена, неизменный символ власти Сверхправителей, исчез. Ван Риберг шарил взглядом в вышине, сколько хватало глаз,— никакого следа. И вдруг будто средь бела дня надвинулась ночь. С севера низко, над самыми крышами нью-йоркских небоскребов, налетел исполинский корабль, в полумраке он чернел снизу, точно грозовая туча. Ван Риберг невольно отшатнулся. Он всегда знал, что корабли Сверхправителей громадны, но когда громадина недвижно парит в недосягаемой вышине — это одно, и совсем другое — когда такое чудовище проносится у тебя над головой, словно туча, гонимая самим дьяволом.

В сумерках, будто при солнечном затмении, ван Риберг следил за кораблем, пока тот вместе со своей чудовищной тенью не скрылся на юге. И не слышал ни звука, ни хотя бы шелеста в воздухе, значит, только показалось, что корабль так низко,— высота была не меньше километра. А потом все здание содрогнулось от удара воздушной волны и где-то со звоном посыпались на пол выбитые стекла.

За спиной разом заголосили все телефоны, но ван Риберг не шевельнулся. Так и стоял, опершись на подоконник, и все смотрел туда, на юг, ошеломленный этой безмерной мощью.

Стормгрен говорил, а мысль словно работала на двух уровнях сразу. Он пленник этих людей и старается дать им отпор, а в то же время брезжит надежда — вдруг они помогут раскрыть секрет Кареллена? Опасная игра, но, как ни странно, она доставляет истинное наслаждение.

Больше всего вопросов задавал слепой. Просто поразительно, с какой быстротой этот живой ум перебирает все возможности, исследует и отбрасывает все теории, от которых Стормгрен давно уже отказался. И вот уэльсец со вздохом откинулся на спинку стула.

— Это все впустую,— покорно сказал он.— Нам нужно больше узнать, значит, нужно не рассуждать, а действовать.

Казалось, незрячие глаза в раздумье смотрят прямо на Стормгрена. Слепой беспокойно забарабанил пальцами по столу — признак нерешительности, это Стормгрен подметил у него впервые. Потом продолжал:

— Мне немного странно, господин Генеральный секретарь, что вы никогда не пробовали разузнать о Сверхправителях побольше.

— А что я, по-вашему, мог сделать? — холодно спросил Стормгрен, стараясь казаться равнодушным.— Я же вам сказал, из комнаты, где я разговариваю с Карелленом, есть только один выход — и оттуда я прямиком попадаю на Землю.

— Вот если изобрести какие-то приборы, может, они нам что-нибудь да откроют,— вслух раздумывал тот.— Сам я не ученый, но, пожалуй, мы над этим поразмыслим. Если мы вас освободим, согласны вы помочь нам в этом деле?

— Поймите меня правильно раз и навсегда,— вспылил Стормгрен,— Кареллен стремится объединить человечество, и я палец о палец не ударю, чтобы помогать его врагам. Конечных его целей я не знаю, но верю, что ничего плохого не будет.

— Какие у вас доказательства?

— Да все его действия с тех самых пор, как впервые появились корабли. Назовите мне хоть что-нибудь, что, если вдуматься поглубже, не пошло бы нам на благо? — Стормгрен помолчал, перебирая в памяти минувшие годы. Улыбнулся.— Если вам нужно ясное доказательство присущей Сверх-

правителям... как бы это назвать... доброжелательности, вспомните ту историю, когда они запретили жестокое обращение с животными, еще месяца не прошло с их прилета. Если сначала я сомневался насчет Кареллена, тот запрет разогнал все сомнения, хоть и доставил мне больше хлопот, чем все другие его приказы.

«Пожалуй, я не преувеличиваю,— подумал Стормгрен.— Случай был из ряда вон, впервые обнаружилось, что Сверхправители не терпят жестокости. Эта их нетерпимость и еще страсть к справедливости и порядку — вот, кажется, преобладающие у них чувства, насколько можно судить по их действиям».

То был единственный случай, когда Кареллен дал знать, что разгневан, по крайней мере это походило на гнев. «Можете, если угодно, убивать друг друга,— заявил он,— это дело ваше и ваших законов. Но если, кроме как ради пищи или самозащиты, вы станете убивать животных, которые вместе с вами населяют ваш мир, вы мне за это ответите».

Сперва никто толком не понял, насколько широко надо понимать этот запрет и каким образом Кареллен заставит ему подчиниться. Долго ждать не пришлось.

Трибуны арены Плаза дель Торо были набиты битком, начинался парад матадоров и их помощников. Казалось, все идет как всегда — под ярким солнцем ослепительно сверкают освященные обычаем костюмы, толпа зрителей приветствует своих любимцев, так бывало прежде тысячи раз. Но кое-где поднимались головы, зрители тревожно поглядывали на небо, на равнодушное чудище, серебрящееся в пятидесяти километрах над Мадридом.

Потом пикадоры разъехались по местам, и на арену с громким фырканьем вырвался бык. Высвеченные ярким солнцем тощие лошади, храпя от ужаса, завертелись под седоками, а те пришпоривали их, гнали навстречу врагу. Мелькнуло первое копье... впилось в цель... и тут раздался звук, какого не слышали доныне на Земле.

Вопль боли вырвался у десяти тысяч раненых — но, когда эти десять тысяч человек опомнились от потрясения, они не нашли на себе ни царапинки. Однако с боем быков было покончено — и не только в тот раз, но навсегда, ибо

весть о случившемся распространилась быстро. Стоит упомянуть и о том, сколь потрясены были aficionados* — едва ли один из десяти потребовал деньги обратно; и еще лондонская «Дейли миррор» подсыпала соли на раны — предложила испанцам взамен исконного национального спорта заняться крикетом.

— Может быть, вы и правы,— сказал старый уэльсец.— Допустим, побуждения у Сверхправителей наилучшие... по их меркам, и эти мерки могут иногда совпадать с нашими. И все-таки они самовольно вмешались в нашу жизнь, мы их не звали и не просили перевернуть в нашем мире все вверх дном и порушить наши идеалы... да, идеалы, и государства, за чью независимость боролись и отстаивали ее многие поколения.

— Я родом из маленькой страны, которой тоже пришлось бороться за свою свободу, и, однако, я стою за Карелла,— возразил Стормгрен.— Вы можете досадить ему, возможно даже, из-за вас он не так быстро достигнет своей цели, но в конечном счете ничего вы этим не измените. Не сомневаюсь, вы искренни в своих убеждениях; вы боитесь, что в будущем Всемирном государстве не сохранятся традиции и культура малых стран,— я и это могу понять. Но в одном вы не правы — бесполезно цепляться за прошлое. Суверенное государство у нас на Земле отмирало еще до того, как явились Сверхправители. Они только ускорили его гибель; никому уже не спасти эту суверенность — да и пытаться не следует.

Ответа не было, человек напротив Стормгрена не шелохнулся, не вымолвил ни слова. Сидит недвижимо, губы приоткрыты, глаза теперь не просто незрячие, но безжизненные. И все остальные тоже застыли, окоченели в напряженных, неестественных позах. Стормгрен задохнулся от ужаса, встал, попятился к двери.

И тут в тишину ворвался голос:

— Очень мило сказано, Рикки, благодарю. Теперь, пожалуй, мы можем уйти.

* Любители, болельщики *(исп.)*.

Стормгрен круто обернулся, уставился в полутьму коридора. Здесь вровень с его лицом плавал в воздухе маленький, совсем гладкий, без единой отметинки шар — несомненно, источник пущенной в ход Сверхправителями таинственной силы. И Стормгрен услышал, а может, ему просто почудилось тихое гудение, точно от улья в полный ленивой истомы летний день.

— Кареллен! Слава богу! Но что вы с ними сделали?

— Успокойтесь, они живы и здоровы. Можете назвать это своего рода параличом, но тут все много сложнее. Их жизнь сейчас течет в тысячи раз медленнее обычного. Когда мы уйдем, они так и не поймут, что же случилось.

— Вы их так оставите до прихода полиции?

— Нет. У меня план получше. Я их отпущу.

Стормгрен даже изумился, настолько легче стало на душе. Обвел прощальным взглядом подземную комнатку и всех, кто в ней застыл. Джо стоит на одной ноге, смотрит бессмысленно куда-то в пространство. Стормгрен вдруг рассмеялся, пошарил у себя в карманах.

— Спасибо за гостеприимство, Джо,— сказал он.— Пожалуй, я оставлю тебе кое-что на память.

Он порылся в клочках бумаги и наконец подсчитал свои проигрыши. И на сравнительно чистом листке аккуратно написал:

В Манхэттэнский банк

Прошу выплатить Джо сто тридцать пять долларов и пятьдесят центов (135.50).

Р. Стормгрен

Он положил записку возле поляка и услышал голос Кареллена:

— Что вы, собственно, делаете?

— В роду Стормгренов всегда платят долги. Те двое плутовали, но Джо играл честно. По крайней мере, я ни разу не заметил, чтобы он смошенничал.

И пошел к двери, веселый, беззаботный, помолодевший на добрых сорок лет. Металлический шарик отплыл в сторону, пропуская его. Должно быть, это какой-то робот, теперь понятно, как удалось Карелену добраться до плен-

ника, скрытого под пластами камня бог весть какой толщины.

— Сто метров пройдете прямо,— сказал шар голосом Кареллена.— Потом повернете налево, а тогда я дам дальнейшие указания.

И Стормгрен в нетерпении зашагал прямо, хотя и понимал, что торопиться нет нужды. Шар остался висеть позади, в коридоре,— надо думать, прикрывал отступление.

Через минуту Стормгрен подошел к другому такому же шару, тот ждал его на развилке коридора.

— Надо пройти еще полкилометра,— сказал шар.— Держите влево, пока не встретимся опять.

Шесть раз Стормгрен встречался с шарами на пути к выходу. Сперва он недоумевал — может быть, робот как-то ухитряется его обгонять; потом догадался — наверно, эти приборы расположились цепочкой и через нее-то шла связь до самого дна шахты. У выхода на поверхность застыли неправдоподобной скульптурной группой несколько часовых под надзором еще одного из вездесущих шаров. А чуть поодаль на косогоре лежал тот летательный аппаратик, что всегда доставлял Генерального секретаря ООН к Кареллену.

Стормгрен постоял немного, щурясь от солнца. Потом увидел вокруг ржавые, изломанные шахтные механизмы, за ними тянулась вниз по откосу заброшенная железнодорожная ветка. В нескольких километрах отсюда к подножию горы подступал густой лес, а совсем уже в дальней дали поблескивало большое озеро. Пожалуй, он очутился где-то в Южной Америке, хотя трудно определить, откуда такое впечатление.

Забираясь в летательный аппарат, Стормгрен окинул последним беглым взглядом зев шахты и застывших возле нее людей. И вот отверстие в серебристой стене затянулось за ним, и со вздохом облегчения он откинулся на знакомом сиденье.

Не сразу он отдышался настолько, что из глубины души вырвалось короткое:

— Итак?

— Сожалею, что не мог вас вызволить раньше. Но вы ведь понимаете, очень важно было дождаться, чтобы здесь собрались все руководители.

— Так вы...— захлебнулся Стормгрен.— Вы что же, все время знали, где я? Если б я думал...

— Не торопитесь,— сказал Кареллен,— дайте мне хотя бы договорить.

— Прекрасно, я слушаю,— мрачно процедил Стормгрен.

Он начал подозревать, что послужил всего-навсего приманкой в хитроумной западне.

— Некоторое время назад я пустил за вами... пожалуй, можно назвать это устройство «следопытом»,— стал объяснять Кареллен.— Ваши недавние друзья справедливо полагали, что я не мог следовать за вами под землей, однако я сумел идти по следу до самой шахты. Подмена в туннеле — остроумная проделка, но, когда первая машина перестала отвечать на сигналы, подлог обнаружился, и я вскоре опять вас отыскал. А потом просто надо было выждать. Я знал, как только они решат, что я потерял вас из виду, они явятся сюда, и я смогу изловить всех сразу.

— Но вы же их отпускаете!

— До сих пор я не мог выяснить, кто именно из двух с половиной миллиардов людей на вашей планете — подлинные главари подполья. Теперь, когда они известны, я могу проследить каждый их шаг на Земле и, если понадобится, наблюдать за всеми их действиями до мелочей. Это куда лучше, чем посадить их под замок. Что бы они ни предприняли, они тем самым выдадут остальных. Они связаны по рукам и ногам и сами это понимают. Ваше исчезновение останется для них непостижимым, точно у них на глазах вы растаяли в воздухе.

И по крохотной кабине раскатился звучный смех.

— В каком-то смысле презабавная вышла история, но цель ее очень серьезна. Меня заботят не просто несколько десятков человек этой организации, мне надо еще думать о том, как все это скажется на настроении других подпольных групп, которые действуют в других местах.

Стормгрен помолчал. Услышанное не слишком утешает, но мысль Кареллена понятна, и гнев недавнего пленника поостыл.

— Печально, что надо на это пойти, когда мне остаются считаные недели до отставки,— сказал он не вдруг,— но те-

перь я вынужден буду завести у моего дома охрану. В следующий раз могут похитить Питера. Кстати, как он без меня справлялся?

— В последнюю неделю я внимательно следил за ним и нарочно ничем не помогал. В общем, он держался очень недурно, но такой человек не может вас заменить.

— Его счастье,— заметил Стормгрен все еще не без обиды.— А кстати, вы не получили хоть какого-то ответа? Вам все еще не разрешают нам показаться? Теперь я убежден, это — сильнейшее оружие ваших врагов. Мне опять и опять твердят: мы не станем доверять Сверхправителям, пока их не увидим.

Кареллен вздохнул.

— Нет. Я пока не получал никаких известий. Но знаю, что мне ответят.

И Стормгрен оставил этот разговор. Прежде он продолжал бы настаивать, но теперь в мыслях у него впервые забрезжил некий план. Вспомнились слова человека, который его допрашивал. Пожалуй, и правда можно изобрести какие-то приборы...

То, что он отказался выполнить под чьим-либо нажимом, он, возможно, попытается сделать по собственной воле.

4

Еще несколько дней назад Стормгрен просто не поверил бы, что способен всерьез обдумывать такое. Вероятно, мысли его приняли новый оборот главным образом из-за нелепой мелодрамы с похищением — теперь оно казалось чуть ли не плохоньким телевизионным спектаклем. Впервые за всю свою жизнь Стормгрен подвергся прямому насилию, это было слишком не похоже на словесные битвы в залах заседаний. Должно быть, жажда действия, точно вирус, проникла в кровь... или он попросту слишком быстро впадает в детство?

Им двигало еще и жгучее любопытство, да и за шутку, что с ним разыграли, он не прочь бы отплатить. Ведь теперь уже совершенно ясно: Кареллен воспользовался им

как приманкой, пускай с наилучшими намерениями,— все равно Стормгрен не склонен был так легко его простить.

Пьер Дюваль ничуть не удивился, когда Стормгрен, не предупредив заранее, явился к нему в кабинет. Они старые друзья, и Генеральный секретарь ООН нередко навещает главу Бюро научных исследований. Уж конечно, Кареллену и этот визит не покажется странным, если ему или его подчиненным случится как раз сюда обратить недреманное око своих приборов.

Сначала друзья потолковали о делах и обменялись политическими сплетнями; потом, не слишком уверенно, Стормгрен заговорил о том, ради чего пришел. Старый француз слушал, откинувшись на спинку кресла, и с каждой минутой брови его всползали все выше, так что под конец чуть не смешались с прядью волос, падающей на лоб. Раза два он, казалось, хотел было что-то сказать, но сдержался.

Когда Стормгрен умолк, ученый тревожно огляделся.

— А вы не думаете, что он нас слушает? — спросил он.

— Едва ли это возможно. У него есть, как он выражается, следопыт для моей охраны. Но это устройство под землей не действует, потому-то я и пришел сюда, в ваше подземелье. Предполагается, что это — убежище от всех видов радиации, так? Кареллен не кудесник. Он знает, где я сейчас, но не более того.

— Надеюсь, вы правы. И еще одно — если он узнает, что вы хотите проделать, разве это не опасно? А он наверняка узнает.

— Я рискну. Притом мы с ним неплохо понимаем друг друга.

Несколько минут физик, поигрывая карандашом, молча смотрел в одну точку.

— Задачка не из легких. Мне это по душе,— сказал он просто. Нагнулся к какому-то ящику, извлек оттуда большой блокнот, Стормгрен таких громадин и не видывал.— Вот так...— Дюваль принялся стремительно, одержимо чиркать по бумаге, покрывая ее какими-то стенографическими значками, видимо собственного изобретения.— Мне надо знать все в точности. Расскажите все, что знаете, про комнату,

где вы с ним разговариваете. Не упускайте ни единой мелочи, даже если это, по-вашему, пустяк.

— Тут почти нечего описывать. Стены металлические, комната около восьми квадратных метров, высота — метра четыре. Телеэкран размером примерно метр на метр, как раз под ним стол — давайте-ка я вам нарисую.

Стормгрен наскоро набросал чертеж хорошо знакомой комнаты и подвинул через стол Дювалю. И чуть вздрогнул — вспомнилось, как совсем недавно он проделал то же самое. Что-то сталось со слепым уэльсцем и его союзниками? Как отнеслись они к его внезапному исчезновению?

Француз, наморщив лоб, изучал чертеж.

— И это все, что вы можете мне сказать?

— Да.

Дюваль сердито фыркнул.

— А освещение? Вы что же, сидите в полной темноте? А какая там вентиляция, отопление...

Стормгрен улыбнулся: Дюваль верен себе, чуть что — и вспылит.

— Весь потолок — светящийся, а воздух, насколько я понимаю, идет из той же решетки, что и звук. Куда он уходит, не знаю, может быть, время от времени направление тяги меняется, но я этого не замечал. Батарей нет, никаких признаков отопления, но в комнате всегда нормальная температура.

— Иными словами, очевидно, замерзают только водяные пары, но не углекислый газ.

Стормгрен счел долгом улыбнуться старой общеизвестной шуточке.

— По-моему, я вам все сказал. Что до машинки, которая переносит меня на корабль Кареллена, она не примечательнее кабины лифта. Только и разницы, что есть диван и стол.

Несколько минут оба молчали, физик старательно разрисовывал свой блокнот крохотными закорючками. Стормгрен следил за его карандашом и спрашивал себя, почему этот человек — блестящий ум, до которого ему, Стормгрену, очень и очень далеко,— так и не стал подлинно выдающейся величиной в научном мире. Вспомнились злые и

едва ли справедливые слова одного приятеля из американского Государственного департамента: «Французы поставляют лучших в мире работников второго сорта». Дюваль — один из примеров, что в словах этих есть доля правды.

Физик удовлетворенно покивал сам себе, наклонился к Стормгрену, нацелился в него карандашом.

— Рикки, а почему вы думаете, что этот Карелленов телевизор, как вы его называете, и вправду телевизор, а не одна видимость?

— Никогда в этом не сомневался: экран выглядит точно так же. А что еще это может быть?

— Вы говорите — выглядит? То есть это он с виду такой же, как у наших телевизоров?

— Ну конечно.

— Вот это мне и подозрительно. Вряд ли Сверхправители пользуются такой грубой техникой, у них, скорее всего, картинка образуется прямо в воздухе. Да и чего ради Кареллену прибегать к помощи телевизора? Простота — всегда наилучшее решение. Разве не правдоподобнее, что этот ваш телеэкран — всего-навсего поляризованное стекло?

Стормгрен так озлился на себя, что минуту-другую не отвечал и только рылся в памяти. С самого начала он ни разу не усомнился в словах Кареллена — но, если вспомнить, разве Попечитель когда-либо говорил, будто пользуется телевизором? Стормгрен сам ничего другого и не думал, его с легкостью провели, сыграли на естественном ходе человеческой мысли. Да, так — если, разумеется, догадка Дюваля верна. Однако опять он спешит с выводами, ведь никто пока ничего не доказал.

— Если вы правы,— сказал он,— мне просто надо разбить стекло...

Дюваль вздохнул.

— Уж эти мне профаны в науке. Вы что же, воображаете, что такое стекло можно расколотить без взрывчатки? И даже если бы это удалось, по-вашему, Кареллен непременно дышит таким же воздухом, как мы? А если он благоденствует в хлорной атмосфере? То-то славно обернется дело для вас обоих.

Стормгрен почувствовал себя дураком. Мог бы и сам сообразить.

— Хорошо, ну а вы что предлагаете? — спросил он с досадой.

— Мне надо все обдумать. Первым делом надо выяснить, верна ли моя теория и нельзя ли как-то определить, что там за стекло. Поручу кое-кому из моих этим заняться. Кстати, вы, когда навещаете Сверхправителя, наверно, берете с собой портфель? Не тот, что при вас сейчас?

— Он самый.

— Пожалуй, он достаточно большой. Незачем менять, это будет заметно, особенно если к этому Кареллен привык.

— А что я должен сделать? Пронести потайной рентгенóвский аппарат?

Физик усмехнулся:

— Пока не знаю, но что-нибудь да придумаем. Недели через две дам вам знать.

Он коротко засмеялся:

— Знаете, о чем мне все это напоминает?

— Еще бы,— мигом отозвался Стормгрен.— Времена нацистской оккупации, когда вы мастерили для подполья радиоприемники.

Дюваль не сумел скрыть разочарование.

— Правда, мне уже случалось об этом упоминать. Но вот что я вам еще скажу.

— Да?

— Если вы попадетесь, я знать не знал, зачем вам понадобилась такая машинка.

— Как! Не вы ли когда-то подняли такой шум насчет того, что ученый в ответе перед обществом за свои изобретения? Право слово, Пьер, мне за вас стыдно!

Стормгрен положил на стол толстую папку с отстуканными на машинке листами и облегченно вздохнул:

— Наконец-то все улажено. Странно думать, что в этих нескольких сотнях страниц заключено будущее человечества. Всемирное государство! Не надеялся я дожить и увидеть это своими глазами!

Он сунул бумаги в портфель — портфель стоял в каких-нибудь десяти сантиметрах от темного экрана, обращенный к нему тыльной стороной. Порою Стормгрен, сам того не замечая, беспокойно проводил пальцами по застежкам портфеля, но потайную кнопку он нажмет только в последнюю секунду, когда разговор закончится. Дюваль головой ручался, что Кареллен ничего не заметит, но мало ли — вдруг что-нибудь выйдет не так...

— Да, вы ведь сказали, что у вас есть для меня новости,— продолжал он, с трудом скрывая нетерпение.— Это насчет?..

— Да,— сказал Кареллен.— Несколько часов назад мне сообщили решение.

«Что бы это значило?» — подивился Стормгрен. Не может же Попечитель переговариваться с далекой своей планетой, когда бог весть сколько световых лет их разделяет. Разве что, по теории ван Риберга, он просто советуется с какой-то гигантской ЭВМ, способной предсказать, к чему приведет любой политический шаг.

— Лига освобождения и компания будут, пожалуй, не совсем довольны,— продолжал Кареллен,— но обстановка несколько разрядится. Это, кстати, записывать не надо.

Вы часто говорили мне, Рикки, что, как бы мы ни выглядели, человечество быстро привыкнет к любому нашему облику. Это лишь доказывает, как мало у вас воображения. Вы-то сами, вероятно, и правда быстро бы освоились, но не забывайте, в большинстве люди еще недостаточно образованны — чтобы искоренить их суеверия и предрассудки, понадобятся десятилетия.

Не сомневайтесь, нам кое-что известно о человеческой психологии. Мы отлично знаем, что будет, если мы покажемся вашему миру на нынешнем уровне его развития. Не стану вдаваться в подробности, даже с вами, так что уж поверьте мне на слово. Однако вот что мы твердо обещаем, и пусть вас это хоть в какой-то мере удовлетворит: *через пятьдесят лет — когда у вас сменятся два поколения — мы выйдем из наших кораблей и люди наконец увидят нас такими, какие мы есть.*

Стормгрен немного помолчал, надо было освоиться с услышанным. Слова Попечителя не принесли удовлетворения, какое он ощутил бы раньше. Правда, частичный успех застал его немного врасплох и на миг пошатнул недавнюю решимость. Со временем истина выйдет наружу, исполнять задуманное нет нужды и вряд ли благоразумно. Разве только из чистого эгоизма, ведь ему-то, Стормгрену, еще полвека не прожить.

Должно быть, заметив его растерянность, Кареллен прибавил:

— Сожалею, если вас разочаровал, но по крайней мере за политику ближайшего будущего вам уже не придется отвечать. Может быть, вам кажется, будто наши страхи напрасны, но поверьте, мы давно убедились, что всякий иной путь опасен.

Стормгрен задохнулся, весь подался вперед:

— Так, значит, люди вас когда-то уже видели!

— Этого я не говорил,— мгновенно возразил Кареллен.— Ваша планета — не единственная, за которую мы отвечаем.

Но от Стормгрена не так просто было отмахнуться.

— У нас есть немало преданий о том, что некогда на Землю спускались пришельцы с небес.

— Знаю, читал отчет Института древней истории. Судя по этому отчету, ваша Земля — перекресток всех дорог Вселенной.

— А может быть, о каких-то пришельцах вы не знаете,— упорствовал Стормгрен.— Могло же так быть, даже если вы следите за нами уже тысячи лет, а это, по-моему, маловероятно.

— По-моему, тоже,— уронил Кареллен.

Небрежный этот ответ ровно ничего не значил, и тут Стормгрен решился.

— Кареллен,— сказал он резковато,— я набросаю текст сообщения и передам вам, чтобы вы одобрили. Но оставляю за собой право и дальше к вам приставать, а если найду какую-то возможность, всеми силами постараюсь выведать ваш секрет.

— В этом я не сомневаюсь.— В ответе послышалась усмешка.

— И вы не против?

— Ничуть — до известного предела: не стоит прибегать к ядерному оружию, отравляющим газам и прочему, что может подпортить наши дружеские отношения.

Догадался ли Кареллен, спросил себя Стормгрен, и много ли угадал? Он поддразнивает, но за шуткой слышится понимание, а быть может — как знать? — даже поощрение.

— Рад это слышать,— сказал он, очень стараясь, чтобы не дрогнул голос. Поднялся и, поднимаясь, закрыл портфель. Пальцем легко провел по замку.— Сейчас же составлю сообщение,— повторил он,— и еще сегодня передам вам по телетайпу.

Говоря это, он нажал потайную кнопку — и понял, что боялся напрасно. Восприятие Кареллена не тоньше, чем у человека. Конечно же, Попечитель ничего не заметил, ведь когда он попрощался и произнес те слова-шифр, которыми открывалась дверь, голос его прозвучал в точности как всегда.

Однако Стормгрен почувствовал себя воришкой, выходящим из магазина под зорким взглядом детектива, и, когда стена сомкнулась за ним, не оставив никакого следа двери, у него вырвался вздох облегчения.

— Иные мои теории были не слишком удачны, согласен,— сказал ван Риберг.— А все-таки, что вы скажете теперь?

— Вам непременно надо знать? — вздохнул Стормгрен.

Питер словно не заметил вздоха.

— В сущности, это не моя мысль,— сказал он скромно.— Я наткнулся на нее в одном рассказе Честертона. Допустим, Сверхправители скрывают, что им вовсе нечего скрывать.

— Что-то очень сложно, не понял,— сказал Стормгрен, но в нем шевельнулось любопытство.

— Я вот что имею в виду,— с жаром продолжал ван Риберг.— По-моему, физически они такие же люди, как мы. Они понимают, что мы еще терпим, если нами правят ка-

кие-то воображаемые существа... ну, то есть совсем иные, намного превосходящие нас разумом. Но человечество, такое как оно есть, не станет подчиняться себе подобным.

— Весьма изобретательно, как все ваши теории,— сказал Стормгрен.— Хорошо бы вам нумеровать свои опусы, как сочинения композитора, мне было бы легче уследить. На сей раз возразить можно...

Но тут доложили о посетителе, и в кабинет вошел Александр Уэйнрайт.

Стормгрен спросил себя, что у того на уме. И еще — связан ли как-нибудь Уэйнрайт с теми похитителями. Нет, вряд ли: думается, Уэйнрайт совершенно искренне отвергает насилие. Крайнее крыло Лиги освобождения безнадежно опозорилось и не скоро посмеет вновь заявить о себе.

Главе Лиги прочитали текст сообщения, он внимательно выслушал. Стормгрен надеялся, что Уэйнрайт оценит такой знак внимания — мысль эту подсказал Кареллен. Только через двенадцать часов все остальные люди на Земле узнают, какое обещание дано их внукам.

— Пятьдесят лет,— задумчиво произнес Уэйнрайт.— Долго ждать.

— Для людей это, пожалуй, долгий срок, но не для Кареллена,— возразил Стормгрен. Только сейчас он начал понимать, как тонко рассчитали Сверхправители. Нынешнее решение дает им передышку, необходимую, по их мнению, отсрочку, и притом выбивает почву из-под ног Лиги освобождения. Конечно же, Лига не сложит оружие, но отныне ее позиция куда слабее. Разумеется, это понял и Уэйнрайт.

— За пятьдесят лет все будет загублено,— сказал он с горечью.— Никого из тех, кто еще помнит нашу независимость, не останется в живых; человечество утратит наследие предков.

Слова, пустые слова, подумал Стормгрен. Слова, за которые прежде люди дрались и умирали, но никогда больше не станут за них ни умирать, ни драться. И от этого мир станет лучше.

«Сколько хлопот еще доставит Лига в ближайшие десятилетия?» — спросил себя Стормгрен, глядя вслед уходящему Уэйнрайту. И порадовался мысли, что это уже забота его преемника.

Есть недуги, которые может излечить только время. Злодеев можно уничтожить, но ничего не поделаешь с хорошими людьми, упорными в своих заблуждениях.

— Вот он, ваш портфель, как новенький,— сказал Дюваль.

— Спасибо.— Стормгрен все же придирчиво осмотрел портфель.— Теперь, может быть, вы мне объясните, что тут к чему и как мы будем поступать дальше.

Физик, видно, больше занят был своими мыслями.

— Одного не пойму,— сказал он,— почему нам так легко это сошло с рук. Будь я на месте Карел...

— Но вы не на его месте. Не отвлекайтесь, друг. Что мы все-таки открыли?

— Ох уж эти мне пылкие, нетерпеливые северяне! — вздохнул Дюваль.— Мы смастерили нечто вроде радара малой мощности. Помимо радиоволн очень высокой частоты, он работает еще и на крайних инфракрасных, и на всех волнах, которых наверняка не увидит ни одно живое существо, как бы причудливо ни были устроены его глаза.

— А почему вы это знаете наверняка? — спросил Стормгрен, он и сам не ждал, что ему станет любопытна эта чисто техническая задача.

— Н-ну, совсем уж наверняка мы сказать не можем,— нехотя признался Дюваль.— Но ведь Кареллен видит вас при обычном освещении, так? Стало быть, его глаза схожи с нашими и воспринимают световые волны примерно в тех же пределах. Так или иначе, аппарат сработал. Мы убедились, что за этим вашим телеэкраном и впрямь находится большая комната. Толщина экрана около трех сантиметров, а помещение за ним не меньше десяти метров в глубину. Нам не удалось различить эхо от дальней стены, но этого и трудно было ждать при такой малой мощности, а на бóльшую мы не решились. И однако вот что мы все же получили.

Он перебросил Стормгрену листок фотобумаги, по которому проходила единственная волнистая линия. В одном месте она подскочила зубцом, будто оставило отметину небольшое землетрясение.

— Видите этот зубчик?

— Вижу, а что это?

— Всего лишь Кареллен.

— Боже правый! Вы уверены?

— Нетрудно догадаться. Он сидит, или стоит, или кто его знает, как он там располагается, по ту сторону экрана, примерно в двух метрах. Будь разрешающая способность аппарата чуть больше, мы бы даже высчитали его рост.

В смятении разглядывал Стормгрен слабый изгиб следа, прочерченного на бумаге. До сих пор еще ничто не доказывало, что Кареллен — существо материальное. Доказательство и сейчас лишь косвенное, но Стормгрен ни на миг не усомнился.

— Нам надо было еще и рассчитать, насколько этот экран пропускает обычный свет. Думаю, мы представили себе это довольно точно, хотя если и ошиблись на десятую долю, тоже неважно. Вы, конечно, понимаете, что нет такого поляризованного стекла, которое в одном направлении совсем не пропускало бы лучей. Вся суть в том, как размещены источники света. Кареллен сидит в затемненной комнате, а вы освещены, только и всего.— Дюваль усмехнулся.— Что ж, мы это переменим.

С видом фокусника, извлекающего невесть откуда целый выводок белых кроликов, он сунул руку в ящик стола и вынул что-то вроде электрического фонарика-переростка. На конце эта штука резко раздавалась вширь, будто большой револьвер или короткоствольная с широким раструбом.

Дюваль ухмыльнулся.

— Не так страшно, как кажется. Вам только надо прижать дуло к экрану и нажать спусковой крючок. Ровно на десять секунд вспыхнет сильный прожектор, вы успеете обвести им ту комнату и хорошо ее разглядите. Весь пучок лучей пройдет сквозь экран и высветит вашего приятеля как миленького.

— А Кареллену это не повредит?

— Нет, если вы поведете луч снизу вверх. Тогда глаза его успеют освоиться — думаю, рефлексы у него сходны с нашими, и нам вовсе не нужно, чтобы он ослеп.

Стормгрен нерешительно оглядел оружие, взвесил на ладони. В последние недели его мучила совесть. Безусловно, несмотря на обидную подчас прямоту, Кареллен всегда обращался с ним по-дружески, и теперь, когда их встречам приходит конец, совсем не хочется чем-либо испортить эти добрые отношения. Но он ведь честно предупредил Попечителя — и уж наверно, будь сам Кареллен волен в выборе, он давно показался бы людям. Теперь решение принято за него: когда закончится их последняя беседа, Стормгрен посмотрит Кареллену в лицо. Если только у Кареллена есть лицо.

Сперва Стормгрену было тревожно, но он быстро успокоился. Говорил почти все время Кареллен, сплетая свою речь, точно кружево, из мудреных и цветистых выражений, так с ним порой бывало. Когда-то Стормгрену это казалось самым поразительным и, уж конечно, самым неожиданным дарованием Кареллена. Теперь такое красноречие уже не казалось чудом, потому что он знал: как почти все способности Попечителя, это не какой-то редкостный талант, а всего лишь плод могучего ума.

Когда Кареллен замедлял ход своей мысли под стать человеческой речи, у него хватало времени на любые стилистические изыски.

— Ни вам, ни вашему преемнику нет нужды чрезмерно волноваться из-за Лиги освобождения, даже когда она опомнится от объявшего ее сейчас уныния. Уже месяц, как она тише воды, ниже травы,— и хотя еще воспрянет духом, в ближайшие годы не будет представлять опасности. Право же, поскольку всегда следует ценить сведения о том, что делает противник, Лига — чрезвычайно полезная организация. Если у нее когда-нибудь возникнут финансовые затруднения, мне, пожалуй, надо будет ссудить ее деньгами.

Зачастую нелегко понять, говорит Кареллен всерьез или шутит. И Стормгрен слушал, старательно сохраняя вид самый невозмутимый.

— Очень скоро Лига утратит еще один повод для нападок. До сих пор раздавалось много протестов, довольно ребяческих, против особой роли, какую вы играли в последние годы. В раннюю пору моего попечительства такое положение представляло для меня большую ценность, но теперь,

когда ваш мир идет по пути, который я наметил, можно от этого посредничества отказаться. Впредь я не стану поддерживать столь прямую связь с Землей, и обязанности Генерального секретаря ООН в известной мере вновь обретут первоначальную форму.

В ближайшие пятьдесят лет разразится еще немало кризисов, но и это пройдет. Черты вашего будущего достаточно ясны, и настанет день, когда все нынешние сложности забудутся — даже при том, какая у земного человечества долгая память.

Последние слова прозвучали так странно, так значительно, что Стормгрен весь похолодел. Несомненно, Кареллен не допустит оплошности, оговорки, каждое даже, казалось бы, неосторожное слово его всегда взвешено, рассчитано с микроскопической точностью. Но задавать вопросы, которые наверняка остались бы без ответа, было некогда. Попечитель еще раз переменил тему.

— Вы часто спрашивали меня о наших дальнейших планах. Разумеется, создание Всемирного государства — лишь первый шаг. Вы еще увидите, как оно возникнет, но перемена совершится так неуловимо, что мало кто ее заметит. Потом будет пора постепенного упрочения, а тем временем человечество станет готово нас принять. И тогда настанет день, и мы исполним то, что обещали. Мне жаль, что вас при этом уже не будет.

Стормгрен смотрел не мигая, взгляд его устремился далеко за темную преграду экрана. Он загляделся в будущее и представлял себе день, которого ему уже не увидеть,— долгожданный день, когда громадные корабли Сверхправителей опустятся наконец на Землю и распахнутся перед взором человечества.

— В этот день,— продолжал Кареллен,— люди испытают то, что иначе как шоком не назовешь. Но они быстро оправятся от потрясения: их психика станет к тому времени устойчивее, чем у их дедов. Мы станем привычной, неотъемлемой частью их существования, и, когда они нас встретят, мы не покажемся им такими... странными... как показались бы вам.

Никогда еще Кареллен не предавался вот таким раздумьям вслух, но Стормгрен не удивился. Он всегда был уверен, что ему знакомы лишь немногие грани личности Попечителя; подлинный Кареллен человеку неведом, а быть может, и недоступен человеческому пониманию. И уже не впервые возникло чувство, что по-настоящему Кареллена занимает что-то совсем другое, а управлению Землей он отдает лишь малую долю своих мыслей — с такой легкостью шахматист, чемпион игры в трех измерениях, играл бы в шашки.

— А что будет дальше? — тихо спросил Стормгрен.

— Тогда для нас начнется настоящая работа.

— Я часто гадал, в чем же она состоит. Навести в нашем мире порядок, сделать людей культурнее и воспитаннее — только средство, а у вас, конечно, есть какая-то цель. Может быть, когда-нибудь мы выйдем в космос и даже сумеем помогать вам в ваших трудах?

— В каком-то смысле, пожалуй, да,— сказал Кареллен, и так явственно прозвучала в этом ответе необъяснимая печаль, что у Стормгрена странно сжалось сердце.

— Ну а если ваш опыт с человечеством не удастся? Такое случалось у нас в отношениях с отсталыми народами. Наверно, и вам не все удается?

— Да,— сказал Кареллен совсем тихо, Стормгрен едва расслышал.— Не все удается и нам.

— Как же вы тогда поступаете?

— Ждем... а потом пробуем еще раз.

Короткое молчание, какие-нибудь пять секунд. И когда Кареллен вновь заговорил, слова его застигли Стормгрена врасплох.

— Прощайте, Рикки!

Кареллен его провел... может, уже поздно! Стормгрен оцепенел, но лишь на миг. И тотчас быстро, ловко — недаром тренировался — он выхватил заветный фонарь и прижал к экрану.

Сосны подходили почти к самой воде, вдоль озера оставалась только неширокая, в несколько метров, полоска берега, поросшая травой. В теплую погоду Стормгрен, несмот-

ря на свои девяносто лет, каждый вечер отправлялся на прогулку по берегу, до пристани, смотрел, как угасает на воде отражение заката, и возвращался домой прежде, чем дохнет из лесу холодный ночной ветер. Этот нехитрый обряд доставлял ему истинное удовольствие — пока есть силы, он от этого не откажется.

Издалека, с запада, что-то летело быстро и низко, над самым озером. Самолеты в этих краях появляются не часто, кроме рейсовых пассажирских на линиях, пересекающих полюс,— эти, должно быть, проходят на большой высоте каждый час, и днем и ночью. Но их не замечаешь, разве что изредка протянется след в синеве стратосферы — белая полоска пара. А тут откуда-то взялся маленький вертолет — и явно направляется сюда, к нему. Стормгрен окинул взглядом полоску берега и понял, что ему не сбежать и не спрятаться. Пожал плечами и опустился на деревянную скамью в конце причала.

Репортер был необыкновенно почтителен, Стормгрен даже удивился. Он почти забыл, что он не только старейший из государственных мужей, но, вне пределов своей родины, личность почти легендарная.

— Мистер Стормгрен,— начал непрошеный гость,— мне очень неловко вас беспокоить, но, может быть, вы согласитесь прокомментировать некое только что полученное сообщение о Сверхправителях?

Стормгрен чуть сдвинул брови. После стольких лет он все еще разделял нелюбовь Кареллена к этому слову.

— Вряд ли я могу много прибавить к тому, что было уже написано прежде.

Репортер впился в него до странности испытующим взглядом.

— А мне казалось, можете. Сейчас неожиданно всплыла престранная история. Вроде бы почти тридцать лет назад один работник Бюро научных исследований смастерил для вас какой-то замечательный прибор. Надеюсь, вы нам что-нибудь об этом расскажете.

Стормгрен помолчал, унесся мыслями в прошлое. Его не удивило, что тайну раскрыли. Напротив, удивительно, что так долго она оставалась тайной.

Он поднялся и пошел по пристани к берегу, репортер, приотстав на несколько шагов,— за ним.

— В этом слухе есть доля истины,— сказал Стормгрен.— Когда я в последний раз поднимался на корабль Кареллена, я прихватил с собой некий аппаратик, надеялся, что сумею увидеть Попечителя. Не очень-то умный был поступок, но... что ж, мне тогда было всего лишь шестьдесят.— Он тихонько усмехнулся, потом докончил: — Не стоило вам ради этой пустячной истории лететь в такую даль. Фокус, знаете ли, не удался.

— Вы ничего не увидели?

— Ровным счетом ничего. Боюсь, вам придется ждать... но, в конце концов, осталось только двадцать лет!

Двадцать лет. Да, Кареллен был прав. Тогда мир будет готов принять новость, как отнюдь не был готов тридцать лет назад, когда он, Стормгрен, вот так же солгал Дювалю.

Кареллен верил ему, и Стормгрен не обманул доверия. Никаких сомнений. Попечитель с самого начала знал, что он замышляет, предвидел и рассчитал все до последней секунды.

Иначе почему громадное кресло было уже пусто, когда на нем вспыхнул круг света! В страхе, что опоздал, Стормгрен вмиг повел лучом. Когда он заметил металлическую дверь, вдвое выше человеческого роста, она уже затворялась — быстро, очень быстро, и все же недостаточно быстро.

Да, Кареллен доверял ему, не хотел, чтобы на склоне лет он еще долго терзался неразрешимой загадкой. Кареллен не решился открыто нарушить запрет неведомых сил, которые стоят над ним (принадлежат ли и они к тому же племени?),— но он сделал все, что мог. Им не доказать, что то было прямое неповиновение. И Стормгрен знал: тем самым Кареллен доказал, что и вправду к нему привязан. Быть может, это всего лишь привязанность человека к преданной и умной собаке, но чувство это искреннее, и за всю жизнь Стормгрену не часто случалось испытать большее удовлетворение.

«Не все удается и нам».

Да, Кареллен, это верно — и уж не ты ли сам потерпел неудачу на заре истории рода людского? И какая жестокая

была неудача, думал Стормгрен, если громовое эхо ее прокатилось через века и страхом перед ним одержимы были все народы Земли, пока не вышли из детства. В силах ли вы даже за полстолетия одолеть власть всех мифов и преданий нашего мира?

И однако Стормгрен знал, второй неудачи не будет. Когда Сверхправители снова встретятся с людьми, они уже завоюют доверие и дружбу человечества, и этого не разрушит даже потрясение от встречи со знакомым обликом. Дальше они пойдут бок о бок, и неведомая трагедия, которая, должно быть, омрачила прошлое, навсегда затеряется в сумраке доисторических времен.

И отрадно надеяться, что, когда Кареллен волен будет снова ступить на Землю, он побывает когда-нибудь здесь, в северных лесах, и постоит у могилы первого из людей, кто стал ему другом.

II
ЗОЛОТОЙ ВЕК

5

«Час настал!» — нашептывало радио на сотне языков. «Час настал!» — твердили тысячи газетных заголовков. «Час настал!» — опять и опять проверяя свои камеры, думали кинооператоры, они кольцом окружили просторное поле, где скоро опустится корабль Кареллена.

В небе оставался только один корабль, над Нью-Йорком. Только теперь мир узнал, что над другими городами никаких кораблей и не было. Накануне громадный флот Сверхправителей обратился в ничто, растаял, как туман, когда выпадает утренняя роса.

Рейсовые корабли, которые сновали взад и вперед, доставляя на Землю грузы из космических далей, были самые настоящие; а вот серебряные облака, что долгий срок — целую человеческую жизнь — недвижно парили почти над всеми столицами, оказались обманом зрения. Никто не мог понять, как это делалось, но, похоже, они все до единого были только отражением корабля Кареллена. Но не просто миражом, игрой света, ведь и радары тоже обманывались, и еще оставались живые свидетели, которые клялись, что своими ушами слышали, с каким шумом и свистом прорвал небеса этот воздушный флот.

Все это не имеет значения, важно одно: Кареллен больше не считает нужным выставлять напоказ свою силу. Он отбросил психологическое оружие.

— Корабль двинулся! — Весть мгновенно облетела планету.— Он идет на запад!

Медленно, не быстрее тысячи километров в час, опускался корабль из разреженных высот стратосферы на просторную равнину для второй встречи с историей Земли. И послушно замер перед нетерпеливыми кинокамерами и тысячами зрителей — в тесной толпе лишь немногим видно было все, что разглядели многие миллионы дома, у телевизора.

Казалось, земля содрогнется, треснет под неимоверной тяжестью, но корабль все еще удерживали неведомые силы, что направляли его полет среди звезд. И он опустился наземь легко, невесомо, как снежинка.

Выпуклая стена в двадцати метрах над полем замерцала, пошла зыбью, точно гладь озера; в ровной блестящей поверхности открылся большой проем. В нем ничего не различить даже пытливому глазу кинокамеры. Внутри тень, тьма, словно в пещере.

Из отверстия появился широкий блестящий трап и уверенно пошел вниз. Похоже, это цельная металлическая лента с перилами по бокам. Никаких ступенек, крутой гладкий спуск, будто горка для спортивных саней, и, кажется, обычным способом по нему невозможно ни спуститься, ни подняться.

Весь мир не сводил глаз с темного портала, в котором все еще не заметно было ни малейшего движения. А потом из какого-то скрытого источника негромко зазвучал хоть и редко слышанный, но незабываемый голос Кареллена. И произнес он слова самые неожиданные:

— Внизу у трапа есть дети. Я хотел бы, чтобы двое из них поднялись сюда и познакомились со мной.

Мгновение тишины. Потом из толпы выбежали мальчик и девочка и, ничуть не смущаясь, направились к трапу, готовые войти в корабль — и в историю. Следом выбежали было другие, но остановились, когда Кареллен сказал со смешком:

— Довольно двоих.

Жадно предвкушая удивительное приключение, те двое — лет шести, не старше — прыгнули на металлический скат. И тут случилось первое чудо.

Весело махая руками толпе и встревоженным родителям, которые, пожалуй, поздновато вспомнили легенду о Крысолове, дети быстро поднимались по крутому склону. Но они не сделали ни шагу, и скоро стало видно, что они стоят не вертикально, а под прямым углом к странному трапу. Он обладал собственной силой тяготения, независимой от притяжения Земли. Радуясь чуду и не понимая, что же это поднимает их, дети скрылись в глубине корабля.

На двадцать секунд весь мир затих, замер — после никому не верилось, что тишина была столь недолгой. А потом огромное отверстие словно бы приблизилось, и на солнечный свет выступил Кареллен. На левой руке у него сидел мальчик, на правой — девчурка. Оба поглощены были игрой, их так занимали крылья Кареллена, что они и не поглядели вниз, на толпу.

Да, Сверхправители — тонкие психологи — за долгие годы умело подготовили человечество к этому дню, и только очень немногие лишились чувств. Однако в мире еще меньше, наверно, было таких, у кого в душе на страшный миг не всколыхнулся извечный ужас, прежде чем разум изгнал его навсегда.

Все так, в точности. Кожистые крылья, короткие рожки, хвост с острым концом, будто наконечник стрелы,— все на месте. Ожило, вышло из неведомого прошлого самое страшное предание. Но вот оно улыбается, полное величия, в солнечных лучах сверкает огромное тело, будто выточенное из черного дерева, и к плечам его доверчиво прильнули два человеческих детеныша.

6

Пятьдесят лет — срок немалый, за эти годы можно изменить планету и ее жителей до неузнаваемости. Тут только и нужны знание законов общества, ясность цели — и могущество.

Всем этим обладали Сверхправители. Хотя конечная цель их и оставалась тайной, но очевидны были и знания — и могущество.

Могущество принимало различные формы, и лишь немногие явственны были для людей, чьими судьбами ныне распоряжались Сверхправители. Каждый видел, какая мощь сокрыта в исполинских кораблях. Но за этой очевидной для всех дремлющей силой таилось иное, гораздо более утонченное оружие.

— Нет неразрешимых задач,— сказал когда-то Карелен Стормгрену,— надо только правильно применить власть.

— Звучит довольно цинично,— усомнился Стормгрен.— Слишком напоминает известное изречение «Кто силен, тот и прав». У нас в прошлом те, кто пускал в ход силу, ровно ничего не сумели решить.

— Суть в том, чтобы применить ее правильно. У вас тут никогда не было ни настоящей силы, ни знаний, необходимых, чтобы ею пользоваться. Притом за любую задачу можно взяться с толком, а можно без толку. Допустим, к примеру, одно из ваших государств, во главе с каким-нибудь фанатиком, попробует восстать против меня. Весьма бестолково было бы ответить на подобную угрозу несколькими миллиардами лошадиных сил в виде атомной бомбы. Пусти я в ход достаточно бомб — и задача решена раз и навсегда. Но, как я уже сказал, решена без толку, не будь даже у этого решения других недостатков.

— А как решить ее с толком?

— Энергии для этого понадобится примерно как для небольшого радиопередатчика, и примерно такое же умение, чтобы ею управлять. Ибо важно не сколько энергии пустить в ход, важно — как ее применить. Долго ли, по-вашему, Гитлер оставался бы диктатором в Германии, если бы его на каждом шагу преследовал что-то неумолчно шепчущий голос? Или день и ночь звучала бы в ушах одна и та же нота, заглушала все другие звуки и не давала уснуть? Согласитесь, способ отнюдь не жестокий. И однако в конечном счете столь же неодолимый, как тритиевая бомба.

— Понимаю,— сказал Стормгрен.— И негде было бы укрыться?

— Нет такого места, куда я не мог бы, если очень захочу, послать мои... э-э... аппараты. Потому-то мне и незачем принимать крутые меры, чтобы поддерживать порядок.

Итак, исполинские корабли Сверхправителей оказались только символами, и теперь весь мир узнал, что лишь один из них не был призраком. Однако самим своим присутствием призраки эти изменили историю Земли. А теперь задача их выполнена, и память о том, что они совершили, останется в веках.

Кареллен рассчитал точно. Внезапный ужас и отвращение забылись быстро, хотя многие, кто с гордостью считал себя ничуть не суеверным, так никогда и не решились встретиться с кем-нибудь из Сверхправителей лицом к лицу. Что-то здесь было странное, чего не объяснишь разумом и логикой. В эпоху Средневековья люди верили в дьявола и страшились его. Но теперь уже двадцать первый век — так неужели все же существует какая-то наследственная, родовая память?

Разумеется, все так и понимали, что между Сверхправителями или родственными им существами и человечеством некогда, в глубокой древности, разыгралась жестокая битва. Должно быть, столкнулись они в бесконечно далеком прошлом, ибо в исторических источниках не сохранилось никаких следов той встречи. Вот еще одна загадка, и Кареллен не дает к ней ключа.

Хотя Сверхправители и показались людям, они редко покидали свой единственный корабль. Возможно, на Земле им было неудобно. Должно быть, там, откуда родом эти крылатые великаны, сила тяжести гораздо меньше. И всегда на них какие-то пояса, снабженные сложными механизмами: предполагается, что с их помощью Сверхправители управляют своим весом и общаются между собой. Яркое солнце они переносят с трудом и остаются на свету считаные секунды. А когда нужно пробыть под открытым небом подольше, надевают темные очки и выглядят в них престранно. Очевидно, они могут дышать земным воздухом, однако иногда носят с собой что-то вроде фляжки и порой освежаются глотком какого-то газа.

Возможно, их необщительность объясняется чисто физическими причинами. Мало кому доводилось встретить Сверхправителя во плоти, и можно только гадать, сколько их на борту у Кареллена. Никогда люди не видели сразу

больше пятерых, но в исполинском корабле их, возможно, сотни и даже тысячи.

Во многих отношениях с выходом Сверхправителей на люди возникло больше новых загадок, чем разрешилось прежних. Все еще неизвестно, откуда они, счету нет теориям о том, что они собой представляют как биологический вид. На многие вопросы они отвечают охотно, а в некоторых случаях до крайности скрытны. Но все это беспокоит только ученых. А рядовой землянин, если и не жаждет общаться со Сверхправителями, благодарен им за все, что они сделали для людей.

По меркам прошлого на Земле воцарилась Утопия. Не стало невежества, болезней, нищеты и страха. Память о войне растворилась в прошлом, как рассеивается на заре страшный сон: скоро среди живых людей не останется ни одного, кто испытал все это на себе.

Вся человеческая энергия обратилась на творчество — и облик Земли преобразился. Теперь это поистине новый мир. Большие города, которыми довольствовались прежние поколения, стали бесполезны — и их либо перестроили, либо покинули и превратили в музеи. Многие города уже давно заброшены, потому что вся система промышленности и торговли совершенно изменилась. Производство стало почти полностью автоматическим: заводы-роботы нескончаемым потоком дают все необходимое для повседневной жизни — и все это даром. Люди работают, только если им хочется каких-то предметов роскоши,— или не работают совсем.

Мир стал един. Былые названия старых стран сохранялись лишь для удобства почты. Не осталось на свете человека, который не говорил бы по-английски, не умел читать, не мог в любую минуту воспользоваться телевизионной связью или не больше чем за сутки перенестись в другое полушарие.

Исчезла преступность. Преступление стало и ненужным и невозможным. Когда никто ни в чем не нуждается, незачем воровать. Притом все, кто способен был бы на преступление, знали, что им не ускользнуть от бдительного ока Сверхправителей. Поначалу те весьма убедительно вмешивались в земные дела, поддерживая закон и порядок,— урок усвоен был прочно.

Еще совершаются преступления в порыве страсти, но и они большая редкость. Очень многие противоречия, что были мучительно неразрешимы, теперь устранены, а потому человечество стало душевно здоровее и не столь безрассудно. И то, что в былые времена именовалось пороком, теперь сочтут всего лишь чудачеством, в худшем случае — невоспитанностью.

И еще одна разительная перемена; не стало сумасшедшей спешки, которой отличался двадцатый век. Жизнь течет медлительнее, появился досуг, какого не знали несколько поколений людей. А потому немногие находят ее довольно пресной, зато большинству живется куда спокойнее. На Западе люди заново узнали то, о чем никогда не забывали все остальные,— что в досуге нет греха, лишь бы он не выродился в праздность и лень.

Быть может, будущее и принесет новые заботы, но пока избыток свободного времени людям не в тягость. Они дольше учатся, и познания их основательнее, глубже. Мало кто заканчивает колледж раньше двадцати — и это лишь первая ступень образования, обычно человек по крайней мере года на три возвращается к учению в двадцать пять, когда путешествия и жизненный опыт уже расширили его кругозор. И даже после, пока жив, время от времени освежает свои познания в наиболее интересных для него областях.

Оттого что ученичество продлилось далеко за рубеж, когда юнец становится взрослым, многое изменилось в жизни общества. Иные перемены стали необходимы еще несколько поколений назад, но в былые времена их не осмеливались ввести либо притворялись, что и нужды в них нет. Так, изменились — изменились в корне — отношения между полами, если считать, что в этой области mores* когда-нибудь строились по единому образцу. Все устои рассыпались в прах под ударами двух изобретений чисто человеческих — Сверхправители тут были ни при чем.

* Нравы *(лат.)*.

Первое изобретение — совершенно надежное противозачаточное средство, довольно проглотить таблетку; второе — столь же верный, как отпечатки пальцев, способ определить, кто отец ребенка, по очень подробному анализу крови. Действие этих двух новинок иначе как разрушительным не назовешь — последние остатки пуританской ограниченности сметены были с лица Земли.

И еще одна громадная перемена в образе жизни — необычайная подвижность. Воздушный транспорт достиг совершенства, и всякий в любую минуту волен лететь куда вздумается. Небеса много просторнее, чем какие-либо дороги прошлого, и двадцать первый век с гораздо более широким размахом повторил знаменитое достижение Америки, когда целый народ оказался на колесах. Теперь все человечество получило крылья.

Впрочем, не буквально. У обычного флайера или аэромобиля, каким располагал каждый, не было ни крыльев, ни видимых глазу приборов. Исчезли и неуклюжие винты старинных вертолетов. Но человек не открыл способа преодолеть земное притяжение — этим величайшим секретом владели только Сверхправители. В аэромобилях людей действовали силы попроще, их могли бы понять и братья Райт. Реактивный двигатель, работающий и непосредственно, и в более сложном режиме с ограничением высоты, вел флайер вперед и поддерживал в воздухе, и эти вездесущие воздухолетики стерли последние границы между различными человеческими племенами так быстро и так безвозвратно, как не стерли бы Сверхправители никакими законами и приказами.

Совершались и перемены более глубокие. Настал век безбожия. Из всех видов веры, какие существовали до прилета Сверхправителей, выжил лишь своего рода облагороженный буддизм — пожалуй, самая суровая из религий. Верования, основанные на чудесах и откровениях, рухнули раз и навсегда. Они и прежде постепенно развеивались, по мере того как люди становились образованнее, но поначалу Сверхправители в эти вопросы не вмешивались. Карелена нередко спрашивали, как он относится к религии, но

он только и отвечал, что вера — личное дело каждого человека, лишь бы он не посягал на свободу других.

Быть может, древние верования продержались бы еще у нескольких поколений, если б не вечное человеческое любопытство. Все знали, что Сверхправителям доступно прошлое, и не раз историки просили Кареллена разрешить какой-нибудь давний спор. Возможно, такие вопросы ему надоели, а скорее, он прекрасно понимал, к чему поведет его великодушие...

Аппарат, который он передал Институту всемирной истории, представлял собою просто приемник, телевизор с обширной клавиатурой настройки на время и пространство. Должно быть, он был так или иначе связан с несравнимо более сложной машиной на борту Карелленова корабля, а уж как она действует, никто и вообразить не мог. На Земле ученый просто нажимал нужные клавиши — и распахивалось окно в прошлое. Взгляду мгновенно открывалось едва ли не любое событие в истории человечества за последние пять тысяч лет. Глубже в прошлое аппарат не погружался, настроенный на более ранние века экран зиял непонятной пустотой. Возможно, на то была какая-то естественная причина, а возможно, Сверхправители умышленно не позволяли узнать больше.

Конечно, всякому мыслящему человеку и прежде ясно было, что *все* вероучения не могут быть истинными, но удар оказался роковым. Вот оно, разоблачение, в котором не усомнишься, с которым не поспоришь: неведомое волшебство науки Сверхправителей открыло взорам людей, как на самом деле возникли в мире все великие религии. Почти все они начинались благородно и вдохновенно — но не более того. В несколько дней несчетные мессии рода людского перестали быть богами. Верования, которые долгих два тысячелетия служили опорой миллионам людей, растаяли, точно утренняя роса, в жестоком, бесстрастном свете истины. Все доброе и все злое, что они создали, разом отошло в прошлое и уже не могло тронуть ничью душу.

Человечество лишилось древних богов — и уже настолько повзрослело, что не нуждалось в новых.

Пока мало кто понимал, что наряду с крушением веры приходила в упадок наука. Процветали техника и технология, но наперечет были своеобычные умы, которые пытались раздвинуть границы человеческого знания. Оставалось любопытство, хватало досуга, чтобы его утолить, но пыл серьезного научного исследования угас. Что толку всю жизнь доискиваться тайн, наверняка открытых Сверхправителями много веков назад.

Этот упадок был не столь заметен, оттого что пышно расцвели науки описательные — зоология, ботаника, астрономические наблюдения. Никогда не бывало на свете стольких любителей, собирающих научные данные для собственного удовольствия, но почти не осталось теоретиков, которые свели бы эти данные в единую систему.

А при том, что исчезла борьба, угасли раздоры и противоречия, пришел конец и творчеству, подлинному искусству. Исполнителей тьма — и любителей, и профессионалов, но за целое поколение не создано ничего нового, по-настоящему талантливого ни в литературе, ни в музыке, ни в живописи и скульптуре. Мир все еще жил былой славой, блистательными свершениями невозвратного прошлого.

И никого это не тревожило, если не считать немногих философов. Человечество слишком упивалось новообретенной свободой, радовалось сиюминутными радостями и дальше не заглядывало. Наконец-то вот она, Утопия, Золотой век; его новизну еще не омрачил злейший враг всякой утопии — скука.

Быть может, у Сверхправителей было в запасе решение и этой задачи, решили же они столько других. Со дня их прилета минул долгий срок — целая человеческая жизнь,— но и сейчас, как тогда, никто не знал, зачем они явились. Человечество привыкло им верить и уже не задавалось вопросом, что за сверхчеловеческая самоотверженность так долго удерживает Кареллена и его спутников вдали от родины.

Если это и впрямь самоотверженность. Все-таки еще находились люди, которые спрашивали себя, вправду ли конечная цель Сверхправителей — благоденствие человечества.

7

Если подсчитать, какое расстояние предстояло одолеть всем, вместе взятым, кого пригласил в тот день Руперт Бойс, цифра получилась бы внушительная. Только в первой дюжине гостей были Фостеры из Аделаиды, Шенбергеры с Гаити, Фарраны из Сталинграда, чета Моравия из Цинциннати, чета Иванко из Парижа и еще Салливены, живущие, в общем-то, по соседству с островом Пасхи, но на дне океана, на глубине четырех километров. И немало чести делает Руперту, что, хотя разослал он тридцать приглашений, гостей прибыло больше сорока — примерно так он и рассчитывал. Подвели только Краусы — просто потому, что забыли, с какого меридиана идет международный отсчет времени, и опоздали ровно на двадцать четыре часа.

К полудню в парке собралась изрядная коллекция флайеров, и тем, кто явится последним, когда они найдут наконец, где приземлиться, придется еще немало пройти пешком. Во всяком случае, под безоблачным небом, когда по Фаренгейту сто десять, путь покажется долгим. Вокруг замерли аэромобили всевозможных марок, от одноместных «букашек» до семейных «кадиллаков», похожих уже не просто на средство передвижения по воздуху, а на летучие дворцы. Впрочем, теперь по марке машины никак нельзя судить о положении ее владельца в обществе.

— До чего уродливый дом,— сказала Джин Моррел, когда «метеор» по спирали начал снижаться.— Точно коробка, на которую кто-то наступил.

Джорджу Грегсону свойственна была старомодная неприязнь к автоматической посадке, и, прежде чем ответить, он подрегулировал скорость спуска.

— Под таким углом зрения едва ли можно судить о доме,— справедливо заметил он.— С земли он, наверно, выглядит совсем по-другому. О господи!

— Что случилось?

— Фостеры тоже тут. Это сочетание цветов я где угодно узнаю.

— Ну так не разговаривай с ними, если не хочется. Вот чем хороши сборища у Руперта — всегда можно скрыться в толпе.

Джордж высмотрел свободное местечко и уверенно повел флайер вниз. Они плавно опустились между другим «метеором» и какой-то машиной совсем неизвестной обоим марки. На вид штука очень быстроходная и очень неудобная, подумала Джин. Наверно, кто-нибудь из Рупертовых приятелей, помешанных на технике, сам ее смастерил. А ведь это как будто по закону не полагается. Они вышли из «метеора», и жара опалила их, точно пламя электросварки. Словно разом из тела испарилась вся влага, и Джорджу почудилось, что у него трескается пересохшая кожа. Конечно, отчасти сами виноваты. Три часа назад они вылетели с Аляски и не сообразили поменять температуру в кабине, чтоб переход был не такой резкий.

— Да разве можно тут жить! — Джин еле перевела дух.— Я думала, здешним климатом как-то управляют.

— Конечно управляют,— сказал Джордж.— Когда-то здесь была пустыня, а теперь — сама видишь. Ну, идем, в доме все будет как надо.

Тут их окликнул Руперт — весело, но как-то непривычно гулко. Хозяин дома стоял возле их «метеора», протягивал гостям по бокалу и с озорной улыбкой смотрел на них сверху вниз. Свысока он смотрел по той простой причине, что был примерно трех с половиной метров ростом; к тому же он оказался почти прозрачным. Сквозь него нетрудно было смотреть.

— Ну и шуточки ты шутишь со своими гостями! — воскликнул Джордж и попробовал ухватить бокалы, до которых только-только сумел дотянуться. Рука, разумеется, прошла насквозь.— Надеюсь, когда мы доберемся до твоего дома, для нас найдется что-нибудь более осязаемое.

— Не беспокойтесь! — засмеялся Руперт.— Давай заказывай, когда придете, все будет наготове.

— Две солидные порции пива, охлажденные в жидком воздухе,— мигом распорядился Джордж.— Мы сейчас же явимся.

Руперт кивнул, поставил один бокал на невидимый стол, нажал какую-то невидимую кнопку и исчез.

— Ну и ну! — сказала Джин.— Первый раз вижу, как действует такая машинка. Откуда Руперт ее раздобыл? Я думала, они есть только у Сверхправителей.

— А ты знаешь хоть один случай, когда Руперт не раздобыл бы, чего захотел? — возразил Джордж.— Для него это самая подходящая игрушка. Сиди уютно у себя в кабинете и при этом обойдешь пол-Африки. Ни жары, ни кусачих насекомых, ни усталости, и еще холодильник с пивом под рукой. Любопытно, что бы подумали Стенли и Ливингстон?

Под палящим солнцем больше говорить не хотелось. Когда они подошли к парадной двери, почти неразличимой в сплошном стекле фасада, она под пение фанфар автоматически распахнулась. «Наверно, к вечеру меня уже начнет тошнить от фанфар»,— подумала Джин и не ошиблась.

В чудесной прохладе прихожей их приветливо встретила очередная миссис Бойс. По правде сказать, из-за нее-то и собралось такое множество гостей. Половина явилась бы все равно поглядеть на новое жилище Руперта; тех, кто сперва колебался, привлекли рассказы о его новой жене.

Потрясающая женщина! Поистине другого слова не подобрать. Даже теперь, в мире, где красотой никого не удивишь, мужчины оборачивались, едва она входила в комнату. Должно быть, у нее одна бабка или дед были негры, догадался Джордж; безукоризненно правильные античные черты; длинные волосы отливают вороненой сталью. Только смуглая кожа сочного оттенка, определяемого одним лишь затрепанным словом «шоколадный», выдает ее смешанное происхождение.

— Вы — Джин и Джордж, правда? — Она протянула руку.— Очень рада с вами познакомиться. Руперт там что-то мудрит с коктейлями. Идемте, познакомьтесь со всеми.

От ее глубокого контральто по спине Джорджа пробежала дрожь, словно кто-то перебирал по ней пальцами, как на флейте. Он беспокойно покосился на Джин — та натянуто, через силу улыбнулась — и не сразу сумел ответить.

— Очень... очень приятно,— пролепетал он.— Мы так предвкушали нынешний прием.

— Руперт *всегда* устраивает очень милые приемы,— вставила Джин.

«Всегда» прозвучало весьма недвусмысленно, это значило — каждый раз, когда он женится. Джордж немного по-

краснел, бросил на Джин укоризненный взгляд, но хозяйка словно и не заметила шпильки. Воплощенное дружелюбие, она приветливо ввела их в главную гостиную, где уже собралось пестрое общество многочисленных друзей-приятелей Руперта.

Сам хозяин сидел у аппарата, похожего на пульт управления,— очевидно, через этот аппарат он и посылает свое изображение встречать гостей, понял Джордж. Руперт как раз и старался поразить этим еще двоих, чья машина только что совершила посадку, но на секунду отвлекся, поздоровался с Джин и Джорджем и попросил прощения: приготовленные для них коктейли он уже кому-то отдал.

— Вон там всякого питья полно,— договорил он и махнул рукой куда-то назад, не переставая другой нажимать клавиши аппарата.— Будьте как дома. Вы тут почти всех знаете, Майя вас познакомит с остальными. Спасибо, что приехали.

— Спасибо, что вы нас пригласили,— сказала Джин не очень уверенно.

Джордж уже шагал к стойке. Джин пошла следом, на ходу здоровалась, замечая знакомое лицо. На три четверти, как всегда у Руперта, тут собрались люди, которые никогда прежде друг друга не встречали.

— Давай пойдем на разведку,— сказала она Джорджу, когда они промочили горло и хотя бы помахали рукой всем знакомым.— Я хочу осмотреть дом.

Джордж, почти не скрываясь, оглянулся на Майю Бойс и пошел за Джин. Взгляд у него стал отрешенный, и это ей совсем не понравилось. Беда, что мужчины по природе своей многоженцы. Впрочем, будь по-другому... Нет, пожалуй, так оно лучше.

Они принялись исследовать полную чудес новую обитель Руперта, и Джордж скоро опять стал самим собой. Дом казался чересчур велик для двоих, но иначе нельзя, ведь тут часто, как сегодня, будет полно посторонних.

— Он двухэтажный, верхний этаж много больше, так что выступает над нижним и дает ему тень. На каждом шагу автоматы, и кухня — не кухня, а рубка воздушного лайнера.

— Бедняжка Руби, ей бы здесь понравилось,— сказала Джин.

— Насколько я слышал, она вполне счастлива со своим дружком в Австралии,— возразил Джордж, он вовсе не питал нежных чувств к предыдущей миссис Бойс.

Спорить не приходилось — про Руби и австралийца было известно всем, и Джин переменила разговор:

— Она ужасно хороша, правда?

У Джорджа хватило ума не попасться на удочку.

— Да, пожалуй,— равнодушно сказал он.— Конечно, если кому нравятся брюнетки.

— Тебе, как я понимаю, они не нравятся,— премило заметила Джин.

— Не надо ревновать, дорогая,— усмехнулся Джордж и погладил ее по очень светлым золотистым волосам.— Пойдем посмотрим библиотеку. По-твоему, где она может быть?

— Наверно, тут, наверху: внизу больше нет места. И вообще, похоже, так задумано: жить, есть, спать и прочее на первом этаже. А второй — для игр и развлечений... хотя, по-моему, нелепая затея — устроить плавательный бассейн на втором этаже.

— Ну, какая-нибудь причина да есть.— Джордж наугад отворил еще одну дверь.— У Руперта наверняка были опытные советчики. Уж конечно, он сам не додумался бы до такой планировки.

— Это верно. Он бы построил дом с комнатами без дверей, а лестницы вели бы в пустоту. Да мне просто страшно было бы войти в дом, построенный по плану Руперта.

— Ну, вот и пришли,— объявил Джордж, гордый, как штурман после образцовой посадки.— Прославленная коллекция Бойса на новом месте. Хотел бы я знать, много ли он тут прочел.

Библиотека тянулась во всю ширину дома, но длиннейшие ряды книжных полок рассекали ее поперек на полдюжины комнат. Тут было, насколько помнил Джордж, около пятнадцати тысяч томов — едва ли не все существенное, что когда-либо печаталось по туманным вопросам магии, психологических исследований, ясновидения, телепатии и про-

чих неуловимых явлений, которых не объясняет обыкновенная физика. Престранное увлечение в век здравого смысла. Должно быть, для Руперта это просто особый способ бегства от действительности.

Еще с порога Джордж ощутил странный запах. Не сильный, но острый, не то чтобы неприятный, но какой-то ни на что не похожий. Джин тоже его заметила, попыталась разобраться, на лбу обозначилась морщинка. Вроде уксуса, подумал Джордж. Но примешивается что-то еще...

В дальнем конце библиотеки оказалось свободное от полок место, его только и хватало для стола, двух стульев и нескольких подушек. Вероятно, в этом-то уголке Руперт обычно и проводил время за чтением. И сейчас при странно тусклом свете тут тоже кто-то читал.

Джин тихонько ахнула и уцепилась за руку Джорджа. Пожалуй, ей простительно. Видеть изображение на экране телевизора — это одно, повстречать в жизни — совсем другое. Джордж — тот опомнился мигом, его мало что могло застигнуть врасплох.

— Надеюсь, мы вас не обеспокоили, сэр,— вежливо сказал он.— Мы понятия не имели, что тут кто-то есть. Руперт нам не говорил...

Сверхправитель опустил книгу, внимательно оглядел обоих и снова принялся за чтение. Это нельзя счесть неучтивым, если так ведет себя существо, способное одновременно читать, разговаривать и, наверно, заниматься еще несколькими делами сразу. Однако с человеческой точки зрения это выглядело дико и страшновато.

— Меня зовут Рашаверак,— любезно сказал Сверхправитель.— Боюсь, я не слишком общителен, но из библиотеки Руперта трудно выбраться незамеченным.

Джин не без труда сдержала нервический смешок. Неожиданный собеседник читает с невероятной быстротой, заметила она: по странице за две секунды. И уж конечно, впитывает каждое слово, а может быть, сумел бы читать одним глазом одну книгу, а другим — другую. И еще он, наверно, может пользоваться азбукой Брайля — читать пальцами книги для слепых... Воображение нарисовало ей до

того забавную картинку, что стало не по себе, и Джин поспешила спокойствия ради вступить в разговор. В конце концов, не каждый день выпадает случай поговорить с одним из повелителей Земли.

Джордж познакомил их и предоставил ей болтать, в надежде, что у нее не вырвется какая-нибудь бестактность. Как и Джин, он никогда еще не видел Сверхправителя во плоти. С государственными деятелями, с учеными, с людьми самыми разными Сверхправители постоянно встречались на деловой почве, но никогда Джордж не слыхал, чтобы хоть один появился вот так, просто-напросто гостем на обыкновенной вечеринке. Но, пожалуй, в этом доме и сегодняшнем сборище все не так просто. Недаром же в распоряжении Руперта оказался и аппарат Сверхправителей, и Джорджа теперь уже не на шутку озадачило — да что же, в сущности, происходит? Надо будет поймать Руперта один на один и все из него выудить.

Стулья для Рашаверака малы, он сидит прямо на полу — видно, ему и без подушек удобно, они валяются рядом. Итак, голова его оказалась всего в двух метрах над полом, единственный в своем роде случай для Джорджа изучить внеземную биологию. На беду, он и в земной-то слабо разбирался, а потому не много узнал нового. Внове только этот особенный, но даже по-своему приятный острый запах. Еще вопрос, как, по мнению Сверхправителей, пахнут люди, подумалось Джорджу,— остается надеяться на лучшее.

На вид в Рашавераке нет ничего человеческого. Можно понять, что издали невежественным перепуганным дикарям Сверхправители казались крылатыми людьми, отсюда и возник привычный портрет Дьявола. Однако вблизи ясно, что сходства куда меньше. Рожки (любопытно, для чего они служат?) в точности такие, как на картинках, но в теле ничего общего с человеком или с любым земным существом. Порождение совсем иной эволюции, Сверхправители не принадлежат ни к млекопитающим, ни к насекомым, ни к рептилиям. Неясно даже, относятся ли они к позвоночным: возможно, этот жесткий панцирь и есть их костяк, единственная опора туловища.

Крылья Рашаверака сложены, их толком не разглядеть, но хвост — точь-в-точь бронированный пожарный шланг — аккуратно свернут под ним. Знаменитое острие на конце напоминает как наконечник стрелы, так и большой плоский алмаз. Сейчас уже никто не сомневается, что его назначение, подобно хвостовым перьям птицы, поддерживать равновесие при полете. Опираясь на немногие точные данные и на такие вот догадки, ученые полагают, что родина Сверхправителей — планета с малой силой тяжести и очень плотной атмосферой.

Внезапно из скрытого где-то динамика загремел голос Руперта:

— Джин! Джордж! Куда вы исчезли, черт возьми? Идите вниз и присоединяйтесь к компании. Люди уже сплетничают.

— Пожалуй, пойду и я,— сказал Рашаверак и положил книгу на полку.

Он легко проделал это, не вставая с пола, и Джордж впервые заметил, что на руке у него два больших пальца и еще пять пальцев между ними. Джордж от души порадовался, что не вынужден пользоваться арифметикой, основанной на числе четырнадцать.

Рашаверак поднялся на ноги — внушительное зрелище! Чтобы не удариться о потолок, ему пришлось ссутулиться; ясное дело, даже если бы Сверхправители жаждали побольше общаться с людьми, это было бы не так-то легко.

За последние полчаса прилетело еще немало народу, и теперь гостиная была полна. С появлением Рашаверака стало совсем тесно: из смежных комнат все поспешили сюда посмотреть на него. Руперт явно наслаждался общим изумлением. Джин и Джорджу было не так уж приятно, что их никто не заметил. По правде сказать, за спиной великана их почти никто и не увидел.

— Идите сюда, Раши, я вас кое с кем познакомлю! — крикнул Руперт.— Садитесь на диван, тогда вам не придется царапать потолок.

Рашаверак, перекинув хвост через плечо, перешел комнату, будто ледокол, прокладывающий себе путь во льдах.

Когда он сел возле Руперта, комната словно опять стала просторнее, и Джордж вздохнул с облегчением.

— Пока он стоял, меня мучила клаустрофобия. Любопытно, каким образом Руперт его заполучил... Похоже, вечерок будет занятный.

— Надо же, как Руперт с ним разговаривает, да еще на людях. А ему, видно, все равно. Очень все это странно.

— Спорим, ему совсем не все равно! Беда, что Руперт такой хвастун и ужасно бестактный. Кстати, ты тоже милые вопросы задавала!

— То есть?

— Ну, к примеру,— а вы давно здесь? А как вы ладите с Попечителем Карелленом? А вам нравится на Земле? Знаешь ли, детка, со Сверхправителями так не разговаривают!

— А почему бы и нет. Пора уж кому-нибудь начать.

Поссориться они не успели — подошли Шенбергеры, и почти сразу пары распались. Женщины отошли в сторону и принялись обсуждать миссис Бойс; мужчины направились в противоположную сторону и стали разбирать тот же предмет, но под иным углом зрения. Оказалось, Бенни Шенбергер, старинный друг Джорджа, может многое сообщить по этому поводу.

— Ради бога, никому не проболтайся,— сказал он.— Рут об этом не подозревает, но это я познакомил Руперта с Майей.

— По-моему, Руперт ее не стоит,— с завистью сказал Джордж.— Но это, конечно, ненадолго. Он ей очень быстро надоест.

Эта мысль его заметно подбодрила.

— И не надейся! Она не только красавица, она чудесный человек. Давно пора кому-нибудь позаботиться о Руперте, и она для этого самая подходящая женщина.

Руперт и Майя теперь сидели подле Рашаверака и торжественно вели прием. На сборищах у Руперта гости редко стягивались к единому центру — обычно они распадались на полдюжины кружков, поглощенных самыми разными интересами. Но сегодня всех как магнитом тянуло к одной точке. Джорджу стало жаль Майю. Ведь это должен был быть ее праздник, а Рашаверак ее почти затмил.

— Слушай,— сказал Джордж, куснув сэндвич,— как это Руперт ухитрился залучить к себе Сверхправителя? Я никогда еще о таком не слыхал, а он держится как ни в чем не бывало. Ни словечком про это не упомянул, когда нас приглашал.

Бенни усмехнулся.

— Ну, это же его страсть — чем-нибудь да удивить. Ты его сам спроси. Но в конце концов, это ведь не первый случай. Кареллен бывал на приемах в Белом доме и в Букингемском дворце, и...

— Это совсем другое, черт подери! Руперт самый обыкновенный человек, ни чинов, ни постов.

— А может быть, Рашаверак — мелкота среди Сверхправителей. Ты лучше их сам спроси.

— И спрошу,— сказал Джордж.— Дай только поймаю Руперта без свидетелей.

— Ну, тебе придется долго ждать.

Бенни был прав, но прием становился все оживленнее и потерпеть было ничуть не скучно. Появление Рашаверака сперва сковало собравшихся, но они быстро опомнились. Немногие еще держались около Сверхправителя, остальные по обыкновению разбились на кружки, и все вели себя вполне естественно. Так, Салливен описывал увлеченным слушателям свой последний исследовательский поход на подводной лодке.

— Мы еще не знаем точно, каких размеров они достигают,— говорил он.— Неподалеку от нашей базы есть каньон, там гнездится один — настоящий гигант. Я раз мельком его видел, так вот, размах щупалец у него добрых тридцать метров. На той неделе за ним поохочусь. Кто желает завести в доме по-настоящему редкого ручного зверя?

Какая-то женщина даже взвизгнула от ужаса.

— Брр! От одной мысли мороз по коже! Вы, наверно, ужасно храбрый.

На лице Салливена отразилось искреннее удивление.

— Никогда об этом не думал,— сказал он.— Конечно, я действую осторожно, но серьезная опасность мне ни разу не грозила. Спруты понимают, что им меня не съесть, и не обращают на меня внимания, только не надо подходить к

ним слишком близко. В большинстве морские твари вас не тронут, если вы их не заденете.

— Но рано или поздно вы уж наверняка столкнетесь с кем-нибудь, кто сочтет, что вы съедобны.

— Ну, изредка случается и такое,— беспечно отозвался Салливен.— Я стараюсь не повредить им, ведь больше всего мне хочется завязать с ними дружбу. Ну а если что, включаю двигатели на полную мощность и через минуту уже свободен. Если есть другие дела и мне играть недосуг, можно пощекотать спрута разрядом вольт на двести. Этого достаточно, больше уж он к вам не пристанет.

Да, занятных людей встречаешь у Руперта, подумал Джордж, переходя к другой компании. Литературные вкусы Руперта широтой не отличаются, зато друзья у него весьма разнообразные. Незачем даже озираться по сторонам — в поле зрения одновременно оказываются знаменитый кинорежиссер, второстепенный поэт, математик, два актера, инженер-атомщик, смотритель заповедника, издатель еженедельника, статистик из Всемирного банка, скрипач-виртуоз, профессор археологии и астрофизик. Коллег Джорджа — сценаристов телевидения — не видно ни одного, и слава богу, ему вовсе не хочется разговаривать на профессиональные темы. Работу свою он любит — так ведь сейчас, впервые в истории человечества, никто не занимается нелюбимым делом. Но после рабочего дня он предпочитает и в мыслях захлопнуть за собой двери телестудии.

Наконец ему удалось поймать Руперта на кухне, где тот колдовал с напитками. И такой у него был при этом отрешенный взор — просто жаль возвращать человека на грешную землю... но Джордж, если надо, умел быть безжалостным.

— Послушай, Руперт,— начал он, усаживаясь на край ближайшего стола.— По-моему, ты обязан нам всем кое-что объяснить.

— Мм...— Руперт задумчиво просмаковал глоток.— Боюсь, чуточку перелил шотландского.

— Не увиливай и не прикидывайся пьяненьким, я же вижу, ты трезвый как стеклышко. С каких пор ты завел дружбу со Сверхправителем и чем он тут занимается?

— А разве я тебе не говорил? Мне казалось, я уже всем объяснил. Наверно, тебя при этом не было — ну да, вы же сбежали в библиотеку.— Он довольно обидно усмехнулся.— Понимаешь, Рашаверак у меня именно из-за библиотеки.

— Вот так раз!

— Что тебя удивляет?

Джордж спохватился: надо поделикатнее, Руперт безмерно горд своим необыкновенным собранием книг.

— Н-ну... Сверхправители такие знатоки всех наук, с чего бы им интересоваться парапсихологией и всяким таким вздором.

— Вздор это или не вздор, но их интересует человеческая психология, и они многое могут почерпнуть из моих книг. Как раз перед моим переездом сюда со мной связался то ли помощник младшего Сверхправителя, то ли Сверхпомощник младшего правителя и попросил одолжить ему с полсотни самых редкостных экземпляров. Похоже, его направил ко мне кто-то из библиотекарей Британского музея. Ну, ты догадываешься, что я на это сказал.

— Понятия не имею.

— Так вот, я очень вежливо разъяснил, что собирал свою библиотеку двадцать лет. Если им угодно изучать мои книги, милости просим, но, черт возьми, пускай читают здесь, на месте. И тогда явился Раши и заглатывает по двадцать томов в день. Хотел бы я знать, что он из них извлекает.

Джордж подумал немного, презрительно пожал плечами.

— По правде сказать, я был о Сверхправителях лучшего мнения. По-моему, они могли бы тратить время на что-нибудь более путное.

— Так ведь ты неисправимый материалист, верно? Вряд ли Джин с тобой согласится. Но, даже если рассуждать по-твоему, сверхпрактическая ты личность, этот их интерес не лишен смысла. Ведь когда имеешь дело с дикарями, надо знать их суеверия!

— Да, пожалуй,— не слишком уверенно согласился Джордж.

Сидеть на жестком столе надоело, и он встал. Руперт наконец смешал коктейль по своему вкусу и направился в

гостиную. Слышно было, что там уже возмущаются — куда пропал хозяин?

— Эй, погоди! — запротестовал Джордж.— Пока ты не сбежал, еще один вопрос. Как ты заполучил этот телевизор с передатчиком, которым хотел нас напугать?

— Маленькая сделка. Я объяснил, как полезна такая штука при моей работе, а Раши передал намек по начальству.

— Извини мою тупость, но что она такое, твоя новая работа? Очевидно, это как-то связано со зверьем?

— Правильно. Я сверхветеринар. В моем ведении примерно десять тысяч квадратных километров джунглей, мои пациенты сами ко мне не придут, вот и надо их выискивать.

— Наверно, вздохнуть некогда?

— Ну, о мелюзге хлопотать незачем. Моя забота — львы, слоны, носороги и прочее. Каждое утро настраиваю эту машинку на высоту сто метров, сажусь перед экраном и обозреваю окрестности. Когда увижу зверя в беде, влезаю в свой флайер и надеюсь, что больной оценит мой врачебный такт. Бывают довольно заковыристые задачки. Со львом или тигром управиться несложно, а вот попробуй проткни носорогу шкуру с воздуха анестезирующей иглой — намучаешься.

— Ру-перт! — заорал кто-то за дверью.

— Что ты наделал! Я из-за тебя забыл про гостей. На вот, бери поднос. Эти — с вермутом, смотри не перепутай.

Перед самым заходом солнца Джордж поднялся на крышу. По многим веским причинам у него побаливала голова и захотелось улизнуть от шума и толчеи. Джин, танцующая гораздо лучше, еще наслаждалась всем этим и не пожелала уйти с ним наверх. А в Джордже спиртное подогрело нежные чувства — и, разочарованный ее отказом, он пошел втихомолку лелеять свою обиду под звездным небом.

Чтобы попасть на крышу, надо было подняться сперва эскалатором на второй этаж, потом по винтовой лесенке, огибающей трубу кондиционера. Лесенка выводила через люк на просторную плоскую крышу. В одном ее конце стоял флайер Руперта, посередине разбит был сад, уже замет-

но запущенный, а с другого конца, с открытой площадки, где стояли шезлонги, видно было далеко окрест. Джордж плюхнулся в шезлонг и величественно осмотрелся. Он чувствовал себя поистине владыкой всего окружающего.

Да, что и говорить, зрелище великолепное. Дом Руперта построен на краю громадной котловины, пологий склон спускается на восток, где за пять километров отсюда лежат болота и озера. А на западе все ровно, плоско, и джунгли подступают чуть ли не вплотную к заднему крыльцу. Но за джунглями, пожалуй не меньше чем в полусотне километров, на север и на юг, сколько хватает глаз, стеной высится горная цепь. Кое-где на вершинах сверкает снег, над вершинами пламенеют облака, через считаные минуты солнце закончит свой дневной путь. При виде этих далеких грозных бастионов Джордж разом протрезвел.

Звезды, что высыпали с какой-то прямо неприличной поспешностью, едва зашло солнце, оказались совсем незнакомыми. Джордж поискал глазами Южный Крест, но не нашел. Он мало смыслил в астрономии, узнавал лишь немногие созвездия, но без старых друзей стало неуютно и не по себе. Тревожно и от звуков, доносящихся из джунглей, уж чересчур они близко. «Хватит с меня свежего воздуха,— подумал Джордж.— Пойду-ка в гостиную, покуда вампир или еще какая-нибудь дрянь не прилетела отведать моей кровушки».

Он шагнул к лестнице, и тут из люка появился еще один гость. Уже слишком темно, не разглядеть, кто это.

— А, привет! Тоже захотели отдохнуть от кутерьмы? — окликнул Джордж.

Тот, неразличимый в темноте, засмеялся:

— Руперт показывает свои фильмы. Я их все уже видел.

— Возьмите сигарету,— предложил Джордж.

— Спасибо.

Джордж, большой любитель старинных игрушек, щелкнул зажигалкой — и при свете ее огонька узнал пришедшего: этого поразительно красивого негра ему назвали, но он тут же забыл имя, вместе с именами еще двух десятков гостей, которых сегодня увидел у Руперта впервые. Но в этом лице есть что-то знакомое... и вдруг Джорджа осенило:

— Мы как будто незнакомы, но вы ведь новый шурин Руперта?

— Правильно. Меня зовут Ян Родрикс. Все говорят, что мы с Майей очень похожи.

С благоприобретенным родичем Яна не поздравишь, можно скорее посочувствовать, подумал Джордж, но смолчал. Бедняга и сам разберется; а впрочем, мало ли — вдруг Руперт наконец остепенится.

— А я Джордж Грегсон. Вы еще не бывали на знаменитых Рупертовых сборищах?

— Нет, сегодня первый раз. Масса новых лиц.

— И не только человеческих,— заметил Джордж.— Я никогда еще не встречался вот так на вечеринке со Сверхправителями.

Собеседник чуть помедлил, и Джордж подумал — уж не задел ли ненароком какое-то больное место. Но в ответе Яна ничего такого не просквозило.

— Я тоже их не видал — кроме как по телевизору, конечно.

Разговор иссяк, немного погодя Джордж сообразил: Яну хочется побыть одному. Да и прохладно уже. Он простился и пошел вниз, к остальным.

В джунглях все стихло; Ян прислонился к округлой стенке воздуховода, теперь он только и слышал приглушенное дыхание дома, неустанную работу его механических легких. Одиночество, полное одиночество — этого Яну и хотелось. Но и горечь разочарования — а вот этого он совсем не жаждал.

8

Нет такого царства Утопии, где довольны и счастливы были бы все и всегда. Чем благополучнее условия жизни, тем выше становятся духовные запросы, и тебе уже мало всего, чем обладаешь и что можешь, хотя прежде о таком не смел бы и мечтать. Пусть окружающий мир дал все, что только мог,— не находят покоя пытливая мысль и тоскующее сердце.

Ян Родрикс — хотя он вовсе не считал, что ему повезло,— был бы еще меньше доволен жизнью, родись он веком раньше. Сто лет назад цвет его кожи стал бы для него тяжкой, пожалуй, просто безнадежной помехой. Теперь это не имело значения. Неизбежная реакция, которая в начале XXI века породила у негров некоторое чувство собственного превосходства, миновала. Обиходное словечко «черный» уже не было под запретом в приличном обществе, но никого не смущало. В нем заключалось теперь не больше обидного, чем в ярлычках вроде «республиканец» или «методист», «консерватор» или «либерал».

Отец Яна, обаятельный, но беспечный шотландец, приобрел известность как профессиональный фокусник. Его раннюю смерть — в возрасте всего сорока пяти лет — ускорило злоупотребление напитком, которым больше других своих плодов прославилась его родина. Правда, Ян никогда не видел отца пьяным, но едва ли хоть раз видел его вполне трезвым.

Миссис Родрикс еще жила и здравствовала вовсю и даже читала в Эдинбургском университете лекции по усовершенствованной теории вероятности. Вполне в духе XXI века, столь чуждого оседлости, миссис Родрикс, чья кожа была черна как уголь, родилась в Шотландии, а ее светловолосый белокожий супруг рано покинул родину и почти всю жизнь провел на Гаити. У Майи и Яна никогда не было постоянного крова, они вечно сновали между семействами отца и матери, точно два маленьких челнока. Занятный образ жизни, но он отнюдь не помогал излечить неуравновешенность, которую оба унаследовали от папаши.

Яну минуло двадцать семь, и предстояло еще несколько лет учения, прежде чем надо будет всерьез подумать о выборе профессии. Он без труда получил степень бакалавра, пройдя программу, которая столетием раньше показалась бы престранной. Занимался он в основном математикой и физикой, а дополнительно философией и музыкой. Даже по высоким меркам своего времени он стал первоклассным пианистом-любителем.

Через три года он защитит диссертацию и станет доктором физических наук, вторая его специальность — астрономия. Поработать придется изрядно, но работа его не пугает. Притом он — студент Кейптаунского университета, что приютился у подножия Столовой горы, больше нигде во всем мире не получишь высшее образование в уголке такой красоты.

Нет у него и забот материальных, однако он недоволен жизнью и не находит покоя. И ко всему, хоть он ничуть не завидует сестре, от счастья Майи еще яснее стало, в чем беда его, Яна.

Ибо его все еще мучит романтическая иллюзия, что породила столько страданий и столько поэзии,— будто каждому человеку дается в жизни только одна истинная любовь. В необычно позднем возрасте он впервые влюбился без памяти в особу, куда больше известную красотой, нежели постоянством. Розита Цзен гордилась — и не без оснований,— что в жилах ее течет кровь маньчжурских императоров. У нее и сейчас немало подданных, в том числе профессора и преподаватели Кейптаунского университета чуть ли не в полном составе. Утонченная красота этого нежного цветка давно пленила Яна, отношения зашли достаточно далеко — тем острее боль оттого, что все оборвалось. А почему оборвалось — не понять...

Ну конечно, он это одолеет. Переживали же другие такой вот крах — и раны затягивались, и потом человек даже способен был сказать: «Право, не мог же я любить эту женщину по-настоящему!» Но до такой отрешенности еще очень и очень далеко, а сейчас Ян в жестоком разладе с жизнью.

Другая его обида еще глубже и неизлечимее, ибо Сверхправители разрушили его честолюбивые мечты. Ян — романтик не только сердцем, но и умом. Подобно многим молодым ученым, с тех пор как покорен был воздух, он мечтами и воображением носился по неизведанному океану космоса.

Столетие назад человек поднялся на первую ступеньку лестницы, ведущей к звездам. И в тот же миг — неужели простое совпадение? — дверь, открывающую выход к планетам, захлопнули у него перед носом. Сверхправители почти не налагали запретов на какие-либо виды человеческой деятельности (пожалуй, важнейшее исключение — война), но

исследованиям в области межпланетных полетов пришел конец. Слишком огромным оказалось научное превосходство Сверхправителей. У человечества — по крайней мере на время — опустились руки, и оно занялось другими делами. Что толку строить ракеты, когда у Сверхправителей есть двигатели несравнимо более совершенные, а в чем тут секрет — они не обмолвились ни словом.

Несколько сотен человек побывали на Луне и построили там обсерваторию, переправлялись они пассажирами на кораблике Сверхправителей, и кораблик был ракетный. Никаких сомнений — сколько ни изучай такое примитивное суденышко, мало что узнаешь, хотя Сверхправители и предоставили его в полное распоряжение любознательных земных ученых.

Итак, человек — все еще пленник своей планеты. И планета его теперь гораздо лучше, но и гораздо меньше, чем была сто лет назад. Уничтожив на ней войну, голод, болезни, Сверхправители заодно уничтожили отвагу и приключения.

Всходила луна, небо на востоке понемногу наливалось слабым молочно-белым сиянием. Ян знал — главная база Сверхправителей находится в бастионе кратера Плутон. Должно быть, грузовые корабли садились на Луне и взлетали с нее уже лет семьдесят с лишком, но только на памяти Яна Сверхправители перестали это скрывать, и теперь старт хорошо виден с Земли. В двухсотдюймовый телескоп нетрудно различить тени исполинских кораблей, под лучами восходящего или заходящего солнца они на километры протягиваются по лунным равнинам. Каждый шаг Сверхправителей вызывает у людей огромный интерес, а потому за прибытием и отправлением их кораблей тщательно наблюдают, и постепенно проясняется какой-то порядок, хотя чем он обусловлен, остается непонятно. Одна из этих исполинских теней исчезла несколько часов назад. Ян знает, это значит, что сейчас где-то по ту сторону Луны корабль Сверхправителей привычным, но загадочным для людей образом готовится в путь к своей далекой, неведомой родине.

Ян еще ни разу не видел, как уходит к звездам такой корабль. При ясном небе это видно на полмира, но Яну всегда не везло. Ведь не предугадаешь в точности, когда взлет, а Сверхправители об этом не сообщают. Ян решил подождать еще десять минут, потом он вернется в гостиную.

А это что? Всего лишь метеор скользнул по созвездию Эридана. Ян перевел дух, заметил, что сигарета погасла, закурил другую.

Он наполовину выкурил ее, и тогда-то в полумиллионе километров от него взлетел межзвездный корабль. Среди ширящегося бледного зарева восходящей луны вспыхнула крохотная искорка и стала подниматься в зенит. Сперва медленно, еле заметно, но с каждым мигом быстрее. Чем выше она поднималась, тем ярче сверкала — и вдруг померкла, скрылась из глаз. А через мгновение возникла вновь — еще ярче, еще стремительнее. Так, то вспыхивая, то угасая в причудливом ритме, все ускоряя бег, она вздымалась в небо и оставляла среди звезд светящийся прерывистый след. Даже если не знать, как она далеко, дух захватит от такой скорости, но когда знаешь, что уносящийся прочь корабль — где-то там, за Луной, голова идет кругом при мысли об этой невообразимой мощи и энергии.

Ян знал, сейчас он видит всего лишь незначительный побочный продукт этой мощи. Сам корабль невидим, он далеко опередил устремленную ввысь световую черту. Корабль Сверхправителей оставляет за собой этот светящийся след, как остается в стратосфере струя пара позади реактивного самолета. Общепринятая теория — судя по всему, справедливая — утверждает, что громадные ускорения звездолетов местами искажают пространство. И Ян знал: то, что он сейчас видит,— ни много ни мало свет далеких звезд, собранный в пучок там, где проносящийся корабль создал для этого благоприятные условия. Вот оно, наглядное доказательство теории относительности — изгиб светового луча вблизи мощного поля тяготения.

Теперь кончик этой огромной, заостренной, точно карандаш, линзы словно бы движется медленнее, но лишь потому, что изменилась перспектива. На самом деле корабль

все еще набирает скорость; просто его след, устремленный вовне Солнечной системы, к звездам, укорочен углом зрения. Ян знал: сейчас на эту светящуюся черту направлено множество телескопов — ученые Земли силятся раскрыть тайну межзвездных полетов. Тайне этой уже посвящены десятки научных трудов; несомненно, Сверхправители читают их с величайшим интересом.

Призрачный свет понемногу бледнеет. Теперь это всего лишь тонкая ниточка, она тянется к сердцу созвездия Карина — это Ян предвидел. Всем известно, что родная планета Сверхправителей где-то в той стороне, но — которая, возле какого из тысячи светил, что находятся в этом секторе Пространства? И невозможно определить, как далека она от Солнечной системы.

Кончено. Хотя путь корабля еще только начат, человеческий глаз больше ничего не улавливает. Но в мыслях и в памяти Яна еще горит его след — и этот маяк не погаснет, пока сам он способен к чему-то стремиться.

Прием закончился. За немногими исключениями гости уже уносились по воздуху на все четыре стороны света. Но кое-кто остался.

Не улетел поэт Норман Додсворт, давно уже до безобразия пьяный,— у него хватило ума свалиться без памяти, прежде чем пришлось бы применить к нему силу. Его не слишком бережно вытащили на лужайку в надежде, что какая-нибудь гиена без церемоний его разбудит. Итак, он не в счет.

Остались Джордж и Джин. Отнюдь не по воле Джорджа — он хотел вернуться домой. Ему совсем не нравилась дружба между Джин и Рупертом, и не просто из обыкновенной ревности. Джордж гордился тем, что он человек здравомыслящий и уравновешенный, и общее увлечение Джин и Руперта теперь, в век науки, на его взгляд, было не просто ребячеством, но какой-то болезненной манией. Непостижимо, как кто-то все еще может хоть на волос верить в сверхъестественное, и уважение Джорджа к Сверхправителям изрядно пошатнулось оттого, что остался и Рашаверак.

Теперь ясно, Руперт хочет поразить оставшихся какой-то новой затеей, возможно — в заговоре с Джин. Джордж угрюмо покорился — ладно, он стерпит какие угодно их дурацкие выходки.

— Чего я только не перепробовал, пока остановился вот на этом,— гордо заявил Руперт.— Самое главное — свести на нет трение, движению ничто не должно мешать. Старомодный полированный стол и вертящееся блюдце тоже недурны, но ими пользовались много веков, при современном уровне науки можно придумать что-нибудь получше. Ну и вот, сейчас увидите. Придвигайте стулья, подсаживайтесь... Раши, вы и правда не хотите присоединиться?

Долю секунды Сверхправитель, казалось, колебался. Потом покачал головой. (Уж не на Земле ли они этому выучились? — подумал Джордж.)

— Нет, спасибо,— сказал он.— Предпочитаю смотреть со стороны. Может быть, как-нибудь в другой раз.

— Ну что ж... если передумаете, времени у нас вдоволь.

«Ой ли?» — усомнился про себя Джордж, мрачно глянув на часы.

Руперт подвел друзей к маленькому, но массивному, безупречно круглому столу. Снял гладкую пластмассовую крышку, под ней оказалось блестящее озерцо тесно уложенных металлических шариков. Скатиться им не давал чуть приподнятый бортик, Джордж понять не мог, для чего они. Свет отражался в них сотнями слепящих точек, этот яркий узор притягивал, завораживал, у Джорджа слегка закружилась голова.

Все уселись вокруг стола, откуда-то снизу Руперт достал диск сантиметров десяти в поперечнике и положил на блестящие шарики.

— Ну вот,— сказал он.— Довольно тронуть диск пальцем, и он движется без малейшего трения.

Джордж подозрительно оглядел всю эту механику. По окружности стола на равных расстояниях одна от другой, но не по порядку, нанесены буквы алфавита. Между ними, уж совсем без всякого порядка, разбросаны цифры от единицы до девяти, и с двух сторон, точно друг против друга, начерчены две карточки со словами «да» и «нет».

— По-моему, все это просто шаманство,— пробормотал Джордж.— Только диву даешься, как в наше время кто-то может принимать такое всерьез.

Этим не слишком бурным протестом он метил в Джин не меньше, чем в Руперта, и немного отвел душу. Впрочем, Руперт не скрывает, что все сверхъестественное занимает его лишь отвлеченно, с научной точки зрения. Он человек непредубежденный, но не легковерный. А вот Джин... она порой Джорджа беспокоит. Похоже, она и впрямь воображает, будто в ясновидении, телепатии и прочей чепухе что-то кроется.

Только уже съязвив насчет шаманства, Джордж сообразил, что его слова относятся и к Рашавераку. Он беспокойно оглянулся, но Сверхправитель ничем не показал, что уязвлен. Разумеется, это ровно ничего не доказывало.

Итак, они разместились вокруг стола. За Рупертом по часовой стрелке сидели Майя, Ян, Джин, Джордж и Бенни Шенбергер. Вне этого круга, с блокнотом в руках, села Рут Шенбергер. Она, видно, почему-то сочла для себя непозволительным участвовать в этой затее, и муж туманно сострил, что иные люди все еще свято чтут Талмуд. Однако она охотно вызвалась вести запись.

— Значит, так,— начал Руперт.— Ради скептиков вроде Джорджа вношу ясность. Есть ли тут что-то сверхъестественное, нет ли, но эта штука действует. Лично я думаю, что причины тут чисто механические. Мы касаемся диска — и пусть даже искренне не хотим как-либо повлиять на его движение, но в игру вступает наше подсознание. Я продумал множество таких сеансов — и ни разу не обнаружил ответов, которые кто-либо из участников не мог знать или угадать, хотя сами они иногда об этом не подозревали. Однако мне хочется провести сегодня опыт при несколько э-э... особых обстоятельствах.

Особое обстоятельство сидело и смотрело на всех молча, но, без сомнения, неравнодушно. «Что-то Рашаверак на самом деле думает об этих фокусах?» — спросил себя Джордж. Может быть, он сейчас — вроде антрополога, который наблюдает религиозные обряды дикарей? Право, все это выглядит просто невероятно, никогда в жизни он, Джордж, не чувствовал себя таким дураком.

Если и другие чувствуют себя так же глупо, по ним этого не видно. Одна Джин раскраснелась и явно взвинчена, но, может быть, это от выпитых коктейлей.

— Можно начинать? — спросил Руперт.— Отлично.— Он внушительно помедлил, потом, ни к кому не обращаясь, окликнул: — Есть тут кто-нибудь?

Плоский кружок под пальцами Джорджа чуть дрогнул. Ничего удивительного, ведь на него давят руки шестерых за столом. Кружок скользнул в сторону маленькой цифры восемь и опять вернулся на середину.

— Есть тут кто-нибудь? — повторил Руперт. И прибавил более обычным тоном: — Часто до начала проходит минут десять—пятнадцать, но иногда...

— Тсс! — выдохнула Джин.

Диск двигался. Он описывал широкую дугу между карточками «да» и «нет». Джордж с трудом подавил смешок. Допустим, ответ будет «нет» — что это докажет? Вспомнился старый анекдот про негра, залезшего в курятник: «Тут никого нет, хозяин, одни мы, куры»...

Но ответ оказался «да». И тотчас диск вернулся на середину стола. Теперь он будто ожил и ждет нового вопроса. Джордж невольно стал внимательнее.

— Кто вы? — спросил Руперт.

На сей раз ответ последовал без запинки.

Диск носился по столу от буквы к букве, как разумное существо, да так быстро, что порой едва не ускользал у Джорджа из-под пальцев. И Джордж готов был поклясться, что никак не помогает этим движениям. Он быстро оглядел друзей — ни в одном лице ничего подозрительного. Похоже, все так же напряженно, жадно чего-то ждут, как и он сам.

ЯЭТОВСЕ,— вывел диск и опять успокоился посреди стола.

— Я — это все,— повторил Руперт.— Характерный ответ. Уклончиво, но поощряет к дальнейшему. Вероятно, это значит, что здесь только и присутствует совокупность наших сознаний.

Руперт минуту помолчал, видимо обдумывая следующий вопрос. Потом снова обратился в пространство:

— Вы должны передать весть кому-то из нас?

— Нет,— сейчас же ответил диск.

Руперт обвел взглядом сидящих вокруг стола.

— Дело за нами; иногда он сам что-нибудь сообщает, но сейчас нам надо задавать какие-то прямые вопросы. Кто хочет начать?

— Будет завтра дождь? — с усмешкой спросил Джордж.

Диск забегал взад-вперед между «да» и «нет».

— Глупый вопрос,— упрекнул Руперт.— Понятно же, что где-то пройдут дожди, а в других местах будет ясная погода. Не задавайте вопросов, которые требуют неоднозначных ответов.

Джордж сник: попало — и поделом. Пускай попробует кто-нибудь другой.

— Какой мой любимый цвет? — спросила Майя.

— Голубой,— был мгновенный ответ.

— Правильно.

— Это ничего не доказывает,— заметил Джордж.— По крайней мере троим из нас это известно.

— Какой любимый цвет Рут? — спросил Бенни.

— Красный.

— Правильно, Рут?

Добровольная секретарша подняла голову от блокнота.

— Да. Но это знает Бенни, а он с вами за столом.

— Ничего я не знал,— возразил Бенни.

— Еще как должен знать, я тебе сто раз говорила.

— Подсознательная память,— пробормотал Руперт.— Так бывает часто. Но может быть, кто-нибудь задаст вопрос поумнее, а? Началось так хорошо, не хотел бы я, чтобы вечер прошел впустую.

Странно, как раз оттого, что все это ничуть не походило на серьезный научный опыт, Джордж призадумался. Конечно же, объясняется это никакими не сверхъестественными причинами; как сказал Руперт, диск просто отзывается на бессознательные движения их же мышц. Но уже и это удивительно и заставляет задуматься: никогда бы не поверил, что можно получить такие мгновенные и точные ответы! И он попытался сам повлиять на диск — пусть напишет его имя. Он добился заглавного «Д» — но и только, дальше пошла бессмыслица. Нет, совершенно ясно, что один человек не может управлять диском — остальные в круге это сразу поймут.

За полчаса Рут записала больше дюжины ответов, иные оказались довольно длинными. Попадались грамматические ошибки и причудливые обороты, но очень редко. Чем бы все это ни объяснялось, Джордж убедился: сознательно он в ответах диска никак не участвует. Несколько раз, увидав начало слова, он, казалось, угадывал следующую букву и тем самым смысл ответа. И всякий раз диск переносился в совершенно неожиданном направлении и писал что-то совсем другое. Порой даже весь ответ выглядел невнятицей — ведь слова не разделялись промежутками, конец одного сливался с началом другого, и только когда Рут перечитывала все заново, прояснялся смысл.

От всего этого у Джорджа возникло жутковатое чувство, словно он столкнулся с неким чужим, властным разумом. И все же он не видел решающего, окончательного доказательства ни за, ни против. Ответы так обыденны, так двусмысленны. Как, например, прикажете понимать следующее:

ВЕРЬТЕВЧЕЛОВЕКАПРИРОДАСВАМИ.

Но порой угадывалась какая-то глубокая, даже пугающая правда:

ПОМНИТЕЧЕЛОВЕКНЕОДИНРЯДОМ
СЧЕЛОВЕКОМОБИТАЮТДРУГИЕ.

Впрочем, это же всем известно... Хотя, почем знать, может быть, тут подразумеваются не только Сверхправители?

Джорджа теперь отчаянно клонило ко сну. Давно уже пора по домам, сонно подумал он. Все это очень любопытно, но ничего определенного не достигли, и вообще, хорошенького понемножку. Он быстро оглядел всех за столом. Бенни, видно, тоже сыт по горло и хочет спать, Майя и Руперт сидят как в тумане, а Джин... да, Джин с самого начала

отнеслась к этой истории чересчур серьезно. Даже не по себе становится, такое у нее лицо: будто ей и покончить с этим страшно — и страшно, что будет дальше.

Остается один Ян. Любопытно, как-то он относится к причудам шурина, подумалось Джорджу. Молодой инженер еще не задал ни одного вопроса, ничем не показал, что удивлен хоть одним ответом. Похоже, он изучает движения диска так, словно наблюдает заурядный научный опыт.

Руперт очнулся от оцепенения.

— Давайте еще один вопрос, и на этом закончим,— сказал он.— Ну-ка, Ян? Ты еще ничего не спрашивал.

Странно, Ян ни секунды не колебался. Казалось, он давно уже обдумал вопрос и только ждал удобного случая. Мельком глянул на бесстрастного, неподвижного Рашаверака и спросил звонко, отчетливо:

— Возле какой звезды находится планета Сверхправителей?

Руперт чуть не свистнул от изумления. Бенни и Майя остались безучастны. Джин сидит с закрытыми глазами, похоже, уснула. Рашаверак наклонился, поверх Рупертова плеча заглядывает в круг.

И диск тронулся.

Когда он опять замер на месте, настало короткое молчание. Потом Рут спросила озадаченно:

— НГС 549672 — что же это значит?

Ей не ответили, помешал тревожный возглас Джорджа:

— Помогите мне кто-нибудь! Джин, кажется, в обмороке.

9

— Расскажи мне подробнее про этого Бойса,— сказал Кареллен.

Понятно, Сверхправитель не изъяснялся именно этими словами, и мысли, им высказанные, были гораздо тоньше. Человеческое ухо уловило бы короткий взрыв вибрирующих звуков, что-то вроде стремительной морзянки. У людей накопилось уже немало записей такой речи, но расшифровать язык Сверхправителей никто еще не сумел, он был безмерно сложен, да еще эта невероятная быстрота, при которой ни один переводчик, даже овладей он основами языка, не в силах был бы уследить за обычным разговором Сверхправителей.

Попечитель Земли стоял спиной к Рашавераку и пристально смотрел на многоцветную пропасть Большого каньона. В десяти километрах отсюда, но почти не затуманенные далью, уступчатые склоны сейчас так и горели в солнечных лучах. Далеко-далеко внизу под тем местом, где над краем затененного откоса стоял Кареллен, тащился по извилистой дороге караван мулов. Странно, думал Кареллен, очень многие люди при каждом удобном случае все еще ведут себя как дикари. Стоит только пожелать, и они могли бы спуститься на дно ущелья несравненно быстрее и с куда большим удобством. Но нет, они предпочитают трястись по ухабистой дороге, наверняка ненадежной не только с виду.

Неуловимое движение руки — и великолепная картина померкла, только еще мгновение взгляду Кареллена чудилась бесконечная глубь. И снова его теснит действительность, привычный кабинет, обязанности Попечителя.

— Руперт Бойс — личность своеобразная,— отвечал ему Рашаверак.— По профессии он смотритель значительной части Африканского заповедника, заботится о здоровье зверей. Дело свое знает и любит. Поскольку ему надо держать под наблюдением несколько тысяч квадратных километров, он получил один из тех пятнадцати панорамных обзорников, что мы пока передали людям,— разумеется, как всегда, с ограничителями. Его экземпляр, кстати, единственный с передатчиком объемного изображения. Он вполне убедительно доказал, что это ему необходимо, и мы согласились.

— Какие у него доводы?

— Он сказал, что хочет показываться диким зверям, чтобы привыкали к его виду и не набросились, когда он сам к ним явится. Эта теория вполне оправдалась — со зверями, у которых важнее не нюх, а зрение... хотя в конце концов его, вероятно, растерзают. Ну и понятно, мы предоставили ему аппарат еще по одной причине.

— Он стал сговорчивее?

— Вот именно. Сперва я обратился к нему потому, что у него едва ли не лучшее в мире собрание книг по парапсихологии и смежным вопросам. Он вежливо, но решительно отказался выпускать их из рук, пришлось читать у него дома. Я уже перечитал примерно половину его библиотеки. Довольно тяжкое испытание.

— Могу себе представить,— сухо сказал Кареллен.— Нашлось среди этого хлама что-нибудь стоящее?

— Да. Одиннадцать бесспорных случаев частичного прорыва и двадцать семь вполне вероятных. Но материал отобран односторонне, так что выводов на нем не построишь. И все свидетельства безнадежно запутаны мистикой — вот, пожалуй, главная болезнь человеческого разума.

— А как сам Бойс ко всему этому относится?

— Выдает себя за человека непредубежденного и настроенного скептически, но ясно, что он не тратил бы на это столько времени и сил, если бы подсознательно в это не верил. Я так ему и сказал, и он признался, что я, пожалуй, прав. Ему хотелось бы найти какое-то веское доказательство. Потому он и ставит без конца свои опыты, хотя притворяется, будто это просто забава.

— Ты уверен, он не подозревает, что ты интересуешься всем этим не из чистого любопытства?

— Вполне уверен. В некоторых отношениях Бойс на редкость туп и ограничен. Так что его попытки исследовать именно эту область довольно жалки. К нему незачем применять какие-то особые меры.

— Понимаю. А девушка, которая упала в обморок?

— Вот это самое интересное. Почти наверняка сообщение пришло именно через Джин Моррел. Но ей двадцать шесть лет — судя по всему нашему прежнему опыту, слишком много, не может она сама стать первым звеном. Значит, тут есть кто-то, с нею тесно связанный. Вывод ясен. Нам осталось ждать всего несколько лет. Надо внести ее в Пурпурный разряд: возможно, она сейчас — самый значительный человек на Земле.

— Так и сделаю. А тот молодой человек, который задал вопрос? Наобум спросил, просто из любопытства, или у него была какая-то задняя мысль?

— Он попал туда случайно — его сестра только что вышла замуж за Руперта Бойса. Ни с кем из других гостей он прежде не встречался. Я уверен, вопрос не обдуман заранее, а вызван необычной обстановкой, да еще моим присутствием. При этих условиях неудивительно, что он задал такой вопрос. Его больше всего привлекает астронавтика, он — секретарь научной группы в Кейптаунском университете и явно намерен посвятить свою жизнь теории космических полетов.

— Любопытно, чего он достигнет. По-твоему, как он сейчас станет поступать и надо ли нам принять какие-то меры?

— Несомненно, при первой возможности он постарается хоть что-то проверить. Но у него нет способа доказать, что его сведения точны, и получены они столь необычным путем, что едва ли он предаст их гласности. А если они и станут известны, разве это хоть чему-то помешает?

— Надо будет взвесить обе возможности. Правда, нам не разрешено обнаруживать нашу базу, но люди никак не могут использовать эти сведения против нас.

— Согласен. Получится, что у Родрикса есть какие-то сведения, не слишком достоверные и практически бесполезные.

— Похоже на то,— сказал Кареллен.— Но полной уверенности нет. Люди на удивление изобретательны и зачастую крайне упорны. Недооценивать их опасно, и в дальнейшем за мистером Родриксом стоит последить. Я это еще обдумаю.

Руперт Бойс так и не понял, что же в конце концов произошло. Когда гости разошлись — менее шумно и оживленно, чем всегда,— он задумчиво откатил столик на место, в угол. Винные пары мешали серьезно вникнуть в случившееся, да и сами события уже немного расплылись в памяти. Смутно представлялось, будто произошло что-то важное, хотя и непонятное,— может быть, потолковать с Рашавераком? Нет, пожалуй, это будет бестактно. В конце концов, неловкость вышла из-за новоявленного зятя... Руперта даже взяла досада на Яна. Но разве так получилось по вине этого юнца? Или еще по чьей-то вине? Руперт виновато поду-

мал, что ведь опыт затеял он сам. Он тут же решил забыть эту историю — и вполне в этом преуспел.

Пожалуй, Руперт все-таки что-то предпринял бы, найдись последний листок из блокнота Рут — но в суматохе он пропал. Ян делал вид, что он ни при чем, ну а Рашаверака в пропаже не упрекнешь... И никто не помнил точно, что же там было написано, только и помнили — какая-то бессмыслица...

Больше всех случай этот повлиял на судьбу Джорджа Грегсона. Навсегда запомнил он ужас, испытанный в минуту, когда Джин рухнула ему на руки. От внезапной беспомощности она вдруг преобразилась, это уже не просто забавная спутница, его мгновенно захлестнула любовь и нежность. Женщины падали в обморок с незапамятных времен (и не всегда нечаянно) — и мужчины неизменно отзывались на это как надо. Джин лишилась чувств отнюдь не умышленно, но при самом тонком расчете нельзя было бы подгадать удачнее. После Джордж понял, что именно в эту минуту решился едва ли не на самый важный шаг в своей жизни. Пускай у Джин странные причуды, а приятели и того чуднее, ему нужна только она. Не обязательно совсем отказываться от Наоми, от Джой, Эльзы или — как бишь ее? — от Дениз, но пора завести отношения более прочные. Джин наверняка согласится, она своих чувств никогда не скрывала.

Он сам не подозревал, что его заставила решиться еще одна причина. После нынешнего опыта странное увлечение чудачки Джин уже не вызывает такого насмешливого презрения. Джордж в этом никогда не признается, но так уж оно вышло — и это разбило последнюю разделявшую их преграду.

Он смотрел на Джин — бледная, но спокойная, она откинулась на низко опущенную спинку кресла. Под флайером тьма, над головой — звезды. Джордж понятия не имел, где они сейчас, определился бы разве что с точностью до тысячи километров, но не все ли равно. Это уж дело автопилота, он доставит их домой и совершит посадку — об этом сообщили приборы — ровно через пятьдесят семь минут.

Джин улыбнулась ему в ответ и мягко высвободила руку, которую он сжимал в своих.

— Совсем онемели,— пожаловалась она и стала растирать пальцы.— Я уже вполне хорошо себя чувствую, можешь мне поверить.

— А все-таки, по-твоему, что случилось? Неужели ты совсем ничего не помнишь?

— Ничего... какой-то провал. Я слышала, Ян задал вопрос, и сразу вы все вокруг меня суетитесь. Наверно, впала в какой-то транс. В конце концов...

Она помедлила — и решила, не стоит говорить Джорджу, что с ней и раньше так бывало. Он ничего такого не любит, пожалуй, расстроишь его еще сильнее, а то и вовсе отпугнешь.

— Что «в конце концов»? — спросил Джордж.

— Да так, ничего. Интересно, что об этом сеансе подумал Сверхправитель. Наверно, он и не ждал, что столько всего услышит.

Джин вздрогнула, оживленный взгляд затуманился.

— Боюсь я Сверхправителей, Джордж. Не оттого, что они несут зло, никаких таких глупостей я не воображаю. Конечно же, у них добрые намерения, и они все делают, как считают лучше для нас. А только чего им на самом деле надо?

Джордж неуверенно пожал плечами.

— Люди об этом гадают с первого дня,— сказал он.— Когда мы будем готовы знать, Сверхправители нам сами скажут — по совести говоря, меня любопытство не разбирает. И у меня сейчас, знаешь ли, другое на уме.— Он наклонился к Джин, стиснул ее руки.— Слушай, слетаем-ка завтра в Архив и заключим брачный договор... ну, скажем, на пять лет, а?

Джин посмотрела на него в упор — да, то, что написано у него на лице, очень приятно.

— Давай на десять,— сказала она.

Ян не торопился. Спешки никакой нет, надо основательно подумать. Он чуть ли не побаивался начать проверку — вдруг возникшая у него фантастическая надежда сразу

рухнет. Пока ничего определенного нет, можно хотя бы мечтать.

Да и нельзя ничего предпринять, пока не повидал библиотекаря Обсерватории. Эта женщина его знает, знает, что он изучает и чем увлекается, и наверняка сочтет его просьбу странной. Может, это и не страшно, но лучше не рисковать. Выждем неделю, тогда представится более удобный случай. Да, он уж очень осторожничает, но от этого вся затея захватывает еще сильнее, прямо как мальчишку. Притом самое страшное — оказаться смешным, страшнее, чем любые помехи и кары Сверхправителей. Нет, если его затея дурацкая, про нее никто никогда не узнает.

Для поездки в Лондон у него вполне уважительная причина, об этом договорено с месяц назад. Правда, для делегата он еще слишком молод и неопытен, но он — один из трех студентов, которым удалось пристроиться к делегации на съезд Международного астрономического общества. Могли поехать трое — не упускать же такой случай, да и в Лондоне он не был с детства. Ян знал, на этом съезде очень немногие из десятков докладов будут ему сколько-нибудь интересны, даже если он и сумеет их понять. Как всякий делегат любого ученого конгресса, он станет слушать только то, что может ему пригодиться, а в остальное время потолкует с собратьями по увлечению или просто побродит по городу.

За последние пятьдесят лет Лондон изменился до неузнаваемости. Теперь в нем не наберется и двух миллионов жителей — и в сто раз больше машин.

Он перестал быть важным портом — теперь каждая страна производит почти все необходимое, и сама система международной торговли стала иная. В некоторых странах еще делают какие-то вещи лучше, чем в других, но переправляют их по воздуху. Торговые пути, которые некогда вели от одной громадной гавани к другой, а позже от аэропорта к аэропорту, под конец превратились в хитроумную тонкую сеть, она охватила весь мир, но нет в ней каких-то особо важных узлов.

Однако переменилось не все. Лондон по-прежнему административный центр, средоточие искусства и науки. В этих

областях с ним не может соперничать ни одна столица континента — даже Париж, как он ни силится доказать обратное. Лондонский житель, попади он сюда из прошлого века, и сейчас бы не заблудился, по крайней мере в центре. Через Темзу перекинуты несколько новых мостов — но на прежних местах. Не видно громадных прокопченных вокзалов железной дороги — их выдворили за город. Но здание Парламента такое же, как было; Нельсон все так же свысока взирает единственным глазом на Уайт-холл; и купол собора Святого Павла все еще высится на Ладгейтском холме, хотя с ним теперь могут потягаться и здания повыше. И как прежде, маршируют гвардейцы перед Букингемским дворцом.

Все это подождет, думал Ян. Была пора каникул, и он с двумя своими товарищами-студентами остановился в одном из университетских общежитий. Район Блумсбери за последнее столетие тоже не переменился: здесь и теперь полно гостиниц и меблированных комнат, хотя они уже не стоят впритык друг к другу и не тянутся, как прежде, нескончаемыми однообразными вереницами покрытых копотью кирпичных стен.

Только на второй день съезда Яну выпал желанный случай. Основные доклады читались в огромном зале заседаний Научного центра, неподалеку от Концертного зала, который больше всего помог Лондону стать музыкальной столицей мира. Ян хотел послушать первый из сегодняшних докладов — говорили, что докладчик камня на камне не оставит от общепринятой теории образования планет.

Быть может, он в этом и преуспел, но, когда Ян после доклада ушел, познаний у него не прибавилось. Он поспешил в справочную узнать, как найти нужные комнаты.

Какой-то остроумец-администратор отвел Британскому астрономическому обществу верхний этаж громадного здания — члены ученого совета вполне это оценили: сверху перед ними открывался великолепный вид на Темзу и на всю северную часть города. Ян сжимал в руке членский билет Астрономического общества, точно пропуск, на случай, если его остановят, но, хоть не встретил ни души, без труда нашел библиотеку.

Почти час он потратил, пока отыскал то, что требовалось, и разобрался, как пользоваться толстенными звездными каталогами с миллионами данных. Под конец его бросило в дрожь — хорошо, что поблизости никого нет, некому заметить его волнение.

Он поставил каталог на место, к остальным, и долго сидел не шевелясь и невидящим взглядом смотрел на сплошную стену книг. Потом медленно пошел прочь, по безлюдным коридорам, мимо кабинета секретаря (теперь там были люди, деловито развязывали пачки книг) и дальше, вниз по лестнице. Лифтом спускаться не стал, избегая встреч и тесноты. Прежде он собирался послушать еще один доклад, теперь это уже не важно.

Он подошел к парапету набережной и машинально следил, как неспешно течет к морю Темза, а в мыслях по-прежнему неразбериха. Непросто примириться с таким вот внезапным открытием, если ты воспитан на общепризнанных научных истинах. Никогда не узнать наверняка, правда ли то, что открылось, но уж слишком это убедительно. Ян медленно шел по набережной и перебирал по порядку все, что ему известно.

Факт первый: никто из гостей Руперта не мог знать, что он, Ян, задаст такой вопрос. Он и сам этого не знал, слова сорвались с языка, оттого что уж очень необычны были обстоятельства. А значит, никто не мог подготовить ответ, не мог заранее об этом думать.

Факт второй: НГС 549672 — это уж наверно ничего не говорит непосвященным и смысл имеет только для астронома. Хотя Полный всеобщий атлас составлен столетие назад, о нем знают лишь несколько тысяч специалистов. И если наобум назвать какой-то номер, никто не сумеет сказать точно, где находится эта звезда.

Однако — и этот, третий, факт стал ему ясен только сейчас — маленькая, незаметная звезда, обозначенная как НГС 549672, находится как раз там, где надо. В самом сердце созвездия Карина, в конце светящегося следа, который возник перед Яном всего несколько вечеров назад и ушел от Солнечной системы в бездну космоса.

Простое совпадение невозможно. Конечно же, НГС 549672 и есть родная планета Сверхправителей. Но если так, рушатся все милые сердцу Яна понятия о научных методах исследования. Ну и пускай рушатся. Надо примириться с фактом: так или иначе, нелепый Рупертов опыт оказался ключом к неведомому доныне источнику знания.

Рашаверак? Пожалуй, вот оно, самое правдоподобное объяснение. Сверхправитель не сидел со всеми за столом, но это не важно. Да и не любопытна Яну механика сверхфизических явлений, важно одно — как воспользоваться их плодами.

Насчет звезды НГС 549672 известно очень мало, она ничем не выделяется среди миллионов других. Но в каталоге указаны ее размеры, координаты и тип спектра. Надо будет еще кое до чего доискаться — и тогда он хотя бы примерно узнает, насколько далека планета Сверхправителей от Земли.

Ян повернулся и пошел прочь от Темзы, назад, к сверкающему белому зданию Научного центра. Понемногу лицо его осветилось улыбкой. Знание — сила, а он, единственный человек на Земле, знает, откуда явились Сверхправители. Сейчас не угадаешь, как воспользоваться этим знанием. Оно будет надежно храниться в памяти и ждать своего часа.

10

Человечество все еще нежилось, согретое летним безоблачным полднем мира и процветания. Неужели когда-нибудь снова придет зима? Немыслимо. Вот когда подлинно наступил Век разума, который слишком рано, два с половиной столетия назад, приветствовали вожди Французской революции. На сей раз так оно и есть.

Конечно, и процветание не обходится без изъянов, но с ними охотно примирились. Только глубокие старики понимают, что телегазеты, которые каждый принимает у себя дома, в сущности, изрядно скучны. Не стало потрясений, о каких когда-то возвещали кричащие заголовки. Нет боль-

ше таинственных убийств, что ставят в тупик полицию и вызывают в миллионах сердец бурю благородного негодования, под которым зачастую прячется зависть. Если уж и случится убийство, тайны не будет: поверни некий диск — и перед глазами заново разыграется все преступление с начала до конца. Поначалу существование столь прозорливых приборов изрядно перепугало вполне законопослушных граждан. Сверхправители успели изучить очень многие, но не все завихрения человеческой психологии, и этого испуга они не предвидели. Пришлось разъяснить людям, что никто из них не сможет подглядывать и подслушивать секреты соседа, а над считаными аппаратами, переданными в человеческие руки, установлен строгий контроль. К примеру, телепередатчик Руперта Бойса работает только в пределах заповедника, и действие его касается только Руперта и Майи.

Серьезные преступления изредка бывают, но газеты мало ими занимаются. В конце концов, воспитанному человеку вовсе не хочется читать про чужие грехи.

Люди работают теперь в среднем всего часов двадцать в неделю, но уж в полную силу. Труда однообразного, чисто механического больше почти не существует. Слишком ценен человеческий разум, нелепо тратить его на то, что могут выполнить две-три тысячи транзисторов, несколько фотоэлементов да печатные схемы общим объемом в кубический метр. Иные заводы неделями работают самостоятельно, и ни одна живая душа туда не заглядывает. Дело людей — обнаружить неисправность, принять решение и составить план новых предприятий. Все остальное выполняют роботы.

Появись столько досуга в прошлом веке, перед человечеством встали бы головоломные задачи. Теперь почти все их решило образование, ведь богатому и разностороннему уму не грозит скука. Нынешний уровень культуры когда-то показался бы невероятным. Не то чтобы человек как таковой стал разумнее, но впервые каждый может развить все способности, какие дала ему природа.

Почти у каждого есть не один дом, а два, в разных концах света. Обжиты прежде недоступные приполярные об-

ласти, и немало народу каждые полгода кочует из Арктики в Антарктиду и обратно, всему предпочитая долгий день полярного лета. Другие переселились в пустыни, в горы и даже на дно морское. На всей Земле нет такого места, где наука и технология не могли бы создать самое удобное жилище тому, кого уж очень туда потянет.

Иные особенно экзотические уголки дают пищу немногим волнующим сообщениям в газетах. Даже в самом упорядоченном обществе не миновать изредка несчастных случаев. Быть может, это добрый знак — что иные смельчаки готовы рискнуть, а то и погибнуть, лишь бы устроить себе уютную виллу под самой макушкой Эвереста или полюбоваться видом сквозь струи водопада Виктория. А потому каждый раз кого-нибудь откуда-нибудь вызволяют. Это стало своего рода игрой, чуть ли не спортом для всей планеты.

Всякий может потакать своим прихотям, ведь на это хватает и времени, и денег. Когда упразднены были армии, человечество разом стало почти вдвое богаче, а возросшая производительность довершила дело. И просто смешно сравнивать жизненный уровень человека XXI века с тем, как жилось кому-либо из его предков. Все необходимое стоит ничтожно мало и дается людям даром, как прежде государство предоставляло им бесплатно дороги, воду, уличное освещение и канализацию. Можно поехать куда вздумается, лакомиться самыми изысканными яствами и не платить за это ни гроша. Право на это ты заслужил, потому что и сам работаешь для общего блага.

Находятся, конечно, и трутни, но людей, у которых хватало бы силы воли на жизнь совершенно праздную, куда меньше, чем думают. А обществу несравненно легче прокормить таких паразитов, чем содержать армию контролеров на транспорте, продавцов, кассиров и всех прочих, кто только тем бы и занимался, что переписывал бы всякую всячину из одного гроссбуха в другой.

Подсчитано, что почти четверть своих сил человечество отдает разным видам спорта — от такого сидячего, как шахматы, до смертельно опасного, вроде планирующих перелетов на лыжах через горные долины. Это привело к разным непредвиденным последствиям, так, исчез профессиональ-

ный спорт: слишком много оказалось блистательных спортсменов-любителей.

После спорта важнейшей областью приложения сил стали всевозможные виды развлечений. В прошлом больше ста лет очень многие верили, что главное место на Земле — Голливуд. Теперь они могли бы утверждать это с гораздо большим основанием, но, безусловно, львиную долю фильмов 2050 года в 1950-м сочли бы чересчур мудреными и попросту не поняли. Как-никак прогресс: не всем теперь командует касса.

Но среди несчетных забав и развлечений на планете, которая, похоже, готова превратиться в одну огромную площадку для игр, иные люди все еще опять и опять задаются извечным вопросом, на который нет ответа:

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

11

Ян прислонился к зверю, уперся ладонями в шершавую, точно древесная кора, кожу. Оглядел громадные бивни, круто изогнутый хобот — искусный таксидермист увековечил слона в позе то ли воинственной, то ли радостной. Любопытно, какие не менее странные существа с каких неведомых планет станут однажды разглядывать этого выходца с Земли?

— Много еще зверья ты послал Сверхправителям? — спросил он Руперта.

— По крайней мере пятьдесят штук, но этот, конечно, самый крупный. Великолепен, правда? То была в основном мелкота — бабочки, змеи, мартышки и прочее в том же роде. Хотя нет, в прошлом году я им отправил бегемота.

Ян невесело усмехнулся:

— Страшноватая мысль, но я подозреваю, что в их коллекции уже имеется живописная компания чучел homo sapiens. Интересно, кто удостоился сей чести?

— Наверно, ты прав,— преспокойно отозвался Руперт.— Это несложно устроить через больницы.

— А вдруг бы нашелся желающий на роль живого экспоната? — задумчиво продолжал Ян.— Разумеется, при условии, что потом его вернут домой.

Руперт засмеялся, но не без сочувствия.

— Ты что же, вызываешься добровольцем? Передать Рашевераку?

Минуту-другую Ян обдумывал это почти всерьез. Потом покачал головой.

— Мм... нет, не надо. Я просто думал вслух. Они наверняка мне откажут. Кстати, ты часто видишь Рашеверака?

— Он у меня был месяца полтора назад. Ему как раз попалась книга, за которой я давно охотился. Очень мило с его стороны.

Ян медленно обошел кругом чучело великана, поражаясь мастерству, с каким навсегда остановлен этот миг могучего порыва.

— Понял ты наконец, чего он ищет? — спросил Ян.— Право же, это плохо сочетается — в науке Сверхправители достигли таких высот, а интересуются сверхъестественным.

Руперт подозрительно покосился на зятя — уж не насмехается ли тот над его увлечением?

— По-моему, Рашеверак это объясняет вполне правдоподобно. Его как антрополога занимают любые стороны нашей культуры. Не забудь, им спешить незачем. Они могут вникать в любую мелочь, нашим ученым целой жизни не хватит на такие исследования. Вот Рашеверак перечитал всю мою библиотеку, и едва ли ему это стоило особого труда.

Может быть, это и есть объяснение, но Яна оно не убедило. Порой он подумывал доверить Руперту свою тайну, но мешала прирожденная осторожность. При новой встрече с другом Рашевераком Руперт, пожалуй, проболтается — чересчур велик будет соблазн.

— Между прочим, ты сильно ошибаешься, если думаешь, что это такой уж большой экспонат,— неожиданно сказал Руперт.— Посмотрел бы, над чем работает Салливен. Он взялся изготовить двух самых больших тварей — спермацетового кита и гигантского спрута. И в схватке не на жизнь, а на смерть. Вот это да!

Ян молчал. В мозгу вспыхнула дикая, невероятная мысль, нельзя же думать о таком серьезно. И однако... как раз потому, что это так дерзко, вдруг да получится...

— Что с тобой? — встревожился Руперт.— Стало дурно от жары?

Ян опомнился.

— Нет, ничего,— сказал он.— Я только хотел понять, как же Сверхправители подберут такую игрушку.

— Ну, просто какой-нибудь их грузовой корабль спустится, откроет люк и втянет эту махину внутрь.

— Так я и думал,— сказал Ян.

Это было похоже на рубку космического корабля. По стенам сплошь измерительные приборы и какие-то инструменты; и ни одного окна, только большой экран перед креслом пилота. Судно могло взять шестерых пассажиров, но сейчас Ян был единственным.

Он неотрывно смотрел на экран, ловил каждую подробность проходящего перед глазами удивительного, неведомого мира. Да, столь же неведомого, как все, что он, быть может, повстречает за россыпью звезд, если удастся его сумасшедшая затея. Сейчас он вступает во владения чудовищ, что пожирают друг друга во мраке, не потревоженном с начала времен. Тысячи лет люди плавают над этим царством тьмы, оно лежит не глубже чем в километре под килем корабля, а меж тем до нынешнего столетия человек знал о нем меньше, чем о видимой стороне Луны.

С поверхности океана пилот опускался к еще не изведанным глубинам Южной впадины Тихого океана. Ян знал, он ориентируется по незримым координатам, прочерченным звуковыми волнами расставленных на дне океана маяков. Но пока дно еще так далеко от них, как земные равнины от плывущих в небе облаков...

Видно было очень мало, локаторы подводной лодки понапрасну шарили вокруг. Наверно, волнение, поднятое двигателями, распугало рыбу помельче; из любопытства подойдет близко разве что какая-нибудь громадина, вовсе не ведающая страха.

Маленькая кабина содрогалась от скрытой в ней мощи — от мощи, способной выдержать безмерную тяжесть водной толщи над головой Яна, создать и хранить пузырек света и воздуха, в котором могут существовать люди. Если эта мощь откажет, подумал Ян, они станут пленниками металлического гроба, зарытого глубоко в ил на дне океана.

— Пора определиться,— сказал пилот. Он пробежал пальцами по переключателям, двигатели умолкли, подводная лодка мягко замедлила ход и наконец замерла. Она парила в равновесии, словно воздушный шар в небе.

Гидролокатор мигом установил, где они находятся.

— Сейчас опять включим моторы, только сперва послушаем, нет ли чего интересного,— заметил пилот.

Из динамика в тишину маленькой кабины хлынул низкий ровный гул. Ян не мог различить отдельных звуков. Все они сливались в сплошной однообразный шум. Ян знал, это разом подают голос мириады морских тварей. Будто он оказался в сердце лесной чащи, где кишмя кишит жизнь,— только в лесном хоре он распознал бы хоть чьи-то голоса. А здесь в сложной звуковой ткани не ухватишь ни единой ниточки. Все чуждо, незнакомо, никогда ничего похожего не слышал... прямо волосы дыбом становятся. А ведь это все тут же, на его, Яна, родной планете...

Дикий вопль прорезал зыблющуюся толщу шума, как молния — грозовую тучу. Быстро перешел в надрывающее душу рыдание, в отчаянный, понемногу затихающий вой и замер, а через минуту где-то дальше отозвался еще один. И следом пронзительная визгливая разноголосица, будто сорвался с цепи сам ад... Пилот поспешил приглушить звук.

— Господи, это еще что? — выдохнул Ян.

— Жуть, а? Это киты, идут косяком километрах в десяти от нас. Я знал, что они где-то недалеко, подумал, может, захочешь послушать.

Яна пробрала дрожь.

— А я-то думал, в море тишина! Отчего они так орут?

— Наверно, беседуют друг с дружкой. Салливен тебе все объяснит, мне плохо верится, но, говорят, у него есть вроде как знакомые киты, он их узнает по голосу. Э, да у нас гость!

На экране появилась какая-то рыбина с громадной, немыслимой пастью. Видно, и сама большущая, впрочем, Ян уже знает, о размерах по изображению судить трудно. Откуда-то из-под жабр у рыбины свисает длинный ус, на конце его — расширение, подобие колокола.

— Сейчас мы видим в инфракрасном свете,— сказал пилот.— Попробуем обычную картинку.

Рыбина исчезла бесследно. Осталась одна лишь яркая, фосфорически светящаяся висюлька. Затем вдоль туловища вспыхнули огненные точки, и странное создание мелькнуло перед глазами все целиком.

— Это морской черт, а светится у него приманка — завлекает всякую рыбешку. Фантастика, верно? Одного не пойму — отчего на эту удочку не идет большая рыба и сама его не слопает? Только не до вечера же нам ждать. Сейчас я включу двигатели, и он удерет.

Кабина опять задрожала, лодка скользнула вперед. Большая светящаяся рыбина разом вспыхнула всеми огнями, неистовым сигналом тревоги,— и, точно метеор, умчалась в непроглядную бездну.

Еще двадцать минут медленного погружения — и невидимые пальцы локатора нащупали первые приметы океанского дна. Далеко внизу под лодкой проходила гряда невысоких, на удивление мягко очерченных округлых холмов. Если когда-то были у них выступы и неровности, их давно сгладил непрестанный дождь, падающий с водных высей. Даже здесь, посреди Тихого океана, вдали от огромных устьев рек, что постепенно смывают почву материков, никогда не прекращается этот дождь. Его рождают иссеченные буряками склоны Анд, и тела миллиардов погибших существ, и пыль метеоритов, что веками скитались в космосе и наконец обрели покой. Здесь, во мраке вечной ночи, слой за слоем закладывается основа будущих материков.

Холмы остались позади. По карте Ян видел, это — пограничная стража просторной равнины, которая раскинулась на такой глубине, что ее не достигал луч локатора.

Лодка продолжала плавно спускаться. На экране понемногу вырисовывалась новая картина; глядя под непривычным углом зрения, Ян не сразу разобрал, что это такое.

Потом понял — они приближаются к подводной горе, встающей со скрытой далеко внизу равнины.

Изображение стало отчетливее: на близком расстоянии локаторы работали лучше и стало видно ясно, почти как при обычном свете. Ян различал мелкие подробности, видел, как среди скал преследуют друг друга странные рыбы. Вот из почти незаметной расщелины медленно выплыла зловещего вида тварь с разинутой пастью. Молниеносно, неуловимо для глаза метнулось длинное щупальце и увлекло отчаянно бьющуюся рыбу навстречу гибели.

— Почти пришли,— сказал пилот.— Через минуту увидишь лабораторию.

Лодка медленно шла над скалистым отрогом, выступающим у подножия горы. Взгляду уже открывалась равнина; до океанского дна осталось каких-нибудь несколько сот метров, прикинул Ян. И увидел примерно в километре впереди скопище шаров, поставленных на треножники и соединенных между собой трубчатыми переходами. Все это с виду очень напоминало резервуары химического завода и в самом деле построено было по тому же принципу. Разница лишь та, что здесь надо было выдержать давление не изнутри, но извне.

— А это что? — ахнул Ян.

Дрожащим пальцем он показал на ближайший шар. Причудливые разводы, покрывающие шар, оказались сплетением гигантских щупалец. Лодка подошла ближе, и стало видно, что щупальца ведут к большому мясистому мешку, с которого смотрят в упор громадные глаза.

— Это, наверно, Люцифер,— невозмутимо сказал пилот.— Опять его кто-то подкармливает.

Он щелкнул переключателем и склонился над приборной доской.

— Эс-два вызывает лабораторию. Я подхожу. Может, отгоните своего любимчика?

Ему тотчас ответили:

— Лаборатория — к Эс-два. Ладно, швартуйтесь. Люци сам уступит дорогу.

На экране ширилась округлая металлическая стена. Перед Яном в последний раз мелькнуло громадное, усеянное

присосками щупальце и дернулось прочь от лодки. Раздался глухой удар металла о металл, потом негромкий скрежет, царапанье — это рычаги захвата нащупывали контакты на гладком яйцеобразном корпусе лодки. Через несколько минут ее притянуло вплотную к стене станции, металлические руки сомкнулись, прошли вдоль корпуса лодки и повернули огромный полый винт. Вспыхнул сигнал «давление уравнено», люки отворились — доступ в глубоководную лабораторию номер один наконец открыт.

Профессора Салливена Ян застал в тесном, не ведающем порядка помещении — оно, видимо, было сразу и кабинетом, и мастерской, и лабораторией. Салливен заглядывал через микроскоп внутрь чего-то вроде маленькой бомбы. Вероятно, в этой капсуле, под привычным для себя давлением во многие тонны на квадратный сантиметр, беззаботно плавал какой-нибудь житель океанских глубин.

— Ну-с,— промолвил Салливен, с трудом отрываясь от микроскопа,— как поживает Руперт? И чем мы можем вам служить?

— Руперт процветает,— ответил Ян.— Шлет вам привет и наилучшие пожелания и передает, что рад бы вас навестить, да только у него клаустрофобия.

— Ну, тогда, конечно, ему тут было бы неуютно, ведь над нами пять километров воды. Кстати, а вас это не беспокоит?

Ян пожал плечами.

— Это же все равно как лететь на стратолайнере. Если что-то пойдет наперекос, конец и там, и тут один.

— Здравая мысль, но странно, только очень немногие так рассуждают.

Салливен подкрутил что-то в микроскопе, потом испытующе глянул на Яна.

— Рад буду показать вам лабораторию,— сказал он,— но, признаться, я удивился, когда Руперт передал вашу просьбу. Человек, думаю, в мечтах витает среди звезд, откуда у него вдруг интерес к нашим делам? Может, вы ошиблись дверью? — Он необидно усмехнулся.— Признаться, никогда не понимал, чего ради всех вас тянет в небеса. Пройдут

столетия, пока мы разберемся тут, в океанах, все нанесем на карты и разложим по полочкам.

Ян перевел дух. Хорошо, что Салливен начал первый, это облегчает задачу. Хоть ихтиолог и сострил насчет не той двери, между ними много общего. Не так уж трудно будет перекинуть мостик, заручиться сочувствием и помощью Салливена. Это человек с воображением, иначе он не дерзнул бы вторгнуться в подводное царство. Однако Ян знал, надо быть осторожнее, ведь просьба его прозвучит по меньшей мере необычно.

Одно придавало ему уверенности: даже если Салливен откажется помочь, он, безусловно, не выдаст тайну Яна. А здесь, в мирном кабинетике на дне Тихого океана, едва ли есть опасность, что Сверхправители, сколь ни велики их неведомые силы и возможности, сумеют подслушать этот разговор.

— Профессор Салливен,— начал Ян,— вот вы стремитесь изучать океан, а допустим, Сверхправители не дают вам даже подходить к нему,— что бы вы почувствовали?

— Уж конечно, был бы зол как черт.

— Не сомневаюсь. Но предположим, в один прекрасный день вам подвернулась возможность без их ведома добиться своего — как вы поступите? Воспользуетесь случаем?

— Конечно! — без запинки ответил Салливен.— А рассуждать буду потом.

«Клюет!» — подумал Ян. Теперь ему обратного хода нет, разве что побоится Сверхправителей. Только вряд ли этот Салливен чего-нибудь боится. Ян наклонился к нему над заваленным всякой всячиной столом и приготовился изложить свою просьбу.

Профессор Салливен был отнюдь не дурак. Ян еще и рот не успел раскрыть, а на губах Салливена заиграла насмешливая улыбка.

— Так вот что вы затеяли? — медленно произнес он.— Очень, очень любопытно! Ну-с, теперь объясните, с чего вы взяли, что я вам помогу...

12

В былые времена профессор Салливен считался бы слишком дорогой роскошью. Его исследования обходились не дешевле небольшой войны; в сущности, он был словно генерал, ведущий нескончаемую войну с не ведающим усталости врагом. Враг профессора — океан — воевал оружием холода, мрака, а главное — давления. Профессор отвечал противнику силой разума и искусством инженера. Он одержал немало побед, но океан терпелив, он может ждать своего часа. Салливен знал, что рано или поздно он допустит ошибку. Что ж, есть хотя бы одно утешение: тонуть не придется. Конец будет мгновенный.

Выслушав просьбу Яна, он не сказал сразу ни да ни нет, но прекрасно знал, как в конце концов ответит. Вот случай провести интереснейший опыт. Жаль, он так и не узнает результата; но так нередко бывает в науке, он и сам начал кое-какие исследования, которые завершены будут лишь через десятки лет.

Профессор Салливен был человек мужественный и умный, но, оглядываясь на пройденный путь, понимал, что не достиг той славы, какая делает имя ученого бессмертным. И вот — совершенно неожиданный и оттого вдвойне соблазнительный случай по-настоящему войти в историю. В этой честолюбивой мечте он бы никому не признался — и, надо отдать ему справедливость, все равно помог бы Яну, даже если б его участие в дерзком замысле навсегда осталось тайной.

А Ян все обдумывал и передумывал заново. До сих пор его словно подхватило и несло на гребне того первого открытия. Он узнавал, проверял, но ничего не делал для того, чтобы мечта его сбылась. Однако еще несколько дней — и надо будет выбирать. Если профессор Салливен согласится, отступить невозможно. Надо идти навстречу будущему, которое сам выбрал, и всему, чем оно чревато.

Окончательно решиться его заставила мысль, что, если упустить этот единственный, сказочный случай, он потом себе вовек не простит. А до самой смерти терзаться напрасными сожалениями — что может быть хуже?

Ответ Салливена он получил через несколько часов и понял, что жребий брошен. Не торопясь — времени в запасе достаточно,— он начал приводить свои дела в порядок.

Милая Майя, это письмо тебя, как бы сказать помягче, несколько удивит. Когда ты его получишь, меня уже не будет на Земле. Это не значит, что я, как многие, отправляюсь на Луну. Нет, я буду на пути к планете Сверхправителей. Первым из людей я покину нашу Солнечную систему.

Письмо я отдаю другу, который мне помогает; он не вручит его тебе, пока не убедится, что план мой — по крайней мере поначалу — удался и Сверхправителям уже поздно мне помешать. Я в это время буду лететь уже так далеко и с такой скоростью, что вряд ли эта весть меня догонит. А если и догонит, маловероятно, чтобы корабль из-за меня повернул обратно к Земле. И вообще, на их взгляд, едва ли я того стою.

Первым делом дай объясню, откуда все пошло. Ты знаешь, меня всегда интересовали космические перелеты и всегда обидно было, что нам нельзя ни побывать на других планетах, ни узнать хоть что-то о цивилизации Сверхправителей. Не заявись они к нам, теперь мы бы уже, пожалуй, достигли Марса и Венеры. Правда, столь же возможно, что мы бы уже сами себя истребили кобальтовыми бомбами и прочими смертоносными изобретениями двадцатого века. А все-таки порой я жалею, что нам не дали самим попытать счастья.

Наверно, у Сверхправителей есть причины быть при нас няньками, и, наверно, очень веские причины. Но даже знай я их, едва ли я чувствовал бы — и поступал — иначе.

Все началось с того вечера у Руперта. (Кстати, он этого не знает, хотя он-то и навел меня на след.) Помнишь, он тогда устроил дурацкий спиритический сеанс и под конец та девушка, забыл, как ее звали, упала в обморок? Я спросил, от какой звезды явились Сверхправители, и ответ был «НГС 549672». Никакого ответа я не ждал и до той минуты считал, что все это пустая забава. А тут понял, что это номер из звездного каталога, и решил в него заглянуть. И оказалось, это звезда в созвездии Карина, а как ни мало мы знаем

о Сверхправителях, известно, что прилетели они именно с той стороны.

Не стану притворяться, будто понимаю, каким образом до нас дошло это сообщение и откуда оно взялось. Может, кто-нибудь прочел мысли Рашаверака? Если бы и так, едва ли он знает, как обозначено их солнце в нашем земном каталоге. Все это загадочно и непонятно, пускай секрет раскроют люди вроде Руперта — если сумеют! С меня хватит и того, что я получил такие сведения — и действую.

Мы наблюдали, как уходят в полет корабли Сверхправителей, и уже многое знаем об их скорости. Они покидают Солнечную систему с громадным ускорением и меньше чем через час достигают почти скорости света. А это значит, что они располагают такой системой движителей, которая действует равномерно на любой атом в корабле, иначе все живое на борту мигом расплющило бы в лепешку. Любопытно, чего ради они прибегают к таким чудовищным ускорениям, ведь в космосе они как рыба в воде и времени у них вдоволь, могли бы набирать скорость без всякой спешки. У меня есть на этот счет своя теория: думаю, они каким-то способом черпают энергию из полей, окружающих звезды, а потому должны стартовать и останавливаться очень близко от какого-нибудь солнца. Но это так, между прочим.

Важно то, что теперь я знаю, какое им надо пройти расстояние, а значит — сколько на это нужно времени. От Земли до звезды НГС 549672 сорок световых лет. Корабли Сверхправителей летят со скоростью больше девяноста девяти процентов световой, значит, перелет должен длиться сорок наших лет. Сорок наших земных лет, вот в чем вся соль.

Может быть, ты слышала — когда приближаешься к скорости света, начинаются разные странности. Само время течет по-иному, оно замедляет ход, и если на Земле пройдет месяц, то на корабле Сверхправителей только день. Отсюда важнейшее следствие, оно открыто великим Эйнштейном больше ста лет тому назад.

Пользуясь твердо установленными выводами теории относительности, я проделал кое-какие расчеты, основанные на том, что нам известно о звездных перелетах. Для пассажиров корабля Сверхправителей полет до их звезды длится

не больше двух месяцев, хотя на Земле за это время пройдет сорок лет. Я знаю, в такое трудно поверить, разве только утешаться мыслью, что, с тех пор как Эйнштейн объявил об этом парадоксе, над его загадкой бьются лучшие умы человечества.

Вот пример, на котором, думаю, ты легче поймешь, что из этого получается, и яснее себе это представишь. Если Сверхправители тотчас же отошлют меня обратно на Землю, я вернусь, став старше только на четыре месяца. А на Земле пройдет уже восемьдесят лет. Так что, Майя, как бы дальше все ни сложилось, я с тобой прощаюсь навсегда...

Ты ведь знаешь, меня мало что привязывает к Земле, и я ее оставляю с чистой совестью. Маме я ничего не говорил, она бы закатила истерику, перед этим я, признаться, струсил. Так будет лучше. Хотя с тех пор, как умер отец, я пытался многое оправдать... ох, что толку опять ворошить прошлое!

Я покончил с учением и сказал университетскому начальству, что по семейным обстоятельствам уезжаю в Европу. Все мои дела улажены, тебе совсем ни о чем не придется беспокоиться.

Ты, пожалуй, уже вообразила, что я рехнулся, ведь, казалось бы, никому вовек не забраться в корабль Сверхправителей. Но я нашел способ. Такое не часто случается, и другого случая не будет: уж наверно, если Кареллен в кои веки ошибается, так не повторит ошибки. Помнишь легенду о деревянном коне, который провез греческих воинов в Трою? В Ветхом Завете есть одна история, там сходства еще больше...

— Вам будет гораздо удобнее, чем Ионе,— сказал Салливен.— Нигде не сказано, что к его услугам были электрическое освещение, водопровод и канализация. Но вам понадобится много еды, и, я вижу, вы запаслись кислородом. Можете вы взять столько, чтобы хватило на два месяца в таком тесном помещении?

И он ткнул пальцем в аккуратные чертежи, разложенные Яном на столе. С одного конца бумагу вместо пресс-папье придавил микроскоп, с другого — череп какой-то невероятной рыбины.

— Надеюсь, кислород не так уж необходим,— сказал Ян.— Мы знаем, они способны дышать нашим воздухом, хотя, похоже, он им не очень приятен, а их атмосфера для меня, может быть, и совсем не годится. А задача насчет запасов решается при помощи наркосамина. Средство верное и совершенно безопасное. Сразу после старта делаю себе укол и проваливаюсь в сон на полтора месяца плюс-минус несколько дней. К тому времени мы почти уже на месте. Право, меня больше тревожит не еда и не кислород, а скука.

Профессор Салливен задумчиво кивнул.

— Да, наркосамин надежен, и можно точно рассчитать дозу. Но смотрите, у вас под рукой должно быть вдоволь еды — вы проснетесь голодный как волк и слабый, как новорожденный котенок. Вдруг вы помрете с голоду, оттого что у вас не хватит силенок открыть консервы?

— Это я обдумал,— немного обиделся Ян.— Налягу на сахар и шоколад, так всегда делается.

— Отлично. Рад видеть, что вы все предусмотрели и не воображаете, будто, если игра окажется вам не по вкусу, можно будет бросить ее посередине. Вы ставите на карту не чью-нибудь, а свою жизнь, но не хотел бы я думать, что помогаю вам покончить самоубийством.

Он взял со стола рыбий череп, рассеянно взвесил в ладонях. Ян схватился за край плана, не давая бумаге свернуться в трубку.

— По счастью,— продолжал Салливен,— все детали нужного вам снаряжения стандартные, собрать и оборудовать что надо в нашей мастерской можно за считаные недели. А если вы передумаете...

— Не передумаю,— сказал Ян.

...Я тщательно рассчитал, какие могу встретить опасности, и, пожалуй, в плане моем нет изъянов. Через полтора месяца я объявлюсь как обыкновенный безбилетник — пускай наказывают за то, что ехал зайцем. Тогда — по корабельному времени, не забудь,— путешествие почти уже закончится. Останется сесть на планету Сверхправителей.

Конечно, что будет дальше, зависит от них. Вероятно, на следующем же корабле меня отошлют домой... но, надо по-

лагать, я хоть что-нибудь да увижу! Беру с собой четырехмиллиметровую камеру и тысячи метров пленки; если уж я ее не использую, так не по своей вине. Ну а в самом худшем случае все-таки докажу, что нельзя вечно держать людей взаперти. Подам пример, который вынудит Кареллена что-то предпринять.

Вот и все, что я хотел сказать, милая Майя. Знаю, ты не станешь слишком обо мне скучать: будем честны и откровенны, нас никогда не соединяли прочные узы, а теперь ты замужем за Рупертом и вполне счастлива будешь в своем отдельном мире. По крайней мере, я на это надеюсь.

Итак, прощай, всего наилучшего. Предвкушаю встречу с твоими внуками — пожалуйста, позаботься, чтобы они обо мне знали, ладно?

Твой любящий брат Ян

13

Сперва у Яна просто не укладывалось в сознании, что здесь собирают не фюзеляж небольшого воздушного лайнера: перед ним был металлический скелет двадцати метров в длину, идеально обтекаемой формы, окруженный легкими фермами лесов, по которым карабкались рабочие с инструментами.

— Да,— сказал Салливен на вопрос Яна,— мы пользуемся стандартной авиационной техникой, и люди эти в большинстве авиастроители. Такая громадина — и вдруг живая, трудно поверить, правда? И даже способна выскочить из воды, я не раз видел такие прыжки.

Все это прелестно, но Яна занимало другое. Он внимательно оглядел громадный скелет, отыскивая подходящее укрытие для своей кельи,— Салливен ее окрестил «гробом с кондиционированным воздухом». Сразу же стало ясно: об одном можно не беспокоиться — места хватит. Тут разместилась бы добрая дюжина «зайцев».

— Похоже, каркас почти закончен,— сказал Ян.— А когда вы будете обтягивать его шкурой? Кита уже, наверно, изловили, раз вам известны размеры скелета?

Салливена это замечание явно позабавило.

— Мы вовсе не собирались ловить кита. Да у них и нет шкуры в обычном смысле слова. Едва ли удалось бы обернуть этот каркас пленкой вроде рыбьего пузыря, но толщиной в двадцать сантиметров. Нет, мы эту штуку заменим пластмассой и аккуратненько раскрасим. Когда закончим, никто не сможет распознать подделку.

В таком случае, подумал Ян, разумнее было бы Сверхправителям сделать фотоснимки, а экспонаты в натуральную величину мастерить самим на своей планете. Но может быть, их грузовые корабли возвращаются домой порожняком и пустячок вроде двадцатиметрового спермацетового кита для них все равно что ничего. Когда располагаешь такими силами и возможностями, стоит ли экономить по мелочам...

Профессор Салливен стоял подле одной из огромных статуй, которые оставались головоломной загадкой для археологов с тех самых пор, как открыли остров Пасхи. Каменный король, бог, или кто он там был, словно следил незрячими глазами за взглядом Салливена, когда тот осматривал свое творение. Салливен по праву гордился плодом своего труда; какая жалость, что его детище вскоре станет навсегда недоступно человеческому взору.

Могло показаться, будто некий безумный скульптор воплотил видение, которое примерещилось ему в пьяном бреду. И однако это было точное отражение жизни, а скульптор — сама природа. Пока не появились усовершенствованные подводные телевизоры, редким людям случалось видеть подобное, да и то лишь в краткие миги, когда великаны в пылу схватки вырывались на поверхность. Борьба разыгрывалась в нескончаемой ночи океанских глубин, где спермацетовые киты охотились за кормом. А корм решительно не желал быть съеденным заживо...

Громадная пасть кита с нижней челюстью, зубастой, как пила, широко распахнулась, готовая сомкнуться на теле жертвы. Голову почти не различить под сетью белых мясистых извивающихся щупалец — исполинский спрут отчаянно борется за свою жизнь. Там, где щупальца попадали на шкуру, ее пятнают мертвенно-бледные следы присосков

двадцати сантиметров в поперечнике, если не больше. От одного щупальца уже остался только обрубок — и нетрудно предвидеть исход боя. В битве между двумя самыми большими тварями на Земле победитель всегда — кит. Сколь ни мощен лес щупалец, у спрута одна надежда — спастись бегством, прежде чем неутомимо работающая челюсть распилит его на куски. Огромные, полметра в поперечнике, ничего не выражающие глаза спрута в упор уставились на палача, хотя, скорее всего, во тьме океанской пучины противники могут и не видеть друг друга.

Композицию эту, длиной больше тридцати метров, окружает клетка из легких алюминиевых ферм, оплетенная канатами, остается лишь подхватить ее подъемным краном. Все готово, все к услугам Сверхправителей. Салливен надеялся, что они не замешкаются, ожидание становилось томительным.

Кто-то вышел из кабинета под яркое солнце, видно, ищет его. Салливен издали узнал своего старшего помощника и пошел ему навстречу.

— Я здесь, Билл. Что случилось?

Тот, явно довольный, протянул листок радиограммы.

— Приятная новость, профессор. Нам оказывают высокую честь! Прибывает Попечитель, хочет самолично осмотреть наш экспонат перед отправкой. Представляете, какая о нас пойдет слава! Это нам очень пригодится, когда будем просить о новых ассигнованиях. Признаюсь, я давно надеялся на что-нибудь в этом духе.

Профессор Салливен проглотил застрявший в горле ком. Он всегда был не против славы, но на сей раз она может оказаться излишней.

Кареллен остановился у головы кита, посмотрел вверх, на громадное тупое рыло, на усеянную желтоватыми зубами челюсть. «Что-то он сейчас думает?» — стараясь казаться спокойным, спрашивал себя Салливен. Держится естественно, ни признака подозрительности, и приезд его можно объяснить очень просто. Но хоть бы он поскорее убрался восвояси!

— На нашей планете нет таких больших животных,— сказал Кареллен.— Это одна из причин, почему мы просили вас сделать такую композицию. Моим... э-э... соотечественникам она очень понравится.

— Я полагал, при том что сила тяжести у вас невелика, там могут водиться очень большие звери. Ведь сами вы гораздо больше нас!

— Да, но у нас нет океанов. А когда речь о размерах, суше с морем не сравниться.

«Совершенно верно,— подумал Салливен.— И по-моему, это новость, никто не знал, что на их планете нет морей. Яну, черт его дери, будет очень интересно».

А Ян в эти минуты сидел в хижине за километр отсюда и в бинокль с тревогой следил за инспекторским обходом. И твердил себе, что бояться нечего. Даже при самом тщательном осмотре кит свой секрет не выдаст. Но вдруг Кареллен все-таки что-то заподозрил и теперь играет с ними, как кошка с мышкой?

И Салливена одолевало то же подозрение, потому что Кареллен как раз заглянул в разинутую пасть.

— В вашей Библии,— сказал он,— есть замечательный рассказ об иудейском пророке, некоем Ионе: его сбросили с корабля, но в море его проглотил кит и целым и невредимым вынес на берег. Как по-вашему, не могло быть источником этой легенды подлинное происшествие?

— Я полагаю,— осторожно отвечал Салливен,— это единственный письменно удостоверенный случай, когда китолов был проглочен и вновь извергнут без дурных для него последствий. Разумеется, если бы он пробыл внутри кита больше нескольких секунд, он бы задохнулся. И ему необычайно повезло, что он не угодил под зубы. История почти невероятная, но не скажу, что уж совсем невозможная.

— Очень любопытно,— заметил Кареллен.

Еще минуту он смотрел на громадную челюсть, потом пошел дальше и начал разглядывать спрута. Салливен невольно вздохнул с облегчением — оставалось надеяться, что Кареллен не услышал.

— Знай я, какое это будет испытание,— сказал профессор Салливен,— я вышвырнул бы вас за дверь, как только вы попробовали заразить меня своим помешательством.

— Прошу извинить,— отозвался Ян.— Но все обошлось.

— Надеюсь. Что ж, счастливо. Если захотите на попятный, у вас есть еще по крайней мере шесть часов на размышление.

— Мне они ни к чему. Теперь один Кареллен может меня остановить. Большое вам спасибо за все. Если я когда-нибудь вернусь и напишу книгу о Сверхправителях, я посвящу ее вам.

— Много мне от этого будет радости,— пробурчал Салливен.— Я давно уже стану покойником.

Он был удивлен и даже немного испуган: никогда не отличался чувствительностью, а тут оказалось — ему это прощание отнюдь не безразлично. За те недели, пока они вдвоем готовили заговор, он привязался к Яну. А теперь страшно — быть может, он стал пособником усложненного самоубийства.

Он придерживал лестницу, Ян взобрался по ней и, осторожно минуя ряды зубов, перелез на громадную челюсть. При свете электрического фонарика видно было — он обернулся, помахал рукой и скрылся в пасти, как в глубокой пещере. Щелчок, потом другой: открылся и снова закрылся воздушный шлюз — и наступила тишина.

Под луной, чей свет обратил навек застывшую битву в обрывок страшного сна, профессор Салливен медленно побрел к себе. «Что же я сделал,— думал он,— и к чему это приведет?» Ему-то, разумеется, этого не узнать. Быть может, Ян опять пройдет здесь, потратив на дорогу к планете Сверхправителей и возвращение на Землю всего лишь несколько месяцев жизни. Но если он и вернется, их разделит неодолимая преграда — Время, ибо это будет через восемьдесят лет.

Как только Ян закрыл внутреннюю дверь воздушного шлюза, в маленьком металлическом цилиндре вспыхнул свет. Не мешкая ни секунды, чтобы не напали сомнения, Ян тотчас принялся за обычную, продуманную заранее проверку. Еда и прочие припасы погружены еще несколько дней

назад. Но проверить лишний раз полезно для душевного равновесия, убеждаешься: все как надо, ничего не упущено.

Час спустя он в этом удостоверился. Откинулся на поролоновом матрасе и заново перебрал в памяти свой план. Слышалось только слабое жужжание электронных часов-календаря — они предупредят его, когда путешествие подойдет к концу.

Он знал, что в этой келье он ничего не ощутит — какими чудовищными силами ни движим корабль Сверхправителей, они наверняка безукоризненно уравновешиваются. Салливен это проверил, указав, что изготовленный им экспонат рухнет, если сила тяжести превысит два-три *g*. И «заказчики» заверили его, что на этот счет опасаться нечего.

Однако предстоит значительный перепад атмосферного давления.

Это не важно, ведь полые чучела могут «дышать» несколькими отверстиями. Перед выходом из кабины Яну придется выровнять давление, и, скорее всего, дышать атмосферой внутри корабля он не сможет. Не беда, достаточно обычного противогаза да баллона с кислородом, ничего более сложного не потребуется. А если воздух окажется пригодным для дыхания, тем лучше.

Медлить больше незачем, только лишняя трепка нервов. Ян достал небольшой шприц, уже наполненный тщательно приготовленным раствором. Наркосамин открыли когда-то, изучая зимнюю спячку животных; оказалось неверным, как думали прежде, что в эту пору жизнедеятельность приостанавливается. Просто все процессы в организме неизмеримо замедленны, но обмен веществ, крайне ослабленный, все равно продолжается. Как будто костер жизни спрятан в глубокой яме, укрыт валежником, и жар только тлеет, запасенный впрок. А через какие-то недели или месяцы действие лекарства кончается, огонь вспыхивает сызнова и спящий оживает. Наркосамин вполне надежен. Природа им пользовалась миллионы лет, оберегая многих своих детей от голодной зимы.

И Ян уснул. Он не почувствовал, как натянулись канаты и огромную металлическую клетку подняли в трюм грузовика Сверхправителей. Не слыхал, как закрылись люки,

чтобы открыться вновь только через триста триллионов километров. Не услыхал, как вдалеке, приглушенный толщею мощных стен, раздался протестующий вопль земной атмосферы, когда корабль прорывался сквозь нее, возвращаясь в родную стихию. И не почувствовал межзвездного полета.

14

На еженедельных пресс-конференциях зал всегда бывал полон, но сегодня народу набилось битком, в такой тесноте репортеры насилу ухитрялись записывать. В сотый раз они ворчали и жаловались друг другу на Кареллена — у него отсталые вкусы и никакого уважения к прессе! В любое другое место на свете они явились бы с телекамерами, магнитофонами и прочими орудиями своего отлично механизированного ремесла. А тут изволь полагаться на такую древность, как бумага, карандаш — и, подумать только, на стенографию!

Конечно, раньше кое-кто пытался контрабандой протащить в зал магнитофон. Этим немногим смельчакам удалось вынести запретное орудие обратно, но, заглянув в дымящееся нутро аппарата, они тотчас поняли: попытки тщетны. И всем тогда стало ясно, почему им всегда предлагали в их же собственных интересах оставлять часы и прочие металлические предметы за пределами зала...

И, что еще несправедливее и обиднее, сам-то Карелллен записывал пресс-конференцию с начала и до конца. Журналистов, виновных в небрежности или в прямом извращении сказанного (такое, правда, случалось очень редко), вызывали для краткой малоприятной встречи с подчиненными Кареллена и предлагали им внимательно прослушать запись того, что на самом деле сказал Попечитель. Урок был не из тех, какие приходится повторять.

Поразительно, как быстро разносятся слухи. Заранее ничего не объявляется, но каждый раз, когда Кареллен хочет сообщить что-то важное — а это бывает раза два-три в год,— в зале яблоку упасть некуда.

Высокие двери распахнулись, и приглушенный ропот мгновенно утих: на эстраду вышел Кареллен. Освещение здесь было тусклое — несомненно, так слабо светило неведомое далекое солнце Сверхправителей,— и Попечитель Земли сейчас был без темных очков, в которых обычно появлялся под открытым небом.

Он отозвался на нестройный хор приветствий официальным «Доброе утро всем» и повернулся к высокой, почтенного вида особе, стоявшей впереди. Мистер Голд, старейшина газетного цеха, своим видом вполне мог бы вдохновить знаменитого дворецкого, героя знаменитых старинных романов, доложить хозяину: «Три газетчика, милорд, и джентльмен из "Таймс"». Одеждой и всеми повадками он напоминал дипломата старой школы: всякий без колебаний доверялся ему — и никому потом не приходилось об этом жалеть.

— Сегодня полно народу, мистер Голд. Должно быть, вам не хватает материала.

Джентльмен из «Таймс» улыбнулся, откашлялся:

— Надеюсь, вы восполните этот пробел, господин Попечитель.

И замер, не сводя глаз с Кареллена, пока тот обдумывал ответ. До чего обидно, что лица Сверхправителей — застывшие маски и не выдают никаких чувств. Большие, широко раскрытые глаза (зрачки даже при этом слабом свете сузились и едва заметны) непроницаемым взглядом в упор встречают откровенно любопытный взгляд человека. На щеках — если эти точно из гранита высеченные рифленые изгибы можно назвать щеками — по дыхательной щели, из щелей с еле слышным свистом выходит воздух: это предполагаемые легкие Кареллена трудно работают в непривычно разреженной земной атмосфере. Голд разглядел бахрому белых волосков, колеблющихся то внутрь, то наружу в перемежающемся ритме двухтактного быстрого Кареллена дыхания. Предполагалось, что они, как фильтры, предохраняют от пыли, и на этой шаткой основе строились сложные теории об атмосфере планеты Сверхправителей.

— Да, у меня есть для вас кое-какие новости. Как вам, без сомнения, известно, один из моих грузовых кораблей недавно отправился отсюда на базу. Сейчас мы обнаружили, что на борту имеется «заяц».

Сотня карандашей замерла в воздухе; сто пар глаз вперились в Кареллена.

— Вы сказали «заяц», господин Попечитель? — переспросил Голд.— Нельзя ли узнать, кто он такой? И как попал на корабль?

— Его зовут Ян Родрикс, он учился в Кейптаунском университете, студент механико-математического факультета. Прочие подробности вы, несомненно, узнаете сами из ваших надежных источников.

Кареллен улыбнулся. Странная это была улыбка. Она выражалась больше в глазах, жесткий безгубый рот почти не дрогнул. Может быть, Попечитель с неизменным своим искусством и этот обычай перенял у людей? — подумалось Голду. Ибо впечатление такое, что Кареллен и вправду улыбается, и воспринимаешь это именно как улыбку.

— Ну а каким образом он улетел с Земли, не столь важно,— продолжал Попечитель.— Могу заверить вас и любого охотника до космических полетов, что повторить это никому не удастся.

— Но что будет с этим молодым человеком? — настаивал Голд.— Вернут ли его на Землю?

— Это зависит не от меня, но, думаю, он вернется со следующим рейсом. Там, куда он отправился, ему будет неуютно, слишком... э-э... чуждая обстановка. И с этим связано главное, из-за чего я сегодня устроил нашу встречу.

Кареллен чуть помолчал, и в зале затаили дыхание.

— Кое-кто из более молодых и романтически настроенных жителей вашей планеты иногда высказывал недовольство тем, что вам не разрешено выходить в космос. У нас были на то причины, мы ничего не запрещаем ради собственного удовольствия. Но задумались ли вы хоть раз — извините за не совсем лестное сравнение,— как бы почувствовал себя человек из вашего каменного века, если бы вдруг очутился в современном большом городе?

— Но это ведь совершенно разные вещи! — запротестовал корреспондент «Геральд трибюн».— Мы привыкли к Науке, Науке с большой буквы. Без сомнения, в вашем мире нам многого не понять, но мы не вообразим, будто это колдовство.

— Вы уверены? — очень тихо, чуть слышно спросил Кареллен.— Только столетие лежит между веком пара и веком электричества, но что понял бы инженер Викторианской эпохи в телевизоре или в электронной вычислительной машине? Долго бы он прожил, если бы попробовал разобраться в этой механике? Пропасть, разделяющая два вида технологии, может стать чересчур огромной... и смертельной.

— Эге,— шепнул корреспондент агентства Рейтер представителю Би-би-си,— нам повезло. Сейчас он сделает важное политическое заявление. Узнаю приметы.

— Есть и еще причины, по которым мы удерживаем человечество на Земле. Смотрите.

Свет медленно померк. И посреди зала возникло бледное сияние. И сгустилось в звездный водоворот — спиральную туманность, видимую откуда-то со стороны, словно наблюдатель находился очень далеко от самого крайнего из составляющих ее солнц.

— Ни один человек никогда еще этого не видел,— раздался в темноте голос Кареллена.— Вы смотрите на свою Вселенную, галактический островок, куда входит и ваше Солнце, с расстояния в полмиллиона световых лет.

Долгое молчание. Опять заговорил Кареллен, и теперь в голосе его звучало нечто новое — не то чтобы настоящая жалость и не совсем презрение.

— Ваше племя проявило редкую неспособность справляться с задачами, возникающими на собственной небольшой планете. Когда мы прибыли сюда, вы готовы были истребить сами себя при помощи сил, которые опрометчиво вручила вам наука. Не вмешайся мы, сегодня Земля была бы радиоактивной пустыней.

Теперь у вас тут мир, человечество едино. Вскоре вы достигнете такого уровня развития, что сумеете управлять своей планетой без нашей помощи. Быть может, в конце концов станете даже справляться со всей Солнечной системой — примерно на пятидесяти лунах и планетах. Но неужели вы воображаете, что вам будет когда-нибудь под силу вот это?

Звездная туманность ширилась. Звезды неслись мимо, вспыхивали и пропадали из глаз мгновенно, точно искры в кузнице. И каждая мимолетная искра была солнцем, вокруг которого обращалось бог весть сколько миров...

— В одной только нашей Галактике восемьдесят тысяч миллионов звезд,— негромко продолжал Кареллен.— И эта цифра дает лишь слабое понятие о необъятности космоса. Выйдя в космос, вы были бы как муравьи, которые пытаются перебрать и обозначить ярлыком каждую песчинку во всех пустынях вашей планеты.

Вы, человечество, на нынешнем уровне вашего развития просто не выдержите такого столкновения. Одной из моих обязанностей с самого начала было оберегать вас от могучих сил, властвующих среди звезд,— от сил, недоступных самому пылкому вашему воображению.

Взвихренные огневые туманы Галактики померкли; в просторном зале снова зажегся свет, настала гробовая тишина.

Кареллен повернулся, готовый уйти,— пресс-конференция кончилась. У дверей он помедлил, оглянулся на безмолвную толпу журналистов.

— Это горькая мысль, но вы должны с ней примириться. Планетами вы, возможно, когда-нибудь овладеете. Но звезды — не для человека.

«ЗВЕЗДЫ НЕ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА». Да, конечно же, им обидно, что небесные врата захлопнулись у них перед носом. Но пусть научатся смотреть правде в глаза — хотя бы той доле правды, которую, щадя их, можно им открыть.

Из пустынных высей стратосферы Кареллен смотрел на планету и ее жителей, вверенных его попечению,— обязанность нерадостная. Он думал о том, что еще предстоит, о том, чем станет этот мир всего лишь через двенадцать лет.

Никогда они не узнают, как им повезло. Немалый срок, отпущенный людям от колыбели до могилы, человечество было счастливее, чем любое другое разумное племя. То был Золотой век. Но ведь золото еще и цвет заката, цвет осени... и слух одного лишь Кареллена улавливал первые стенания надвигающихся зимних вьюг.

И один лишь Кареллен знал, с какой страшной быстротой Золотой век близится к неотвратимому концу.

III

ПОСЛЕДНЕЕ ПОКОЛЕНИЕ

15

— Нет, ты только посмотри! — взорвался Джордж Грегсон и швырнул газету через стол.

Джин не успела ее перехватить, и газетный лист распластался на завтраке. Джин терпеливо счистила с бумаги варенье и прочитала столь возмутительный абзац, силясь изобразить на лице неодобрение. Ей это плохо удавалось, слишком часто она бывала согласна с критиками. Обычно она умалчивала о своих еретических взглядах — и не только ради мира и спокойствия в доме. Джордж охотно принимает от нее (и от кого угодно) похвалы, но осмельсь она хоть в чем-то упрекнуть его работу, и придется выслушать убийственный разнос: она полнейшая невежда и ничего не смыслит в искусстве!

Джин дважды перечитала рецензию и сдалась. Рецензент как будто вполне доброжелателен, так она и сказала Джорджу:

— Видно, спектакль ему понравился. Чем ты, собственно, недоволен?

— Вот чем,— огрызнулся Джордж и ткнул пальцем в середину столбца.— Перечитай-ка еще раз.

— «Особенно радовали глаз нежно-зеленые пастельные тона задника в балетной сцене». Ну и что?

— Никакой он не зеленый! Я сколько времени потратил, пока добился этого голубого оттенка! А что получилось? То

ли какой-то болван осветитель перепутал цветовую настройку, то ли у этого осла-рецензента телевизор-дальтоник. Слушай, а у нас на экране какого цвета был фон?

— Э-э... не помню,— призналась Джин.— Тогда как раз запищала Пупса, и мне пришлось пойти посмотреть, что с ней.

— А! — только и уронил Джордж. Ясно было, втихомолку он все еще кипит, того и гляди опять взорвется. Так оно и случилось, но взрыв оказался довольно безобидным.— *Я нашел новое определение для телевизора,*— пробормотал Джордж.— Это аппарат, который мешает взаимопониманию художника и зрителя.

— Ну и что ты будешь с этим делать? — спросила Джин.— Вернешься к обычному театру?

— А почему бы и нет? Именно об этом я и думаю. Помнишь, какое письмо я получил из Новых Афин? Так вот, они опять мне написали. И на этот раз я хочу ответить.

— Вот как? — Джин немножко встревожилась.— По-моему, они там все чокнутые.

— Ну, выяснить это можно только одним способом. В ближайшие две недели съезжу и посмотрю, что там за народ. Имей в виду, то, что они печатают в стихах и в прозе, никаким помешательством не пахнет. И там есть несколько человек по-настоящему талантливых.

— Если ты воображаешь, что я стану стряпать на костре и одеваться в звериные шкуры, ты сильно...

— Не говори глупостей! Все это басни. В колонии есть все необходимое, чтобы жить по-человечески. Просто они отказались от излишней роскоши. И потом, я уже года два не бывал на Тихом океане. Чем плохо съездить туда вдвоем?

— Это пожалуйста,— сказала Джин.— Но я не согласна, чтобы наш сын и Пупса росли дикими полинезийцами.

— Дикими они не вырастут,— сказал Джордж.— Это я тебе обещаю.

И он был прав, хотя и не в том смысле, как думал.

— Как вы видели при подлете, наша колония расположена на двух островах, их соединяет дамба,— сказал малорослый человечек с другого конца веранды.— Этот — Афи-

ны, а второй остров мы окрестили Спартой. Он довольно дикий, скалистый, отличное место для спорта и тренировки.— Он мельком глянул на брюшко гостя, и Джордж смущенно поежился в плетеном кресле.— Кстати, Спарта — это потухший вулкан. По крайней мере, геологи уверяют, что он потух, ха-ха!

Но вернемся к Афинам. Как вы догадываетесь, колония была задумана, чтобы создать независимый прочный очаг культуры, сохраняющий традиции искусства. Надо сказать, прежде чем взяться за это дело, мы провели серьезнейшие исследования. По сути, у нас тут образчик построения общества, основанного на весьма сложных математических расчетах, не стану притворяться, будто я в них разбираюсь. Знаю только, что математики-социологи в точности вычислили, как велико должно быть население колонии, сколько в ней должно быть людей разного склада, а главное, на каких законах она должна строиться, чтобы оставаться долговременной и устойчивой.

Нами управляет совет из восьми директоров, они представляют производство, энергетику, общественное устройство, искусство, экономику, науку, спорт и философию. Постоянного президента или председателя у нас нет. Эти обязанности несет по очереди каждый из директоров в течение года.

Сейчас в колонии чуть больше пятидесяти тысяч человек, совсем немного недостает до идеальной численности. Вот почему мы присматриваем новых добровольцев. И понятно, есть кое-какие пробелы: нам не хватает некоторых талантливых специалистов.

Здесь, на острове, мы пытаемся сохранить независимость человечества хотя бы в искусстве. Мы не питаем вражды к Сверхправителям, мы просто хотим, чтобы нас предоставили самим себе. Когда Сверхправители уничтожили старые государства и тот образ жизни, к которому люди привыкли за всю свою историю, вместе с плохим уничтожено было и немало хорошего. Наша жизнь стала безмятежной, но притом безликой, пресной, наша культура мертва: за все время при Сверхправителях не создано ничего нового. И очень ясно почему. Не к чему больше стремиться, нечего добиваться, и слишком много стало всяческих развлечений. Ведь каждый день радио и телевидение по разным каналам выдают программы общей сложностью на пятьсот часов — вы об этом задумывались? Если вовсе не спать и ничем другим не заниматься, все равно уследишь едва ли за двадцатой долей всего, чем можно развлечься, стоит только щелкнуть переключателем! Вот человек и становится какой-то губкой — все поглощает, но ничего не создает. Известно ли вам, что сейчас в среднем каждый просиживает перед экраном по три часа в день? Скоро люди вовсе перестанут жить своей жизнью. Будут тратить полный рабочий день, лишь бы не прозевать многосерийную историю какого-нибудь выдуманного семейства!

Здесь, в Афинах, на развлечения тратится не больше времени, чем следует. Больше того, это не записи и не пленки, выступают живые артисты. В общине таких размеров спектакли и концерты всегда проходят при почти полном зале, а это так важно для исполнителей и художников. Кстати, у нас превосходный симфонический оркестр, вероятно один из шести лучших во всем мире.

Но я совсем не хочу, чтобы вы верили мне на слово. Обычно те, кто хочет вступить в колонию, сначала гостят у нас несколько дней, присматриваются. И если почувствуют, что хотели бы к нам присоединиться, мы им предлагаем ряд психологических тестов, это, в сущности, главная линия нашей обороны. Примерно треть желающих мы отвергаем, обычно по причинам, которые не бросают на них ни малейшей тени и не имеют никакого значения вне колонии. Те же, кто выдержал испытание, уезжают домой, чтобы уладить все свои дела, а потом возвращаются к нам. Бывает, и не возвращаются, передумывают, но это большая редкость, и почти всегда их удерживают какие-нибудь личные обстоятельства, от них не зависящие. Наши тесты сейчас безошибочны: их неизменно выдерживают люди, которые по-настоящему хотят быть с нами.

— А если кто-нибудь у вас поселится, а потом вдруг передумает? — с тревогой спросила Джин.

— Тогда можно уехать. Никто не помешает. Так бывало раза два.

Наступило долгое молчание. Джин посмотрела на Джорджа, он задумчиво поглаживал бакенбарды — новейшая мода среди людей искусства. Что ж, пока отступление не отрезано, ей незачем чересчур беспокоиться. Похоже, эта колония — занятное место и, уж конечно, не такая это сумасбродная затея, как она опасалась. А детям тут наверняка понравится. В конце концов, только это и важно.

Через полтора месяца они переехали в колонию. Одноэтажный дом невелик, но для семьи из четырех человек, где пятого заводить не собираются, места вполне достаточно. А вот и все приборы, облегчающие стряпню, уборку и прочее,— по крайней мере, как признала Джин, возврат к средневековому рабству домашней хозяйки ей не грозит. Впрочем, ее несколько обеспокоило открытие, что тут есть кухня. Обычно в местах, где живет столько народу, работает Линия доставки — набираешь номер Центральной и через пять минут получаешь какое угодно блюдо. Независимость — это прекрасно, со страхом подумала Джин, но тут, кажется, хватили через край. Уж не предстоит ли ей самой не только стряпать, но и одевать всю семью? Однако до этого все-таки не дошло: между автоматической мойкой и радарной плитой прялки не оказалось...

Всюду, кроме кухни, в доме, понятно, было очень голо и пусто. Они здесь поселились первыми, и не сразу эта аптечной чистоты новизна обратится в теплое человеческое жилье. Дети наверняка, словно закваска, ускорят это превращение. Уже сейчас (Джин пока об этом не подозревает) в ванне гибнет злосчастная жертва Джеффри, ибо сей молодой человек не ведает коренной разницы между пресной водой и соленой.

Джин подошла к еще не завешенному окну и поглядела на колонию. Что и говорить, красивые места. Дом стоит на западном склоне невысокого холма — единственного, что поднимается над островом Афины. За два километра к северу видна узкая дамба, она, точно лезвие ножа, рассекает воды океана, по ней можно перейти на Спарту. Этот скалистый остров, увенчанный хмурым конусом вулкана, подчас

пугает Джин, слишком он не похож на мирные Афины. Разве могут ученые знать наверняка, что вулкан никогда больше не проснется и не погубит все вокруг?

Но вот вдали замаячил явно неумелый велосипедист, устало поднимается в гору, едет не по дороге, как положено, а в тени пальм. Это Джордж возвращается с первого своего совещания. Хватит предаваться мечтам, в доме работы по горло.

Металлический звон и лязг возвестил о прибытии мужнина велосипеда. Скоро ли они оба научатся ездить как следует, подумала Джин. Вот еще неожиданная особенность островной жизни. Колонистам не разрешено обзаводиться автомобилями, да, строго говоря, и нужды нет — самый длинный путь по прямой здесь меньше пятнадцати километров. Есть разный общественный транспорт — грузовики, санитарные и пожарные машины, их скорость, кроме случаев крайней необходимости, ограничена: не больше пятидесяти километров в час. А потому жители Афин не страдают от сидячего образа жизни, от заторов на улицах — и от аварий и смерти под колесами.

Джордж наскоро чмокнул жену в щеку и со вздохом облегчения рухнул в ближайшее кресло.

— Уф! — выдохнул он, утирая пот со лба.— На подъеме меня все обгоняли, так что, видно, привыкнуть все-таки можно. Пожалуй, я уже похудел килограммов на десять.

— А день был удачный? — спросила Джин, как подобает внимательной жене. Она надеялась, что Джордж не слишком вымотался и поможет распаковать вещи.

— Все идет отлично. Познакомился с кучей народу, конечно, и половины не запомнил, но, похоже, все очень славные. И театр хорош, лучше нечего и желать. На той неделе начинаем работать над пьесой Шоу «Назад к Мафусаилу». На мне декорации и все оформление. Буду сам себе хозяин, не то что прежде, когда десять человек командуют — не делай того, не делай этого. Да, я думаю, нам тут будет хорошо.

— Несмотря на велосипеды?

У Джорджа хватило сил улыбнуться.

— Да,— сказал он,— недели через две мне этот холмик будет нипочем.

Он не совсем в это верил, но оказался прав. Однако прошел еще целый месяц, прежде чем Джин перестала горевать о машине и ей открылось, какие чудеса можно творить у себя на кухне.

Новые Афины возникли и развивались не так естественно, сами собой, как античный город, чье имя они переняли. Устройство колонии, продуманное и рассчитанное до мелочей, стало плодом многолетних исследований, тут поработали в содружестве поистине замечательные люди. Поначалу это был прямой заговор против Сверхправителей, в котором крылся вызов если не их могуществу, то их политике. И на первых порах зачинатели колонии почти не сомневались, что Кареллен сокрушит их планы, однако Попечитель пальцем не шевельнул, будто ничего и не заметил. Но это и не так уж успокаивало, как можно бы предполагать. Кареллену спешить некуда, быть может, он только еще готовит ответный удар. А может быть, он убежден, что их затея все равно обречена на провал и ему незачем вмешиваться.

Что колонию ждет провал, предсказывали почти все. Но ведь и в далеком прошлом, когда люди еще понятия не имели о закономерностях общественного развития, немало зарождалось общин, вдохновляемых религиозными или философскими целями. Правда, в большинстве они оказывались недолговечными, но были и жизнеспособные. А Новые Афины опираются на самые прочные устои, какие только способна выработать современная наука.

На острове колонию основали по многим причинам. Немаловажны были соображения чисто психологические. Конечно, в век общедоступных воздушных сообщений перемахнуть через океан ничего не стоит, а все же чувствуешь себя отгороженным. Притом, поскольку размеры острова ограничены, колония не станет чересчур многолюдной. Население не должно превышать ста тысяч человек, иначе утрачены будут преимущества небольшой сплоченной общины. Среди прочего основатели ее стремились к тому, чтобы в Новых Афинах каждый мог познакомиться со всеми,

кто разделяет его склонности и интересы,— и еще с двумятремя процентами остальных колонистов.

Начало колонии положил некий новый Моисей. И, подобно Моисею, он не дожил до вступления в землю обетованную — колония основана была через три года после его смерти.

Он родился в стране, которая одной из последних обрела самостоятельность, а потому и век этого государства оказался самым коротким. Быть может, потому-то конец национальной независимости здесь переживали тяжелее, чем где-либо еще: горько утратить мечту, едва она сбылась, когда стремились к ней столетиями.

Бен Соломон не был фанатиком, но, должно быть, воспоминания детства в значительной мере определили философию, которую ему суждено было претворить в действие. Он еще помнил, каков был мир до прибытия Сверхправителей, и вовсе не желал вернуть его. Как многие разумные люди доброй воли, он вполне способен был оценить все, что сделал Кареллен для человечества, однако с тревогой гадал, какова же конечная цель Попечителя. Быть может, думалось ему порой, при всем своем всеобъемлющем уме, при всех познаниях Сверхправители, по сути, не понимают людей и из лучших побуждений совершают жестокую ошибку? А вдруг, самоотверженно преданные порядку и справедливости, решив преобразить наш мир, они не поняли, что при этом разрушают человеческую душу?

Упадок едва наметился, однако нетрудно было уловить первые признаки вырождения. Соломон, сам не художник, но тонкий знаток и ценитель искусства, понимал, что его современники ни в одной области не могут тягаться с великими мастерами прошлого. Быть может, в дальнейшем, когда забудется потрясение от встречи с цивилизацией Сверхправителей, все уладится само собой. А может быть, и нет — и человеку предусмотрительному на всякий случай следует застраховаться.

Такой страховкой и стали Новые Афины. На их создание потребовалось двадцать лет и несколько миллиардов фунтов — не так уж много при том, как богат стал мир. За пер-

вые пятнадцать лет ничего не изменилось; за последние пять произошло очень многое.

Соломон ровным счетом ничего не достиг бы, не сумей он убедить горсточку всемирно знаменитых людей искусства, что замысел его разумен и осуществим. Они откликнулись не потому, что задуманное важно для всего человечества, откликалось скорее некоторое честолюбие, творческое «я» каждого. Но когда они прониклись этой мыслью, к ним прислушался весь мир и поддержал их сочувствием и деньгами. Так возведен был блистательный фасад таланта и страсти, а за ним осуществляли свой план подлинные строители колонии.

Всякое общество состоит из отдельных людей, и поведение каждого в отдельности непредсказуемо. Но если взять достаточно человек из основных категорий, начинают проявляться какие-то общие законы — это давным-давно открыли общества по страхованию жизни. Нет никакой возможности предсказать, кто именно умрет за такой-то срок, но общее число смертей можно предвидеть довольно точно.

Есть и другие, менее очевидные закономерности, впервые их уловили в начале XX века математики — Винер, Рашавески. Они утверждали, что такие явления, как экономические кризисы, последствия гонки вооружений, устойчивость общественных групп, результаты парламентских выборов и прочее, поддаются чисто математическому анализу. Серьезную трудность тут представляет огромное количество переменных величин, причем многие из них весьма сложно выразить в числовых понятиях. Нельзя просто начертить серию кривых и заявить безоговорочно: «Когда будет достигнута эта линия, начнется война». И нельзя начисто сбрасывать со счетов полнейшие неожиданности — к примеру, убийство важнейшего политического деятеля или следствия какого-нибудь научного открытия, а тем более — стихийных бедствий вроде землетрясений или наводнений, а между тем такие события могут решающим образом повлиять на большие массы людей и целые пласты общества.

И все же знания, терпеливо собранные за последнее столетие, позволяют достичь многого. Задача была бы невыполнимой, если бы не помощь громадных вычислительных машин, способных за несколько секунд сделать расчеты, на которые иначе пришлось бы затратить труд тысяч людей. Их-то помощью всемерно и пользовались те, кто создавал план колонии.

Но при этом основатели Новых Афин только подготовили почву и климат для растения, которое они жаждали взлелеять,— быть может, оно расцветет, а может быть, и нет. Как сказал однажды сам Соломон: «Мы можем быть уверены в таланте, но о гении остается только молиться». Были, однако, все основания надеяться, что в столь насыщенном растворе начнутся любопытные химические реакции. Мало кто из художников процветает в одиночестве, зато какие живые искры высекает столкновение умов, объединенных сходными интересами.

Такие столкновения уже породили кое-что достойное внимания в области скульптуры, музыки, литературной критики и кино. Еще рано было судить, оправдают ли историки надежды своих вдохновителей, которые откровенно стремились вновь пробудить в человечестве гордость за былые свои свершения. Живопись пока что прозябала, подтверждая этим взгляды теоретиков, которые полагали, что у статичных, плоскостных форм искусства нет будущего.

Стали замечать, хотя убедительного объяснения пока не находилось, что в самых выдающихся произведениях искусства, созданных колонистами, важнейшую роль играет время. Даже скульптура редко оставалась неподвижной. Загадочные изгибы и извивы творений Эндрю Карсона медленно изменялись на глазах зрителя, согласно сложному замыслу, быть может, не совсем понятному и все же увлекающему. А сам Карсон утверждал, и в этом есть доля истины, что довел до логического завершения абстрактные композиции прошлого века и тем самым сочетал скульптуру с балетом.

В музыкальной жизни колонии велись тщательные исследования того, что можно назвать «протяженностью времени». Каков самый краткий звук, доступный нашему восприятию,— и каков самый долгий, который не успевает на-

скучить? Можно ли менять эти величины, варьируя силу звука или преобразуя оркестровку? Подобные вопросы обсуждались бесконечно, и доводы тут были не просто теоретические. Из этих споров родилось несколько на редкость интересных произведений.

Но всего удачнее оказались опыты Новых Афин по части мультфильма с его поистине неограниченными возможностями. Сто лет минуло со времен Диснея, а чудеса этого самого гибкого и выразительного из искусств все еще не исчерпаны. Оно может оставаться и чисто реалистическим, и тогда плоды его неотличимы от обыкновенной фотографии, к величайшему презрению поборников абстрактной мультипликации.

Больше всего привлекала, но и пугала группа художников и ученых, которая пока что создала меньше всего. Эти люди добивались «полного слияния». Ключ к их работе дала история кино. Сначала звук, затем цвет, затем стереоскопия и, наконец, синерама шаг за шагом приближали старинные «движущиеся картинки» к подлинной жизни. Чем же это кончится? Без сомнения, можно достичь большего: зрители забудут, что они только зрители, и сами станут участниками фильма. Для этого пришлось бы воздействовать решительно на все чувства, а пожалуй, подключить и гипноз, но многие считали, что это вполне осуществимо. Если цель эта будет достигнута, невообразимо богаче станет жизненный опыт человека. Каждый сможет стать хотя бы на время кем угодно другим и пережить все мыслимые и немыслимые события и приключения, подлинные или воображаемые. Можно даже превратиться в растение или животное, лишь бы удалось уловить и записать чувственные восприятия не только человека, но любого живого существа. И когда «программа» кончится, у зрителей останется воспоминание столь же яркое, как о любом событии, пережитом на самом деле,— попросту неотличимое от действительности.

Ослепительное будущее. Многих оно страшило, и они надеялись, что затея не удастся. Но в глубине души и они понимали: раз наука считает что-то осуществимым, в конце концов это неизбежно сбудется...

Таковы были Новые Афины и таковы иные их мечты. Они надеялись стать тем, чем были бы Афины античных времен, обладай они вместо рабов машинами и вместо суеверий наукой. Но еще слишком рано было судить, увенчается ли опыт успехом.

16

Джеффри Грегсон был единственным островитянином, кого пока ничуть не интересовали ни эстетика, ни наука — два главных предмета, которые поглощали его родителей. Но по сугубо личным причинам он всей душой одобрял колонию. Его околдовало море, до которого, в какую сторону ни пойдешь, всего-то считаные километры. Почти всю свою короткую жизнь Джеффри провел далеко от любых берегов и еще не освоился с новым, удивительным ощущением, когда вокруг — вода. Он хорошо плавал и нередко, захватив ласты и маску, в компании сверстников отправлялся на велосипеде исследовать ближнюю мелководную лагуну. Сперва Джин беспокоилась, а потом несколько раз ныряла и сама, после чего перестала бояться моря и его странных обитателей и позволила сыну развлекаться как угодно при одном условии: никогда не плавать в одиночку.

Весьма одобрял новое место жительства другой домочадец Грегсонов — золотистая красавица собака породы ретривер по кличке Фэй; хозяином ее считался Джордж, но ее редко удавалось отозвать от Джеффри. Эти двое не разлучались целыми днями, не разлучались бы и ночью, но тут Джин была непреклонна. Лишь когда Джеффри уезжал из дому на велосипеде, Фэй оставалась дома — лежала у порога, ко всему равнодушная, уронив морду на передние лапы, и неотрывно смотрела на дорогу влажными скорбными глазами. Джордж бывал этим несколько уязвлен, Фэй и ее родословная обошлись ему в кругленькую сумму. Видно, надо дождаться следующего поколения — оно ожидается через три месяца, и лишь тогда у него появится своя собственная собака. У Джин на этот счет были другие взгляды. Фэй очень

мила, но, право же, в доме можно обойтись и без второй собаки.

Одна только Дженнифер Энн пока не решила, нравится ли ей в колонии. Да и неудивительно: до сих пор она во всем мире только и видела пластиковые стенки своей кроватки и еще даже не подозревала, что за этими стенками существует какая-то колония.

Джордж Грегсон не часто задумывался о прошлом, он слишком поглощен был планами на будущее, слишком занят своей работой и детьми. Очень редко возвращался он мыслями к тому вечеру в Африке, много лет назад, и никогда не говорил о нем с Джин. Они словно согласились обходить тот случай молчанием и ни разу больше не навещали Бойсов, которые опять и опять их приглашали. По нескольку раз в год они звонили Руперту и под разными предлогами уклонялись от визитов, и под конец он оставил их в покое. Брак его с Майей, ко всеобщему немалому удивлению, все еще оставался прочным и счастливым.

После того вечера у Джин пропала всякая охота совать ся в загадки, таящиеся за пределами науки. От простодушного, доверчивого удивления, что влекло ее к Руперту и его опытам, не осталось и следа. Быть может, тот случай ее убедил, и она не нуждалась в дальнейших доказательствах — об этом Джордж предпочитал не спрашивать. Столь же вероятно, что забота о детях вытеснила из ее мыслей прежние увлечения.

Джордж понимал, нет никакого толку биться над загадкой, которую все равно не решить, и все же иногда в ночной тишине просыпался и снова спрашивал себя о том же. Он вспоминал встречу с Яном Родриксом на крыше Рупертова дома и немногие слова, которыми обменялся он с единственным человеком, кому удалось преступить запрет Сверхправителей. В царстве сверхъестественного, думалось Джорджу, не сыщешь ничего настолько до жути поразительного, как вот эта простая, научно установленная истина: почти десять лет прошло после того разговора с Яном, а меж тем этот ныне невообразимо далекий странник с тех пор стал старше всего на несколько дней.

Вселенная необъятна, но это не так страшит, как ее таинственность. Джордж не из тех, кто глубоко задумывается над подобными вопросами, а все же ему порой кажется, что люди Земли — всего лишь дети, резвящиеся на какой-то площадке для игр, надежно отгороженной от грозного внешнего мира. Ян Родрикс взбунтовался против этой защищенности и ускользнул — бежал в неведомое. Но в этих делах он, Джордж, на стороне Сверхправителей. У него нет ни малейшего желания столкнуться с тем, что скрывается там, во тьме неизведанного, вне тесного кружка света, отброшенного светильником Науки.

— Как так получается,— пожаловался Джордж,— что, когда я попадаю домой, Джеф непременно где-то гоняет. Куда он сегодня девался?

Джин подняла глаза от вязанья — это старинное занятие недавно возродилось с большим успехом. Подобные моды сменялись на острове довольно быстро. Благодаря упомянутому новому увлечению всех мужчин одарили многоцветными свитерами — в дневную жару надевать их было невозможно, а после захода солнца в самый раз.

— Джеф отправился с приятелями на Спарту,— ответила Джин мужу.— Обещал вернуться к обеду.

— Вообще-то я пришел домой поработать,— в раздумье сказал Джордж,— но уж очень славный денек, пожалуй, пойду и сам искупаюсь. Какую рыбу тебе принести?

Джордж еще ни разу не вернулся домой с уловом, да и не ловилась рыба в лагуне, чересчур была хитра. Джин уже собралась было ему об этом напомнить, но внезапно послеполуденную тишину потряс звук, который даже в нынешние мирные времена леденил кровь и сжимал сердце тисками недоброго предчувствия. То взвыла сирена — нарастая, замирая и вновь нарастая, кругами разлеталась все шире над морем весть об опасности.

Почти столетие медленно накапливалось давление в раскаленной тьме глубоко под дном океана. С тех пор как здесь образовался подводный каньон, минули геологические эпохи, но истерзанные скалы так и не примирились с новым

своим положением. Множество раз несчетные глубинные пласты трескались и колебались под невообразимой тяжестью вод, нарушающей их непрочное равновесие. И сейчас они вновь готовы были сместиться.

Джеф обследовал каменистые ложбинки вдоль узкого берега Спарты — что может быть увлекательнее? Никогда не угадать заранее, какие чудо-существа укрылись тут от могучих валов, которые неустанно накатывают с Тихого океана и разбиваются о рифы. Это волшебная страна для каждого мальчишки, и сейчас Джеф владеет ею один: друзья ушли в горы.

День тихий, спокойный, ни ветерка, и даже вечный ропот волн за рифами сегодня как-то задумчиво приглушен. Палящее солнце еще только на полпути к закату, но Джефу, высмугленному загаром до цвета красного дерева, уже не страшны самые жгучие лучи.

Берег здесь — узкая песчаная полоска, он круто спускается к лагуне. Вода прозрачна, как стекло, в ней ясно видны камни, знакомые Джефу не хуже любого валуна и пригорка на суше. На глубине около десяти метров покрытый водорослями остов старой-престарой шхуны выгнулся навстречу миру, откуда он канул на дно добрых двести лет назад. Джеф с друзьями не раз обследовали эти древние останки, но надежда найти неведомые сокровища так и не сбылась. Только и добыли сплошь обросший ракушками компас.

И вдруг нечто взялось за берег уверенной хваткой и встряхнуло — один только раз. Дрожь мигом прошла, и Джеф подумал, может, ему просто почудилось. Пожалуй, просто на миг закружилась голова, ведь кругом ничего не изменилось. Воды лагуны по-прежнему как зеркало, в небесах ни облачка, ничего угрожающего. А потом начало твориться что-то очень странное.

Вода отступала от берега, да так быстро, как никогда еще не бывало при отливе. Очень удивленный, но ничуть не испуганный, Джеф смотрел, как обнажается и сверкает на солнце мокрый песок. И пошел вслед за откатывающимся океаном — нельзя ничего упустить, мало ли какие чудеса подводного мира могут сейчас открыться. А лагуна стала совсем мелкой, мачта затонувшей шхуны уже торчала над

водой и поднималась все выше, и водоросли на ней, лишенные привычной опоры, бессильно поникли. Джеф заторопился — скорее, скорее, впереди ждут неведомые открытия.

И тут до его сознания дошел странный звук, доносящийся от рифа. Джеф никогда еще такого не слышал и приостановился, пытаясь понять, что это; босые ноги медленно погружались в мокрый песок. За несколько шагов от него билась в предсмертных судорогах большая рыбина, но Джеф лишь мельком глянул на нее. Он застыл, настороженно прислушиваясь, а шум, идущий от рифа, все нарастал.

То были странные звуки — и журчащие, и сосущие, словно река устремилась в узкое ущелье. То был гневный голос океана, что нехотя отступал, теряя, пусть ненадолго, пространства, которыми владел по праву. Сквозь прихотливо изогнутые ветви кораллов, сквозь потаенные подводные пещеры ускользали из лагуны в необъятность Тихого океана миллионы тонн воды.

Очень скоро и очень быстро они возвратятся.

Несколько часов спустя одна из спасательных партий нашла Джефа на громадной глыбе коралла, заброшенной на высоту двадцати метров над обычным уровнем воды. Казалось, он не так уж испуган, только огорчен тем, что пропал его велосипед. Да еще порядком проголодался, ведь часть дамбы рухнула, и он оказался отрезан от дома. Когда его нашли, он уже подумывал добраться до Афин вплавь и доплыл бы, наверно, без особого труда, разве что обычные течения круто повернули бы прочь от берега.

С первой минуты, когда удар цунами обрушился на остров, и до самого конца все происходило на глазах у Джин и Джорджа. Те части Афин, что расположены были невысоко над уровнем моря, сильно пострадали, но ни один человек не погиб. Сейсмографы предупредили об опасности всего за пятнадцать минут до катастрофы, но этих считаных минут хватило — все успели уйти на высоту, где волна им уже не грозила. Теперь колония зализывала раны и собирала воедино легенды, которые год от году станут внушать все больший трепет.

Когда спасатели вернули Джефа матери, Джин расплакалась, она успела уверить себя, что его унесло волной. Ведь она сама, застыв от ужаса, видела, как с грохотом надвигалась из дальней дали черная, увенчанная белым гребнем водяная стена и, рухнув, всей брызжущей вспененной громадой придавила подножие Спарты. Невозможно было представить, как успел бы Джеф достичь безопасного места.

Неудивительно, что он не сумел толком объяснить, как же это вышло. Когда он поел и улегся в постель, Джин с Джорджем уселись подле него.

— Спи, милый, и забудь, что было,— сказала Джин.— Все страшное позади.

— Но я не так уж испугался,— запротестовал Джеф.— Было очень занятно.

— Вот и хорошо,— сказал Джордж.— Ты храбрый паренек, и молодец, что сообразил вовремя убежать. Мне и раньше случалось слышать про такие вот цунами. Когда вода отступает, многие идут за ней по открытому дну поглядеть, что такое творится, и их захлестывает.

— Я тоже пошел,— признался Джеф.— Интересно, кто это меня выручил?

— Как выручил? Ты же там был один. Остальные ребята ушли в гору.

На лице у Джефа выразилось недоумение.

— Так ведь кто-то мне велел бежать.

Джин и Джордж озабоченно переглянулись.

— То есть... тебе что-то послышалось?..

— Ах, оставь его сейчас в покое,— с тревогой и, пожалуй, чересчур поспешно перебила Джин.

Но Джордж упорствовал:

— Я хочу в этом разобраться. Объясни по порядку, Джеф, как было дело.

— Ну, я дошел по песку до той разбитой шхуны и тут услышал голос.

— Что же он сказал?

— Я не очень помню, вроде: «Джеффри, беги в гору. Здесь оставаться нельзя, ты утонешь». Но он меня назвал Джеффри, а не Джеф, это точно. Значит, кто-то незнакомый.

— А говорил мужчина? И откуда слышался голос?

— У меня за спиной, совсем близко. И вроде говорил мужчина...

Джеф запнулся, но отец требовал ответа:

— Ну же, продолжай. Представь, что ты опять там, на берегу, и расскажи нам подробно все как было.

— Ну, какой-то не такой был голос, я раньше такого не слыхал. Наверно, этот человек очень большой.

— А что еще он говорил?

— Ничего... пока я не полез в гору. А тогда опять получилось чудно. Знаешь, там на скале такая тропинка наверх?

— Знаю.

— Я побежал по ней, это самый быстрый путь. Тогда я уже понял, что делается, уже увидал, идет та высокая волна. И она ужасно шумела. И вдруг поперек дороги лежит большущий камень. Раньше его там не было, и смотрю, мне его никак не обойти.

— Наверно, он обрушился при землетрясении,— сказал Джордж.

— Тсс! Рассказывай дальше, Джеф.

— Я не знал, как быть, и слышу, волна уже близко. И тут голос говорит: «Закрой глаза, Джеффри, и заслони лицо рукой». Мне показалось, чудно́ это, но я зажмурился и ладонью закрылся. И вдруг что-то вспыхнуло, я почувствовал — жарко, открываю глаза, а тот камень пропал.

— Пропал?

— Ну да... просто его уже не было. И я опять побежал и чуть не сжег себе подошвы, тропинка была ужасно горячая. Вода когда плеснула на нее, даже зашипела, но меня не достала, я уже высоко поднялся. Вот и все. Потом волны ушли, и я опять спустился. Смотрю, моего велика нету, и дорога домой обвалилась.

— Не огорчайся из-за велосипеда, милый,— сказала Джин, благодарно сжав сына в объятиях.— Мы тебе подарим другой. Главное, ты остался цел. Не будем гадать, как это получилось.

Это, конечно, была неправда, совещание началось, едва родители вышли из детской. Ни до чего они не додумались, однако предприняты были два шага. Назавтра же,

ничего не сказав мужу, Джин повела сынишку к детскому психологу. Врач внимательно слушал Джефа, а тот, нимало не смущенный незнакомой обстановкой, снова рассказал о своем приключении. Затем, пока ничего не подозревающий пациент перебирал и отвергал одну за другой игрушки в соседней комнате, врач успокаивал Джин.

— Нет ни малейших признаков каких-либо психических отклонений. Не забывайте, он испытал жестокую встряску и перенес ее на редкость безболезненно. У мальчика богатое воображение, и он, надо полагать, сам верит в то, что рассказал. И вы тоже примите эту сказку и не волнуйтесь, разве что появятся какие-либо новые симптомы. Тогда сразу дайте мне знать.

Вечером Джин пересказала слова врача Джорджу. Похоже, он вовсе не воспрянул духом, как она надеялась, и Джин решила, что он озабочен ущербом, который потерпело его любимое детище — театр. Джордж только и пробурчал: «Вот и хорошо» — и углубился в очередной номер журнала «Сцена и студия». Казалось, он утратил всякий интерес к происшествию с Джефом, и Джин ощутила даже смутную досаду.

Но три недели спустя, в первый же день, когда починили дамбу, Джордж со своим велосипедом помчался на Спарту. Берег все еще засыпан был обломками кораллов, а в одном месте, похоже, в самом рифе образовалась пробоина. Любопытно, сколько времени понадобится мириадам терпеливых полипов, чтобы заделать брешь, подумалось Джорджу.

По склону утеса, обращенному к морю, вела лишь одна тропинка; Джордж немного отдышался и начал взбираться по ней. Между камнями застряли высохшие обрывки водорослей, словно отметка уровня, до которого поднималась вода.

Долго стоял Джордж Грегсон на этой пустынной тропе и не сводил глаз с проплешины оплавленного камня под ногами. Попробовал внушить себе, что это случайный каприз давно заглохшего вулкана, но быстро отказался от жалкой попытки себя обмануть. Мысль метнулась в прошлое, к тому вечеру, много лет назад, когда они с Джин участвовали в дурацком опыте у Руперта Бойса. Никто так и не

понял толком, что же тогда произошло, но Джордж знал: каким-то непостижимым образом эти два странных случая связаны между собой. Сначала Джин, а вот теперь ее сынишка. Джордж не знал, радоваться ли ему или бояться, и в глубине души молча взмолился: «Спасибо, Кареллен, за то, что твои собратья помогли Джефу. Только хотел бы я знать, почему они ему помогли».

Он медленно спустился на берег, а большие белые чайки обиженно вились вокруг него, ведь он не принес им никакого лакомства, ни крошки не бросил, пока они кружили над ним в воздухе.

17

Хотя подобной просьбы можно было ждать от Кареллена в любую минуту со дня основания колонии, она произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Совершенно ясно, наступает какой-то поворот в судьбе Афин, но как знать, к добру это или к худу?

До сих пор колония жила по-своему и Сверхправители никак не вмешивались в ее дела. Ее просто оставляли без внимания, как, впрочем, почти всякую деятельность людей, лишь бы она не подрывала порядок и не оскорбляла нравственные понятия Сверхправителей. Можно ли сказать, что колония стремится подорвать существующий порядок? Колонисты — не политики, но они олицетворяют стремление разума и искусства к независимости. А кто знает, к чему приведет такая независимость? Сверхправители вполне способны предвидеть будущее Афин яснее, чем сами основатели колонии,— и, возможно, это будущее им не по вкусу.

Разумеется, если Кареллен хочет прислать наблюдателя, инспектора, как бы там его ни назвать, ничего не поделаешь. Двадцать лет назад Сверхправители объявили, что перестают пользоваться следящими устройствами и человечеству больше незачем опасаться какого-либо подсматривания. Но ведь такие устройства существуют — и уж если Сверхправители пожелают за чем-то проследить, от них ничто не укроется.

Кое-кто на острове радовался предстоящему посещению, видя в нем случай разрешить одну из загадок психологии Сверхправителей, хоть и второстепенную: как они относятся к искусству? Не считают ли его ребячеством, заблуждением человечества? Есть ли у них самих какие-либо формы искусства? И если есть, вызван ли этот визит чисто эстетическим интересом или на уме у Кареллена что-то не столь безобидное?

Все это обсуждали без конца, покуда готовились к встрече. О Сверхправителе, который будет гостем колонии, ничего не знали, но предполагалось, что его способность воспринимать явления культуры безгранична. По крайней мере, можно поставить опыт, и каждую ответную реакцию подопытного кролика будет с интересом наблюдать целый отряд весьма проницательных умов.

Очередным президентом совета колонии был в это время Чарлз Ян Сен, философ, человек, от природы склонный к иронии, но отнюдь не к унынию, притом в расцвете лет — ему еще не перевалило за шестьдесят. Платон одобрил бы в нем образцовое сочетание философа и государственного мужа. Сен же не во всем одобрял Платона, ибо подозревал, что тот совершенно неправильно истолковал Сократа. Сен принадлежал к числу островитян, исполненных решимости извлечь как можно больше пользы из предстоящего визита, хотя бы для того, чтобы показать Сверхправителям, что в людях еще жива жажда деятельности и их не удалось, как он выражался, «окончательно приручить».

Для любого дела в Афинах создавался какой-нибудь комитет, ведь это отличительный признак демократии. Кто-то даже когда-то определил саму колонию как систему взаимосвязанных комитетов. Но система эта работала успешно, недаром подлинные основатели Афин терпеливо изучали законы общественной психологии. И поскольку общину создали не слишком большую, каждый так или иначе участвовал в управлении, а значит, был гражданином в самом истинном значении этого слова.

Джордж, один из театральных руководителей, почти неминуемо вошел бы в комитет по приему гостя. Но для большей надежности он еще и нажал кое-какие пружины. Сверхправители хотят изучать колонию, ну а Джордж в той же мере хочет изучать их, Сверхправителей. Джин это его желание совсем не радовало. После памятного вечера у Бойсов она всегда ощущала смутную враждебность к Сверхправителям, хотя никак не умела это объяснить. Ей только хотелось возможно меньше с ними сталкиваться, и жизнь на острове, пожалуй, больше всего тем и привлекала ее, что здесь была желанная независимость. И теперь она боялась, что независимость эта под угрозой.

Гость прибыл без всякой пышности, на обыкновенном флайере человеческого производства, к разочарованию тех, кто ожидал какого-нибудь необычайного зрелища. Возможно, это был Кареллен собственной персоной — люди так и не научились сколько-нибудь уверенно отличать одного Сверхправителя от другого. Казалось, все они — точная копия одного и того же образца. Быть может, вследствие какого-то неведомого биологического процесса так оно и было.

После первого дня колонисты уже почти не замечали негромко рокочущую парадную машину, в которой разъезжал гость, осматривая остров. Имя гостя — Танталереско — выговорить было нелегко, и его быстро окрестили Инспектором. Имя вполне подходящее, так как он был очень любопытен и ненасытно жаден до статистических данных.

Чарлз Ян Сен совсем изнемог, когда далеко за полночь проводил Инспектора к флайеру — его временному жилищу на острове. Несомненно, здесь Инспектор будет работать и ночью, пока хозяева предаются человеческой слабости — сну.

Миссис Сен насилу дождалась возвращения мужа. Они были любящей парой, хотя, когда в доме собирались друзья, Чарлз шутливо именовал супругу Ксантиппой. Она давно уже пригрозила, как полагается, в отместку поднести ему чашу отвара цикуты, но, по счастью, сей напиток в Новых Афинах был не столь распространен, как в Афинах древности.

— Сошло удачно? — спросила она, когда муж уселся наконец за поздний ужин.

— Кажется, да... хотя невозможно разобрать, что творится в этих мудрых головах. Он, безусловно, многим заинтересовался, даже хвалил. Кстати, я извинился, что не приглашаю его к нам. Он сказал, что это вполне понятно и что у него нет охоты стукаться головой о наши потолки.

— Что ты ему сегодня показывал?

— Откуда в колонии хлеб насущный, и ему, похоже, это показалось не такой скучной материей, как мне. Он без конца расспрашивал о производстве, о том, как мы поддерживаем наш бюджет в равновесии, какие у нас минеральные ресурсы, какая рождаемость, откуда берутся продукты питания и прочее. Спасибо, со мной был секретарь Харрисон, уж он-то подготовился, изучил ежегодные отчеты за все время, что существует колония. Слышала бы ты, как они перебрасывались цифрами. Инспектор выпросил у Харрисона всю эту статистику — и голову даю на отсечение, завтра он сможет сам наизусть назвать нам любую цифру. Такие чудо-способности меня просто угнетают.

Он зевнул и нехотя принялся за еду.

— Завтра будет поинтереснее. Мы побываем в школах и в Академии. Тут уж для разнообразия я сам намерен кое о чем поспрашивать. Хотел бы я знать, как Сверхправители воспитывают своих детей... если у них вообще есть дети.

На этот вопрос Чарлзу Сену так и не довелось получить ответ, но в других отношениях Инспектор оказался на диво словоохотлив. Любо-дорого было смотреть, как искусно уклоняется он от нескромных попыток что-то выведать, а затем, когда и не ждешь, переходит на самый доверительный тон.

Первый подлинно задушевный разговор завязался, когда они ехали из школы, которая была в колонии одним из главных предметов гордости.

— Готовить юные умы к будущему — огромная ответственность,— заметил доктор Сен.— По счастью, человек — существо на редкость выносливое: непоправимый вред может нанести разве что уж очень скверное воспитание. Даже если мы ошибаемся в выборе цели, маловероятно, чтобы малыши стали жертвами наших ошибок, скорее всего, они их пре-

одолеют. А сейчас, как вы видели, они выглядят вполне счастливыми.

Сен чуть помолчал, лукаво глянул снизу вверх на своего огромного пассажира. Инспектора с головы до пят окутывала ткань с серебристым отливом, защищая все тело от жгучих солнечных лучей. Но доктор Сен знал: большие глаза, скрытые темными очками, следят за ним бесстрастным взглядом... а может быть, этот взгляд и выражает какие-то чувства, но их все равно не разгадать.

— Мне кажется, задача, которую мы решаем, воспитывая наших детей, очень сходна с той, которая встала перед вами при встрече с человечеством. Вы не согласны?

— В некоторых отношениях согласен,— серьезно сказал Сверхправитель.— А в других, пожалуй, больше сходства с историей ваших колониальных держав. Именно поэтому нас всегда интересовали Римская и Британская империи. Особенно поучителен случай с Индией. Главное различие между нами и англичанами — что у них не было серьезных оснований идти в Индию, то есть не было осознанных целей, кроме таких мелких и преходящих, как торговля или вражда с другими европейскими государствами. Они оказались владельцами империи, еще не понимая, что с ней делать, и тяготились ею, пока снова от нее не избавились.

Доктор Сен не устоял перед искушением, слишком удобный представился случай.

— А вы тоже избавитесь от своей империи, когда настанет срок? — спросил он.

— Без малейшего промедления,— ответил Инспектор.

Доктор Сен больше не расспрашивал. Ответ был недвусмысленный и не очень-то лестный; притом они как раз подъехали к Академии, где уже собрались педагоги и готовились испытать все силы ума на живом настоящем Сверхправителе.

— Как уже говорил вам наш уважаемый коллега,— сказал декан Новоафинского университета профессор Чанс,— превыше всего мы стараемся поддержать в колонистах живость ума и помочь им развить и применить все их способности. Боюсь, что за пределами этого острова,— взмахом руки

он обвел и отстранил всю остальную планету,— человечество утратило волю к действию. Есть мир, есть изобилие... но некуда стремиться...

— Тогда как здесь, разумеется?..— учтиво вставил Сверхправитель.

Профессору Чансу не хватало чувства юмора, он и сам это смутно сознавал — и подозрительно глянул на гостя.

— Здесь мы не страдаем от древнего предрассудка, будто праздность — порок. Но мы думаем, что быть просто созерцателями, потребителями развлечений — этого мало. Здесь, на острове, каждый стремится к одной цели, определить ее очень просто. Каждый хочет делать хоть что-то, пусть самую малость, лучше всех. Конечно, это идеал, которого не всем нам удается достичь. Но по нынешним временам главное, чтобы идеал у человека был. Удастся ли его достичь — не столь важно.

Инспектор, видимо, не собирался высказаться по этому поводу. Он сбросил защитный плащ, но темные очки не снял, хотя свет в профессорской пригасили. И декан спрашивал себя, нужны ли очки из-за особенностей зрения гостя, или это просто маскировка. Из-за них, конечно, уж вовсе невозможно прочесть мысли Сверхправителя — задача и без того нелегкая. Однако гость как будто не против, что его забрасывают замечаниями, в которых звучит вызов и чувствуется — оратору совсем не нравится политика Сверхправителей по отношению к Земле.

Декан готов был продолжать атаку, но тут в борьбу вмешался директор Управления по делам науки профессор Сперлинг.

— Как вам, без сомнения, известно, сэр, одним из сложнейших противоречий нашей культуры была разобщенность искусства и науки. Я очень хотел бы узнать ваше мнение по этому вопросу. Согласны ли вы, что все люди искусства не вполне нормальны? Что их творчество — или, во всяком случае, сила, побуждающая их творить,— проистекает из какой-то глубоко скрытой психологической неудовлетворенности?

Профессор Чанс многозначительно откашлялся, но Инспектор его опередил:

— Мне когда-то говорили, что все люди в какой-то мере художники и каждый человек способен что-то создать, хотя бы и на примитивном уровне. Вот, например, вчера я заметил, что в ваших школах особое внимание уделяют тому, как ребенок выражает себя в рисунке, в красках, в лепке. Видимо, стремление к творчеству присуще всем без исключения, даже тем, кто наверняка посвятит себя науке. Стало быть, если все художники не вполне нормальны, а все люди — художники, мы получаем любопытный логический вывод...

Все ждали завершения. Но Сверхправители, когда им это кстати, умеют быть безукоризненно тактичными.

Симфонический концерт Инспектор выдержал с достоинством, чего нельзя сказать о многих слушателях-людях. Единственной уступкой привычным вкусам была «Симфония псалмов» Стравинского, остальная программа — воинствующее сверхноваторство. Но как бы ни оценивать программу, исполнялась она блистательно. Новые Афины гордились тем, что в числе колонистов есть несколько лучших музыкантов мира, и это была не пустая похвальба. Между композиторами-соперниками разгорелся ожесточенный спор за честь участвовать в программе, хотя иные циники сомневались, честь ли это. Возможно, Сверхправители начисто лишены музыкального слуха, еще никто ни разу не убеждался в обратном.

Однако после концерта Танталереско отыскал среди присутствующих трех композиторов и похвалил, как он выразился, их «великую изобретательность». Услыхав такой комплимент, они удалились, судя по их лицам, польщенные, но и несколько растерянные.

Джорджу Грегсону удалось встретиться с Инспектором только на третий день. В театре посетителя решили угостить не единственным блюдом, но своего рода винегретом: две одноактные пьесы, выступление всемирно известного мастера «на роли с переодеванием», балетная сюита. Все это опять-таки исполнено было с блеском, и предсказание некоего критика: «Теперь мы по крайней мере узнаем, умеют

ли Сверхправители зевать» — не оправдалось. Инспектор даже несколько раз засмеялся — и именно там, где надо.

И все же... почем знать? Вдруг он и сам превосходный актер и следил только за логикой представления, а неведомых его чувств оно никак не затронуло, ведь и антрополог, оставаясь равнодушным, мог бы участвовать в каком-нибудь обряде варварского племени. Да, он издавал подходящие звуки и откликался на все, как от него ждали, но это ровным счетом ничего не доказывает.

Джордж заранее твердо решил поговорить с Инспектором — и потерпел неудачу. После спектакля они только и успели познакомиться, и гостя сразу увлекли прочь. Невозможно было хоть на минуту отделаться от его entourage*, и Джордж ушел домой жестоко разочарованный. Он сам толком не знал, что скажет Сверхправителю, если и сумеет остаться с ним наедине, но был уверен, что уж как-нибудь да сумеет завести речь о Джефе. И вот случай упущен.

Два дня Джордж хандрил и злился. Инспектор отбыл среди несчетных заверений во взаимном уважении, следствие визита обнаружилось позже. Никому и в голову не пришло спрашивать о чем-то Джефа, и мальчик, должно быть, долго все обдумывал, прежде чем обратиться к отцу. Вечером, уже перед сном, он спросил:

— Пап, а ты знаешь Сверхправителя, который к нам сюда приезжал?

— Знаю,— хмуро ответил Джордж.

— Ну вот, он приходил к нам в школу, и я слышал, он разговаривал с учителями. Я не понял по-настоящему, что он сказал, а только мне кажется, голос знакомый. Это он мне велел бежать от той большой волны.

— Ты уверен?

Джеф чуть замялся.

— Ну, не совсем... только если это был не он, значит, другой Сверхправитель. Я подумал, может, надо сказать ему спасибо. Но ведь он уже уехал, да?

— Да,— сказал Джордж.— Боюсь, уже поздно. Но, может быть, мы сумеем его поблагодарить в другой раз. А теперь больше не беспокойся об этом, будь умницей и ложись спать.

* Окружение *(фр.)*.

Наконец Джефа благополучно отправили в детскую. Джин уложила дочку, вернулась и села на ковер возле мужнина кресла, прислонившись к ногам Джорджа. Эта ее привычка Джорджу казалась нелепо сентиментальной. Но не поднимать же шум из-за пустяка. Он только старался, чтобы коленки его торчали как можно угловатее и неуютнее.

— Ну, что ты теперь скажешь? — глухо, устало спросила Джин.— По-твоему, так было на самом деле?

— Было,— сказал Джордж,— но, пожалуй, зря мы беспокоимся. В конце концов, любые родители были бы только благодарны... ну и я, конечно, благодарен. Наверно, объясняется это проще простого. Мы знаем, что Сверхправители заинтересовались колонией, так, уж конечно, они наблюдают за ней, хоть и обещали больше не пользоваться своими приборами. Допустим, кто-то из них как раз шарил по нашим местам своим глазастым аппаратиком и увидел, что идет цунами. Вполне естественно предупредить всякого, кому грозит опасность.

— Не забывай, он знал, как зовут Джефа. Нет, за нами следят. Чем-то мы выделяемся, почему-то мы им интересны. Я это давно чувствую, с той самой вечеринки у Руперта. Странно, как она все переменила и в твоей жизни, и в моей.

Джордж посмотрел на нее сверху вниз сочувственно, но не более того. Удивительно, как человек меняется за такой короткий срок. Он очень к ней привязан, она — мать его детей и прочно вошла в его жизнь. Но много ли сохранилось от той любви, какую некто полузабытый, кого звали Джордж Грегсон, питал к выцветающей мечте по имени Джин Моррел? Теперь он делит свою любовь между Джефом и Дженнифер, с одной стороны, и Кэрол — с другой. Навряд ли Джин знает про Кэрол, и непременно надо ей сказать, пока не сказал кто-нибудь посторонний. Но почему-то все не удается об этом заговорить.

— Ну ладно... за Джефом следят... в сущности, его охраняют. А не кажется тебе, что нам бы надо этим гордиться?

Может быть, Сверхправители готовят ему большое будущее. Хотел бы я знать, какое?

Он понимал, что старается всего лишь успокоить Джин. Сам он не слишком встревожен, просто сбит с толку да любопытство задето. И вдруг новая мысль поразила его, об этом следовало подумать раньше. Джордж невольно посмотрел в сторону детской.

— А может быть, им нужен не только Джеф,— сказал он.

Как положено, Инспектор представил отчет о поездке на остров. Дорого бы дали колонисты, чтобы узнать, что там, в отчете. Все цифры и сведения поглотила ненасытная память мощных вычислительных машин, представляющих собою часть — но только часть — незримых сил, которыми распоряжался Кареллен. Но еще прежде, чем сделали какие-то выводы бесстрастные электронные умы, Инспектор высказал свои соображения. В переводе на человеческую мысль и человеческий язык они прозвучали бы примерно так:

— В отношении колонии нам незачем принимать какие-либо меры. Эксперимент любопытный, но он никак не может повлиять на будущее. Их увлечение искусством нас не касается, а никаких научных исследований в опасных направлениях там, видимо, не ведут.

В соответствии с нашим планом я сумел узнать, как учится и ведет себя Номер Один, не привлекая чьего-либо внимания. Соответствующие данные приложены, и по ним можно убедиться, что пока нет никаких признаков чего-то необычного. Но, как нам известно, Прорыв редко дает о себе знать заранее.

Я встретился также с отцом Номера Первого, и у меня создалось впечатление, что он хочет со мной поговорить. К счастью, мне удалось этого избежать. Несомненно, он что-то подозревает, хотя, разумеется, не может ни угадать истину, ни как-либо повлиять на исход дела.

Чем дальше, тем больше я жалею этих людей.

Джордж Грегсон согласился бы с выводом Инспектора, что в Джефе нет ничего необычного. Был только тот непонятный случай, пугающий, как единственный удар грома среди долгого ясного дня. И потом — тишина.

Как всякий семилетний мальчишка, Джеф — сгусток энергии и пытливости. Он умен — когда дает себе труд быть умным,— но ему не грозит опасность обернуться гением. Иногда кажется, чуть устало думала Джин, будто ее сын в точности сделан по классическому рецепту: что такое маленький мальчик? — шум и крик в оболочке из грязи. Впрочем, насчет грязи не сразу скажешь с уверенностью — немало ее должно накопиться, пока она станет заметна на дочерна загорелой коже.

Джеф то ласков, то угрюм, то замкнут, то весь нараспашку. Незаметно, чтобы он больше любил мать, чем отца, или наоборот, и появление младшей сестренки не вызвало у него ни малейшей ревности. Он безупречно здоров, за всю жизнь ни дня не болел. Но по нынешним временам и при здешнем климате ничего необычного тут нет.

В отличие от некоторых мальчишек Джеф не скучает в обществе отца и не спешит удрать от него к сверстникам. Он явно унаследовал художнический талант Джорджа и чуть ли не сразу, как научился ходить без спутников, стал завсегдатаем кулис в театре колонии. А театр его признал словно бы живым талисманом, приносящим счастье, и он уже наловчился подносить букеты заезжим звездам сцены и экрана.

Да, Джеф самый обыкновенный мальчишка. В этом опять и опять уверял себя Джордж, когда они вдвоем бродили или катались на велосипедах по не слишком просторному, в общем-то, острову. Они разговаривали, как спокон веку разговаривают сыновья и отцы — только время иное, и теперь куда больше есть о чем поговорить. Хотя Джеф никогда не уезжал с острова, вездесущее око — экран телевизора — помогало ему всласть наглядеться на окружающий мир. Как и все в колонии, он немножко презирал остальное человечество. Колонисты — избранники, передовой от-

ряд прогресса. Они приведут род людской к высотам, которых достигли Сверхправители, а быть может, и выше. Конечно, еще не завтра, но настанет день...

Они и не подозревали, что день этот настанет слишком быстро...

18

Спустя полтора месяца начались сны.

Во тьме субтропической ночи Джордж Грегсон медленно всплыл из глубины сна. Он не понял, что его разбудило, и минуту-другую лежал в тупом недоумении. Потом сообразил — он один. Джин встала, неслышно ушла в детскую. И тихо разговаривает с Джефом, слишком тихо, слов не разобрать.

Джордж тяжело поднялся и пошел следом за женой. Из-за Пупсы такие ночные путешествия не редкость, но она-то поднимает такой шум и рев, поневоле проснешься. А тут ничего похожего, и непонятно, что разбудило Джин.

В детской полумрак, только слабо лучатся светящиеся узоры на стенах. И при этом приглушенном свете Джордж увидел — Джин сидит подле кровати Джефа.

Она обернулась, шепнула:

— Смотри не разбуди Пупсу.

— Что случилось?

— Я поняла, что нужна Джефу, и проснулась.

Сказано так просто, будто все само собой разумеется... У Джорджа засосало под ложечкой от недоброго предчувствия. «Я поняла, что нужна Джефу». А как ты это поняла, спрашивается? Но вслух он спросил только:

— Разве прежде у него бывали кошмары?

— Не думаю,— сказала Джин.— Сейчас как будто все прошло. Но сперва я увидела, он испугался.

— И совсем я не испугался, мамочка,— с досадой перебил тихий голосок.— Просто там было очень странно.

— Где это «там»? — спросил Джордж.— Расскажи-ка толком.

— Стояли горы,— словно сквозь сон сказал Джеф.— Высокие-высокие, а снега на них нет, а раньше сколько я видел гор, на них всегда снег. И некоторые горели.

— Значит, это были вулканы?

— Не настоящие вулканы. Они все горели, сверху донизу, такие на них чудные синие огоньки. Я смотрел, и тут взошло солнце.

— А дальше что? Почему ты замолчал?

Джеф растерянно посмотрел на отца.

— Вот это тоже непонятное, папа. Солнце поднялось быстро-быстро, и оно было слишком большое. И... и какого-то не такого цвета. Голубое, очень красивое.

Настало долгое, леденящее душу молчание. Потом Джордж спросил негромко:

— Это все?

— Да. Как-то мне стало тоскливо, и тогда пришла мама и меня разбудила.

Джордж взъерошил растрепанные волосы сына, другой рукой поплотнее запахнул халат. Вдруг пробрало холодом, и он почувствовал себя маленьким и слабым. Но когда он опять заговорил с Джефом, голос его ничего такого не выдал.

— Просто тебе приснился глупый сон, надо поменьше есть за ужином. Выкинь все это из головы и спи, будь умницей.

— Хорошо, папа,— отозвался Джеф. Минуту помолчал и прибавил задумчиво: — Надо бы еще разок там побывать.

— Голубое солнце? — всего лишь несколько часов спустя переспросил Кареллен.— Тогда совсем несложно определить, где это.

— Да,— сказал Рашаверак.— Несомненно, Альфанидон-два. И Серные горы это подтверждают. Любопытно отметить, как исказились масштабы времени. Планета вращается довольно медленно, так что он, видимо, за считаные минуты наблюдал многие часы.

— Больше ты ничего не мог узнать?

— Нет, если не расспрашивать ребенка в открытую.

— Этого мы не смеем. Все должно идти своим чередом, нам нельзя вмешиваться. Вот когда к нам обратятся родители... тогда, пожалуй, можно будет его расспросить.

— Может быть, они к нам и не придут. Или придут слишком поздно.

— Боюсь, тут ничего не поделаешь. Надо всегда помнить: при этих событиях наше любопытство не имеет значения. Оно значит не больше, чем счастье человечества.

Кареллен протянул руку, готовясь отключить связь.

— Разумеется, продолжай наблюдать и обо всем докладывай мне. Но никакого вмешательства.

Между тем когда Джеф не спал, он как будто оставался прежним мальчишкой. И на том спасибо, думал Джордж. Но в душе его нарастал страх.

Для Джефа это была просто игра, он пока ничуть не боялся. Сон — это сон, только и всего, какой бы он ни был странный. Джефу больше не становилось тоскливо в мирах, которые открывались ему во сне. Только в ту первую ночь он мысленно позвал Джин через неведомые, разделившие их бездны. А теперь один бесстрашно странствовал во Вселенной, которая перед ним раскрывалась.

По утрам родители расспрашивали его, и он рассказывал, сколько мог припомнить. И порой сбивался, не хватало слов описать увиденное — такое, чего не только сам не встречал наяву, но что бессильно было себе представить человеческое воображение. Отец и мать подсказывали ему новые слова, показывали картинки и краски, пытаясь подхлестнуть его память, и из его ответов составляли, как могли, связные образы. Зачастую получалось нечто совершенно непонятное, хотя, видимо, самому Джефу миры его снов представлялись ярко и отчетливо. Просто он не мог передать эти образы родителям. Впрочем, иные оказывались довольно ясными...

Пустое пространство — никакой планеты, ни гор, ни равнин вокруг, никакой почвы под ногами. Только звезды в бархатной тьме, и среди них громадное красное солнце, оно пульсирует, бьется, точно сердце. Вот оно огромное,

но бледное, а потом понемногу съеживается и в то же время разгорается ярче, словно внутреннему его пламени подбавилось горючего. И окраска его меняется, вот оно уже не красное, а оранжевое, потом почти желтое, медлит на грани желтизны — и все поворачивает вспять, звезда расширяется, остывает, сызнова становится косматым кроваво-красным облаком...

(— Классический образчик пульсирующей переменной,— обрадовался Рашаверак.— И к тому же увиденный при неимоверном ускорении времени. Не могу определить точно, но, судя по описанию, ближайшая такая звезда — Рамсандрон-девять. А может быть, это Фаранидон-двенадцать.

— Та ли, эта ли звезда, но он уходит все дальше,— заметил Кареллен.

— Много дальше,— сказал Рашаверак...)

Тут было совсем как на Земле. Ярко-белое солнце повисло на синем небе в крапинках несущихся по ветру облаков. У подножия некрутой горы пенился исхлестанный бешеным ветром океан. И при этом ничто не шелохнется: все застыло — недвижимо, будто высветилось на миг при вспышке молнии. А далеко-далеко на горизонте виднелось такое, чего на Земле не увидишь,— вереница туманных, чуть сужающихся кверху колонн, они вырастали из воды и тонули вершинами в облаках. Они шли на равном расстоянии друг от друга по краю всей планеты, такие громадные, что никто не мог бы их построить,— и все же такие одинаковые, что не могли появиться сами собой.

(— Сиденеус-четыре и Рассветные столпы.— Голос Рашаверака дрогнул.— Он достиг центра Вселенной.

— А ведь его путешествие только начинается,— сказал Кареллен.)

Планета была совершенно плоская. Непомерное тяготение давным-давно придавило и сровняло с поверхностью былые горы ее огненной юности — горы, чьи самые могучие вершины и тогда не превышали нескольких метров. И однако здесь была жизнь: все покрывали мириады слов-

но бы с помощью линейки и циркуля вычерченных узоров, они двигались, переползали с места на место, меняли окраску. Это был мир двух измерений, и населяли его существа толщиной в малую долю сантиметра.

А в небе этого мира пылало солнце, какое не привиделось бы и курильщику опиума в самых безумных грезах. Раскаленное уже не добела, а еще того больше, палящий, почти ультрафиолетовый призрак этот обдавал свои планеты смертоносным излучением, которое вмиг уничтожило бы все живое на Земле. На миллионы километров вокруг простирались завесы газа и пыли и, прорезаемые вспышками ультрафиолета, лучились неисчислимыми переливами красок. Рядом с этой звездой бледное светило Земли показалось бы слабеньким, точно светлячок в полдень.

(— Гексанеракс-два, такого больше нет нигде в изученной Вселенной,— сказал Рашаверак.— Очень немногие наши корабли там бывали, и никто не решился на высадку, ведь никому и в голову не приходило, что на таких планетах возможна жизнь.

— Видимо, вы, ученые, оказались не такими дотошными исследователями, какими себя считали,— заметил Кареллен.— Если эти... эти узоры... разумны, любопытно было бы установить с ними контакт. Хотел бы я знать, известно ли им что-нибудь о третьем измерении?)

Этот мир не ведал, что значат день и ночь, годы и времена года. Его небо делили между собою шесть разноцветных солнц, и темноты здесь не бывало, только менялось освещение. Спорили друг с другом, сталкивались или тянули каждое к себе различные поля тяготения, и планета странствовала по изгибам и петлям невообразимо сложной орбиты, никогда не возвращаясь на однажды пройденный путь. Каждый миг — единственный и неповторимый: рисунок, который образуют сейчас в небе шесть солнц, уже не возобновится до конца времен.

Но даже и здесь существует жизнь. Быть может, в какую-то эпоху планета обугливалась от близости к своим светилам, а в другую — леденела, удаляясь от них едва ли не за пределы досягаемости, и, однако, наперекор всему, на ней обитает разум. Громадные многогранные кристаллы стоят

группами, образуя сложные геометрические узоры, в эру холода они недвижимы, а когда планета снова прогревается, медленно растут вдоль минеральных жил, что их породили. Пусть на то, чтобы додумать мысль, они потратят тысячелетие,— что за важность. Вселенная еще молода, и впереди у них — Время, а ему нет конца...

(— Я пересмотрел все наши отчеты,— сказал Рашаверак.— Нам неизвестна ни такая планета, ни такое сочетание солнц. Если бы они существовали в пределах нашей Вселенной, астрономы обнаружили бы такую систему, будь она даже недосягаема для наших кораблей.

— Значит, он уже вышел за пределы Галактики.

— Да. Конечно, теперь ждать уже недолго.

— Кто знает? Он только видит сны. А когда просыпается, он все еще такой, как был. Это лишь первая фаза. Когда начнется перемена, мы очень быстро об этом узнаем.)

— Мы уже знакомы, мистер Грегсон,— серьезно сказал Сверхправитель.— Меня зовут Рашаверак. Несомненно, вы помните нашу встречу.

— Да,— сказал Джордж.— На вечере у Руперта Бойса. Вряд ли я мог бы забыть. И я подумал, что надо бы увидеться еще раз.

— Скажите, а почему вы просили, чтобы я с вами встретился?

— Я думаю, вы уже сами знаете.

— Возможно. И все-таки нам обоим будет легче разобраться, если вы сами мне скажете. Пожалуй, вас это очень удивит, но я тоже стараюсь понять, что происходит, и в некоторых отношениях знаю так же мало, как и вы.

Изумленный Джордж во все глаза смотрел на Сверхправителя. Этого он никак не ожидал. В подсознании его жила уверенность: Сверхправители всеведущи и всемогущи, им совершенно ясно, что делается с Джефом, и, скорее всего, они сами же в этом повинны.

— Как я понимаю,— сказал он,— вы видели записи, которые я передал психологу колонии, а стало быть, знаете, какие нашему сыну снятся сны.

— Да, о снах мы знаем.

— Я никогда не верил, что это просто детские фантазии. Они настолько неправдоподобны, что... конечно, звучит нелепо, но у них наверняка есть какая-то реальная основа, иначе им неоткуда взяться.

Он впился взглядом в Рашаверака, сам не зная, чего ждет — подтверждения или отрицания. Сверхправитель промолчал, большие глаза его спокойно смотрели на Джорджа. Собеседники сидели почти лицом к лицу, потому что в комнате, явно предназначенной для таких вот свиданий, пол был на двух разных уровнях, и массивный стул Сверхправителя стоял на добрый метр ниже, чем стул Джорджа. Этот знак дружелюбного внимания подбадривал, ведь у людей, которые просят о подобных встречах, чаще всего не очень-то легко на душе.

— Мы беспокоились, но сначала всерьез не испугались. Когда Джеф просыпался, в нем ничего необычного не было заметно, и эти сны его как будто не тревожили. А потом раз ночью...— Джордж запнулся, поглядел на Сверхправителя, словно оправдываясь.— Я никогда не верил в какие-то сверхъестественные силы. Я не ученый, но, думаю, всему на свете существует какое-то разумное объяснение.

— Правильно,— сказал Рашаверак.— Я знаю, что вы тогда видели, я наблюдал.

— Так я и думал. А ведь Кареллен обещал, что ваши аппараты больше не будут за нами шпионить. Почему вы нарушили обещание?

— Я его не нарушал. Попечитель сказал, что за людьми мы больше следить не будем. Мы сдержали слово. Я наблюдал не за вами, а за вашими детьми.

Не сразу до Джорджа дошел смысл услышанного. Потом он понял, и лицо его залила мертвенная бледность.

— То есть...— Он задохнулся. Голос изменил ему, пришлось начать сызнова.— Тогда кто же они, мои дети?

— Вот это мы и стараемся узнать,— очень серьезно сказал Рашаверак.

Дженнифер Энн Грегсон, в последнее время известная под именем Пупсы, лежала на спине, крепко зажмурясь. Она давно уже не открывала глаз и никогда больше не откроет: зрение для нее теперь так же излишне, как для наделенных многими иными чувствами тварей, населяющих непроглядную пучину океана. Она и так разбиралась в окружающем мире и еще во многом сверх того.

По непостижимой прихоти развития у нее с мимолетной поры младенчества сохранилась лишь одна привычка. Погремушка, что приводила ее когда-то в восторг, теперь не умолкала, отбивая в кроватке сложный, поминутно меняющийся ритм. Эти странные синкопы разбудили Джин среди ночи, и она кинулась в детскую. Но не только необычные звуки заставили ее отчаянным криком звать Джорджа, а еще и то, что она увидела.

Самая обыкновенная ярко раскрашенная погремушка висела в воздухе, в полуметре от какой-либо опоры, и знай отстукивала свое, а Дженнифер Энн лежала в кроватке, туго сплетя пухлые пальчики, и мирно, счастливо улыбалась.

Она начала позже, но продвигалась быстро. Скоро она опередит брата, ведь ей гораздо меньше надо разучиваться.

— Вы очень разумно поступили, что не тронули игрушку,— сказал Рашаверак.— Едва ли вы сумели бы ее сдвинуть. Но если б вам это удалось, девочка, пожалуй, была бы недовольна. И право, не знаю, что бы тогда случилось.

— Так что же, вы, значит, ничего не можете сделать? — тупо спросил Джордж.

— Не хочу вас обманывать. Мы можем изучать и наблюдать, этим мы и занимаемся. Но вмешаться мы не можем, потому что не можем понять.

— Да как же нам быть? И почему такое случилось именно с нами?

— С кем-то это должно было случиться. Вас ничто не отличает от других, как ничто не отличает первый нейтрон, с которого начинается цепная реакция в атомной бомбе. Просто он оказался первым. Ту же роль сыграл бы любой другой нейтрон... вот и на месте Джеффри мог оказаться кто угодно другой. Мы называем это Всеобъемлющим Про-

рывом. Больше ничего не надо скрывать, и меня это только радует. Мы ждали Прорыва с тех самых пор, как пришли на Землю. Невозможно было предсказать, когда и где он начнется... но потом, по чистой случайности, мы встретились на вечере у Руперта Бойса. Вот тогда я понял, что почти наверняка первыми станут дети вашей жены.

— Но... но мы тогда еще не поженились. Мы даже не...

— Да, знаю. Но мысль мисс Моррел оказалась каналом, по которому, пусть на один миг, проникло знание, никому на Земле в ту пору недоступное. Оно могло прийти только через другой ум, теснейшим образом с нею связанный. Что ум этот еще не родился, не имело значения, ибо Время — нечто гораздо более странное, чем вы думаете.

— Начинаю понимать. Джеф знает то, чего не знает никто... Он видит другие миры и может сказать, откуда вы. И Джин как-то уловила его мысли, хотя он еще даже не родился.

— Все много сложнее... но сильно сомневаюсь, чтобы вы сумели когда-нибудь ближе подойти к истине. История человечества во все времена знала людей, которым необъяснимые силы словно бы помогали преодолевать пространство и время. Что это за силы, никто не понимал, попытки их объяснить, за редчайшими исключениями, сущий вздор. Я-то знаю, я их вдоволь перечитал!

Но есть одно сравнение, которое... ну, как бы что-то подсказывает и помогает понять. Оно не раз возникает в вашей литературе. Представьте себе ум каждого человека островком среди океана. Кажется, будто эти островки разобщены, а на самом деле их связывает одна и та же основа — дно, с которого они поднимаются. Исчезни все океаны, не станет и островов. Все они составят единый континент, но перестанут существовать каждый в отдельности.

Примерно так и с тем, что у вас называется телепатией. При подходящих условиях отдельные умы сливаются, то, что знает один, становится достоянием другого, а потом, разъединяясь вновь, каждый сохраняет память об испытанном. Способность эту в высшем ее проявлении не стесняют обычные рамки места и времени. Вот почему Джин по-

черпнула кое-что из познаний своего еще не рожденного сына.

Наступило долгое молчание. Джордж силился совладать с этими ошеломляющими открытиями. В мыслях стали прорисовываться черты происходящего. Невероятно, поразительно, но в этом есть своя внутренняя логика. И это объясняет (если такое слово применимо к чему-то совершенно непонятному) все, что случилось после вечера в доме Руперта Бойса. И еще теперь ясно, почему Джин так увлекалась всем таинственным, сверхъестественным.

— А с чего все началось? — спросил Джордж.— И к чему это приведет?

— Вот на этот вопрос мы ответить не можем. Но во Вселенной много видов разумных существ, и некоторые открыли эти силы и способности задолго до того, как появилось ваше племя, да и мое тоже. Они давно ждали часа, когда вы к ним присоединитесь, и теперь час настал.

— А как же в этом участвуете вы?

— Вероятно, как большинство людей, вы всегда считали, что мы над вами хозяева. Это неверно. Мы всегда были только опекунами, исполняли долг, порученный нам... чем-то, что выше нас. Трудно определить, в чем заключается наш долг; пожалуй, самое правильное считать, что мы — акушеры при трудных родах. Мы помогаем появиться на свет чему-то новому, поразительному.

Рашаверак замялся; с минуту казалось, он не находит нужных слов.

— Да, мы акушеры. Но сами мы — бесплодны.

В этот миг Джордж понял: перед ним трагедия еще тяжелее той, что постигла его самого. Казалось бы, невероятно, и все же это так. Да, Сверхправители поражают могуществом, блистают умом, и однако эволюция загнала их в капкан, в какой-то cul-de-sac*. Этот великий, благородный народ едва ли не во всех отношениях выше земного человечества — но будущего у них нет, и они это знают. Рядом с такой судьбой заботы Джорджа ему и самому вдруг показались мелкими.

* Тупик *(фр.)*.

— Теперь я понимаю, почему вы все время следите за Джеффри,— сказал он.— Мой мальчик для вас — подопытный кролик.

— Вот именно... только над опытом мы не властны. Не мы его начали... Мы только пытались наблюдать. И вмешивались, только когда нельзя было не вмешаться.

Да, подумал Джордж, как тогда с цунами... Не дать же погибнуть ценному экземпляру. И тотчас устыдился этой неуместной, недостойной горечи.

— Еще только один вопрос,— сказал он,— как нам быть дальше с нашими детьми?

— Радуйтесь им, пока можете,— мягко ответил Рашаверак.— Они ненадолго останутся вашими.

Такой совет можно было бы дать любым родителям в любую эпоху, но никогда еще он не таил в себе столь страшной угрозы.

19

Пришло время, когда мир снов Джефа стал мало отличаться от его существования наяву. В школу он больше не ходил, и привычный порядок жизни Джорджа и Джин разрушился, как вскоре должен был разрушиться во всем мире.

Они стали избегать друзей, будто уже сознавали, что вскоре ни у кого не хватит сил им сочувствовать. Изредка по ночам, когда остров затихал и почти все уже спали, они подолгу бродили где-нибудь вдвоем. Никогда еще не были они так близки, кроме разве первых дней супружества,— теперь их соединяла еще неведомая, но готовая вот-вот разразиться трагедия.

Поначалу обоим совестно было оставлять спящих детей в доме одних, но теперь они уже понимали, что Джеф и Дженни непостижимыми для родителей способами умеют и сами о себе позаботиться. Да и Сверхправители, конечно, за ними присмотрят. Эта мысль успокаивала: не вовсе уж они одиноки перед мучительной загадкой, заодно с ними настороже зоркий и сочувственный взгляд.

Дженнифер спала: никаким другим словом не определишь ее нынешнее состояние. С виду она оставалась младенцем, но чувствовалось — от нее исходит устрашающая тайная сила, и Джин уже не могла заставить себя войти в детскую.

Да и незачем было входить. То, что называлось когда-то Дженнифер Энн Грегсон, еще не вполне созрело, в куколке только еще зарождались крылья, но и у этой спящей куколки довольно было власти над окружающим, чтобы ни в чем не нуждаться. Джин лишь однажды попробовала накормить то, что было прежде ее дочкой, но безуспешно. Оно предпочитало кормиться когда пожелает и как пожелает.

Ибо всякая еда неспешным, но неутомимым ручейком ускользала из холодильника, а меж тем Дженнифер Энн ни разу не вылезла из кроватки.

Погремушка давно утихла и валялась в детской на полу, никто не смел ее коснуться: вдруг она опять понадобится хозяйке. Иногда Дженнифер Энн заставляла мебель прихотливо передвигаться по комнате, и Джорджу казалось, что светящиеся краски на стене горят ярче, чем когда-либо раньше.

Она не доставляла никаких хлопот; она была недосягаема ни для их помощи, ни для их любви. Конечно же, развязка близка, и в недолгое время, что им еще оставалось, Джин и Джордж в отчаянии льнули к сыну.

Джеф тоже менялся, но еще признавал родителей. Раньше они следили, как он вырастал из туманного младенчества и становился мальчиком, личностью, а теперь час от часу черты его стирались, будто истаивали у них на глазах. Изредка он все же заговаривает с ними как прежде, говорит об игрушках, о друзьях, словно не сознавая, что ждет впереди. Но гораздо чаще он просто не видит их, словно и не подозревает, что они тут, рядом. И никогда больше не спит, а они вынуждены тратить время на сон, как ни жаль упускать хоть малую долю этих последних еще оставшихся им часов.

В отличие от сестры Джеф как будто не обладает сверхъестественной властью над неодушевленными предметами — возможно, потому, что уже не так мал и меньше в них нуж-

дается. Странной и чуждой стала лишь его духовная жизнь, и сны теперь занимают в ней совсем немного места. Часами он застывает неподвижно, крепко зажмурясь, будто прислушивается к звукам, которых никто больше не может услышать. Ум его вбирает поток знаний, льющийся из неведомых далей или времен, и уже скоро поток этот окончательно затопит и разрушит лишь наполовину сложившееся создание, что было прежде Джеффри Энгусом Грегсоном.

А Фэй сидит и смотрит на него снизу вверх печально, озадаченно и недоумевает — куда девался ее хозяин и когда он к ней вернется.

Джеф и Дженни оказались первыми во всем мире, но недолго они оставались в одиночестве. Словно эпидемия стремительно перекидывалась с материка на материк, превращением поражен был весь род людской. Никого старше десяти лет оно не коснулось, и ни один ребенок, не достигший десяти лет, его не избежал.

Это означало конец цивилизации, конец всему, к чему стремились люди испокон веков. В несколько дней человечество лишилось будущего, ибо сердце всякого народа разбито и воля к жизни погибла безвозвратно, если у народа отняли детей.

Столетием раньше разразилась бы паника, теперь этого не случилось. Мир оцепенел, большие города застыли в безмолвии. Продолжали работать только предприятия, без чьей продукции вовсе невозможно существовать. Было так, словно сама планета в трауре оплакивала все, чему уже не суждено сбыться.

И вот тут, как когда-то в давние, позабытые времена, Кареллен снова, в последний раз заговорил с человечеством.

20

— Моя работа почти закончена,— раздался голос Карелена в миллионах радиоприемников.— Наконец, после целого столетия, я могу сказать вам, в чем она заключалась.

Мы вынуждены были многое скрывать от вас, как скрывались сами половину времени, которое пробыли на Земле. Я знаю, некоторые из вас считали эту скрытность излишней. Вы привыкли к нашему присутствию, вы уже и вообразить не можете, как отнеслись бы к нам ваши предки. Но теперь вы наконец поймете, чем вызывалась наша скрытность, и узнаете, что мы поступали так не без причины.

Главное, что мы хранили от вас в тайне,— это цель нашего прибытия на Землю, вот о чем вы без конца строили догадки. До сих пор мы ничего не могли вам объяснить, ибо тайна эта не наша и мы были не вправе ее раскрыть.

Сто лет назад мы пришли на вашу планету и помешали вам самим себя уничтожить. Это, думаю, никто отрицать не станет, но вы и не догадываетесь, что за самоубийство вам грозило.

Поскольку мы запретили ядерное оружие и все другие смертоносные игрушки, которые вы копили в своих арсеналах, опасность физического уничтожения отпала. В этом вы видели единственную опасность. Нам и нужно было, чтобы вы в это верили, но правда заключалась в другом. Вас ждала опасность более грозная, совсем иная по природе своей — и она касалась не вас одних.

Многие миры, чьи пути сходились на открытии ядерной мощи, сумели избежать катастрофы, шли дальше, создавали мирную, счастливую культуру — и затем разрушены были силами, о которых не имели ни малейшего понятия. В двадцатом веке вы впервые по-настоящему принялись играть этими силами. Вот почему пришлось вмешаться.

На протяжении всего двадцатого века человечество постепенно приближалось к пропасти, о которой даже и не подозревало. Лишь один-единственный мост перекинут через эту пропасть. Обитатели очень немногих планет находили его без посторонней помощи. Иные повернули вспять, пока было еще не поздно, и тем самым избегли опасности, но и не достигли вершины. Миры эти стали райскими островками легко обретенного довольства и уже не играют никакой роли в истории Вселенной. Но вам не суждена была такая участь — или такое счастье. Для этого ваше племя слишком деятельно. Оно ринулось бы навстречу гибели

и увлекло за собой других, ибо вам никогда бы не найти моста через пропасть.

Боюсь, почти все, что я должен вам сказать, нужно передавать такими вот сравнениями. У вас нет ни слов, ни понятий для многого, что я хочу вам объяснить, да и ваши познания в этой области, увы, еще очень скудны.

Чтобы понять меня, вам надо вернуться к прошлому и вспомнить то, что вашим предкам показалось бы хорошо знакомым, но о чем вы забыли — и мы намеренно помогали вам забыть. Ибо весь смысл нашего пребывания здесь был в величайшем обмане, в том, чтобы скрыть от вас правду, к которой вы были не готовы.

В столетия, что предшествовали нашему появлению, ваши ученые раскрыли тайны физического мира и привели вас от энергии пара к энергии атома. Вы предоставили суеверия прошлому, истинной религией человечества сделалась Наука. Она была даром западного меньшинства остальным народам и разрушила все другие верования. Те, которые мы еще застали у вас, уже отмирали. Чувствовалось, что Наука может объяснить все на свете — нет таких сил, которыми она не овладеет, нет явлений, которых она в конце концов не постигнет. Секрет возникновения Вселенной, быть может, так и останется нераскрытым, но все, что происходило позднее, подчинялось законам физики.

Однако ваши мистики, хоть и путались в заблуждениях, разглядели долю истины. Существуют силы разума — и существуют силы выше разума, силы, которые ваша наука не могла бы втиснуть в свои рамки, не сокрушив их. От всех веков сохранились бесчисленные рассказы о непонятных явлениях — о призраках, о передаче мыслей, о предсказании будущего, вы давали всему этому названия, но объяснить не умели. На первых порах Наука не замечала этих явлений, потом, наперекор свидетельствам, накопленным за пять тысячелетий, стала начисто их отрицать. Но они существуют, и любая теория Вселенной останется неполной, если не будет с ними считаться.

В первой половине двадцатого века некоторые ваши ученые начали исследовать эти явления. Сами того не зная, они легкомысленно пытались открыть ящик Пандоры. Они

едва не выпустили на свободу силы, несравнимо более разрушительные, чем вся мощь атома. Ибо физики погубили бы только Землю, хаос же, развязанный парафизиками, захлестнул бы и звезды.

Этого нельзя было допустить. Я не могу объяснить до конца природу воплощенной в вас опасности. Она грозила не нам и потому нам непонятна. Скажем так: вы могли обратиться в некий телепатический рак, в злокачественную опухоль мысли, и она неизбежным разложением отравила бы другие, превосходящие вас величием виды разума.

И тогда мы пришли — мы посланы были — на Землю. Мы прервали ваше развитие во всех областях, но тщательнее всего следили за любыми сколько-нибудь серьезными опытами в области сверхъестественного. Я прекрасно понимаю, что само сравнение наших цивилизаций, слишком разных по уровню, помешало развиваться и всем другим видам творчества. Но это просто побочный эффект и никакого значения не имеет.

А теперь я должен сказать вам то, что вас поразит и даже покажется невероятным. Самим нам все эти скрытые внутренние силы и возможности не даны, более того, непонятны. Разум наш гораздо могущественнее, но вашему уму присуще нечто такое, чего мы не можем уловить. С тех пор как мы пришли на Землю, мы непрестанно вас изучали; мы очень многое узнали и еще узнаем, но сомневаюсь, чтобы нам когда-либо удалось постичь все до конца.

Между нашими племенами немало общего, потому-то нам и поручена эта работа. Но в других отношениях мы завершаем две разные ветви эволюции. Наш разум достиг предела своего развития. Ваш, в теперешнем его виде,— тоже. Однако вы можете рывком достичь новой ступени, этим вы и отличаетесь от нас. Наши внутренние возможности исчерпаны, ваши еще и не тронуты. Каким-то образом, для нас непонятным, они связаны с теми силами, о которых я упоминал,— силы эти сейчас пробуждаются на вашей планете.

Мы задержали ход времени, мы заставляли вас топтаться на месте, пока не разовьются скрытые силы и не хлынут по каналам, которые для них готовятся. Да, мы сделали ва-

шу планету лучше, подняли благосостояние, принесли вам справедливость и мир — все это мы бы сделали при любых условиях, раз уж нам пришлось вмешаться в вашу жизнь. Но столь внушительные перемены заслоняли от вас правду и тем самым помогли нам выполнить свою задачу.

Мы — ваши опекуны, не больше. Должно быть, вы нередко спрашивали себя, насколько высокое место занимает мой народ во Вселенной. Так же как мы стоим выше вас, нечто иное стоит выше нас и пользуется нами в своих целях. Мы и до сих пор не открыли, что это такое, хотя уже многие века служим ему орудием и не смеем его ослушаться. Опять и опять мы получали приказ, отправлялись в какой-нибудь далекий мир, чья культура только еще расцветала, и вели его по пути, по которому сами пойти не можем,— по пути, на который вступили вы.

Опять и опять мы изучали ход развития, которое посланы были оберегать, в надежде узнать, как нам и самим вырваться из тесных пределов. Но лишь мельком уловили смутные очертания истины. Вы называли нас Сверхправителями, не ведая, какой насмешкой это звучит. Скажем так: над нами стоит Сверхразум, и он пользуется нами, как пользуется гончарным кругом гончар.

А вы, человечество,— глина, которая формуется на этом круге.

Мы думаем — это всего лишь теория,— что Сверхразум старается расти, расширять свою мощь и свои познания о Вселенной. Теперь он, должно быть, соединил в себе великое множество племен и давно освободился от тираническ ой власти материи. Где бы ни появилась разумная жизнь, он это ощущает. И когда он узнал, что вы почти уже готовы к этому, он послал нас сюда исполнить его волю, подготовить вас к преображению, которое теперь совсем близко.

Все перемены, какие раньше пережило человечество, совершались веками. Однако сейчас преображается не тело, но дух. По меркам эволюции, перемена будет мгновенной, как взрыв. Она уже началась. Придется вам понять и примириться с этим: вы — последнее поколение homo sapiens.

Мы почти ничего не можем сказать о том, какова природа наступающей перемены. Мы не знаем, как она возни-

кает, каким образом Сверхразум вызывает ее, когда решит, что для нее настало время... Мы только выяснили: это начинается в какой-то одной личности — всегда в ребенке — и сразу охватывает все вокруг, подобно тому как вокруг первого ядра образуются кристаллы в насыщенном растворе. Взрослых перемена не затрагивает, их ум уже утратил гибкость и прочно закрепился в определенной форме.

Через несколько лет все закончится, человечество разделится надвое. Возврата нет, и у того мира, который вам знаком, нет будущего. Со всеми надеждами и мечтами людей Земли покончено. Вы породили своих преемников, и трагедия ваша в том, что вам их не понять, их разум навсегда останется закрыт для вас. Да они и не обладают разумом в вашем понимании. Все они сольются в единое целое, как любой из вас — единый организм, состоящий из мириад клеток. Вы не станете считать их людьми — и не ошибетесь.

Я сказал вам все это, чтобы вы знали, что́ вам предстоит. Считаные часы отделяют нас от крутого перелома. Моя задача и мой долг — защитить тех, кого меня прислали оберегать. Как ни велики пробуждающиеся в них силы, вокруг — людские толпы, способные их раздавить... Пожалуй, их захотят уничтожить даже отцы и матери, когда осознают истину. Я должен забрать детей, отделить от родителей — ради их безопасности и ради вашей тоже. Завтра за ними придут мои корабли. Не стану осуждать вас, если вы попробуете воспротивиться разлуке, но это будет бесполезно. Сейчас пробуждаются силы, намного превосходящие мою; я — всего лишь одно из их орудий.

А потом... что должен я делать с вами, кто еще жив, хотя роль свою вы уже сыграли?

Всего проще, а пожалуй, и всего милосерднее было бы уничтожить вас, как вы бы уничтожили любимого ручного зверька, если он смертельно ранен. Но этого я сделать не могу. Вы сами выберете, как провести оставшиеся вам годы. Я только надеюсь, что человечество кончит свой век мирно, в сознании, что жизнь его не была напрасной.

Ибо вы принесли в мир нечто, пусть вам совершенно чуждое, пусть оно не разделяет ни ваших желаний, ни ва-

ших надежд, пусть величайшие ваши свершения в его глазах лишь детские игрушки, но само оно — великое чудо, и это вы его создали.

Настанет срок, и наше племя забудется, а частица вашего будет жить. Так не осуждайте же нас за то, как мы вынуждены были поступить. И помните — мы всегда будем вам завидовать.

21

Джин плакала раньше, теперь она уже не плачет. Жестокий, равнодушный солнечный свет позолотил Новые Афины, и над близнецами-вершинами Спарты снижается корабль. На том скалистом острове не так давно ее сын избежал смерти — избежал чудом, которое теперь ей слишком понятно. Порой она думала — пожалуй, было бы лучше, если бы Сверхправители не вмешались и оставили его на произвол судьбы. Со смертью она примирилась бы, как мирилась и прежде, смерть — естественна, она в природе вещей. А то, что сейчас, непостижимее смерти — и непоправимее. Доныне хоть люди и умирали, но человечество продолжало жить.

Среди детей ни звука, ни движения. Они стоят по нескольку человек там и сям на песчаном берегу и, видно, не замечают друг друга, не помнят о доме, который покидают навсегда. Многие держат на руках малышей — таких, что еще и не ходят, а может быть, не хотят проявить способности, обладая которыми ходить незачем. Ведь если они могут передвигать неодушевленные предметы, думал Джордж, уж наверно они могли бы двигаться и сами. И зачем, в сущности, корабли Сверхправителей их забирают?

Все это не важно. Они уходят — и решили уйти так, а не иначе. Будто какая-то заноза в памяти все не давала покоя Джорджу, и наконец он понял. Где-то когда-то он видел столетней давности фильм о таком вот великом исходе. Наверно, фильм относился к началу Первой мировой войны... а может быть, и Второй. Длинные поезда, переполненные детьми, медленно тянулись прочь от городов, которым угрожал враг, а родители оставались позади, и многим детям не суждено было снова их увидеть. Лишь редкие дети плакали; иные смотрели растерянно, боязливо сжимали в руках свои узелки или чемоданчики, а большинство, похоже, нетерпеливо предвкушало какие-то увлекательные приключения.

Но нет... сравнение неверно. История не повторяется. Те, что уходят теперь, кто бы они ни были, уже не дети. И на этот раз ни одна семья не соединится вновь.

Корабль опустился у самой воды, днищем глубоко погрузился в мягкий песок. Словно по взмаху дирижерской палочки, разом скользнули вверх громадные выгнутые пластины, и на берег металлическими языками протянулись трапы. Рассеянные по берегу невообразимо одинокие фигурки стали сближаться, сошлись в толпу, она двигалась совсем так же, как движутся людские толпы.

«Одинокие? Откуда взялась такая мысль?» — спросил себя Джордж. Что-что, а одинокими они уже никогда не будут. Одинока может быть только отдельная личность... только человек. Когда преграды между людьми наконец рушатся, исчезает индивидуальность, а с нею не станет и одиночества. Несчетные капли дождя растворятся в океане.

И тут Джин судорожно, крепче прежнего сжала его руку.

— Смотри,— прошептала она,— вон там Джеф. У второй двери.

Очень далеко, трудно сказать наверняка, да еще глаза Джорджу будто застлало туманом. И все же — конечно, это Джеф... Теперь он узнает сына, тот уже ступил одной ногой на металлический трап.

И Джеф оглянулся, посмотрел в их сторону. Лица не различить, просто бледное пятно; из такой дали не разобрать, есть ли в этом лице хоть намек на то, что он узнал их, хоть тень воспоминания обо всем, что он покидает. И уже не узнать Джорджу, обернулся ли Джеф случайно — или знал в те последние секунды, пока он был еще их сыном, что они стоят и смотрят, как он переходит в неведомую страну, куда им нет доступа.

Громадные люки начали закрываться. И тогда Фэй вскинула мохнатую мордочку и негромко, протяжно завыла. Потом подняла чудесные влажные глаза на Джорджа, и он понял — она потеряла хозяина. У него больше нет соперника.

Перед теми, кто остался, лежало много дорог, но в конце все придут к одному и тому же. Кое-кто говорил: мир все еще прекрасен; когда-нибудь придется его покинуть, но с какой стати торопиться?

Но другие, те, кто больше дорожил будущим, чем прошлым, и утратил все, ради чего стоило жить, не захотели ждать. Они уходили — иные в одиночку, иные вместе с друзьями, смотря кто к чему склонен от природы.

Так было и в Афинах. Некогда остров этот родился в пламени — и в пламени решил умереть. Кто захотел уехать, уехали, но большинство осталось и готовилось встретить конец среди обломков всего, о чем прежде мечтали.

Предполагалось, что часа никто заранее знать не будет. Но глубокой ночью Джин проснулась и минуту лежала, глядя в потолок, где мерцали призрачные отсветы. Потом потянулась, схватила Джорджа за руку. Всегда он спал как убитый, а тут сразу проснулся. Они не заговорили, не было на свете нужных слов.

Ей больше не страшно, даже не грустно. Она прошла через все это к некоей тихой заводи, и уже ничто ее не волнует. Только одно еще остается сделать, и Джин знает, времени в обрез.

Все так же молча Джордж пошел за нею по безмолвному дому. Они пересекли полосу лунного света, вливающегося через стеклянную крышу студии, прошли неслышно, как отброшенные луною тени, и вот они в опустелой детской.

Тут ничего не изменилось. По-прежнему лучатся на стенах светящиеся узоры, которые так усердно рисовал когда-то Джордж. И погремушка — давняя дочкина забава — еще лежит там, где уронила ее Дженнифер Энн, когда разумом унеслась в непостижимую даль, что стала ей домом.

«Она бросила свои игрушки,— подумал Джордж,— а наши уйдут отсюда вместе с нами». Вспомнились царственные дети фараонов — пять тысячелетий тому назад их бусы и куклы похоронены были вместе с хозяевами. Так будет снова. «Никому больше не полюбятся наши сокровища,— думал Джордж,— мы возьмем их с собой, мы с ними не расстанемся».

Джин медленно обернулась к нему, припала головой к его плечу. Он обнял ее, и давняя любовь вернулась, будто слабое, но явственное эхо, отраженное грядой далеких гор. Теперь поздно говорить все, что он должен бы сказать ей, и жалеет он не столько об изменах, сколько о прежнем своем равнодушии.

А потом Джин тихо сказала: «Прощай, милый» — и крепче обхватила его руками. Джордж не успел ответить, но даже в этот последний краткий миг изумился — откуда она знает, что пора?

В каменных недрах острова ринулись друг к другу пластины урана, стремясь к недостижимому для них единению.

И остров вознесся навстречу рассвету.

22

Корабль Сверхправителей скользил по светящемуся, точно от метеорита, следу из самого сердца созвездия Карины. Еще у внешних планет он начал неистово гасить скорость, но даже возле Марса она составляла значительную часть световой. Исполинские поля, окружающие земное Солнце, медленно поглощали его инерцию, а позади, на миллионы километров, проводила в небесах огненную черту избыточная энергия звездолета.

Став старше на полгода, Ян Родрикс возвращался домой, в мир, покинутый им восемьдесят лет назад.

Теперь он уже не прятался «зайцем» в тайнике. Он стоял позади трех пилотов (недоумевая про себя, зачем нужны сразу трое) и смотрел, как вспыхивают и гаснут знаки на громадном экране, что главенствовал в рубке. На экране

сменялись краски и очертания, ему непонятные,— надо думать, они означали данные, какие на корабле, построенном людьми, передавались бы циферблатами и стрелками. Но порой экран показывал расположение окрестных звезд, и, надо надеяться, уже скоро на нем появится Земля.

Хорошо вернуться домой, хоть он и положил немало усилий на бегство. За минувшие месяцы он стал взрослее. Так много он видел, в такой дали побывал — и стосковался по родному, привычному миру. Теперь он понимает, почему Сверхправители отгородили Землю от звезд. Немалый путь должно еще пройти человечество, прежде чем оно сумеет стать хотя бы малой частью цивилизации, которую он мимолетно увидел.

Быть может, хотя все в Яне восстает против этой мысли, человечество навсегда останется лишь какой-то низшей породой в подобии зоологического сада на далекой окраине, под надзором Сверхправителей. Не это ли крылось в двусмысленном предостережении Виндартена перед самым отлетом? «За то время, которое прошло на вашей планете, многое могло случиться,— сказал Сверхправитель.— Возможно, когда ты опять увидишь свой мир, ты его не узнаешь».

«Может, и не узнаю»,— думал Ян: восемьдесят лет — большой срок, и, хоть он молод и способен освоиться в новых условиях, пожалуй, нелегко будет понять все происшедшие за это время перемены. Но в одном сомнений нет: люди непременно захотят выслушать его и узнать, что успел он заметить в мире Сверхправителей. Как Ян и ожидал, с ним обошлись снисходительно. О полете от Земли он ничего не знал: когда действие снотворного кончилось и он очнулся, корабль уже входил в Солнечную систему Сверхправителей. Он выбрался из своего фантастического тайника и с облегчением убедился, что кислородная маска не нужна. Душновато, воздух тяжелый, но дышать можно. Он оказался в тусклом красном сумраке громадного трюма, вокруг — многое множество других ящиков с грузом и еще всякой всячины, какую естественно встретить на океанском или воздушном лайнере. Почти час он плутал в этом лабиринте, прежде чем добрался до рубки и предстал перед командой.

К его недоумению, они ничуть не удивились; Ян знал, что Сверхправители редко обнаруживают какие-либо чувства, но ждал хоть чего-то, хоть искорки. А они просто продолжали делать свое дело, следили за экраном, перебирали несчетные клавиши пультов управления. Тут он понял, что корабль идет на посадку: на экране опять и опять, с каждым разом вырастая, вспыхивало изображение планеты. Но совсем не ощущалось ни движения, ни ускорения, и ничуть не колебалась сила тяжести, как определил Ян, примерно впятеро меньше земной. Очевидно, могучие силы, движущие кораблем, уравновешивались с поразительной точностью.

А потом пилоты встали со своих мест, все трое как один, и стало ясно — путешествие окончено. Они еще не заговорили ни с пассажиром, ни друг с другом, и, когда один знаком поманил землянина за собой, Ян понял то, о чем следовало подумать раньше. Вполне возможно, что здесь, на другом конце бесконечно длинного пути, по которому доставляются Кареллену грузы, никто не поймет ни единого человеческого слова.

Трое серьезно следили за ним, когда перед его нетерпеливым взглядом распахнулись громадные створы люка. Вот она, великая минута его жизни, он — первый из людей, кому дано увидеть мир, освещенный иным солнцем. В корабль хлынул свет звезды НГС 549672, и Яну открылась планета Сверхправителей.

Чего он ждал? Он и сам толком не знает. Громадные здания, города с башнями, чьи вершины теряются в облаках, невообразимые машины — все это его бы не удивило. Но увидел он безликую плоскую равнину, уходящую к неестественно близкому горизонту, однообразие только и нарушали еще три корабля Сверхправителей, высящиеся в нескольких километрах отсюда.

На минуту в Яне поднялось горькое разочарование. Потом он пожал плечами — все очень просто, где же и находиться космическому порту, если не в таком вот пустынном, необжитом месте.

Было холодно, но не слишком. Большое красное солнце висело низко над горизонтом, света его вполне хватало

человеческому глазу, но Ян подумал, что, пожалуй, быстро затоскует по зеленым и голубым краскам. А потом увидел: в небе выгнулся огромный тонкий полумесяц, как будто возле солнца натянули гигантский лук. Ян долго разглядывал его, потом сообразил, что путешествие не совсем еще закончилось. Этот полумесяц и есть планета Сверхправителей. А здесь, должно быть, ее спутник, всего лишь база, откуда уходят в плавание звездолеты.

Его повели к другому кораблю, небольшому, не крупнее земного пассажирского самолета. Чувствуя себя каким-пигмеем, он вскарабкался на одно из высоких сидений и попытался в иллюминатор хоть что-то разглядеть на приближающейся планете.

Перелет был стремительный, не удалось различить отдельные черты ширящегося внизу небесного тела. Похоже, даже здесь, так близко от дома, Сверхправителям служила разновидность того же межзвездного двигателя; уже через несколько минут корабль погрузился в плотную, пестрящую облаками атмосферу. Двери открылись, и все вышли в подобие ангара, своды его, должно быть, тотчас сомкнулись — над головой Ян не заметил никаких следов входного отверстия.

Из этого здания он вышел только через два дня. Никто не ждал такого груза, и его некуда было пристроить. Да еще, на беду, ни один Сверхправитель не понимал его языка. Объясняться было невозможно, и Ян с горечью осознал, что войти в контакт с инопланетянами совсем не так просто, как это зачастую изображали в романах. Язык жестов оказался совершенно бесполезен, он основан главным образом на выразительности движений, позы, лица, а тут у людей нет ничего общего со Сверхправителями.

«Неужели язык людей знают лишь те Сверхправители, которые остались на Земле? — думал Ян.— Тогда все напрасно!» Оставалось ждать и надеяться. Уж наверно какой-нибудь здешний ученый, специалист по чужим обитаемым мирам, придет и займется им! Или он такое ничтожество, что никого не станут из-за него беспокоить?

Сам выбраться из здания он не мог, у огромных дверей не видно было ни ручек, ни кнопок. Когда к ним подходил

Сверхправитель, они открывались сами собой. Ян тоже пытался на них подействовать, махал чем попало высоко над головой, рассчитывая прервать какой-нибудь следящий луч, перепробовал все способы, до каких мог додуматься,— но безуспешно. Наверно, вот таким беспомощным оказался бы пещерный житель доисторических времен, заброшенный в здание современного города. Ян как-то попытался выйти вместе с одним из Сверхправителей, но его мягко отогнали. И он отступился, он вовсе не желал рассердить хозяев.

Виндартен явился прежде, чем Ян успел прийти в отчаяние. Этот Сверхправитель говорил по-английски прескверно, и притом чересчур быстро, но, что поразительно, чуть не с каждой минутой все лучше. Через несколько дней они уже довольно легко беседовали на любую тему, лишь бы она не требовала специальной терминологии.

Как только Ян очутился под опекой Виндартена, ему не о чем стало тревожиться. Но он отнюдь не волен был заняться, чем хочется,— почти все его время уходило на встречи с учеными. Сверхправители жаждали исследовать его непонятными способами, при помощи сложных приборов. Яна эти машины порядком пугали, а после опыта с каким-то гипнотическим устройством у него несколько часов кряду от боли раскалывалась голова. Он готов был всячески помогать исследователям, но сомневался, ясны ли им пределы его душевных и физических сил. Очень нескоро удалось убедить Сверхправителей, что через определенные промежутки времени ему необходим сон.

В короткие передышки между исследованиями Ян мельком видел город и понял, как трудно — да и опасно — было бы по нему передвигаться. В сущности, улиц вовсе нет, не видно и какого-либо транспорта. Ведь обитатели этого мира умеют летать, и им не страшна сила тяжести. А потому вдруг оказываешься на краю пропасти глубиной в сотни метров, и от одного взгляда кружится голова, либо выясняется, что единственный вход в комнату — отверстие высоко в стене. Самыми разными способами Ян поминутно убеждался, что психология крылатого племени не может не отличаться коренным образом от психологии тех, кто прикован к поверхности своей планеты.

Странно было видеть Сверхправителей, пролетающих среди городских башен, точно огромные птицы; поражали мощью неспешные взмахи крыльев. Тут таилась какая-то загадка для науки. Планета велика, больше Земли. Однако сила тяжести здесь ничтожная, и непонятно, откуда взялась такая плотная атмосфера. Ян стал расспрашивать Виндартена, и выяснилось, как он отчасти и ожидал, что это не родная планета Сверхправителей. Племя их возникло на другой, гораздо меньшей планете, а этот мир они освоили, изменив не только его атмосферу, но и тяготение.

Архитектура у них унылая, роль ее чисто подсобная. Ян не видал никаких украшений, каждая мелочь для чего-нибудь да предназначена, хотя ее назначение чаще всего непонятно. Если бы этот город в неярком красном свете и его крылатых обитателей увидал человек Средневековья, он наверняка решил бы, что очутился в аду. Даже Ян, при всей своей пытливости и присущем ученому бесстрастии, порой ощущал: вот-вот нахлынет ужас, неподвластный рассудку. Ведь самый ясный и трезвый ум может утратить равновесие, когда нет кругом ни единой знакомой приметы и не на что опереться.

А тут было очень много непонятного, такого, чего Виндартен даже не пытался ему объяснить — то ли не мог, то ли не хотел. Что за мгновенные вспышки и переменчивые тени мелькают в воздухе, стремительные, неуловимые, можно даже подумать, будто они лишь мерещатся? Быть может, это что-то грозное, величественное — а может быть, просто бьющая в глаза чепуха вроде неоновых реклам в старину на Бродвее.

И еще Ян чувствовал, что мир Сверхправителей полон звуков, его слуху недоступных. Порой какие-то сложные летучие ритмы уносятся выше, выше или, напротив, все ниже — и исчезают за пределами восприятия. Виндартен словно не понимает, что имеет в виду Ян, когда заговаривает о музыке, а потому никак нельзя разобраться в этой загадке.

Город не так уж велик, безусловно, гораздо меньше, чем были в пору своего расцвета Лондон или Нью-Йорк. По планете, объяснил Виндартен, разбросано несколько тысяч

таких городов, и у каждого свое особое назначение. Это, скорее всего, можно сравнить с каким-нибудь университетским городом на Земле, только специализация здесь зашла много дальше. Ян быстро понял, что весь этот город занят изучением инопланетных цивилизаций.

Во время одного из первых выходов Яна за пределы четырех голых стен, где его поселили, Виндартен повел его в Музей чужой культуры. Это дало Яну позарез необходимый заряд бодрости: наконец-то он попал в такое место, смысл и назначение которого вполне понятны! Если не думать о масштабах, этот музей можно бы принять за земной. Путь туда был долог, они размеренно опускались на громадной платформе, которая двигалась, точно поршень, в вертикальном цилиндре неведомо какой длины. Не видно никаких кнопок, рукояток или клавиш, но в начале и в конце спуска ясно чувствуется ускорение. Должно быть, у себя дома Сверхправители не тратят энергию поля, уравновешивающего тяготение. Ян спрашивал себя, не изрыта ли вся планета внутренними помещениями и переходами. И почему, ограничив размеры города, Сверхправители уводят его вглубь, а не растят в вышину? Еще одна загадка, он так ее и не решил.

Целой жизни не хватило бы на осмотр громадных залов музея. Здесь была собрана добыча, вывезенная со множества планет, достижения невесть скольких цивилизаций. Но Яну мало что удалось увидеть. Виндартен осторожно поставил его на полосу, которую Ян принял сперва за часть узора на полу. Потом вспомнил, что в городе нет никаких украшений,— и тотчас какая-то невидимая сила мягко охватила его и помчала вперед. Его несло мимо громадных витрин, мимо видений невообразимых миров со скоростью двадцати или, может быть, тридцати километров в час.

Посетитель музея всегда устает, а вот Сверхправители избавили его от усталости. У них тут незачем ходить пешком.

Потом провожатый опять подхватил Яна и взмахом могучих крыльев поднял над неведомой силой, которая пронесла их, наверно, несколько километров. Впереди открылся огромный, наполовину пустой зал, залитый знакомым све-

том, такого Ян не видел с тех пор, как покинул Землю. Смягченный, чтобы не пострадали чувствительные глаза Сверхправителей, то, несомненно, был свет земного Солнца. Никогда бы Ян не подумал, что от чего-то столь простого, столь обычного сердце его стиснет такая тоска.

Итак, здесь выставка экспонатов с Земли. Прошли несколько шагов, миновали прекрасную модель Парижа, потом нелепую смесь произведений искусства, представляющих добрый десяток разных столетий, потом новейшие вычислительные машины в соседстве с топорами каменного века, телевизоры — и рядом паровую турбину Герона Александрийского. Перед ними открылась высоченная дверь, и они вошли в кабинет главы отдела Земли.

«Может быть, он видит человека впервые?» — подумал Ян. Побывал он хоть раз на Земле или для него она — лишь одна из многих планет, которыми он ведает, даже не зная толком, где они находятся? На земном языке он, во всяком случае, не говорил и не понимал ни слова, пришлось Виндартену стать переводчиком.

Ян пробыл здесь несколько часов, хозяева показывали ему разные земные предметы, а он старался объяснить записывающему аппарату их назначение. Со стыдом он убедился, что многие вещи ему совершенно незнакомы. Каким же он оказался невеждой в делах и достижениях собственного племени! И сколь ни велики разум и способности Сверхправителей, сумеют ли они разобраться во всех сложностях человеческой культуры?

Из музея Виндартен повел его другой дорогой. Опять они без малейшего усилия плыли по огромным сводчатым коридорам, но теперь уже не мимо искусственных плодов разумной мысли, а мимо того, что создано природой. Салливен жизни не пожалел бы, лишь бы попасть сюда и увидеть, какие чудеса сотворила эволюция на сотне разных миров, подумалось Яну. Но ведь Салливен, скорее всего, уже умер...

Неожиданно они очутились на галерее, высоко над круглым помещением, наверно, около ста метров в поперечнике. По обыкновению, никаких перил; Ян чуть замешкался, прежде чем подойти к краю. Но Виндартен, стоя на са-

мом обрезе галереи, спокойно смотрел вниз, и Ян осторожно придвинулся.

Дно этого вместилища оказалось всего лишь в двадцати метрах под ним... так близко, слишком близко! Позже, поразмыслив, Ян понял, что Виндартен вовсе не хотел его поразить, напротив, сам был ошеломлен. Потому что Ян с отчаянным воплем отскочил назад, безотчетно пытаясь укрыться от того, что лежало там, внизу. Лишь когда в плотном воздухе замерло приглушенное эхо его крика, он собрался с духом и опять подошел к краю.

Конечно, *он* был безжизненный, а не уставился на посетителя осмысленным взглядом, как сперва вообразил перепуганный Ян. Он занимал почти весь этот круглый бассейн, и в прозрачной глубине его мерцали, вздрагивали рубиновые отсветы.

Это был единственный исполинский глаз.

— Почему ты так шумел? — спросил Виндартен.

— Мне стало страшно,— смущенно признался Ян.

— Почему? Не думал же ты, что тут может быть какая-то опасность?

Можно ли ему объяснить, что такое рефлекс? Ян решил не пытаться.

— Всякая неожиданность пугает. Пока не разберешься в том, что совсем ново и незнакомо, безопаснее предположить худшее.

Ян опять посмотрел вниз, на чудовищный глаз, сердце его все еще неистово колотилось. Впрочем, возможно, это лишь непомерно увеличенная модель, наподобие микробов и насекомых в земных музеях. Но, задавая себе этот вопрос, Ян уже холодел от уверенности, что глаз самый настоящий, в натуральную величину.

Виндартен мало что мог объяснить: он занимается другой областью науки, а в остальном не слишком любопытен. Из его слов в воображении Яна вырисовалась огромная одноглазая тварь, обитающая среди мелких астероидов подле какого-то далекого солнца; не стесненный силами тяготения, циклоп вырастает до неимоверных размеров, а его пропитание и самая жизнь зависят от того, как далеко и ясно видит его единственное око.

Похоже, для Природы, когда ей это понадобится, невозможного нет, и Ян бездумно обрадовался открытию, что и Сверхправителям не все на свете доступно. Они привезли с Земли целого кита, но за *такой* экспонат не взялись и они.

А в другой раз он поднимался все выше, выше, и стенки лифта стали матовыми, а потом прозрачными, как хрусталь. Он стоял, словно бы ни на что не опираясь, среди высочайших вершин города, и ничто не отгораживало его от бездны. Но голова не кружилась, как не кружится в самолете, потому что вовсе не ощущалась поверхность планеты далеко внизу.

Ян стоял над облаками, наравне с ним в небе только и виднелись несколько металлических или каменных шпилей. Ниже лениво плескалось алое море сплошных облаков. Невдалеке от тусклого солнца чуть светились две крохотные луны. Почти посредине этого расплывшегося красного диска темнел маленький аккуратный кружок. Быть может, солнечное пятно, а может, проходила мимо еще одна луна.

Ян медленно обводил взглядом горизонт. Облачный покров тянулся до самого края огромной планеты, но в одном месте, невесть в какой дали, проступали какие-то пятнышки, возможно — башни еще одного города.

Ян долго всматривался, потом перевел испытующий взгляд дальше.

Описав глазами полукруг, он увидел гору. Она поднималась не на горизонте, но позади него — одинокая зубчатая вершина вздымается над краем планеты, склоны уходят куда-то вниз, основания не разглядеть — так скрыта под водой почти вся громада айсберга. Тщетно Ян пытался угадать размеры этой громадины. Просто не верилось, что даже на планете, где сила тяжести совсем мала, могут существовать такие горы. Любопытно, может быть, Сверхправители поднимаются на эти откосы и парят, подобно орлам, среди исполинских зубцов этой крепости?

А потом, у него на глазах, гора стала медленно менять свой облик. Когда Ян впервые заметил ее, она была темно-багровая, почти зловещего оттенка, с немногими неясными отметинами у самой вершины. Он все старался рассмотреть их и вдруг понял, что они движутся...

Сперва Ян не поверил своим глазам. Потом старательно напомнил себе, что все привычные понятия здесь бесполезны — нельзя позволить рассудку отбросить хотя бы малость из того, что воспринимают чувства и передают в тайники мозга. Нельзя и пытаться понять, надо только наблюдать. Понимание придет после — или не придет совсем.

Гора — Ян все еще считал, что это гора, никакое другое слово тут не подходило — казалась живой. Ему вспомнился чудовищный глаз там, в склепе, в недрах планеты... но нет, немыслимо. Сейчас перед ним не органическая жизнь, быть может, даже и не материя в знакомом, привычном понимании.

Тусклый багрянец разгорался, гневно пламенел. Его рассекли яркие желтые полосы, и Ян подумал было, что это вулкан извергает потоки лавы вниз, на равнину. Но приметил движение каких-то пятен и крапинок и понял — потоки эти устремляются вверх!

И вот что-то новое поднимается из алых облаков, опоясывающих основание горы. Громадное кольцо, безупречно ровное по горизонтали, безупречно круглое — и того цвета, что Ян оставил далеко позади: так ясно голубеет только небо над Землею. Еще ни разу в мире Сверхправителей он не видал такой лазурной синевы, и ему перехватило горло тоской и одиночеством.

А голубое кольцо поднималось, ширилось. Вот оно уже взмыло над вершиной горы, а ближний край его мчится сюда, к Яну. Конечно же, это какой-то вихрь, кольцо газа или дыма, разросшееся уже до нескольких километров в поперечнике. Однако никакого вращения не заметно, и, разрастаясь вширь, кольцо как будто не становится менее плотным.

Тень его пронеслась мимо задолго до того, как само кольцо, поднимаясь все выше, величаво проплыло над головой Яна. Ян следил за ним, пока оно не обратилось в тонкую голубую ниточку, которую он едва различал в багряном небе. Когда оно совсем скрылось из виду, ширина его, должно

быть, измерялась уже тысячами километров. И оно продолжало расти.

Ян опять посмотрел на гору. Теперь она была вся золотая, без единого пятнышка. Может быть, Яну только почудилось — теперь он готов был поверить чему угодно,— но она словно бы сузилась, стала выше и вращалась вокруг своей оси, точно смерч. Только теперь, оцепенелый, ошеломленный чуть не до потери сознания, вспомнил Ян о своем фотоаппарате. Поднес его к глазам и начал наводить на эту невозможную, уму непостижимую загадку.

Виндартен поспешно шагнул к нему и все заслонил. Решительно, неумолимо огромные ладони закрыли объектив и пригнули аппарат книзу. Ян и не пробовал воспротивиться; конечно, это и не удалось бы, но он вдруг ощутил смертельный ужас перед тем, неведомым, на краю чужого мира... нет, с него довольно.

До этого, где он ни побывал, ему никто не мешал фотографировать, и сейчас Виндартен никак не объяснил запрета. Зато долго и подробно, до мелочей, расспрашивал Яна, как и что он видел.

Тогда-то Ян понял, что глазам Виндартена представилось нечто совсем другое, и тогда же впервые догадался, что Сверхправители тоже кому-то подчиняются.

И вот он возвращается домой, все чудеса, все страхи и тайны позади. Корабль, наверно, тот же самый, но команда наверняка другая. Как ни долог век Сверхправителей, трудно поверить, чтобы они охотно отрывались от дома на десятилетия, которые отнимает межзвездный перелет.

Конечно, относительность времени при околосветовой скорости — медаль о двух сторонах. Сверхправители в полете до Земли станут старше всего лишь на четыре месяца, но к их возвращению друзья их постареют на восемьдесят лет.

Если бы Ян захотел, он, несомненно, мог бы остаться здесь до конца жизни. Но Виндартен предупредил его, что следующий корабль отправится на Землю только через несколько лет, и посоветовал не упускать случая. Возможно, Сверхправители поняли, что рассудок человека, пожалуй,

не выдержит наплыва впечатлений. А может быть, просто он стал помехой и уже недосуг было им заниматься.

Теперь все это неважно, впереди Земля. Сто раз он видел ее вот так, с высоты, но всегда — холодным, искусственным глазом телекамеры. А теперь наконец он и сам смотрит из космоса, разыгрывается заключительный акт его осуществленной мечты, и Земля кружит под ним на вечной своей орбите.

Огромный сине-зеленый серп виден в первой четверти, остальной диск еще скрывает ночная тьма. Облаков почти нет, лишь кое-где протянулись полосы вдоль направления пассатов. Сверкает ледяная шапка полюса, но еще ярче, ослепительнее отражение солнечных лучей в водах Тихого океана.

В этом полушарии так мало суши. Можно подумать, будто вся планета покрыта водой. Из материков виднеется только Австралия — здесь чуть гуще дымка атмосферы, обволакивающая планету.

Корабль входил в огромный темный конус — тень Земли; блестящий серп сузился в тонкую огненную полоску, в пылающий изогнутый лук, прощально мигнул и исчез. Внизу темнота и ночь. Мир, погруженный в сон.

И тогда Ян понял, что же тут неладно. Под ним суша, но где мерцающие ожерелья огней, блистательный фейерверк — примета возведенных людьми городов? Все полушарие во мраке, ни единая искорка не разгоняет ночную тьму. Ни следа миллионов киловатт, чей свет когда-то щедро изливался в небеса. Казалось, перед глазами Яна Земля, какою она была до человека.

Не таким представлял себе Ян возвращение домой. Оставалось только ждать, а в душе нарастал страх перед неведомым. Что-то случилось... что-то непостижимое. А меж тем корабль, уверенно снижаясь, описал широкую дугу и опять вышел на освещенную солнцем сторону планеты.

Ян не видел посадки — изображение Земли на экране внезапно сменилось непонятными узорами линий и огней. А когда экран опять прояснился, путешествие кончилось. Теперь вдали виднелись высокие здания, вокруг двигались

какие-то машины, за ними следили несколько Сверхправителей.

Где-то приглушенно загудела воздушная струя — давление воздуха в корабле уравнивалось с наружным, потом Ян услыхал, как раскрываются огромные створы. Он не мог больше ждать; молчаливые великаны то ли снисходительно, то ли равнодушно смотрели, как он бегом кинулся вон из рубки.

Он дома, опять он видит сияние знакомого солнца, вдыхает тот же воздух, который впервые омыл его легкие, едва он родился на свет. Трап уже спустили, но Яну пришлось чуть помедлить, освоиться со слепящим сиянием дня.

Кареллен стоял поодаль от остальных, возле огромной платформы, груженной ящиками. Ян и не задумался, каким образом он узнал Попечителя, не удивился, что тот совсем такой же, как был. Кажется, лишь к этому он был готов — что не встретит в Кареллене перемены.

— Я тебя ждал,— сказал Кареллен.

23

— Поначалу нам не опасно было появляться среди них,— сказал Кареллен.— Но они в нас больше не нуждались: наша работа была закончена, когда мы собрали их всех вместе и поселили на отдельном материке. Смотри.

Стена перед Яном исчезла. Теперь с высоты в несколько сот метров он смотрел на приветливую лесистую местность. Казалось, между ним и землей нет никакой преграды, и на миг у Яна закружилась голова.

— Так было пять лет спустя, когда началась вторая фаза.

Внизу двигались какие-то фигуры, и кинокамера стремглав спускалась на них, словно хищная птица.

— Тебе горько будет на них смотреть,— сказал Кареллен.— Но помни, прежние мерки тут неприменимы. Эти дети — не люди.

Однако Ян в них увидел детей, и никакая логика не могла рассеять это впечатление. Казалось, это дикари, исполняющие какой-то сложный обрядовый танец. Все они голые, грязные, за всклокоченными волосами не видно глаз. Насколько мог разобрать Ян, они были разного возраста, от пяти до пятнадцати, однако все двигались одинаково быстро, уверенно, не обращая ни малейшего внимания на окружающее.

А потом Ян разглядел их лица. Он насилу проглотил ком в горле, немалого труда ему стоило не отвернуться. Совершенно пустые лица, хуже чем мертвые, потому что и черты мертвеца сохраняют какой-то отпечаток, наложенный Временем, говорящий даже тогда, когда уже немы уста. А в этих лицах волнения, чувства не больше, чем у змеи или у насекомого. Сверхправители — и те с виду человечнее.

— Ты ищешь того, чего здесь больше нет,— сказал Кареллен.— Запомни, в них нет ничего от личности, как не обладает личностью отдельная клетка человеческого тела. Но в единстве они составляют нечто несравнимо более великое, чем человек.

— Почему они все время так двигаются?

— Мы называем это Долгим танцем,— отвечал Кареллен.— Они никогда не спят, и это длится уже почти год. Их триста миллионов, и они образуют строго определенный движущийся рисунок от края до края материка. Мы без конца пытаемся найти в этом рисунке смысл — и не находим, быть может, потому, что нам видна только физическая сторона, только небольшая часть — то, что здесь, на Земле. Вероятно, то, что мы называем Сверхразумом, еще обучает их, лепит из них некое единство, а уже потом вберет его в себя без остатка.

— Но как же они обходятся без еды? И что, если они наткнутся на какое-нибудь препятствие — на дерево, скалу, реку?

— Река не имеет значения, утонуть они не могут. О препятствия иногда ушибаются, но даже не замечают ушибов. А что до еды... ну, тут вдоволь и плодов, и дичи. Но в еде они больше не нуждаются, как и во многом другом. Ведь пища — это прежде всего источник энергии, а они научились черпать из более мощных источников.

Перед глазами что-то мигнуло, будто все заволокло знойной дымкой. А когда картина прояснилась, внизу уже не было движения.

— Смотри,— сказал Кареллен.— Это три года спустя.

Маленькие фигурки, совсем беспомощные и жалкие, если не знать правды, недвижимо застыли в лесу, на прогалине, на равнине. Кинокамера неустанно переходила от одного к другому, и Яну показалось, будто все они теперь на одно лицо. Когда-то ему случилось видеть странные фотографии, их печатали, накладывая один на другой десятки негативов, и получали некие «средние» черты. Те лица были так же пусты, безжизненны, неразличимы.

Казалось, стоящие спят или оцепенели. Веки у всех сомкнуты, и, похоже, существа эти сознают окружающее не больше, чем деревья, под которыми они застыли. «Какие мысли отдаются в сложном переплетении, в котором разум каждого не больше — но и не меньше,— чем нить исполинской ткани?» — спросил себя Ян. И тут понял, что ткань эта окутывает множество миров и множество племен — и продолжает расти.

И вдруг... Ян не поверил глазам, ослепленный, ошарашенный. Секунду назад перед ним был приветливый, плодородный край, картина самая обыкновенная, только и странного, что разбросанные по нему из конца в конец (но не совсем беспорядочно) несчетные маленькие изваяния. И внезапно деревья и травы и все живые твари, которым они служили приютом, исчезли, сгинули без следа. Остались лишь тихие озера, извилистые реки, округлые холмы — бурые, разом утратившие свой зеленый покров,— и молчаливые равнодушные статуи, виновники этого внезапного разрушения.

— Зачем же они все уничтожили? — ахнул Ян.

— Возможно, им мешало присутствие чужого разума — даже самого примитивного, разума животных и растений. Нас не удивит, если настанет день, когда они сочтут помехой весь материальный мир. И как знать, что тогда произойдет? Теперь ты понимаешь, почему, исполнив свой долг, мы устранились. Мы все еще пробуем изучать их, но никогда больше не бываем там у них и не посылаем туда наши приборы. Мы только и решаемся наблюдать за ними сверху.

— Это случилось много лет назад,— сказал Ян.— А что было дальше?

— Почти ничего. За все это время они не шевельнулись, не обращали внимания — день ли в их краю или ночь, лето или зима. Они все еще пробуют свои силы. Некоторые реки изменили русло, а одна теперь течет в гору. Но до сих пор все, что они делают, кажется бесцельным.

— А вас они совсем не замечают?

— Да, но тут нет ничего удивительного. Тому... целому... частью которого они стали, о нас все известно. Наши попытки его изучить ему, видимо, безразличны. Когда оно захочет, чтобы мы ушли отсюда, или пожелает поручить нам работу в другом месте, оно вполне ясно выразит свою волю. А до тех пор мы останемся здесь, пусть наши ученые узнают как можно больше.

«Так вот он, конец человечества»,— подумал Ян с покорностью, превосходящей самую горькую скорбь. Конец, какого не предвидел ни один пророк... Тут равно не остается места ни надежде, ни отчаянию.

И однако есть в этом какая-то закономерность, высшая неизбежность, законченность, словно в великом произведении искусства. Хоть и мельком, но Ян видел Вселенную во всей ее грозной необъятности, и теперь он знал — человеку в ней не место. Теперь-то он понимал, какой напрасной в последнем счете была мечта, что заманила его к звездам.

Ибо дорога к звездам раздваивается — и в какую сторону ни пойдешь, в конце пути нет ничего, что хоть в малой мере отвечает надеждам или страхам человечества.

В конце одного пути — Сверхправители. Каждый сохранил свою личность, свое независимое «я»; они обладают самосознанием, и это местоимение «я» в их языке полно смысла. Они способны чувствовать, и хотя бы некоторые свойственные им чувства — те же, что и у людей. Но теперь ясно, они зашли в тупик, откуда нет и не будет выхода. Их разум в десять, а возможно, и в сто раз могущественнее человеческого. Но в конечном счете это неважно. Они так

же беспомощны, их так же подавляет невообразимая сложность Галактики, соединяющей в себе сто тысяч миллионов солнц,— и космоса, в котором сто тысяч миллионов галактик.

А в конце другого пути? Там — Сверхразум, что бы ни означало это понятие, и человек перед ним — то же, что амеба перед человеком. По сути своей бесконечный, беспредельный, бессмертный, сколько времени вбирал он в себя одно разумное племя за другим, ширясь и ширясь среди звезд? Есть ли и у него желания, есть ли цели, которые он смутно осознает, но которых, быть может, никогда не достигнет? Теперь он вобрал в себя и все то, чего достигло за время своего бытия земное человечество. Это не трагедия, но свершение. Миллиарды мыслящих искр, из которых состояло человечество, мелькнули светлячками в ночи и угасли навсегда. Но жизнь их была не совсем уж напрасной.

Ян понимал, развязка еще впереди. Возможно, она наступит завтра, а быть может, через столетия. Даже Сверхправители не знают наверняка.

Теперь ясно, чего они добиваются, что сделали для человечества и почему все еще не уходят от Земли. Перед ними чувствуешь себя ничтожеством, и нельзя не восхищаться их непоколебимым терпением. Ведь они ждут так долго...

Яну не удалось узнать, каким образом возникли странные узы, соединяющие Сверхразум с его слугами. По словам Рашаверака, Сверхразум присутствовал в истории его народа с самого начала, но распоряжаться Сверхправителями начал, лишь когда они создали высоконаучную цивилизацию и смогли странствовать в космосе, исполняя его поручения.

— Но зачем вы ему нужны? — недоумевал Ян.— При такой невообразимой мощи для него, уж наверно, нет невозможного.

— Есть,— сказал Рашаверак.— Для него тоже есть пределы. Мы знаем, в прошлом он пытался воздействовать непосредственно на сознание других разумных существ и влиять на развитие их культуры. И всякий раз терпел неудачу — возможно, для тех напряжение оказывалось непосильным. Мы — его переводчики... опекуны, или, если применить

одно из ваших сравнений, мы возделываем почву и ждем, пока придет пора жатвы. Сверхразум собирает урожай, а мы переходим на новое поле. Вы — уже пятое разумное племя, на наших глазах достигшее вершины. И каждый раз к нашим знаниям что-то прибавляется.

— Неужели вас не возмущает, что Сверхразум пользуется вами как орудием?

— Это дает нам и некоторые преимущества; притом только тот, кто неразумен, возмущается неизбежным.

«Вот с чем никогда не могло по-настоящему примириться человечество»,— хмуро подумал Ян. Есть вещи, которые не поддаются логике, и вот их-то Сверхправителям не понять.

— Странно, почему же Сверхразум выбрал именно вас своим орудием, если вы ни в малейшей мере не обладаете сверхчувственными силами, какие скрыты в людях. Как же он с вами общается, как дает вам знать, чего он хочет?

— На это я не могу ответить — и не могу объяснить, почему должен иные обстоятельства от тебя скрывать. Возможно, настанет день, когда ты узнаешь долю истины.

Озадаченный, Ян призадумался было, но понял — дальше об этом расспрашивать бесполезно. Придется переменить тему в надежде, что после все же отыщется ключ к загадке.

— Тогда скажите вот о чем, этого вы тоже никогда не объясняли. Что стряслось, когда ваше племя явилось на Землю впервые, в далеком прошлом? Почему вы стали для нас воплощением ужаса и зла?

Рашаверак улыбнулся. Это ему не так удавалось, как Кареллену, но все-таки выходило похоже на улыбку.

— Никто не мог догадаться, и теперь ты понимаешь, отчего мы не могли вам объяснить. Только одно событие способно было до такой степени потрясти человечество. Но это случилось не на заре вашей истории, а в самом ее конце.

— То есть как? — не понял Ян.

— Когда наши корабли полтораста лет назад появились на вашем небе, это была первая встреча наших народов, хотя, конечно, на расстоянии мы вас изучали. И все же вы

боялись нас и узнали, и мы заранее знали, что так будет. Это, в сущности, не память. Ты сам убедился на опыте, время — нечто гораздо более сложное, чем представлялось вашей науке. То была память не о прошлом, но о будущем, об этих последних годах, когда — человечество знало — для него все кончится. Как мы ни старались, конец оказался нелегким. Но мы были при нем — и поэтому люди увидели в нас воплощение своей гибели. А ведь до конца оставалось еще десять тысячелетий! Это было словно искаженное эхо; отдаваясь в замкнутом кольце Времени, оно пронеслось из будущего в прошлое. Скорее — не память, но предчувствие.

Непросто было в этом разобраться, и Ян помолчал, пытаясь осмыслить нежданное открытие. А между тем не так уж это неожиданно — разве он не убедился на опыте, что причина и следствие подчас меняются местами?

Очевидно, существует некая племенная, родовая память, и память эта каким-то образом перестает зависеть от времени. Будущее и прошлое для нее — одно и то же. Вот почему тысячи лет назад затуманенные смертельным ужасом человеческие глаза уже уловили искаженный облик Сверхправителей.

— Теперь я понимаю,— сказал последний человек.

Последний человек на Земле! Нелегко это сознавать. Улетая в космос, Ян мирился с мыслью, что, быть может, навсегда отрывается от людей, но еще не чувствовал одиночества. Пожалуй, с годами появится и даже станет мучительным желание увидеть человеческое лицо, но до поры в обществе Сверхправителей ему не совсем уж одиноко.

Всего лишь за десять лет до его возвращения на Земле еще оставались люди, но то были последыши, выродки, и Яну не стоило жалеть, что он их не застал. Детей больше не было — Сверхправители не могли объяснить, почему осиротевшие отцы и матери не пытались восполнить утрату, но Ян подозревал, что причины тут прежде всего психологические. Homo sapiens вымер.

Возможно, где-то в одном из еще не тронутых разрушением городов сохранилась рукопись какого-нибудь запоздалого Гиббона, повествующая о последних днях рода людского. Но если и так, Ян не стремился ее прочесть; с него довольно было рассказа Рашаверака.

Кое-кто покончил с собой, другие в поисках забвения предавались лихорадочной деятельности или какому-нибудь безрассудному, самоубийственному спорту, подчас напоминающему небольшую войну. Численность населения быстро уменьшалась, остающиеся, старея, жались друг к другу — разбитая армия смыкала ряды в последнем своем отступлении.

Должно быть, перед тем как навеки опустился занавес, заключительный акт трагедии озаряли вспышки героизма и преданности, омрачали варварство и себялюбие. Кончилось ли все отчаянием или покорностью, Яну никогда уже не узнать.

Ему и без того было о чем подумать. Примерно в километре от базы Сверхправителей находилась заброшенная вилла, и Ян не один месяц потратил, приводя ее в порядок, перевез туда из ближнего города, километров за тридцать, всякие нужные в обиходе приборы и устройства. В город с ним летал Рашаверак, чья дружба, как подозревал Ян, была не совсем уж бескорыстной. Сверхправитель, специалист-психолог, все еще изучал последнего представителя homo sapiens.

Видимо, жители покинули этот город раньше, чем настал конец; дома и даже почти все необходимое, например водопровод, еще оставались в целости и сохранности. Совсем не трудно было бы пустить в ход электростанцию, вернуть блеск, видимость жизни широким улицам. Ян недолго тешился этой мыслью — нет, не стоит, что-то тут есть болезненное. Ясно одно: предаваться сожалениям о прошлом он не желает.

Под рукой все необходимое, до самого конца он ни в чем не будет нуждаться, но непременно надо отыскать электронный рояль и кое-какие переложения Баха. Ему всегда хотелось всерьез заниматься музыкой, и вечно не хватало времени, теперь он это наверстает. И вот, если он не играет сам, так включает записи великих симфоний и концертов, музыка в его жилище не умолкает. Музыка — вот его талис-

ман, защита от одиночества, которое рано или поздно неминуемо станет для него непосильным гнетом.

Часто он подолгу бродил по холмам и думал обо всем, что случилось за немногие месяцы, с тех пор как он в последний раз видел Землю. Не думал он, когда прощался с Салливеном восемьдесят земных лет назад, что уже готово родиться последнее поколение людей.

Каким же он был тогда безмозглым щенком! Но вряд ли стоит раскаиваться, ведь, останься он на Земле, пришлось бы воочию видеть те последние годы, скрытые теперь завесой времени. А он миновал их, перескочил в будущее и узнал ответы на вопросы, на которые никто больше из людей ответа не получит. Его любопытство почти утолено, лишь порой он спрашивает себя, чего ждут Сверхправители, почему еще медлят здесь и чем же в конце концов будет вознаграждено их терпение? Но чаще всего, со спокойной покорностью, какая обычно приходит к человеку лишь в конце долгой хлопотливой жизни, он проводил время за роялем, упиваясь музыкой Баха. Возможно, он обманывал себя, возможно, то была благотворная прихоть рассудка, но теперь Яну казалось — только об этом он всегда и мечтал. Жажда, что скрывалась в тайниках души, осмелилась наконец выйти на свет сознания.

Ян всегда был неплохим пианистом, а теперь он — лучший в мире.

24

Новость ему сообщил Рашаверак, но он уже догадывался и сам. Перед рассветом он очнулся от какого-то страшного сна и уснуть больше не мог. И не удалось вспомнить, что же привиделось, а это очень странно, ведь он издавна убежден: любое сновидение можно вспомнить сразу, едва проснешься, надо лишь как следует постараться. Он только и вспомнил, что во сне опять он — маленький мальчик, стоит на огромной пустой равнине и прислушивается, а неведомый властный голос зовет на незнакомом языке.

Сон все еще тревожил — может быть, это одиночество нанесло первый удар его рассудку? Яну не сиделось дома, и он вышел на заброшенную, заросшую лужайку.

Полная луна заливала все золотистым ярким светом, отчетливо видна была каждая мелочь. Исполинский цилиндр Карелленова корабля мерцал позади базы Сверхправителей, рядом с ним здания базы казались всего лишь делом рук человеческих. Ян смотрел на корабль, пытаясь вспомнить, какие чувства будил в нем когда-то вид этой громадины. Тогда казалось, это — недостижимая цель, символ всего, к чему стремишься понапрасну. А теперь вид его нисколько не волнует.

Как все здесь застыло в тишине! Конечно, Сверхправители, как всегда, чем-то заняты, но сейчас их не видно. Словно Ян совсем один на Земле... да, в сущности, так оно и есть. Он посмотрел на Луну, хотя бы глаза и мысли отдохнут на чем-то знакомом, привычном.

Вот они, древние, издавна памятные лунные моря. Ян побывал в глубине космоса, на расстоянии сорока световых лет, но ему так и не довелось пройти по этим пыльным безмолвным равнинам, до которых всего лишь две световые секунды. С минуту он для развлечения старался найти взглядом кратер Тихо. А когда нашел, удивился: светящееся пятнышко оказалось дальше от середины лунного диска, чем он думал. И вдруг он понял, что темный овал Моря Кризисов куда-то исчез.

Спутник Земли обратил к ней совсем не то лицо, которое смотрело на нее с начала времен. Луна стала вращаться вокруг своей оси.

Это могло означать только одно. В другом полушарии Земли, на материке, с которого они так внезапно смели все живое, *те* очнулись от долгого оцепенения. Как ребенок, просыпаясь, тянется навстречу свету дня, они, разминая мышцы, играли своими вновь обретенными силами.

— Да, ты угадал,— сказал Рашаверак.— Нам небезопасно дольше здесь оставаться. Может быть, пока они еще не обращают на нас внимания, но рисковать нельзя. Мы улетим, как только все погрузим,— часа через два, через три.

Он посмотрел на небо, словно боялся, что там вот-вот вспыхнет какое-нибудь новое чудо. Но нет, все спокойно; Луна зашла, лишь редкие облака плывут в вышине, подгоняемые западным ветром.

— Баловство с Луной еще не так опасно,— прибавил Рашаверак.— Ну а если они вздумают повернуть и Солнце? Разумеется, мы оставим здесь приборы и от них узнаем, что будет дальше.

— Я остаюсь,— вдруг сказал Ян.— На Вселенную я насмотрелся. Теперь мне интересно только одно — судьба моей родной планеты.

Почва под ногами тихонько дрогнула.

— Я этого ждал,— продолжал Ян.— Раз они изменили вращение Луны, где-то должен измениться момент количества движения. И теперь замедляется вращение Земли. Даже не знаю, что меня больше поражает — *как* они это делают или *зачем*.

— Они все еще играют,— сказал Рашаверак.— Много ли логики в поступках ребенка? А то целое, которое возникло из вашего племени, во многих отношениях еще ребенок. Оно еще не готово соединиться со Сверхразумом. Но очень скоро и это придет, и тогда вся Земля останется в твоем распоряжении.

Он не докончил мысль, Ян договорил за него:

— Если только сама Земля не перестанет существовать.

— Ты понимаешь, что есть и такая опасность, и все равно хочешь остаться?

— Да. Я провел дома пять лет... или уже шесть? Будь что будет, я ни о чем не пожалею.

— Мы и надеялись, что ты захочешь остаться,— медленно заговорил Рашаверак.— Если останешься, ты сможешь кое в чем нам помочь...

Огненный след звездолета истончился и угас где-то за орбитой Марса. Из миллиардов людей, что жили и умерли на Земле, только он, Ян, проделал однажды этот путь, думал он теперь. И уже никто никогда больше там не пройдет.

Вся Земля принадлежит ему. Ни в чем нет недостатка, доступны все материальные блага, каких только можно по-

желать. Но его это больше не привлекает. И не страшат ни одиночество на безлюдной планете, ни присутствие того, что еще здесь, близко, но очень скоро пустится на поиски своей неведомой доли. И уж наверно, уносясь прочь, оставит за собой такой бурный, вспененный след, что Яну со всеми загадками, которые его еще занимают, не уцелеть.

Ну и пусть. Он добился всего, чего хотел, и после этого было бы нестерпимо скучно влачить бесцельное существование на опустелой планете. Можно бы улететь вместе со Сверхправителями, но какой смысл? Ведь он, как никто другой, знает, Кареллен сказал когда-то чистую правду: «Звезды — не для человека».

Ян оставил за собой ночную тьму и через широкие ворота вошел на базу Сверхправителей. Ее размеры ничуть не подавляют, огромность сама по себе для него давно уже ничего не значит. Тускло горят красноватые светильники — энергии, что их питает, хватило бы еще на века. По обе стороны дороги лежат брошенные Сверхправителями машины, никогда Ян не узнает тайны их устройства и назначения. Он миновал их, неловко вскарабкался по громадным ступеням и наконец добрался до рубки.

Здесь еще живет дух Сверхправителей, еще работают их машины, выполняя волю теперь уже далеких своих владык. Что же может Ян прибавить к потоку сведений, который извергают они в пространство?

Он забрался на высоченное сиденье пилота, постарался устроиться поудобнее. Его ждет уже включенный микрофон; наверно, за каждым его шагом следит какое-нибудь подобие телекамеры, но обнаружить его не удалось.

За панелью управления со множеством непонятных приборов смотрят в звездную ночь широкие окна, видна долина, спящая под немного уже ущербной Луной, и далекий горный хребет. По долине вьется река, там и сям поблескивают в лунном свете то воронка, то плеснувшая волна. Везде такой покой. Быть может, и при рождении человечества было все вот так же, как в его последний час.

Где-то в пространстве, невесть за сколько миллионов километров, конечно, ждет Кареллен. Странно думать, что корабль Сверхправителей мчится от Земли почти с той же

скоростью, как сигнал, который Ян пошлет вдогонку. Почти — и все же не так быстро. Долгая будет погоня, но слова его дойдут до Попечителя, и тем самым Ян отдаст ему свой долг.

Любопытно, многое ли из случившегося и раньше входило в планы Кареллена, и сколько — внезапное наитие, гениальная импровизация? Неужели почти сто лет назад Попечитель умышленно дал ему тайком бежать с Земли, чтобы, возвратясь, он мог сыграть нынешнюю свою роль? Нет, это уж слишком невероятно. Однако ясно одно: Кареллен заранее вынашивал какой-то грандиозный, сложный замысел. Он служил Сверхразуму — и в то же время изучал его всеми средствами. Ян подозревал, что Попечитель движим не одной лишь пытливостью ученого; быть может, Сверхправители мечтают когда-нибудь узнать достаточно о могучих силах, которым служат, и освободиться от этого странного порабощения.

Только трудно поверить, будто Ян сейчас может хоть что-то прибавить к их познаниям. «Говори нам, что ты видишь,— сказал ему Рашаверак.— Картину, которая будет у тебя перед глазами, передадут и наши камеры. Но поймешь и осмыслишь ты ее, вероятно, совсем иначе, и это, возможно, многое нам объяснит». Что ж, он будет стараться изо всех сил.

— Все еще ничего нового,— начал он.— Несколько минут назад я видел, как исчез в небе след вашего корабля. Луна как раз начинает убывать, и та ее сторона, которой она всегда была обращена к Земле, теперь почти наполовину не видна... впрочем, вы, наверно, это уже знаете.

Ян примолк, чувствовал он себя довольно глупо. Что-то есть в его поведении неуместное, даже немножко нелепое. Завершается история целого мира, а он — будто радиокомментатор на скачках или на состязаниях по боксу. Но тут же он пожал плечами и отмахнулся от этой мысли. В минуты величия поблизости во все времена ухмылялась пошлость... но здесь, кроме него самого, некому ее заметить.

— За последний час было три небольших землетрясения,— продолжал он.— *Они* замечательно управляют вращением Земли, но все-таки не в совершенстве... Право, Кареллен, я все больше убеждаюсь, как трудно сказать вам что-нибудь такое, чего вам уже не сообщили ваши приборы. Наверно, было бы легче, если б вы хоть намекнули, чего мне ждать, и предупредили, долго ли надо ждать. Если ничего не случится, выйду опять на связь через шесть часов, как мы условились...

Нет, слушайте! Наверно, они только и ждали вашего отлета. Что-то начинается. Звезды тускнеют. Похоже, все небо страшно быстро заволакивает огромное облако. Только на самом деле это не облако. В нем есть какая-то система... Трудно различить, но что-то вроде туманной сетки из лент и полос, и они все время перемещаются. Будто звезды запутались в огромной призрачной паутине.

Вся эта сеть засветилась... светится и пульсирует, совсем как живая. Наверно, и правда живая... или это что-то выше, чем жизнь, как все живое выше неорганического мира?

Кажется, свечение сдвигается в один край неба... подождите минуту, я перейду к другому окну.

Ну да... я мог бы и раньше догадаться. На западе над горизонтом огромный пылающий столб, какое-то огненное дерево. Оно очень далеко, на той стороне Земли. Я знаю, откуда оно растет, это *они* наконец пустились в путь, чтобы соединиться со Сверхразумом. Ученичество закончено, они отбрасывают последние остатки материи.

Огненный столб поднимается выше, а та сетка становится отчетливее, она теперь не такая туманная. Местами как будто совсем плотная... хотя звезды еще немножко просвечивают сквозь нее.

А, понял, Кареллен, я видел, над вашей планетой вырастало что-то очень похожее, хотя и не в точности такое же. Может, это была часть Сверхразума? Наверно, вы скрывали от меня правду, чтобы у меня не возникло предвзятых идей... чтоб я стал непредубежденным наблюдателем. Хотел бы я знать, что вы сейчас видите на своих экранах, и сравнить с тем, что мне сейчас представляется!

Наверно, вот так он с вами и говорит, Кареллен,— такими вот очертаниями и красками? Я помню, в рубке вашего корабля по экранам бежали какие-то узоры, это был зримый язык, внятный вашим глазам.

Теперь среди звезд мерцают и пляшут сполохи, точь-в-точь северное сияние. Ну конечно, наверняка так оно и есть — сильнейшая магнитная буря. Долина, горы — все осветилось... ярче, чем днем... красные, золотые, зеленые полосы пробегают по небу... никакими словами не опишешь, просто несправедливо, что я один вижу такое... и не думал, что возможны такие цвета...

Буря утихает, но та огромная туманная сеть еще тут. Пожалуй, северное сияние только побочный продукт какой-то энергии, которая высвобождается там, в стратосфере...

Одну минуту, что-то новое. Какая-то легкость во всем теле. Что это значит? Роняю карандаш — он падает медленно, как перышко. Что-то происходит с силой тяжести... поднимается сильный ветер... на равнине ветви деревьев ходят ходуном.

Понятно... атмосфера улетучивается. Камни и палки несутся вверх, будто сама Земля хочет рвануться за *теми,* в небо. Вихрем подняло тучу пыли. Ничего не разглядеть... может, скоро прояснится.

Да... теперь лучше. С поверхности все сметено... пыль рассеялась. Любопытно, долго ли продержится это здание? И становится трудно дышать... попробую говорить медленнее.

Вижу опять хорошо. Тот огненный столб еще на месте, но сжимается, суживается... будто смерч, уходящий в облака. И... как это передать? — меня захлестнуло таким волнением! Это не радость и не скорбь... было чувство полноты, свершения. Может, почудилось? Или это нахлынуло извне? Не знаю.

А теперь... нет, это не просто чудится... мир стал пустой. Совсем пустой. Все равно как слушаешь радио — и вдруг все выключилось. И небо опять ясное... туманная сетка пропала. Куда оно теперь пойдет, Кареллен? И на той планете вы опять будете ему служить?

Странно, вокруг меня все по-прежнему. Не знаю, почему-то я думал...

Ян умолк. Минуту мучился, не находя слов, закрыл глаза, силясь овладеть собой. Сейчас не до страха, не до па-

ники, надо исполнить свой долг... долг перед Человечеством — и перед Карелленом.

Сперва медленно, будто просыпаясь, он снова заговорил:

— Здания вокруг... долина... горы... все прозрачное, как стекло... я вижу сквозь них! Земля истаивает... я стал почти невесомым. Вы были правы... им больше не нужны игрушки.

Остались секунды. Горы взлетают клоками дыма. Прощайте, Кареллен, Рашаверак... мне вас жаль. Мне этого не понять, а все-таки я видел, чем стало мое племя. Все, чего мы достигли, поднялось к звездам. Может, это и хотели сказать все старые религии. Только они перепутали, они думали, человечество так много значит, а мы лишь одно племя из... знаете ли вы, сколько их? А теперь мы — уже *другое,* вам этого не дано.

Река исчезает. А небо пока прежнее. Трудно дышать. Странно, Луна еще светит. Я рад, что они ее оставили, но ей теперь будет одиноко...

Свет? Подо мной... в недрах Земли... поднимается сквозь скалы, сквозь все... ярче, ярче, слепит...

В беззвучном взрыве света ядро Земли выпустило на волю потаенные запасы энергии. Недолгое время гравитационные волны пересекали во всех направлениях Солнечную систему, чуть колебля орбиты планет. И опять оставшиеся дети Солнца двинулись извечными своими путями, как по безмятежному озеру выплывают пробки из чуть заметной ряби от брошенного камня.

От Земли не осталось ничего. *Те* высосали всю ее плоть до последнего атома. Она питала их в час непостижимого, неистового преображения, как плоть пшеничного зерна кормит малый росток, когда он тянется к Солнцу.

В шести тысячах километров за орбитой Плутона перед внезапно погасшим экраном сидит Кареллен. Наблюдения закончены, задача выполнена; он возвращается домой, на планету, которую так давно покинул. Его гнетет тяжесть столетий и печаль, которую не разогнать никакими рассуждениями. Не человечество он оплакивает, его скорбь — о

собственном народе, чей путь к величию навек пресекли неодолимые силы.

Да, его собратья многого достигли, думал Кареллен, им подвластна осязаемая Вселенная, и все же они — только бродяги, обреченные скитаться по однообразной пыльной равнине. Недостижимо далеки горные выси, где обитают мощь и красота, где по ледникам прокатываются громы и воздух — сама чистота и свежесть. Там солнце на своем пути еще одаряет сиянием вершины гор, когда все внизу уже окутано тьмой. А они только и могут смотреть в изумлении, но никогда им не подняться на эти высоты.

Да, Кареллен знает, они будут держаться до конца; не поддаваясь отчаянию, станут ждать конца, что бы ни готовила им судьба. Будут служить Сверхразуму, ибо выбора у них нет, но и в этом служении не утратят душу свою.

Громадный контрольный экран на мгновение вспыхнул мрачным алым светом; сосредоточенно, напряженно Кареллен вчитывался в смысл меняющихся узоров. Корабль выходил за пределы Солнечной системы; энергия, питающая межзвездный двигатель, на исходе, но свое дело она уже сделала.

Кареллен поднял руку, и картина перед ним опять изменилась. Посреди экрана пламенела одинокая яркая звезда; на таком расстоянии никто не мог бы сказать, что у этого солнца были когда-либо планеты и что одна из них потеряна безвозвратно. Долго смотрел Кареллен назад, через быстро ширящуюся пропасть, множество воспоминаний проносилось в его могучем, сложном мозгу. И он безмолвно склонил голову перед всеми, кого знал,— и теми, кто мешал ему, и теми, кто помогал выполнить его задачу.

Никто не смел потревожить его, прервать его раздумье; а потом он отвернулся, и Солнце, исчезающе малая точка, осталось позади.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕЛЮДИЯ К КОСМОСУ 5
Перевод Н. Сосновской

ПЕСКИ МАРСА 177
Перевод Н. Трауберг

ОСТРОВА В НЕБЕ 323
Перевод К. Плешкова

КОНЕЦ ДЕТСТВА 471
Перевод Норы Галь